

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

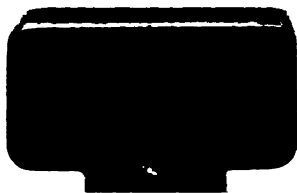
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HW RRMU 2

1931 г. Д. И. Ландау

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

В. В. Гусев

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Октябрь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литография А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.
1890.

1
KSF 458 ($\frac{1890}{10-12}$)

UNIVERSITY
LIBRARY
SEP 9 1960

(122)

ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА

НА ОСНОВАНІИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ, ПЕЧАТНЫХЪ И
РУКОПИСНЫХЪ.

VIII. Польско-галиційскій хасидизмъ ¹.

Б.

Отношеніе Элимелеха Ливенскаго къ антихасидскому движенію.—Картина жизни галиційскихъ цадиковъ, нарисованная однимъ изъ ихъ круга.—Наладки на книгу Элимелеха.—Братъ Элимелеха, *Зуся Анжолельскій*.—Второй вождь галиційскихъ хасидовъ, *Михель Злочовскій*.—Страстнующій цадикъ *Лейбъ Соресъ*, герой фантастическихъ народныхъ сказаній.

Послѣ того, какъ мы познакомились съ замѣчательною хасидскою программой Элимелеха Ливенскаго въ томъ видѣ, въ какомъ она изложена въ его напечатанныхъ проповѣдяхъ, намъ особенно интересно было бы знать: какимъ образомъ самъ авторъ программы осуществлялъ ее на практикѣ, какъ относились къ этому современники и какъ вообще смотрѣлъ ливенскій цадикъ на все, что творилось въ жизни хасидской секты въ его время? Удовлетворить этому любопытству вполне, къ сожалѣнію, невозможно, вслѣдствіе скудости документальныхъ данныхъ; но отчасти проливаютъ свѣтъ на современныя отношенія и личныя склонности Элимелеха два письма, помѣщенные въ видѣ приложения къ его книгѣ. Первое изъ этихъ писемъ писано, при жизни Элимелеха и по его порученію, сыномъ его Элизеромъ. Оно заключаетъ въ себѣ отвѣтъ на вопросъ, предложенный ливенскому цадикѣ: какого онъ мнѣнія на счетъ тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергался тогда отъ раввиновъ желеховскій (впослѣдствіи—бердичевскій) цадикъ, знаменитый Леви-Ицхокъ, за свою пропаганду

¹ См. «Восходъ», кн. IX.

хасидизма? Отвѣтъ очень обширенъ и заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя важныя историческія данныя. По поводу гоненій на желховскаго цадика и торжества гонителей, Элимелехъ высказывается въ томъ смыслѣ, что смущаться этимъ не слѣдуетъ, ибо такія явленія не новы: Немвродъ бросилъ праведника Авраама въ раскаленную печь, Фараонъ обидѣлъ праматерь Сару — и, однако, злодѣи не тотчасъ были наказаны, а лишь спустя долгое время. Богъ часто посылаетъ испытаніе Своимъ праведникамъ; если они устоятъ, Онъ ихъ еще больше прежняго возлюбитъ. Да вѣдь мы и видимъ воочию, — продолжаетъ авторъ посланія, — что тѣ самые цадикъ, на которыхъ «возстаютъ враги съ клеветою и бранью», дѣлаютъ чудеса своими молитвами, подобно великимъ святымъ древнихъ временъ, а слѣдовательно — любимы Богомъ. И если даже противъ хасидовъ выступить человекъ «великій въ свое время, великій и своими знаніями и знатностью», то и тогда не слѣдуетъ смущаться¹.

Далѣе авторъ письма, отъ имени своего отца, отвѣчаетъ на сдѣланный послѣднему запросъ о причинѣ измѣненія хасидами текста молитвъ. Элимелехъ объясняетъ и оправдываетъ эти измѣненія слѣдующимъ образомъ. Знаменитый составитель религіознаго свода законовъ, Іосифъ Каро изъ Палестины, одобрилъ употребленіе сефардійскаго (принятаго хасидами) текста; другой же знаменитый равви, Моисей Иссерлесъ изъ Кракова, написавшій «дополненія» къ кодексу Іосифа Каро, нашелъ, что не всѣ достойны пользоваться этимъ текстомъ, и потому для всеобщаго употребленія сдѣлалъ обязательнымъ текстъ ашкеназіискій. Но, поступая такъ, онъ имѣлъ въ виду только простыхъ мірянъ, а не праведниковъ и благочестивыхъ людей, которые несомнѣнно достойны молиться по сефардійскому обряду, ибо вполне способны постичь глубокой мистическій смыслъ послѣдняго. А такъ какъ нынѣ очень многіе благочестивые люди изъ народа присоединяются къ высшимъ праведникамъ и живутъ съ ними въ постоянномъ духовномъ общеніи, то и такіе благочестивцы, сильныя вѣрою своею и привязанностью къ цадикамъ, въ правѣ употреблять означенный текстъ. Опираясь на

¹ Не скрывается-ли тутъ намекъ на виленскаго гаона?

этотъ доводъ и на авторитетъ палестинскаго законодателя, хасиды могутъ смѣло молиться по избранному ими толку и не должны отступать отъ него даже въ томъ случаѣ, если ихъ будутъ за это угнетать и преслѣдовать.

Возвращаясь снова къ вопросу о гоненіяхъ на хасидовъ, авторъ письма изъ смиреннаго тона впадаетъ вдругъ въ патетическій. Ему непонятно, какъ можно подвергать преслѣдованіямъ людей безспорно благочестивыхъ и наипаче ихъ вождей, прославленныхъ святыхъ и чудотворцевъ. «Увы! — восклицаетъ онъ, — взгляните, на кого ополчаются! На мужей, которые силою своихъ молитвъ и святостью помысловъ могли бы насъ спасти отъ всякаго инороднаго и иновѣрнаго ига, если бы ихъ не тѣснили ихъ же братья!» Авторъ предостерегаетъ своего друга и корреспондента отъ вмѣшательства въ эту распрю, раздирающую еврейство. «Я собственными глазами видѣлъ, — говоритъ онъ, — какъ многіе преждевременно покинули земную жизнь изъ-за этой распри. Потеряи еще немного — и ты узришь чудеса, ибо ложь неустойчива, а праведникъ вѣрою живетъ. Дорогой братъ, еслибъ я хотѣлъ описать тебѣ все, что мой отецъ говоритъ о достоинствахъ цадииковъ, то я никогда бы не кончилъ, ибо славный отецъ мой такъ сказалъ мнѣ: все, что ты видишь изъ вѣшнихъ дѣяній цадииковъ, есть лишь капля въ морѣ въ сравненіи съ внутренними ихъ силами (т. е. съ тѣмъ, на что они способны). Противники цадииковъ говорятъ, будто нынче людей не посѣщаетъ духъ Божій, какъ въ прежнія времена; но вѣдь и въ прежнія времена этотъ же доводъ приводили противъ тогдашнихъ пророковъ и божьихъ людей; такъ, на примѣръ, въ свое время не признавали святости Исаака Луріи и спорили съ нимъ, а впоследствии все-таки его всё признали».

Далѣе авторъ проводитъ параллель между учеными (раввинами) и цадииками, конечно, не къ выгодѣ первыхъ. Ученые — высокомерны, корыстолюбивы, завистливы и другъ съ другомъ ссорятся; цадиики же — смиренны, челолюбивы, любятъ другъ друга, какъ братьевъ, и совершенно чужды корыстолюбія. Но тутъ авторъ, повидимому, вспомнилъ про теорію «приношеній и даяній» цадику — и потому спѣшитъ оговориться: «Ты, можетъ быть, возразишь: «Если цадиики дѣйствительно

чужды корыстолюбія, то отчего же они принимаютъ отъ людей деньги и охотно брали бы, если бы даже имъ безпрестанно давали? Дорогой братъ, на этотъ счетъ у меня есть много объясненій, но они секретнаго свойства, и я не могу изложить ихъ въ письмѣ. Одно скажу въ ихъ оправданіе, а именно: всѣмъ извѣстно, что они (цадики) не прячутъ получаемыхъ ими денегъ въ ящики и что никогда эти деньги не оставались въ ихъ рукахъ даже въ продолженіе одной ночи. Все получаемое они тратятъ на нужды бѣдныхъ людей, а также на доставленіе приданаго бѣднымъ еврейскимъ дѣвушкамъ, то есть, на такое дѣло, котораго богоугоднѣе быть не можетъ, особливо въ настоящее время, послѣ бѣдственнаго декрета, изданнаго за грѣхи наши въ нашихъ краяхъ ¹. Славный отецъ мой и наставникъ сказалъ, что сего декрета они (т. е. императоръ и его совѣтники) не могли бы издать, если бы не было воздвигнуто гоненій на цадиковъ и если бы тѣ (раввины) не напечатали извѣстныхъ постыдныхъ посланій, изъ которыхъ одно и нынѣ рассылается ими ². Дорогой братъ, остерегись даже заглянуть въ сіе посланіе, ибо такъ сказалъ славный отецъ мой: кто читаетъ это посланіе и доволенъ имъ, тотъ не удостоится уврѣтъ утѣшенія Сіона, пиршества Левіаэана и торжества праведныхъ по пришествіи Мессіа».—Кромѣ расходовъ на нищихъ и на бѣдныхъ невѣсть,—говорится далѣе въ письмѣ,—цадики тратятъ много изъ получаемаго ими гонорара на «освобожденіе плѣнныхъ» (т. е. задержанныхъ должниковъ) и на поддержку учащихся въ синагогахъ. Письмо заканчивается словами, что такъ какъ на бумагѣ нельзя изложить всѣ великія откровенія отца пишущаго (Элимелеха), то корресподентъ лучше всего сдѣлалъ бы, еслибъ лично пожаловалъ въ Лиэенскъ, къ «великолѣбному и блестящему свѣтилу» ³.

Другое письмо принадлежитъ перу ученика Элимелеха, За-

¹ Рѣчь идетъ очевидно о декретѣ Іосифа II отъ 1781 г. относительно обязательнаго обученія евреевъ въ нѣмецкихъ школахъ и служенія ихъ въ арміи, что, вѣроятно, повліяло на уменьшеніе числа браковъ въ Галиціи.

² Посланіе литовскихъ раввиновъ 1781 г., краковское отлученіе 1785 г., или еще болѣе раннія прокламаціи и бродскій херемъ 1772 г....

³ *Тамъ же* тамъ, стр. 166—169, приложеніе.

харія-Менделя изъ Ярославъ ¹. Это письмо также имѣеть цѣлью восхваленіе и вмѣстѣ оправданіе образа жизни цадииковъ. Авторъ письма отвѣчаетъ на нѣкоторые упреки, обращенныя къ нему его дядей, повидимому—«невѣрующимъ», антихасидомъ. Онъ рисуетъ ему въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ жизнь цадииковъ, то и дѣло повторяя, что перечислить всѣ ихъ чудныя качества невозможно. Вотъ что онъ между прочимъ пишетъ: «Они (цадиики) въ состояніи творить чудеса, подобно святымъ древнихъ временъ: они излечиваютъ больныхъ, даютъ всяческія блага людямъ и отзываются на всевозможныя общественныя нужды... Вотъ уже сколько лѣтъ живу среди нихъ, и не замѣтилъ въ нихъ никакой нивости, ни гордости, ни хвастовства, ни лжи или лести, ни легкомыслія, ни сребролюбія. Никогда въ ихъ шкатулкѣ деньги не водятся, ибо они расходуютъ ихъ на приданое сиротамъ и бѣднымъ вдовамъ, на освобожденіе узниковъ, на леченіе больныхъ, на утѣшеніе плачущихъ, на гостепримство и на всякаго рода благотворительныя дѣла.... Они постоянно печалуются о благѣ всего народа, молятся о немъ и проливаютъ слезы о его страданіяхъ... По ночамъ они бодрствуютъ и совершаютъ неизрекаемыя таинства... Занимаются они много Талмудомъ, Зогаромъ, Каббалою Лурія, часто уединяются, чтобы вызвать въ себѣ извѣстное настроеніе, необходимое для молитвы. Молятся они восторженно, до потери самочувствія».... «Повѣрьте мнѣ, дорогой дядя,—прибавляетъ авторъ,—что въ нашей странѣ (Галиціи) эти цадиики давно уже извѣстны сотнямъ и тысячамъ людей, которые убѣдились въ ихъ чудотворной силѣ, открыто проявляемой, и воочию видятъ, что они (цадиики) силою молитвъ совершаютъ великія дѣла, какъ въ древнія времена. Иногда же они и простымъ словомъ дѣйствуютъ такъ же, какъ молитвою. Если бы вы, дорогой дядя, захотѣли быть здѣсь, то я бы вамъ показалъ все это, и вы бы все сами видѣли и оцущали. Но пока повѣрьте мнѣ на совѣсть, ибо я

¹ Захарій-Мендель Ярославскій есть авторъ небольшой, лежащей передъ нами книжечки, подъ названіемъ „Пути праведныхъ“ (דרכי צדק). Издава она впервые въ Жолкіевѣ, въ 1810 г. Въ ней приводится много изреченій отъ имени Элиаваха Ливанскаго, котораго авторъ называетъ просто обыкновенно не по имени а только званіемъ: „мой учитель“.

еще не умѣю лгать—сохрани Господи!—и заслуживаю довѣрія. И вотъ я свидѣтельствую, что *между ними есть такіе праведники, которые могутъ почти оживлять мертвецовъ своею молитвою.* Я собственными глазами видѣлъ, какъ приводили къ нимъ много разъ больныхъ, въ жизни коихъ совершенно отчаявались, а между тѣмъ, благодаря ихъ молитвамъ, больные выздоравливали. Причина тому—то, что цадикъ не живутъ собственно въ семъ мірѣ, но всегда витають мысленно въ высшихъ мірахъ, такъ что иногда вслѣдствіе глубокаго сощрацанія они не слышать, что имъ говорятъ посторонніе. Тѣло ихъ на землѣ, но душа—въ небесахъ. *И стоитъ имъ посмотреть на какого нибудь челоѵка, чтобы безошибочно определить, грѣшенъ-ли онъ и чѣмъ именно грѣшенъ...* Они знаютъ напередъ, какое страданіе постигнетъ челоѵка, и обыкновенно предупреждаютъ несчастье. Въ нашемъ краѣ есть одинъ цадикъ, который всегда предсказываетъ мнѣ съ точностью, въ какой день и часъ постигнуть меня боли, отъ коихъ я страдаю, и большею частью избавляетъ меня отъ нихъ... Жить съ этими праведниками—наслажденіе. *Между собою они живутъ въ тѣсной дружбѣ и любви, превосходящей любовь родителей и супруговъ; между ними—полное единеніе, и почти одинъ общій кошелекъ у нихъ* (т. е. общность имущества). Не различають они между своими сыновьями и сыновьями своихъ товарищей, такъ что трудно узнать, кого какія дѣти. Такъ велико у нихъ чувство взаимной привязанности»¹.

Эта замѣчательная картина, набросанная рукою очевидца и участника, полная искренности и наивности, показываетъ намъ, какъ могучь были культъ цадиковъ въ Польшѣ и Галиціи уже въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Не только простонародью, но и людямъ книжнымъ цадикъ нерѣдко представлялся чѣмъ-то необыкновеннымъ, сверхъестественнымъ. Въ чудотворной силѣ хасидскихъ жрецовъ не сомнѣвались — и къ нимъ прибѣгали за помощью «сотни и тысячи вѣрующіихъ»... Къ этому прямо вела та необузданная проповѣдь цадикизма, которая такъ ясно и откровенно изложена въ сочиненіи Элимелеха Ливенскаго.

¹ תורה אור, стр. 169—171.

Рѣзкость этой проповѣди бросалась въ глаза, — и никакія восхваленія личныя качества цадиковъ, никакія апологіи и оправданія, въ родѣ тѣхъ, что приведены въ упомянутыхъ двухъ письмахъ, не могли избавить проповѣдниковъ новаго культа отъ заслуженныхъ нареканій. На смѣлую книгу Элимелеха сыпались обвиненія и нападки со всѣхъ сторонъ. Одинъ изъ крупнѣйшихъ представителей раввинской партіи того времени называется это сочиненіе «невѣжественнымъ, вреднымъ, направленнымъ противъ Бога и Его Мессіи»¹. Другой современникъ называетъ книгу Элимелеха «самымъ возмутительнымъ произведеніемъ хасидской секты» и обвиняетъ ея автора (котораго выставляетъ «*верховнымъ главою*» хасидовъ послѣ Вера) въ крайней деморализаціи народа². «Въ этой книгѣ, — говоритъ онъ, — кромѣ догмата о всеобщемъ отпущеніи грѣховъ, которое у рабби Израіля Баальшема (Бешта) было обставлено извѣстными условіями, дѣлавшими отпущеніе не всякому доступнымъ, предлагается совершенно новый способъ, посредствомъ коего можно еще легче избѣгать наказанія за проступки. Вотъ чему именно учить насъ авторъ: всякій верховный глава секты можетъ отпускать всевозможные грѣхи ея членовъ, какъ бы эти грѣхи ни были тяжки и возмутительны, можетъ даже прощать будущіе ихъ грѣхи, если только онъ самъ, верховный глава, имѣетъ склонность учинить такіе же грѣхи»³. Ибо, — говоритъ онъ, — каждый верховный глава секты составляетъ часть Божества, а вѣдь Богъ не можетъ наказывать грѣхи, которые совершены въ Его собственномъ существѣ. Этотъ дурной и опаснѣйшій писатель (Элимелехъ) побуждаетъ даже людей умышленно грѣшить, и увѣряетъ ихъ, что, предаваясь даже грубѣйшимъ порокамъ, они все-таки не должны бояться никакой земной власти, ибо и сама природа, которою цадики своими молитвами управляютъ произвольно, не властна причинить грѣшникамъ вреда, поелику они остаются вѣрными

¹ Давидъ Макобъ въ *Умнъ су глос*, док. № 1 и 5.

² Израиль Левбель, извѣстный противникъ хасидовъ, въ своемъ сочиненіи на нѣмецкомъ языкѣ „*Glaubwürdige Nachricht von der Sekte Chassidim*“, 1799 г., перевечатанномъ въ „*Sulamit*“ 1807 г.

³ Ср. выше, въ изложеніи системы Элимелеха.

секты. Замѣчательно еще одно положеніе автора книги, а именно: что больной не нуждается ни въ какихъ врачебныхъ средствахъ, такъ какъ тотъ, кто въ состояніи даровать членамъ секты вѣчную жизнь, подавно можетъ поддерживать жизнь земную и даровать имъ долготѣіе»¹.

Характеристика эта не чужда преувеличеній и крайнихъ выводовъ; но вѣдь эти выводы *логически* вытекаютъ изъ основныхъ положеній книги Элимелеха, и не только враги хасидовъ, но и сами хасиды могли сдѣлать такіе выводы изъ системы своего учителя и впасть въ нравственную фривольность,—что, какъ увидимъ впоследствии, довольно часто случалось. Съ другой стороны, эта характеристика исторически важна, такъ какъ она выражаетъ мнѣніе тогдашняго враждебнаго хасидамъ духовенства. Если сопоставить ее съ приведенною выше хвалебною характеристикою хасидовъ и цадиковъ, сдѣланною ученикомъ Элимелеха, то станетъ ясно, какая страшная пропасть раздѣляла въ то время духовныхъ вождей еврейства, принадлежавшихъ къ двумъ враждебнымъ станамъ, и понятно станетъ, почему ихъ взаимная вражда была столь ожесточенна и почему примиреніе не было уже возможно...

О братѣ Элимелеха Лизенскаго, Зусѣ Аннопольскомъ, кромѣ того, что уже было о немъ сказано выше, извѣстно лишь очень немного. Зуся не оставилъ послѣ себя никакого литературнаго памятника; онъ былъ, какъ самъ о себѣ выразился, «простакомъ» и не имѣлъ ни охоты, ни способности писать. Главныя его заслуги заключались въ «святomъ образѣ жизни», въ усердной, доходившей до изступленія молитвѣ и въ устныхъ проповѣдяхъ. Жилъ онъ до-нельзя скромно, даже бѣдно, и отличался, какъ говорятъ, безкорыстіемъ. Имѣлъ онъ также немало поклонниковъ и обожателей. Пропаганда его обнимала почти весь *люблинскій* районъ. Антихасиды считали Зусю однимъ изъ опаснѣйшихъ вождей секты; это видно изъ того, что имя его попало, вмѣстѣ съ именемъ его брата, въ индексъ особенно ненавистныхъ раввинамъ «ересиарховъ»². Зуся пережилъ своего

¹ „Sulamit“ 1807, B. II, S. 315—316.

² п-у гл-т, док. № 16.

брата слишкомъ на 15 лѣтъ и имѣлъ сношенія съ позднѣйшимъ поколѣніемъ цадиковъ ¹.

Вторымъ главнымъ вождемъ галиційскихъ хасидовъ, послѣ Элимелеха Ливенскаго, былъ въ описываемую нами эпоху *Михель, проповѣдникъ изъ Злочова*. По своему происхожденію и связямъ онъ собственно стоялъ еще выше Элимелеха, и непосредственное его вліяніе на современное поколѣніе хасидовъ было также весьма значительно, но онъ не увѣковѣчилъ своего имени никакимъ литературнымъ произведеніемъ. Михель имѣлъ счастье видѣть самого основателя секты, Израиля Бешта, къ которому часто возилъ его отецъ—Ицхокъ изъ Дрогобыча, одинъ изъ первыхъ учениковъ Бешта. По смерти послѣдняго, Михель получилъ повелѣніе свыше идти въ Межиричъ и стать ученикомъ проповѣдника Вера, ибо показано было ему въ ночномъ видѣніи, что «источники мудрости, дотолѣ шедшіе къ Бешту, потекли по смерти его къ проповѣднику Веру» ². Съ 1770-хъ годовъ онъ сдѣлался проповѣдникомъ въ Злочовѣ (въ Галиціи) и сталъ во главѣ обширной группы хасидовъ. Онъ также, по видимому, много странствовалъ съ цѣлью пропаганды. Въ народѣ онъ былъ извѣстенъ подъ именемъ «Злочовскаго проповѣдника». Своею апостольскою дѣятельностью онъ постоянно навлекалъ на себя преслѣдованія со стороны раввиновъ. Мы уже знаемъ, что въ Бродахъ, передъ его домомъ, совершено было публичное ауто-да-фе надъ книгами Яковъ-Іосифа, его друга и сподвижника, и знаемъ также какъ сильно подѣйствовала на Михеля эта оскорбительная демонстрація ³. Но «ревнители» и его лично не оставляли въ покоѣ. Во главѣ ихъ стоялъ знаменитый пражскій раввинъ Іезекииль Ландау. Дошло до того, что нѣ-

¹ וְהָיָה לְמִיכָאֵל בֶּן־יִצְחָק לְעֹלָם, стр. 31. Ср. его одобреніе къ книгѣ Залмана Лядинскаго (1796) и др. Цейфель рассказываетъ, что о, сравнительно недавно, онъ побѣтилъ Аннополь и видѣлъ тамъ скромный домикъ, въ которомъ нѣкогда жилъ Зуся и гдѣ находилась также моделья этого славаго цадика. См. *בְּנֵי עַמּוּנוֹ*, т. III, стр. 43 (Житомиръ, 1870). Цейфель свидѣтельствуетъ также о безкорыстіи Зуся.

² *Восхваленія Бешта*, 26 а. Имя Михеля очень часто упоминается въ этой книгѣ. Ср. еще Левиномъ Вальдена, 29 в., וְהָיָה לְמִיכָאֵל בֶּן־יִצְחָק בֹּדַעַק, 52, וְהָיָה לְמִיכָאֵל בֶּן־יִצְחָק בֹּדַעַק I, 42 etc.

³ См. выше, гл. VI.

которые крупнѣйшіе раввины (какъ, напр., упомянутые нами Пинхасъ и Шмелька Гурвицы, занимавшіе раввинскія мѣста во Франкфуртѣ и Никольсбургѣ и втайнѣ сочувствовавшіе хасидамъ) должны были ходатайствовать передъ Ландау о томъ, чтобы «Михеля изъ Злочова не очень притѣсняли и чтобы не мѣшали ему служить Господу по своему»¹. Увѣнчались-ли эти ходатайства успѣхомъ, не знаемъ; но известно, что Михель, какъ одинъ изъ энергичнѣйшихъ вождей секты, былъ ненавистенъ раввинамъ. Его обвиняли въ пренебреженіи къ Талмуду и раввинскимъ законамъ. «Великій грѣшникъ, Михель изъ Злочова, — говоритъ одинъ современникъ, — нарочно притворялся больнымъ въ субботніе дни, для того, чтобы ему въ такіе дни варили свѣжую пищу»². Большее преступленіе, съ раввинской точки зрѣнія, и придумать трудно было...

За то хасидская легенда превозноситъ Михеля до небесъ. Какъ бы въ отвѣтъ на обвиненія раввиновъ, она выставляетъ его образцомъ воздержности. Такъ, сотоварищъ Михеля по межиричской школѣ, Вольфъ Житомирскій, рассказываетъ о немъ въ своей книгѣ слѣдующій, не совсѣмъ скромнаго свойства эпизодъ. Однажды, когда Михель «еще не открылся міру» и жилъ въ какой-то корчмѣ, въ качествѣ простого «меламеда» (дѣтскаго учителя), заѣхалъ въ эту корчму польскій панъ съ очень красивою панной. Послѣдняя вздумала пошутить надъ «святымъ», который никогда не смотрѣлъ даже на еврейскихъ женщинъ, а на христіанокъ — и подавно, и остановилась какъ разъ противъ Михеля въ полномъ декольте. Растерянный Михель все ниже и ниже опускалъ свои глаза, закрывалъ и прижималъ ихъ руками, отворачивался, метался въ равныя стороны, нароча какъ ибудь улизнуть, но прелестная панна все ближе къ нему придвигалась, все вертѣлась передъ нимъ и, загоразивая путь, не давала ему выйти изъ комнаты. Видя, что исхода нѣтъ, и боясь великаго соблазна, Михель прибѣгнулъ къ средству духовному. Онъ погрузился въ размышленіе объ источникѣ

¹ См. ильско Пинхаса Гурвица, изъ коего выдержки приведены въ Лекціонѣ Вальдена, I, 65.

² Тамъ же, № 28.

красоты у людей вообще и у женщины въ особенности. Источникъ красоты, — думалъ онъ, — лежитъ въ мужскомъ сѣмени; сѣмя же вырабатывается въ организмѣ изъ пищи; а если такъ, то у евреевъ, употребляющихъ чистую пищу и освящающихъ ее религіозными обрядами, сѣмя — святое и красота имѣетъ чистый источникъ; у не-евреевъ же, которые ѣдятъ «нечистую» пищу, въ родѣ раковъ и т. п., сѣмя такъ же нечисто и красота ихъ женщинъ, стало быть, имѣетъ очень непривлекательный источникъ. Когда онъ дошелъ въ своихъ размышленіяхъ до этого пункта, ему вдругъ стало такъ гадко и брезгливо, что его тутъ же, въ близкомъ присутствіи прелестницы, вырвало... и тогда, конечно, «святого» взяли и вытолкнули вонъ, къ величайшей его радости¹. Этотъ курьезный анекдотъ не лишентъ бытовой окраски и можетъ быть названъ очень характернымъ въ специфическомъ хасидскомъ вкусъ.

Книгъ, какъ уже было сказано, Михель никакихъ не писалъ; но отрывки изъ его проповѣдей и разныя изреченія сохранились въ трудахъ его учениковъ и слушателей. Особенно извѣстно посвященнымъ его толкованіе на 107-й псаломъ, направленное главнымъ образомъ противъ раввиновъ, книжныхъ ученыхъ и отшельниковъ. Въ названномъ псалмѣ, какъ извѣстно, говорится о четырехъ разрядахъ людей, обязанныхъ Богу спасеніемъ: о блуждающихъ въ пустынѣ, о сидящихъ во мракѣ и тѣни смертной, о безразсудныхъ, терпящихъ муки за грѣхи свои, и наконецъ о мореплавателяхъ во время бури. Соответственно этому Михель дѣлитъ и современное ему поколѣніе на четыре разряда: на людей честныхъ, но «блуждающихъ» вслѣдствіе отсутствія руководителя; на совершенно грѣшныхъ людей, «сидящихъ во мракѣ» и «изводимыхъ изъ тьмы» благодаря покаянію; на людей почтенныхъ и богобоязненныхъ, но совершающихъ «безразсудное» покаяніе и «мучающихъ себя за грѣхи свои», т. е. аскетовъ, истязавшихъ плоть до того, «что приближаются ко вратамъ смерти», и наконецъ на отважныхъ «мореплавателей» по океану талмудійскому, которые воображаютъ, что этимъ «плаваніемъ» они служатъ Богу, а на самомъ дѣлѣ только «спускаются въ бездну

¹ Изъ книги *אמת רח*, изд. 1798 г.; приведено въ *ספר הדרות*, стр. 52.

погибели, кружатся, шатаются какъ пьяные, и вся мудрость ихъ исчезаетъ» предъ величіемъ истиннаго, не головного, а сердечнаго служенія Богу. Эти люди послѣдняго разряда, убѣдясь въ ложности своего пути, еще будутъ «вопить къ Богу въ скорби своей», и Богъ когда нибудь взвѣситъ ихъ воплю, сломитъ ихъ ученую гордыню и «превратитъ бурю (ихъ бурныя казуистическія словопренія) въ тишину, и умолкнутъ волны ихъ», и тогда, сдѣлавшись смиренными и благочестивыми, не мудрствуя лукаво, они достигнутъ спасенія души»¹. Это толкованіе, остроуміе котораго вполне понятно для лицъ, знакомыхъ съ означеннымъ псалмомъ въ древне-еврейскомъ подлинникѣ, сильно задѣло раввиновъ, которые не жалѣли никакихъ ругательныхъ эпитетовъ по адресу обидѣвшаго ихъ еретика².

Еще многія «изреченія» Михеля Злочовскаго разбросаны въ разныхъ произведеніяхъ его сподвижниковъ. Такъ, въ упомянутой книжкѣ Менделя Ярославскаго (ученика Элимелеха) приводится отъ имени Михеля программа хасидской жизни въ 32 пунктахъ, но программа эта ничѣмъ особеннымъ не выдается. Между прочимъ запрещается смотрѣть «на женщинъ и на дѣвицъ», болтать или ходить съ ними, и вообще водиться съ прекраснымъ поломъ³. Поневоля вспомнишь тутъ вышеприведенный курьезный анекдотъ, также обличающій въ Михелѣ жено-ненавистника.

¹ Изъ стариннаго сборника «изреченій отъ отцовъ» изд. 1792 г., л. 13.

² Ср. примеч. къ Ибрагиму Лейбелю (1797 г.), въ рукописи.

³ См. ртѣ «277» (изд. 1877), стр. 39 — 40. Нѣкоторыя изреченія Михеля сохранились еще въ одной старинной хасидской книгѣ: «271» «271» *Иосифа Блоха* (напечатано во Львовѣ въ 1792 г., но писано гораздо раньше, такъ какъ это изданіе посмертное). Имя «великаго проповѣдника Михеля изъ Злочова» упоминается здѣсь нѣсколько разъ, на ряду съ именами Бенета и Бера (л. 37 а, и пр.). Личность самого автора этого огромнаго фоліанта не безынтересна. Иосифъ Блохъ былъ, повидимому, однимъ изъ самыхъ первыхъ пионеровъ хасидизма въ Галиціи, гдѣ онъ жилъ въ качествѣ проповѣдника въ м. Олескѣ. Къ концу жизни онъ перекочевалъ въ Подолію, въ г. Сатановъ, гдѣ и умеръ въ 1780-хъ годахъ. Онъ былъ глубокимъ каббалистомъ и увѣрялъ, что когда всѣ евреи возьмутся за изученіе Каббалы, тогда Мессіа придетъ (л. 25, 31 и др.). Онъ даже пытался вычислить въ точности время прішествія Мессіи. По его каббалистическимъ вычисленіямъ выходило, что Мессіи надлежало придти въ 1797 г. (л. 19, 23, 25). Бѣдный мечтатель умеръ гораздо раньше этого срока, и такимъ образомъ ему не пришлось испытать разочарованія въ заветной своей мечтѣ..

Михель Злочовскій скончался въ 1780-хъ годахъ¹. Онъ оставилъ послѣ себя пять сыновей, которые вскорѣ сдѣлались официальными цадиками въ разныхъ городахъ Галиціи и Польши и даже проникли въ Волынь. Хасиды прозвали этихъ сыновей Михеля, за ихъ святость, «*жмылэ Пятикнижнѣлэ*». Самую большую славою пользовался впоследствии одинъ изъ нихъ, *Вольфэ Збаражскій*, тотъ самый, который въ летаргическомъ снѣ видѣлъ кутерму въ небесахъ, надѣланную сожженіемъ книги Яковъ-Іосифа². Эти сыновья Михеля вмѣстѣ съ его учениками дѣятельно продолжали пропаганду хасидизма въ Галиціи и сопредѣльныхъ съ нею областяхъ въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтій.

Намъ предстоитъ теперь заключить главу о старѣйшихъ польско-галиційскихъ цадикахъ рассказомъ объ одномъ очень странномъ экземплярѣ этой породы—о популярнѣйшемъ и тѣмъ не менѣ загадочномъ героѣ хасидскихъ сказаній *Лейбъ Соресъ*. Лейбъ Соресъ не былъ собственно «цадикомъ» въ особенномъ хасидскомъ смыслѣ слова: это былъ вообще чудодѣй, подвижникъ, одинъ изъ тѣхъ «36-ти тайныхъ праведниковъ» (צדקת י"ז), которые, согласно древнему народному преданію, никогда на землѣ не переводятся и которыми міръ держится. Однако, его имя несомнѣнно связано съ исторіей первоначальнаго хасидизма. Мы знаемъ, напримѣръ, что онъ часто бывалъ въ кружкѣ Бера, въ Межиричѣ, и имѣлъ сношенія съ другими главарями секты³. Передъ личностью Бера онъ благоговѣлъ и всегда противопоставилъ этого «праведника» ученымъ раввинамъ, которыхъ, повидимому, терпѣть не могъ. «Что изъ того,—воскликнулъ онъ,—что раввины много знаютъ и объясняютъ другимъ священныя книги! Вѣдь истинный праведникъ долженъ заботиться не о томъ, чтобы *знать* св. книги, а чтобы самому быть

¹ Это видно изъ того, что въ упомянутой въ предидущемъ примѣчаніи книгѣ Іосифа Влоха, писанной раньше 1790 г. (какъ видно изъ приложенныхъ къ ней одобреній), о Михелѣ говорится уже какъ о покойникѣ (л. 37 и др.).

² См. выше, гл. VI. Ср. תורת משה, 58—55.

³ „Онъ часто посѣщалъ Баштова сподвижника Пинхоса Корецкаго и имѣлъ съ нимъ собесѣдованія о дѣлахъ въры“ תורת משה, стр. 13.

живымъ, олицетвореннымъ Св. Писаніемъ, такъ чтобы люди учились законамъ вѣры не по его словамъ, а по его поведенію, по всѣмъ его движеніямъ, по его восторженному настроенію, какъ сказано (Псалмы, XIX, 4—5): «Безъ словъ и безъ рѣчи, не слышно голоса ихъ, — и, однако, звуки ихъ проходятъ по всей землѣ, и до предѣла вселенной слава ихъ». Этотъ идеаль праведника онъ видѣлъ въ Берѣ. О своемъ личномъ отношеніи къ «верховному главѣ» Лейбъ Соресъ выражался слѣдующимъ образомъ: «Я ѣду въ Межиричъ къ Проповѣднику, — говаривалъ онъ, — не для того, чтобы слушать изъ устъ его книжную мудрость, а единственно для того, чтобы смотрѣть, какъ онъ снимаетъ свои туфли и какъ онъ ихъ одѣваетъ»¹. Этимъ онъ хотѣлъ выразить, что въ малѣйшемъ, самомъ обыкновенномъ движеніи праведника слѣдуетъ видѣть нѣчто высокое, таинственное и поучительное.

О дружескихъ отношеніяхъ между Лейбомъ Соресомъ и преемникомъ Бенгта свидѣтельствуетъ также одинъ подлинный современный документъ. До насъ дошло небольшое рекомендательное письмо, данное Лейбу Соресу Беромъ и гласящее: «Я свидѣтельствую объ этомъ человѣкѣ, Іегудѣ-Лейбѣ сынѣ Іосифа, извѣстномъ въ устахъ всѣхъ подъ именемъ *Лейба Сореса изъ Росто*, что онъ занимается такимъ богоугоднымъ дѣломъ, котораго выше не можетъ быть. Объ этомъ дѣлѣ онъ можетъ сообщить лично во всѣхъ подробностяхъ, но въ письмѣ нельзя того изложить. Поэтому, если увидать подателя сего люди, послушные мнѣ и исполняющіе велѣнія мои, то прошу такихъ людей поддерживать его и оказывать ему всякаго рода содѣйствіе, личную или денежную помощь, ибо я удостоверяю, что въ словахъ его нѣтъ кривды и нечестія нѣтъ въ устахъ его, и что онъ богобоязненъ, какъ немногіе. Подвигъ его великій, и разумные поспѣшатъ помочь ему, за что и награждены будутъ Богомъ. И такъ какъ я увѣренъ, что сіи немногія мои слова повліяютъ такъ, какъ еслибъ я ихъ написалъ много, то я и прерываю письмо пожеланіемъ всѣмъ добрымъ людямъ

¹ ערר תרומה, стр. 46.

всякихъ благъ отъ Бога. Довъ-Веръ сынъ Авраама, проповѣдникъ изъ Межирича и Кореца»¹.

Въ чемъ же состояло „дѣло“, о которомъ загадочно говорится въ этомъ письмѣ, и вообще въ чемъ заключалась дѣятельность Лейба Сореса? Исторія почти ничего не говоритъ объ этомъ, но за то легенда очень богата рассказами о подвигахъ этого таинственнаго рыцаря хасидима. Въ легендѣ Лейбъ Соресъ является прежде всего въ качествѣ *странствующаго, всездѣющаго цадика*, удивляющаго народъ своими странными выходками, своими чудесами, своимъ внезапнымъ появленіемъ и столь же внезапнымъ исчезновеніемъ. Лейбъ исходилъ и въѣзжалъ всю Галицію, Польшу, Подолию и Воляны. Пространство для него ничего не значило; онъ, по желанію, могъ въ одинъ мигъ очутиться гдѣ ему угодно, ибо обладалъ тайною сокращенія пространства («*Кефицатъ Гадерекъ*»). Путешествіе его изъ какого нибудь подольскаго городка въ Вѣну (а онъ, какъ увидимъ, имѣлъ «дѣла» въ Вѣнѣ), въ обыкновенной «балагульской» фурѣ, продолжалось всего два—три часа. Главною цѣлью его походовъ было, какъ увѣряетъ легенда, «благодѣлать нуждающимся или притѣсняемымъ иновѣрцами евреямъ». Получая деньги отъ богачей, онъ раздавалъ ихъ бѣднымъ. Проповѣдей онъ нигдѣ не произносилъ, но любилъ рассказывать собиравшемуся около него народу разные побасенки, сказки или анекдоты о царственныхъ особахъ и польскихъ магнатахъ, которыхъ будто бы близко зналъ. Рассказываютъ, будто онъ даже присутствовалъ на коронаціи короля Станислава Понятовскаго (1764 г.) во дворцѣ послѣдняго въ Варшавѣ, причемъ его, Лейба, никто изъ присутствовавшихъ не видѣлъ, ибо онъ обладалъ «тайною невидимки». Лейбъ былъ завсегдатаемъ всѣхъ ярмарокъ и многолюдныхъ собраній, являясь то въ образѣ купца или богатаго благотворителя, то въ качествѣ чудотворца,

¹ Напечатано въ небольшой книгѣ: *הנהגות ישרים* (или *דרכי ישרים*), приписанной Менделю Примасіонскому и изданной въ 1805 г. (ст. 12—18 изд. 1862 г., Львовъ). Подъ письмомъ нѣтъ даты, но оно, конечно, писано не позже 1772 г.

цѣлителя недуговъ, спасителя и защитника обиженныхъ и т. п. Собирая деньги, онъ увѣрялъ, что употребляетъ ихъ главнымъ образомъ на освобожденіе «узниковъ» (неоплатныхъ должниковъ) изъ тюрьмы и на прокормленіе тайныхъ, ему одному лишь вѣдомыхъ цадиковъ. Съ ярмарокъ и шумныхъ торжищъ Лейбъ часто удалялся въ дремучіе лѣса, гдѣ въ глубокомъ уединеніи молился Богу и совершалъ великія таинства вѣры¹. Большею частью онъ жилъ на пограничной полосѣ, отдѣляющей Подолию отъ Галиціи (въ Могилевѣ-на-Днѣстрѣ, Радзивиловѣ, Бродахъ etc.). Это обстоятельство нѣкоторые антихасиды приводятъ въ связь съ его постоянными кочеваніями и утверждаютъ, будто Лейбъ былъ политическимъ шпиономъ или главою шайки контрабандистовъ,—предположеніе совершенно неосновательное, по нашему мнѣнію². Намъ кажется, что изъ всѣхъ баснословныхъ разсказовъ о подвигахъ Лейба Сореса можно вывести одно лишь заключеніе, содержащее въ себѣ несомнѣнно зерно истины, а именно: что это былъ *религіозный маниакъ*, одинъ изъ тѣхъ страстныхъ до бѣснованія подвижниковъ, которые нерѣдко водились въ то темное мистическое время и были какъ бы естественнымъ явленіемъ въ средѣ, охваченной религіознымъ экстазомъ, доходившимъ иногда до полного умопомраченія...

Приписывая Лейбу Соресу всяческія чудеса, народная легенда связала его имя съ однимъ историческимъ событіемъ того времени. Самымъ громкимъ подвигомъ Лейба была, согласно сказаніямъ, его семилѣтняя борьба съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, который былъ ненавистенъ хасидамъ за то, что заводилъ въ Галиціи «безбожныхъ» нѣмецкія школы грамотности для евреевъ и бралъ послѣднихъ на военную службу. Лейбъ Соресъ рѣшилъ отомстить нечестивому императору и избавить народъ израильскій отъ страшной опасности. Невидимкою пробираясь гровный витязь Израиля въ Вѣну, вступалъ прямо въ царскій дворецъ, и тамъ, никѣмъ кромѣ императора не замѣчаемый, принимался мучить «врага» своего народа.

¹ דברי חיים, стр. 43—47.

² См. „Воспоминанія Готлобера“, въ журналѣ „ה צפורה“, 1880 г., стр. 386.

Онъ страдалъ императора всѣми казнями египетскими, если тотъ не согласится отгнѣнить свои «гибельныя» распоряженія на счетъ еврейскихъ школъ и рекрутчины. Иногда Лейбъ прибѣгалъ даже къ пыткамъ: онъ вынималъ изъ кармана перочинный ножикъ и рѣзалъ и кололъ имъ тѣло несчастнаго Иосифа, пока тотъ не падалъ въ изнеможеніи. Императоръ, еще издали завидя своего мучителя, неистово кричалъ: «Вонъ ужъ тотъ Лейбель идетъ пытать меня!» Но такъ какъ окружавшіе Иосифа ничего и никого не видѣли, то, слыша такіе крики, они только въ ужасѣ разбѣгались, ибо думали, что государь ихъ дѣлаетъ это въ принадлегахъ умопомѣшательства или галлюцинаціи. Такая борьба длилась семь лѣтъ: императоръ, не смотря на причиняемая ему Лейбомъ страданія, не уступалъ и не отгнѣнялъ своихъ декретовъ. Но по прошествіи семи лѣтъ насталъ рѣшительный моментъ: между Лейбомъ и императоромъ произошла послѣдняя отчаянная схватка, кончившаяся смертью обоихъ противниковъ (1790 г.). Еврейскій Самсонъ погибъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ причинилъ гибель и «филистимляину», и такимъ образомъ избавилъ своихъ единовѣрцевъ отъ «школьнаго ига» и прочихъ ужасовъ, ибо со смертью Иосифа II потеряли силу и его реформы въ еврейской жизни ¹.

Эти ребячески-наивныя басни доннынѣ еще очень распространены въ хасидской массѣ и принимаются за подлинную «исторію» жегковѣрными людьми. При всей нелѣпости этихъ народныхъ сказаній, они не лишены, однако, историческаго значенія. Миѣ о борьбѣ съ Иосифомъ II, упорно держащійся въ народномъ воображеніи вотъ уже цѣлое столѣтіе, ясно показываетъ, какъ относился тотъ же народъ сто лѣтъ тому назадъ къ первому, слабому еще проблеску новаго просвѣщенія. Отношеніе хасидовъ къ благодѣтельнымъ нововведеніямъ Иосифа II было (какъ мы уже замѣтили въ началѣ этой главы) особенно враждебно. Отуманенные своими жрецами, опьяненные мистическимъ экста-

¹ 1777 770, стр. 48, гдѣ, повидимому, изъ цезурныхъ соображеній авторъ-галлчанинъ лишь глухо и коротко говоритъ объ этомъ. Подробности—въ „Воспоминаній“ Готлобера, въ указ. мѣстѣ.

зомъ, они просто не выносили свѣта, свѣжаго воздуха, умственной трезвости, и отчаянно отмахивались отъ всякихъ переменъ въ своемъ быту, отъ всякаго движенія. Это—первообразъ всѣхъ послѣдующихъ отношеній хасидима къ просвѣщенію, — отношеній, описаніе которыхъ займетъ видное мѣсто въ дальнѣйшемъ нашемъ повѣствованіи о судьбахъ хасидской секты...

Въ видѣ исторической параллели, небезынтересно слѣдующее явленіе. Въ то же самое время, когда хасидскій богатырь Лейбъ Соресъ отчаянно боролся *противъ* реформъ Іосифа II, другой еврей, знаменитый сподвижникъ Мендельсона *Герцъ Вайзелъ* (Вессели) горячо агитировалъ *за* пользу этихъ самыхъ реформъ. Въ своихъ посланіяхъ къ австрійскимъ евреямъ, печатавшихся между 1782 и 1785 г., и озаглавленныхъ «Слова мира и любви», Вайзелъ съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ защищалъ школьную реформу и прочія благія преобразованія Іосифа II и рѣзко осуждалъ образъ дѣйствій раввиновъ и рыцарей мракобѣсія, стоявшихъ противъ всякихъ нововведеній. Агитація Вайзеля и его единомышленниковъ не пропала даромъ, но послѣдствія ея обнаружили только позже. На первыхъ же порахъ восторжествовало тупое сопротивленіе приверженцевъ старины: ратоборецъ хасидима побѣдилъ война новаго просвѣщенія...

Въ послѣдніе годы жизни Лейба Сореса къ нему присоединился, согласно преданію, другой странствующій «тайный цадикъ» *Азріель*, тотъ самый будто бы, который путешествовалъ нѣкогда съ хасидскимъ миссіонеромъ Израилемъ Полоцкимъ по Литвѣ¹. Азріель сопровождалъ и Лейба въ его разъѣздахъ по разнымъ мѣстамъ и служилъ ему также возницею. Послѣ смерти своего патрона, Азріель унаслѣдовалъ часть его великой славы и сталъ вести уже осѣдлый образъ жизни, въ качествѣ цадика

¹ *Возникнов. Цадикизма*, гл. II. Такъ утверждаетъ авторъ מורחק רב, стр. 47; но согласно другимъ источникамъ это были совершенно различныя лица, случайно носившія одно и то же имя (Лексиконъ Вальдеса, I, 68, и „Воспоминанія“ Готлобера, ук. м.).

въ волынскомъ мѣстечкѣ Козино, близъ Кременца, вслѣдствіе чего получилъ прозвище «ковинскаго падика»¹.

А слава Лейба Сореса дѣйствительно была велика и по смерти его даже выросла. Послѣднему способствовало, между прочимъ, одно странное совпаденіе. Какой-то чудакъ открылъ въ извѣстной мистической книгѣ «Разиель», написанной, согласно древнему повѣрью, однимъ ангеломъ для прародителя Адама, молитву, въ которой упоминалось имя «Лейба, сына Соры», и, не долго думая, заключилъ и объявилъ во всеуслышаніе, что это мѣсто относится къ недавно-умершему и прославленному Лейбу Соресу. Возникло поэтому предположеніе, что небесный ангель времени Адамовыхъ за нѣсколько тысячелѣтій передъ тѣмъ уже возвѣстилъ міру о грядущемъ появленіи святаго, въ образѣ Лейба Сореса. Это надѣлало много шуму въ хасидскихъ кружкахъ, а въ результатѣ слава Лейба Сореса выросла до небесъ и приобрѣла ореолъ глубокой міровой тайны... А между тѣмъ весь этотъ казусъ съ книгою «Разиель» былъ результатомъ простой мистификаціи, происшедшей отъ того, что одинъ изъ издателей книги, въ Меджибожѣ, произвольно вставилъ въ одну изъ многочисленныхъ молитвъ «Разиеля» свое имя и имя своей матери, случайно совпавшія съ именемъ и прозвищемъ умершаго чудодѣя²...

Такъ темень, легковѣренъ и слѣпъ былъ народъ въ то время, такъ густъ и непроницаемъ былъ «сумракъ вѣры», облакавній тогда все и вся въ средѣ хасидской и доводившій людей до странныхъ бредней, до безумныхъ иллюзій!

Въ этомъ мракѣ до сихъ поръ еще пребываетъ хасидская чернь. Въ Подоліи, Галиціи и Волинѣ вы теперь еще нерѣдко услышите безконечныя фантастическія сказанія о походеженіяхъ

¹ См. „Воспоминанія“ Готлобера, указ. м. Авторъ „Воспоминаній“ сообщаетъ, что въ бытность свою въ Житомирѣ учителемъ мѣстнаго раввинскаго училища (въ 1860-хъ годахъ) онъ лично зналъ внучку этого Азриэля Ковинскаго, которая привезла сына своего Ханна Розенберга въ Житомиръ для помѣщенія въ означенномъ училищѣ, между тѣмъ какъ сама обучалась акушерству въ Києвѣ. Tempora mutantur...

² 17777 778, стр. 47; „Воспоминанія“, указ. м.

и чудныхъ подвигахъ Лейба Сореса. Тайственный «ведѣсущій» падикъ и донныѣ служатъ любимымъ героемъ народныхъ сказокъ. Сказки эти не лишены характерной бытовой окраски, но тѣмъ сильнѣе дѣйствуютъ онѣ на легковѣрную толпу, тѣмъ болѣе помрачаютъ умы тѣхъ, которые подобные вымыслы принимаютъ за дѣйствительность¹.

С. Дубновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹ До какой степени распространены эти сказанія на югѣ Россіи, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что они проникли и за стѣны еврейскаго гетто и попали даже въ русскую печать. Въ журналѣ „Кіевская Старина“ за 1888 г. вь іюльской книжкѣ (стр. 472—492), напечатана статья г. А. Тарновскаго подъ заглавіемъ „Ребъ Лейбъ-Суресъ. Изъ еврейскихъ легендъ“. Въ ней приводится съ десяти-токъ легендъ о подвигахъ нашего хасидскаго героя. Авторъ (христианинъ) говоритъ, что „слышалъ ихъ не разъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ юго-западнаго края“ отъ евреевъ, сообщившихъ ему, что „падикъ ребъ Лейбъ-Суресъ жилъ въ концѣ прошлаго столѣтія, въ одномъ изъ мѣстечекъ Подольской губерніи“. Изложены легенды прекрасно и въ передачѣ ихъ сохранены по возможности складъ еврейской рѣчи, хотя иногда встрѣчаются и странные искусственные обороты. Большая часть приведенныхъ г. Тарновскимъ сказаній имѣется также и въ еврейскихъ печатныхъ книгахъ (особенно въ хасидскихъ апокрифахъ, въ родѣ *Пітуве буртхъ чѣвъ буртхл* и пр.), въ тождественныхъ или сходныхъ версіяхъ. Легенда о борьбѣ Лейба съ „австрійскимъ кесаремъ“ приведена въ названной статьѣ въ версіи, нѣсколько отличной отъ сообщенной нами со словъ еврейскихъ источниковъ. Не пропущена здѣсь и легенда о чудесной молитвѣ въ книгѣ „Разиель“.

О ЕВРЕЙСКИХЪ ИМЕНАХЪ СОБСТВЕННЫХЪ.

ГЛАВА III ¹.

О евангельскихъ прозвищахъ.

Мы уже во второй главѣ подробно касались вопроса о происхожденіи двойныхъ именъ или прозвищъ. Само собою понятно, что все это въ общемъ приложимо и къ лицамъ, упомянутымъ и въ Новомъ Завѣтѣ. Такъ, вполне понятно, почему были названы:

Иоаннъ Предтеча—*Крестителемъ* (לְיָהוּנָן—Βαπτιστής—Mat. 3, 1).

Иисусъ названъ *Мессіей* (по евр. מָשִׁיחַ—Joh., 14, 2) или *Христомъ* (по греч. Χριστός—Mat. 1, 17).

Братья Яковъ и Иоаннъ Зеведовы—*Воанересъ* (בְּנֵי רְעִיָה—сыны грома, Marc. 3, 17) ².

¹ См. «Восходъ», кн. VI—V.

² Объясненіе этого прозвища согласно указанному мѣсту греческаго текста филологически не точно. Еврейское слово שָׁרַר не значитъ гремѣть (греч. Βροντή), а значитъ шумѣть въ примѣненіи къ народнымъ толпамъ (лат. tumulto, fremo, а не tonitro; сравни Psal. 2, 1 לָמָּה רָגְשׁוּ גוֹיִם—Quare fremunt gentes (Vulg.).

Аналогичную филологическую ошибку при объясненіи именъ собственныхъ я нашелъ и въ Талмудѣ. Въ трактатѣ Gittin (Fol. 56 Colon. a) приводятся три имени:

נְקִישׁוֹן בֶּן גּוֹרִיּוֹן. וְבֵן כְּלָבָה שְׂכֵנוֹ וְבֵן צִיזִית הַכֶּתֶם.

Nikodemon ben Gorion, Ben Chalba Scheboa и Ben Zizith-Hachsath, при этомъ тутъ же дается объясненіе происхожденію этихъ именъ. Но въ то время, какъ послѣднимъ двумъ именамъ дается удовлетворительное объясненіе, а именно:

Иосій ¹ былъ прозванъ апостоломъ Варнавой (מַרְנָא—сынъ утѣшенія Act. 4, 36).

Апостолъ Симонъ ² названъ Иисусомъ Кифой (по евр. כִּפּוֹ John. 1, 43) или Петромъ (по гречески Петра—скала, Mat. 16, 18). Это прозвание соответствуетъ библейскому имени פֶּטֶר.

Другой апостолъ Симонъ назывался Кананитъ (отъ еврейскаго слова כַּנְעָנִי Mat. 10, 4) или Зилотъ (отъ греч. ζῆλον — усердіе Luc. 6, 15), такъ какъ онъ принадлежалъ къ еврейской сектѣ *усердствующихъ*—Санаим—בְּמִנְיָת.

Точно также понятны прованья: Оомы—Дидимъ (δίδυμος — близнецъ Joh. 11, 16); Симеона—Нигеръ ³ (niger—черный, Act. 13, 1) или прованье Иосифа (Вар-Сава)—Иустъ (justus—

Chalba-Scheboa значить *сытая собака*, намекъ на его гостепримство, что всякій пришедшій голодный какъ *собака*—выходилъ *сытымъ*.

Zizith-Nachsath объясняютъ различно; по однимъ, что онъ имѣлъ такіе длинные *хвосты* на концахъ своихъ плащей, что онѣ свѣшивались со стула на которомъ лежали; по другимъ, что его имя было Zizith, а слово Nachsath, что значить *кресельный*, онъ получилъ какъ титулъ (соответствуетъ въ лат. языкѣ *Curulis*), такъ какъ онъ имѣлъ *кресло* въ римскомъ сенатѣ.

Но совершенно неудовлетворительно объясненіе имени Никодима. Какъ извѣстно, это есть обыкновенное греческое имя и значить *побѣдитель народа*. Между тѣмъ талиудисты постарались отыскать въ немъ *еврейскій корень* и приурочить это имя къ извѣстному событію. А именно, они видятъ въ этомъ имени не греческія слова Ніха-дѣмов, а еврейскія слова נִחַם הַיּוֹם, т. е. восходило солнце въ намять того событія, когда ради него послѣ заката вторично взошло солнце. Подробную легенду объ этомъ событіи см. Taanith Fol. 19 coln. et seq.).

Впрочемъ, по нашему мнѣнію, вышеозначенное мѣсто греческаго текста: Βοανερής можетъ быть весьма удовлетворительно объяснено, если возстановить текстъ не такъ, какъ это дѣлаетъ проф. Фр. Деличъ: Βῆμα ἰσ, а читать: Βῆμα ἰσ. Слово Βῆμα дѣйствительно значить *сремль*, да и филологически еврейское „у“ можно передать на греческій языкъ черезъ букву „γ“, какъ и это объяснилъ выше при сравнительномъ обзорѣ алфавитовъ. Но все же остается непонятнымъ, по какому поводу имъ дали прозвище *сремльщикъ*.

¹ Это имя въ греческомъ текстѣ написанное Ἰωσὴς, неправильно передано Фр. Деличемъ въ еврейскомъ переводѣ יוֹסֵף בֶּן יוֹנָה черезъ יוֹסֵף вм. правильнаго יוֹסֵף.

² Это одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ апостоловъ Simon ben Jona, пропавшій въ новое ученіе преимущественно между евреями.

³ Этого Симеона Нигера не слѣдуетъ смѣшивать съ одноименнымъ Симеономъ Нигеромъ, ближайшимъ помощникомъ и радѣвшимъ судьбу Юліана Гискала во время послѣдняго восстанія іудеевъ, названнаго Титомъ.

праведный. Act. 1, 23). Но совершенно непонятно съ этой точки зрѣнія, почему Иоаннъ ¹ былъ названъ Маркомъ (Act. 12, 12) или мытарь Левій—Матѳеємъ (Mat. 10, 3), Леввѣй — Фаддеємъ (Mat. 10, 3), Савлъ—Павломъ и т. д.

Возможно, что уже во времена зарожденія христіанства, т. е. уже при жизни апостоловъ, началъ входить въ моду тотъ обычай, который въ послѣдствіи сдѣлался обязательнымъ, что при крещеніи неофитовъ имъ назначалось новое имя, какъ знакъ вступленія въ новую жизнь или символъ духовнаго возрожденія. Но возможно допустить и иное объясненіе, а именно, что всякому прозелиту назначалось другое названье, такъ сказать—условный псевдонимъ, подъ которымъ онъ долженъ былъ быть извѣстенъ братіямъ во избѣжаніе могущихъ возникнуть преслѣдованій. Во всякомъ случаѣ тотъ фактъ, что изъ 12 апостоловъ *семь* имѣли и другія имена, достоинъ вниманія. Это не можетъ объясняться тѣмъ, что *шесть* изъ нихъ имѣли по два: *два Симона*, Петръ (Кифа) и Зилоть (Кананитъ), *два Якова*—Алфеевъ (младшій) и Зеведовъ и *два Іуды* — Искариотъ и Яковлевъ (Алфеевъ), такъ какъ одни только Симоны отличались прозвищами, а Яковы и іуды различались по именамъ родственниковъ (отцовъ, брата), потому что Воанергесъ—прозвище Якова старшаго — одновременно носилъ и братъ его Иоаннъ.

Въ близкой связи съ этимъ, по моему, находится еще и та особенность евангельскихъ именъ собственныхъ, что при нихъ очень часто, вопреки принятаго во всемъ древнемъ мірѣ обычая величанія челоуѣка *по отцу*, въ Евангеліи, напротивъ, почти всегда фигурируютъ другіе родственники, какъ-то: братъ, сынъ, мужъ и т. д.

Правда, и въ Ветхомъ Завѣтѣ мы уже встрѣчаемся съ та-

¹ Это Иоаннъ сынъ Маріи, ученикъ и сотрудникъ апостола Петра. Онъ особенно пропагандировалъ новое ученіе въ Египтѣ (Александріи). Написанное имъ Евангеліе въ связи съ Евангеліемъ Иоанна Богослова называется Евангеліемъ отъ Марка: „Τό κατά Μάρκον Ἐβανγέλιον“.

книгъ несвойственнымъ іудеямъ обозначеніемъ лицъ, напри-
мѣръ:

I. По отдаленнымъ предкамъ, а) по прямой линіи отца:

למך יד לטזשס—Мефибошетъ, сынъ Саула (11 Sam. 19, 25),
который, на самомъ дѣлѣ, былъ сынъ Іонаана и приходился
Саулу внукомъ. Или:

קת יד יזו — Ахонъ, сынъ Зары (Jos. 22, 20), въ дѣйстви-
тельности былъ правнукъ Зары, какъ это видно изъ его родо-
словной, приведенной въ той же книгѣ Іисуса Навина раньше:
Ахонъ, сынъ Хармія, сынъ Завдія, сынъ Зераха, изъ колѣна
Іудина (Jos. 7, 1).

в) Черезъ побочную линію со стороны матери:

למך יד תמ — Яиръ, сынъ Манассія (Num. 32, 41), между
тѣмъ этотъ Яиръ, на самомъ дѣлѣ, былъ изъ колѣна Іудина и
только по бабушкѣ онъ приходится потомкомъ Манассія, сына
Іосифа. Полная родословная его, какъ видно изъ книгъ Чи-
селъ (26, 19—21 и 28—29) и Первой Паралипоменонъ (2, 21—23),
слѣдующая: Яиръ, сынъ Сегува, сынъ Есрома (רטר) отъ до-
чери Махира, сына Манассія; самъ же Есрома былъ сынъ
Фареса сына Іуды.

II. По брату:

למך למך תמ — Нахоръ, братъ Авраама (Gen. 24, 15).

למך למך למך — Іоиль, братъ Наана (1 Par. 11, 38).

למך למך למך — Миріамъ, сестра Аарона (Exod. 15, 20).

Смыслъ этихъ несвойственныхъ семитамъ обозначеній за-
ключается въ томъ, что хотя авторамъ Библии и было извѣст-
но также и точное родословное, но главнымъ образомъ имѣ-
лось въ виду обозначеніе *по болѣе извѣстнымъ* историческимъ
лицамъ. Такъ, напр., Авраамъ, Ааронъ всѣмъ гораздо болѣе
извѣстны, чѣмъ ихъ родители Тара или Амрамъ; имена царя
Саула или родоначальника одного изъ 70 филъ¹ еврейскихъ

¹ Какъ извѣстно, еврейскій народъ кромѣ діленія на 12 колѣнъ или пле-
менъ (Tribus — למך — Num. cap. I) подраздѣлялся еще на 70 филъ или се-
мействъ (Gentes — למך — Num. cap. XXVI) по числу внуковъ Якова.

Зары (Num. 26, 20) болѣе извѣстны, чѣмъ ихъ послѣдующія поколѣнія: Ионаанъ, Хармей и т. д.

Странное съ виду перечисленіе Яира по женской линіи въ колѣно Манассіево, вмѣсто прямой мужской линіи, въ болѣе важное колѣно Іудино, объясняется просто тѣмъ, что для Яира будетъ болѣе почетно вести свое родословное по *младшей* линіи, не *закономорожденной*, чѣмъ по старшей, но незаконнорожденной, такъ какъ извѣстно, что Фаресъ (רַעַב) былъ сынъ Іуды отъ преступной его связи съ своей невѣсткой Тамарой (Gen. cap. 38).

III. По матери:

יִשָּׁכָר בֶּן אִמִּי—Іоавъ, сынъ Серуинъ¹ (11 Sam. 14, 1).

יִשָּׁיָה בֶּן הוּשָׁי—Іошаія, сынъ Аоаліи (Ezr. 8, 7).

זְבַדְבָּד בֶּן רַבִּי—Завадъ, сынъ Шимеаы (II Par. 24, 26).

Эти обозначенія объясняются тѣмъ, что отцы этихъ лицъ были язычники (иноземцы), а, слѣдовательно, ихъ іудейское происхожденіе ведется исключительно по матери². Точно также въслѣдствіи обозначались по матери и дѣти незаконнорожденные, у которыхъ не могло быть юридически отыскано *paternitas*³.

Примѣчаніе. Здѣсь будетъ кстати замѣтить о двухъ случаяхъ, когда въ еврейскихъ родословныхъ Библии *должны быть упомянуты имена матерей*, произошедшія вслѣдствіе существованія у евреевъ двухъ институтовъ: полигаміи и земельного маіората. Что касается до *политаміи*, то, какъ извѣстно, во всѣхъ странахъ, гдѣ она существуетъ, не всѣ дѣти, рожденные отъ одного отца, пользуются одинаковыми правами. Послѣднія обыкновенно опредѣляются правами ихъ матерей—законныя ли онѣ жены или же только наложницы. Это особенно было важно при опредѣленіи правъ на престолонаслѣдіе. Вотъ почему въ

¹ Серуія была сестра царя Давида (1 Chron. 2, 16).

² Сравни библейскій разсказъ объ одномъ преступникѣ, который былъ *названъ сыномъ израильтянки* (Соломонъ, дочери Даври, неъ колѣна Данова), такъ какъ отецъ его былъ египтянинъ (Levit. 24, 10, 12).

³ Какъ извѣстно, такое же обозначеніе по матери для незаконнорожденныхъ принято и въ русскомъ законодательствѣ въ официальныхъ документахъ какъ, напр., въ конскрипціонныхъ (по воинской повинности) спискахъ, хотя въ общедѣлн такіа лица пользуются отчествомъ своего крестнаго отца.

книгахъ Царствъ почти при имени всякаго вновь вступающаго на престолъ указано, кто была его мать: напр., о царѣ Авии написано: имя его матери Мааха дочь Авессаломъ (I Reg. 15, 2); о царѣ Иоасѣ указано, что имя матери его — Цибя изъ Вирсови (II Reg. 12, 1) и т. и.

Другой случай, требующій обозначенія матери, это вытекающій изъ *законовъ о маюратахъ* (משפחה—Num. 27, 6—11). Какъ извѣстно, по статутамъ мѡзаизма Ханаанъ былъ раздѣленъ между іудеями на *удѣлы*, оставшіеся неотчуждаемыми въ каждомъ родѣ навѣки; даже продажа земли была дѣйствительна только до ближайшаго юбилея, а затѣмъ безвозмездно опять возвращалась роду. Вотъ почему, если умиралъ кто нибудь владѣвшій уже участкомъ и если онъ не оставлялъ законныхъ наслѣдниковъ—дѣтей мужского пола, то и наслѣдственный удѣлъ переходилъ къ его дочерямъ и женившійся на таковой наслѣдницахъ (обыкновенно человекъ изъ того же колѣна—эндогамическій бракъ) обязательно долженъ былъ перечисляться въ родъ ихъ отца и во всякомъ случаѣ мужскія дѣти, наслѣдовавшія удѣлъ, вели свою родословную по дѣду со стороны матери ¹. Если же онъ умиралъ совсѣмъ бездѣтнымъ, то тогда примѣнялся законъ ужичества (שׁוֹרֵץ—Deut. 25, 5—9), состоявшій въ томъ, что одинъ изъ братьевъ умершаго долженъ былъ жениться на вдовѣ брата и первый родившійся отъ этого брака сынъ считался сыномъ (и наслѣдникомъ) умершаго, какъ сказано—(ibid. v. 6):

«И первенецъ, котораго она родитъ, остается съ именемъ брата ея умершаго, чтобы имя его не изгладилось во Израилѣ».

IV. Величаніе отца по сыну ²:

אבִי אֶמְרָם אֲבִי אֶרָאֵם—Кемуиль, отецъ Арама (Gen. 22, 21).

אבִי אֶמְרָם אֲבִי אֶרָאֵם—Махиръ, отецъ Гилеада (I Reg. 2, 21).

Сюда же слѣдуетъ отнести и всѣ имена patronymica, сложныя изъ *אב* какъ Ab-gaham, Ab-salom и т. д.

Этотъ обычай заимствованъ у арабовъ, у которыхъ онъ и понынѣ существуетъ; обычай состоитъ въ томъ, что всякій человекъ при рожденіи у него сына обыкновенно параллельно съ своимъ настоящимъ именемъ получаетъ прованье: отецъ

¹ Это въ некоторыхъ образмахъ напонижаетъ английское наслѣдованіе графскихъ и баронскихъ титуловъ, которые тоже принадлежатъ въ извѣстнымъ земельнымъ маюратамъ и переходятъ въ наслѣдство вмѣстѣ съ ними.

² Обращаю вниманіе, что имена сыновей чаще всего—географическія: имена народовъ, городовъ и т. и.

такого-то (новорожденного): такъ, напр., какойнибудь Abd-al-Kerim начинаетъ называться: Abu-Said или Abu-Jusuf и т. п. то есть: отецъ Саида или отецъ Юсифа.

Безъ сомнѣнiя, всѣ эти объясненiя могутъ быть цѣликомъ приложены къ только что отмѣченной мною особенности родословныхъ лицъ, упомянутыхъ въ Новомъ Завѣтѣ, но тогда возникаетъ слѣдующее недоразумѣнiе: почему *самый греческiй текстъ* этихъ родословныхъ до того *неправильно передаетъ эти степени родства*, что при переводѣ ихъ на иностранныя языки онѣ только *послужили источникомъ* весьма многочисленныхъ явныхъ и даже грубыхъ ошибокъ.

Чтобы не быть голословнымъ, я отмѣчу хоть нѣкоторыя такія недоразумѣнiя. Извѣстно, что только одно *отчество*, какъ единственное употребительное въ Греціи ближайшее опредѣленіе имени собственнаго (у грековъ не было еще въ употребленіи фамиліи, какъ у римлянъ), допускало извѣстное сокращеніе. Именно: вмѣсто полнаго обозначенiя напр. *Ξενοφών Ὁ τοῦ Γρύλλου υἱός* — *Ксенофонтъ сынъ Грылла*—допускалось выпустить само собою понятное слово «υἱός» (сынъ) и только крайне рѣдко еще его опредѣленный членъ «ὁ», отчего могло получиться: *Ξενοφών ὁ τοῦ Γρύλλου* и рѣдко *Ξενοφών τοῦ Γρύλλου*¹. Никакія другія степени родства, какъ не употребительныя, по этой самой причинѣ не могутъ быть сокращаемы, а должны быть обозначены полностью. Такіе совершенно правильные тексты мы находимъ и въ Евангелiи:

Σιμων Βαρ Ἰωνᾶ —Симонъ Іонинъ (Mat. 16, 17).

Μάρκος ὁ υἱός μου —Маркъ мой сынъ. (1 Pet. 1, 13).

Ἰακωβος ὁ τοῦ Ζεβεδαιου —Яковъ Зеведеевъ.

¹ Кстати замѣчу, что греки скорѣе опускали самое имя собственное, оставляя только отчество, какъ Ὁ τοῦ Γρύλλου (υἱός)—это всѣмъ извѣстный Ксенофонтъ; точно также у Гомера очень часто употребляются особыя гомеровскія формы отчества на—ιδης, которыя тоже весьма употребительны безъ имени человѣка, о которомъ идетъ рѣчь, какъ Ἀτρίδης (сынъ Атрея. т. е. Менелай) и т. п. Впрочемъ, и въ русскомъ языкѣ нерѣдко употребляется одно отчество, какъ Петровнѣ, Макарьевна и др.

Но непременно должно быть написано:

Ἀνδρείας ὁ ἀδελφὸς Σίμωνος Πέτρου—Андрей *братъ* Симона Петра (Ioh. 1, 10).

Ἀκύλας καὶ Πρισκίλλη γυναῖκα αὐτοῦ—Акила и *жена его* Прискилла (Act. 12, 2).

Μαρία ἡ τοῦ Ἰακώβου μητὴρ—Марія *мать* Якова (Ματθ. 15, 42).

Μαρία ἡ ἀδελφὴ τῆς μητρός—Марія *сестра матери*.

Тѣмъ не менѣе имѣются и такіе тексты, послужившіе къ недоразумѣніямъ: Ἰούδας Ἰακώβου — въ русскомъ Евангеліи: *Иуда Яковлевъ*, а въ переводѣ Делича (еврейскомъ): זרובב בן יעקב, на самомъ же дѣлѣ здѣсь рѣчь идетъ о *братѣ* Якова (Act. 1, 13).

Μαρία Ἰακώβου и Μαρία ἡ τοῦ Ἰακώβου—въ русскомъ переводѣ: *Марія Яковлева*, такъ что можно подумать, что она приходится дочерью Якова, на самомъ же дѣлѣ она *мать* его (Ματθ. 16, 1).

Μαρία ἡ τοῦ Κλεοπά—Марія *Клеопова*; здѣсь совсѣмъ говорится о *женѣ* Клеопы и т. д.

Всѣ такіа несвойственныя греческому языку брахіологіи могутъ имѣть оправданіе только въ томъ, что въ ходившихъ по рукамъ рукописяхъ послѣдователи новаго ученія нарочно старались какъ можно меньше дать точныхъ свѣдѣній о главныхъ дѣйствующихъ лицахъ этой книги.

Вопросъ о томъ, всѣ-ли приведенныя въ Евангеліи имена послѣдователей новаго ученія были еврейскаго происхожденія, для нашей цѣли я считаю совершенно празднымъ. Дѣло въ томъ, что хотя, безъ сомнѣнія, тамъ имѣются нѣсколько именъ и бывшихъ язычниковъ, какъ Трофима изъ Ефеса, Тимофея изъ Листріи (у него только отецъ былъ грекъ, а мать іудейка), Николая Антиохійскаго, Лидія изъ Фіатиры и нѣкоторые другіе, но въ общемъ всѣ имена должно принять за имена евреевъ. Это видно изъ общаго хода распространенія христіанства.

Если достовѣрно извѣстно, что были чистокровныя евреи, которые носили такіа имена, какъ греческія: Андрей, Сосеенъ, Никодимъ, Аполлосъ, или латинскія: Криспъ, Аквила, или женщины — Прискилла, Друзилла, Вероника, то было бы болѣе

тѣмъ странно предполагать, что они не могли носить именъ въ родѣ Трофимъ, Николай, Лидія и т. п., каковыя имена мы действительно встрѣчаемъ въ Талмудѣ. Вотъ почему я всѣ имена, встрѣчающіяся въ Евангеліи, кромѣ именъ римскихъ чиновниковъ, занесъ въ этотъ списокъ, принимая ихъ всѣ за еврейскія имена.

Впрочемъ, для тѣхъ, которые желали бы точно опредѣлить происхожденіе каждаго лица, упомянутаго въ Евангеліи, я могу дать слѣдующій ключъ для руководства:

1) Всѣ *палестинскіе евреи* въ Евангеліи называются: іудеи (1 Cor. 9, 20), евреи (II Cor. 11, 32), израильтяне (Act. 5, 33), а всѣ *зарубежные евреи* были извѣстны подъ общимъ именемъ *салимитовъ* (Act. 6, 1), а въ частности по своимъ странамъ назывались: парянами, мидянами и т. д. или же іудеями изъ Фригіи, Ливіи, Рима и т. д. (Act. 2, 9—11).

2) Этими же именами пользовались и *христіанствующіе евреи*, которые кромѣ того назывались еще: галилеянами (Luc. 22, 59), а само имя «христіане» впервые было изобрѣтено въ Антиохіи (Act. 11, 26). Въ этомъ же смыслѣ стануть понятны выраженія — посланій къ коринтянамъ, римлянамъ, іудеямъ (въ Палестину), и т. д.

Впрочемъ, между собою послѣдователи новаго ученія употребляли особыя ласкательныя и другіе эпитеты, а именно: братья (Act. 11, 1), возлюбленные (1 Ioh. 4, 1), святые (Act. 9, 32), призванные (Jud. 1, 1), избранные (1 Pet. 1, 1), вѣрующіе (Act. 10, 45) и ученики (ib. 9, 10).

Далѣе, всѣ евреи—ветхозавѣтные и христіанствующіе—назывались еще обрѣзанными (Act. 11, 2), въ отличіе отъ язычниковъ—необрѣзанныхъ (ib. 11, 3).

3) Наконецъ, сами *язычники* дѣлились на *іудействующихъ* въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. все равно признающихъ одинъ только Ветхій или еще и Новый Завѣты, они тогда назывались: чтущіе Бога (Еллины — Act. 17, 4), подзаконные (1 Cor. 9, 20), прозелиты (Act. 2, 10), и просто еллины (I Cor.

1, 22); и на *идолопоклонниковъ*, которые названы: язычники (1 Cor. 11, 20), варвары (Rom. 1, 14), чуждые закона (1 Cor. 9, 20) и невѣрные (ib. 11, 27).

* * *

Въ заключеніе я долженъ сказать нѣсколько словъ о переводѣ именъ собственныхъ, сдѣланномъ профессоромъ Францемъ Деличемъ въ его еврейскомъ переводѣ Евангелія. У меня подъ рукою имѣется еще и другой анонимный переводъ Евангелія на еврейскій языкъ, изданный брит. библейскимъ обществомъ (London, 1871, in 32°), который значительно отличается отъ перевода Делича. Но я взялъ за образецъ Деличевскій переводъ, такъ какъ пр. Деличъ считается большимъ авторитетомъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ я не буду касаться общей оцѣнки его перевода *לשון קודש*, скажу только, что онъ оставляетъ желать многого даже для *миссіонерскаго* перевода, такъ какъ по своему слогу онъ не имѣетъ ничего общаго ни съ библейскою, ни съ позднѣйшей или новѣйшей еврейскими литературами: это есть просто *переводъ*—и только.

Что же касается его передачи именъ собственныхъ, то по-ложительно становится непонятнымъ, чѣмъ почтенный профессоръ руководствовался. Здѣсь на каждомъ шагѣ видна какая-то странная непосадовательность: то онъ чисто-еврейскія и даже библейскія имена старается рабски передать по греческому ихъ чтенію, то, наоборотъ, имена чисто-греческія онъ вдругъ переводитъ на еврейскій языкъ, нерѣдко имъ самимъ же изобрѣтенный. Наконецъ, онъ совершенно игнорируетъ такіе переводы иностранныхъ именъ, которые уже давно санкціонированы и вошли въ употребленіе въ такія компетентныя книги, какъ Библия и Талмудъ. Какъ на примѣръ такихъ переводовъ Делича, я укажу только на слѣдующее: извѣстное еврейское имя *לוי* онъ съ греческаго текста *Λουδᾶς* ¹ (Luc.

¹ Въ данномъ мѣстѣ форма *Λουδᾶς* есть родительный падежъ отъ именительнаго *Λουδᾶς*, на что указываетъ и стоящій при немъ членъ *τοῦ* *Λουδᾶς*.

3, 26) почему-то передаетъ черезъ $\pi\tau\tau$, а чисто-греческое имя корабли $\Delta\sigma\kappa\iota\phi\epsilon\rho\iota$, что значитъ «дѣти Зевеса», т. е. Поллуксъ и Касторъ, онъ вдругъ раблагоразсудилъ перевести на еврейскій языкъ: בְּצִמְלִל , т. е. близнецы (Act. 28, 11). Въ то время, какъ въ греческихъ переводахъ Ветхаго Завета самымъ тщательнымъ образомъ различаются два различныхъ еврейскихъ имени יְצִשׁ и יְצִשׁ (талм. יְצִשׁ)¹, изъ которыхъ только второе переводится $\Sigma\iota\mu\omega\nu$, между тѣмъ какъ первое непременно переводилось черезъ $\Sigma\epsilon\mu\epsilon\omega\nu$, Деличъ въ своемъ $\pi\tau\tau\tau$ $\mu\tau\tau$, очевидно, совсѣмъ не признаетъ этой разницы; такъ, онъ обратно съ греческаго языка на еврейскій и $\Sigma\iota\mu\omega\nu$ (напр. $\Sigma\iota\mu\omega\nu$ $\Pi\epsilon\tau\rho\varsigma$ Mat. 4, 18) и $\Sigma\epsilon\mu\epsilon\omega\nu$ (напр. $\Sigma\epsilon\mu\epsilon\omega\nu$ $\Nu\tau\epsilon\rho$ —Act. 13, 1) переводить черезъ יְצִשׁ , какъ будто эти два имени тождественны.

Имя города $\Delta\theta\eta\nu\alpha$ Деличъ переводить עֲזַמְיָא (Act. 17, 18), т. е. почему-то находить необходимымъ передать чтеніе внимательнаго падежа. Далѣе, если почтенный профессоръ, съ одной стороны, старался сочинять слова, совершенно не свойственныя еврейскому языку, въ родѣ עֲזַמְיָא —духовные (1 Cor. 3, 1), или עֲזַמְיָא ²—христиане (Act. 11, 26); или если онъ постарался откопать мало кому извѣстныя имена языческихъ боговъ יְצִשׁ и עֲזַמְיָא черезъ которые онъ переводитъ $\Delta\iota\alpha$ —Jupiter, Зевесъ, и Εϋϋϋϋ —Mercurius, Эрмій (Act. 14, 12)³,—то спрашивается, почему онъ уже не потрудился возстановить правильно по еврейски имена евангелистовъ, которые, какъ евреи, навѣрно назывались иначе, тѣмъ сочиненными имъ именами עֲזַמְיָא и עֲזַמְיָא вмѣсто имѣющихся въ Талмудѣ именъ מְרִיָא и עֲזַמְיָא . Даже правописаніе

¹ יְצִשׁ —значитъ по еврейски *услышаніе* (отъ глагола יָצַשׁ —слышать), а имя יְצִשׁ сокращенное отъ יְצִשׁ —значитъ *пустыня*.

² Какъ извѣстно, въ Талмудѣ они названы עֲזַמְיָא —назаряне, отъ имени города עֲזַמְיָא —Назаретъ, откуда происходилъ Иисусъ. Впрочемъ, въ и Евангеліи уже видѣтся это имя,—какъ извѣстно, надписъ на крестѣ гласила Иисусъ *Nazorētus* (עֲזַמְיָא), Царь Іудейскій (Ioh. 19, 19).

³ Изъ текста видно, что событіе это происходило въ Листріи, гдѣ разгоряный языкъ былъ ликаонское нарѣчіе, и слѣдовательно вѣдь-ли тутъ была рѣчь о финикійскомъ Bel — בֵּל и талмудическомъ имени Mercurius— מֵרְקֻרְיָא .

и вообще методъ передачи иностранныхъ словъ тоже далеко не безукоризненъ. Всѣхъ этихъ Деличевскихъ переводческихъ промаховъ такая масса, что, собственно говоря, я могъ бы и совершенно игнорировать его переводъ. Но въ виду того, что вся цѣль всей этой главы вовсе не восстановление еврейскаго правописанія греческихъ именъ, а, какъ я уже это не разъ высказалъ — я имѣю въ виду главное то, чтобы съ такимъ важнымъ, какъ *Евангеліе*, документомъ въ рукахъ доказать, съ какими широкими размѣрами евреи пользовались заимствованіемъ иностранныхъ именъ даже во времена своей самостоятельности. Поэтому я все-таки призналъ возможнымъ привести переводъ признаннаго во всей Европѣ христіанскаго авторитета, хотя всюду, гдѣ могъ, я старался восстановить и болѣе правильный переводъ. Я это сдѣлалъ тѣмъ охотнѣе, что это можетъ служить наглядной иллюстраціей трудности *правильнаго* *возстановленія* именъ, а также правильности перевода съ одного языка на другой.

Кромѣ того, для полноты списка иностранныхъ именъ, которыми пользовались древніе евреи, не исключая первосвященниковъ и отцовъ еврейской синагоги: танаиты, амореи и раббаны—я каждую букву алфавита дополнялъ соответственными именами греческими и латинскими, которыя я нашелъ въ Апокрифахъ, Вавилонскомъ Талмудѣ, Мидрашѣ и нѣкоторыхъ другихъ авторитетныхъ у евреевъ книгахъ.

* * *

Самый списокъ я расположилъ для удобства по сводному греко-еврейскому алфавиту, приведенному выше, причемъ по каждой буквѣ приведены мною раньше имена евангельскія, а затѣмъ имена талмудическія. Каждое имя списка расположено подобно именамъ перваго списка въ четырехъ параллельныхъ графахъ:

I-я графа — текстъ: греческій по Евангелію или еврейскій по Талмуду.

II-я графа указываетъ мѣсто цитаты. Евангеліе и Апокрифы цитированы по общепринятому способу. Въ цитатахъ Талмуда указаны трактаты (פרשׁה), листъ (Folio) и страница (Colonna). Въ тѣхъ же трактатахъ, гдѣ не имѣется «Gemara», цитата сдѣлана какъ обыкновенно дѣлается въ Mischnaith, т. е. указаны трактаты, глава (פרק) и номеръ *Mischnah*. Мидрашъ цитированъ по книгамъ, главамъ и параграфамъ.

III. Общепринятый русскій переводъ.

IV. Еврейскій переводъ евангельскихъ именъ по Delitsch'y и латинскій или греческій переводъ талмудическихъ именъ. За тѣмъ послѣ cadaго имени иногда сдѣланы замѣчанія автора, особенно касательно правильности перевода.

* * *

Источниками для этой главы служили:

I. Различныя изданія Евангелій (British and Foreign B. S.):

1) Греческій текстъ: 'Ἡ Καινὴ Διαθήκη Londini 1808'

2) Переводы—еврейскій פירושׁ בריתׁ проф. Фр. Делича, 6 изд. 85 г. и анонимное 71 г.

3) Русскій Новый Заветъ, переводъ допущенный Св. Синодомъ. Спб. 3 изд. 1885.

4) Английскій—New Testament, Oxford, 1873.

5) Нѣмецкій—Das Neue Testament, переводъ D-r Martin Luther'a, Сöln, 1886.

II. Вавилонскій Талмудъ — תלמוד בבלי — Варшава in 8°, 1866—1872, въ 12 томахъ.

III. Апокрифы—כתובים אפוקריים

IV. Midrasch—Rabba.—פרשׁה רבה

V. Seder Haderoth—סדר הדורות.

М. Погорѣльскій.

СОНЪ ВЪ НОЧЬ НА ІОМЪ-КИПУРЪ.

(ВОСПОМИНАНІЯ ИЗЪ ОДНОЙ ЛИТОВСКОЙ СИНАГОГИ).

(Окончаніе) ¹.

«Сегодня Іомъ-Кипуръ, день Страшнаго Суда надъ несчастными людьми. Въ синагогѣ только что кончили «Коль-Нидре». Всѣ плачутъ и каются въ грѣхахъ. Я также молюсь и каюсь, сколько у меня хватаетъ силъ. Но вдругъ все въ синагогѣ запрыгало вокругъ меня, и мнѣ чудится, что я поднимаюсь на небо, и вотъ тамъ я вижу уже страшные и чудные образы.

«Господь Саваоѣ сидитъ на своемъ тронѣ, грозный и величественный, и творитъ судъ и расправу надъ всѣми живыми созданіями. Густыя, мрачныя облака осѣняютъ Его мощное чело, огромная сѣдая борода украшаетъ строгій и величавый обликъ, въ глазахъ попеременно сверкаетъ то молнія гнѣва, то радуга милости. По правую сторону трона стоятъ бѣлые ангелы съ Ангеломъ Жизни во главѣ: свѣжій и прекрасный, точно душистый цвѣтокъ, окропленный утренней росой, онъ стоитъ предъ своимъ бѣлымъ нагосемъ, обвитымъ зелеными пальмами Востока, и съ кроткою, доброю улыбкой перелистываетъ толстую бѣлую Книгу Жизни. Насупротивъ его, по лѣвую сторону трона, стоитъ Ангелъ Смерти со своею черною свитой: точно мрачный предвозвѣстникъ ночи, онъ опирается на свой черный нагой и съ злорадною, торжествующею улыбкой держать въ своихъ желтыхъ костлявыхъ рукахъ страшную черную Книгу Смерти. За спинкою трона возвышаются серьез-

¹ См. „Восходъ“, кн. IX.

нми, величавыя фигуры Моисея, Исаи, Іереміи и всѣхъ блаженныхъ праотцевъ. Едва я только осмѣливаюсь искоса бросить робкій взглядъ на это блестящее собраніе, какъ вдругъ съ высоты трона раздается могучій зовъ: «Моисей, сынъ Самуила!» Все потемнѣло и зашаталось вокругъ меня и я, дрожа и трепеща отъ страха, приближаюсь къ всемогущему трону. Ангелъ Смерти поспѣшно раскрываетъ свою Черную Книгу и чрезъ нѣсколько мгновеній рѣзко отчеканиваетъ своимъ грубымъ, жесткимъ голосомъ: «Господи, Владыка мой, у Моисея, сына Самуила, нѣтъ грѣховъ!» За нимъ сейчасъ же раздается свѣжій серебрястый голосокъ Ангела Жизни: «Господи, Владыка мой, Моисей очень добрый мальчикъ; онъ съ самаго ранняго дѣтства изучаетъ Твою святую Тору и, не смотря на свою ученость, мой милый Моисей очень скромный и уважаетъ своего стараго отца». «Въ Книгу Жизни на будущій годъ!» раздается тотъ же державный громовый голосъ, и бѣлые ангелы поютъ хвалебный гимнъ Грозному Судьѣ, а я все еще стою въ оцѣпенѣніи и все еще не могу оправиться отъ страха; но вдругъ одна сѣблая, дерзкая мысль блеснула въ моей головѣ, точно молнія среди мрачныхъ тучъ ночи, и я падаю ницъ передъ Страшнымъ Судьей со своей молитвой: «О, Господи Боже мой, я еще очень молодъ, и мнѣ еще очень хочется жить, въ моихъ жилахъ трепещетъ молодая кровь, но отними, Господи, эту молодую жизнь, полную надеждъ, и пощади мой угнетенный, несчастный народъ; пусть мое тѣло жарятъ на сковородѣ, какъ это дѣлалъ кровожадный Антиохъ съ дѣтскими благочестивой Саломонисъ, пусть съ меня сдираютъ кожу желѣзными граблями, какъ это дѣлали злые римляне съ богобоязненнымъ рабби Акибою,—я готовъ на всѣ муки ада, если только этииъ могу искупить грѣхи моего народа! Олень, который живетъ на холодномъ сѣверѣ, согрѣваетъ свои быстрыя ноги въ своемъ логовищѣ; собака, схватившая добычу, подстрѣленную охотникомъ, получаетъ кормъ и ласки своего ховяина; воздушная бабочка, преслѣдуемая злыми шалунами, прячется за душистымъ лепесткомъ весенняго цвѣтка,—только мой несчастный народъ, одинъ среди живыхъ Твоихъ созданій, не имѣетъ ни убѣжища, ни пристанища, гдѣ онъ могъ бы преклонить свою

страдальческую голову. Какъ вѣчный бродяга, изгнанный изъ своихъ родныхъ виноградниковъ, онъ странствуетъ среди потомковъ Исава, выпрашивая у нихъ свою жизнь, какъ милостыню. Потомки Исава, надменные и злые, за обглоданную кость, которую они ему бросаютъ въ лицо со своего сытнаго стола, надѣваются надъ его несчастіями, тончутъ въ грязь его ния и грубо надѣваются надъ его сѣдинами, а онъ, несчастный старикъ, кое-какъ утоливъ свой голодъ, опять смиренно опирается на свой посохъ вѣры и опять идетъ впередъ по своему тернистоту жизненному пути, сгорбившись въ три погибели, точно трусливый рабъ, надъ которымъ занеслась рука его ховяина, пугливо озираясь по сторонамъ своими воспаленными глазами, съ ядовитою гнѣною безсильной злобы на своихъ просохшихъ губахъ, точно бѣшеная собака, которая чуетъ за собою неумолимую, безпощадную погоню. И это Твой избранныкъ, съ которымъ Ты заключилъ союзъ на горѣ Синаѣ, и это Твой первородный сынъ, котораго Ты поставилъ надъ другими народами. О, Господи Боже мой! Скорѣ твердыя гранитныя скалы растають отъ слезъ несчастнаго народа, скоро дикіе звѣри заплачутъ отъ его жалобныхъ пѣсень и молитвъ, а Ты, Господи, все безмолвно сидишь на Своемъ высокомъ тронѣ, величественный и справедливый, но все еще грозный, неумолимый и гнѣвный! Но услышь же наконецъ, Ты, Богъ Авраама, Исаака и Якова! Уже болѣе 3000 лѣтъ Твой избранный народъ истекаетъ своей кровью, болѣе 3000 лѣтъ Твой первородный сынъ бьется въ предсмертной агоніи и жаждетъ смерти, какъ Твоего лучшаго подарка... а Ты вѣдь, какъ сказано въ Твоей святой Торѣ, также «Богъ милости и прощенія»!... Но дальше я уже не могу говорить, и глухія рыданія заглушаютъ мои слова. Я вижу, все небесное собраніе тронуты и поражено моею молитвой; у добраго Ангела Живни заблестали на глазахъ слезы, точно жемчужныя капли утренней росы, пронизанныя золотыми лучами восходящаго солнца; мрачное лицо Ангела Смерти еще болѣе исказилось сардоническою, надменною улыбкой; Іеремія закрылъ свое блѣдное лицо руками и тихо зарыдалъ; въ мертвенныхъ глазахъ Исаи вспыхнулъ огонь воодушевленія, и онъ одобрительно кивалъ мнѣ своей

львиной головой; Моисей насунилъ свои брови и въ мрачномъ раздумьи опустилъ свой взглядъ внизъ въ поднебесное пространство; только одинъ Грозный Судья сидитъ на своемъ высокомъ тронѣ съ тѣмъ же безстрастнымъ лицомъ, какъ и прежде: ни одинъ мускулъ не дрогнетъ на его величавомъ лицѣ, только по временамъ зловѣщая молнія вспыхиваетъ въ Его державномъ взглядѣ: «Ты, сынъ земли и праха, ты дерзкій рабъ! Великіе пророки и патриархи Израиля стоятъ около Моего трона и не могутъ ни одного слова пророчить въ защиту своихъ грѣшныхъ потомковъ, а ты думаешь укротить Мой гнѣвъ своими дѣтскими слезами? А забылъ-ли ты, что сказано чрезъ пророковъ: «Потомки вашихъ потомковъ будутъ нести на себѣ грѣхи своихъ отцовъ». Ангель Смерти, возьми его съ собою! пусть онъ увидитъ, кто были его предки и кто — теперь его братья!»

«Не успѣлъ я еще дослушать послѣднихъ словъ грознаго отвѣта, какъ ко мнѣ уже подлетѣлъ ангель смерти, подхватилъ меня подъ свои черныя крылья и съ быстротою молнии унесъ въ надвѣздное пространство. Скоро подъ нашими ногами засверкали волны моря, и чрезъ нѣсколько мгновений мы спускаемся уже на высокую мрачную гору, изъ остроконечной вершины которой поднимаются густыя клубы дыма. У подошвы горы бѣгѣютъ шатры огромнаго лагеря, изъ глубины котораго до моего слуха доносятся дикіе, радостныя клики.

— «Знаешь-ли ты, гдѣ мы теперь находимся?»—спросилъ меня шопотомъ мрачный Ангель Смерти;—мы теперь стоимъ на горѣ Синаѣ; вотъ мы расположимся на этомъ уступѣ; отсюда мы отлично все увидимъ; насъ же, пока я съ тобою, никто не можетъ видѣть. Видишь ты, недалеко отъ насъ стоитъ высокій старикъ съ длинною сѣдою бородой; ты, конечно, узнаешь его, это—Моисей, великій пророкъ твоего грѣшнаго народа и вѣрный рабъ всеильнаго Бога; въ своихъ рукахъ онъ держитъ каменные скрижали, на которыхъ божьей рукой начертаны 10 заповѣдей; смотри, какъ трясутся его руки отъ гнѣва и досады; смотри, какъ сердито сверкаетъ его взоръ, обращенный внизъ въ долину; онъ только что воротился отъ Владыки вселенной со скрижалями священнаго завѣта, чтобы

вручить этотъ драгоценный подарокъ своему народу; но посмотри, какую встрѣчу приготовилъ ему благодарный народъ. Внизу, у самой подошвы той же самой горы, на которой Господь показался Своему избранному народу, стоитъ уже новый богъ Израиля — золотой телець! Вокругъ него пляшетъ Ааронъ со старѣйшинами въ первосвященнической коронѣ и въ праздничныхъ одѣянiяхъ, за ними пляшутъ при звукахъ цимбаловъ дочери Израиля, обнаживъ свои престоли, точно развратныя дѣвы Ханаана, а съ ними и вся остальная жалкая чернь! Точно табунъ необузданныхъ степныхъ коней, выпущенный на волю, она съ дикими воплями радости скачетъ и мечется по пустынѣ и восторженно реветъ: «вотъ это нашъ Богъ, который насъ вывелъ изъ Египта!»... Одинокiй старикъ, который стоитъ на горѣ, не можетъ уже больше укротить своего гнѣва; онъ съ остервенѣнiемъ разбиваетъ скрижали о скалистый утесъ и съ угрозой поднимаетъ свои руки къ небу: «Да будутъ они прокляты, эти нѣжные, трусливые рабы, рожденные только для цѣпей!»

— Ну, мой юный праведникъ, какъ тебѣ нравятся твои предки, съ которыми Господь только что заключилъ свой союзъ?»

«Я чувствую, какъ кровь приливаетъ къ моей головѣ, и я въ смущенiи закрываю свое лицо руками, но Ангелъ Смерти опять подхватываетъ меня подъ свои черныя крылья, и мы опять уже несемъ съ быстротою зефира въ надзвѣздномъ пространствѣ.

«Черезъ нѣсколько мгновенiй я вижу подъ своими ногами большой красивый городъ, расположенный на многочисленныхъ холмахъ; бѣлая зубчатая стѣна, извиваясь непрерывнымъ кольцомъ, окружаетъ высокiе дома съ плоскими крышами, утопающiе въ зелени виноградниковъ и оливковыхъ садовъ. «Это Иерусалимъ; тамъ на восточной сторонѣ блеститъ золотой куполь храма со щитомъ Давида на своей верхушкѣ, а тамъ далѣе дворецъ царя Соломона. Сегодня — первый день Пасхи и Иерусалимъ переполненъ народомъ, — шепнулъ мнѣ на ухо мой черный спутникъ, и мы уже входимъ черезъ главные городскiя ворота въ одну большую, широкую улицу. Вся улица за-

вружена пестрою толпою народа, щеголяющаго въ праздничныхъ одеждахъ, и цѣлыми стадами барановъ и овецъ, которыхъ суетливые погонщики гонять въ храмъ. Крики, брань, насмѣшки, остроты людей, мычаніе коровъ, блеяніе овецъ и ржаніе лошадей — все это сливается въ одинъ нестройный гулъ, отъ котораго дрожить и стонетъ вся улица.

Я съ жаднымъ любопытствомъ всматриваюсь въ чуждыя, незнакомыя мнѣ уличныя сцены: вотъ идутъ запыленные галилеяне, пришедшіе на праздникъ изъ далекаго сѣвера, и съ дикими восклицаніями погоняютъ своихъ лѣнливыхъ муловъ, нагруженныхъ мѣхами вина и другими дарами для храма; своими неуклюжими, деревенскими манерами, своимъ грубымъ произношеніемъ бѣдные галилеяне вызываютъ насмѣшки столичныхъ красавицъ, которыя стоятъ прелестными группами на плоскихъ крышахъ домовъ и смотрятъ оттуда на безпокойную уличную суету. Тамъ, далѣе, одинъ лукавый финикійскій купецъ раскладываетъ свой пестрый товаръ: тонкія льняныя ткани, блестящія пурпурныя мантии, благовонныя мази и куренія изъ Аравіи, и патетически выкрикиваетъ его достоинства: «Прекрасныя дщери Сіона, покупайте этотъ благородный товаръ, который только что прибылъ на корабляхъ изъ самаго Сидона! Никогда еще болѣе прозрачныя льняныя ткани не скрывали за одну только $\frac{1}{4}$ секеля всѣхъ очаровательныхъ прелестей молодыхъ красавицъ отъ нескромныхъ взоровъ влюбленныхъ юношей, никогда еще даже жены царей не облекали, только за $\frac{1}{2}$ секеля, свои державныя плечи въ такой блестящій великолѣпный пурпуръ!» — Прекрасныя дщери Сіона весело хихикаютъ и смѣются, а краснорѣчивый купецъ спокойно складываетъ свой товаръ и исчезаетъ въ толпѣ. Еще нѣсколько шаговъ впередъ — и вотъ египетскій астрологъ собралъ вокругъ себя цѣлую толпу любопытныхъ зѣвакъ, глубокомысленно указывая ей на небо: «за одну только мѣру оливковаго масла онъ имъ откроетъ всѣ тайны голубого неба; безчисленныя зѣвады, которыхъ теперь никто не видитъ, всѣ повинуются его волшебному слову, и за одну только мѣру оливковаго масла скажутъ каждому изъ толпы, что онъ только захочетъ: сколько у него будетъ женъ, сколько у него будетъ дѣтей, сколько онъ въ эту весну соберетъ

винограду, а если благосклонные слушатели прибавятъ ему еще одну мѣру пшеницы, то послушныя звѣзды имъ также скажутъ, когда умретъ царь Соломонъ, когда будетъ война, какъ долго будетъ длиться миръ». Не успѣвъ я еще дослушать рѣчи астролога, какъ вдругъ за моею спиной раздаются дикіе, неистовые клики: «дорогу давайте, дорогу давайте, житель пещеръ идетъ къ намъ въ городъ!» Я оборачиваюсь и вижу высокаго старика съ истощеннымъ, изнуреннымъ лицомъ, за которымъ бѣжитъ огромная толпа народу. Старикъ, повидимому, не слышитъ насмѣшливыхъ криковъ толпы и задумчиво идетъ по срединѣ улицы, опираясь на свой посохъ; но вдругъ огонь вдохновенія вспыхиваетъ въ его глазахъ, старикъ быстро поднимаетъ свою голову и, замахавъ своимъ посохомъ, оборачивается къ толпѣ: «Горе Сиону, горе его развратному царю и упрямому народу! Господь Саваоѣ сказалъ: «Я хочу стереть ихъ съ лица земли, какъ вѣтеръ стираетъ пыль съ зеленой долины; Я хочу убить ихъ Своей рукой, какъ левъ убиваетъ дерзновенную мышъ, забравшуюся въ его логовище; нѣтъ конца ихъ преступленіямъ, нѣтъ конца ихъ беззаконіямъ; на всѣхъ улицахъ и площадяхъ города стоятъ каменные статуи Молоха, развратный, изнѣженный царь валяется у ногъ чужеземныхъ идоловъ, а съ нимъ и послѣдній поденьщикъ моего народа». Но опомнись же ты, развратный деспотъ, и ты, упрямый народъ: Господь нашъ—Богъ единъ и не терпитъ другихъ боговъ!» Но тутъ его пламенную рѣчь прерываетъ надменный, яростный хохотъ толпы: «Съумасшедшій пророкъ, одинокій житель пещеръ и пустынь, ступай опять въ свою пещеру и корми тамъ крысъ своими пророчествами, пока ихъ не стошнить отъ твоихъ глухыхъ рѣчей!» Старикъ обводитъ толпу презрительнымъ взглядомъ, въ грустномъ раздумьи опускаетъ свою голову и опять продолжаетъ свой путь. Пламенная рѣчь сѣдого старца производитъ на меня потрясающее впечатлѣніе. Мнѣ чудится, что я слышу Исаію, и я хочу бѣжать за старикомъ, чтобы на виду глумящейся черни поцѣловать край его одежды. Но Ангелъ Смерти удержалъ меня своей костлявой рукой: «Остановись, безумный, — кричалъ онъ, — если не хочешь быть забросаннымъ камнями!» Вдругъ раз-

даются звуки трубъ, и черезъ улицу проходитъ почетная стража, блистая своими мѣдными шлемами и серебряными копьями; за нею медленно слѣдуетъ золотая колесница, запряженная бѣлыми конями; въ колесницѣ сидитъ красивый старикъ съ брилліантовою діадемою на головѣ, счастливый и довольный, точно побѣдитель, съ триумфомъ возвращающійся въ свой родной городъ.

— Первосвященникъ ѣдетъ уже въ храмъ, пойдемъ посмотримъ, что дѣлаетъ царь Соломонъ въ своемъ дворцѣ! — шепнулъ мнѣ мой черный проводникъ, схватилъ меня за руку и песѣнно повелъ меня черезъ цѣлый лабиринтъ улицъ, запруженныхъ народомъ. Мало-по-малу въ моихъ ушахъ стихаетъ шумъ многолюдныхъ улицъ и мы подходимъ уже къ одной крутой горѣ: на вершинѣ ея блеститъ царскій дворецъ, утопающій въ зеленой гущѣ оливковыхъ рощъ и кипарисовыхъ садовъ, точно заходящее солнце, выглядывающее изъ-за розовыхъ облачковъ наступающаго лѣтнаго вечера; широкая кедровая лѣстница ведетъ къ воротамъ, у которыхъ стоитъ царская стража со своими острыми копьями и мѣдными шлемами. Незамѣченные послѣднемъ, мы входимъ въ царскій дворъ, песѣнно пробѣгаемъ черезъ широкія кипарисовыя аллеи благоухающаго сада и, наконецъ, черезъ широкія мѣдныя двери, проникаемъ во внутренность дворца. Цѣлая анфилада комнатъ, одна другой прекраснѣе и богаче, представляется моимъ удивленнымъ взорамъ; въ каждой комнатѣ я хочу остановиться, чтобъ насладиться нагроможденными въ ней драгоценностями Востока, но черный чичероне нетерпѣливо тащитъ меня за собою все далѣе и далѣе въ самую глубь дворца. Скоро до моего слуха доносится уже серебристый женскій смѣхъ, и я подъ руку съ Чернымъ Ангеломъ вхожу въ огромный, роскошный залъ. Вначалѣ я едва могъ очнуться отъ удивленія: цѣлый рой очаровательныхъ прелестницъ, въ легкихъ, провратныхъ тканяхъ, точно райскія видѣнія, сошедшія на землю, весело кружится и бѣгаетъ по гладкому зеркальному полу изъ чернаго эбеноваго дерева. Высокія стѣны сверкаютъ искусною золотою рѣзбою и драгоценными каменьями; огромный куполъ изображаетъ собою голубое небо съ золотымъ солнцемъ по сре-

динѣ, серебряною луною и безчисленными бриллиантовыми звѣздами. У стѣнъ разставлены длинныя столы, нагруженные золотыми сосудами съ шипучимъ виномъ, которымъ красавицы прохлаждаютъ себя во время пляски. Но вотъ, въ одномъ углу роскошнаго зала мой глазъ замѣчаетъ огромную серебряную статую Молоха, и чувство омерзѣнія начинаетъ мало-по-малу вытѣснять прелесть очарованія. У восточной стѣны красуется подъ пурпурнымъ багдахинномъ золотой тронъ съ шестью золотыми львами по обѣимъ сторонамъ его, по два на каждой ступени, выточенной изъ слоновой кости. Царь Соломонъ сидитъ на своемъ тронѣ, съ золотой короной на своей сѣдой головѣ и съ сладострастною улыбкой, совершаетъ игривыя движенія своихъ наложницъ. Но вдругъ по знаку царя стихаетъ серебряный смѣхъ молодыхъ фей; красавицы разступаются по обѣимъ сторонамъ зала, оставляя свободное пространство передъ трономъ царя: обаятельная, прекрасная Хирама выскакиваетъ изъ прелестныхъ рядовъ своихъ подругъ, точно молодая серна, выбѣгающая изъ опушки лѣса на зеленую поляну; широкая туника изъ тонкой, прозрачной ткани, слегка поддерживаемая на бѣлоснѣжныхъ плечахъ золотыми запряжками, покрываетъ ея гибкіе члены; золотой поясъ, унизанный жемчугомъ, обхватываетъ прелестный станъ; маленькія ножки, обвязанныя ремнями легкихъ сандалій, сверкаютъ драгоценными бриллиантами между розовыми пальчиками; роскошныя черныя волосы, слегка задерживаемыя свѣжимъ вѣнкомъ изъ трехцвѣтныхъ лилій, граціозною волной распускаются по гибкому стану; полуобнаженные перси, сочныя, какъ спѣлыя виноградныя гроздья, распускаютъ вокругъ себя аромат аравійскихъ благовоній; голубые глаза, точно два сапфира, вправленные въ мраморный лобъ, испускаютъ томный блескъ, а кокетливая улыбка, играя на коралловыхъ губахъ, обнажаетъ ослѣпительный рядъ бѣлыхъ зубовъ. Она пляшетъ и кружится въ забытіи сладострастнаго упоенія, граціозно размахивая своими бѣлыми руками и слегка касаясь зеркальнаго пола своими чудными ножками. Царь впивается своимъ сладострастнымъ взоромъ въ обаятельную фигуру своей любимицы; легкое дуновение зефира распаиваетъ нѣжныя складки тонкихъ тканей, и царь видитъ рос-

кошныя бедра, бѣлѣ снѣга на Ливанскихъ горахъ, бѣлѣ слоновой кости, когда либо вывезанной изъ Офира. Но вдругъ среди бѣшеной пляски прекрасная Хирама застываетъ на одно мгновеніе, точно холодный мраморный истуканъ, и все застываетъ вокругъ нея; въ слѣдующее мгновеніе она снова оживаетъ и, затрепетавъ своимъ гибкимъ тѣломъ, дѣлаетъ граціозный скачокъ къ трону, точно молодая красивая кошка, которая, вдоволь поигравши съ неосторожною мышью, въ одинъ прыжокъ кидается на свою легкомысленную жертву, съ быстротою молодой лани вбѣгаетъ на ступени трона, самоуверенно садится на дрожащія колѣни царя и обвиваетъ его старческую шею своею алебастровою рукою: «Мой милый повелитель, любить-ли меня мой царь?» — «Чего хочетъ моя Хирама?» — нѣжно спрашиваетъ дрожащій деспотъ.

Бѣдная Хирама ничего не хочетъ, она имѣетъ только одну маленькую просьбу, которую царю ничего не стоитъ выполнить. «Одинъ финикійскій жрецъ ей предсказалъ, что она скоро потеряетъ любовь царя, если тотъ не поклонится ей богу Молоху. Для бѣдной Хирамы нѣтъ ничего ужаснѣе, какъ потерять любовь своего дорогаго повелителя; и потому, если царь истинно любить ее, пусть онъ усюзоитъ встревоженную Хираму и преклонитъ свою вѣнчанную голову предъ статуей ея бога. Молохъ очень сильный и счастливый богъ: онъ много разъ уже спасалъ Хираму и ея отца, сидонскаго царя, отъ различныхъ бѣдъ и напастей; царю тоже не повредитъ, если онъ окажетъ ей богу должныя почести; а за то, если царь исполнитъ ея просьбу, она его будетъ такъ ласкать и нѣжить, какъ ласкаетъ ласточка своего неоперившагося птенчика; она его будетъ такъ обнимать и цѣловать, какъ обнимаетъ и цѣлуетъ невинный юноша свою возлюбленную въ первую брачную ночь!» — Легкое облачко неудовольствія пробѣгаетъ по морщинистому лбу царя; онъ въ раздумьи опускаетъ свою сѣдую голову, но вскорѣ его взоръ опять уже скользитъ по бѣлоснѣжнымъ плечамъ и волнистой груди прекрасной Хирамы, и онъ, склонившись къ ней на плечо, нѣжно шепелявитъ своими дряхлыми губами: «Ты, роза Сидона, мнѣ дороже всѣхъ розъ Кармея!»

«Затѣмъ, подъ руку съ Хирамою, царь сходитъ со ступеней

своего трона, подходитъ къ серебряной статуѣ Молоха и, благоговѣнно снявъ свою обувь, трижды падаетъ ницъ предъ серебрянымъ истуканомъ. «Слава великому царю, слава!»—захлопали въ ладоши всѣ прелестницы въ залѣ, а прекрасная Хирама съ тонкою, льстивою улыбкой кладетъ свою бѣлую руку на его плечо: «Ты, мой дорогой повелитель,—не царь, а богъ на земномъ тронѣ!»

— Слышалъ ты, видѣлъ ты еврейскаго царя, которому Господь даровалъ высшую силу и могущество?—толкнулъ меня въ плечо мой черный спутникъ со своей обычной ядовитой усмѣшкой.—Но я его уже не слушаю, и едва сдерживаю негодованіе, kloкочущее въ моей груди: о, еслибъ я имѣлъ ножъ, я бы безжалостно вонзилъ его въ сердце развратнаго царя; о, еслибъ я имѣлъ кнутъ, я бы безошадно разогналъ всѣхъ этихъ очаровательныхъ одалисокъ, которыя причинили столько бѣдъ несчастному народу! Но скоро я опять почувствовалъ, что качаюсь въ голубыхъ волнахъ эфира, и не успѣлъ я еще упрекнуть самого себя, что такъ равнодушно смотрѣлъ на поворную сцену въ царскомъ дворцѣ, какъ я уже увидѣлъ себя на улицѣ своего роднаго городка: вотъ низенькіе деревянные домики съ грязными окнами; вотъ массивное каменное зданіе католическаго костела; вотъ и городская площадь, украшенная лужами, въ которыхъ хрюкаютъ самодовольныя сосновскія свиньи. Вѣтеръ уныло завываетъ на пустынныхъ улицахъ, всѣ лавки въ городѣ закрыты, только кое-гдѣ мелькаютъ на улицахъ одинокія истощенныя фигуры сосновскихъ обывателей. Что это сегодня за праздникъ?—съ недоумѣніемъ спрашивалъ я чернаго спутника. Но онъ молча ведетъ меня по пустыннымъ улицамъ, и наконецъ останавливается предъ однимъ каменнымъ домомъ съ большими грязными окнами, въ которомъ я сейчасъ же узналъ родную сосновскую синагогу: «Ты, мой юный другъ, забылъ уже, что сегодня—Юмъ-Кипуръ; пойдемъ въ синагогу! То, что ты въ ней увидишь, превзойдетъ все, что я тебѣ уже показывалъ!»—Синагога биткомъ набита народомъ. Никѣмъ невидимые, мы пробираемся чрезъ толпу молящихся и взбираемся на высокую эстраду, возвышающуюся въ серединѣ синагоги. Я съ недоумѣніемъ смотрю на своего чернаго спутника и съ

тревожнымъ нетерпѣніемъ ожидаю его разъясненія. Зловѣщая улыбка играетъ на отвратительномъ лицѣ Ангела Смерти, искры ядовитой злости сыплются изъ его маленькихъ глазъ, и наконецъ я слышу уже злобное шипѣніе среди громкихъ возгласовъ молящихся: «Не удивляйся, мой юный другъ, я хочу только тебѣ показать, кому въ этой синагогѣ приготовлены самыя почетныя мѣста въ аду. Вотъ, смотри, у восточной стѣны въ первомъ ряду стоятъ три почтенныхъ старика. Ты ихъ, конечно, сейчасъ же узнаешь; это первые гвиры Сосновки, старѣйшины богобоязненной сосновской общины: ребъ Вэръ Пейшесъ, ребъ Менахемъ Рапкесъ и ребъ Цалаль Фрейдкесъ. Какіе это набожные, какіе это золотые евреи! Смотри, какъ усердно молится ребъ Вэръ, съ какимъ остервенѣніемъ онъ бьетъ себя въ грудь, какіе отчаянные жесты онъ выкидываетъ своими руками и ногами! О, если только всемогущій Богъ имѣетъ глаза и уши, онъ не только помѣститъ ребъ Вэра въ рай среди блаженныхъ праведниковъ, но и посадить его съ собою на своемъ высокомъ тронѣ. Но это еще мало, мой милый мальчикъ: благочестивый ребъ Вэръ не только благоговѣнно соблюдаетъ субботу и установленные праздники, онъ такъ же, какъ написано въ святой Торѣ, и любитъ своихъ ближнихъ, какъ самого себя. Вотъ, напр., какъ содержатель коробочнаго сбора, ребъ Вэръ очень хорошо знаетъ, что мясо вредно для черной сволочи, которая занимается только ручнымъ трудомъ, и потому онъ великодушно каждый годъ возвышаетъ мясной налогъ: отъ этого къ каждой Рошъ-Гашанѣ самодовольный подбородокъ ребъ Вэра приобретаетъ новый этажъ, а лица черной сволочи, которая вотъ толпится тутъ на заднихъ скамьяхъ синагоги, все болѣе и болѣе вытягиваются, какъ у мертвецовъ, которые, какъ извѣстно, въ могилѣ совсѣмъ теряютъ свой аппетитъ. Надавно только, за недѣлю передъ праздникомъ, великодушный ребъ Вэръ надбавилъ еще двѣ копейки на фунтъ мяса.

«Да будетъ проклятъ кровопійца!»—кричалъ раздраженный народъ. Но какое дѣло ему, сосновскому гвиру, до криковъ голодной черни? Онъ боится только одного Бога, Который живетъ на небесахъ, а Бога вѣдь онъ всегда сумѣетъ замолить въ Иомъ-Кипуръ постомъ, слезами и молитвою!

«Ребъ Менахемъ Рашкесъ—тоже очень богобоязненный и честный еврей: двѣ недѣли тому назадъ его жена уѣхала на воды лечиться отъ двойнаго бодборodka, а ребъ Менахемъ, обладатель большихъ магазиновъ и складовъ, внезапно объявилъ себя банкротомъ.»

«Плачь, стоны и скрежетъ зубовный наполнили всеъ грядныя улицы Сосновки, но смѣлый ребъ Менахемъ не смутился предъ людскимъ горемъ, а теперь, въ день Великаго Суда, онъ дрожитъ, трясется и плачетъ, какъ мальчишка, котораго ожидаетъ рога учителя.»

«Ребъ Цалель Фрейдкесъ—его ты тоже очень хорошо знаешь. Это—первый ростовщикъ и первый богатъ твоей родной Сосновки. Помѣщикъ закладываетъ у него свое имѣніе, столяръ—свой топоръ, сапожникъ свое шило и дровосѣкъ—свою пилу. Его желѣзные сундуки, нагруженные золотомъ, наглухо заперты, но сердце гвира открыто для всехъ неимущихъ: просто, умилительно видѣть, какъ въ первый день каждаго мѣсяца его передняя переполняется нищими, и онъ дрожащею рукой даетъ каждому нищему по цѣлому мѣдному грошу. Его совѣсть такъ же чиста, какъ лицо трубочиста, который идетъ въ баню; но набожный ребъ Цалель молится каждый день три раза, и потому его сонъ такъ же спокоенъ и безмятеженъ, какъ сонъ полумѣсячнаго ребенка. Вотъ вчера еще, только за нѣсколько часовъ до Коль-Нидре, онъ выжалъ послѣдніе соки изъ своего ближняго, обратившагося къ нему съ плачемъ и рыданіемъ, и пустил его по міру. Ты, кажется, возмущаешься и красѣешься, но въ сущности вѣдь это совсѣмъ пустынный грѣхъ для богобоязненнаго ребъ Цалела: вѣдь сейчасъ же послѣ этой аферы ребъ Цалель пошелъ въ синагогу, далъ одному нищему 5 копѣекъ, и тотъ, согласно священнымъ обычаямъ Израиля, отсчиталъ ему 39 законныхъ ударовъ плетью по грѣшной спинѣ. Сегодня онъ стоитъ въ синагогѣ рядомъ съ ребъ Баромъ и ребъ Менахемомъ, на самомъ почетномъ мѣстѣ, но, въ отличіе отъ своихъ достойныхъ сосѣдей, онъ молится съ апломбомъ и достоинствомъ, точно онъ ни минуту не сомнѣвается въ томъ, что попадетъ прямо въ рай, къ праведникамъ.»

«Злобныя рѣчи Ангела Смерти вонзаются, точно острые кинжалы, въ мое сердце, и я чувствую, какъ меня бросаетъ въ жаръ и холодъ, какъ мое лицо блѣднѣетъ и краснѣетъ отъ стыда и негодованія. Окончивъ свою рѣчь, Ангелъ Смерти нѣсколько мгновений съ насмѣшливою улыбкой смотритъ мнѣ въ упоръ, точно ожидаетъ отъ меня отвѣта, но я, въ своемъ отчаяннѣи и смущеннѣи, не знаю даже, что ему сказать. Наконецъ мрачный спутникъ молча махнулъ своею рукою, синагога и Сосновка исчезаютъ, какъ волшебное видѣнiе, и я опять уже пошусь бокъ-о-бокъ со своимъ страшнымъ спутникомъ въ туманномъ воздушнымъ пространствѣ. Но вдругъ на одномъ облакѣ Черный Ангелъ останавливаетъ свой быстрый полетъ и снова насмѣшливо заглядываетъ мнѣ въ лицо: «Ну, мой милый юноша, безгрѣшный 16 лѣтнiй праведникъ, розовый цвѣточекъ благоухающей земной невинности! Какъ понравились тебѣ твои достойные предки, какъ нравятся тебѣ современные благочестивые представители богобоязненной сосновской общины? Теперь ты, конечно, вознаградишь меня за мои труды и пойдешь со мною въ мой гостепрiимный адъ. Ты вѣдь самъ только что изъявилъ желанiе жариться на раскаленныхъ сковородахъ; это невинное удовольствiе мои черные дьяволы доставятъ тебѣ совсѣмъ даромъ, ха, ха, ха!»—и онъ съ отвратительнымъ хохотомъ сдавливаютъ мою шею своими желтыми, костлявыми пальцами. Но я собираю свои послѣднiя силы: «Прочь отъ меня, сатана! Услышь, Израиль, Господь нашъ—Богъ единъ!»—и съ пронзительнымъ крикомъ падаю съ небесной высоты въ зияющую черную бездну.

«Больше я ничего не помню; когда я проснулся, я увидѣлъ встревоженное лицо моего отца и блѣдную луну, сiявшую на небесномъ горизонтѣ»...

В. Г.

О ЧЕРТВЪ ОСВѢДЛОСТИ¹.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И СОВРЕМЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЭТОГО УСТАНОВЛЕНІЯ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Мы теперь подходимъ въ вопросу о томъ, откуда, съ кончиною Петра, возникла невѣдомая дотогѣ на Руси политика религіозныхъ гоненій евреевъ, нашедшая столь ревностныхъ поборницъ въ лицѣ императрицъ Екатерины I, Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны? Авторъ объемистаго сочиненія о евреяхъ, кн. Голицынъ, для котораго были открыты всѣ государственные и правительственные архивы, отказывается отъ разъясненія, что именно послужило ближайшимъ поводомъ къ появленію указа 26 апрѣля 1826 года первой изъ сказанныхъ императрицъ, положившаго начало воспомоществовавшихъ поголовныхъ изгнаній евреевъ изъ Россіи. Онъ называетъ только эти изгнанія новыми—въ смыслѣ повторенія предполагаемыхъ имъ прежнихъ на Руси подобныхъ же изгнаній. При этомъ онъ заявляетъ, что открылъ въ архивахъ, будто въ журналѣ Верховнаго Тайнаго Совѣта—положеніе: «Жидовъ въ Россію ни съ чѣмъ не впускать» включено по настоянію Меншикова, и что въ этомъ случаѣ, по его, кн. Голицына, мнѣнію, Меншиковъ, подавшій такимъ образомъ сигналъ къ огульнымъ преслѣдованіямъ евреевъ, держался взглядовъ Петра I, своего учителя. Что это предположеніе отнюдь не имѣетъ основанія, уже ясно видно изъ того, что нами изложено выше о Петрѣ и его образѣ дѣйствія.

Но здѣсь дѣло, главнымъ образомъ, не въ личности. Меншиковъ-ли, сама-ли императрица, или кто другой возымѣлъ мысль

¹ См. „Восходъ“ 1890 г., кн. VIII.

безусловнаго очищенія земли русской отъ сыновъ Израиля—это безразлично. Здѣсь необходимо разъяснить прежде всего, руководствовалась-ли въ этомъ случаѣ верховная власть того времени, независимо отъ религіозныхъ, какими либо често-политическими побужденіями, которыя оправдывались бы, быть можетъ, неправильнымъ, ошибочнымъ, но все-таки совнаніемъ этою властью государственной или личной пользы отъ изгнанія евреевъ. Мы видѣли, что въ западной Европѣ императоры и короли прибѣгали въ этой мѣрѣ исключительно съ цѣлью обращенія евреевъ въ доходную для себя статью. Но въ вышеупомянутыхъ указахъ императрицы не замѣчается никакихъ подобныхъ мотивовъ. Напротивъ, по всему видно, что мѣра эта предпринята въ полномъ сознаніи, что тутъ даже приносятся въ жертву матеріальныя выгоды страны—торговля, эконолическія и финансовыя. Верховной власти не могло не быть извѣстно, что евреи способствуютъ оживленію мѣстной торговли. Объ этомъ дѣлались даже представленія со стороны мѣстныхъ властей, побуждавшія верховную власть смягчать принципиально принятую при Екатеринѣ I мѣру недопущенія евреевъ въ русскую страну. Это ясно видно изъ указовъ Петра II и Анны Іоанновны, допустившихъ для торговли на ярмаркахъ вновь ихъ пріѣздъ въ Малороссію, въ виду «обывательской въ томъ воляи»¹. Не смотря, однако, на это, а также на то, что мѣстныя власти и мѣстное населеніе вовсе не желали изгнанія евреевъ, — иначе не было бы никакой надобности въ цѣломъ радѣ подтвердительныхъ именныхъ и сенатскихъ указовъ, съ угрозою «высочайшаго гнѣва» и «тяжчайшаго даже истязанія» за всякія въ этомъ отношеніи послабленія², — верховная власть со временъ Екатерины I, казалось, приняла навсегда за правило держаться сказаннаго образа дѣйствія относительно евреевъ. Отсутствіе же при этомъ всякой утилитарной мысли всего осязательнѣе высказывается въ извѣстной резолюціи Елисаветы Петровны: «отъ враговъ Христовыхъ не желад интересной прибыли», положенной ею на докладѣ сената, который,

¹ П. С. З., т., VIII, № 5324, ст. 14; т. IX, № 6610, п. 21, п. 6614, п. 14.

² Тамъ же, т. XI, № 7673.

вслѣдствіе усиленныхъ ходатайствъ малороссійской генеральной войсковой канцеляріи и ливонидской губернской и регистратурской канцеляріи, а также рижскаго магистрата и генералъ-фельдмаршала рейксъ-графа фонъ Лесса, представлялъ государынѣ всю невыгоду безусловнаго изгнанія евреевъ изъ Россіи въ торговомъ и финансовомъ отношеніяхъ, и склонялъ ее на этотъ разъ, съ точки зрѣнія государственной казны бы пользы, въ смягченіи установленныхъ противъ евреевъ мѣръ. Нѣтъ также основанія предполагать, чтобы верховная власть руководствовалась тутъ мотивомъ о необходимости принятія настоятельныхъ мѣръ къ оборонѣ и защитѣ господствующей церкви отъ посягательствъ на нее евреевъ. Подобный мотивъ встрѣчается въ наказѣ губернаторамъ и воеводамъ и ихъ товарищамъ Петра II отъ 2-го августа 1728 г., но исключительно по отношенію только къ однимъ магометанамъ¹. Евреи же вообще не упоминались въ склонности къ пропагандѣ и прозелитизму. Ни одного случая соvrащенія и обрѣзанія ими русскихъ людей не было обнаружено и при производствѣ съ духовной стороны слѣдствія надъ Борохомъ-Лейбовымъ по упомянутымъ выше извѣстіямъ на него мѣщанъ Шилы и Паскина. Хотя тотъ же еврей Борохъ казненъ впоследствии по обвиненію его въ соvrащеніи и обрѣзаніи флота капитанъ-лейтенанта Возницина, и оба они въ 1738 году сожжены за это живьемъ на кострѣ, но такой случай—единственный въ русскихъ лѣтонисяхъ, и сопровождался онъ обетательствами, навлекающими крайнее сомнѣніе въ справедливости такой казни и самаго обвиненія. Казнь состоялась безъ постановленія юстицъ-коллегіею и сенатомъ рѣшительныхъ по дѣлу сентенцій, по личной волѣ Анны Іоанновны, на основаніи предварительныхъ допросовъ однихъ только обвиняемыхъ—Бороха-Лейбы и Возницина—въ «застѣннѣ, съ подвѣтіемъ на дыбу», т. е. на основаніи допросовъ, до крайности пристрастныхъ. По всей вѣроятности, и сама императрица не была убѣждена въ выполненіи ею акта строгаго правосудія и совѣсть ее мучила, вслѣдствіе чего ею было сдѣлано распоряженіе до отъѣзда ея въ Петергофъ «эзекуцію не чинить, а учинить ее послѣ ея отсутствія»². Если и пред-

¹ П. С. З., т. VIII, № 5333, п. 19, см. также выше.

² П. С. З., т. VIII, № 5333, п. 19, см. также выше.

положить, что Везнадинъ дѣйствительно былъ сокращенъ Борохомъ-Лейбомъ, то единственный этотъ случай не могъ служить для верховной власти достаточнымъ политическимъ поводомъ къ принятію какихъ либо общихъ мѣръ противъ евреевъ, съ точки зрѣнія обороны и защиты царствъ. И дѣйствительно, ни въ одномъ изъ именныхъ указовъ объ изгнаніи евреевъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на подобный мотивъ. Изъ архивныхъ свѣдѣній не видно также, чтобы самъ сенатъ опирался на фактъ успѣховъ еврейства среди русскаго народонаселенія.

Равнымъ образомъ, нигдѣ не имѣется никакихъ данныхъ, чтобы гоненія на евреевъ послѣ смерти Петра были воздвигнуты изъ сознанія политической властью вреда евреевъ въ торговомъ, промышленномъ и финансовомъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, не политическія, а чисто-религіозныя побужденія лежали въ основѣ тѣхъ указовъ. Въ нихъ ясно сквозитъ мысль обратить воздвигнутыя на евреевъ гоненія въ мѣру насильственнаго прозелитизма. Это не исключаетъ, съ другой стороны, всякую возможность предположенія, чтобы гоненія эти были предприняты изъ какой либо національной неприязни собственно въ еврейской расѣ. Все это вполне подтверждается какъ послѣднимъ казнь надъ евреями Борохомъ-Лейбомъ и приведенною выше резолюціею Елисаветы, такъ въ особенности слѣдующими словами именного указа этой послѣдней императрицы 2-го декабря 1742 года: «Какъ то уже не по однократнымъ предельмъ Нашихъ въ разныхъ годахъ, а на послѣднемъ, блаженныя и вѣчподостойныя памяти, вселюбивѣйшія Матери Нашей Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, въ прошломъ 1727 г. Апрѣля 26 дня состоявшимся указомъ, во всей нашей Имперіи, какъ въ Великороссійскихъ такъ и Малороссійскихъ городахъ Жидамъ жить запрещено; но нынѣ Намъ извѣстно учинилось, что оныя жиды еще въ нашей Имперіи, а навначе въ Малороссіи, подъ разными видами, яко торговани и содержаніями корчемъ и шинковъ жителство свое продолжаютъ, отъ чего де нѣкогда какого плода, но токмо яко отъ тѣловыхъ ижеи Христа Спасителя ненавистниковъ, нашимъ вѣрно-подданнымъ крайняго вреда ожидать должно. А понеже наше Всемилостивѣйшее матернее намѣреніе есть отъ всѣхъ чаемыхъ нашимъ вѣрно-подданнымъ и всей Нашей Имперіи случиться могущихъ худихъ слѣдствій крайне охранять и отвращать; того для

и сего въ забвѣніи оставлять Мы нехота, Всемилостивѣйшіе повелѣваемъ: изъ всей Нашей Имперіи, какъ изъ Великороссійскихъ; такъ изъ Малороссійскихъ селъ и деревень, воѣхъ мужска и женска пола Жидовъ, какого бы кто званія и достоинства не былъ, со объявленія сего Нашего Высочайшаго указа, со всѣмъ ихъ инѣвнѣмъ немедленно выслать за границу, и впродъ оныхъ ни подъ какии видомъ въ Нашу Имперію ни для чего не впускать; развѣ кто изъ нихъ захочетъ быти въ Христіанской вѣрѣ Греческаго исповѣданія, таковыхъ крестя въ Нашей Имперіи, жить имъ позволить, только воѣхъ ихъ изъ Государства уже не выпускать, непрещенныхъ, какъ и выше показано, ни подъ какии протекстомъ никому не держать».

Изъ этого указа ясно усматривается: 1) что его составители, съ цѣлью побужденія императрицы къ твердости и рѣшимости въ такомъ образѣ дѣйствія относительно евреевъ, изытали въ ея глазахъ представленія о нашей древней національной политикѣ объясненіемъ, что она дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ не только согласно съ повелѣніемъ ея матери Екатерины I, но и по примѣру ея предковъ, такимъ же, будто, образомъ, неоднократно, въ разныхъ городахъ, указами воспрещавшихъ евреямъ жительство въ Россіи и повелѣвавшихъ ихъ изгнанія изъ нея, собственно за вѣру, какъ ненавистниковъ имени Христа Спасителя; тогда какъ намъ положительно уже извѣстно, что указъ Екатерины I отъ 26 апрѣля 1727 г. о такой мѣрѣ есть первый въ своемъ родѣ со временъ Св. Владиміра; 2) что и въ указѣ Елисаветы Петровны, о которомъ говорится, политическимъ мотивомъ къ изгнанію евреевъ выставляется не *воспоследовавшій* уже отъ нихъ фактически какой либо для интересовъ церкви и государства вредъ, но только «чаемій» и могущій воспоследовать, т. е., другими словами, воображаемый, влѣдствіе религіозныхъ предубѣжденій и предрасудковъ противъ лицъ іудейскаго закона, и 3) что императрица не отклонялась отъ распространенія и на евреевъ своихъ материнскихъ чувствъ, не взирая на ихъ еврейское происхожденіе или расу, но только подъ условіемъ, чтобы ими было принято крещеніе по закону христіанской вѣры греческаго исповѣданія и чтобы они засимъ изъ Имперіи уже не выѣзжали. Изъ этого очевидно, что въ основаніи ихъ изгнанія лежала и мысль ихъ обращенія въ православіе, не

силою уже убѣжденіями и поощреніями, какъ это дѣлалось въ древней Руси, но путемъ *насилія* и *принужденія*, т. е. мѣрами, выходившими уже изъ крайнихъ предѣловъ, какіе допускались нашими православными князьями и государями въ дѣлѣ привлеченія иновѣрцевъ въ лоно православной церкви.

Главную причину такого отступленія названныхъ императрицъ отъ коренныхъ началъ православія и древне-національной политики нельзя объяснить ничѣмъ инымъ, какъ измѣненіемъ религіозныхъ понятій о томъ, въ чемъ именно должно заключаться истинное христіанское благочестіе по отношенію къ живущимъ въ странѣ иновѣрнымъ людямъ, твердо держащимся своихъ прирожденныхъ вѣрованій, въ томъ числѣ и къ евреямъ.

Мы видѣли, что, по ученію и примѣрамъ первыхъ отцовъ и святителей русской православной церкви, христіанское благочестіе въ этомъ случаѣ должно было состоять, со стороны истинныхъ ея пастырей, въ подвижническихъ трудахъ надъ невѣрующими, по ихъ назиданію и наставленію въ истинахъ вѣры, съ цѣлью воздѣйствія на нихъ исключительно одною силою убѣжденія; со стороны же представителей свѣтской верховной власти— въ томъ, чтобы не питать и не развивать въ себѣ и народѣ чувства ненависти къ иновѣрнымъ людямъ. «Всякаго невѣрнаго, какъ и правовѣрнаго,—приказывалъ Св. Феодосій Печерскій князю Изяславу,—назорми, одѣнь и избавь отъ бѣды». Свѣтская и духовная власть оставались всегда въ своихъ опредѣленныхъ предѣлахъ, не смѣшивая область духовную съ политическою и различая бытовые отношенія къ людямъ отъ религіозныхъ. Религіозныя гоненія не могли, поэтому, быть въ духѣ истиннаго православія, не могли возникать и получать развитіе въ странѣ, гдѣ господствовала православная церковь.

Совершенно противоположныя взгляды и понятія о христіанскомъ благочестіи въ дѣлѣ опредѣленія отношеній къ иновѣрцамъ господствовали въ римско-католическомъ мірѣ. Нетерпимость къ религіи отождествлялась съ нетерпимостью къ ея послѣдователямъ, общественныя отношенія къ людямъ—съ религіозными.

Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ выше данныхъ видно, что съ воцареніемъ Екатерины I стали преобладать у насъ по отношенію къ евреямъ взгляды и понятія о христіанскомъ благо-

честія, весьма сходныя съ римско-католическими. Откуда же вышло такое ихъ преобладаніе, когда дотогѣ это на Руси не существовало, какъ нѣчто противное духу и нашего православія, и образа дѣяствія православныхъ нашихъ государей?

Для того, чтобы разъяснить настоящія причины этого явленія, навлекшаго многолетнюю тѣнь на одну изъ самыхъ свѣдѣлыхъ сторонъ нашей политической жизни, необходимо возникнуть нѣсколько ближе въ положеніе нашей церкви и личнаго состава ея іерархическихъ властей со временъ Петра I.

Главнѣйшею хранительницею чистоты православія была сперва, до и даже послѣ подпаденія юго-западныхъ частей Руси подъ владѣтельство Польши, Киево-Печерская лавра, изобиловавшая иноками, отличающимися святостью жизни и человѣколюбіемъ, подражая въ томъ угодникамъ печерскимъ Антонію и Феодосію. Но духовенство вообще требовало соответственнаго своему званію образованія. Центромъ этого послѣдняго до самаго Петра былъ опять же Кіевъ. Въ XVII столѣтіи, извѣстный святитель нашъ, митрополитъ Петръ Могила изъ елліно-словенской школы луцкаго братства образовалъ киевскую коллегію, положившую начало тогдашней духовной академіи. Но, въ сожалѣнію, еще до того въ русскую среду сталъ въ значительной степени проникать латинскій духъ, пріобрѣтшій сильную поддержку въ Уніи. Костомаровъ пишетъ, что въ то время распространившееся въ юго-западной Руси польское вліяніе было такъ велико, что русскіе люди, ратуя за свою вѣру, писали по польски¹. Это не могло не коснуться вышеупомянутой духовной коллегіи. Подъ такимъ вліяніемъ стали выработываться личности изъ нашего духовенства, которыя, будучи сами пропитаны латинизмомъ, стремились привлекать къ нему и другихъ. Мы видѣли, въ какомъ духѣ писалъ обучавшійся въ киевской коллегіи южно-русскій монахъ Галатовскій. Мало-помалу такими духовными сталъ наполняться личный составъ іерархической власти и въ Великороссіи. Съ тѣмъ вмѣстѣ проникли въ ея духовную область и римско-латинскіе взгляды по многимъ предметамъ, относящимся къ религіозно-политической сферѣ. Такъ, напримѣръ, Симеонъ Полоцкій, воспитанникъ киевской школы,

¹ Житіеописаніе Петра Могилы, стр. 67.

усердный, по выраженію пр. Знаменскаго, собиратель чужихъ книгъ, принесъ съ собою въ Москву исключительно латинское образованіе. Греческаго языка онъ совсѣмъ не зналъ. Епифаній Славинецкій, хотя тоже изъ южно-русскаго духовенства, но оставшіяся вѣрныя православію, изобличалъ Полоцкаго въ латинскомъ направленіи и указывалъ, что въ основу его сочиненія «Вѣнца Вѣры» положенъ не нѣмѣйскій, а мнимомосквитинскій католическій символъ. Тогдашній патріархъ нашъ Іоаннъ обвинялъ Полоцкаго въ «хлѣбопоклонческой ереси», называлъ его «Вѣнецъ Вѣры» вѣнцомъ изъ «западнаго тернія свѣтовниимъ». Между тѣмъ дѣти царя Алексѣя Михайловича, царь Феодоръ, Іоаннъ и Софія, были его воспитанниками. По стопамъ Полоцкаго шелъ ученикъ его Сильвестръ Мадвѣдѣвъ, смотритель Заиконоспасскаго монастыря въ Москвѣ. Вслѣдствіе этого завязалась въ Великороссіи даже ученая борьба между представителями православія и латинизма, въ которой со стороны перваго, какъ извѣстно, проявлялась столь выдающаяся дѣятельность Евфимія и братья Лихуды. Но латинизмъ, вмѣя за собою ученость того времени, дѣлалъ тѣмъ не менѣе успѣхи въ московской Руси и проникалъ въ среду таиннаго духовенства. Дошло до того, что нѣкій дьяконъ Петръ Артемьевъ, бѣжавшій въ Венецію, сталъ, по возвращеніи оттуда, проповѣдывать латинскія убѣжденія съ церковной даже кафедрой, за что и былъ сосланъ въ Соловки. «Іерусалимскій патріархъ Досифей,—говоритъ Знаменскій,—давно уже слѣдилъ за успѣхами латинской науки въ Россіи и нѣсколько разъ писалъ въ Москву предостереженія противъ кievскихъ ученихъ»...

Находясь съ этихъ лѣтъ подъ вліяніемъ зародившихся въ Нѣмецкой слабодѣ нововѣрныхъ элементовъ, Петръ,—какъ пишетъ Знаменскій,—«религіозное воспитаніе получилъ ни въ кievскомъ духѣ, ни въ духѣ великорусскаго древняго благочестія». Тѣмъ не менѣе онъ явился государемъ въ духѣ прежнихъ нашихъ царей, ревностнымъ защитникомъ господствующей православной церкви. Но предпринятые имъ реформы нуждались въ содѣйствіи духовенства изъ лицъ просвѣщенныхъ. Въ этомъ отношеніи великорусскіе священники болѣею частью, не могли удовлетворять царя, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, Митрофанія Воронежскаго, Дмитрія Ростовскаго, Тихона Казанскаго, Іова Новго-

родскаго, которые болѣе или менѣе относились сочувственно къ реформеннымъ идеямъ Петра; всѣ прочіе, съ патріархомъ Андріаномъ во главѣ, по ихъ неприязни во всякомъ нововведеніи, не могли соотвѣтствовать его видамъ. Въ южнорусскомъ духовенствѣ, получавшемъ образованіе въ нѣмецкой коллегіи, какъ усвоившемъ болѣе современнымъ идеи, Петръ естественно видѣлъ и болѣе вѣрныхъ, надежныхъ и энергичныхъ сотрудниковъ по части предпринятыхъ имъ преобразованій. Вслѣдствіе этого онъ сталъ отдавать имъ предпочтеніе при замѣщеніи епископскихъ кафедръ и другихъ высшихъ іерархическихъ должностей. Управдивъ по смерти Андріана, въ 1700 году, патріаршій престолъ, онъ предоставлялъ первенство въ русской церкви извѣстному Стефану Яворскому, автору «Камня Вѣры», наименовавъ его — Влостителемъ патріаршаго престола. Между тѣмъ, святитель этотъ былъ духа далеко не православнаго. «Въ своихъ рѣчахъ и писаніяхъ, — говоритъ Знаменскій, — онъ увлекался латинскими образцами и источниками». Своими воззрѣніями на отношенія государства къ церкви, которая, по его мнѣнію, должна была имѣть, по примѣру римско-католической, единоличное управленіе, онъ навлекъ на себя подозрѣніе и самого царя. Во время мѣстооблестительства Яворскаго было предпринято преобразованіе московской духовной академіи на началахъ латинскихъ и на этихъ же началахъ были основаны устраивавшіяся тогда епархіальныя школы. Едино-славянское образованіе совсѣмъ почти исчезло у насъ. Въ пристрастіи къ латиняму упрекалъ Яворскаго и іерусалимскій патріархъ Доседей. Но намъ вѣдается, что Яворскій ярче всего наобличалъ себя римско-католическимъ настроеніемъ въ душѣ своими стремленіями привить къ православію совершенно чуждый ему фанатизмъ, отличительную черту котораго составляетъ отсутствіе чувства человѣчности и правильности религиозныхъ воззрѣній на сущность истинно христіанскаго благочестія. Въ упомянутомъ своемъ твореніи «Камень Вѣры», которое Петръ, именно въ виду замѣчавшагося въ немъ фанатическаго настроенія, къ печати и изданію въ свѣтъ не разрѣшилъ, Яворскій усиливался, между прочимъ, распространить мнѣніе о правѣ церкви, изъ благочестивой цѣли христіанскаго душеспасенія, казнить смертью всѣхъ еретиковъ. При этомъ Яворскій вооружался въ

особенности против протестантизма, изъ чего можно заключить, что вѣрованія евреевъ должны были являться, съ его точки зрѣнія, еще болѣе богоотступническими. Такимъ образомъ, авторъ «Камня Вѣры» считалъ камень христіанскаго благочестія душевнѣе спасеніе людей не столько силою внутренняго убѣжденія, сколько силою внѣшняго принужденія, подобно пастырямъ римско-католической церкви средне-вѣкового времени. Фанатизмъ совершенно латинскаго духа онъ имѣлъ случай вызывать и на самомъ дѣлѣ. Въ 1718 году, онъ съ яростью преслѣдовалъ двѣ весьма скромныя по ихъ званію личности, лекаря Дмитрія Тверитнова и цирюльника Фому Иванова, увлекшихся протестантскими вѣрованіями и обвинявшихся въ еретичествѣ, въ числѣ другихъ появившихся тогда въ Москвѣ подобныя же еретиковъ. Въ сущности дѣло это было пустое, такимъ считалъ его и самъ Петръ. Но патриаршій мѣстоблюститель счелъ нужнымъ дать дѣлу такое направленіе, что одинъ изъ тѣхъ обвиняемыхъ—цирюльникъ Ивановъ—былъ сожженъ живымъ на кострѣ, за что Яворскій и получилъ формальный выговоръ отъ царя черезъ сенатъ.

Съ такими инквизиціонными наклонностями, шедшими въ разрѣзъ съ истинно-православными понятіями о христіанскомъ благочестіи, Яворскій занялъ мѣсто президента въ учрежденномъ Петромъ св. синодѣ. Это было всего за годъ и 10 мѣсяцевъ до возбужденія, въ ноябрѣ слѣдующаго 1722 г., дѣла еврея Борока-Лейба. Яворскій умеръ именно въ этомъ году, но неизвѣстно въ какомъ мѣсяцѣ, а потому нельзя въ точности сказать—участвовалъ-ли онъ въ синодскомъ постановленіи, конимъ столь настоятельно требовалось, между прочимъ, отъ свѣтской власти немедленное принятіе мѣръ къ поголовному изгнанію изъ Россіи всѣхъ проживавшихъ въ ней евреевъ. Но судя по существу этого постановленія и характеру другихъ главныхъ духовныхъ личностей, входившихъ тогда въ составъ синода, можно безошибочно сказать, что въ этой коллегіи и послѣ смерти Яворскаго царилъ первоначально духъ послѣдняго, т. е. далеко не истинно-православный.

Вакантное синодальное послѣ Яворскаго мѣсто было замѣщено извѣстнымъ *Геофилактомъ Лопатинскимъ*, такимъ же, какъ и онъ, воспитанникомъ кievской школы и поклонникомъ латинизма. Старшимъ членомъ синода былъ посвященный въ новгородскіе

митрополити *Одесскій Яновскій*, а третьимъ вліятельнымъ членомъ его былъ любимецъ Петра, знаменитый *Ософавъ Прокоповичъ*.

Знаменскій говоритъ, что въ числу другихъ святителей, которые принимали въ Яворскомъ по единству образованія и направленія, принадлежалъ и *Ософавъ Лопатинскій*. Это подтверждается, какъ тѣмъ, что это онъ, по кончинѣ Петра, издавъ, вопреки его велѣнію, дышащее римско-латинскимъ фанатизмомъ твореніе Яворскаго «Камень Вѣры», за что отчасти впоследствии и пострадалъ, такъ и тѣмъ, что Лопатинскій былъ ревностнымъ сотрудникомъ Яворскаго въ преслѣдованіи московскихъ еретиковъ, въ томъ числѣ и жившемъ сожженнымъ цирульникомъ *Фомы Иванова*.

Нѣтъ также основанія предполагать, чтобы оставшіеся по смерти Яворскаго старшимъ синодальнымъ членомъ — *Одесскій Яновскій* не поддавался чувству общественной неприязни къ евреямъ и инымъ иновѣрцамъ изъ-за ихъ религіи. Знаменскій говоритъ, что Яновскій имѣлъ весьма свободный взглядъ на религіозные предметы, но едва-ли можно это понимать въ смыслѣ какой либо терпимости къ послѣдователямъ иновѣрныхъ религіи и уваженія къ свободѣ ихъ совѣсти, изъ сознанія, что въ этомъ именно и заключается христіанское благочестіе по отношенію къ нимъ въ духъ ѣ истинно-православномъ. По словамъ же Знаменскаго, религіозныя убѣжденія Яновскаго были весьма шатки; онъ велъ совершенно свѣтскую жизнь, производившую соблазнъ въ великорусскомъ духовенствѣ, которое, — присовокупимъ съ своей стороны, — было хотя и менѣе посвящено въ богословскую схоластику кievской школы, но за то было болѣе благочестивымъ по своимъ человѣческимъ чувствамъ къ людямъ иновѣрныхъ религіи. Мы видѣли, что въ примѣненіи ими этихъ чувствъ на дѣлѣ такіе фанатики кievской школы, какъ монахъ *Галатовскій* и другіе, а также вторившій имъ историкъ нашъ *Бостомаровъ*, видѣли религіозную распущенность и равнодушное, сравнительно съ фанатическимъ настроеніемъ римско-латинскаго духовенства, отношеніе къ дѣламъ вѣры. Между тѣмъ, ошибочность этого мнѣнія подтверждается образомъ возрѣвній, какъ первыхъ отцовъ нашей церкви, такъ равно и такихъ святителей временъ Петра, какъ св. *Митрофаній Воронежскій* и св. *Димитрій Ростовскій*. Хотя первый изъ нихъ былъ изъ числа тѣхъ, которые внушали Петру

воздерживаться отъ пововеденій, расширившихъ чрезмѣрно права иновѣрныхъ исповѣданій, но въ этомъ нельзя видѣть общественной нетерпимости къ нимъ, нилающей фанатизмомъ и побуждающей къ жестокимъ ихъ преслѣдованіямъ и ищчаніямъ. Сошты и внушенія св. Митрофанія отнюдь не носили на себѣ характера возбужденія царя и народа ни противъ чужеземныхъ иновѣрцевъ, ни противъ тѣхъ, которые обятали въ Россіи, съ цѣлю воздвигнуть на этихъ послѣднихъ религіозныя гоненія. Онъ не побуждалъ верховную власть къ принатію какихъ либо особыхъ мѣръ строгости и относительно евреевъ, въ смыслѣ выполненія этимъ долга христіанскаго благочестія. Ничего подобнаго не приходило на мысль и другому современному Петру Великому святителю нашему, св. Дмитрію Ростовскому, который хотя былъ тоже кievской школы, но, по своей подвижнической жизни и религіозному направленію, пребывалъ во всей чистотѣ православія. Оберегая строго это послѣднее, онъ въ то же время не питалъ въ себѣ, не питалъ и въ другихъ чувства общественной неприязни къ иновѣрцамъ; подобно св. Θεодосію, совѣтовалъ сынамъ своей паствы только избѣгать ихъ, т. е. не сближаться съ ними, не вступать съ ними въ словопренія, но былъ далеко отъ мысли, чтобы христіанское благочестіе могло заключаться въ насиліяхъ и безчеловѣчіяхъ надъ иновѣрцами. «Его историческое направленіе, — замѣчаетъ Знаменскій, — было чуждо схоластичеи кievской школы, душа его была полна благочестія и христіанской любви».

Совсѣмъ противоположное представлялъ собою Θεодосій Яновскій по своему образу жизни и характеру. Онъ велъ вполне свѣтскую жизнь и окружалъ себя роскошью. Властолюбіе, тщеславіе, користолюбіе, крайняя раздражительность, въ случаяхъ малѣйшаго оскорбленія его самолюбія¹—составляли отличительныя черты его характера и были главною причиною его гибели: еще Петръ лишилъ его своего довѣрія, а въ царствованіе Еккатерини I онъ лишенъ сана и сосланъ въ Корельскій монастырь. Въ такомъ дурномъ пастырѣ нельзя, конечно, предполагать свѣтлыхъ понятій объ истинно-христіанскомъ благочестіи и правильныхъ взглядовъ

¹ Знаменскій, стр. 304 и 305.

на него въ дѣлахъ, касавшихся гражданскаго положенія иновѣрцевъ въ странѣ, особенно, когда рѣчь шла о евреяхъ.

Что касается, наконецъ, духовной личности третьяго по смерти Яворскаго вліятельнаго члена синода, участвовавшаго въ постановленіи объ изгнаніи евреевъ изъ Россіи—*Феофана Прокоповича*, то въ настоящее время и ей сдѣлана надлежащая оцѣнка. При всѣхъ своихъ блестящихъ дарованіяхъ и несомнѣнныхъ заслугахъ по части образованія духовенства, онъ тоже далеко не походилъ на благочестивыхъ святителей нашей церкви. Можно сказать, что онъ даже превосшелъ Яворскаго въ мірскомъ тщеславіи, хотя, конечно, былъ ловче и предусмотрительнѣе его. Намѣкая на это, Знаменскій говоритъ, что «онъ жилъ въ то время, когда въ жизни дѣйствовали не право и мораль, а слѣпой инстинктъ самосохраненія». Сынъ кіевскаго купца, Прокоповичъ на 17-мъ году,—пишетъ Костомаровъ,—былъ помѣщенъ въ польское училище, совращенъ съ православія, принялъ унию и поступилъ въ монахи. Будучи въ Римѣ, онъ находился тамъ подъ вліяніемъ іезуитовъ. Хотя впоследствии онъ сдѣлался православнымъ и даже сталъ ревностно обличать лукавство и фальшивость іезуитовъ, но есть много основаній заключать, что въ глубинѣ души онъ не былъ настиремъ истинно-православнымъ и что его воззрѣнія на христіанское благочестіе во многомъ расходились съ воззрѣніями первыхъ отцовъ и святителей церкви. Онъ не могъ достигнуть ихъ чистоты уже потому, что вся его архипастырская дѣятельность не носила на себѣ характера истинно-христіанскаго подвѣжничества. Онъ вращался въ свѣтѣ болѣе какъ мірянинъ, чѣмъ какъ носитель креста. Онъ былъ необычайно богатъ, обладалъ лично 16,000 крестьянскими душами, получалъ громадныя доходы съ своихъ и кафедральныхъ имѣній, имѣлъ 4 дома въ столицахъ, мѣзу около Стрѣльны, держалъ большую свиту,—хотя, замѣтимъ, въ сочиненномъ имъ Духовномъ Регламентѣ онъ въ то же время проводилъ мысль о несообразности такой свиты съ епископскимъ званіемъ,—устраивалъ большіе приемы и вообще окружалъ себя роскошною обстановкой вельможъ XVIII вѣка (Знаменскій, стр. 314). По всему видно, что онъ разыгрывалъ роль римско-латинскихъ прелатовъ. Прощать личнымъ своимъ врагамъ не было отличительною его чертой. Это видно, между прочимъ, изъ

того, что въ царствованіе Анны Іоанновны, которую онъ и порочилъ, онъ не только не отвращалъ, но побуждалъ къ производству тогдашней тайною канцеляріей странныхъ, сопровождавшихся безчеловѣчными пытками, розысковъ надъ судьей архіерейскаго дома своей псковской епархіи Маркеломъ Родышевскимъ и монахомъ Іоною, по одному лишь подозрѣнію въ составленіи ими противъ него подметныхъ писемъ. Онъ также далеко не былъ безучастенъ въ обвиненіи и арестѣ своихъ коллегъ по синоду Яновскаго и Теофилакта Лопатинскаго, который впоследствии подвергался даже пыткамъ. Облеченный епископскимъ званіемъ пастыря Христовой церкви, который, вмѣсто любви и состраданія, питалъ въ себѣ чувство мщенія и, увлекаясь имъ, не только не отвращалъ, но побуждалъ власть къ безчеловѣчіямъ надъ тѣми, кого онъ признавалъ личными своими врагами, едва-ли можетъ быть названъ истинно-православнымъ пастыремъ¹. Въ Прокоповичѣ сидѣлъ, несомнѣнно, духъ латинско-іезуитскій, хотя и глубоко затаенный. При такомъ внутреннемъ своемъ состояніи, нельзя допустить мысли, чтобы онъ могъ вполне сознавать, въ чемъ именно должно заключаться христіанское благочестіе въ дѣлѣ религіозно-общественныхъ отношеній къ обитавшимъ въ Россіи иноувѣрцамъ, особенно іудейскаго закона, которые въ то время всюду еще на Западѣ, какъ въ католическихъ, такъ и протестантскихъ странахъ, покупали на вѣсь золота свое право на болѣе или менѣе спокойное существованіе въ нихъ. Такую поворную для челоуѣчества мѣру, какъ обложеніе податью самаго права на жизнь, никто изъ названныхъ духовныхъ личностей не посмѣлъ бы, конечно, предложить православному царю, особенно такому, каковымъ былъ Петръ. Но дать ему поводъ къ лишенію евреевъ этого права въ

¹ Для того, чтобы судить насколько въ этомъ отношеніи Теофанъ Прокоповичъ не походилъ на образцы жизни нашихъ истинно-православныхъ пастырей, мы можемъ указать, между прочимъ, на примѣръ одного изъ великихъ святителей нашей церкви—св. Тихона Задонскаго, жившаго при Екатеринѣ II. „Одлакомъ въ гостяхъ у знающихъ, — пишетъ Знаменскій, — онъ вступилъ въ бесѣду съ какии-то доминиконъ-вольтеріанцемъ и кратко, но такъ сильно сталъ опровергать его, что гордъ ній челоуѣкъ вышелъ изъ себя и далъ ему пощечину. Святитель тутъ же упалъ ему въ ноги съ мольбой о прощени и этимъ такъ на него подѣйствовалъ, что онъ съ тѣхъ поръ сдѣлался хорошимъ христіаномъ“ (стр. 367).

русской странѣ безкорыстно, какъ бы подъ видомъ выполненія долга христіанскаго благочестія, каждый изъ тѣхъ іерарховъ, не исключая и Теофана Прокоповича, могъ рѣшиться съ совершенно свободною совѣстью, смотря на этотъ предметъ съ точки зрѣнія римско-латинскаго и даже протестантскаго благочестія того времени. Въ этомъ отношеніи, Теофанъ Прокоповичъ могъ даже особенно вліять, зная расположеніе Петра къ лютеранамъ и протестантамъ и имѣя тогда возможность указывать на живые примѣры возмутительнаго положенія евреевъ и въ ихъ странахъ:

Этимъ, кажется, вполне и объясняется состоявшійся, впервые послѣ Владиміра Святаго, въ нашей церковной области актъ безусловной нетерпимости къ евреямъ, выраженный въ синодальномъ постановленіи 1722 г. по голословнымъ извѣстанъ мѣщанъ Шила и Паскина на еврея Бороха-Лейбова и его товарищей. Синодъ, въ лицѣ сказанныхъ іерарховъ, подобно помѣстнымъ латинскимъ соборамъ временъ вестъ-готовъ и первыхъ французскихъ королей, требовалъ въ этомъ случаѣ отъ православнаго царя, въ видѣ выполненія акта христіанскаго благочестія, немедленнаго изгнанія изъ Россіи не только обвинявшихся, по одному наговору, отдѣльныхъ личностей изъ евреевъ, но и всѣхъ ихъ вообще, «дабы . . . въ тѣхъ странахъ,—сказано въ постановленіи,—гдѣ православныхъ жительство имѣется, никакого имъ пристанища и жительства не было». Одни эти выраженія свидѣтельствуютъ уже достаточно о римско-латинскомъ складѣ ума и воззрѣніи засѣдавшихъ въ синодѣ іерарховъ. Между тѣмъ извѣстно, что, по установившемуся съ самихъ первыхъ временъ принятія Русью христіанства обычаю, державшемуся до того въ теченіи восьми вѣковъ, православнымъ воспрещались исключительно одни только *домашнія общенія* съ некрещеными людьми, въ томъ числѣ и съ евреями. Но здѣсь появляется внезапно совершенно новый запретъ—запретъ православнымъ имѣть съ ними всякаго рода сношенія и *всѣ* домашнихъ общеній. Это было почти что средневѣковое лишеніе евреевъ огня и воды, какъ людей отверженныхъ и стоящихъ внѣ закона. Такая мѣра не имѣла никакого освященія ни въ церковныхъ, ни въ гражданскихъ законахъ православной Руси, не имѣла ничего общаго съ ними и носила на себѣ рѣзкій отпечатокъ папскихъ буллъ и постановленій помѣстныхъ

римско-католических соборовъ, столь покорными исполнителями которыхъ являлись на Западѣ представители верховной власти, пока не придумали средства къ обходу этихъ фанатическихъ велѣній, чрезъ обращеніе права евреевъ на жизнь въ доходную для себя статью. Трудно сказать насколько іерархи, подписавшіе вышеказанное синодальное постановленіе, вѣрили сами, что оно было дѣйствительно актомъ христіанскаго благочестія; но легко допустить мысль и объ ихъ неискренности въ этомъ случаѣ, такъ какъ всѣ они по духу не были православными святителями. Соборный ихъ приговоръ не могъ бы найти сочувствія и въ прежнихъ православныхъ государяхъ нашихъ. По извѣстнымъ уже намъ, искони установившимся на Руси, отношеніямъ къ церкви державныхъ представителей верховной власти, никто изъ нихъ, не исключая Грознаго, не явился бы слѣпымъ и покорнымъ исполнителемъ такого церковнаго требованія, какъ поголовное изгнаніе евреевъ или другихъ иновѣрцевъ изъ страны, собственно за исповѣданіе ими своей прирожденной религіи. Но тогда, по характеру нашихъ отношеній къ чужеземцамъ вообще, господствовало у насъ еще средневѣковое время. Съ Петромъ же и его реформами наступила для Россіи новая эпоха — эпоха возрожденія. Въ Великомъ Преобразователѣ царя мысль не разобщенія, а сближенія съ народностями, помимо ихъ вѣры и расы, помимо его личныхъ симпатій или антипатій къ той или другой изъ нихъ. Вслѣдствіе этого, сказанная мѣра относительно евреевъ, съ религіозно-политической точки зрѣнія, могла встрѣтить въ немъ, какъ въ православномъ царѣ, еще менѣе сочувствія. По видимому, ему не осмѣливались даже довлѣдывать о требованіи, выраженномъ въ синодальномъ постановленіи. Если же и допустить предположеніе, что сенатъ, не рѣшившійся, какъ намъ извѣстно, привести это требованіе въ исполненіе собственною властью, входилъ по этому предмету съ всеподданнѣйшимъ докладомъ, то нужно допустить и то, что предложенная синодомъ мѣра была Петромъ безусловно отвергнута, такъ какъ нѣтъ слѣдовъ о его созволеніи на нее. Приписываемый ему указъ 26 января 1725 г., если только онъ дѣйствительно состоялся, могъ имѣть своимъ предметомъ, какъ мы уже сказали, высылку изъ Россіи только отдѣльными личностей изъ евреевъ, а именно: Бороха-Лейбова

съ товарищами. Но существованіе и такого указа является весьма сомнительнымъ, какъ по приведеннымъ выше причинамъ, въ числѣ которыхъ имѣетъ существенное значеніе нерозысканіе его усердно рыскавшимъ въ архивахъ кн. Голицынымъ, такъ и потому, что по общимъ историческимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что Петромъ 26 января, т. е. за два дня до его кончины, выполнены только два благочестивыхъ акта: принятіе Св. Таянъ и подписаніе манифеста о помилованіи большей части преступниковъ, судившихся или осужденныхъ гражданскимъ судомъ. О третьемъ же благочестивомъ актѣ—по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія вышеупомянутыхъ синодальныхъ іерарховъ—поголовномъ изгнаніи евреевъ изъ Россіи, ничего не упоминается даже такимъ непріязненнымъ въ немъ историкомъ, какъ Костомаровъ—въ его подробномъ жизнеописаніи Петра.

Но что не могло быть достигнуто при царѣ, столь крѣпкомъ силою воли и ума, то могло быть достигнуто легче при послѣдующихъ, болѣе слабыхъ царствованіяхъ. Если извращеніе въ Петрѣ православныхъ понятій о христіанскомъ благочестіи и превращеніе ихъ въ римско-латинскія были трудно достижимы, то это представляло менѣе труда по отношенію къ послѣдовавшимъ за нимъ императрицамъ, какъ женщинамъ, легко поддающимся вообще увлеченіямъ въ вѣрованіяхъ и въ дѣлѣхъ религіозной исключительности. Это подтверждается и на самомъ дѣлѣ, какъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

Русскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКІЕ ЕВРЕИ ВЪ АМЕРИКѢ.

(ИТОГИ ЭМИГРАЦИОННАГО ДВИЖЕНІЯ).

I.

Въ послѣднее время идея эмиграціи опять начала крѣпнуть въ средѣ русскихъ евреевъ, не смотря на не совсѣмъ-то благоприятный исходъ прежнихъ эмиграціонныхъ попытокъ.

Правда, новое движеніе, кажется, имѣетъ болѣе шансовъ на успѣхъ, съ одной стороны, потому, что уже накопился достаточный опытъ отъ прежнихъ попытокъ, а съ другой—потому, что настоящее или, лучше, будущее движеніе будетъ, безъ сомнѣнія, поставлено на болѣе твердой почвѣ и основано на болѣе реальныхъ началахъ, чѣмъ эмиграціонныя движенія первой половины только что минувшаго десятилѣтія.

Тогда, особенно въ 1881 и 1882 гг.—евреи были подъ подавляющимъ вліяніемъ ужасныхъ погромовъ, которые произвели страшную панику среди еврейскихъ обитателей «черты», заставивъ многихъ бросить свою суровую родину и зря искать своему «оскорбленному чувству» человѣческаго достоинства—уголокъ въ гостепріемныхъ западныхъ берегахъ Атлантическаго океана. Теперь же временные ужасы притихли, но за то установился такой порядокъ, который, по своей цѣльности, постоянству и интенсивности, едва-ли не болѣе способствуетъ эмиграціи, чѣмъ сами погромы. Тогда еще свѣтилъ слабый лучъ надежды, еознаніе, что погромы—только слѣдствія разнузданныхъ страстей бушующей невѣжественной черни, подстрекаемой челоуѣко-ненавистниками. Теперь же—административная практика въ примѣненіи ограничительныхъ законовъ, а равно все новое и новое расширеніе этихъ

послѣднихъ—подрываютъ надежду на перемѣну къ лучшему въ близкомъ будущемъ.

Ограниченія трехъ кардинальныхъ правъ человѣка—права мѣстожителства, права свободнаго занятія и права на образованіе—ставятъ громадное большинство русскихъ евреевъ въ такое тяжелое положеніе, изъ котораго значительная часть ихъ не видитъ никакого другого выхода, кромѣ эмиграціи.

Но все-таки торопиться нечего, и прежде чѣмъ предпринимать что нибудь en gros, нужно хорошо обдумать предпринимаемый шагъ. Проектируя новую эмиграціонную попытку, необходимо сначала подвести итогъ прошлымъ движеніямъ, постараться найти въ прошломъ уроки для будущаго.

Этихъ-то итоговъ никто еще не подводилъ до сихъ поръ. Вотъ уже почти десятилѣтіе, какъ масса русскихъ евреевъ ежегодно устремляется въ невѣдомый край; уже около 200,000 евреевъ переселились въ одну Америку, между тѣмъ исторія судебъ этой массы въ новомъ свѣтѣ еще даже и не начата. Никѣмъ еще не предпринято было даже сколько нибудь полнаго обзорѣнія положенія еврейскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ. Тѣ нисѣма, статьи и корреспонденціи изъ Америки, которыя отъ времени до времени появляются и появлялись на столбцахъ еврейскихъ и русско-еврейскихъ газетъ и журналовъ, слишкомъ неточны, поверхностны, отрывочны и противорѣчны и, конечно, вовсе не годятся для уясненія эмиграціоннаго вопроса. Между русскими евреями господствуетъ крайнее невѣдѣніе дѣйствительныхъ условій эмигрантской жизни.

Своими очерками я хочу отчасти пополнить этотъ пробѣлъ въ еврейской литературѣ. Конечно, я не надѣюсь и не намѣренъ исчерпать свой предметъ: эмиграціонное движеніе въ Америку ждетъ еще своего историка и бытописателя. Я хочу только уяснить для всѣхъ многое до сихъ поръ не уясненное касательно положенія евреевъ въ Сѣв. Америкѣ и дать достаточно матеріала и фактовъ—чтобы читатель самъ могъ сдѣлать свои заключенія и выводы.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ я исполняю этими очерками обѣщаніе, данное мною нѣкоторымъ выдающимся американскимъ еврейскимъ дѣятелямъ и филантропамъ, которые неоднократно выражали мнѣ

свое крайнее прискорбіе, что въ понятіяхъ русскаго еврейства господствуетъ еще крайній хаосъ относительно Америки и положенія въ ней эмигрантовъ, не смотря на то, что ежегодно около 20 тысячъ русскихъ евреевъ устремляются въ невѣдомую для нихъ страну.

Данныя, приводимыя въ очеркахъ, заимствованы, во 1-хъ, изъ ежегодныхъ отчетовъ соединенныхъ еврейскихъ благотворительныхъ общинъ (Annual Reports of the United Hebrew Charities), любезно доставленныхъ мнѣ для этой цѣли секретаремъ общества г. А. Райховомъ (Arthur Reichhoff); во 2-хъ, изъ статистическихъ отчетовъ рабочаго вѣдомства Сѣв. Американскаго союзнаго кабинета (Statistical Reports of the Commissioner of Labor), присланныхъ мнѣ начальникомъ этого вѣдомства, извѣстнымъ статистикомъ м-ромъ Карроль Урайтомъ (Carrol D. Wright, Washington D. C.); въ 3-хъ, изъ моихъ отчетовъ какъ одного изъ инспекторовъ Санитарной комиссіи еврейскаго участка (Inspector of the Sanitary Aid Society of the 10 ward.); въ 4-хъ, изъ свѣдѣній о земледѣльческихъ колоніяхъ въ Америкѣ, доставленныхъ мнѣ, между прочимъ, г-номъ *Камланомъ*, участвовавшимъ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ колоній и развѣдывавшимъ по другимъ въ качествѣ уполномоченнаго отъ извѣстнаго г-на Гальперина.

Наконецъ, многое основано на моихъ личныхъ воспоминаніяхъ за время моего 8-ми-лѣтняго пребыванія въ Америкѣ.

II.

По всѣмъ даннымъ, которыя можно достать, общая цифра русско-еврейскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ достигаетъ 200,000.

По официальному цenzусу (Статистич. сборникъ), изъ Россіи въ Америку эмигрировали отъ 1820 г. до 1886 г. — 184,805 чел.

Изъ нихъ за время	> 1820 >	> 1880 >	было 84,000 >
а за время	> 1880 >	> 1886 >	> 100,000 >

Эмигранты до 1880 года были поляки и евреи, вѣроятно, около 50% каждой народности.

До 1884 г. эмигрантовъ не раздѣляли по религіямъ или національностямъ, а только по странамъ, изъ которыхъ они вышли. Въ сентябрѣ 1884 г. общество United Hebrew Charities назначило

особаго представителя въ Castle Garden (мѣсто прибытія эмигрантовъ въ Нью-Йоркѣ), въ лицѣ *Якобса*, на котораго возложена была обязанность быть переводчикомъ, защитникомъ и статистикомъ еврейской эмиграціи.

И вотъ результаты его статистическихъ записей:

Года.	евреевъ вообще.	русскихъ евреевъ.
1885 прибыло	18,585 чел.	11,348 чел.
1886 »	27,348 »	17,396 »
1887 »	25,788 »	18,682 »
1888 »	29,602 »	20,809 »
1889 »	22,674 »	15,977 »
за 5 лѣтъ	123,947 чел.	84,212 чел.

Я сказалъ раньше, что эмигрантовъ изъ Россіи съ 1880 по 1886 было около 100,000. Вычитая изъ этого 11,348 прибывшихъ въ 1885 и около 10% другихъ народностей, эмигрировавшихъ изъ Россіи (впрочемъ, едва-ли онѣ составляютъ и 10%), мы видимъ, что за прежніе 4 года, отъ 1881 по 1885, прибыло еврей-эмигрантовъ около 80,000. Всего же за 9 лѣтъ прибыло болѣе 184,000 русскихъ евреевъ, а вмѣстѣ съ прибывшими чрезъ другіе порты Сѣвери. Соединен. Штатовъ—около 200,000 (см. №№ 11, 12, 13, 14 и 15 Annual Reports of the United Hebrew Charities).

Судя по статистикѣ эмигрантовъ за 1889 годъ, въ которомъ было 40% мужчинъ, 31% женщинъ и 29% дѣтей, можно предположить, что эти 200,000 эмигрантовъ составляли около 50 тысячъ семействъ. Можно также съ большою достовѣрностью предположить, что большая часть эмигрантовъ—выходцы западныхъ и преимущественно литовскихъ губерній. Въ первые года эмиграціоннаго движенія выходцы южныхъ и юго-западныхъ губерній составляли около 40% всей массы, но за послѣдніе годы ихъ число, вѣроятно, не превышало 20% ея.

Всѣхъ эмигрантовъ можно раздѣлить на слѣдующія три категоріи:

Первая категорія состоитъ изъ интеллигентныхъ молодыхъ людей, рѣшившихся оставить свои учебники и гоньбу за профессиональными карьерами, чтобы начать новую жизнь въ странѣ

равноправія и свободы. Это были вновь испеченные патриоты, сдѣлавшіеся поборниками еврейства только послѣ того, какъ прованчскіе погромы охладили ихъ прежній пылъ,—молодежь, рѣшившаяся оставить свою родину, которой она готовилась честно служить.

Въ Америкѣ эта молодежь намѣревалась заняться земледѣльческімъ трудомъ. Небольшая часть этой категоріи эмигрантовъ стойко держалась своего первоначальнаго рѣшенія и, послѣ прибытія въ Америку, стала дѣлать колонизаціонныя попытки. Остальная масса этой категоріи, не предвидя благоприятныхъ условій для уснѣшной колонизаціи, занялась—кто другими видами физическаго труда, кто трудомъ умственнымъ—многіе поступили въ университеты или на журналистическое поприще.

Вторая категорія состояла большею частью изъ выходцевъ изъ южныхъ и юго-западныхъ губерній. Это—простонародная масса, на своихъ плечахъ извѣдавшая всю прелесть погромовъ: ремесленники, мелкіе торговцы и земледѣльцы Одессы, Елисаветграда, Кіева и другихъ городовъ и мѣстечекъ, болѣе или менѣе прямо пострадавшихъ отъ беспорядковъ 1881 г. Цѣль всѣхъ этихъ эмигрантовъ была тоже колонизація. Часть ихъ, по прибытіи въ Америку, пробовала пристроиться къ колоніямъ, а другая часть занялась ремесломъ, физическімъ трудомъ на фабрикахъ и заводахъ и только незначительное число взялось за мелкую торговлю.

Третья категорія состояла большею частью изъ выходцевъ изъ западныхъ польскихъ и литовскихъ губерній. Изъ нихъ только интеллигенты думали о земледѣліи, а остальные, почти четыре пятыхъ всѣхъ лицъ этой категоріи, бросились на «педлерство» (торговлю въ разность галантерейными и другими товарами) и тому подобныя коммерческія занятія. Изъ этихъ лицъ рекрутируется та громадная масса старьевщиковъ, лавочниковъ, педлеровъ, фруктовщиковъ и т. п. мелочныхъ торговцевъ, кои кишатъ всѣ еврейскіе кварталы Нью-Йорка и всѣхъ большихъ американскихъ городовъ.

Перейдемъ теперь къ характеристикѣ первой поры еврейской эмиграціи въ Америку.

III.

Когда первыя вѣсти о еврейскихъ погромахъ въ Россіи достигли до американскихъ евреевъ — большая часть ихъ была крайне возмущена и выражала свое настроеніе въ прессѣ и въ публичныхъ собраніяхъ.

Особенное сочувствіе вызвало положеніе русскихъ евреевъ въ чуткой душѣ покойной еврейской поэтессы Эммы Лазарусъ, которая не только что воспѣла еврейское горе въ сильно прочувствованныхъ стихахъ, но и пропагандировала необходимость оказанія имъ существенной помощи. Она склонила, между прочимъ, г. Де-вита Зелигмана, сына извѣстнаго миллионера-банкира—Ж. Зелигмана, сдѣлать первые шаги къ практической организаціи помощи разгромленнымъ евреямъ Россіи.

Состоялся памятный Protest Meeting, въ которомъ, кромѣ еврейскихъ капиталистовъ, участвовало также нѣсколько выдающихся американскихъ политическихъ дѣятелей, какъ знаменитый Корсъ, сенаторъ Карлъ Шурдъ и др. Слѣдствіемъ этого собранія было рѣшеніе основать временный комитетъ для оказанія помощи русскимъ евреямъ, уже начинавшимъ прибывать въ Америку большими партіями.

Понятно, что практическое примѣненіе какой либо идеи гораздо труднѣе, чѣмъ ея принципиальное рѣшеніе въ теоріи. Хотя въ принципѣ было рѣшено—оказать помощь русскимъ эмигрантамъ, но еще не было рѣшено въ чемъ должна выразиться эта помощь. Такъ какъ главною цѣлью русскихъ еврейскихъ эмигрантовъ было земледѣліе, для котораго необходимы были громадныя средства, то американскіе евреи сначала рѣшили сообща съ европейскими евреями заняться устройствомъ земледѣльческихъ колоній, для чего и посланъ былъ делегатъ въ Европу. Бѣ сожалѣнію, въ выборѣ делегата была сдѣлана большая ошибка. Въ Америкѣ, чаще чѣмъ гдѣ либо, практическіе дѣльцы эксплуатируютъ филантропію другихъ въ свою собственную пользу. Делегатъ г-нъ Эллингеръ (Ellinger) оказался именно такого рода дѣльцомъ. Впрочемъ, его миссія скоро оказалась лишней, такъ какъ, вслѣдствіе неожиданно громаднаго наплыва еврейскихъ эмигрантовъ—европейскіе евреи уже не могли думать объ устройствѣ колоній для

всѣхъ эмигрантовъ, а рады были управиться съ простою задачей препровожденія всей эмиграціонной массы отъ русскихъ границъ чрезъ Европу и Атлантическій океанъ до Нью-Йорка, а американскіе евреи по необходимости должны были концентрировать всю свою дѣятельность на оказаніи временной помощи голоднымъ и оборваннымъ бѣднякамъ, тысячами прибывавшимъ ежедневно въ нью-іорскій портъ.

Вотъ эта-то необходимость оказыванія временной помощи и погубила въ самомъ началѣ идею о земледѣльческихъ колоніяхъ и всякую надежду на успѣхъ ея въ близкомъ будущемъ, ибо тѣ немногія земледѣльческія колоніи, которыя основаны были Гальпериномъ и другими (о которыхъ рѣчь впереди), очевидно совсѣмъ не соответствуютъ грандіознымъ колонизаціоннымъ планамъ, которые первоначально развивались еврейскими патріотами въ Америкѣ.

Зимой 1882 г. состоялся митингъ соединенныхъ еврейскихъ общинъ (Union of Jewish Congregations) и соединенныхъ благотворительныхъ общинъ (United Hebrew Charities), и рѣшено было создать временную организацію—Hebrew Emigrant Aid Society—общество для вспоможенія еврейскимъ эмигрантамъ. Президентомъ этого общества выбрали г-на Теска (*Tuska*) — бывшаго капиталиста, довольно честнаго, хотя не энергичнаго человѣка. Вскорѣ на его мѣсто выбрали маститаго ученаго—Гальперина—честнаго, энергичнаго и добраго человѣка, глубоко уважаемаго и любимаго всѣми,—человѣка, чья память дорога каждому еврейскому эмигранту въ Америкѣ. Жаль только, что покойный, воистину святой старецъ, такъ горячо любимый и такъ много сдѣлавшій для русскихъ евреевъ, отъ которыхъ онъ, вѣрнѣе скажу, получилъ очень мало содѣйствія, былъ слишкомъ большой теоретикъ-ученый, чтобы справиться съ массою практическихъ дѣлъ, находившихся на его рукахъ. Вслѣдствіе массы дѣлъ, онъ долженъ былъ довѣряться помощникамъ—людямъ въ родѣ Ю. Шварца, чье имя еще и теперь произносится съ проклятіемъ всѣми явившимися несчастію попасть въ его не совсѣмъ честныя руки. Впрочемъ, во время президентства Гальперина, онъ часто довѣрялся и полагался на совѣты и содѣйствіе нѣкоторыхъ интеллигентныхъ молодыхъ людей изъ Россіи, которыхъ онъ уважалъ и любилъ и которые, конечно, были болѣе преданы русскому еврейству, чѣмъ

разные американскіе Шварцы, Эллигери, Нилленберги, Любальскіе, Куршеты и т. п.

Дѣятельность Hebrew Emigrant Aid Society направлялась на слѣдующія отрасли: во 1-хъ—на устройство временныхъ пристанищъ, лухмистерскихъ, гдѣ бы масса прибывающихъ бѣдняковъ могли найти кровъ и пищу; во 2-хъ—на принежаніе работы для ремесленниковъ; въ 3-хъ—на устройство земледѣльческихъ колоній. Впрочемъ, вскорѣ послѣдняя, а также и 2-я отрасли ихъ дѣятельности совершенно отошли на задній планъ и вся забота комитета направлялась на то, чтобы пріютить, одѣть и накормить тысячи эмигрантовъ, ежедневно прибывавшихъ въ Америку. На это обратили главное вниманіе. Въ іюлѣ 1882 г., благодаря щедрому пожертвованію Якова Шиффа въ 10,000 долларовъ, комитетъ началъ постройку временныхъ жилищъ на лежащемъ близъ Нью-Йорка островѣ Вордсайланд'ѣ (Ward's Island), принадлежащемъ союзнаму правительству, употребляющему его для разныхъ нуждъ эмигрантовъ. Зданій возведено было всего 4, построенны они были очень просто: изъ сосновыхъ осмоленныхъ досокъ. Въ главномъ зданіи, имѣвшемъ внутри видъ деревянной «кущи», помѣщалось около 500 лицъ, другое зданіе было предназначено для столькихъ же холостыхъ, 3-е—для кухни и кладовыхъ и 4-е для правленія, состоявшаго изъ главнаго директора, называемаго «Father»—«Отцомъ», какого-то американца, затѣмъ—его помощника венгерца Цадлука, и нѣсколькихъ русско-еврейскихъ прислужниковъ. Сюда-то на островъ пережѣстили массу эмигрантовъ, здѣсь ихъ кормили, одѣвали и давали иногда работу, когда таковая находилась.

Я не стану здѣсь описывать всего того, что перетерпѣли несчастные эмигранты, посланные на этотъ островъ (на который и изъ котораго нельзя было ни прибыть, ни отбыть безъ разрѣшенія Father'a). Не стану описывать того деспотизма, подъ игомъ котораго они стонали, той мелочной тираніи, которой они подвергались отъ «отца», разныхъ прибывающихъ членовъ комитета à la Куршеть, Шварцъ и комп., и даже отъ прислужниковъ, которые попрекали несчастныхъ ссыльныхъ «даровымъ хлѣбомъ» (очень неудобоваримаго качества, чѣмъ вообще отличалась островская пища, состоявшая изъ подозрительнаго качества мяса, хлѣба съ пескомъ, гнилыхъ фруктовъ и суповъ съ червями). Я не стану также описы-

вать весьма замѣчательнаго событія, именно — «бунта», вызваннаго тѣмъ, что терпѣвіе эмигрантовъ наконецъ лопнуло. Эмигранты, возмущившись, побили помощниковъ, прогнали «отца», выбили стекла въ всѣхъ окнахъ правленія, и были усмирены прибывшими нѣсколькими сотнями гигантовъ-полисменовъ, которыхъ, впрочемъ, они успѣли помѣть боа и нѣкоторымъ даже пробить головы камнями; у многихъ полисменовъ были искуваны руки разъяренными женщинами. Дѣло кончилось, разумеется, торжествомъ существующаго порядка. Нѣсколькихъ бунтовщиковъ буквально избилъ до смерти и увезли почти мертвыми; вся площадь успѣлась раненными и изувѣченными. Правда, «отца» смѣнили, вмѣсто него назначили разныхъ Вейцмановъ и Дюбельскихъ, подъ управленіемъ которыхъ жизнь стала еще хуже. Я также не коснусь очень интересной темы, какъ разные дѣльцы-филантропы воспользовались беспомощностью и невѣжествомъ русскихъ эмигрантовъ и заставили ихъ конкурировать съ американскими рабочими, чѣмъ они чуть не вызвали еврейскихъ погромовъ; эти мнимые благодѣтели брали бѣдныхъ эмигрантовъ на разные фабрики и заводы, безжалостно эксплуатируя ихъ, заставляя ихъ работать за $\frac{1}{8}$ и $\frac{1}{4}$ обыкновенной цѣны, третируя ихъ въ то же время какъ попрошайекъ и собакъ. Больше сотни семействъ отправлены были въ Greenpoint, подъ предлогомъ научить ихъ тамъ ремеслу плетенія стульевъ и корзинъ, чему они очень скоро научились и за которую работу они получали чисто собачьи конуры и гнилую пищу, что заставило ихъ сдѣлать нѣсколько разъ «Hunger strikes» — голодовую стачку. — Повторяю, я не хочу здѣсь описывать всей каторги (иными словами я не могу это назвать), которой несчастная масса эмигрантовъ подвергалась, пока, наконецъ, комитетъ — Hebrew Emigrant Aid Society — не былъ закрытъ весной 1883 г. и эмигранты не были оставлены на собственномъ своемъ пощеніи и предоставлены своей личной энергіи.

Всѣ эти детали и инциденты изъ жизни первыхъ русско-еврейскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ очень интересны и поучительны, но не входятъ въ прямую цѣль моихъ очерковъ, и я ихъ оставлю на другой разъ. Здѣсь же я только констатирую, что 1) печальное положеніе эмигрантовъ, 2) концентрированіе всей дѣятельности комитета на временномъ вспоможеніи и 3) высокомѣрное и

несправедливое третированіе эмигрантовъ со стороны нѣхъ американскихъ собратьевъ—нигили своимъ послѣдствіемъ, во 1-хъ, что значительное число эмигрантовъ, не находя постоянного дѣла въ Америкѣ, рѣшились возвратиться обратно въ Россію; во 2-хъ, что другая значительная часть, не будучи въ силахъ терпѣть третированіе и рабство, оставила комитетъ и, безъ помощи и знанія языка и страны, начала свои мытарства въ погонѣ за кускомъ хлѣба—въ то время когда при болѣе рациональной помощи могла сдѣлаться колонистами, и въ 3-хъ, что, когда средства комитета истощились и онъ былъ закрытъ—большая часть эмигрантовъ, привыкшихъ уже къ даровому хлѣбу и помощи комитета, не знала, какъ устроиться—и составила собою центръ нищаго населенія Нью-Йорка.

А между тѣмъ—если бы тѣ сотни тысячъ долларовъ, вторыми были потрачены на разныя кухмистерскія, Вардсайланди, Гринпойнты и т. п., были употреблены на устройство большихъ земледѣльческихъ колоній въ восточныхъ близлежащихъ отъ Нью-Йорка штатахъ—бѣдствія эмигрантовъ не были бы больше, а что нибудь радикальное и постоянное было бы основано.

Впрочемъ, нельзя винить комитетъ и американскихъ евреевъ за всѣ неудачи и беспорядки. Нельзя было ожидать, что всѣ американскіе евреи безуворизненно честные и мудрые люди. Истинныхъ филантроповъ—мало. Такихъ людей, какъ покойный Гальперинъ, поборникъ идеи еврейской колонизаціи, какъ Я. Шиффъ, жертвовавшій десятками тысячъ на разныя нужды эмигрантовъ, какъ докторъ Эдвинъ Зеллманъ, помогавшій молодымъ людямъ изъ интеллигентныхъ эмигрантовъ выбиться изъ зависимости и достичь университетскаго образованія и другихъ профессій,—такихъ высокочестныхъ людей вообще немного.

Сами эмигранты во многомъ виновны въ разрушеніи великихъ надеждъ на новую жизнь въ Новомъ Свѣтѣ.

Впрочемъ, главная ихъ вина—это бѣдность и невѣжество. Они не должны были ѣхать такими массами, да въдобавокъ безъ всякихъ средствъ. Они не должны были довольствоваться временной подачкой, а требовать устройства колоній. Они не должны были остаться—почти $\frac{9}{10}$ —всю массую въ одномъ г. Нью-Йоркѣ, гдѣ за послѣднія 9 лѣтъ прибавилось до 150,000 еврейскихъ жителей.

Главная же причина всѣхъ бѣдствій было то, что эмигрантская масса не была организована.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію колонизаціонныхъ попытокъ эмигрантовъ и ихъ положенія въ Америкѣ, я воснусь еще одной интересной темы, какъ американскіе евреи отнеслись и смотрѣли на русско-еврейскихъ эмигрантовъ.

IV.

Раньше 1881 года американскіе евреи не имѣли опредѣленнаго взгляда на русскихъ евреевъ, такъ какъ они ихъ почти что не знали. Тѣ евреи, преимущественно изъ литовскихъ губерній, которыхъ въ Америкѣ уже находилось нѣсколько десятковъ тысячъ и которые прибыли въ Америку раньше періода 1881 года, составляли относительно незначительную часть всего американскаго еврейства и, занимаясь тѣми промыслами, какъ всѣ евреи, не выдавались и не обращали на себя особеннаго вниманія.

Когда стали прибывать первыя группы русскихъ эмигрантовъ, на нихъ смотрѣли какъ на несчастныхъ жертвъ религіозной нетерпимости и на униженныхъ и оскорбленныхъ страдальцевъ за свою вѣру, хотя уже и тогда, еще въ маѣ 1881 г., американско-еврейская газета Jewish Messenger говорила: «Наплывъ еврейскихъ эмигрантовъ изъ Россіи обратилъ на себя вниманіе американскихъ евреевъ. Въ виду того, что большая часть эмигрантовъ лишена всякихъ средствъ, мы совѣтуемъ еврейскимъ органамъ Европы предостеречь русскихъ евреевъ отъ массовой эмиграціи въ Америку». Газета выражала также опасеніе, что «большой наплывъ русскихъ евреевъ въ Соединенныхъ Штатахъ грозитъ американскому еврейству обречьміемъ».

Это, вѣроятно, былъ первый отрезвляющій голосъ среди общаго сочувствія эмиграціонному движенію.

Лучшимъ выразителемъ общественнаго мнѣнія американскаго еврейства о русской эмиграціи могутъ служить тѣ разсужденія объ этомъ вопросѣ, которыя высказаны въ ежегодныхъ отчетахъ соединенныхъ благотворительныхъ общинъ (United Hebrew Charities) — центрального общества, въ которое входятъ почти всѣ мѣстныя и частныя общества Нью-Йорка. Мы увидимъ изъ слѣ-

дующихъ выписокъ изъ этихъ отчетовъ, какъ мнѣнія американскихъ евреевъ развивались и мѣнялись и по какимъ причинамъ. Въ отчетѣ за 1882 (Annual Report № 8, p., 11) читаемъ: «Раннимъ лѣтомъ прошлаго года наши несчастные русскіе собратья искали защиты и пристанища отъ преслѣдованій въ Россіи—въ Новомъ Свѣтѣ. Преслѣдованія не прекращались, и русскіе евреи тысячами прибывали въ Нью-Йоркъ въ страшно бѣдственномъ положеніи, и комитетъ разныхъ благотворительныхъ общинъ рѣшилъ создать временную организацію—Hebrew Emmigrant Aid Society—для вспомошествованія эмигрантамъ».

Вотъ и все, что было сказано въ 1882 г.

Въ отчетѣ за 1883 г. (9 Annual Report, p. 17) мы читаемъ уже вотъ что: «Массовая эмиграція послѣднихъ двухъ лѣтъ значительно увеличивала *обузу* на нашихъ плечахъ, благодаря тому, что прибываетъ большое число неспособныхъ ни къ какому труду, а большая часть эмигрантовъ только способна къ «поддержкѣ» или одной изъ отраслей портяжества,—ремесла, которымъ и наши бѣдняки занимаются. Такимъ образомъ, живущіе здѣсь уже давно и имѣющіе большія семейства—находятъ свою заработную плату пониженной, благодаря сильной конкуренціи со стороны вновь прибывшихъ».

Уже въ слѣдующемъ году, 1884-мъ, благодаря суровому примѣненію закона, запрещающаго допускать въ Америку людей, неспособныхъ прокормить себя, United Hebrew Charities издала циркуляръ къ европейскимъ евреямъ. Цитирую изъ него слѣдующее: «Въ то время какъ многіе изъ русскихъ эмигрантовъ за послѣднее время сдѣлались желаннымъ приобрѣтеніемъ для нашей страны, многіе, однако, возвратились на свою родину разочарованные и обманутые въ своихъ надеждахъ, а многіе изъ оставшихся здѣсь живутъ милостинею.—Не вина народа этой страны, что эти послѣдніе не могли послѣ двухъ—трехъ-лѣтняго пребыванія пристроиться и сдѣлаться полезными членами нашей республики. Тѣ изъ эмигрантовъ, которые знаютъ, что они должны работать, научиться нашему языку и посылать своихъ дѣтей въ наши школы, что они должны отучиться отъ привычекъ и предубѣжденій своей прежней жизни—такіе люди находятъ готовую помощь всѣхъ собратьевъ и большею частію находятъ на пути къ благосостоянію».

Но мы опять напоминаемъ еврейскимъ общинамъ Европы, что несправедливо посылать сюда тѣхъ бѣдняковъ, которые не желаютъ работать и которые, по прибытіи, шлеются по нашимъ улицамъ, не приспособленные къ американской жизни и не могущіе ассимилироваться съ ея условіями.—Мы, поэтому, просили мѣстные еврейскіе комитеты въ Европѣ хорошо узнавать характеръ и способности каждаго эмигранта, прежде чѣмъ совѣтовать ему эмигрировать въ Америку».

Благодаря отчасти этому воззванію, число русскихъ эмигрантовъ за слѣдующій—1885—годъ конизилось до 11,348, и вотъ что читаемъ въ отчетѣ за 1885 годъ (11 Report, p. 8): «Мы не соглашаемся со взглядами нѣкоторыхъ относительно массовой эмиграціи евреевъ въ Америку. Мы горячо привѣтствуемъ всѣхъ здоровыхъ людей, желающихъ честно заработать свой хлѣбъ и исполнять законы Соединенныхъ Штатовъ. Глупо было бы, если бы мы хотѣли ограничить блага свободной Америки только для тѣхъ, которые здѣсь уже нѣсколько лѣтъ, но которые когда-то сами были чужими... Все, что мы требуемъ, это—чтобы эмигранты были изъ того класса, который способенъ дать хорошихъ американскихъ гражданъ, т. е. честныхъ, трудолюбивыхъ, способныхъ къ нашей жизни и почтительныхъ къ нашимъ законамъ»....

Не безъинтересно будетъ здѣсь объяснить, на что намекали гг. благотворители, говоря, что необходимо «уважать законы и подчиняться имъ». Вотъ въ чемъ дѣло.

Раньше 1884 г. еврейская масса не имѣла никакихъ организацій и давала себя эксплуатировать каждому капиталисту и псевдо-филантропу, и часто конкурировала съ американскими рабочими, неоднократно занимая ихъ мѣста во время стачекъ, чѣмъ, конечно, возбуждала противъ себя справедливый гнѣвъ американскихъ рабочихъ, такъ что во время стачки пароходныхъ грузильщиковъ въ іюнь—іюлѣ 1882 г. масса русскихъ евреевъ была посылана чуть-ли не комитетомъ на мѣсто возставшихъ рабочихъ, за что много евреевъ подверглись побоямъ. Въ слѣдующіе годы эмигранты продолжали эту конкуренцію съ американскими рабочими, что грозило возбудить такое же гоненіе на евреевъ, какому подверглись китайскіе «кули». Но, къ счастью, между эмигрантами были также и интеллигентные молодые люди, которыхъ

и удалось спасти репутацію еврейства въ средѣ американцевъ, за что они удостоились ненависти еврейско-американскихъ капиталистовъ и филантроповъ, симпатіи которыхъ, конечно, не лежали на сторонѣ рабочихъ и которые, какъ капиталисты, въ эмигрантахъ видѣли лишь орудіе для успѣшной борьбы противъ своихъ рабочихъ. Еще во время вышеупомянутой стачки грузильщиковъ — нѣкоторымъ изъ интеллигенціи удалось остановить поворочную конкуренцію русскихъ эмигрантовъ и удержать (посредствомъ организаціи уніи грузильщиковъ) евреевъ отъ занятія мѣстъ забастовавшихъ американцевъ. Въ слѣдующемъ же 1883 году и особенно въ 1884 г. организованы были «Русскій рабочій союзъ», съ цѣлью распространенія просвѣщенія и знанія между русско-еврейскими эмигрантами, и «Еврейскій рабочій союзъ», перенесшій свою практическую дѣятельность въ среду еврейскихъ рабочихъ и успѣвшій за сравнительно короткое время создать массу еврейскихъ рабочихъ организацій, какъ, напр.: «сигародѣлателей», «папиросниковъ», «портныхъ», «женскихъ фабричныхъ рабочихъ», «фабрикантовъ рубашекъ», «шапочниковъ», «миховщиковъ» и друг., даже «хористовъ» и «педлеровъ». Всѣ эти организаціи вскорѣ вошли въ составъ общей американской рабочей организаціи, сами предъявляли требованія къ своимъ работодателямъ, бастовали, помогали деньгами и прочимъ другимъ американскимъ рабочимъ, принимали участіе во всѣхъ политическихъ движеніяхъ (во время баллотировки радикально-рабочаго кандидата Генри Доворджа на нью-іорское мэрство — еврейскихъ голосовъ въ его пользу насчитывали до 15 тысячъ). Экономическій бытъ американскихъ рабочихъ бытъ вполне усвоенъ еврейскими эмигрантами, которые этимъ приобрѣли уваженіе и дружбу своихъ мѣстныхъ товарищей. Но за то они подверглись заподозрѣнію въ «политической неблагонадежности» со стороны своихъ собратьевъ капиталистовъ, которые потому и начали требовать отъ эмигрантовъ «подчиненія законамъ», т. е. закону свободной конкуренціи и законамъ, позволяющимъ этимъ же псевдо-филантропамъ безбожно эксплуатировать своихъ бѣдныхъ собратьевъ.

1886 и 1887 года были годами упадка американской промышленности, время такъ называемыхъ «экономическихъ кризисовъ». Многіе американцы неоднократно выражали мнѣніе, будто мас-

совал еврейская иммиграція—главная вина торгово-промышленнаго застоя. Въ отчетѣ 3-мъ 1887 г. (№ 13) мы читаемъ:

«Никакой истинный американецъ не можетъ противиться иммиграціи энергичныхъ и умныхъ евреевъ, желающихъ сдѣлаться гражданами нашей республики. Во всѣхъ крикахъ прессы и публики противъ массовой иммиграціи ни разу не было упомянуто о евреяхъ. Ибо американцы симпатизируютъ ихъ желанію достигъ нашихъ береговъ и жить здѣсь свободными отъ всякихъ ограниченій. Въ евреяхъ всегда признавали мирныхъ, трудолюбивыхъ людей и *почитателей закона*; съ 1881 г. сюда прибыло болѣе 150 тыс. евреевъ изъ одной Россіи, и мы обязаны смотрѣть, чтобы репутація американскаго еврейства не пострадала чрезъ нихъ».

Въ слѣдующемъ, 1888 году русскихъ евреевъ уже прибыло 20,807, что заставило писать въ 14-мъ отчетѣ:

«Около 30,000 евреевъ прибыло въ этомъ году. Теперь нѣтъ вопроса о преслѣдованіи. Немногіе изъ прибывшихъ за послѣдніе 4 года могутъ назваться изгнанниками за свою религію, и симпатія, оказанная жертвамъ гоненій до 1884 г., не могла быть оказана людямъ—*евреямъ-ли или христіанамъ*—стремящимся въ Америку *только* ради улучшенія своего финансоваго положенія. Когда прибыли сюда пароходы, наполненные русскими и румынскими евреями, унылыми, несчастными, забытыми и бѣдными,—никто не проповѣдывалъ тогда политической экономіи и не разсуждалъ объ излишествѣ для Америки—нѣсколькихъ десятковъ тысячъ евреевъ. Но времена измѣнились. Теперь уже вопросъ не о нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ, которыхъ свободная Америка горячо привѣтствовала. Настоящая массовая иммиграція сдѣлалась экономическимъ вопросомъ, и время наступило, когда, въ интересахъ американскаго еврейства, мы должны торжественно предупредить европейскихъ евреевъ, не способныхъ зарабатывать свое пропитаніе и сдѣлаться полезными гражданами,—противъ эмиграціи въ Америку. *У насъ довольно своихъ собственныхъ обузъ*».

Въ слѣдующемъ, 1889 г., число евреевъ-иммигрантовъ опять уменьшилось и 15-й отчетъ говоритъ, что замѣчается улучшеніе въ характерѣ прибывающихъ эмигрантовъ.

Вышеприведенные взгляды нью-іоркскихъ обществъ служатъ

выразителемъ взглядовъ относительно еврейской эмиграціи всего американскаго еврейства.

Кстати скажу, что, говоря объ эмиграціи въ Америку, объ американскихъ евреяхъ и жизни евреевъ въ Америкѣ, мы большею частью имѣемъ въ виду не всю Америку и даже не Сѣв. Соед. Штаты, а специально Нью-Йоркъ, такъ какъ въ немъ осталось $\frac{9}{10}$ всѣхъ иммигрантовъ.

Перейдемъ теперь къ вопросу о колонизаціонныхъ земледѣльческихъ попыткахъ русскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ.

Г. М. Прайсъ.

(Продолженіе будетъ).

ПОДЪ ГНЕТОМЪ ВРЕМЕНИ.

ХРОНИКА XIII ВѢКА О ЛАНГЕДОКСКИХЪ ЕРЕТИКАХЪ, ИЗВЛЕЧЕННАЯ ИЗЪ АРХИВОВЪ КНИЖНЫМЪ ЧЕРВЯКОМЪ ¹.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ лкующихъ, праздно болтающихъ,
Обагрившихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви.

Некрасовъ.

Домъ, въ которомъ жилъ Авраамъ бенъ Хариси, представлялъ собою старинное, каменное зданіе съ узкими окнами, выходящими на улицу и скорѣе похожими на бойницы. Единственная дверь, которая въ него вела, окована была желѣзомъ, такъ какъ жителямъ этого дома не разъ приходилось выдерживать осаду черни.

Мрачныя комнаты дома казались еще мрачнѣе послѣ того, какъ хозяинъ его былъ арестованъ. Обитателями его остались дочь Авраама, семнадцатилѣтняя Дина, и слуги.

Арестъ отца поразилъ Дину какъ ударъ грома. Кромѣ отца, родныхъ у нея не было. Со своими родичами Авраамъ давно разошелся. Безьерская община евреевъ считала его «заблуждающимся», и раввины произнесли надъ нимъ Niddui и Cherem ² за его ярую защиту сочиненій не только Моисея бенъ Маймуни, но и арабскихъ философовъ, и за проповѣдь тѣхъ именно мыслей, которыя изложены во введеніи къ книгѣ Іегуды Галеви «Kitab af chug'g'ah w'Addali fi Nusrah

¹ См. „Восходъ“, кн. IX.

² Большое отлученіе—Cherem, малое—Niddui.

Din addsalil. То, что тамъ говоритъ мудрецъ царю хозарскому, и что затѣмъ опровергаетъ Іегуда, — это-то и было символомъ вѣры Авраамъ бенъ Хариси. Мудрецъ говоритъ хозарскому царю, что Божество стоитъ такъ высоко, что не можетъ вступить съ человѣкомъ въ какой бы то ни было союзъ или требовать отъ него поклоненія. Міръ такъ же предвѣченъ какъ и Божество, такъ какъ послѣднее уже въ силу своей неизмѣняемости не можетъ дѣйствовать на низшій міръ. Человѣкъ, обладающій физическими и духовными качествами, можетъ и безъ религіи, посредствомъ философской теоріи и нравственной жизни, достигнуть наивысшей степени совершенства; тогда онъ имѣетъ долю въ общемъ міровомъ духѣ, — разумѣ, приобретаетъ ангельскую натуру и причисляется къ сонму мыслителей, — Гермесу, Сократу, Платону, Аристотелю. Религія, основанная на вѣрѣ и состоящая въ религиозныхъ обрядахъ, не имѣетъ ровно никакого значенія для этой высокой степени совершенства, и даже такой совершенный человѣкъ можетъ самъ придумать религію, проповѣдывать ее и распространять ¹. Все это ученіе опровергалъ Іегуда Галеви въ своей книгѣ, а докторъ Авраамъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій горячо опровергалъ самого Іегуду. Это сочиненіе Авраамъ было осуждено раввинами Монпелье ² вмѣстѣ съ сочиненіями Маймуни, въ 1232 г., когда были отлучены всѣ читавшіе философскую часть сочиненій Маймуни и вообще занимавшіеся какой либо наукой кромѣ изученія Библии и Талмуда ³.

Но Авраамъ, въ отвѣтъ раввинамъ, только повторялъ слова Ибнъ Дауда, что «въ еврействѣ познаніе составляетъ обязанность, и потому отъ него не должно отказываться» ⁴. Впро-

¹ Грецъ, Ист. евреевъ отъ провѣт. испан. культуры до Маймунида, стр. 150.

² Вотъ имена этихъ раввиновъ: Соломонъ бенъ Авраамъ, Иона Геруади, Давидъ бенъ Саулъ. Противъ такого отлученія протестовали многія еврейскія общины Прованса; три раввина въ свою очередь были отлучены и тогда, крича: „Религія въ опасности!“ — обратились сами къ доминиканцамъ съ просьбою подавить ересь и въ іудействѣ. Довосники были призваны къ суду евр. общины и имъ были отрѣзаны азыки. Карпелесъ, стр. 559.

³ Карпелесъ, Исторія евр. литературы. Т. I, стр. 559.

⁴ Въ соч. Ибнъ Дауда *Emunah Vamaah*.

чемъ, и съ Ибнъ Даудомъ докторъ Авраамъ былъ согласенъ въ очень немногомъ, и рѣзко порицалъ за нетерпимость не только Ибнъ Эзру, но и самого Маймуни, который убѣждалъ истреблять «злодѣевъ, эпикурейцевъ¹, еретиковъ» подѣ ненавистнымъ предлогомъ всѣхъ гонителей, — чтобы отвратить опасность, грозящую истинной религіи². Вслѣдствіе такого отношенія къ Маймуни, Авраамъ бенъ Хариси разошелся и съ его почитателями, съ которыми, впрочемъ, сходилъ въ отрпцаніи злыхъ духовъ и въ необходимости примиренія между религіей и философіей.

Авраамъ бенъ Хариси, «отступникъ», на самомъ дѣлѣ былъ ученый и философъ, крайній послѣдователь Аверроэса и другихъ арабскихъ мудрецовъ. Онъ изучилъ медицину въ еврейскихъ и арабскихъ школахъ въ Монпелье и одно время самъ преподавалъ въ нихъ, занимаясь математикой, филологіей, толкованіями древнихъ мудрецовъ, и наконецъ написалъ нѣсколько сочиненій историческаго содержанія. Еврей-талмудисты сторонились Авраама, христіане чуждались его, но тѣ и другіе уважали. Единственными людьми, которые посѣщали его домъ, были Пьеръ Дюмуленъ и его сынъ Леонъ Дюмуленъ—поэтъ и трубадуръ. Но Пьеръ Дюмуленъ два мѣсяца тому назадъ погибъ на кострѣ, а его сынъ долженъ былъ скрываться.

Дина лежала на широкомъ диванѣ въ довольно обширной комнатѣ, убранной въ восточномъ вкусѣ. Солнце уже склонялось къ закату; узкія улицы все болѣе и болѣе погружались въ темноту. По улицамъ кое-гдѣ слышались крики. Толпа гулякъ возвращалась изъ таверны и распѣвала:

Mihi sit propositum
In taberna mori,
Vinum sit oppositum
Morientis ori!
Ut dicant, cum venerint,
Angelorum chori:

¹ Талмудъ называетъ эпикурейцами саддукеевъ и вообще вольнодумцевъ Ланге, Истор. матеріализма. Т. I, стр. 139.

² Карпелесъ. Op. cit.

Deus sit propitius
Huic potatori ¹.

По временамъ до ушей плачущей Дины доносились грозные крики: «Ей, жида! Смерть жидамъ!»

При этихъ крикахъ Дина вздрагивала; ей вспомнились страшные рассказы о разгромѣ Безъера крестоносцами. Крики эти напоминали о страшной участи, которая, быть можетъ, ожидаетъ ея отца...

Раздался легкій ударъ въ дверь, и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, одѣтый такъ, какъ обыкновенно одѣвались зажиточные французскіе горожане. На немъ былъ просторный кафтанъ зеленого бархата до колѣнъ, полосатые панталоны въ обтяжку и черный плащъ съ капюшономъ. Гибкій станъ былъ охваченъ поясомъ изъ кордовской кожи; на поясѣ висѣлъ короткій ножъ ².

Молодой человѣкъ былъ не красивъ, но на его смугломъ и мужественномъ лицѣ лежала печать ума и благородства и вмѣстѣ съ тѣмъ глубокой, затаенной скорби.

Дина бросилась къ нему на встрѣчу.

— Леонъ, дорогой мой! Наконецъ ты вернулся,—воскликнула она.—Знаешь-ли ты, сколько я перенесла въ этотъ часъ твоего отсутствія. Я уже думала, что *они* тебя узнали... Я боялась потерять и тебя...

Она заплакала, опустивъ голову на его плечо.

— Ты узналъ объ отцѣ?

— Да, узналъ. Его сегодня, въ три часа, повели на допросъ къ главному инквизитору,—мрачно отвѣчалъ молодой человѣкъ, съ глубокой скорбью смотря на Дину.

Лицо молодой дѣвушки покрылось смертельной блѣдностью. По терминологіи того времени слово «допросъ» означало *пытку*.

¹ Пѣсня, весьма распространенная въ средніе вѣка, главнымъ образомъ среди монаховъ. Ея переводъ: „Пусть будетъ мнѣ предопредѣлено умереть въ тавернѣ, а къ устамъ умирающаго пусть поднесутъ вина, чтобы хоръ ангеловъ, явившись, сказали: да будетъ Господь милостивъ къ этому пьяницѣ!“ Сочинилъ эту пѣсню монахъ же.

² Вейс. Т. III, ч. I, стр. 37—38.

Въ воображеніи Дины ожила страшная картина мучительной смерти Пьера Дюмуленъ.

— Дорогая моя!—воскликнулъ молодой человѣкъ.—Я знаю, что ты думаешь. Успокойся! Монахъ Антуанъ не похожъ на того изверга Беренгара, который,—будь онъ проклятъ!—замучилъ моего бѣднаго отца. Антуанъ освободитъ доктора Авраама. Ты увидишь, — черезъ нѣсколько часовъ твой отецъ будетъ съ нами!

Дина опять положила свою голову на плечо Леону и горько зарыдала. Леонъ прижалъ ее къ себѣ и, не произнося ни слова, разглаживалъ ея густые черные волосы. Въ этомъ молчаніи было больше сочувствія и душевной теплоты, чѣмъ въ длинныхъ словахъ утѣшенія. Общее горе, общія стремленія, общая ненависть соединяли двухъ молодыхъ людей такъ же крѣпко, какъ и любовь...

— Дина,—заговорилъ наконецъ Леонъ,—успокойся хоть немного и жди! Отецъ придетъ! Если же нѣтъ, то я найду способъ пробраться въ тюрьму,—освободить его... хотя бы самому пришлось поплатиться жизнью. Слышишь, моя дорогая? Не потому только, что я тебя люблю, я обязанъ это сдѣлать. Вѣдь ты и твой отецъ спасли меня отъ рукъ Беренгара, дали мнѣ убѣжище, скрываете меня до сихъ поръ. Дина! Слышишь! Ну, полно!—Хочешь я сплочу тебѣ мою новую сирвенту, которую я только что сочинилъ?

Онъ осторожно посадилъ плачущую дѣвушку на диванъ, и, снявъ со стѣны арфу, заигралъ чистымъ, пріятнымъ голосомъ, въ которомъ слышались скорбь и слезы.

Сирвента ¹ Леона Дюмуленъ.

Глубоко я люблю мою родину-мать,
 Глубоко я ее уважаю.
 За нее я готовъ хоть сейчасъ же страдать,
 За нее умереть я желаю.

¹ Сирвентами или „служебными“ назывались страстные обличительныя пѣсни, то политическія, въ пользу той партіи, къ которой принадлежалъ трубадуръ, то нравственныя, направленныя противъ церкви, особенно со времени альбигойскихъ войнъ. См. Каррьеръ. Искусство въ связи съ общ. развит. культуры, т. III.

О, родная моя, дорогая моя!
 Беспросвѣтна, печальна судьбина твоя!
 Вѣдь я вижу страданье народное ¹,
 Жизнь въ нуждѣ, жизнь въ гнетущей нуждѣ,
 Вѣдь подавлено все благородное,
 Рабство, подлое рабство вездѣ,
 Грозный мракъ, произволъ и стѣсненія,
 И напрасны святые стремленія
 Жить для блага и счастья другихъ...
 Боже мой! Сколько силъ молодыхъ
 По трюмантъ инквизиціи мается,
 Искупающая святуя вѣну,
 Сколько лучшихъ надеждъ разбивается,
 Сколько рукъ безъ нужды опускается,
 Оставляя страдать дорогую страну.
 А года все идутъ безконечной чередой,
 Только ложь и разладъ принося за собой...

При этихъ словахъ пѣвецъ съ силой ударилъ по струнамъ
 арфы и мощнымъ голосомъ запѣлъ ²:

Пусть мирится глупость праздная,
 Съ жизнью строй и пустой.
 Пусть мирится пошлость грязная
 Съ вседавящей темнотой.
 Только люди духомъ нищие
 Прозабываютъ безъ идей,
 Подло бѣгая за нищей
 Въ жизни подленькой своей.
 Пусть мечтатели туманные
 Распливаются въ мечтахъ
 И умники деревянные
 Изошрываются въ словахъ.
 И безъ воли, безъ стремленія

¹ Напомнимъ читателямъ, что въ 1252 г., когда авторъ писалъ эту пѣсню, Лангедокъ и Провансъ были завоеваны французами, страшно притѣснявшими жителей.

² Читатель, желающій убѣдиться, что въ нашемъ вольномъ подражаніи провансальскимъ сирвентамъ общій духъ исторически вѣренъ, можетъ найти богатый матеріалъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: Каррьеръ. Op. cit. Шерръ. Истор. всеобщ. литературы. Зотовъ. Исторія всемірной литературы. Ист. всеобщ. лит., изд. подъ ред. Корша. Vaisette. Hist. de Languedoc. Осокинъ. Исторія средн. вѣковъ, т. II, ч. I. Стасюлевичъ, т. III и Fauriel. Hist. de la poésie provençale.

Какъ бы ближнему помочь
 Киснуть въ сладкомъ усмиленіи
 Въ историческую ночь.
 Но чей умъ не въ отупѣніи,
 Чья съ мыслями голова,
 Совѣсть чья не въ помраченіи
 И хоть нѣсколько жива,
 Въ комъ еще живетъ сознаніе
 Всеобъемлющей тирьмы,—
 Тотъ не вынесетъ молчанія
 Подлой жизни, пошлой тьмы,
 Не пойдетъ въ лѣса дремучіе,
 Не мечтами станетъ жить,—
 Силу-мощь свою могучую
 Онъ захочетъ признать.
 Вступить онъ въ борьбу смертельную,
 Хоть одинъ—онъ въ бой пойдетъ.
 Лучше смерть, чѣмъ жизнь бездѣльная,
 Лучше смерть, чѣмъ наскій гнетъ.
 Чу! Зоветъ меня отечество
 Въ смертный бой, великій бой!
 Други! Ми счастье человечества
 Бунимъ страшною цѣною.
 Посмотри! Вѣдь погребальни
 Здѣсь и тамъ костры горать,
 Видишь ты столбы печальныя,
 Видишь тюремъ грозный рядъ,—
 Такъ не спитежъ, силы новыя,
 Встаньте, храбрые бойцы!
 Ужъ давно для васъ терновне
 Приготовлены вѣнды!...

Пѣсня Леона звучала какъ пѣсня отпущенія, какъ призывъ
 въ бой, какъ символъ вѣры отзывчиваго, страстнаго, полного
 силъ человѣка. Слезы высохли на глазахъ Дины. Она непод-
 вижно, какъ въ оцѣпенѣніи, сидѣла рядомъ съ Леономъ и смо-
 трѣла на него своими прекрасными черными глазами. Губы ея
 дрожали, и когда Леонъ кончилъ пѣть, она бросилась къ нему,
 встала передъ нимъ на колѣни и обхватила его шею руками.
 Леонъ взглянулъ на нее и, отбросивъ арфу, прижалъ къ своимъ
 губамъ это пылающее, одушевленное чистымъ, глубокимъ чув-
 ствомъ лицо...

Слезы снова показались на глазахъ Дины; но это были уже слезы счастья. На обоихъ молодыхъ лицахъ была написана письменами жизни вѣра въ самихъ себя, вѣра въ истину и справедливость, вѣра въ лучшее будущее...

А въ открытыя окна глядѣло голубое лангедокское небо, прозрачное какъ пустота и непроницаемое какъ безконечность. Звѣзды мерцали издали такъ ласково, привѣтливо; свѣжій воздухъ живительно струей освѣжалъ влюбленныхъ. И молодые лица, и наполненный ароматомъ воздухъ, и даже небо и звѣзды—были полны жизни.

Вдругъ въ окованную желѣзомъ входную дверь раздался звонкій ударъ. Слуги со свѣтильниками побѣжали по лѣстницѣ. Слышно было, какъ отодвигали тяжелые засовы. По лѣстницѣ кто-то поднимался. Черезъ минуту на порогѣ показалась сгорбленная сѣдая фигура, одѣтая въ широкое длинное платье. Лицо старика было блѣдно. Онъ казался выходцемъ изъ другого міра.

— Отецъ!—въ одинъ голосъ воскликнули Дина и Леонъ. Они бросились къ старику; они обнимали его. Старого доктора сразу окружила та атмосфера ничѣмъ незамѣнимыхъ ласкъ и участія, которая можетъ существовать лишь вокругъ дѣйствительно близкихъ людей.

Черезъ нѣсколько минутъ старикъ немного оправился. Слуги внесли въ комнату кушанья и освѣжающіе напитки. Тогда, подкрѣпивъ силы, Авраамъ бенъ Хариси началъ свой рассказъ. Три дня морили его въ тюрьмѣ, сырой, мрачной, холодной. Онъ едва не умеръ тамъ отъ голода и жажды. Но никакимъ другимъ мученіямъ его не подвергали. Всѣ свидѣтели, вѣроятно, дали показанія, которыя не могли служить ему во вредъ. Наконецъ его привели въ залу засѣданія трибунала. Противъ него выставили обвиненія, что онъ, во первыхъ, имѣетъ у себя физическія и метафизическія сочиненія Аристотеля и комментаріи къ нимъ арабовъ, тогда какъ эти сочиненія запрещены Парижскимъ соборомъ 1209 года, «такъ какъ они подали поводъ къ ереси Альмерика и такъ какъ они могутъ дать поводъ къ ересямъ еще не открытымъ»¹. Но это постановленіе собора относится

¹ Узеваль. Исторія индуктивныхъ наукъ, т. I, стр. 400.

только къ христіанамъ, и главный инквизиторъ Антуанъ не сталъ на немъ настаивать. Во вторыхъ, его обвиняли въ томъ, что онъ занимается денежными оборотами, которые еще въ 1234 году запрещены лангедокскимъ евреямъ, а не ремесломъ и торговлей, что онъ ворожить и имѣть у себя Талмудъ ¹, запрещенный въ 1239 году папой Григоріемъ IX и сожженный въ 1242 году въ Парижѣ. Но денежными оборотами Авраамъ бенъ Хариси никогда не занимался,—это подтвердили всѣ свидѣтели, а Талмуда между его книгами не нашли ². Не подтвердилось и послѣднее обвиненіе, что онъ лечилъ христіанъ ³, —ни одинъ изъ вылеченныхъ имъ «еретиковъ» не пришелъ въ ненавистный трибуналъ свидѣтельствовать противъ доктора. Всѣ обвиненія пали сами собою, сколько ни старался доминиканецъ-проповѣдникъ сбить и запутать его своими вопросами. Главный инквизиторъ не настаивалъ на обвиненіи. Видимо онъ былъ недоволенъ поступкомъ этого доминиканца; видимо онъ самъ не рѣшался обвинять доктора за леченіе христіанъ,—монахъ Антуанъ честный человѣкъ. Одному ему и его справедливости Авраамъ бенъ Хариси обязанъ своимъ спасеніемъ. Какъ видно, даже на такой должности, какъ инквизиторская, можетъ сидѣть хорошій человѣкъ,—онъ не принесетъ зла, и принесетъ добро. А онъ, Авраамъ, уже сомнѣвался въ этомъ,—думалъ, что въ каждомъ человѣкѣ есть какая либо страсть или вообще какой либо недостатокъ, который непременно проявится, разъ только къ тому будутъ благоприятныя обстоятельства.

Главный инквизиторъ заставилъ Авраама поклясться, что онъ будетъ исполнять впредь буллы папъ и постановленія соборовъ, касающіяся евреевъ, и затѣмъ секретно, глазъ на глазъ,

¹ Дешпизъ. Исторія евреевъ, т. I, стр. 200. Brussel. Usages générales des juifs, 179. Карпелесъ, т. I, 544.

² Папа Григорій IX издавъ въ 1239 году повелѣніе отнять и сжечь всѣ экземпляры Талмуда, по совѣту крещенаго еврея Николая Донина. Карпелесъ, I 544.

³ Это было запрещено соборомъ 1246 г. въ Везерѣ.

ad cautelam, — далъ ему разрѣшеніе отъ всякаго преслѣдованія ¹. И что еще болѣе удивительно, — инквизиторъ попросилъ у доктора позволеніе оставить у себя его рукописи и книги. Послѣ прочтенія онъ общался ихъ возвратить.

— О, на это я съ радостью изъявилъ согласіе, пусть хоть совсѣмъ беретъ. Эти сочиненія теперь у меня лежатъ здѣсь и здѣсь, — закончилъ старикъ, показывая на свой мозгъ и сердце.

И Дина, и Леонъ въ душѣ благодарили главнаго инквизитора, что тотъ не сдѣлалъ того зла, какое могъ сдѣлать. Пылкая Дина рѣшила про-себя завтра же идти въ монастырь доминиканцевъ, во что бы то ни стало увидать Антуана и поблагодарить его за отца.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Такъ льда густой и твердый слой
 Покроетъ лишь поверхность водъ,
 Неудержимо токъ живой
 Подъ гладкою корою течетъ,
 И течъ не можетъ перестать....

Байронъ. Паризина, пер. А. Григорьева.

Монастырь доминиканцевъ въ Безьерѣ находился на окраинѣ города. Это было старинное мрачное зданіе готическаго стиля, выстроенное нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Развалины его сохраняются и донынѣ. Центръ зданія занималъ высокій соборъ съ остроконечной колокольней и стрѣльчатыми окнами съ цвѣтными стеклами. Главная башня острою иглой впивалась въ небо и кончалась сквозною стрѣлкой, сложенной изъ однихъ каменныхъ реберъ. Массивные контрфорсы подпирали стѣны собора, съ которыхъ угрюмо и величаво смотрѣли статуи святыхъ отцовъ. Направо и надѣво отъ собора тянулись длинныя, мрачныя зданія, опоясанныя галлереей стрѣльчатыхъ арокъ. Здѣсь находились кельи монаховъ и монастырскіе склады.

¹ Объ оградительныхъ приговорахъ провансальской инквизиціи. См. Осокина, т. II, ч. I, стр. 244. Lacroix. Moyen age etc.

Во одномъ изъ флигелей помѣщалась зала, отведенная еще въ 1238 году для священнаго трибунала Sancti Officii. Подвальный этажъ этого флигеля занимали тюрьмы для арестантовъ инквизиціи, а рядомъ съ залой трибунала помѣщалась монастырская ризница и келья главнаго инквизитора.

Это была довольно обширная сводчатая комната, полутемная, не смотря на широкое окно, смотрящее на берегъ рѣки. На стѣнѣ висѣли Распятіе изъ слоновой кости и изображенія святой Дѣвы Маріи и апостола Петра. На деревянной полочкѣ стояли тяжелые фоліанты латинской Библии, творенія Блаженнаго Августина и Томы Аквинскаго, Sic et non Абеяра, Альмагестъ Птолемея въ переводѣ еврейскаго врача Абба-Мари, «Источникъ жизни» Гебириля и др. Всѣ книги были рукописныя, нѣкоторыя работы самого Антуана, и въ тяжелыхъ деревянныхъ переплетахъ, прикрѣпленныхъ къ полкѣ длинной желѣзной цѣпью. Немало книгъ и рукописей лежало на широкомъ деревянномъ столѣ и на жесткомъ деревянномъ ложѣ, расположеннымъ въ углу кельи. Среди рукописей видѣнъ былъ пожелтѣвшій человѣческій черепъ; оскаливъ зубы, онъ безучастно смотрѣлъ своими черными глазными впадинами на роскошную картину весны, которая разстилалась за окномъ.

Утро было ясное, безоблачное, тихое. Листья деревьевъ, не колеблемые ни малѣйшимъ вѣтеркомъ, висѣли недвижно. На нихъ какъ брилліанты блестяли не успѣвшія еще высохнуть росинки. Подъ окномъ роскошныя розы испускали нѣжный ароматъ, который благоухающею струей лился въ келью. Съ розами спорили жасмины, левкой, апельсинныя деревья, у которыхъ неутомно жужжали пчелы. Подъ самымъ окномъ, въ кустѣ шиповника свистѣлъ-переливался соловей. Дальніе холмы, убѣгавшіе къ горизонту, были подернуты синева-то-бѣлой прозрачной дымкой. По нимъ взбѣгала и спускалась подобная змѣйкѣ дорога въ Нарбонну, то скрываясь въ густой растительности, то появляясь снова. На одномъ изъ холмовъ стояла мельница, безжизненно разставивъ свои крылья, а направо, надъ рѣкой, чернѣли дома той части города, гдѣ преимущественно жили евреи. Тамъ давно уже

вопопились люди.... Подъ роскошнымъ дубомъ, нависшимъ надъ обрывомъ берега, сидѣлъ какой-то человекъ и задумчиво смотрѣлъ вдаль.

Братъ Антуанъ стоялъ передъ окномъ своей кельи, жадно вдыхалъ ароматный и свѣжій воздухъ и любовался разстилающеюся передъ нимъ картиной. «Жизнь,—говорилъ онъ,— вотъ она, жизнь, прекрасная, радостная!» Сердце его билось какъ-то сладко и напряженно. Онъ словно чего-то ждалъ: вотъ-вотъ сейчасъ придетъ. Такое чувство томительнаго ожиданія чего-то неизвѣстнаго весна возбуждаетъ во многихъ душахъ. Яркій солнечный лучъ пронзилъ густую листву деревьевъ, ворвался въ келью и словно золотая струнка протянулся отъ стрѣльчатаго окна къ свѣтлому кружку на сѣрой стѣнѣ.

Свѣжая струя воздуха хлынула въ комнату и охватила Антуана. Взглядъ монаха упалъ на раскрытый фоліантъ сочиненій Аверроэса.

— Жизнь!—проговорилъ опять монахъ,— не правъ-ли великій арабскій философъ, что жизнь—это всемірное движеніе, которымъ трепещетъ вселенная, это великій потокъ, который льется чрезъ всѣ живыя существа, изначала направленный Всевышнимъ?... Во всѣхъ этихъ существахъ, во всемъ, что я вижу вокругъ,—разлито одно и то же Единое!..

«Нѣтъ, нѣтъ, я говорю ересь. Я грѣшникъ... Прости меня, Боже! Но умъ мой безсиленъ признать это ученіе заблужденіемъ. Я не могу, не могу! Если это ложь, отчего она сама себя доказываетъ? Отчего она говоритъ сама за себя? Отчего о ней свидѣтельствуютъ всѣ факты, существующіе и существовавшіе? Значить, это не ложь, а истина, подтверждаемая фактами? Боже, я не могу вѣдь ослѣпнуть, чтобы ихъ не видѣть, не могу оглохнуть, чтобы не слышать ихъ, не могу окаменѣть, чтобы ихъ не чувствовать! Я знаю, что это ересь, что святыя отцы римскіе говорятъ не то, а думать, соглашаться съ ними я не могу, не могу! Папа Григорій Великій сжигаетъ Палатинскую бібліотеку, проповѣдуетъ, что «незнаніе—мать благочестія»; запрещаетъ занятія классическими философами, искажаетъ статуи древнихъ, хвалится, что не знаетъ грамматики,— да

какъ же это одобрить? Не могу, не могу, будь я еретикъ—не могу!.. Истина не можетъ быть ересью. Да, правъ еврей Серахья Геронди: «Истина — жестокая повелительница, которая не успокоиваетъ и не уважаетъ ничьей личности». Вселенная— это гармонія, порядокъ, строгій, неизмѣнный... Какими мелкими, ничтожными, поразительно-негнѣпными кажутся рядомъ съ Аверроэсомъ всѣ эти *doctores graves, patres mirabiles*, которые въ основу мірового порядка кладутъ произволь, все считаютъ возможнымъ, ничто не необходимымъ¹... Да, я говорю ересь, потому что ересь сама за себя говоритъ!..

«Они говорятъ: «міръ — зло». Нѣтъ, міръ не зло! Отчего всѣ эти цвѣты, эти шташки, вся природа—такъ близки и дороги мнѣ?... Гдѣ же, гдѣ во всемъ этомъ зло?

«Міръ во злѣ лежитъ!» Вокругъ насъ соблазны... Вѣдь могъ же я бороться со всѣмъ *этимъ* всѣ прежніе годы. Я дожилъ до тридцати лѣтъ и вѣдь боролся... А теперь развѣ я не могу? А если и могу, то зачѣмъ?»

Снова трели соловья пронизали воздухъ. Сердце монаха затрепетало; дыханіе его захватило. «Не зналъ жизни! До тридцати лѣтъ зналъ только кельи монастырей, библиотеки университетовъ, пыльные фоліанты.... Ломалъ самого себя... Бѣжалъ отъ людей и сталкивался съ ними лишь для дѣлъ благочестія, для подвиговъ добра...

«Добра! А что такое добро?»

«Все отдавалъ людямъ. А они что мнѣ дали? Вчера, возвращаясь изъ собора въ монастырь, я слышалъ, отлично слышалъ, какъ почтенный буржуа Наше восклицалъ: «Всѣ они таковы, эти рясоносцы и рогодѣльцы (*cognificii*). Даже братъ Антуанъ оказался волкомъ и преслѣдуетъ на всѣ корки людей за то, что тѣ съ нимъ несогласны!» И всѣ засмѣялись. И меня ненавидятъ... Вотъ, что они мнѣ дали, эти люди! Себя они считаютъ друзьями истины, а насъ сынами заблужденія...

«Но жить безъ людей, вдали отъ людей?!.. Нѣтъ, я не хочу,

¹ См. Ланге. *Op. cit.*, т. I.

не въ силахъ. Я заблуждаюсь, я грѣшникъ, но я не могу. Я хочу служить людямъ, быть близко къ нимъ... Я не жажду за-быть себя въ служеніи имъ. Такъ хочетъ Христосъ. Сказано въ Писаніи: Могушій вмѣстить—да вмѣстить...

«А когда не стану мочь? Неужели же Богъ хочетъ ломать и калѣчить созданныя имъ существа? Нѣтъ, нѣтъ»...

И въ его головѣ, по необъяснимой ассоціаціи идей, вдругъ вынырнулъ откуда-то изъ глубины образъ человѣка, погибающаго на кострѣ. Вспомнилась сцена на площади,—и черные красивые глаза, розовыя губы, гибкое тѣло...

Монахъ задрожалъ. Онъ словно почувствовалъ прикосновеніе этого тѣла къ своему плечу.

А *тогда* онъ этого не чувствовалъ.

— Боже! Прости же меня! Прости, будь ко мнѣ милостивъ!

Онъ вынулъ маленькій разрисованный молитвенникъ въ бѣломъ кожаномъ переплетѣ, раскрылъ его и сталъ молиться.

Издали донесся колокольный звонъ, призывающій на молитву.

— Боже, будь милостивъ ко мнѣ, грѣшнику!—Антуанъ всталъ на колѣни и, обративъ руки къ Распятію, плакалъ, клалъ земные поклоны, возносилъ свои мысли къ небу. Но передъ его глазами по прежнему стояла великая мысль араба. Онъ видѣлъ передъ собою, вокругъ себя, чувствовалъ въ себѣ эту рѣку жизни, которая несетъ всѣхъ куда-то впередъ, впередъ... и не можетъ остановиться. Тайныя, скрытыя силы, адѣсь подавленные, проявляются тамъ. Онѣ должны проявляться.. И еще новый образъ обрисовался передъ нимъ и носился въ какомъ-то волшебномъ туманѣ...

А въ окна по прежнему врывались пѣсни соловья, жужжаніе пчелъ и торжественные звуки колокольнаго звона.

Братъ Антуанъ окончилъ молитву. Онъ раскрылъ фоліантъ Аверроэса и, положивъ его на подоконникъ, продолжалъ чтеніе.

Въ это время какая-то граціозная тѣнь промелькнула въ кустахъ. Изъ-за холма, поднимавшагося надъ рѣкою, вышла молодая дѣвушка, одѣтая въ темное, распитое платье. Лицо ея было наполовину закрыто покрываломъ. Дѣвушка шла робко, неувѣренно, направляясь къ монастырю. Увидѣвъ склоненную

голову монаха, она на минуту остановилась и вдругъ быстрыми шагами подошла ближе, къ самой стѣнѣ.

Братъ Антуанъ, только что погружившійся въ чтеніе, вздрогнулъ, услышавъ рядомъ съ собою мелодичный голосъ:

— Maître Антуанъ, maître Антуанъ!

Передъ нимъ стояла та самая дѣвушка, образъ которой онъ гвалтъ отъ себя съ такимъ напряженнымъ усиліемъ и такимъ малымъ успѣхомъ.

Братъ Антуанъ быстро поднялся. Его лицо покрылось смертельною блѣдностью. Сердце снова забилось и затрепетало. Но онъ пересилилъ самого себя.

— Что ты хочешь отъ меня, дѣвушка?—спросилъ онъ голосомъ, въ которомъ еще слышалась дрожь.

Дѣвушка подошла къ самому окну, раздвинувъ граціозно вѣтви розоваго куста. Она была окружена ароматными цвѣтами, какъ вѣнкомъ. Дѣвушка положила руки на окно.

— Maître, я Дина бенъ Хариси, дочь того еврея, котораго вы не дали вчера осудить... Maître, я пришла васъ поблагодарить... Богъ да наградитъ васъ!

Ея голосъ дрожалъ, щеки покрылись румянцемъ, а большіе черные глаза смотрѣли на Антуана, полные довѣрія и глубокой благодарности...

Прежде чѣмъ монахъ успѣлъ отвѣтить что либо, полуобнаженные руки дѣвушки протянулись къ его рукѣ. Его словно обожгло каленымъ желѣзомъ. Онъ почувствовалъ на своей рукѣ прикосновеніе чьихъ-то горячихъ устъ.

Онъ отдернулъ руку, хотѣлъ вскрикнуть, но дѣвушка, словно легкое видѣніе, уже скрылась...

Братъ Антуанъ затрясся какъ въ лихорадкѣ. Онъ словно чувствовалъ еще прикосновеніе ея устъ. Его оно жгло. Онъ схватился руками за сердце, которое билось и прыгало.

— Дина бенъ Хариси!—воскликнулъ онъ вслѣдъ дѣвушкѣ.— Дина! Нѣтъ, не надо, оставь! Я не могу! Госноди, да что же это такое! Я не могу, не могу выѣстить!..

Передъ нимъ какъ въ калейдоскопѣ промелькнули картины его прошлой, суровой и даже аскетической жизни. На глазахъ

показались слезы и, заглушая въ себѣ рыданія, братъ Антуанъ съ какимъ-то отчаяніемъ бросился на свое жесткое ложе...

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Его же не знаетъ, что ми не только познаемъ предметы, но и чувствуемъ, что они то притягиваютъ, то отталкиваютъ насъ, смотря по своему качеству, что тутъ ми съ охотой предаемся вечаггнню, тамъ убгаемъ отъ него.

Вувдтъ. Душа человека и животныхъ.

Т. II, стр. 2.

Черезъ нѣсколько дней въ тяжелую дверь бани Хариси стучался доминиканскій монахъ. На его лицо былъ опущенъ капюшонъ; въ рукахъ онъ держалъ связку книгъ и свертки рукописей.

Дверь открылась, и монахъ спросилъ — можетъ ли онъ видѣть доктора Авраама.

Его ввели въ извѣстную уже намъ комнату, въ которой старый Авраамъ принималъ всѣхъ знакомыхъ.

Докторъ встрѣтилъ гостя на лѣстницѣ. Монахъ откинулъ свой капюшонъ.

— Майге Антуанъ! — вселлинукъ докторъ. — Вы сами принесли мнѣ книги! Но что съ вами? Вы, быть можетъ, нуждаетесь въ моей помощи? Довѣряйтесь старому профессору медицинской школы Моннелье!

На братъ Антуанъ дѣйствительно не было лица. Онъ былъ блѣдный, желтъ и какъ-то пугливо озирался. Онъ за это время покудѣлъ, но глава смотрѣла сосредоточенно и горѣла лихорадочнымъ блескомъ.

Братъ Антуанъ пережилъ тяжелые дни. Въ немъ ожило то, что лежало подъ снудомъ столько молодыхъ, цвѣтущихъ лѣтъ, подавленное, связанное. Теперь уши нормались, и тѣмъ страшнѣе и тяжелѣе былъ разрывъ. Антуанъ опуталъ въ себѣ новое чувство. Чувстве это его жгло, разрывало его сердце, ломало разумъ. Все міросозерцаніе смиреннаго монаха было разбито этимъ ощущеніемъ внутренняго огня.

— Тлѣнь, суета!—съ горькой ироніей говорилъ Антуанъ самъ себѣ,—*это*, это они называютъ тлѣнью и суетой!

Для него, въ тѣ минуты, именно *это* и было самымъ важнымъ и дорогимъ. Противоположные взгляды онъ переставалъ понимать.

Онъ напрасно ломалъ себя. Онъ напрасно безплодно прожилъ тѣ тридцать лѣтъ, лучшихъ лѣтъ своей жизни. Онъ добровольно,—нѣтъ, не добровольно, а безсовнательно,—надѣлъ на себя пѣпи рясы, пѣпи безбрачія. Ему *запрещено* любить. «Запрещено! Да какъ же можно запретить то, что называется силою вещей? Какъ можно запретить рѣкѣ течь сверху внизъ, свѣту не свѣтить, человѣку не дышать? Что значить это запрещеніе? То, что неисполнимо, нельзя запрещать. Подавляй—оно прорвется; стѣсной—оно разобьетъ неестественныя узы. Чувство не терпитъ стѣсненій. Не даромъ же его, Антуана, товарищи-доминиканцы ни во что не ставятъ повелѣнія Григорія VII о безбрачіи духовенства. Они обходятъ ихъ гнусными и грязными способами. Нѣтъ, подражать имъ Антуанъ не можетъ. Чувство, которое онъ ощущаетъ въ своей груди,—святое, драгоценное чувство. Антуанъ не *звѣрь*, а *человѣкъ*. Онъ дорожитъ своимъ чувствомъ. Оно для него *все*; онъ боится оскорбить его; боится оскорбить *себя* въ лучшихъ проявленіяхъ своей души. И вдругъ—подражать этимъ обрюзглымъ, безсовестнымъ монахамъ, которые бражничаютъ въ нѣсколькихъ позахъ отъ него со своими *sub-introductions* вмѣсто *женъ*... Нѣтъ, нѣтъ. Онъ, Антуанъ, любитъ. Онъ *ее* любитъ. Онъ любитъ чистое, свѣтлое, доброе существо. Что нужды, что она монахъ, а она еврейка? Чувство разрушитъ преграды, а святость этого чувства освятитъ самый фактъ разрушенія.

«Святое чувство не можетъ вести къ гибели».

«Григорій VII ошибался. Но Богъ, создавшій всѣ народы, не могъ ошибиться».

Братъ Антуанъ рѣшился идти въ домъ бонъ Жюриса и сказать ей все, что онъ чувствуетъ. Положимъ, постановленія 1197 года парижскаго епископа Одо, запрещающія христіанамъ имѣть сношенія съ евреями и спорить съ ними, не были от-

мѣнены и имѣли общее значеніе; но никто ихъ не исполнялъ. Предлогъ для посѣщенія нашего: книги и рукописи, отобранныя служителями инквизиціи отъ бѣнъ Хариси, были имъ прочтаны, хотя съ грѣхомъ пополамъ. Онъ оставилъ себѣ одного Маймонида, а остальное собралъ и понесъ въ домъ доктора.

Поднимаясь по ступенямъ лѣстницы, онъ дрожалъ. Отвѣчая на привѣтствіе доктора, онъ боязливо наблюдалъ, не покажется-ли Дина.

Старый Авраамъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на Антуана.

Онъ приписывалъ его волненіе благочестію инквизитора, преступившаго порогъ подозрѣваемаго еврея.

— И такъ, вы прочли въ это короткое время всѣ мои книги?

— Да!—какъ-то глухо отвѣчалъ Антуанъ.

— Maître Антуанъ свободно владѣетъ арабскимъ и еврейскимъ языками?

— Да!—тѣмъ же тономъ отвѣчалъ Антуанъ.

— О, великіе языки! На васъ писали такіе свѣтила знанія, какъ Аверроэсъ, Маймонидъ, Авиценна, Альгazelъ, Гейроль! Вотъ свѣточи разума, ведущіе родъ людской къ истинѣ!

Докторъ заговорилъ о наукѣ и философіи и съ жаромъ началъ налагать и комментировать сочиненія Аверроэса. Не даромъ говорятъ, что «природа истолкована Арпстотелемъ, а Аристотель Аверроэсомъ». Только могучій умъ можетъ понять и уяснить заблуждающимся слѣдующія три истины, возвышенныя Аверроэсомъ, — что «міръ и матерія вѣчны, что Богъ только косвенно управляетъ міромъ, дѣйствуя на самое крайнее небо неподвижныхъ звѣздъ, и что Разумъ есть единый божественный свѣтъ, который, создавая познаніе, свѣтитъ въ душу людей; Разумъ есть единое, что бессмертно въ человѣкѣ». Послѣ смерти, индивидуальное бессмертіе уничтожается; бессмертіе заключается въ памяти потомства. Что касается до воздаянія на небесахъ, то это—«вредная сказка, такъ какъ при этомъ воздерживаются отъ порока лишь въ надеждѣ получить награду съ лихвой. Лучшая религія — религія философовъ,

которая состоитъ въ изученіи того, что есть»¹. *Felix qui potuit
gerum cognoscere causas*, говоритъ *Виргилій* ².

Монахъ внимательно слушалъ разсужденія доктора. Его самого серьезно интересовали тѣ вопросы, которыхъ касался ученый еврей. Братъ Антуанъ уже давно созналъ въ себѣ существованіе несомнѣнно еретическихъ взглядовъ. Правда, нѣкоторое время онъ пробовалъ утѣшать себя ученіемъ о «двоякой истинѣ»—философской и теологической, по которому—одно дѣло философія, другое дѣло теологія, и что объ одной и той же вещи могутъ существовать рядомъ двѣ истины, не смотря на то, что онѣ прямо-противоположнаго содержанія³. Но умъ брата Антуана давно переросъ ученія схоластиковъ, силлогизмами отгораживавшихъ себя отъ фактовъ. Ученіе о «двоякой истинѣ» не могло противостоять ученію объ истинѣ *единой*. Одно изъ двухъ должно было пасть, и, какъ честный человѣкъ, братъ Антуанъ не побоялся признаться себѣ въ этомъ.

И тѣмъ болѣе обязанность инквизитора его тяготила. «Добрые, справедливо мыслящіе должны преслѣдовать злыхъ, несправедливыхъ,—разсуждалъ Антуанъ, вспоминая слова Блаженнаго Августина.—Но какимъ же способомъ убѣдиться, кто дѣйствительно добръ, кто дѣйствительно обладаетъ истиной? Ужъ не Григорій-ли Великій, который хвалился, что «незнание—мать благочестія»? Не аббатъ-ли Арнольдъ, совѣтовавшій крестоносцамъ избивать всѣхъ,—виновныхъ и невинныхъ,—Вогъ-де разбереть своихъ?»

Братъ Антуанъ видѣлъ, что и въ ученіи католической церкви немало заблужденій, и въ ученіи еретиковъ немало истины. Двѣ противоположныя доктрины приобѣтали въ его глазахъ все болѣе и болѣе равноцѣнное значеніе передъ судомъ его критики. Какъ же онъ могъ во имя одной, не вполне вѣрной доктрины преслѣдовать приверженцевъ другой, таковой же?

¹ Renan. *Avérogés et Avérogisme*, p. 73, 82. Lange. *Исторія материализма*, т. I, стр. 140. Трачевскій. *Среди. Исторія*, стр. 214.

² Означивъ, кто сумѣлъ постигнуть причины вещей.

³ Maywald. *Die Lehre von der zweifachen Wahrheit*.

Другъ истины, великій мудрецъ Аверроэсъ—еретикъ! Нѣтъ, въ этомъ Антуана никто не убѣдитъ.

Не смотря на давленіе другихъ членовъ священнаго трибунала, главный инквизиторъ не рѣшался преслѣдовать въ другихъ тѣ мнѣнія, которыя носилъ въ себѣ самомъ. Для него эти мнѣнія мало-по-малу становились истиной, а разсужденія папъ и статуты ad haereticos — заблужденіемъ и зломъ. И сознаніе этого его мучило, Братъ Антуанъ былъ слишкомъ искренекъ, чтобы исполнять то, что несогласно съ его убѣжденіемъ.

Жители Безъера не даромъ удивлялись, что новый инквизиторъ слишкомъ снисходителенъ къ еретикамъ: въ его міровозрѣніи былъ разладъ; старое міросозерцаніе во многихъ мѣстахъ было разрушено; новое—не вполне окрѣпло. Быть же слѣпымъ орудіемъ папы, казнить и гнать людей и исполнять приказанія Рима закрывъ глаза—братъ Антуанъ не могъ. Онъ не столько былъ добръ, сколько честенъ. Онъ не злоупотреблялъ своею властью. Прежде чѣмъ наказывать заблужденія, онъ самъ искалъ, чтѣ есть истина.

Когда, часъ спустя, въ комнату вошла Дина, одѣтая въ пышный восточный нарядъ, блестящая своею красотой, полная жизни и граціи, — братъ Антуанъ не могъ пересилить себя и поблѣднѣлъ. Дина была одѣта такъ, какъ одѣвались дѣвушки испанскихъ арабовъ. Ея станъ облекала тонкая бѣлая рубашка, доходящая почти до колѣнъ; широкіе шелковые шаровары пунцоваго цвѣта спускались широкими складками до самыхъ ступней; пунцоваго же цвѣта и изъ той же матеріи длинный кафтанъ («слекъ»), съ узкими, но длинными рукавами и съ разрѣзами по обѣимъ сторонамъ ниже талии. Воротъ былъ открытый и красиво стяннутый янурками и петличками. Вокругъ талии, на подобіе пояса, была обвязана четырехугольная шаль, а на головѣ украшенный жемчугомъ четырехугольный пестрый платокъ¹. На рукахъ были широкіе золотые браслеты восточной работы. Дина несла серебряный подносъ, на которомъ стоялъ изящный, тоже серебряный, сосудъ съ длиннымъ и уз-

¹ Вейсъ, II, 1, 206.

камъ горлоузъ, называемый арабами «доракъ», украшенный восточными орнаментами и арабскими надписями.

Дина поставила подносъ на подставочку, налила брату Антуану въ серебряный кубокъ прохладительнаго питья и предложила фрукты и кушанья. Она какъ будто стыдилась своего посѣщенія его кельи и только разъ попробовала поднять на монаха свои глубокіе черные глаза.

Отъ этого взгляда доминиканецъ вдрогнулъ, а Дина покраснѣла. По просьбѣ брата Антуана и по приглашенію отца, она осталась въ комнатѣ.

— У васъ добрая и любящая дочь,—сказалъ наконецъ съ большимъ трудомъ братъ Антуанъ.—Дайте мнѣ побесѣдовать съ нею и съ вами.

И онъ, словно противъ своей воли, вдругъ заговорилъ о монашеской жизни, о той жи, которая связана съ монастырями «нищенствующихъ» доминиканцевъ, о томъ, что монахъ принужденъ во многомъ ломать и калѣчить самого себя,—а онъ, монахъ, такой же человекъ. Самъ не замѣчая того, братъ Антуанъ, доминиканецъ, повторялъ слова одного изъ еретиковъ-вальденцевъ.

Антуанъ говорилъ съ несвойственнымъ ему жаромъ, а Дина сидѣла въ углу дивана и внимательно и горячо слѣдила за его рѣчью.

И онъ это видѣлъ, и еще съ большимъ жаромъ доказывалъ, что всѣ народы—дѣти одного Отца, у всѣхъ—Богъ одинъ, и что не нужно быть философомъ, чтобы признать существованіе той невидимой связи, которая соединяетъ всѣхъ людей, какой бы націи, сословія, состоянія они ни были. И апостолъ Павелъ говоритъ: «Нѣтъ ни елива, ни іудея, ни обрѣзанія, ни необрѣзанія, варвара, скиеа, раба, свободнаго, но все и во всемъ Христосъ».

И Дина слушала его рѣчи. Онѣ доказывали ей, что ея Богъ и Богъ Леона — одинъ и тотъ же; даже католическій монахъ признаетъ это.

Длиннѣ нравились рѣчи Антуана. Ее привлекало его умное, серьезное лицо, широта его мысли, столь несвойственная тому костюму, который онъ носилъ. Она сама думала такъ же, какъ

maître Антуанъ. О, ей пришлось думать о многомъ, такъ какъ старый докторъ самъ наблюдалъ за ея развитіемъ и образованіемъ, выбиралъ для нея книги, помогалъ ей объясненіями въ изученіи исторіи, философіи, искусствъ. Авраамъ бенъ Хариси и въ этомъ отношеніи оставался вѣрнѣе своему учителю Аверроэсу, который говорилъ, что женщина равна мужчинамъ по способностямъ и что «только рабство, въ которомъ держитъ ее наше общество, не позволяетъ намъ оцѣнить ея силы»¹. Подъ вліяніемъ отца и его друга Пьера Дюмулена, Дина быстро развернула свои богатые душевныя силы. Она ни въ чемъ не хотѣла уступить Элизѣ—возлюбленной знаменитаго Абеягра, о которой такъ много слышала. Дина съ успѣхомъ занималась латинскимъ и арабскимъ языками, свободно читала по древнееврейски и немного по нѣмецки, и весьма любила бесѣдовать съ отцомъ и Пьеромъ Дюмуленомъ объ ученіяхъ Платона, Аристотеля и Аверроэса, а съ Леономъ—о кровавыхъ событіяхъ текущей жизни, которыя неудержимымъ потокомъ слѣдовали одно за другимъ. Эти событія ужасали ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ влекли къ себѣ съ какою-то чарующею силой. Дина любила пѣть пѣсни еврея-миннезенгера Зюскинда, особенно одну:

Gedanke nie man kann erwern den torn, noch den wizen,
Gedanke sluffen dar den Stein, dar stachel und dar iren².

Вѣдь о томъ же, что пѣлось въ этой пѣснѣ, пѣлъ и Леонъ. Пѣсня эта напоминала ей о ея названномъ отцѣ Пьерѣ Дюмуленѣ, гибель котораго и Леонъ, и Авраамъ, и она такъ оплакивали; пѣсня эта и звала, и манила ее въ неопредѣленное, но полное борьбы будущее, очаровывала ее и возбуждала въ ней жажду подвига.

И братъ Антуанъ говорилъ о служеніи Вышнему Богу и людямъ, о служеніи истинѣ и добру.

Въ его словахъ Дина чувствовала нѣчто такое, что связы-

¹ Проф. Трачевскій. Средн. Исторія, стр. 214. Обыкновенно еврейскія и арабскія женщины получали „домашнее, хозяйственное воспитаніе“.

² Т. е.: „Никогда и никто не можетъ запретить мыслить. Мысль проложитъ себѣ дорогу сквозь камень, сквозь сталь, сквозь жатво“. Зюскиндъ жилъ въ XII—XIII в. См. у Галера: *Zwajkindes sechs Gedichte*.

вало ее съ этимъ монахомъ; она жадно слушала его рѣчь, и совсѣмъ забыла о томъ, что передъ нею сидитъ доминиканскій монахъ, главный инквизиторъ.

Было уже поздно, когда братъ Антуанъ сталъ прощаться съ хозяйками. Онъ накинулъ капюшонъ на голову, и когда Дина съ свѣтильникомъ въ рукахъ повела его ко входной двери, онъ остановилъ ее и сказалъ:

— Дочь моя! (Ему стоило большого труда произнести эти два слова). Не забудь дорогу къ моей кельѣ! Я всегда буду радъ тебя видѣть...

Дина чувствовала, что между нею, еврейкою, и этимъ католическимъ монахомъ нѣтъ пропасти. Она ему вѣрила.

Н. Рубакинъ.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ СОЛОМОНА ГЕБИРОЛЯ.

Высоко ты вздымаешься,
Моя душа!
Рой думъ въ тебѣ волнуется,
Борясь, спѣша,
Какъ при разгарѣ пламени
Пожара днѣ,
Блуждами возносящійся
Къ чертогамъ голубиныхъ...
Не море-ль ты, гдѣ борются
И спорять межъ собой
Страданія съ заботами
Мятежною толпой?
Не бездна-ль ты, гдѣ кроются
Стопы земныхъ опоръ
Въ глухомъ водоворотѣ?
Я знаю, что твой взоръ
Въ возвышенномъ полетѣ
Не видитъ суеты
Мірскаго прозябанья,—
За это въ воздаянъе,
Душа, страдаешь ты!

Но брось дорогу мудрости
И сдѣлайся невѣждой,—
И мѣрь тебя одеждой
Роскошной уберечь...

Вотъ въ чемъ причина
Скорбей моихъ,
Кто жь укротить,
Разсѣять ихъ?
О, какъ давно и страстно
На жизненномъ пути
Я „человѣка духа“
Стремлюся обрѣсти,
Но я искалъ напрасно!
И если этотъ мѣръ мнѣ дастъ одинъ обманъ,—
Я плюну на него,
На лживый истуканъ!
Его глаза закрыты
Для свѣта моего,
На мой вопросъ онъ нѣмъ,
Онъ глухъ... А между тѣмъ,
Будь кротокъ и привѣтливъ онъ со мною,
Какъ сталь бы я любить его,
Любовью нѣжною, святою...

Довольно было преступлений,
О, глухой мѣръ, повѣрь,
Чтобъ жизни колесо направить

Другимъ путемъ теперь...
 Или мало мудрецовъ
 Ты превратилъ въ рабовъ!...
 Нѣтъ! Слишкомъ долго ужъ смотрѣли
 На благороднѣйшіе ведры
 Какъ на простой тростникъ!
 Долой цвѣтущихъ негодяевъ,
 Которыхъ дерзостный языкъ
 Твердитъ, что ночь прекраснѣй солнца,
 Которыхъ царство—тьма,
 Которые меня понесать
 За силу моего ума,
 За чистоту моей души,
 Не осквернившей въ глуши!..

За что вы негодуете,
 Когда спускаюсь я
 Въ тайникъ сокрытой мудрости,
 Въ сокровищамъ ея?
 Вѣдь все великолѣпнѣе,
 Открытое мнѣ тамъ,
 Съ такою чистой радостью
 Я возвращаю вамъ!
 Безумцы, ослѣпленные
 Сіяніемъ огня!
 Хотите-ль вы, чтобъ и меня
 Тѣмъ блескомъ ослѣпило

И чтобы съ мудростью святой
Навѣкъ союзъ расторгся мой?!

Но мнѣ-ли, мнѣ-ль тебя оставить,
О, нѣжно-любящая мать,
И съ головы вѣнецъ нетлѣнный
Для лавровъ суетныхъ сорвать?

Когда ея Эдема рѣкъ
Текутъ въ цвѣтущихъ берегахъ
И отражаютъ мiръ огромный
Въ своихъ плѣнительныхъ струяхъ,—
Какое сладкое блаженство
Глубокихъ мыслей и живыхъ
Переживаю я, стоящій
На берегу разлива ихъ!

Нескль же къ вѣчному эфиру,
Моя душа!
И возглашая свободно мiру,
Что мудрость—дивно-хороша,
Что жизнь мятежную свою
Я мощной мысли отдаю,
Что въ ней одной лежитъ дорога,
Гдѣ я ногу постигнуть Бога!..

С. Гриблатъ.

ВЪ ДУХЪ ВРЕМЕНИ.

РОМАНЪ.

XV¹.

Со вступленіемъ новой гувернантки жизнь Анжелики, по наружности, сдѣлалась болѣе сносною, такъ какъ фрейлейнъ Ванда исполняла принятыя на себя обязанности съ похвальною точностію. Но она не была способна внести что нибудь хорошее въ домашнюю жизнь обитателей виллы, и отношенія ея къ Анжеликѣ не могли быть нормальными. Могла-ли такая нѣжная, чуткая натура симпатизировать этой свѣтской дамѣ, которая, какъ Анжелика постоянно чувствовала, только корчила изъ себя воспитательницу? „Есть люди, которые портятъ насъ безъ всякаго умысла,—говорила себѣ молодая женщина.—Они, развращаютъ уже однимъ своимъ общеніемъ съ нами“.—Весь тонъ разговоровъ, обращеніе съ дѣвочками, кокетство съ Сигмундомъ—оказывали опошляющее вліяніе, тѣмъ болѣе, что послѣдній отдавался съ чрезчуръ большимъ интересомъ сплетнямъ и анекдотамъ, составлявшимъ главное содержаніе разговоровъ фрейлейнъ Ванды. Анжелика чувствовала себя постороннею за своимъ собственнымъ столомъ, такъ какъ эта тяжелая атмосфера, которую трудно было измѣнить, наполнила весь домъ, заставляя сжиматься сердце молодой женщины. Пошлое ухаживаніе Сигмунда возстановляло ее не только противъ своего мужа, кото-

¹ См. „Восходъ“, кн. IX.

рый и здѣсь выказалъ полное отсутствіе нравственной выдержки, но также и противъ Ванды, принимавшей это ухаживаніе озираясь на жену и давая этимъ Анжеликѣ поводъ думать, что за ея спиной она должна быть мѣтѣ недоступной. Все это не могло не заставить одинокую въ своей семьѣ женщину съ нетерпѣніемъ ожидать возвращенія друга, который могъ доставить ея жаждущей душѣ лучшую пищу; и однажды подъ вечеръ она съ дѣтскою радостью захлопала въ ладоши, увидѣвъ подъѣхавшую къ госпиталю карету, изъ которой вышелъ Геннегауэръ. Глаза ея заблестѣли и она весело воскликнула:—Наконецъ-то онъ пріѣхалъ!

— Ты не ликовала такъ, когда я вернулся домой,—сказалъ уколотый Сигмундъ.—Можно подумать, что твой домашній жидъ для тебя дороже мужа.

Анжелика взглянула въ сосѣднюю комнату, опасаясь, чтобы фрейлейнъ Ванда не услышала безтактныхъ словъ, и ничего не отвѣтила.

— Признайся, что это правда,—съ досадою настаивалъ Сигмундъ.

— Это зависитъ отъ того, что привозятъ люди своимъ изъ путешествія,—возразила Анжелика.—Геннегауэръ навѣрное не забылъ дѣтей, какъ ты.

— Я полагаю, что везу тебѣ то, въ чемъ ты наиболѣе нуждаешься,—иронически отвѣтилъ Сигмундъ.

Анжелика безмолвно взглянула на него своими ясными голубыми глазами и, какъ онъ ни злился, но не могъ выдержать этого взгляда и отвернулся.

Многозначительный симптомъ этотъ не укрылся отъ вниманія жены, но она не сказала ни слова и ушла готовить съ фрейлейнъ Вандой ужинъ для дѣтей.

Браунъ праздно стоялъ у окна и смотрѣлъ, какъ пошабавшіе рабочіе сходили одинъ за другимъ по лѣсамъ противополож-

наго дома; черезъ нѣсколько минутъ и маленькій Вальтеръ присоединился къ своему отцу, чтобы пособить ему въ этомъ занятіи.

— Посмотри, какъ кривляется этотъ итальянецъ!—воскликнулъ мальчишкѣ,—и этотъ, и этотъ!... Что имъ нужно? Зачѣмъ они тутъ столпились?

У воротъ госпиталя происходило дѣйствительно нѣчто странное. Передъ сторожкой привратника, откуда долженъ былъ въ этотъ часъ выдаваться рабочимъ ихъ заработокъ, итальянцы собрались цѣлою толпой, напирая къ окну, жестивулируя и крича. Кассиръ, повидимому, старался успокоить ихъ, но безуспѣшно.

— Жена,—кривнулъ Браунъ, желая помириться съ Анжеликой, — поди сюда! Посмотри, какъ итальянцы осаждаютъ кассу! Вонъ и ворота заперли! Чего эти люди такъ вопять? Смотри, вонъ идутъ и городскіе каменьщики, и фабричные рабочіе! Э! да и мои личные друзья, длинный солеваръ и венгерскій егеръ, также здѣсь! А это что за висѣльщикъ въ измятомъ цилиндрѣ? Я отсюда слышу, какъ отъ него разить сивухой. И кто это выпустилъ ихъ изъ ада? Кто бы могъ подумать, что здѣсь мѣсто этому назурику! А вонъ и трещотка-Шмидтъ, въ качествѣ „собственнаго корреспондента“! Какъ онъ дружелюбно разговариваетъ съ богатиремъ-каменьщикомъ! Ужъ конечно, для него этотъ бунтъ передъ больницей—настоящей кладъ!

Не только на виллѣ, но и во всѣхъ сосѣднихъ домахъ окна были усеяны головами, съ любопытствомъ смотрѣвшими на буйную толпу. Правда, въ день расчета на больничномъ дворѣ всегда бывало довольно шумно, но теперь по возбужденнымъ лицамъ, сверкающимъ глазамъ и оживленнымъ жестамъ рабочихъ замѣтно было, что случилось нѣчто особенное. Время отъ времени въ толпѣ мелькала сѣдая кошачья голова уволеннаго бухгалтера. Онъ непрерывно говорилъ, смѣялся, грозилъ кулакомъ по направленію къ окнамъ госпиталя и рассказывалъ постоянно прибывавшимъ группамъ что-то такое, что, повидимому, производило сильное впечатлѣніе. перегово-

ранъ между стариннѣ кассиромъ въ сторожкѣ и итальянцами не предвидѣлось конца, а между тѣмъ толпа являкъ все прибывала. Оберванные трактирные завсегдатаи, уличные мальчишки изъ пригорода, рваная голь, бродяги безъ мѣстъ, съ лицами каторжниковъ— все было здѣсь на лицо.

— Что случилось? въ чемъ дѣло?—крикнулъ одинъ изъ соседей въ открытое окно.

— Ганнегауеръ не хочетъ платить рабочимъ,—отвѣтилъ кто-то изъ толпы.

— Вѣшай жидка!—раздалось съ другого конца.—Онъ обокрадь больничную кассу! Всѣ деньги въ ней фальшивыя!

— Крикунъ-то мнѣ знакомъ,—сказалъ Браунъ, высунувшись изъ окна и всматриваясь въ толпу. Онъ не замедлилъ отличить уволеннаго бухгалтера, который, скользя между рядами какъ змѣя, разжигалъ и натравливалъ толпу. Потомъ, отойдя въ сторону, онъ сталъ шептаться съ долговымъ, угрюмымъ человѣкомъ, граверомъ Конрадомъ, который своимъ блѣднымъ, костлявымъ лицомъ и свалившимися глазами напоминалъ мертвую голову.

Мѣстные рабочіе, возвращавшіеся съ работъ большими толпами, вначалѣ оставались безучастными зрителями и только насмѣхались надъ итальянцами, которые, отбивъ у нихъ заработокъ, сами были теперь обмануты; но потомъ нѣмцы сообразили, что пришло время отомстить уволенному ихъ директору госпиталя за его суровость къ нимъ.

Они не подождали, какіе недогды брались за одно дѣло съ ними. Браунъ, вида, съ какинъ рѣшительнымъ видомъ одни подбравтъ свои камни, другіе вырываютъ камни изъ мостовой и пробуютъ крѣдостью плоть, понявъ, что готовятся нешуточные безпорядки. „Какъ бы не задумали они громить и виллу!—подумалъ онъ.—Вѣдь и она тоже принадлежитъ къ госпиталю, а здѣсь имъ будетъ раздолье“.

Разнышляя, не велѣтъ-ли запретить ворота и оконныя ставни,

онъ увидѣлъ, какъ старшій бухгалтеръ первый пустилъ камень въ окно квартиры Геннегауера, но промахнулся. Никольники и уличные мальчишки не замедлили последовать его призыву. Однако, пока все было еще довольно безобидно, хотя никто не могъ бы предсказать, до чего дойдетъ дѣло, такъ какъ сборище росло съ каждою минутой.

Зазвенѣли первыя разбитыя стекла и у оконъ показались блѣдныя, испуганныя лица больныхъ, которые повскакали съ кроватей и съ воплями ломали себѣ руки. Толпа дико захохотала при видѣ этихъ странныхъ фигуръ въ ночныхъ волпачахъ и чепцахъ, или же просто обернувшихъ въ простыни. Видѣ ихъ былъ такъ кошачень, что даже участвовавшіе въ буйствахъ зрители невольно смѣялись.

— Олуша-ай! — командовалъ одинъ ученикъ-кровельщикъ, съ виду настоящая борзая собака. — Камни въ руку! кидать въ-разъ! Готовы?

— Готовы!

— Ну—пли!

Градь камней вторично полетѣлъ въ стѣну госпиталя; но буяны цѣпились плохо и лишь немногія стекла были выбиты, да со стѣны посыпалась штукатурка. Жалкіе отрывки бросались за новыя боевыя запасы въ сложенные неподалеку груды камни для починки мостовой. Въ то же время раздались насмѣшливые крики.

— Эй! Исаакъ, выходи сюда! Дай-ка мнѣ осмотрѣть твои карманы! Дай намъ похлопать по твоимъ денежничъ ишваамъ!

Между тѣмъ парни вернулись съ новыми запасами и принялись разбивать въ одиночку одно стекло за другимъ. При звонѣ каждаго разбитаго стекла, внизу раздавался ликующій крикъ, въ особенности когда за разбитыми окнами показывались мечущіяся женщины, сбѣжавшія уносить дѣтей, или въ ужасѣ воздвигавшія

руки къ добру. Болѣе храбрые пациенты рисковали приближаться къ открытымъ окнамъ, чтобы закрыть ставни.

Въ верхнемъ этажѣ оказался наконецъ самъ директоръ. Тогда пристраивавшая его равомъ: „Исаакъ! Исаакъ!“ Но онъ спокойно закрывалъ одинъ за другимъ рѣшетчатые ставни. Камни не долетали до него, или ударялись въ простѣнки.

Однако, зданіе уже значительно пострадало отъ бомбардировки; интуитурра обвалилась во многихъ мѣстахъ, обнаживъ голый камень.

— Что случилось? Отчего этотъ шумъ?— крикнулъ Браунъ, увидѣвъ директора банка, который, вырвавшись изъ давки, укрываясь въ саду видли, послѣ тщетной попытки проникнуть къ госпиталю.

Сухопарный директоръ приблизился къ окну, возбужденно жестикнувшись, и отвѣтилъ раздраженнымъ тономъ:

— Какъ! развѣ вы не знаете? Вѣдь ужъ объ этомъ говорится въ экстренномъ призывеніи къ „Народному Вѣстнику“. Чертъ знаетъ, какъ еще хватило храбрости у этого еврея вернуться сюда! Когда мы узнали вчера, что всѣ кредитные билеты въ госпитальной кассѣ оказались фальшивыми, то мы сейчасъ же поняли, что это значитъ. Вѣдь этотъ еврей уже пытался однажды поддунуть намъ русскія фальшивыя ассигнаціи.

— Геннегауеръ?—недовѣрчиво воскликнулъ изумленный Браунъ. Директоръ банка нервно закивалъ головой.

— Вскорѣ послѣ прибытія своего сюда, въ мартѣ этого года, онъ явился къ намъ съ этими русскими бумагами, но я не дался на удочку. Мы, конечно, не заподозрѣли бы его, но онъ отказался сказать, откуда ихъ получилъ. Онъ тихохонько положилъ опять къ себѣ въ карманъ эти три тысячи марокъ фальшивыми билетами, и даже не началъ розысковъ и не предъявлялъ объ обманѣ прокурору. Мы со Шлейхмайеромъ съ тѣхъ поръ внимательно слѣдимъ за нимъ, потому что, коль скоро человекъ такъ

спокойно бросаетъ за окно три тысячи марокъ, то, значить, дѣло не чисто. Очевидно, эти деньги стояли ему только бумага да печати. Но представьте вы эту дерзость: вчера онъ предъявляетъ къ намъ, черезъ своего кассира, на одиннадцать тысячъ купоновъ, которые всѣ оказываются фальшивыми! Конечно, намъ пришло въ голову, что онъ удраля, захвативъ всю госпитальную кассу, и никогда не вернется сюда. Но вдругъ я слышу, что онъ вернулся. Разумѣется, я немедленно побѣжалъ къ нему для личныхъ объясненій — но вотъ онъ самъ явился въ кассу!

Дѣйствительно, Гейнегауеръ показался въ эту минуту въ окнѣ нижняго этажа и замѣтно было, что онъ уговариваетъ возбужденныхъ рабочихъ разойтись добромъ. Но за шумомъ въ виллѣ — нельзя было слышать ни слова. Онъ говорилъ съ итальянцами на ихъ родномъ языкѣ; они стѣснились около него и замѣтно было, что объясненіе между сторонами принимаетъ миролюбивый характеръ. Смуглыя, бородачья лица съ живостью кивали, перекидывались остротами и наконецъ ораторъ ихъ дружески хлоннулъ въ протянутую руку Гейнегауера. Послѣ этого директоръ скрылся, и толпа стояла съ разинутыми ртами, пока онъ снова не появился въ окнѣ, протягивая старостѣ итальянскихъ рабочихъ какую-то бумагу. Стоявшіе впереди сблизили головы, чтобы разсмотрѣть ее, и потомъ одинъ изъ нихъ помахалъ шапкой и крикнулъ: „Domani!“

— Онъ выдалъ имъ письменное обязательство подъ своею личною отвѣтственностью, — крикнулъ Сигмунду директоръ банка. — Много они съ него возьмутъ!

Однако, итальянцы двинулись прочь, энергично расталкивая зѣвакъ. Казалось, инцидентъ тѣмъ и кончится. Зрители начинали расходиться; буяны, бросавшіе камнями, съ невинною миной затеривались въ толпѣ.

— Что же это собственно было? — спрашивали всѣ другъ друга.

— Жидъ обокралъ госпитальную кассу, — слышалось мѣстами въ отвѣтъ.

— Какъ? что?

— А вотъ экстренное прибавленіе къ газетѣ! — внезапно разда-
лось въ томъ концѣ, гдѣ находился Шмидтъ.

— „Другъ Народа“ выпустилъ экстренное прибавленіе! —
кричалъ отставной бухгалтеръ, влѣзшій на палисадникъ видны и
помахивая оттуда обѣими лѣтвею.

— Читайте, читайте! — закричали любопытныя, тѣсясь къ
нему со всѣхъ сторонъ.

Толстый старикашка перевелъ духъ и прочелъ громкимъ, рѣ-
кимъ голосомъ:

„Виновникъ колоссальныхъ подлоговъ, волнующихъ съ нѣко-
торыхъ поръ нашъ городъ и наносящихъ важный вредъ его кре-
диту, наконецъ вчера открытъ. Слѣдствіе началось и общественное
мнѣніе указываетъ, какъ на главнаго виновника, на одного изъ
армянина, занимающаго высокое положеніе. Поговариваютъ, что
всѣ фонды въ кассѣ городского госпиталя превратились въ его
рукахъ въ фальшивыя облигаціи. Пожелаемъ, чтобы судебной вла-
сти удалось разоблачить всѣхъ виновныхъ“.

Толпа заревѣла въ отвѣтъ на прочитанное извѣстіе. Лишь
нѣкоторые поняли его точно, большинство же было того мнѣнія,
что еврей, управляющій госпиталемъ, удралъ всѣ его фонды.

Извѣстіе это пришлось на-руку толпѣ; опасная сволочь, вылѣз-
шая изъ своихъ норъ, почуввавъ беспорядки, не хотѣла расходиться
безъ всякихъ результатовъ, да и нѣмецкіе каменщики, уволенные
Гендегауаромъ, рассчитывали на болѣе значительный скандалъ и не
желали лишиться этого удовольствія.

— Онъ отнялъ у насъ нашъ хлѣбъ! — кричалъ одинъ изъ ихъ
вожаковъ.

— Онъ привелъ сюда иностранную сводочъ!

— Гоните изъ нашего города итальянцевъ!

— Вонъ жиды! — наперерывъ раздавалось въ толпѣ.

Стекла снова зазвенѣли. Толпа дико ревѣла: — Вонъ жиды! На висѣльцу его! Гепъ! гепъ! Вонъ Исаакъ! Исаакъ! Вонъ Исаакъ! Оудя!

Анжелика, въ неописанной ужасѣ, наблюдала въ окно эти сцены. Ей было тѣмъ страшнѣе, что она хорошо видѣла, какъ притавишеса въ заднихъ рядахъ подстрекатели дѣлали все новыя и новыя попытки побудить чернь къ беспорядкамъ. Прямо подъ ея окномъ отвратительный трещотка-Шмидтъ и съдой бухгалтеръ подстрекали народъ всѣми силами и поощряли буйства съ сатанинскими злорадствомъ. Тѣмъ временемъ директоръ банка, высмотрѣвъ мѣсто, гдѣ можно было пробраться съвозъ толпу, ушелъ домой, а Сигмундъ вошелъ къ женѣ, которая старалась успокоить дѣтей.

— Скажи, Бога ради, что это значитъ? — спросила она мужа. — Что имъ нужно отъ Геннегауера?

— Волничная касса пыталась расплатиться съ рабочими фальшивыми деньгами, — отрывалъ Сигмундъ съ торжествующимъ взглядомъ.

— Вздоръ! — вскричала Анжелика, всплывая. — Это наглая ложь. Съ рабочими всегда рассчитываются звонкою монетою.

— Это правда, но купоны, которые другъ твой послалъ въ банкъ для разбивки на монету, оказались фальшивыми.

— При чемъ же тутъ Геннегауеръ? — вскричала молодая женщина, дрожа отъ негодованія.

— Ужъ не знаю при чемъ, но дѣло выходитъ некротивое. Геннегауеръ еще въ мартѣ пытался разбивать въ здѣшнемъ банкѣ русскія фальшивыя облигація на три тысячи марокъ; когда же директоръ банка отвергъ ихъ, то Геннегауеръ спокойно положилъ ихъ къ себѣ въ карманъ и даже не попытался найти виновнаго. Притомъ же онъ отказался сказать, отъ кого получилъ эти деньги.

Анжелика помолчала. Блѣдное лицо ея вдругъ залилось краской.

— Русскія облигаціи... три тысячи марокъ... въ мартѣ! — проговорила она. — Глупецъ! Вѣдь это были твои деньги! Вѣдь это ты далъ ихъ ему, размѣняя въ мартѣ!

— Не можетъ быть, — пробормотала Сигмундъ, у котораго, однако, словно покаянъ свалилась съ глазъ.

— Мнѣ уже не разъ приходило въ голову, — возбужденно продолжала Анжелика, — какимъ чудомъ наши русскія облигаціи оказались настоящими, когда ты сунулъ ихъ у того же агента, который обманулъ другихъ? Я давно хотѣла спросить объ этомъ Геннегауера, но все забывала. Ты былъ еще боленъ, когда Геннегауеръ принесъ мнѣ деньги, а я думала, что все въ порядкѣ. Стало быть, онъ отдалъ намъ тогда свои собственные деньги, и вдобавокъ своимъ деликатнымъ молчаніемъ навлекъ на себя такія подозрѣнія!

Она вся горѣла отъ негодованія.

— Да погоди, такъ-ли еще все это, — сказала мужъ. — Съ какой стати онъ отдалъ бы намъ свои деньги? Вѣдь мы еще не знаемъ...

Она не кончила, рывъ воды задушилъ его голосъ.

— На висѣлицу жиды! Гепъ! гепъ! гепъ! Ломай ворота! Наирай! Кошачьи жидовскому хозяйничанью въ болыницѣ!

— Другъ мой, Бога ради, сбѣги къ дворцовой стражѣ! Проси помощи! — вскричала Анжелика въ смертельной тревогѣ.

— Чтобы меня разорвали! Покорно благодарю! — съ досадою возразилъ Сигмундъ.

— Умоляю тебя! Вспомни, чѣмъ мы обязаны Геннегауеру!

— Пустяки! Дворцовая стража сама ищетъ уши; придетъ и безъ меня! — ворчалъ Браунъ.

— Хорошо, такъ я сама пойду! — рѣшила молодая женщина.

— Нѣтъ, ужъ это оставь! Я не позволю тебѣ дѣлать себя посмѣшищемъ, — возразилъ Сигмундъ.

Но жена презрительно отвернулась отъ него, накинула на голову платокъ и ушла.

— Любовь придаетъ смѣлость, — сказала, входя въ комнату по уходѣ Анжелики, фрейлейнъ Ванда, которая слышала изъ смежной комнаты часть разговора между мужемъ и женой.

Сигмундъ хотѣлъ послѣдовать за женой, чтобы проводить ее, но Ванда удержала его за руку.

— Что же это вы, храбрый директоръ? Неужели покинете видъ институтъ въ такой опасности? Пойдите наверхъ, чтобы успокоить воспитанницъ. Да и спектакль оттуда видѣе.

Она наклонилась къ его уху и шепнула:

— Пойдемъ ко мнѣ. Я такъ рада, что она ушла!

Онъ задрожалъ и, обвивъ рукою ея полный станъ, безпрекословно послѣдовалъ за нею.

Тѣмъ временемъ Анжелика быстро перебѣжала садъ и попыталась отворить калитку, передъ которою стѣснился народъ. Она слышала, что толпа уже громилла ворота госпиталя дубинами и топорами. Дрожащими руками стала она отпихивать калитку. Ей помогъ стоявшій возлѣ Шмидтъ.

— И вы тоже хотите побунтовать, судариня! — спросилъ онъ со своею пошлою улыбкой.

Молодая женщина не удостоила его отвѣтомъ. Она завязала покрѣпче платокъ на головѣ и стала пробираться сквозь толпу. Отставной бухгалтеръ саркастически засмѣялся.

— Это она бѣжитъ черезъ заднюю дверь къ своему жиду, чтобы утѣшить его. Я самъ видѣлъ однажды; въ госпиталѣ, какъ она проскользнула къ нему.

— Что вы говорите! — усомнился журналистъ.

— Честное слово. Я засталъ ее однажды вечеромъ въ его комнатѣ. Въ темнотѣ, знаете, пріятно...

— Такъ вотъ почему онъ такъ великодушно уступилъ Брауну свою виллу! — вскричалъ Шмидтъ, злорадно хохоча.

— На праваяхъ осмѣянаго дольщика, — кричалъ бухгалтеръ.

— Вотъ она, преславная-то дружба! Правду говорятъ въ Россіи: „иному любъ попъ, а иному — попадья“.

Шумъ утихъ и разговоръ пресѣлся. Канонщики притащили лѣстницу итальянскихъ рабочихъ и хотѣли употребить ее въ видѣ тарана противъ стѣны; но тѣснѣвшійся народъ препятствовалъ этому.

Въ эту минуту въ толпу врѣзая какой-то широкоплечій мостовщикъ, потрясая тяжелнѣй молотомъ. Уклонаясь отъ этого опаснаго орудія, толпа разступилась и передъ воротами образовалось свободное пространство. Рабочій съ молотомъ рѣшительными шагами подступилъ къ воротамъ. Шумъ утихъ, но эта внезапная злобѣщая тишина, полная ожиданій, была страшнѣе простыя криковъ.

Тяжелый молотъ глухо ударилъ въ ворота. Второй, страшный ударъ заставилъ отскочить одну половицу воротъ. Рабочій сильнѣйшимъ ударомъ ноги оттолкнулъ доски и освободилъ проходъ. Шумная толпа съ криками хлынула въ ворота и замонила дворъ. Въ окна глядѣли блѣдныя лица больныхъ, лежавшихъ со съ руками. Въ толпѣ, замрудившей дверь, казалось, только два человека знали, чего они хотятъ: съдой бухгалтеръ, снованнѣй между оравшими канонщиками, и правая Бонрадъ; мертвенное лицо котораго ожидалось злобѣщею радостію.

Бухгалтеръ, направивъ толпу къ лѣстницѣ, осторожно отвелъ Бонрада за отвороченную половицу двери и шепнулъ ему, указывая жестомъ на боковую дверь, которая вела въ прачешную:

— Отсюда ты можешь пролезнуть прямо въ контору. Есть-ли у тебя огниво?

Бонрадъ утвердительно кивнулъ.

— Хорошо; только подожди тамъ полми со старыми счетами,

а я прокрадусь къ главному крану водопроводной трубы и оставлю воду. Потомъ мы встрѣтимся съ тобой наверху.

Оба ускользнули въ разныя стороны. Между тѣмъ буйство во дворѣ возобновилось; толпа ревѣла:

— Исаакъ! Исаакъ! Подайте намъ щипца! Поищите его!

Видя, что наверху никто не шевелится, буйны ринулись на лестницу, но въ сѣнхъ наткнулись на жадѣнную рѣшотчатую дверь.

— Мостовщикъ, сюда! Тамъ молотъ!— кричали голоса.

Изъ рѣшотчатой двери высунулись два ружейныя дула.

— Убью перваго, кто прикоснется къ двери!— крикнулъ сторожъ Майоръ.

Толпа оцѣпенѣла.

— Попробуемъ задать имъ страху, терръ Бюклеръ!

Тотъ, къ которому обращались эти слова сторожа, былъ кавалеръ заведенія, пожилой человѣкъ, съ добродушными глубокими глазами. Онъ съ улыбкой кивнулъ головой. Гранули два выстрѣла одинъ за другимъ и масса къвосты, вращавшаяся въ протока на толпу вмѣстѣ съ рикошетировавшею дробью. Въ ахнули; каждый подумалъ, что въ него попали. Трусливая толпа, обятая каническимъ страхомъ, съ яростнымъ крикомъ нарахнулася въ лестницы, скаквала съ ногъ и дава другъ друга.

Тѣмъ временемъ, оставшіеся на дворѣ, наткнувшись на другія запертыя двери, притащили лестницу, чтобы приставить ее къ окну второго этажа и проникнуть въ домъ зорьнѣмъ.

— Но насъ стрѣляютъ!— закричала выходящая изъ сѣней.— Жидъ стрѣляетъ по намъ!

Державшіе лестницу люди такъ испугались, что бросили ее, не успѣвъ приставить. Толпа отшатнулась, но упавшая лестница все-таки сшибла съ ногъ нѣсколькихъ женщинъ. Тогда яростъ толпы обратилась противъ виновниковъ этого безобразія. Нѣсколько чело-

вѣвъ ухватились за лѣстницу, не позволивъ поднимать ее. Завязалась перебранка.

Вдругъ вдали послышался барабанный бой. Уличные мальчишки, у которыхъ советъ была нечиста, первые обратились въ бѣгство. Толпа съ крикомъ ринулась въ ближніе проулки, сбился и давил другъ друга; падающія женщины и дѣти визжали, а барабанный бой все приближался.

Заслышавъ его, каменщики бросили лѣстницу и разошлись, крича:

— Ночью мы опять придемъ!

Между тѣмъ изъ-за домовъ показался отрядъ полицейской стражи и задержалъ нѣсколькихъ бундовъ. Но увидѣвъ, что толпа разошлась, командовавшій отрядомъ офицеръ отграничился тѣмъ, что отправилъ задержанныхъ на гауптвахту, а полицейскій командиръ вошелъ въ госпиталь, чтобы узнать причину беспорядковъ. Но директоръ самъ не зналъ ея.

Возвратясь изъ отпуска, онъ прежде всего отправился въ контору, чтобы вступить въ отправленіе своихъ служебныхъ обязанностей. Въ отсутствіе его накопилась масса счетовъ и официальныхъ запросовъ, за которые онъ и принялся. Но едва онъ уступилъ въ свое дѣло, какъ въ контору вошелъ новый бухгалтеръ, говоря:

— Слава Богу, что вы вернулись, г. директоръ! Кассиръ уже два раза приходилъ сюда. Онъ въ крайнемъ затрудненіи на счетъ расплаты съ рабочими.

— Какъ такъ?—удивился Геннегауеръ.

Онъ зналъ, что итальянцы, съ которыми до сихъ поръ расчетъ дѣлался записью въ расчетныя книжки, желали получить свои деньги перваго числа, и поэтому еще наканунѣ послалъ для расчета въ банкъ купонъ, который истекалъ срокъ.

Но банкъ возвратилъ ихъ все, такъ какъ они оказались фальшивыми.

— Въ? Но этого не можетъ быть, — возразилъ Геннегауеръ, засмѣявшись. — Директоръ банка, должно быть, рехнулся.

— Административный совѣтъ помѣстилъ всѣ деньги въ русскія облигаціи, — продолжалъ бухгалтеръ. — Сверхъ этихъ денегъ въ кассѣ остается такая бездѣлица, о которой не стоитъ и говорить, а въ семь часовъ рабочіе придуть за расплатой.

— Развѣ у кассира нѣтъ другихъ кредитныхъ бумагъ, которыя можно размѣнять? — спросилъ директоръ.

— Есть, но онъ не въ правѣ мѣнять безъ разрѣшенія совѣта.

— Такъ пошлите сейчасъ созвать членовъ на засѣданіе. Пошлите Майера и аптекарскаго помощника, да накажите имъ спѣшить. Не усноковывайтесь, пока эти господа не соберутся. Рабочихъ нужно удовлетворить во что бы то ни стало. Съ итальянцами нельзя шутить въ этихъ дѣлахъ, они подозрительны и вспыльчивы. Я не желаю поднимать шума въ госпиталѣ; довольно того, что постройка беспокоитъ больныхъ.

Немного погодя, бухгалтеръ снова прибѣжалъ.

— Купецъ Байеръ и пасторъ Граусъ отвѣчали, что въ четвергъ и безъ того соберется засѣданіе, и тогда это дѣло разсмотреть. Они говорятъ, что созывать засѣданія — дѣло председателя, а не госпиталянаго врача.

— Безстыжій попъ! — молвилъ еврей. — Такъ я самъ поѣду въ банкъ. Впрочемъ, нѣтъ, ужъ поздно. Рабочіе уже пошатались. Я не могу оставить больныхъ. Скажите кассиру Бухлеру, чтобы онъ какъ нибудь уговорилъ рабочихъ подождать до завтра.

Сказавъ это, онъ побѣжалъ наверхъ, въ палаты, чтобы быть вождѣ своихъ пациентовъ.

Вскорѣ прибѣжалъ сторожъ и объявилъ, что онъ вынужденъ былъ запереть ворота, такъ какъ итальянцы покушались ворваться во дворъ, а теперь шумятъ за воротами и требуютъ директора.

Геннегауеръ, укрѣпивъ окна противъ начинавшейся бомбардировки и успокоивъ больныхъ, сбѣжалъ внизъ и, появившись

въ окнѣ возлѣ воротъ, объяснилъ итальянцамъ на ихъ родномъ языкѣ, по какой причинѣ касса не можетъ расплатиться съ ними въ этотъ день. Онъ поручился своимъ личнымъ состояніемъ, что справедливыя требованія ихъ будутъ удовлетворены. Настроеніе подвижныхъ итальянцевъ тотчасъ измѣнилось. Подозрительность ихъ была возбуждена главнымъ образомъ тѣмъ, что они не понимали, что говорилъ имъ кассиръ; на родномъ же языкѣ своемъ они охотно вступили въ переговоры и, получивъ отъ Геннегауера поручительство на итальянскомъ языкѣ, ушли довольные, какъ дѣти.

Но въ то время, какъ Геннегауеръ поспѣшно уходилъ въ палаты, чтобы успокоить встревоженныхъ пациентовъ и возстановить порядокъ, уволенные имъ нѣмецкіе рабочіе поднимали на улицѣ новый, шумный скандалъ. Директоръ пришелъ въ палаты какъ разъ во-время, чтобы успокоить больныхъ, которые требовали свое платѣ и кричали, чтобы ихъ выпустили изъ госпиталя, гдѣ жизнь ихъ не въ безопасности. Но присутствіе директора ободрило ихъ. По наружности, онъ смотрѣлъ на безпорядки только съ помпической стороны. Съ непоколебимымъ хладнокровіемъ распорядился онъ тотчасъ перевести больныхъ въ заднія палаты и самъ шуточно пожегъ въ этихъ хлопотахъ. Влетавшіе въ окна камни падали у самыхъ его ногъ и одинъ даже чувствительно ударилъ его въ спину, но докторъ едва шевельнулся. Рева толпа: „Долой жида!“ онъ какъ будто и не слышалъ. Все вниманіе его было обращено на больныхъ. Только разъ, увидѣвъ въ окно колеблющуюся высокую лѣстницу, онъ закусилъ губы. Онъ подумалъ, что буяны намѣреваются влѣзть въ окно.

— Есть у васъ оружіе, Майеръ?—тихо спросилъ онъ сторожа.

Но увидѣвъ, что лѣстницу хотять употребить въ видѣ тарана противъ воротъ, онъ отиѣнилъ свое распоряженіе.

— Оставьте. Нужно запереть внутреннія двери, больше ничего не остается. Заприте рѣшотку и встаньте возлѣ нея съ аптекарскимъ помощникомъ, или съ Бюхлеромъ. Возьмите мое охот-

ничего дужее, но никому не принадлеяте врада. Довольно будетъ, если вы выстрѣлите на воздухъ, чтобы подугать эту сволочь.

Сторожеъ пошелъ внизъ, а Геннегауеръ сталъ наблюдать съвозъ рѣшотчатые стѣаны, поведеніе толпы. Вскорѣ грянули два выстрѣла, пробудившіе гудкое эхо въ длинныхъ корридорахъ. Испуганные пациенты дико закричали и многие попрытали головы подъ одѣяла. И Геннегауеръ также сталъ блѣднѣе, замѣтивъ, что толпа опять возится съ лѣстницей, намѣреваясь приставить ее къ окну. Но въ это время забили барабаны и зазудѣли сигнальные рожки. Пациенты услышали шумный топотъ множества ногъ. Разомъ отхлынувшая толпа разбѣгалась. Явился полицейскій комиссаръ, чтобы составить протоколъ причиненному вреду, но, къ удовольствію его, благодаря предусмотрительности Геннегауера, вредъ ограничивался одними битыми стеклами. О причинѣ же безпорядковъ онъ не узналъ отъ директора ничего новаго.

— Я вернусь изъ курорта только сегодня въ полдень, — сказалъ тотъ, — и дѣла, касающагося во всякомъ случаѣ до меня совершенно не касаются. Какимъ образомъ всѣ купоны разомъ оказались фальшивыми, тогда какъ въ прошлый полу-годовой срокъ они были настоящими, — это для меня загадка. Но я и не обязанъ разгадывать ее, такъ какъ касса находится въ завѣдываніи административнаго совѣта и дѣла ея до меня не касаются. Я рѣшительно ничего не знаю о нихъ.

Полицейскій комиссаръ молчалъ, но замѣтно было, что онъ слушаетъ недоувѣриво, хотя и не высказываетъ пока своихъ сомыслиній. Геннегауеръ чувствовалъ это и рѣзко сказалъ, что онъ считаетъ главнымъ причиной безпорядковъ статьи „Друга Народа“ — „О защитѣ національнаго труда“, уже нѣсколько недѣль какъ открыто подстрекающія уволенныхъ каменщиковъ противъ начальства госпиталю. Биданіе камнями въ окна, загрязненіе стѣвъ и другіе плоды этихъ подстрекательствъ бывали уже и ранѣе, и

Генштауръ завладѣлъ объ этомъ полицейскому надзору; но никакиъ мѣръ предвѣ этого не принималось.

Коммисаръ покалъ плечани, говоря, что это дѣло прокурорскаго надзора, не обѣщаль принимать на ночь караулъ, чтобы предохранить больныхъ отъ новаго беззаконства. Но при этомъ выраженіе лица его говорило, что его не такъ-то легко провести и что онъ еще вернется, чтобы серьезно поговорить съ настоящимъ виновникомъ, который ему известенъ.

Вдругъ въ корридорѣхъ раздаея крикъ:—Пожаръ! пожаръ! Контора горитъ! Весь корридоръ въ огнѣ!

Дѣйствительно, когда Генштауръ отворилъ дверь, комната наполнилась синеватымъ дымомъ.

— Прикажите тотчасъ занереть все выходы, — обрѣтился Генштауръ къ полицейскому коммисару. — Мы овладаемъ съ огнемъ, но выайте зорво наблюдать за входящими и выходящими.

Сказавъ это, онъ опрочелъ побѣжалъ въ горѣвшій флигель. Изъ оконъ монторы, гдѣ лежали старыя счетныя книги и стола желѣзная касса, уже вылетали огоньные яшки. Въ эту минуту кассаръ съ отчаяніемъ закричалъ снизу, что край дѣвнаго водопровода отвернуть и испривданъ мадоткомъ.

— Зовите слесаря! — кричалъ кассаръ. Генштауръ выбѣжалъ на дворъ.

— Навогда ждать, — крикнулъ онъ. — Срывайте плиты! Гдѣ рукава? Телоръ! спурбе! Маверъ, отбидайте трубу!

Люди повиновались его командѣ какъ солдаты, и минуту спустя вода фонтаномъ брызнула изъ трубы. Но вода тащилъ рукава, огонь дѣлалъ свое дѣло и въ конторѣ уже занялся потолокъ.

Генштауръ собственноручно навалъ на нее сильную струю воды. Пламя зашигло и заволокло облаками пара; вмѣсто огня изъ оконъ поваладъ густой дымъ.

— Напрыве рукава на желѣзный пикантъ! — командовалъ Генштауръ. — Кого-то и когѣли, удачтжить негодая.

Немного погодя, дымъ порѣдѣлъ и лишь легкое сіяющее облако поднималось еще надъ мѣстомъ пожара. Директоръ побѣжалъ въ контору по длиннымъ корридорамъ, и усвоился, увидѣвъ, что касса цѣла. Но книжныя полки сгорѣли. Очевидно было, что рука злоумышленника набросала сначала въ кучу счетныя книги и затѣмъ подожгла ихъ. Еврей мрачно глядѣлъ на закопѣлыя стѣны и на обгорѣлый потолокъ. „Надѣюсь, что даже нашъ муниципальный прокуроръ догадается, кому нужно было сжечь эти старыя счеты,—подумаешь Геннегауэръ.—Очевидно, и кассу тоже пытались сжечь, но эта часть программы не удалась. Однако, нужно немедленно составить протоколъ“.

Онъ покорился неприятной необходимости снова вступить въ переговоры съ недобровѣявшимъ ему полицейскимъ чиновъ и, по окончаніи процедуры, усталый до полусмерти врачъ еще долго возился съ больными, вторично перекутанными пожарами, и распорядился затѣваніемъ разбитыхъ оконъ и перестановкою кроватей на случай если бы ночью буйства возобновились. На улицѣ нѣсколько разъ поднимался шумъ. Мимо госпитала съ криками проходили кучки черныя; уличные мальчишки орали пѣсню: „Жиль-былъ жилъ по имени Исаакъ“. Не разъ и ванны стучали въ стѣну, но завидѣвъ полицейскую стражу, буяны быстро убѣгали.

Гонимый еврей пришелъ наконецъ въ полное изнеможеніе. Усталый отъ путешествія, измученный волненіями, встрѣтившими его въ новомъ отечествѣ, онъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, печально опустивъ голову на руку. Чѣмъ большее усніе дѣлалъ онъ надъ оббю, чтобы скрыть отъ больныхъ свою душевную тревогу, тѣмъ глубже былъ овладѣвшій имъ теперь упадокъ духа.

— Опять довелось мнѣ слышать этотъ „генъ! генъ!“ толпы, ревѣвшей когда-то вокругъ дожовъ моихъ предковъ. Вотъ такъ она осаждала въ былое время синагоги и травила беззащитныхъ женщинъ и дѣтей! „На висѣлицу жиды! на висѣлицу!“ Глушны! чѣмъ же я-то виноватъ, если вамъ плохо живется, если васъ высасываютъ

бессовѣстные спекулянты? Чѣмъ я виноватъ, если глубина души нѣмца требуетъ болѣе пива, чѣмъ это позволяеть ему его средства! Я-ли обобралъ васъ? Я-ли распялъ вашего Мессію? Изъ вѣка въ вѣкъ поется намъ одна и та же пѣсня. Такъ было за тысячу лѣтъ назадъ, и неизвѣстно еще, когда это кончится. Но меня угѣшаетъ по крайней мѣрѣ мысль, что жизнь моя есть частица страдальческой жизни моего народа, строфа длинной пѣсни печали, которая пѣлась еще надъ колыбелью моей націи.

Онъ опустилъ голову и крѣпко задумался. Вся прошлая исторія его племени промелькнула передъ его мысленнымъ взоромъ. „Чего бы я не далъ за то, чтобы ни одинъ еврей не участвовалъ тутъ въ этомъ обманѣ! Но такъ было и за тысячи лѣтъ. Что было самымъ жгучимъ горемъ пророка Исаин, какъ не то, что столь многіе изъ его соплеменниковъ преступали законъ и навлекли своими грѣхами позоръ и несправедливыя гоненія на народъ свой? Горчайшей печалью праведниковъ было то, что ихъ презирали за грѣхи ихъ братьевъ“.

Погруженный въ эти тяжкія думы, съ грустно опущенною головою, онъ самъ, среди этихъ больничныхъ палатъ, уставленныхъ кроватями, походилъ на средневѣкового раввина, у котораго сожгли его синагогу и который слышитъ вокругъ стонъ раненныхъ и пугливые крики, исторгаемые страшными грезами у тѣхъ, надъ кѣмъ сжалился сонъ.

Онъ еще разъ всталъ, чтобы обойти палаты, и послѣ того, въ смертельной усталости, опустился въ кресло.

— Всѣ успокоились, — грустно подумалъ онъ. — Одинъ ты, Ага-сферъ, не долженъ знать покоя. Ненависть не дремлетъ; Вѣчный Жидъ знаетъ это уже тысячу восемьсотъ лѣтъ. Дальше, дальше! Нужно уѣхать. Опять отправлюсь странствовать, буду искать прохода черезъ Ледовитый океанъ, изучать происхожденіе сѣвернаго сіянія, или фатн-морганы въ пескахъ Сахары; но здѣсь не мѣсто моей усталой головѣ. Если меня ненавидятъ, то и

я не могу любить. Эти люди и овцу сдѣлали бы тигромъ, такъ лучше уйти отъ нихъ.—Голова его скатилась на грудь и дрожота видимо начала одолевать его. Въ полуснѣ онъ еще мыталъ: „Не гляди на меня такъ грустно твоими голубыми глазами!... Не гляди такъ, бѣдная, раненая лань! Не могу я помочь тебѣ! Ты сама избрала твою судьбу; свершай же ее до конца! Можетъ быть, когда я посѣдѣю, когда и ты тоже посѣдѣешь, и будешь очень несчастлива.... Нѣтъ, для тебя самой я долженъ уйти... дальше—дальше!“...

Голова его склонилась еще ниже на грудь; природа вступила въ свои права, и онъ заснулъ.

XVI.

Геннегауеръ еще спалъ въ своемъ креслѣ, когда къ нему вошелъ сторожъ Майеръ. Онъ жалостливо поглядѣлъ на блѣдное лицо спящаго и тихо произнесъ:

— Члены административнаго совѣта собрались въ кабинетъ на засѣданіе.

— Что? Члены административнаго совѣта?—пробормоталъ докторъ съ просонковъ.—Какъ такъ? Отчего меня не предупредили?

Онъ вскочилъ и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, чтобы разогнать сонъ.

— Принесите мнѣ стаканъ свѣжей воды,—сказалъ онъ.

— Вашъ кофе готовъ, г. директоръ,—добродушно отвѣтилъ старикъ.

— Хорошо.

Еврей выпилъ чашку горячаго кофе и глаза его оживились; по блѣдному лицу разлилась легкая краска.

Войдя въ свой кабинетъ, онъ засталъ членовъ совѣта сидящими вокругъ операционнаго стола, подъ предсѣдательствомъ пастора Грауса. Совѣщаніе уже началось, что было для Геннегауера вторичнымъ сюрпризомъ. Онъ не сдѣлалъ, однако, никакого замѣ-

чаниа и, занявъ свое обычное мѣсто возлѣ предсѣдателя, окинулъ взглядомъ собраніе. Всѣ были на лицо. И нервный, до нитки истасканный директоръ банка; и зажиточный торговецъ скамейными товарами, щеки котораго дрожали какъ пуддингъ при каждомъ движеніи; и костлявый спекулянтъ-домовладѣлецъ, который, въ своемъ высокомъ галстухѣ и наглухо застегнутомъ сюртукѣ, походилъ на патера какого нибудь монастыря; и страдающій печенью виноторговецъ, который такъ долго пилъ свое поддѣльное вино, что и душа его переполнилась вкусомъ; и старшій учитель гимназій, съ низкимъ лбомъ, клонящійся въ дородству и смиренію, — и вся остальная братія. Вся эта компанія уставилась на директора тупымъ и недоброжелательнымъ взглядомъ, видя въ немъ виновника безпокойства.

Всѣ были хорошо заражены; это можно было угадать по ихъ напряженнымъ лицамъ. Но что собственно было у нихъ на умѣ, надъ этимъ вопросомъ еврей тщетно ломалъ себѣ голову. Тѣмъ не менѣе, въ виду врага къ нему вернулась вся его энергія.

Предсѣдатель, не обращая вниманія на его приходъ, пригласилъ кассира продолжать свой отчетъ. Старый кассиръ Вухлеръ, тотъ самый, который пытался накануне образумить итальянцевъ, а послѣ того такъ храбро защищалъ внутреннюю дверь госпиталя, объявилъ, что денежныя фонды никогда не были въ его рукахъ, такъ какъ ключи отъ этой части кассы постоянно находились у пастора Грауса и членовъ совѣта. Поэтому онъ не можетъ дать никакихъ указаній на счетъ того, какими способомъ настоящіе кредитные билеты превратились въ фальшивыя. Какъ и всегда, купоны были получены имъ отъ предсѣдателя и онъ немедленно послалъ ихъ для обихъна въ банкъ, гдѣ присутствующій здѣсь директоръ банка призналъ ихъ фальшивыми.

Директоръ банка подтвердилъ показаніе кассира, который и самъ по себѣ внушалъ довѣріе.

— Не подлежитъ сомнѣнiю, что отрѣзанные мною купоны не были подиѣнены, — началъ тогда пасторъ Граусъ неувѣреннымъ и слегка дрожащимъ голосомъ. — Края обрѣзовъ сходятся, да къ тому же прокурорскiй надзоръ уже призналъ, что и самыя облигацiи, отъ которыхъ отрѣзаны купоны, къ сожалѣнiю, фальшивыя, — прибавилъ онъ еще тише.

— Но какъ же это могло случиться, — высокомерно возразилъ спекулянтъ-домовладѣлецъ, — когда бумаги эти покупались въ разное время и у различныхъ банковъ?

— И шесть мѣсяцевъ тому назадъ купоны тѣхъ же бумагъ были настоящими? — добавилъ директоръ банка.

— Возможно только одно объясненiе, — со вздохомъ продолжалъ предсѣдатель: — это то, что кредитные билеты были подиѣнены въ самой кассѣ, въ надеждѣ, что подлогъ вскоре обнаружится; а это было тѣмъ легче, что всѣ фонды наши были въ русскихъ облигацiяхъ.

— Вѣдь мы отвѣчаемъ за это нашимъ личнымъ состоянiемъ, — сказалъ купецъ, обтирая на лбу крупныя капли пота.

— Если вы докажете, что никому не давали ключа и хранили его надлежащимъ образомъ, — виѣшался Геннегауеръ, — то васъ не привлекутъ къ ответственности.

— Что касается до меня, то я никогда никому не давалъ его, — отвѣтилъ купецъ, красный отъ волненiя, и пристально поглядѣлъ въ лицо предсѣдателю.

Граусъ промолчалъ. Онъ хорошо зналъ, что въ то время, когда Шлейхмайеръ былъ еще его сочленомъ, они, чтобы облегчить себѣ трудъ лишняго раза ходить въ кассу, ревизовали ее по очереди, причемъ Шлейхмайеръ бралъ ключъ у пастора, когда шелъ туда, а пасторъ — у него. При томъ же Шлейхмайеръ имѣлъ несчастную привычку отправлять дѣла кассы по субботамъ, по окончанiи своихъ собственныхъ дѣлъ и моалъ расчета со своими рабочими, а по субботамъ пасторъ былъ занятъ подготовленiемъ своихъ проповѣ-

дей. У Грауса затряслись колѣни, когда онъ сообразилъ, какими послѣдствіями грозитъ имъ это маленькое отступленіе отъ правилъ. Къ счастью, послѣ выхода Шлейхмайера изъ совѣта, то-есть, въ послѣднюю четверть года, это нарушеніе правилъ не повторялось болѣе, и Граусъ постарался насколько возможно затенить этотъ пунктъ въ своей памяти, чтобы быть въ состояніи сказать по чистой совѣсти, что онъ не помнитъ хорошенько, случилось-ли—а если случилось, то много-ли разъ—это маленькое отступленіе отъ правила. Вѣдь въ сущности оно не важно: Шлейхмайеръ такой почтенный человѣкъ.

— Разъ что объ этомъ зашла рѣчь,—сказалъ директоръ банка, сдѣлавъ самое тонкое лицо,—могу я спросить, ниѣлся-ли ключъ отъ кассы также и у г. тайнаго совѣтника Геннегауера?

— У меня!—съ негодованіемъ отозвался еврей.—Съ чего вамъ пришелъ въ голову такой странный вопросъ?—Какое мнѣ дѣло до кассы?

— Стало быть, нѣтъ,—вѣжливо продолжалъ директоръ банка.— Въ такомъ случаѣ я вторично предложу г. Геннегауеру вопросъ, на который онъ отказался отвѣчать мнѣ въ мартъ этого года. Г. директоръ госпиталя являлся тогда въ банкъ, чтобы разгнѣвать три русскія облигаціи, въ тысячу марокъ каждая, которыя, какъ онъ самъ тогда призналъ, оказались фальшивыми. Онѣ принадлежали къ той же серіи, какъ тѣ, купоны которыхъ прислались къ намъ вчера.

Въ комнатѣ воцарилась могильная тишина.

— Вотъ оно что!—произнесъ купецъ.

Но Геннегауеръ громко засмѣялся. Вросивъ на оратора насмѣшливый взглядъ, онъ придвинулъ свой стулъ къ письменному столу, не поднимаясь съ мѣста, выдвинулъ одинъ ящикъ, порылся въ немъ и, доставъ три кредитные билета, сказалъ:

— Вотъ тѣ бунаги, которыми я пытался обмануть васъ!

Директоръ немного смутился и торопливо сказалъ:

— Вы говорили тогда, что эти билеты принадлежатъ не вамъ, а одному изъ вашихъ друзей, котораго вы не желали называть; однако, они и теперь находятся у васъ.

Геннегауръ презрительно толкнулъ къ нему билеты, говоря:

— Имя владѣльца написано на нихъ. Не угодно-ли прочесть, если оно такъ интересуеъ васъ.

Директоръ взялъ бумаги и прочелъ: „Владѣлецъ: д-ръ Сигмундъ Браунъ. Куплено въ маѣ 1886 г. у агента Гирша. Не имѣютъ цѣны“.

Директоръ покраснѣлъ и съ поклономъ возвратилъ еврею бумаги.

— Извините, г. тайный совѣтникъ,—сказалъ онъ;—но насъ не могло не удивить то обстоятельство, что вы отказались назвать имя владѣльца и не заявили о подлогѣ прокурорскому надзору.

— Кажется, это и теперь еще удивляетъ васъ,—иронически замѣтилъ Геннегауръ.—Такъ и быть, удовлетворю вашу любознательность! Владѣлецъ этихъ билетовъ самъ не зналъ и до сихъ поръ не знаетъ, что они не имѣютъ никакой цѣны. Я покрылъ ихъ, потому что могъ вынести эту потерю, а онъ не могъ. Это значитъ только, что я имѣю обыкновеніе оказывать услуги своимъ друзьямъ, не трезвоня объ этомъ. Вѣдь лѣвая рука не должна знать, что дѣлаетъ правая,—не такъ-ли, г. пасторъ?

— За то и лѣвая награждаетъ правую!—произнесъ вполне купецъ.

Геннегауръ слышалъ эти глупыя слова, но не понималъ ихъ значенія. Не понималъ онъ также и насмѣшливаго взгляда, которыми обмѣнялись присутствующіе, и дерзкой улыбкой, съ которою поглядѣлъ на него бакалейщикъ.

— Само собою разумѣется, что теперь я дамъ этому дѣлу ходъ,—спокойно продолжалъ докторъ.—Если ктонибудь изъ васъ, господа, имѣетъ еще какіянибудь сомнѣнія, то можетъ заявить ихъ слѣдственному судѣ. Теперь же я попрошу васъ только рѣ-

нить поскорѣе вопросъ объ удовлетвореніи рабочихъ, во избѣжаніе повторенія вчерашнихъ оцѣнъ.

— Нилекихъ денегъ не было бы, если бы не призывали въ нашъ городъ итальянскихъ бандитовъ,—проворчалъ лабазникъ, у котораго Геннегауеръ отнялъ поставку муки на госпиталь, потому что онъ примѣшивалъ къ ней для вѣса тяжелой ишпаты.

— Теперь дѣло идетъ не о томъ, какъ не слѣдовало бы поступать, а о томъ, какъ слѣдуетъ поступить, чтобы исполнить свои обязательства. Мы должны этимъ людямъ и обiazаннъ удовлетворить ихъ, иначе бандитами будемъ мы, а не они. Такъ какія же цѣнности намѣрены вы обратить въ деньги?

Члены потолковали между собою, но оказалось, что всѣ кредитныя бумаги были обмѣнены ими въ послѣдніе годы на высокопроцентныя облигаціи русскаго займа, превратившіяся въ госпитальной кассѣ въ фальшивыя. Что имѣлось кромѣ того въ наличности, того нельзя было быстро реализовать, какъ, напримеръ, безчисленные векселя ландграфа, которыхъ никто не хотѣлъ брать.

— Въ такомъ случаѣ, нужно заложить что нибудь,—сказалъ Геннегауеръ.—Заложимъ мою казенную квартиру за 10,000 марокъ, съ тѣмъ только, чтобы половина этой суммы сегодня же поступила въ кассу.

Упомянутое о виллѣ, казалось, пришлось на-руку этимъ господамъ. Они обмѣнялись многозначительными взглядами, и толстый бакалейщикъ, который былъ наглѣе другихъ, грубо сказалъ:

— Гораздо лучше теперь же продать эту виллу. Деньги ушли и уже не возвратятся, а вилла намъ совсѣмъ не нужна. Она не затѣмъ была предоставлена директору госпиталя, чтобы онъ устраивалъ въ ней женскій институтъ.

— Я совершенно согласенъ съ моимъ боллегой,—отозвался пасторъ Граусъ, сообразивъ, что лучшее средство защиты—это

нападеніе.—Г. директоръ самъ избралъ для себя квартиру въ госпиталѣ, а для г-жи Браунъ у насъ квартиры не полагается.

Тощее лицо директора банка искривилось въ улыбку, напомиравшую гримасу старой обезьяны.

— Быть можетъ, у г. директора и были свои причины дарить г-ну Брауну 3,000 марокъ и отдавать свою квартиру г-жѣ Браунъ, но совѣтъ не можетъ служить представителемъ подобныхъ отношеній передъ городскою администраціей.

Геннегауеръ съ удивленіемъ глядѣлъ на этихъ людей. Онъ понялъ, что попалъ въ ловушку, но сохранялъ все свое хладнокровіе.

. — Я могу только пожелать, чтобы частныя дѣла иныхъ господъ были также чисты, какъ мои,—сказалъ онъ, бросивъ презрительный взглядъ въ сторону Грауса и директора банка.—Другой вопросъ,—прибавилъ онъ пронически,—касательно отведенной мнѣ квартиры съ садомъ, долженъ быть рѣшенъ судомъ. Квартира эта принадлежитъ мнѣ по праву моей службы, и я не отступлюсь отъ нея добровольно. Но въ настоящую минуту отъ васъ требуется только, чтобы вы ассигновали деньги на уплату рабочихъ. Вопросъ этотъ не терпитъ отсрочки. Въ случаѣ повторенія беспорядковъ сегодня вечеромъ, мнѣ обѣщана комендантомъ военная защита. Но тогда несомнѣнно будетъ произведено нападеніе на дома членовъ административнаго совѣта. Въ особенности грозитъ опасность тѣмъ изъ нихъ, которые, какъ вы, г. коллега, имѣютъ торговныя заведенія. Поэтому прошу васъ, ради вашего собственнаго интереса, поспѣшнѣе ассигнованіемъ денегъ.

— Вы намъ, значить, угрожаете насиліемъ! — вскричалъ купецъ, гнѣвно стукнувъ по столу кулакомъ.—Онъ угрожаетъ намъ своими итальянцами!

По комнатѣ пробѣжалъ ропотъ неудовольствія и Геннегауеръ понялъ, что передъ нимъ—тѣсно-сплоченные враги.

— Вамъ извѣстно, господа,—началъ пасторъ Граусъ самнѣе

мягкимъ тономъ,—что общественное мнѣніе видитъ лучшую гарантію противъ новторенія присворбныхъ безпорядковъ въ возстановленіи правительственнаго надзора надъ госпиталемъ. Насколько я могъ убѣдиться передъ засѣданіемъ, изъ частныхъ разговоровъ, того же мнѣнія держатся и многіе изъ членовъ этого совѣта, и намъ остается только рѣшить, въ какой формѣ мы должны внести предложеніе о назначеніи правительственнаго комиссара и о возстановленіи попечительства ландграфини.

Геннегауеръ рѣзко прервалъ его:

— Я констатирую, что административный совѣтъ въ настоящемъ своемъ составѣ принялъ эти рѣшенія за спиною директора госпиталя. Секретарь, внесите мой протестъ въ протоколъ,—приказалъ онъ актуаріусу.—Я войду съ отношеніемъ въ городскую управу противъ такого противузаконнаго образа дѣйствій.

Пасторъ пожалъ плечами съ видомъ сожалѣнія и сказалъ обязательнымъ тономъ:

— Члены не сочли за нужное приглашать г. директора на предварительное совѣщаніе, такъ какъ имъ еще не были извѣстны тѣ объясненія, которыя онъ далъ сегодня по поводу фальшивыхъ билетовъ. Но, хотя предположеніе ихъ, повидимому, и не оправдалось, однако, все же, въ виду настоящаго положенія дѣлъ, г. тайный совѣтникъ, конечно, сочтетъ своимъ долгомъ добровольно удалиться, чтобы не подвергать заведенія вѣрной гибели. Не подлежитъ сомнѣнію, — заключилъ онъ, — что учрежденіе это можетъ быть спасено только правительственнымъ авторитетомъ и возстановленіемъ въ основѣ учрежденія прежнихъ религіозныхъ началъ, а г. тайный совѣтникъ Геннегауеръ, въ виду его вѣроисповѣданія и послѣ полного разрушенія имъ этихъ началъ, естественно самъ не захочетъ содѣйствовать подобной реформѣ.

— Увидимъ еще, позволю-ли я вытолкать себя за двери,—сухо возразилъ еврей.—Но объ этомъ послѣ. Теперь же я еще разъ спрашиваю васъ, господа: принимаете-ли вы мое предложеніе

добить необходимую сумму подъ залогъ моей виллы, или же предпочитаете имѣть сегодня вечеромъ личное дѣло съ раздраженными итальянскими рабочими?

На этотъ прямо поставленный вопросъ почтенные граждане не нашли болѣе, что возразить. Предложеніе о залогъ виллы, пущенное председателемъ на голоса, было принято единогласно.

— За пять процентовъ деньги къ вашимъ услугамъ, — объявилъ послѣ того спекулянтъ-домовладѣлецъ, который сообразилъ, что съ продажей виллы на конкурсъ можно будетъ сдѣлать очень выгодный оборотъ. Члены нашли предложеніе подходящимъ. Авгуріусъ составилъ проектъ условія, и заимодавецъ, доставъ изъ бумажника вексельный бланкъ, написалъ на немъ чебъ на банкъ и вручилъ его кассиру Бюхлеру, который съ облегченіемъ вздохнулъ, принимая его.

Уже въ полдень онъ могъ объявить проходившимъ мимо кассы итальянскимъ рабочимъ, что деньги для нихъ готовы. Они принимали это извѣстіе съ радостными криками и съ благодарностью нахали надъ головой шапками.

Когда Геннетауеръ вернулся въ свою комнату и снова опустился въ кресло, въ которомъ провела ночью такіе тяжелые часы, онъ словно преобразился. Борьба съ презрѣнными врагами дала толчокъ его кровообращенію, и онъ воспрянулъ духомъ. „Уйти-то я, конечно, уйду, — говорилъ онъ себѣ, съ довольствомъ кладя ногу на ногу, — но не тогда, когда вамъ этого хочется, достойные представители Румпенгейма, а когда я самъ захочу. Сначала я растопчу тебя ногами, презрѣнное отродье, и уйду только тогда, когда не останется ни пятнышка на свѣтломъ щитѣ моей чести. Будьте увѣрены въ этомъ, достопочтенный пасторъ Граусъ! Глупо я сдѣлалъ только, что покинулъ на шесть недѣль поле битвы. Братья исправно поработали, пока садовникъ отдыхалъ!“

Онъ вскочилъ и заходилъ по комнатѣ, заложивъ руки за спину.

„Эти глупцы въ самомъ дѣлѣ думали, что я укралъ ихъ деньги, потому что не трезвонилъ о пропажѣ 3,000 марокъ. Дорого обошлась мнѣ моя услужливость относительно Брауна! И съ чего еще эти негодяи толковали сегодня о „г-жѣ Броунъ“?... Ну, все это разрѣшится, когда я уѣду“.

Онъ подошелъ къ окну и сталъ задумчиво глядѣть на жилище Анжелики. Но вдругъ вниманіе его было привлечено пасторомъ Граусомъ и Шлейхмайеромъ, которые ходили взадъ и впередъ мимо виллы, о чемъ-то серьезно разговаривая. Книгопродавецъ, видимо, ободрялъ пастора. „Эге! — подумалъ еврей, — да это опять они, господа члены административнаго совѣта, такъ прекрасно охраняющіе свою кассу, что настоящіе деньги превращаются въ ней въ фальшивыя! Что еще высматриваютъ здѣсь этотъ плутъ пасторъ?“ Ему очень хотѣлось вслушаться въ ихъ разговоръ, но ему помѣшалъ вшедшій слуга, который принесъ газеты.

„Бунтъ въ госпиталѣ“, — гласилъ жирными буквами заголовокъ передовой статьи въ „Другъ Народа“.

— Не слѣдовало вынуждать тогда этого плута, — съ досадою сказалъ себѣ Геннегауэръ. — Теперь уже поздно возвращаться къ этой старой исторіи о вымогательствахъ, и негодяй хорошо выбралъ время, чтобы отомстить за себя. Посмотришь, однако, что поестъ этотъ джентльменъ своимъ достойнымъ согражданимъ!

Въ органѣ Шмидта стояло:

„Злоупотребленія въ здѣшнемъ госпиталѣ привели вчера къ кризису, который мы давно предсказывали. Итальянскіе рабочіе, призванные сюда для строительныхъ работъ, начатыхъ легкомысленно и безъ средствъ, и не получившіе до сихъ поръ ни одного мѣсачника, потеряли, наконецъ, терпѣніе и потребовали вчера вечеромъ свои деньги съ шумною демонстраціей. Недовольство ихъ перешло въ ярость, когда они узнали, что всѣ госпитальные фонды исчезли какинъ-то загадочнымъ образомъ, или, — какъ говорили другіе, — превратились въ фальшивыя. Какъ слышно, подлогъ на-

чался издавна и находится въ связи съ крупными обманами, совершенными въ прошломъ году въ нашъ городъ евреями Гаршемъ, а также и съ имѣвшею мѣсто, нынѣшнею весной, попыткой другого еврея развѣщать въ банкѣ подобныя же фальшивыя цѣвности. Мы воздерживаемся отъ дальнѣйшихъ сообщеній, такъ какъ дѣло это уже поступило въ руки прокурорской власти. Пришррь этотъ, однако, наглядно показываеъ, къ чему ведетъ предоставление важныхъ должностей чужимъ людямъ, за нравственность которыхъ ничто не ручается“.

— Вотъ именно этому-то молодцу и судить о моей нравственности!—процѣдилъ сквозь зубы Геннегауръ.

„Настоящій случай,—продолжалъ Шиндтъ,—еще разъ подтвердилъ, что голосъ народа есть голосъ Божій. Нѣмецкіе рабочіе, у которыхъ новоявленный еврейскій директоръ госпиталя такъ грубо отнялъ ихъ хлѣбъ, готовы были свершить вчера приговоръ народа, и госпитальный деспотъ, обыкновенно такой высокомерный, былъ блѣденъ, какъ жертвецъ, когда появился у окна, стараясь задобрить возмущенный народъ льстивыми словами“.

Ватъвъ слѣдовало злостное описаніе событій передъ госпиталемъ, которое Геннегауръ пробѣжалъ съ презрительною усмѣшкой. Но вдругъ ему вся кровь бросилась въ лицо; въ заключеніи статьи говорилось: „Нельзя не упомянуть и объ одной героинѣ. Хорошенькая, блѣлая дамочка, проживающая съ нѣкоторыхъ поръ на виллѣ г. Геннегауера и посѣщавшая его иногда въ вечерніе часы, въ его квартирѣ, въ госпиталѣ, прибѣжала на гауптвахту вѣтъ себя отъ опасности, которой подвергался ея другъ, и, вызвавъ дежурнаго офицера, умоляла его спасти дорогую ея жизнь; Аресъ снисшелъ на мольбы Афродиты и такимъ образомъ рупингейскій эскулапъ обязанъ своимъ спасеніемъ граціозной обитательницѣ его виллы“.

— Я отстагаю хлыстомъ этого мерзавца!—проиниѣлъ Генне-

гауеръ. Но, когда онъ клалъ газету, ему бросилась въ глаза статья въ „Государственномъ Указателѣ“, въ которой говорилось:

„Поинтка вытѣснить мѣстныхъ рабочихъ итальянцами привела къ дурнымъ результатамъ. Весьма спорны качества новаго управленія госпиталя привели къ недочету въ кассѣ, итѣвнему своимъ послѣдствіями платежную несостоятельность учрежденія и открытый бунтъ неудовлетворенныхъ рабочихъ. Въ виду такихъ печальныхъ результатовъ самоуправленія, всѣ друзья порядка выражаютъ желаніе, чтобы управленіе госпиталемъ перешло въ руки правительственной власти и его свѣтлости ландграфа“.

— Натурально, — пробормоталъ Геннегауеръ, — если зайцы бѣдятъ капусту, то надо поставить въ огородинки козла.

Кромѣ газетъ, пришелъ еще листокъ, въ которомъ докторъ, вскрывъ бандероль, прочелъ: „Сіонъ, органъ для вѣрующихъ христіанъ“, редактируемый пасторомъ Граусомъ и издаваемый Шлейхмайеромъ.

„Атеистическое управленіе госпиталя, — писалъ г-нъ Граусъ, — вытѣсненіе кроткихъ сестеръ дерзкими служанками и авантюристскихъ сыновъ страны католическими итальянцами, отиѣва религиозныхъ обычаевъ и правилъ, уклоненіе отъ постройки церкви, словомъ — вся система атеистическаго ухода за больными привнесла наконецъ свои плоды. Что посеешь, то и пожнешь. Во вчерашнихъ крикахъ и ревѣ толпы намъ слышалось ликование демоновъ въ аду; но что такое были эти звуки, какъ на эхо того общаго тона, который приданъ госпиталю его безбожнымъ управленіемъ? Уже цѣлые мѣсяцы еврейскій директоръ заведенія кричитъ во всѣ окна его: „Возь христіанство!“ Отъ самой улицы отдается: „Сюда съ деньгами!“ Будешь надѣяться, что серьезное воззваніе къ сердцамъ, сдѣланное вчерашнимъ вечеромъ, не пропадетъ даромъ, и что высшей мудрости благоугодно будетъ слова ввести въ госпиталь тѣ религиозныя начала, на которыхъ прежде онъ такъ прочно зиждлся, уподобляясь убожищу въ долѣ Божіемъ. Въ ту пору въ-

оконъ, подъ которыми ревѣла вчера безбожная чернь, раздавались благочестивыя мелодіи и въ палатахъ виталъ любящій духъ високой покровительницы, которая — съ грустью отиѣчаемъ это — ни разу не переходила болѣе порога этого зданія съ тѣхъ поръ, какъ іудейскій директоръ его превратилъ Внесзду, т. е. домъ благодати, въ мірскую клинику“.

— Подлецъ! — проговорилъ Геннегауеръ, бросая на столъ благочестивый пасквиль. — Не сумѣли присмотреть за своими деньгами, — если только сами не раскрали ихъ, — а теперь винять все іудейство въ томъ, что итальянскіе рабочіе не хотятъ смиренно и благочестиво голодать! Ужъ выслѣжу я этихъ ольбныхъ змѣй даже въ самыхъ глубокихъ норахъ! Я ихъ выведу на чистую воду, покажу, кто нарушаетъ свои обязанности — я или онѣ!..

Онъ взялъ шляпу и трость и хотѣлъ пойти къ прокурору, чтобы узнать, противъ кого направлено слѣдствіе, но въ комнату вошелъ сторожъ и доложилъ, что кассиръ Вухлеръ арестованъ по предписанію судебного слѣдователя.

— Вухлеръ!.. но у него не было ключа отъ главной кассы, — сказала Геннегауеръ, покачавъ головой.

Старикъ пожалъ плечами.

— У него былъ ключъ отъ наружной дверцы желѣзнаго швапа, за которою находилась касса на текущіе расходы. Главная касса запирается, кромѣ того, особомъ замочкомъ съ двумя различными замками. Господа члены заявили слѣдователю, что при послѣдней ревизіи все было найдено въ порядкѣ, но кассиръ легко могъ поддѣлать ключи къ внутреннимъ замкамъ. Онъ могъ снять съ нихъ форму въ то время, когда ревизоры были заняты счетомъ денегъ. Во всякомъ случаѣ, подлогъ могъ быть сдѣланъ только лицомъ, хорошо знакомымъ съ устройствомъ кассы.

— Но откуда же ему было взять фальшивые кредитные билеты для поддѣла? И зачѣмъ онъ сталъ бы поддѣлывать вмѣсто того, чтобы просто унести деньги?

Сторожъ опять пожалъ плечами.

— Вы считаете его виновнымъ?— спросилъ директоръ.

— Такъ же мало, какъ себя самого. Но господа члены богаты, а онъ бѣденъ, поэтому онъ и пойдетъ въ смертельный домъ.

— Это мы еще посмотримъ!— сказала Геннегауеръ. — Я сейчасъ отправлюсь къ прокурору. Надѣюсь, что найдутся еще порядочные люди въ этомъ проклятомъ гнѣздѣ.

Онъ ушелъ. Сторожъ поглядѣлъ ему вслѣдъ неподвижнымъ взглядомъ стараго солдата и пробормоталъ: — Вотъ мы, простой народъ, сейчасъ угадываемъ виновнаго; отчего это ученые все не туда глядятъ, куда нужно?

Черезъ часъ сторожъ увидѣлъ Геннегауера возвращающагося изъ суда и замѣтилъ, что рѣшительный и увѣренный видъ, съ какимъ онъ побѣжалъ туда, смѣнился оторченнымъ и унылымъ. Старый кассиръ былъ арестованъ вслѣдствіе того, что при домовомъ обыскѣ у него нашли поддѣльные ключи къ кассѣ. Правда, жена его увѣряла, что кто-то подбросилъ ихъ въ открытое окно и она, найдя ихъ на полу, положила въ конторку до возвращенія мужа; но кто же повѣрилъ бы этому? Судебный слѣдователь задержалъ и жену, какъ сообщницу.

— Если есть въ Рунгенгеймѣ порядочные люди, — замѣтилъ Геннегауеръ, — такъ это старій Вюхлеръ съ женою; но здѣсь все идетъ наизуворотъ. Мошенники засѣдаютъ въ административномъ совѣтѣ, а честные люди сидятъ въ тюрьмѣ.

Онъ съ раздраженіемъ направился къ своимъ больнымъ, но въ дверяхъ госпиталя вспомнилъ, что еще не поблагодарилъ Анжелику за ея мужественный поступокъ, хотя въ ея собственномъ интересѣ онъ предпочелъ бы, если бы у нея не хватило на него мужества. Онъ повернулся и пошелъ на виллу.

Войдя въ гостиную, онъ засталъ Анжелику и Ванду сидящими

у окна. Онѣ начинали рукодѣлья для воспитанницъ съ тѣмъ, чтобы тѣ могли продолжать ихъ безъ затрудненія.

Геннегауеръ былъ такъ пораженъ, заставъ Анжелику въ обществѣ бывшей фрейлины, что вопросительно поглядывалъ то на ту, то на другую.

— Моя помощница,—рекомендовала г-жа Браунъ.

Ванда сухо отвѣтила на поклонъ врача.

— Вы намѣрены заняться воспитаніемъ дѣвицъ, фрейлейнъ фонъ-Мауершинокъ?—спросилъ онъ такимъ тономъ, который поразилъ г-жу Браунъ.

Ванда отвѣтила только легкимъ наклоненіемъ головы. Докторъ въ упоръ поглядѣлъ на нее и обратился къ Анжеликѣ, благодаря ее за оказанную ему наканунѣ помощь. Онъ ничего не упомянулъ о статьѣ „Друга Народа“, и Анжелика весело рассказала, какъ она протолкалась сквозь бушевавшую толпу и съ какою любезностью откликнулся дежурный офицеръ на гауптвахтѣ на ея просьбу. Гувернантка слушала съ саркастической усмѣшкой и вдругъ сложила свою работу, встала и ушла, дѣлая видъ, что не желаетъ мѣшать имъ.

— Скажите, Бога ради, какъ вы попали на эту особу?—спросилъ Геннегауеръ лишь только затворилась за нею дверь.

— Сигмундъ сюрпризомъ привезъ ее ко мнѣ изъ Влизигенштейна,—съ горечью отвѣтила молодая женщина.

— Уже этого я совсѣмъ не понимаю!—сказалъ докторъ, покачивая головой.

— Вамъ извѣстно что нибудь объ ея прошломъ?—подозрительно спросила г-жа Браунъ.

— Я не въ правѣ разглашать вещей, которыя узнаю въ качествѣ врача,—наришительно отвѣтилъ еврей;—однако, я нарушилъ бы долгъ дружбы, не предупредивъ васъ, что эта особа совсѣмъ не годится для роли воспитательницы молодыхъ дѣвицъ, да и вообще совершенно не подходящая для васъ компанія.

Анжелика устремила на него серьезный взглядъ.

— Я такъ и думала,— сказала она.— При первомъ же удобномъ случаѣ я попрошу ее пристроиться къ другому мѣсту.

— Не откладывайте этого, такъ какъ она склонна къ интригамъ и можетъ приготовить вамъ большія неприятности,— посоветовалъ Геннегауеръ съ необычною серьезностью.— Дома вашъ мужъ?

— Сигизмундъ? Нѣтъ, онъ ушелъ съ дѣтьми въ лѣсъ.

— Такъ я пойду къ нему на встрѣчу,— сказалъ Геннегауеръ, вставая.— Мнѣ нужно поговорить съ нимъ.

Анжелика озабоченно поглядѣла на своего друга, но онъ только протянулъ ей руку, говоря:

— До свиданія. О ванемъ житьѣ-бытьѣ во время моего отсутствія вы расскажете мнѣ завтра.

Онъ ушелъ. Повернувшись, Анжелика увидѣла въ комнатѣ фрейлейнъ Ванду, быть можетъ, подслушивавшую въ смежной комнатѣ. Глаза ея блестѣли злорадствомъ. Она держала въ рукахъ газету, видимо намереваясь что-то рассказать. Но газетные анекдоты не интересовали Анжелику.

— Фрейлейнъ Мауершнекъ,— сказала она сдержаннымъ тономъ,— я хочу воспользоваться минутой когда вы одинъ, чтобы спросить васъ, какъ вы располагаете на счетъ вашего будущаго. Невѣроятно, чтобы вы могли долго довольствоваться такимъ скромнымъ мѣстомъ, какое вы занимаете у насъ. Могу я узнать, какія мѣры вы принимаете, чтобы выйти изъ этого положенія, совершенно не отвѣчающаго вашимъ привычкамъ.

Ванда гордо выпрямилась. Она ни минуты не сомнѣвалась, что Геннегауеръ выдалъ ее, однако, сухо отвѣтила:

— Я веду переговоры съ дворомъ черезъ посредство доктора Баскепера; а пока меня не удовлетворяетъ, я рассчитываю оставаться подъ обѣщаннымъ мнѣ покровительствомъ г-на Брауна.

— Къ сожалѣнью, я не могу согласиться на такой неопредѣ-

ленный срокъ, — возразила Анжелика. — Не можете-ли вы вернуться по истеченіи мѣсяца къ вашей теткѣ?

У Ванды засверкали глаза.

— Такъ г-нъ Геннегауеръ и вамъ также вышло на меня? — прошипѣла она, какъ змѣя.

— Г-нъ Геннегауеръ не имѣетъ этой привычки, — холодно возразила Анжелика.

— Что же, мѣшаю я вамъ съ нимъ, что-ли? — вскричала Ванда, вытѣсь себя отъ злости.

— Что вы хотите сказать? — спросила Анжелика, блѣднѣя. — Какъ вы смѣете...

— Уже если газеты говорятъ о вашихъ визитахъ въ госпиталь и о визитахъ къ вамъ госпитала, то всякій въ правѣ говорить объ этомъ, — насмѣшливо отвѣтила Ванда. — Сегодня вечеромъ не я одна буду комментировать этотъ фактъ.

Она извѣстельно засмѣялась и, бросивъ газету на столъ передъ Анжеликой, вышла изъ комнаты.

Та машинально взяла листовъ и нашла то мѣсто, на которое намекала Ванда. Блѣднѣя, опустила Анжелика на стулъ и подперла рукой свою красивую русую голову. Ей казалось, что кто-то ударилъ ее въ затылокъ. И въ такія, святія отношенія, какъ ея къ Геннегауеру, негодия могли безнаказано, въ глазахъ всего свѣта, ниверять грязью! Можетъ-ли она теперь свободно относиться къ своему единственному истинному другу, зная, что шипять за ея спиной злые языки? Тупое уныніе лишило ее на время способности взвѣсить всѣ послѣдствія дерзкихъ словъ, брошенныхъ въ газетѣ гнуснымъ клеветникомъ. Само собой разумѣется, что имъ придется теперь поизнурить гостепріимный кровъ друга. Нанять другой домъ у нихъ нѣтъ средствъ, стало быть, институтъ придется закрыть и Сигмундъ окончательно предается праздности. Она уже видѣла, какъ онъ ходитъ, курить, сидитъ, шалить съ дѣтьми, сегодня, завтра, изо дня въ день. Единствен-

ный другъ ея не будетъ болѣе приходить къ ней—утѣшать, ободрять ее. Будущность открывалась передъ нею какъ долгая, безутѣшная, одинокая дорога черезъ пустыню. Стоитъ-ли жить, если Шмидтъ и ему подобны могутъ имѣть такое вліяніе на ея судьбу. Но пренебречь ими, продолжать служить мишеню ихъ грязныхъ намеревъ, она была не въ силахъ. Подлость еще разъ оказывалась сильнѣйшею на свѣтѣ.

Анжелика продолжала сидѣть у окна словно оцѣпенѣлая, безъ слезъ, безъ единой утѣшительной мысли. Тоска судорожно давила ей горло.

В. Ротманъ.

(Продолженіе будетъ).

ИСУСЪ НАВИНЪ.

РАССКАЗЪ ИЗЪ ВЪЗВѢДЕННАГО ПЕРИОДА.

Георга Эберса.

ГЛАВА XXII ¹.

Сначала евреи предполагали прорваться черезъ Этамскую линію укрѣпленій и направиться далѣе на сѣверо-востокъ по ближайшей дорогѣ, ведущей въ Палестину; этотъ планъ оказался, однако, неосуществимымъ. Другой замыселъ Моисея — провести народъ въ обходъ у Южнаго Мигдала — тоже разстроился, такъ какъ лазутчики донесли, что крѣпостной отрядъ здѣсь получилъ значительное подкрѣпленіе. Тогда толпа евреевъ приступила къ божественному мужу съ жалобами и кричала, что, чѣмъ обречь себя, женъ и дѣтей на вѣрную гибель, имъ лучше вернуться обратно и просить пощады у фараона.

Потребовалось нѣсколько дней, чтобъ ихъ вразумить. Но когда новые развѣдчики принесли извѣстіе, что фараонъ приближается съ могущественнымъ войскомъ, то, въ виду крайней опасности, настало время понудить толпу къ смѣлой попыткѣ пробиться впередъ. Моисей пустилъ въ ходъ всю власть своей повелительной личности, Ааронъ — всю силу своего увлекательнаго краснорѣчія, старый Навинъ и

¹ См. „Восходъ“, кн. IX.

Хуръ старался дѣйствовать на другихъ примѣромъ своей отваги. Но страшная вѣсть сломила у большинства послѣдній остатокъ самосознанія и довѣрія къ Госпаду, и вышедшіеся рѣзались-было уже раскатыя предъ фараономъ. Но тутъ голцы, которыхъ они послали тайномъ отъ своихъ предводителей, вернулись и стали увѣрять, что приближающемуся войску приказано не идти ни одного еврея, и даже такимъ, которые могли бы е воцѣдѣ, силою меча неказать, какъ фараонъ караетъ тѣхъ, преступное колдовство которыхъ накликало на столичныхъ египтянъ несчастье и смерть.

Тутъ имъ слышномъ поздно стало извѣстна, что возвращеніе въ Египетъ имъ еще вѣрнѣе принесетъ погибель, тѣмъ смѣлое движеніе впередъ. Но когда мужи, способные носить оружіе, послѣдовавшіе за Хуромъ и Навиномъ вплоть до самаго Мигдала юга, обратились въ бѣгство какъ только услышали смѣлые воинственные звуки египетскихъ трубъ; когда тѣ съ опустившимися руками, съ боязнью и огорченіемъ пришли къ народу, въ лагерь дошли новыя преувѣленные слухи о военномъ могуществѣ фараона; страхъ предъ-смертью и отчаяніе овладѣли тогда даже наиболѣе воодушевленными мужами. Всѣ увѣщанія были напрасны, угрозы вызвали насмѣшку; бунтующая толпа увлекла съ собою своихъ предводителей, пока послѣ недолгаго странствованія она добралась до Чермнаго моря, глубокія зеленныя волны котораго заставили ее остановиться въ дальнѣйшемъ бѣгствѣ по направленію къ югу.

Такимъ образомъ народъ расположился лагеремъ между Пи-Гахиротомъ и Бааль-Цефономъ; здѣсь вождямъ снова удалось начекинуть колеблющимся е Борѣ какъ протцѣвъ.

Въ виду неминуемой гибели, отъ которой не могла спасти никакая человѣческая сила, народъ снова сталъ обра-

цать свои взоры къ небу. Но душею Моисея снова вла-
дѣли забота и сочувствіе къ несчастнымъ, испытаннымъ
столько горя полчищамъ, послѣдовавшимъ его призыву. Въ
послѣднюю ночь онъ вознесъ на одной изъ маѣе вершинъ
холмовъ Бааль-Цифона, и среди рева неистовой бури и
свиста свирѣлаго вѣтра обрѣлъ тамъ Господа, почувство-
валъ Его близость. Онъ неутомимо изливалъ предъ Нимъ
горе своего народа и молилъ Его о спасеніи.

Въ тотъ же самый часъ Міриамъ, жена Хуръ, вѣнчала
на морской берегъ, и тамъ подъ одинокой наѣмою молила
о томъ же Господа, довѣрною слугою Котораго она все
еще признавала себя.

Она изливала предъ Нимъ горе женъ и дѣтей, кото-
рыхъ, довѣрая Ему, пустились въ далекій путь. Преломляя
колѣна, она молилась также о другѣ своей юности, кото-
рый теперь изливалъ въ странной неволѣ. Но нерѣши-
тельна и тиха была ея молитва:

— Не забудь, о, Господи, также несчастнаго Осин, ко-
торого я, по велѣнію Твоему, назвала Исусомъ, — хотя онъ
оказался менѣе покорнымъ Твоей волѣ, чѣмъ Моисей, мой
братъ, и Хуръ, мой супругъ. Вспомни также о юномъ Ефрамъ-
мѣ, внуцѣ Навина, вѣрнаго раба Твоего.

Затѣмъ она вернулась въ лагерный шатеръ своего мужа,
между тѣмъ какъ мужчины простого званія и бѣдные пу-
тливныя женщины изъ народа, расположившіяся предъ про-
стымъ шатромъ на жестыяхъ, смеленныхъ слезами цыгов-
вахъ, тоже возносились душою къ Богу своимъ праот-
цемъ, вѣривъ Ему заботу о тѣхъ, кто имъ близокъ и
дорогъ.

Такимъ образомъ, въ эту столь тревожную ночь весь
лагерь превратился въ храмъ, въ которомъ всѣ, и знатный
и ничтожный, и отцы семейства и матери, господа и рабы,

и даже пораженные проказою — исвали Господа и обрѣли Его.

Наконецъ наступило утро, въ которое Ефраимъ возносилъ Богу свою дѣтскую молитву, и морскія волны стали обращаться всячь.

Когда народъ собственными глазами увидѣлъ это чудо, которое Господь совершилъ для Своихъ избранныхъ, то изъ отчаявшихся и колебавшихся всѣ стали вновь мужами вѣрными въ вѣрѣ и полными радостныхъ надеждъ.

Не только между ефраимитами, но и въ другихъ коленяхъ, и среди чужеземцевъ и пронаженныхъ пробудившаяся радостная надежда подстрекала каждый употребить всѣ силы для приготовления къ походу, и въ первый разъ народъ собрался и выстроился безъ споровъ и брани, безъ насмѣй, проклятій и слезъ.

Послѣ захода солнца Моисей, съ высоко поднятымъ жезломъ, Ааронъ съ молитвой и нѣмиемъ—выступили въ русло морского залива.

Буря, которая все еще свирѣпствовала съ прежней силой, обнажила дно отъ подрывавшихъ его волнъ и направляла на юго-западъ свѣтъ и дымъ отъ фавеловъ, которые несли впереди калѣкъ.

Вслѣдъ за главными вождями, на которыхъ обречены были напряженные и довѣрчивые вооры всѣхъ, шелъ старшій Навинъ со своими ефраимитами. Песчаная морская почва, по которой они ступали, была мокра, но вѣршка, и даже стада могли идти по ней, какъ по гладкой дорогѣ, слегка наклоненной къ морю.

Ефраиму, въ которомъ старѣйшими теперь уже видѣли будущаго вождя, было поручено, по предлеженію его дѣла, внимательно слѣдить за тѣмъ, чтобы шествіе не подверга-

лось задержкамъ, и для этой цѣли ему былъ врученъ жезлъ вождя.

Рыбаки, жившіе въ кижинахъ у подножія Вааль-Цефона, предсказывали, также какъ и финнѣйскіе мореходцы, что море вернется въ свое прежнее ложе, какъ только мѣсяць достигнетъ своего венита. Поэтому необходимо было избѣгать всякихъ задержекъ.

Юноша восхищался бурей. Когда онъ съ развѣвающимися кудрями мчался взадъ и впередъ, исполняя свои обязанности, онъ мужественно боролся съ нею, предвѣщая удачу отважныхъ дѣяній, которыя онъ легѣлъ въ свои мысли.

Такъ шло дѣло въ сумерки. Затѣмъ быстро наступила темнота. Юноша съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя острый запахъ морской травы и рыбы, оставшейся на днѣ залива. Ему, который чувствовалъ себя превращеннымъ въ мужа, этотъ запахъ казался пріятнѣе благоуханій нарда въ шатрѣ Казаны. Воспоминаніе о ней одинъ разъ было-промелькнуло у него въ головѣ,—но въ теченіе послѣднихъ часовъ у него не было свободной минуты, чтобъ подумать о ней.

У него было много дѣла; то нужно было убирать съ пути морскую поросль, выброшенную волной, то брать за рога и тащить впереди стада овецъ упрямого передового козла, который не хотѣлъ ступать на морскую почву, то поднимать воловъ и въичныхъ животныхъ, когда они упирались, боясь идти черезъ лужу.

Иногда приходилось ему подпирать плечомъ какую нибудь слишкомъ тяжело нагруженную телегу, колеса которой глубоко врылись въ рыхлый песокъ. Когда два пастушескихъ отряда, участвовавшихъ въ этомъ чудесномъ, величественномъ шествіи, еще у самаго египетскаго берега заспорили о томъ, которому изъ нихъ идти впереди, Еф-

раннѣ рѣшилъ споръ жребіемъ. Двѣ маленькія дѣвочки съ громкимъ плачемъ барактались въ лужѣ, между тѣмъ какъ ихъ мать была занята заботою о лежавшемъ у ней на рукахъ грудномъ ребенкѣ; Ефраимъ быстро перенесъ ихъ черезъ воду. У одной нагруженной телѣги сломалось колесо; онъ, при свѣтѣ факеловъ, приказалъ оттащить ее въ сторону, а шѣпки и тюки, даже обломокъ самой телѣги, велѣлъ взвалить на плечи сильныхъ рабочихъ, которые несли только легонькіе узелки. Плачущихъ женщинъ и дѣтей онъ на ходу ободрялъ утѣшительнымъ словомъ. Когда же свѣтъ факела падалъ на лицо кого либо изъ его сверстниковъ, на содѣйствіе котораго онъ могъ рассчитывать при освобожденіи Иисуса, онъ въ короткихъ словахъ передавалъ ему свой смѣлый планъ и предлагалъ присоединиться къ отважному предпріятію.

Факельщики съ дымящимися кадельницами, которые обыкновенно шли впереди странниковъ, должны были на этотъ разъ идти въ заднихъ рядахъ шествія, такъ какъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ гналъ кадельный дымъ прямо въ лицо странникамъ. Они остановились на египетскомъ берегу и пропустили впередъ все шествіе, кромѣ прокаженныхъ, которые должны были идти позади всѣхъ, за чужеземцами. Чужеземцы составляли пеструю толпу азіатовъ семитической крови; это были бѣглецы, бѣжавшіе отъ крѣпостной зависимости или отъ тяжелыхъ наказаній, угрожающихъ имъ египетскимъ закономъ, а также торговцы, искавшіе для своихъ товаровъ покупателей среди тысячъ странниковъ, и пастухи изъ племени шазу, которыхъ пограничные стражники не пропускали обратно на родину. Съ ними Ефраиму приходилось дѣйствовать очень настойчиво, такъ какъ они не соглашались сойти съ берега, пока прокаженные не будутъ помѣщены на дальнемъ отъ нихъ

равстояніи. Но ихъ Ефраимъ тоже заставилъ подчиниться приказаніямъ, прибѣгнувъ къ содѣйствію старѣйшинъ кагѣна Вениаминова, меднаго впереди чужеземцевъ; сослалъ на предвѣщанія финикійцевъ и рыбаковъ; онъ грозилъ чужакамъ, что, съ заходомъ луны, море снова войдетъ въ свое русло. Наконецъ, онъ убѣдилъ рассудительнаго вождя прокаженныхъ, бывшаго египетскаго священнослужителя, держаться не меньшей мѣрѣ въ половинѣ указаннаго имъ разстоянія.

Между тѣмъ, буря неистовствовала съ возрастающей силой; ея ревъ и продолжительный свистъ, смѣшивавшіеся съ шумомъ поднимающихся волнъ и трескомъ морского прибоа, заглушали командные приказы старѣйшинъ и завыванье женщинъ, плачь дѣтей, мычанье и блеянье перекуганныхъ стадъ и визгъ собакъ. Голосъ Ефраима могли слышать только тѣ, которые находились въ непосредственной близости отъ него. Много фавеловъ уже потухло, да и остальные горѣли лишь съ большимъ трудомъ. Тяжело переводилъ духъ, Ефраимъ шелъ въ самомъ вондѣ шестива, позади прокаженныхъ; онъ отправился туда, чтобъ отдохнуть минуту. Вдругъ его ослѣкнули. Онъ обернулся и узналъ одного стараго товарища, который возвращался съ развѣдомъ. Гонимъ едва переводилъ духъ и обливался потомъ; увидя въ рукахъ Ефраима начальническій посохъ, онъ шепнулъ ему, что колесницы фараона, идущія впереди всего остального войска, находятся уже въ Пи-Гахиротѣ, а если онѣ не станутъ тамъ дожидаться приближенія остального войска, то онѣ могутъ настигнуть странниковъ каждую минуту. Развѣдчикъ затѣмъ помчался далѣе, мимо прокаженныхъ, чтобы сообщить свои свѣдѣнія другимъ предводителямъ. Ефраимъ остановился среди дороги и схватилъ себя за голову. Его сердцемъ снова овладѣли опасенія.

Онъ зналъ, что приближающееся могущественное войско растопчетъ всѣхъ старыхъ мужей, женщинъ и дѣтей, какъ человекъ раздавливаетъ цѣлый рой муравьевъ. Ефραίму только что видѣлъ всю беспомощность толпы. Всѣмъ его существомъ снова овладѣло молитвенное настроеніе, у него сжималось сердце, и изъ глубины души вырвалось воззваніе къ Господу, прозвучавшее въ ночной тишинѣ:

„Эйли, Эйли, Великій Боже въ небесахъ! Ты знаешь,— гдѣ я уже повѣдалъ Тебѣ это, и Твое всевидящее око должно было это увидѣть, не смотря на ночную мглу,— въ какомъ отчаянномъ положеніи находится народъ, который Ты обѣщала привести въ новую землю. Вспомни Твою обѣтъ, Іегова! Будь милостивъ къ намъ, Всемогущій, Великій! Нашъ врагъ наступаетъ на насъ съ неотраанной силой. Останови его! Спаси насъ! Защити бѣдныхъ женъ и дѣтей! Спаси насъ, будь милостивъ къ намъ!“...

Во время этой молитвы Ефраимъ подымае глаза вверхъ и увидѣлъ на вершинѣ Бааль-Цифона красивое, блестящее отраженіе огня. Ихъ зажгли финиціане, чтобы расположить въ пользу родотвенныхъ по врови странниковъ Ваала, бога сѣвернаго вѣтра, и настроить его враждебно противъ ненавистныхъ имъ египтянъ.

Это было проявленіе дружбы. Но Ефраимъ уповалъ на другого Бога. Продолжая смотрѣть на небо, онъ увидѣлъ носившіяся въ вышинѣ сѣрна темница тучи, которыя становились, разбивались и разбѣгались, словно отыскивая себѣ новые пути. Между двухъ, какъ бы сосочившихъ одна съ другой тучъ онъ увидѣлъ серебристый блескъ полной луны, которая теперь достигала уже своей высшей точки на сводѣ небесномъ.

Его охватило новое умиленіе. Онъ вспомнилъ предсказаніе людей опытныхъ въ распознаваніи погоды и вѣтровъ.

Если море вдумаетъ теперь снова вернуться въ старое свое ложе,—весь страстующій народъ погибъ! На сѣверѣ, гдѣ среди утесовъ и ущалий стояли большія озера, не могло быть для него спасенія. Если волны нахлынуть въ ближайшіе часы, то сѣмя Авраамово исчезнетъ съ лица земли, какъ исчезаютъ, подъ давленіемъ тяжелой руки, начертанныя на восковой дощечкѣ письма.

Но развѣ этотъ обреченный гибели народъ—тотъ самый, котораго Господь призналъ своимъ избраннымъ? Можетъ-ли Онъ предать народъ этотъ въ руки тѣхъ, которые были также Его врагами.

Нѣтъ, нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ!

А мѣсяцъ, котораго могъ принести столько бѣдъ, развѣ онъ не благопріятствовалъ бѣгству народа еще такъ недавно? Нужно только надѣяться и вѣрить, не терять вѣры въ Бога!

Къ тому же, еще ничего не потеряно, ровно ничего.

Что бы тамъ ни случилось, весь народъ не можетъ погибнуть, и меньше всего погибнетъ колено Ефраимово, идущее впереди всѣхъ страшиковъ. Вѣроятно, многіе уже должны были достигнуть противоположнаго берега, а число такихъ счастливыхъ, быть можетъ, больше, чѣмъ онъ предполагаетъ. Заливъ былъ не широкъ, и даже промазаные, послѣдніе въ шестни, ушли уже на изрядное разстояніе отъ берега.

И только онъ одинъ остался позади всѣхъ, чтобы слѣдить за приближеніемъ непріятельскихъ колесницъ. На берегу залива онъ приложилъ ухо къ землѣ. Онъ могъ вполнѣ положиться на свой слухъ. Ему часто приходилось такимъ способомъ прислушиваться къ шуму приближающихся стадъ антилопъ и газелей.

Находясь позади всѣхъ, онъ всего больше подвергался опасности. Но что значить его жизнь?

Съ какою радостью онъ помертвевалъ бы собственною жизнью, чтобы спасти другихъ.

Съ тѣхъ поръ какъ ему дали въ руки начальническій жезлъ, ему вѣдалось, что онъ возлъ на себя обязанность бодрствовать надъ своими, и теперь онъ прислушивался съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ вдругъ до слуха его донеслось сотрясеніе почвы и наконецъ — слабый гулъ. Это, должно быть, неприятель, это, вѣроятно, колесницы фараона, — и какъ быстро кони неслись впередъ.

Ефранимъ вскрикнулъ, какъ бы его ударили бичомъ. Онъ стремительно помчался впередъ, чтобы поторопить другихъ.

Какъ душно вдругъ стало въ воздухъ, не смотря на порывистый вѣтеръ, который успѣлъ уже потушить столько факеловъ. Тучи заволакивали мѣсяць, но за то все ярче и сильнѣе разгорался костеръ на вершинѣ Бааль-Цефена. Вылетающія оттуда искры разогнались вѣтромъ и съ быстротою уносились на западъ. Вѣтеръ въ это время дулъ уже съ востока.

Какъ только Ефранимъ замѣтилъ это, онъ устремился назадъ къ замыкавшимъ шествіе факельщикамъ, чтобы на ходу отдать имъ приказъ вновь наполнить мѣдные сосуды и выпускать какъ можно больше дыму. Ефранимъ думалъ, что вѣтеръ направитъ дымъ прямо на встрѣчу конямъ фараоновыхъ колесницъ и испугаетъ ихъ и задержитъ.

Онъ не упускалъ изъ виду ни одной, самой ничтожной мѣры и дорожилъ каждымъ мгновеніемъ. Когда онъ убѣдился, что вырывающіеся изъ котловъ удушливые клубы дыма понеслись по дорогѣ, только что оставленной народомъ, Ефранимъ снова побѣжалъ впередъ. Нагнавъ старѣйшинъ, онъ крикнулъ имъ, что колесницы фараона уже недалеко, что необходимо ускорить шествіе. И тотчасъ всѣ — странники, по-

силашки, возницы и пастухи — напрягли всё свои силы и ноши быстрее, хотя вѣтеръ, который все болѣе становился восточнымъ, сильно острудивала движенье впередъ. Странники храбро боролись съ нимъ и страхъ передъ надвигающимися преслѣдователями удвигалъ ихъ силы.

Какъ сторожевая собака, охраняющая и потогоняющая впередъ стадо, юноша переходилъ отъ одного вождя къ другому, и всё они ласково приветствовали его какъ только онъ появлялся. Когда онъ пробрался впередъ, восточный вѣтеръ, душій ему въ лицо, донесъ до него какіе-то странные крики. Чѣмъ болѣе Ефрангъ бѣжалъ на востокъ, тѣмъ громче и яснѣе раздавались эти крики. Онъ узналъ ихъ — это были громкія злѣванія и восторженные клики, впервые вырвавшіеся изъ груди вразсвѣ послѣ столь долговременнаго страданія.

Клики эти ободряли Ефранга. То былъ для него прохладительный напитокъ послѣ долгой жажды. Юноша отъ избытка чувствъ не могъ удержаться, чтобы не подѣлиться своей радостью съ другими, и самъ тоже громко воскликнулъ: „Спасены! Спасены!“

Два колѣна уже вступили на восточный берегъ залива. Они-то издавали радостные клики и зажгли у самаго берега большія смоляныя плашки, чтобы ободрить падавшихъ духомъ остальныхъ странниковъ. При свѣтѣ этого огня юноша увидѣлъ также величественную фигуру Моисея. Великій вождь стоялъ на прибрежномъ холмѣ, держа въ рукахъ свой жезлъ, который онъ простеръ къ морю. Это зрѣлище произвело на юношу, какъ и на всѣхъ странниковъ, глубокое дѣйствіе и еще болѣе укрѣпило въ его сердцѣ вѣру въ счастливый исходъ дѣла. Вѣдь человѣкъ этотъ — избранныкъ Всевышняго. И пока жезлъ его былъ простертъ къ морю,

волны стояли неподвижно, и чрезъ Моисея, слугу Своего, Господь задержалъ ихъ обратное движеніе.

Юноши думалъ, что ему уже незачѣмъ обращаться къ Богу; молитви—удѣлъ этого возвышеннаго, великаго мужа. Но на немъ, Ефраимъ, лежала маленькая обязанность, которую ему слѣдовало исполнить—онъ долженъ внимательно слѣдить за движеніемъ каждаго изъ странниковъ.

Ефраимъ снова помчался обратно, на встрѣчу остальныхъ отрядовъ, выкрикивая каждому: „Мы спасены, мы спасены! Мы у цѣли! Жезлъ Моисея укрощаетъ волны! Многие ступили уже на берегъ! Возблагодарите Господа! Впередъ, чтобы вы могли присоединиться къ общей радости! Взгляните на эти два огня! Ихъ зажгли спасенные, и между ними слуга Божій, съ поднятымъ жезломъ!“

Затѣмъ Ефраимъ снова бросился въ мокрый песокъ и приложилъ ухо плотно къ землѣ. Тутъ онъ совершенно явственно услышалъ конскій топотъ и скрипъ колесъ приближающихся колесницъ.

Вдругъ шумъ началъ постепенно утихать. Ефраимъ уже слышалъ только ревъ неистовствующей бури и грозный прибой высокихъ волнъ. Восточный вѣтеръ доносилъ также отдѣльные отчаянные крики.

Колесницы добрались до сухого дна залива. Египтяне остановились въ раздумьи, не рѣшаясь продолжать путь по такой опасной почвѣ. Но вотъ раздался приказъ египетскихъ военачальниковъ и снова послышался скрипъ колесницъ; теперь онѣ двигались медленнѣе, чѣмъ прежде, но все же быстрѣе, чѣмъ могли подвигаться бѣглецы.

Для египтянъ путь былъ также свободенъ отъ волнъ. Но если бы евреямъ удалось хоть немного опередить своихъ преслѣдователей, то имъ нечего было бы опасаться за ихъ будущее. Спасенные могли за это время рассыпаться на

холмахъ пустыни и укрыться въ такіа мѣста, гдѣ ни колесницы, ни кони не смогутъ ихъ настичь. Моисей хорошо зналъ эту страну, ибо здѣсь онъ долгое время скитался изгнаникомъ. Теперь необходимо было скорѣе предупредить его о приближеніи непріятеля. Ефраимъ поручилъ это одному изъ своихъ сверстниковъ, юнеца изъ колѣна Веньяминова, который находился уже почти у спасительнаго берега. Самъ же онъ, Ефраимъ, остался позади шествія, чтобы дальне слѣдить за приближающимся войскомъ. Скрипъ колесъ и ржанье коней египетскихъ онъ слышалъ уже отчетливо; незачѣмъ было даже прикладывать ухо къ землѣ. Прокаженные, до которыхъ тоже доносился шумъ со стороны египтянъ, выпускали вопли и крики, видя себя уже окруженными, раздавленными и брошенными въ пустыню водъ. И въ самомъ дѣлѣ, дорога становилась уже тѣснѣе; море какъ будто стремилось снова овладѣть кускомъ земли, который оно не задолго предъ тѣмъ оставило.

Люди и животныя не могли уже двигаться впередъ такими широкими рядами, какъ прежде, и цова стягивались отряды, перестраиваясь въ болѣе длинныя колонны, тратилось напрасно много времени. Шедшіе съ правой стороны, охваченные страхомъ, торопливо ступали уже по надвигавшейся на нихъ водѣ. Издали слышались уже громкіе приказы египетскихъ начальниковъ.

Но непріятеля очевидно что-то задержало. Ефраимъ легко поваялъ причину задержки египтянъ: почва подъ ногами становилась все болѣе и болѣе рыхлой, и колеса боевыхъ колесницъ глубоко вѣзались въ землю, быть можетъ—по самую ось.

Подъ прикрытіемъ темноты, Ефраимъ пробрался какъ можно ближе къ преслѣдователямъ и услышалъ проклятія и приказы скорѣе поговять лошадей. Наконецъ, до ушей его

долетѣлъ возгласъ одного изъ вождей, который кричалъ товарищу:

— Проклятое безразсудство! Нужно было выбраться до полудня, а не заставлятъ насъ дожидаться, пока они разберутъ предзнаменованія да выполнять всѣ торжественныя церемоніи замѣщенія Баи другимъ жрецомъ! Тогда работа была бы легка, и мы переловили ихъ всѣхъ, какъ стаю переловъ! Верховный жрецъ держалъ себя прежде въ походахъ совсѣмъ мужественно, а тутъ вдругъ сложилъ съ себя предводительство, потому что его сердце было тронуту умирающей женщиной.

— Но вѣдь это мать Сипты!—примирительно замѣтилъ другой.—Впрочемъ, онъ не долженъ былъ измѣнять своимъ обязанностямъ, будь тутъ даже цѣлыхъ двадцать принцессъ. Если бы Баи остался, намъ не пришлось бы теперь морить своихъ коней до смерти, да еще въ такое время, когда всякій разсудительный начальникъ оставляетъ своихъ людей у костра и позволяетъ имъ ужинать или позабавиться играми. Эй, вы, хлестайте коней! Мы опять завязли въ пескѣ!

Тутъ позади первой колесницы раздался крикъ, и Ефранимъ слышалъ, какъ новый голосъ командовалъ:

— Впередъ! Хотя бы и конямъ смерть, впередъ!

— Если бы еще можно было вернуться,—снова произнесъ главный начальникъ надъ колесницами, родственникъ царя.—Если бы можно было вернуться, я бы немедленно приказалъ повернуть назадъ. Но теперь произошло бы только смятеніе въ рядахъ! А потому—впередъ! Во что бы то ни стало—впередъ! Мы приближаемся къ нимъ по пятамъ! Стой! Стой! Что за проклятый, ѣдкій чадъ! Погодите же, собаки,—пусть только дорога станетъ шире! Мы васъ мгомъ всѣхъ раздавимъ. По одному дню жизни пусть боги возьмутъ у меня за cadaго еврея, котораго я оставлю въ

живыхъ! Ну, вотъ еще одинъ факель потухъ! Даже собственной руки уже не видать! Въ такую погоду лучше быть съ нищенской клюкой, чѣмъ съ жезломъ командира.

— Или лучше петлю на шею, чѣмъ золотую цѣпь!—съ проклятиемъ произнесъ другой.—Если бы хоть луна опять выглянула! А звѣздочеты предсказывали, что полная луна будетъ свѣтить съ вечера до утра, и потому именно я самъ совѣтовалъ это позднее выступленіе,—превращеніе ночи въ день! О, если бы стало хоть немного свѣтлѣ!..

Рѣчь эта осталась недоконченной. Изъ юго-западныхъ ущелій Бааль-Цефона, какъ лютый звѣрь, налетѣлъ бурный порывъ вѣтра, обрушился на странниковъ, и въ тотъ же мигъ Ефраима облило съ ногъ до головы огромною волной.

Онъ тяжело вздохнулъ, откинулъ назадъ волосы и вытеръ глаза. Но позади его раздались громкіе вопли ужаса, вырвавшіеся изъ груди египетскихъ воиновъ. Тѣмъ же морскимъ валомъ, который попалъ въ Ефраима, снесло въ море переднія колесницы египтянъ.

Юноша началъ трепетать уже за судьбу своихъ единоплеменниковъ, и устремился впередъ, чтобы снова соединиться съ ними. Вдругъ блеснула яркая молнія, освѣтившая весь заливъ, вершину Бааль-Цефона и все вокругъ. Громъ раздался за нею не скоро, но потомъ налетѣла гроза. Молніи прорѣзывали мракъ не извилистыми полосками, а цѣлыми громадами огня, и едва онѣ угасали, раздавались новые оглушительные удары грома и бѣшеные раскаты его долго повторялись межъ голыхъ утесовъ каменной горы, разносясь по окрестности, по берегу и по заливу.

Когда свинцовыя, грозящія гибелью тучи снова разрядились, то ослѣпительный блескъ молніи на большомъ разстояніи освѣтилъ и море, и сушу, и людей, и животныхъ; волны морскія и самый воздухъ окрасились въ сѣровато-желтый цвѣтъ,

и сѣвозъ нихъ, какъ сѣвозъ желто-зеленое стекло, искрились и сверкали яркіе отблески молніи.

Ефраимъ замѣтилъ, что самыя темныя грозовыя тучи надвигаются теперь не съ сѣвера, а съ юга. При свѣтѣ молніи онъ увидѣлъ, какъ повади его взбѣсившійся конь мчался прямо въ море, а немного подальше наскочили одна на другую нѣсколько колесницъ, готова гибель сидѣвшимъ въ нихъ бойцамъ и служа преградою для движенія другихъ.

Однако, врагъ все же подвигался впередъ, и разстояніе между преслѣдующими и преслѣдователями не увеличивалось. Но смятеніе въ средѣ египтянъ было такъ велико, что едва утихали раскаты грома—тотчасъ можно было разобрать крики ужаса египетскихъ воиновъ и ободряющіе или угрожающіе возгласы предводителей.

Не смотря на черноту тучъ на южномъ горизонтѣ и на бурную грозу, мрачное небо все же не изливало своихъ водъ. Странниковъ мочило, но не дождевою, а морскою водою. Волны все выше и выше пускали свои брызги и все дальше и дальше проникали къ берегу.

Все уже и уже становилась дорога, и вмѣстѣ съ тѣмъ суживались оставшіеся ряды шестви.

Между тѣмъ огни, вдыхавшіеся на берегу отъ сосудовъ со смолою, продолжали указывать испуганнымъ странникамъ спасительную цѣль и освѣщать жезлъ, дарованный Моисею Богомъ. Съ каждымъ шагомъ они все ближе и ближе подходили къ нему.

Вотъ раздались ливующіе клики; это былъ знакъ, что колѣно Веняминово тоже достигло берега. Подъ конецъ оно шло уже въ бродъ, тѣснимое напоромъ пѣнистыхъ волнъ. Невимѣрныхъ усилій стоило ему оберегать скоть отъ морскихъ волнъ, тащить нагруженные телѣги и держать весь скоть въ сборѣ. Но вотъ всѣ—и люди, и животныя—стояли

на берегу подъ хорошей защитой. Нужно было только немочь чужеземцамъ и прокаженнымъ. У послѣднихъ не было своихъ стадъ; тѣмъ болѣе ихъ было у первыхъ, а между тѣмъ рогатый и рунный скотъ былъ объятъ такимъ страхомъ, что ни за что не хотѣлъ двигаться дальше по водѣ. Ефраимъ поспѣшилъ на берегъ, созвалъ пастуховъ и съ ихъ помощью погналъ скотъ впередъ, на берегъ.

Но вотъ, при раскатахъ грома и блескѣ молніи, вышли на спасительный берегъ послѣдній изъ чужеземцевъ и послѣднее животное. Ихъ привѣтствовали радостными кликами.

Между тѣмъ прокаженные шли по волѣни, а затѣмъ по поясъ въ водѣ, и еще прежде чѣмъ они достигли берега, разверзлись хляби небесныя, и дождь устремился на нихъ густыми ручьями. Однако, они навоонецъ тоже достигли цѣли. На берегу многія матери, долгое время державшія своихъ дѣтей на рукахъ, падали въ изнеможеніи; многіе изъ несчастныхъ прокаженныхъ, особенно такіе, которые помогали передвигать повозки по вязкой почвѣ или тащили носилки по водѣ, чувствовали теперь приступъ жара къ головѣ. Но никто изъ нихъ тутъ не погибъ.

По ту сторону пальмовой рощи, зеленѣвшей на холмѣ недалеко отъ берега, возлѣ источниковъ, прокаженные должны были ожидать дальнѣйшихъ событій. Остальной же народъ былъ отведенъ далѣе, въ глубь страны, чтобы тотчасъ какъ имъ данъ будетъ знакъ они могли начать дальнѣйшее движеніе на юго-востокъ, въ горы, по неустроенной каменистой мѣстности, по которой правильное войско и боевыя колесницы могли двигаться лишь съ большимъ трудомъ.

Хуръ собралъ вокругъ себя своихъ пастуховъ. Всѣ они стояли предъ нимъ, вооруженные копиями, пращами и короткими мечами, готовые напасть на врага, который дерзнулъ бы высадиться на берегъ. Рѣшено было убивать ко-

ней и людей, а изъ колесницъ воздвигнуть высокую преграду, которая препятствовала бы движению слѣдующихъ египетскихъ отрядовъ.

Огонь въ площадяхъ поддерживали на берегу съ такимъ усердіемъ и съ такой осторожностью, что ни проливной дождь, ни порывистый вѣтеръ его не погасили. Плошки должны были свѣтить пастухамъ, которые, подъ начальствомъ Навина, Хура и Ефрамма, должны были напасть на египетскихъ воиновъ, сражающихся на колесницахъ.

Но напрасно ждали они появленія непріятеля. Во время первой утренней смѣны Ефраммъ, при свѣтѣ смоляныхъ плошекъ, первый замѣтилъ, что нуть, только что пройденный его соплеменниками, весь залитъ водою, и что дымъ уносится вѣтромъ на сѣверъ, а не на юго-западъ, какъ прежде. Въ избыткѣ радости и благодарности юноша воскликнулъ:

— Смотрите на плошки! Вѣтеръ перемѣнилъ направление и теперь гонитъ волны на сѣверъ. Войско фараоново будетъ поглощено волнами.

Тутъ въ кругу снисанныхъ водворилась глубокое молчаніе. Вдругъ Навинъ воскликнулъ своимъ звучнымъ голосомъ:

— Онъ правъ, дѣти! Что мы, люди, значимъ предъ Богомъ! О, Господи, Господи! Суровъ и страшенъ Твой судъ надъ врагами!

Эти слова были прерваны новымъ возгласомъ. У источниковъ, гдѣ, опираясь на палму, въ изнеможеніи стоялъ Моисей, окруженный Аарономъ и многими другими людьми, тоже была замѣчена указанная Ефраммомъ перемѣна, и устремилась изъ устъ въ уста радостная, невѣроятная, во все же достовѣрная и съ каждымъ мигомъ все болѣе подтверждающаяся вѣсть.

Многіе обратили взоры свои къ небу. Мрачныя тучи дѣйствительно неслись на сѣверъ, все далѣе на сѣверъ.

Ливень уменьшился. Въмѣсто молній и грома сверкали теперь надъ перешейкомъ яркія зарницы, на мигъ освѣщавшія съ сѣвера большую морскую поверхность. На югѣ небо стало проясняться.

Наконецъ, заходящій мѣсяцъ выплылъ изъ-за сѣрныхъ облаковъ, и своимъ успокоительнымъ сребристымъ свѣтомъ озарилъ вершину Бааль-Цефона и берегъ залива, который опять наполнился шумными волнами.

Неистовствующая буря смѣнилась легкимъ утреннимъ вѣтеркомъ, который несся съ юга, а море, еще недавно яростно бѣгавшее въ скаламъ подобно лютomu звѣрю, теперь слабо волновалось у каменстаго подножія горы, какъ бы отдыхающая послѣ работы.

Море разстилалось широко, окутывая теплымъ саваномъ множество поглощенныхъ имъ труповъ. А блѣднolицый мѣсяцъ не желалъ уйти, не украсивъ блескомъ сырую усыпальницу фараона и столькохъ знатныхъ мужей. Онъ залилъ своими лучами ихъ погребальный покровъ—морскую поверхность, оваймляя его драгоценнымъ украшеніемъ изъ блестящихъ алмазовъ въ серебряной оправѣ.

Пока на востокѣ пробивалась утрення заря, а небо оцвѣтилось пылающимъ узоромъ разсвѣта, лагерь былъ уже раскинутъ. Но даже для скорой трапезы оставалось мало времени. Тотчасъ послѣ восхода солнца мѣдныя звуки собрали весь народъ. И когда всѣ сошлись у источника, Миріамъ подняла вверхъ своя бубны, зазвенѣла колокольчиками и, оглашая воздухъ ударами въ бубны, — мѣрною, легкою поступью вышла впередъ. За нею мѣрными, красивыми движеніями послѣдовали другія женщины и дѣвы. Миріамъ запѣла:

«Пою Превѣчному, ибо превознесся высоко Онъ; коней и всадниковъ Онъ въ море опрокинулъ.

«Вся мощь моя и радость — Богъ; Онъ былъ мнѣ нмѣ въ мощь.

«Таковъ мой Богъ, Кого я славлю,—Господь отцовъ, Кого превозношу я.

«Господь — мужъ брани, чье имя — Югова.

«Онъ колесницы фараона и всю рать его въ море свергнулъ, и начальниковъ избранныхъ потопилъ въ Черномъ морѣ.

«Онъ ихъ пучинами окуталъ, въ бездну опустилъ какъ камень.

«Твоя десница, Богъ всесильный, Твоя, Господь, десница всѣхъ враговъ сразила.

«Ты величїемъ обильнымъ супостатовъ сокрушаешь; гнѣвъ поважаешь, и сожжеть онъ ихъ какъ легкую солому.

«Отъ дуновения Твоего всѣ воды взгромозились; какъ плотина воды стали, средь моря волны затвердѣли.

«Нашъ врагъ сказалъ: я погонюсь, настигну, раздѣлю добычу; душа насытится; я мечъ простру и силой истреблю ихъ.

«Но дунулъ Ты, Твоимъ дыханїемъ, и море ихъ покрыло; врагъ погрузился, какъ свинецъ въ могучія пучины.

«О, кто, какъ Ты среди боговъ, кто святостью прославленъ, хвалами чтимъ, какъ чудотворецъ?

«Простеръ бы Ты Твою десницу, поглотила бъ ихъ земля.

«Ты милостью ведешь народъ сей, который Ты избавилъ, ведешь могуществомъ Своимъ въ Твои шатры святые.

«Народы слышать и трепещуть, охваченъ страхомъ житель Палестины.

«Дрожать старѣйшины Эдома и Моава властелины, всѣхъ объемлетъ трепеть, гасъ житель Хаанаана.

«Навалъ на нихъ Ты страхъ и ужасъ; предъ могуществомъ десницы Твоей обвѣяли всѣ какъ камень. Пока градеть народъ Твой, Боже, народъ, что Ты обрѣлъ.

«И Ты народъ сей проведешь къ горамъ Твоимъ удѣловъ, гдѣ Свою обитель, Боже, ты устроилъ, гдѣ Святнище Господне, Тобою рукотворенное.

«Господь да царствуетъ вовѣки.

«Такъ воили въ морскія волны кони фараона, и всадники, и колесницы. И навелъ на нихъ Господь тѣ морскія волны, а сыны Израиля прошли по морю, какъ по сушѣ».

Жены и мужи вторили ей, когда она возглашала: „Пою Превѣчному, ибо превознесся высоко Онъ; коней и всадниковъ Онъ въ море опрокинулъ“.

Эта пѣснь и это торжественное утро остались для евреевъ незабвенными. Всѣ преисполнились признательностью къ Богу и радостной надеждой на лучшіе, счастливые дни.

Перев. С. Дѣгиревскій.

(Продолженіе будетъ).

НА ЗАПАДЪ.

ЛОНДОНСКІЕ СИЛУЭТЫ.

V¹.

Трудно повѣрить, чтобы заслуги, оказанныя государству, такъ основательно цѣнились, какъ въ Англіи. Не знаю, такъ ли относится общественное мнѣніе во всемъ своимъ знаменитостямъ, или въ числѣ послѣднихъ бываютъ какія-то особенно привилегированныя личности, для которыхъ обычный законъ о неминуемости забвенія, очевидно, не писанъ. Если такія привилегированныя личности дѣйствительно существуютъ, то одинъ изъ потомковъ венеціанскихъ выходцевъ-евреевъ, переселившихся въ Англію во второй половинѣ прошлаго вѣка, занимаетъ едва-ли не первенствующее мѣсто въ сонмѣ этихъ ба-ловней судьбы. Имя этого счастливца—Веніаминъ Дизраэли, alias—лордъ Виконсфильдъ, или вѣрнѣе—«Диззи».

Глядя на непрекращающійся рядъ посмертныхъ чествованій памяти человѣка, игравшаго такую роль въ новѣйшей исторіи своей родины, невольно припоминается справедливость народнои поговорки: что имѣемъ—не хранимъ, потерявши—плачемъ. Врядъ-ли въ парламентской исторіи любого европейскаго государства найдется дѣятель, который подвергался бы при жизни такимъ неистовымъ нападкамъ, такой ожесточенной бѣшеной травлѣ, не оставлявшей его въ покоѣ во все продолженіе его политической дѣятельности, какъ ненавистный «жидъ-высочка», пользовавшійся неограниченнымъ довѣріемъ

¹ См. „Восходъ“, кн. IX.

королевы и громадною популярностью въ средѣ простаго народа, любовно относившагося къ своему «Диззи». Въ отношеніи прижизненной травли съ Веніаминомъ могла поспорить развѣ другая однородная знаменитость еврейскаго происхожденія— Гамбетта, котораго «друзья-враги» чуть не обвиняли въ совершеніи уголовныхъ преступленій, что, къ чести англичанъ, оказалось немислимымъ въ борьбѣ съ политическимъ противникомъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ обоихъ случаяхъ происхожденіе этихъ двухъ патріотовъ Великобританіи и Франціи играло извѣстную роль въ интенсивности ожесточенной травли. Но разъ захопнула гробовая крышка надъ прахомъ Диззи, не только замолкло все, что прежде изрыгало брань и инсинуаціи, но, кажется, самые лютые враги бывшаго премьера научились цѣнить по достоинству громадность потери, понесенной страной въ лицѣ автора «Танкреда» и «Сивиллы». Бездѣтный 77-ми лѣтній старецъ, отставной министръ, занимавшійся сочиненіемъ романовъ, выросъ въ моментъ смерти въ свою натуральную величину, недосыгаемую для его враговъ и хулителей. Оказалось, что бездѣтный вдоваецъ не умеръ одинокимъ, онъ оставилъ громадное семейство, любившее его страстно и безкорыстно, какъ рѣдко случается въ жизни съ настоящими *pater familias*, медленно угасающими въ глубокой старости. Это семейство состояло изъ его многочисленныхъ поклонниковъ, разбѣянныхъ по всей индо-британской имперіи. Умеръ Биконсфилдъ, но идеи, воодушевлявшія его всю жизнь, сдѣлались общимъ достояніемъ, вошли въ плоть и кровь англійскаго общества, стали руководящею нитью правительственной политики. Ученики его стоятъ у кормила правленія, школа, оставленная имъ, увеличивается, расширяя свою дѣятельность, проводя въ жизнь воззрѣнія учителя, оставившаго по себѣ благодарную память, что, къ слову сказать, не часто случается.

Эта-то семья его поклонниковъ и послѣдователей неустанно работаетъ надъ увѣковѣченіемъ памяти Диззи, надъ популяризацией его идеаловъ, надъ распространеніемъ его сочиненій въ народной массѣ, дабы сдѣлать его мысли по возможности доступнѣй, болѣе и болѣе проникающими въ народное сознаніе, такъ, чтобы конечная цѣль долгой жизненной борьбы великаго покойника

стала бы общимъ достояніемъ, слитнымъ и нераздѣльнымъ. Пропаганда ведется настойчиво и умѣло, такъ что многія стороны политическаго катехизиса покойнаго, многимъ казавшіяся при жизни автора неповоротливою ересью, не только приобрѣли теперь право гражданства въ обществѣ и печати, но сдѣлались достояніемъ цѣлаго народа. Имя лорда не сходитъ съ газетныхъ листовъ: то оно упоминается въ парламентской хроникѣ, то въ отдѣлѣ объявленій, то въ фельетонѣ. Бюсты, фотографическія карточки, портреты—рядомъ съ членами нынѣшняго кабинета—встрѣчаются на каждомъ шагѣ, въ любомъ магазинѣ эстамповъ. Такъ и кажется, что Диззи до сихъ поръ живъ, а въ 1881 году хоронили совсѣмъ другое лицо въ Юнденъ-Маноро-кладбищѣ, въ сельской глуши, вдали отъ столичнаго шума, рядомъ съ любимой женой. Не прошло года, чтобы его поклонники, число которыхъ возрастаетъ въ невѣроятной прогрессіи, не возбуждали вниманія къ своему незабвенному идолу: открытіемъ-ли клуба, носящаго имя Биконсфильда, причемъ у подножія его портрета, осыпаемаго фіалками, произносятся рѣчи, напоминающія клятвенныя обѣщанія на вѣрность принципамъ, унаслѣдованнымъ отъ чествуемаго вождя могущественной партіи; наданіемъ-ли новооткрытыхъ сочиненій Диззи, обнаруженіемъ его перенески, дневника именитыхъ гражданъ или выдающихся иностранныхъ сановниковъ, гдѣ удѣляется значительное мѣсто воспоминаніямъ о многообразной общественной дѣятельности Диззи на политическомъ и литературномъ поприщахъ. Словомъ сказать, пускаются въ ходъ всѣ, конечно, дозволяемыя средства, чтобы освѣжать въ народной памяти дѣянія покойнаго, укрѣпить его идеи, познакомить всю читающую Англію какъ съ его установившимся міровоззрѣніемъ, такъ и планами, роившимися въ многотумной головѣ одного изъ самыхъ проверливыхъ и дальновидныхъ государственныхъ людей, когда либо заправлявшихъ судьбами британской имперіи.

Въ сравнительно краткій промежутокъ времени, протекшаго со дня смерти премьера, въ одномъ Лондонѣ открыто нѣсколько памятниковъ: въ Уэстминстерскомъ аббатствѣ, въ скверѣ, въ Гильдголлѣ; если не ошибаюсь, есть его бюстъ въ одномъ изъ парламентскихъ корридоровъ, не говоря о надгроб-

номъ памятникъ въ Юнденъ-Маноръ, открыть клубъ его имени недалеко отъ Сенъ-Джемскаго дворца, издана его переписка съ братомъ Ральфомъ, во время путешествія его по Востоку, выпущенъ довольно объемистый томъ его афоризмовъ и изреченій, разбѣянныхъ во всѣхъ его рѣчахъ и сочиненіяхъ, что, къ слову сказать, потребовало немало труда,—подъ общимъ заглавіемъ «Остроуміе и мудрость Вениамина Дизраэли лорда Виконсфилда»¹—одного, по словамъ автора предисловія, «изъ величайшихъ людей настоящаго столѣтія, едва-ли не самаго крупнаго, если принять въ соображеніе всѣ трудности, которыя ему пришлось побороть». Не ограничиваясь періодическими выпусками избранныхъ мѣстъ изъ сочиненій Диззи, почитатели его рѣшили издать посмертное изданіе его сочиненій по самой дешевой цѣнѣ, съ цѣлью сдѣлать его доступнымъ массѣ престоноардія. Это изданіе быстро разошлось—и, вѣроятно, эти популярныя изданія, въ виду быстрой распродажи, будутъ часто повторяться. Въ обстоятельной статьѣ, посвященной прославленію этого изданія, «Times» указывалъ на настоятельную необходимость усугубить и безъ того громадную популярность «Диззи» тѣмъ желаннымъ фактомъ, чтобы его сочиненія сдѣлались настольной книгой у любого англичанина. Очерчивая роль покойнаго государственнаго мужа въ исторіи своей родины, органъ Сити скорбитъ о томъ, что основой громадной популярности усопнаго народнаго любимца служатъ исключительно его государственныя заслуги, а не литературный талантъ, который, по словамъ «Times», ничуть не уступаетъ дарованіямъ Диккенса и Тэкерея. Поэтому надо стараться, чтобы англійскій народъ чтилъ его память не только какъ великаго государственнаго человѣка, great statesman, но и какъ одного изъ самыхъ выдающихся писателей страны. Не знаю, насколько удастся поклонникамъ Дизраэли поднять его писательское значеніе въ одинъ уровень съ Диккенсомъ и Тэкереемъ, но мнѣ кажется, что подобная задача представляетъ много непреодолимыхъ трудностей. Ничуть не отрицая яркаго писательскаго

¹ Wit and Wisdom of Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield, collected from his writings and speeches. London, 1886.

таланта Дизраэли, не надо забывать, что у Вениамина литература не служила занятіемъ самоцѣльнымъ, какъ у означенныхъ двухъ авторовъ, всецѣло посвятившихъ свою жизнь писательской карьерѣ, бывшихъ истыми литераторами по призванію и по профессіи. Не смотря на колоссальный успѣхъ нѣкоторыхъ изъ романовъ Дизраэли, въ особенности его знаменитой трилогіи—«Конингсби», «Сивилла» и «Танкредъ»—Дизраэли пользовался своимъ перомъ для пропаганды своихъ политическихъ теорій и общественныхъ идеаловъ въ народной массѣ, куда романъ легче проникаетъ и сильнѣе дѣйствуетъ, нежели парламентская рѣчь или политическій памфлетъ. Главная цѣль его стремленій была не слава, приобретаемая путемъ упорнаго труда въ тиши своего кабинета, а шумное ристалище, на виду у всѣхъ, духъ захватывающее единоборство на парламентской аренѣ,—единоборство, оканчивающееся побѣдными гимнами въ честь триумфатора, или развѣдающимъ сарказмомъ и насмѣшками, въ конецъ уничтожающими проваливавшегося комонера. Человѣку, готовящемуся къ подобной борьбѣ, некогда заниматься обдумываніемъ деталей художественнаго произведенія, для удовлетворенія строгихъ, подчасъ придирчивыхъ требованій корифеевъ эстетической критики, потому что онъ куетъ свое орудіе не для музеевъ и академическихъ выставокъ, а чтобы пробовать его силу и пригодность въ первой же схваткѣ, гдѣ требуется хорошій закалъ, а не изящество отдѣлки. Поэтому нельзя требовать равнаго успѣха для произведеній людей, хотя, можетъ быть, и не уступающихъ другъ другу въ талантѣ, но относившихся къ своимъ задачамъ совершенно различно. Одинъ смотрѣлъ на предпринятое дѣло какъ на цѣль, для другого оно было не болѣе какъ средствомъ. Понятно, что и результаты получались не равные и степень оцѣнки тоже иная, вполне рациональная. *Suum cuique.*

Какъ человѣкъ идейный, чуждый мелочнаго самолюбія, завистливой нетерпимости къ чужимъ заслугамъ, гнушавшійся слабости, свойственной многимъ государственнымъ дѣятелямъ,—слабости, которой далеко не чужды были и Бисмаркъ, любившій окру-

жать себя подавленными бездарностями, — Биконсфильдъ оставилъ по себѣ цѣлую школу, внушительную численностью и качественнымъ превосходствомъ. Правда, между его учениками нѣтъ пока людей, которые могли поспорить съ учителемъ, но во всякомъ случаѣ они продолжаютъ его дѣло съ талантомъ и настойчивостью. Впрочемъ, между его молодыми адептами былъ одинъ, а именно лордъ Рэндольфъ Черчилль, который думалъ занять въ своей партіи осиротѣвшую роль лидера à la Дизраэли, но отъ стремленій, впрочемъ, весьма похвальныхъ, до исполненія — большая разница, и молодому честолюбу досталось въ удѣлъ вмѣсто чаемыхъ лавровъ — однѣ насмѣшки.

Не могу забыть одной сцены въ парламентѣ, которой я былъ свидѣтелемъ. Говорилъ тогда бывший министръ въ кабинетѣ Гладстона, его ближайшій другъ Уильямъ Гаркортъ, и говорилъ блестяще, не смотря на то, что рѣчь тянулась — *excusez du peu!* — цѣлыхъ шесть часовъ! Всѣ стрѣлы своего недюжиннаго таланта ораторъ обратилъ исключительно на молодого Черчилля, занимавшаго тогда важный постъ канцлера казначейства въ кабинетѣ Солсбери. «The noble lord», какъ его величалъ ораторъ, сидѣлъ какъ въ воду опущенный; Гаркортъ нещадно продолжалъ его хлестать, доказывая безтактность правительства, якобы торійскаго, негодность его теорій, непрактичность его мѣропріятій въ такомъ жгучемъ вопросѣ, какъ ирландскій. Подкрѣпивъ эту мысль множествомъ примѣровъ изъ парламентской исторіи Англіи за текущее столѣтіе, другъ Гладстона находилъ, что «благородный лордъ» дѣйствуетъ въ разрѣзъ съ идеями прежнихъ торіевъ, даже такихъ, какъ лордъ Биконсфильдъ, котораго Черчилль старался во всемъ копировать. — «Я понимаю взгляды лорда Биконсфильда, — говорилъ ораторъ, — я ихъ достаточно проштудировалъ въ его сочиненіяхъ. Но взгляды «благороднаго лорда» мнѣ совершенно неизвѣстны, потому что я до сихъ поръ не имѣлъ удовольствія читать ни одной строчки изъ его сочиненій»...

Гомерическій хохотъ раздался во всей залѣ при послѣднихъ словахъ оратора, смѣялись комонеры правой и лѣвой, даже безстрастный муміеобразный спикеръ, въ тогѣ и сѣдомъ парикѣ, какъ будто искривилъ свои тонкія губы на манеръ улыбки;

одинъ «благородный лордъ» сидѣлъ потупившись, углубившись, для приличія, въ чтеніе какихъ-то бумагъ.

Эту страсть бывшаго канцлера казначейства копировать своего учителя очень зло подмѣтила лондонская сатирическая печать, особенно «Punch». Изображенъ молодой министр, копирующий передъ зеркаломъ всё ужимки покойнаго автора «Эндимиона». Въ самомъ разгарѣ его эволюцій передъ зеркаломъ, когда, какъ ему казалось, онъ успѣлъ уже скопировать всё виѣшніе ораторскіе приемы своего первообраза, его манеру говорить подбоченившись, его жесты, его саркастическую улыбку,—вдругъ появляется сзади тѣнь настоящаго Дизраэли, высокая, двумя головами выше молодого лорда, огорошивъ его слѣдующими словами, сказанными съ язвительной усмѣшкой:

— Мой милый, напрасный трудъ. Какъ тамъ ни подражай мнѣ, а все равно никогда не достигнешь моего уровня.

Полагать надо, что самонадѣянный молодой человекъ послушался разумаго совѣта. Онъ теперь удалился въ частную жизнь, чтобы лучше и основательнѣе подготовиться къ отвѣтственной роли будущаго преемника человека, оставившаго такіе глубокіе корни въ странѣ, гдѣ онъ родился почти безправнымъ пришельцемъ и которою онъ управлялъ на закатѣ дней своихъ. До какой степени велика его популярность или, вѣрнѣе, возрастаетъ его популярность въ странѣ, сужу по слѣдующему эпизоду, случившемуся со мною. Мнѣ понравился одинъ изъ выставленныхъ бюстовъ Диззи въ какомъ-то магазинѣ; дѣйствительно работа была поразительно хороша, Диззи былъ какъ живой. Я зашелъ въ магазинъ справиться о цѣнѣ. Прикапчикъ, къ которому я обратился съ этимъ вопросомъ, должно быть, не разслышалъ моихъ словъ, полагая, что я спрашиваю—кого изображаетъ этотъ бюстъ. Надо было видѣть ужасъ, изобразившійся на лицѣ этого мистера, когда онъ столкнулся съ дикаремъ-покупателемъ, не знающимъ—чье это изображение.

— That it is Beasonfield,—буквально заорать онъ,—Бикис-фъ-е-л-дъ! Бикис-фъ-е-л-дъ!—удивляясь, очевидно, какъ это земля носить человека, не знающаго, что это Бикис-фъ-ел-дъ! какъ они произносятъ его фамилію.

Не могу закончить этой главы, чтобы не рассказать два анекдота, характеризующих находчивость и остроумие этой удивительной, неразгаданной личности, съумевшей при жизни возбудить къ себѣ такую жестокою ненависть, а послѣ смерти — такую трогательную всенародную любовь, особенно сильно выражающуюся 7-го (19-го) апрѣля, въ день годовщины смерти, когда вся Англія надѣваетъ его любимыя цвѣты, *Primrose*, а самый день называется *Primrose-day*.

Разъ онъ былъ приглашенъ на балъ къ какому-то герцогу. Когда онъ вошелъ въ гостиную, то былъ пораженъ видомъ крайне обнаженныхъ плечъ всѣхъ дамъ и дѣвицъ, мирно бесѣдовавшихъ между собою, сгруппировавшихся полукругомъ возлѣ хозяйки.

— Ахъ, извините, ladies, извините, миледи, — въ притворномъ ужасѣ воскликнулъ Виконсфильдъ, стремительно выбѣжавъ въ другую комнату.

— Что съ вами, милордъ? Куда вы бѣжите, — бросилась къ нему хозяйка.

— Виновать... я хотѣлъ войти въ гостиную...

— Да вѣдь вы и были въ гостиной; что же, по вашему, это комната?

Лукавый старецъ стыдливо покосился на корсажи обнаженныхъ дамъ и, потупившись, сказалъ:

— А я думалъ, что попалъ въ дамскую уборную. — Это, конечно, вызвало веселый смѣхъ.

Никто такъ не боялся его остраго какъ бритва языка, какъ его парламентскіе противники. Попастся къ нему на язычокъ было не сладко, особенно когда онъ начиналъ побивать оппонента цитатами изъ Шекспира или Байрона. Не смотря на то, что у Шекспира зачастую встрѣчаются выраженія, далеко не соответствующія установившимся у комонеровъ понятіямъ о вѣжливости, тѣмъ не менѣе Диззи очень ловко при всякомъ удобномъ случаѣ цитировалъ своего любимаго автора «Гамлета». Онъ съумѣлъ даже воспользоваться такими шекспировскими изреченіями, какъ, на примѣръ: «Можно быть съ улыбкой на устахъ — отъявленнымъ мерзавцемъ». Однажды въ самомъ разгарѣ схватки съ однимъ изъ ораторовъ оппозиціи, Виконсфильдъ,

разсердившись на насмѣшливую гримасу своего оппонента, воскликнулъ:

— Мой уважаемый противникъ улыбается... Известно, впрочемъ, что можно быть съ улыбкой на устахъ...

— Къ порядку! Къ порядку!—прервали его со всѣхъ сторонъ комонеры, опасавшіеся возможности скандала.

— Позвольте мнѣ, однако, кончить, господа! Я хотѣлъ сказать, что, какъ известно, можно быть съ улыбкой на устахъ... членомъ парламента.

Эта неожиданная находчивость произвела фуроръ въ палатѣ, по достоинству оцѣнившей присутствіе духа безконечно явительнаго Диззи.

Таковъ былъ этотъ любящій сынъ стараго, неумирающаго Израиля, о которомъ онъ съ гордостью выразился въ палатѣ общинъ, что это «древній народъ, знаменитый народъ, стойкій народъ — и народъ, который, въ концѣ концовъ, всегда достигалъ своихъ цѣлей». They are an ancient people, a famous people, an enduring people, and a people who in the end have generally attained their objects ¹.

VI.

Есть двѣ вещи въ Англии, которыя въ состояніи повергнуть даже беззаботнаго человѣка въ пучину самаго безнадежнаго отчаянія. Это — погода и празднованіе воскреснаго дня. Трудно говорить безъ ужаса о лондонскихъ туманахъ, когда мѣста не находишь себѣ въ этомъ чудовищномъ городѣ, окутанномъ непроницаемой мглой, когда не видишь, что происходитъ въ двухъ шагахъ отъ тебя, когда единственное спасеніе — это топтаться на отельномъ балконѣ, куда долетаетъ ревъ невидимой, снующей толпы, точно изъ бойни, пронзительные крики разнощиковъ, газетчиковъ, чистильщиковъ сапоговъ, продавцовъ ваксы, хоры жестоко переругивающихся между собою извозчиковъ и кондукторовъ omnibusовъ, громъ экипажей, свистъ бича, ржанье

¹ Рѣчь, произнесенная 25-го мая 1854 г., по поводу Oath-Bill. См. „Wit and Wisdom“, стр. 177.

Исходъ, кн. 10.

лошадей. Голова трещитъ отъ этого адскаго концерта, происходящаго среди бѣлаго дня; зажженные фонари уныло мерпаютъ въ этомъ царствѣ тумана, вездѣ газъ горитъ; читать невозможно, выйти на улицу рискованно—омнибусъ задавить, въ двухъ шагахъ отъ отеля запутаешься и не попадешь назадъ. И такіе сюрпризы случаются лѣтомъ, а что происходитъ осенью—этого я не могу себѣ даже представить. Неудивительно, что сплинъ составляетъ англійскую національную болѣзнь, разрѣшающуюся только револьверомъ. Въ такія минуты безъисходнаго отчаянія мысль о самоубійствѣ освѣняетъ самыхъ трезвыхъ, закаленныхъ людей, которые обыкновенно считаютъ самоубійство однимъ изъ видовъ самой непростительной трусости и отсутствія воли. Но какъ бы то ни было, это стихійная невзгода, неминуемая и неотвратимая, а потому вольтеріанцы напрасно противъ нея возстаютъ.

Совсѣмъ въ иномъ видѣ представляются для избалованнаго континентальнаго туриста воскресные и праздничные дни. Къ нимъ можетъ привыкнуть лишь человѣкъ, прошедшій свое отрочество и юность въ «чертѣ осѣдлости», помнящій какъ жизнь замираетъ въ субботу или особенно въ Судный день. Нѣчто подобное, но въ усиленныхъ размѣрахъ ему приходится испытать въ Англии въ воскресенье, святость котораго соблюдается Джономъ Буллемъ несравненно строже, нежели суббота у насъ, въ западныхъ и южныхъ губерніяхъ. Тутъ положительно рискуешь остаться цѣлый день безъ пищи, принять невольный постъ, такъ себѣ, здорово живешь. Всѣ магазины, кофейни, рестораны, булочныя—заперты, хозяева читаютъ Библію; чтобы достать горячую пищу, надо отправиться за городъ, гдѣ, подъ шумокъ, рестораны, избалованные иностранцами, разрѣшаютъ себѣ эту вольность. Особенно поражаетъ въ подобные дни Сити—звотъ головокружительный центръ торговой дѣятельности. Когда, минувъ соборъ св. Павла и памятникъ Роберта Пила, въѣзжаешь въ кэбъ, по улицѣ Четсайдъ, въ Сити, то кажется, что попалъ въ сущій адъ кромѣшный, мысленно молишь Создателя скорѣе убраться изъ этого мѣста, гдѣ, вѣроятно, Данте Алигieri предварительно запасся матеріаломъ для своей безсмертной «Divina Comedia». Зажмуривъ глаза, можно подумать, что присутству-

еще при массовой атакѣ неистощимой рати кавалеріи и артиллеріи,—такъ гулко отдается въ ухахъ одновременный лошадиный топотъ необозримаго ряда экипажей по асфальтовой мостовой. Открываешь глаза,—кажется, что весь Лондонъ скажетъ на пожаръ, во весь духъ, вотъ-вотъ задавать всѣхъ прохожихъ. На дѣлѣ, однако, выходитъ, что такой замѣчательной чистоты, какъ на узкихъ улицахъ Сити, нигдѣ не найдешь. Мальчишки, нанятые городской управой, ловко извиваются между экипажами, подбирая всякій соръ и нечистоту въ свои доханки, которыя тутъ же опоражниваютъ въ какіе-то чугунные столбики, торчащія возлѣ панели, и опять самоотверженно бѣгутъ вслѣдъ омнибуса, подбирая, точно бисеръ, всякій мусоръ. Будь на петербургскихъ широкихъ улицахъ такое непрестанное движеніе какъ въ Сити, можно было бы безъ преувеличенія сказать, что число задавленныхъ пѣшеходовъ считалось бы не десятками, а сотнями. А тамъ ничего этого нѣтъ. Вотъ на углу площади, окаймленной тремя капитальнѣйшими зданіями¹, какъ Англійскій банкъ, Биржа и Мэннень-гаузъ (дума), скопилась масса пѣшеходовъ, желающихъ перейти улицу. Вдругъ является мѣстный магъ и волшебникъ, дюжій полисмень, величественно, по фельдмаршальски вмахнувъ лѣвой перчаткой—и вся орава экипажей, омнибусовъ и кэбовъ остановилась какъ вкопанная. «Проходите, господа, путь свободенъ»,—возглашаетъ классическій полисмень и публика безбоязненно переходитъ опасное мѣсто, гдѣ, не будь полисмена, пришлось бы Богу душу отдать. И вотъ надо посѣтить эту мѣстность въ субботу вечеромъ или въ воскресенье днемъ — метаморфоза получается невообразимая. Подумаешь, что чума посѣтила за ночь этотъ клокотавшій котель, застывшій и похолодѣлый, лишившійся своего вчерашняго едержимаго. Это не кладбищенская тишина, временами все-таки прерываемая кое-какими посѣтителями, а городъ, оставленный жителями, въ виду непріятельскаго нашествія, гдѣ все притаилось или выѣхало, оставивъ на жертву двухъ—трехъ

¹ Посрединѣ этой площади соорудили великій монументъ герцогу Уэллингтону. Что общаго между побѣдителемъ Наполеона I при Ватерлоо и биржей или банкомъ, гдѣ непреставно служатъ молебны золотому тельцу—понять трудно.

сторожей, ударяющихъ по временамъ въ трещотки, чтобы разогнать приближающуюся дремоту. Куда все это дѣлось?—спрашиваете вы сторожа, уныло расхаживающаго по опустѣлымъ улицамъ: «Развѣхалось на дачи или за городъ,—отвѣчаетъ онъ вамъ,—а въ Сети теперь хоть шаромъ покати, не обрѣтешь живой души».

„Гдѣ стоить былъ аствъ, тамъ гробъ стоить“.

Первое воскресенье, которое я провелъ на британской почвѣ, доказало мнѣ справедливость пословицы, что со своимъ уставомъ въ чужой монастырь нельзя идти. Изъ всѣхъ совѣтовъ, которые мнѣ въ изобиліи расточали знакомые и пріятели передъ поѣздкой въ Англію, я только сохранилъ въ памяти совѣтъ смотрѣть на полицменовъ и констэблей (городовыхъ) какъ на единственныхъ и лучшихъ друзей туристовъ. И этотъ совѣтъ давалъ мнѣ въ Парижѣ одинъ русскій писатель, принципиальный врагъ всякой полиціи. Я не только не раскаялся въ томъ, что слѣдовалъ этому совѣту, но очень благодаренъ милому земляку за его полезныя предостереженія и указанія. Правда, ни въ какой странѣ не выработался такой идеальный типъ стража общественной безопасности, къ которому гражда-не относятся съ такой симпатіей и довѣріемъ, какъ въ Британіи, который только страшень однимъ мазурикамъ и карманникамъ. Не будь тамъ такихъ образцовыхъ констэблей, нашъ братъ погибъ бы безъ остатка, принимая во вниманіе массу всесвѣтныхъ мошенниковъ, которые обыкновенно охотятся за иностранцами, выслѣживая ихъ какъ пушного звѣря. Никогда я не пламенѣлъ особеннымъ расположеніемъ къ органамъ полиціи, напротивъ, всегда старался быть на почтительной дистанціи отъ этихъ преполозныхъ дѣятелей, памятуя типы провинціальныхъ Держимордъ, на которыхъ достаточно насмотрѣлся въ жизни. Но стоить посѣтить Англію, чтобы это, пожалуй, врожденное на континентѣ отвращеніе отъ всего напоминающаго кутузку мгновенно испарилось, замѣняясь безграничнымъ уваженіемъ къ этимъ дивнымъ здоровякамъ въ темносинихъ сюртукахъ и суконныхъ каскахъ, величественно прохаживающихся скрестивши руки à la Наполеонъ, и зорко

высматривающихъ—не заглядываетъ-ли какой нибудь молодецъ въ чужой карманъ. Не успѣлъ бѣдный карманникъ, предварительно оглянувшись кругомъ и убѣдившись, что страшнаго полицмена нѣтъ вблизи, попробовать глубину чужого кармана какъ точно изъ-подъ земли выросъ гигантъ и положилъ свою тяжелую длань на плечо оторопѣвшаго любителя чужой собственности. Тутъ происходитъ нѣмая, но очень выразительная сцена. Слова излишни, сопротивление представляется безумиѣмъ: полицменъ сгребъ бы строптиваго, такъ что онъ пикнуть бы не успѣлъ; тутъ только обмѣниваются взглядами, жертва полицейской дальновидности безмолвно слѣдуетъ за своимъ будущимъ обличителемъ на судъ, предчувствуя вполне основательно, что эта встрѣча дорого обойдется неудачному ныска-телю чужихъ денегъ.

Но за то для мирнаго обывателя, особенно для путешествующей братіи, полицменъ—дѣвный покровитель и руководитель. Къ нему смѣло обращайся въ любое время дня и ночи—и всегда найдешь любезный привѣтъ и разумный совѣтъ, какъ бы ни были подчасъ странны эти обращенія. Сколько разъ я былъ свидѣтелемъ такихъ сценъ, когда пріѣзжіи обращался съ такими странными вопросами, какъ, напримѣръ, — въ какомъ театрѣ провести ему вечеръ? Въ другой странѣ подобнаго назойливаго просителя, пожалуй, препроводили бы въ участокъ для вразумленія, а тутъ ничего. Внимательно обдумаетъ, оглядитъ вопрошающаго испытующимъ взоромъ многоопытнаго психолога и не только дастъ желаемый совѣтъ, но еще снабдитъ подробнѣйшей инструкціей—какъ удобнѣе достигнуть намѣченной цѣли. Одинъ русскій, не знавшій ни слова по англійски, прямо съ парохода направился къ дежурному констеблю, держа въ рукахъ шиллингъ, и посредствомъ разныхъ жестовъ и мимики объяснялъ ему, что онъ по англійски ни въ зубъ толкнуть или, какъ онъ постоянно выражался: «English no!»—показывая по пальцамъ все, что онъ знаетъ изъ господствующаго языка гостепривимной страны. Констебль съ улыбкой выслушалъ его, подовалъ къбмена (извозчика), отдалъ ему шиллингъ, который былъ въ рукахъ русскаго полиглота; и приказалъ отвезти его въ Longham hotel и сказать тамъ отъ его имени, чтобы съ

иностранцемъ обходились хорошо, что онъ самъ за этимъ будетъ слѣдить.

— Вы не повѣрите, — рассказывалъ впоследствии этотъ туристъ, — какъ со мною хорошо обращались въ гостинницѣ. Вѣдь меня можно было ограбить, пользуясь моимъ абсолютнымъ незнаніемъ языка, но всѣ счеты были безукоризненны; я ихъ показывалъ всѣмъ знакомымъ, тѣ не могли надивиться умѣренности и добросовѣстности отельнаго счета. И все это благодаря покровительству полицмена. Вотъ оно что значить въ Англии полицейскій! — добавилъ онъ съ восхищеніемъ.

Въ первое же воскресенье, проведенное въ Лондонѣ, я на себѣ испыталъ степень вліятельности полицменовъ или констэблей, все равно. Совершенно забывъ о деспотическомъ обычаѣ, въ силу котораго всѣ заведенія, созданныя для утоленія голода и жажды прѣважнаго человѣчества, закрыты, я отправился фландровать по опустѣвшимъ улицамъ Стрэнда, Флитъ-Стрита, зашелъ въ соборъ послушать проповѣдь, которая была настолько бездарна, что храмъ опустѣлъ наковину прежде чѣмъ пасторъ, съ аскетическимъ лицомъ покойнаго Жюля Фавра, успѣлъ развить первое основное положеніе своей рѣчи. Изъ собора я сунулся въ опустѣвшее Сити, но видъ этой вымершей пустыни, этого безнадежнаго кладбища, навелъ на меня такую тоску, что я рѣшился покататься на пароходѣ по Темзѣ, благо день былъ теплый, солнечный, т. е. солнечный въ лондонскомъ значеніи этого слова. Солнце какъ будто припекаетъ, но вѣчный туманъ значительно умѣряетъ силу его лучей; кажется, какъ будто вблизи большой пожаръ, дымъ застилаетъ небо, откуда видѣется краешекъ сильно потускнѣващаго солнца. Пароходы биткомъ набиты публикой, спѣшившей за городъ подышать настоящимъ чистымъ воздухомъ полей и лѣсовъ, а не отравленною, удушливою атмосферой шести-милліонной столицы. Я проѣхалъ такимъ образомъ отъ London-Bridge до парламента, крайне разочарованный безотраднымъ видомъ набережной Темзы, гдѣ одна сторона покрыта закоптѣлыми аданіями и дѣлымъ лѣсомъ корабельныхъ мачтъ, которыя тянутся вплоть до Гринича и чуть-ли не до Гулля, а другая — сплошь покрытая угольною копотью громада доковъ, верфей и бесчис-

леннаго множества заводовъ. Эта сторона, Surrey, есть нѣчто въ родѣ лондонскихъ «Чекушь» или Гутуевского острова. Во всякомъ случаѣ поѣздка по Темзѣ представляетъ мало пищи для ума или для сердца; тутъ нечего дѣлать художнику или просто наблюдателю,—она имѣетъ интересъ для купца, судовладельца, заводчика или фабриканта. Отправиться за городъ было слишкомъ рано, тѣмъ болѣе, что я еще не пилъ утренняго кофе, и поэтому я рѣшился позавтракать какъ слѣдуетъ въ городѣ, а затѣмъ отправиться въ Гайдъ-Паркъ, гдѣ по воскресеньямъ происходятъ всевозможные митинги, или за городъ, въ Кью, Ричмондъ или тамъ Виндзоръ.

Начались поиски кофейни. Что за притча—иду по мѣстности, обыкновенно переполненной всякими кондитерскими, кофейнями, ресторанами, закусочными (bar), и, какъ на зло, все заперто, отовсюду несутся краткіе, но крайне безотрадные клики: «closed!» Прощель одну версту, другую, третью—силъ моихъ больше нѣтъ, отоцалъ совсѣмъ, и впереди предстоитъ длинный лѣтній день вынужденнаго воздержанія отъ пищи. Наконецъ, мучимый голодомъ, усталый отъ долгой ходьбы, я не выдержалъ — отправился къ первому полицмену, стоящему на углу площади. «Такъ и такъ,—началъ я,—помогите. Съ самаго ранняго утра у меня во рту не было маковой росинки. Просто изнемогаю, смерть хочу напиться чаю, потому что съ дѣтства привыкъ къ этому напитку, а вездѣ заперто. Я—иностронецъ и вы должны накормить меня».

Краснорѣчіе голоднаго иноземца, должно быть, подѣйствовало на саженаго блюстителя нравовъ. Въмѣсто того, чтобы отвести меня въ участокъ, какъ безпокойнаго человѣка, онъ со словами: «Что мнѣ дѣлать съ вами? Пожалуйте за мною!» — повелъ меня въ какую-то невообразимо гнусную таверну, гдѣ контрабанднымъ образомъ далъ мнѣ напиться чаю. Правда, это были чернила, микстура,—все что хотите, только не чай. И спасибо за то, что хоть чѣмъ нибудь горячимъ поддержали упавшія силы, напоили меня, и я ожилъ, получивъ возможность увидѣть обычное времяпрепровожденіе бритовъ въ воскресный день.

— Если вы хотите составить себѣ понятіе объ англичанахъ,

отправьтесь въ первый же праздникъ въ Гайдъ-Паркъ, — говориль мнѣ одинъ знакомый, — право, не раскаетесь.

Я послушался этого совѣта и дѣйствительно не раскаялся. Страсть англичанъ къ изумрудной зелени, гдѣ они могутъ наслаждаться праздничнымъ, большею частью заслуженнымъ *dolce far niente*, была отчасти причиною, что нуть-ли не треть страны занимаетъ превосходно содержимые парки, которыми народъ можетъ пользоваться когда только представляется къ тому удобный случай. Между лондонскими парками Гайдъ-Паркъ занимаетъ первенствующее мѣсто, по огромному пространству, богатой растительности, распланировкѣ аллей и газоновъ и главное — по удобству расположенія въ лучшей части эlegantныхъ кварталовъ. Въ будни громадный паркъ служитъ ареною, гдѣ знать катается верхомъ или въ ландо, — мѣстомъ свиданія разныхъ дэнди и гуляекъ, а по праздникамъ великолѣпная лужайка дѣлается достояніемъ народа, настоящаго лондонскаго плебса. Слушаютъ музыку, участвуютъ въ происходящихъ тамъ безчисленныхъ митингахъ или просто валяются на травѣ въ кругу чады и домочадцевъ. Сцены, которыхъ мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ въ первое воскресенье, глубоко поразили меня.

Подхожу къ первой попавшейся мнѣ на глаза народной толпѣ, откуда слышенъ крикъ. Ну, думаю, должно быть понахивается скандаломъ, предстоящей свалкой, составленіемъ протокола, въ ожиданіи прихода городского, котораго, какъ на зло, вблизи не оказалось. Виѣсто чаемаго скандала, я вдругъ услышалъ... проповѣдь! Да вѣдь какую — не чета той безцвѣтной риторикѣ, которую безсвязно прошамкалъ пасторъ въ соборѣ, а дѣйствительно горячее слово глубоко-убѣжденнаго человѣка. Старикъ-джентльменъ говорилъ такъ искренно и поэтому увлекательно, что я невольно заслушался. Какая разница между британцами дома и въ гостяхъ. На континентѣ онъ какой-то косноязычный, каждое слово приходится чуть не клещами вырывать у него, а послушаешь его на митингѣ или въ парламентѣ — Златоустъ, да и только. И краснорѣчіе-то его особенное, мѣткое, лаконическое, дѣловое, не фразистое, или тамъ ноющее. Краткіе, литературно-отдѣланные періоды такъ и льются

безъ запинки, смущенія или повторенія. Суть проповѣди — надо въ жизни всегда руководствоваться примѣромъ Джизуса Крайстуса¹.

Старикъ кончилъ, слушатели медленно разошлись. Я примкнулъ къ слѣдующей группѣ. Рыжебородый съ сильною прорѣдью атлетъ, потрясая Библией въ воздухѣ, доказывалъ толпѣ незаконность... королевской власти!.. «Быль въ древности народъ,—гремѣлъ великанъ, поминутно указывая на Библию,—народъ, Богомъ избранный. Всѣмъ быль хорошо и самому жилось недурно. И прожилъ бы онъ весь вѣкъ свой безпечально, еслибъ ему вдругъ не захотѣлось имѣть своего короля. Напрасно благочестивый пророкъ, умный Самуилъ, предостерегалъ своихъ братьевъ отъ этого, напрасно онъ имъ предсказывалъ неминуемыя послѣдствія этого безразсуднаго поступка. «Не дѣлайте этого,—говорилъ онъ имъ,—иначе погибните!» На свою бѣду, они его не послушались и выбрали своимъ царемъ Саула... Ну, послѣдствія извѣстны, предсказанія праведнаго Самуила исполнились слово въ слово. Съ вами, господа, то же самое случится, если вы не образумитесь и не будете жить какъ Библия указываетъ, а не довольствоваться однимъ чтеніемъ ея. Хотя лично противъ королевы я ничего не имѣю, она хорошая женщина и прекрасный человекъ, но ея ближайшіе совѣтники, ея министры—такіе-сякіе, немазаные». И ораторъ началъ ихъ честить на обѣ корки. Долго говорилъ ораторъ — и какъ говорилъ, съ огонькомъ и энтузіазмомъ, вѣроятно, сообщавшимися доброй половиной его слушателей—на эту тему, а я все безпомощно озирался кругомъ, отыскивая глазами полицмена, не особенно далеко прохаживавшагося въ повѣ Наполеона подъ Аустерлицемъ. Полицменъ нимаго не интересовался противоцензурными словами рьянаго трибуна, которому въ другихъ странахъ досталось бы за эту рѣчь хорошенько на орѣхи, а устремилъ все свое вниманіе, чтобы спугнуть ораву мальчишекъ, покушавшихся погнѣвъ въ прудъ, чтобы рыбу ловить,—что ему дѣйствительно

¹ Исуса Христа.

и удалось. Ораторъ между тѣмъ кончилъ свою энергическую рѣчь, послѣ чего ближайшіе его приверженцы стали полукругомъ и запѣли какой-то хоралъ. Пѣли они — Богъ имъ судья, но никому изъ слушателей, даже не раздѣлявшихъ мыслей оратора, не пришло въ голову позволить себѣ какую нибудь насмѣшку или ироническую улыбку. Напротивъ, хоралъ былъ выслушанъ, если не благоговѣнно, во всякомъ случаѣ съ большимъ вниманіемъ. Попѣли—если только это козлогласіе можно назвать пѣніемъ—и мирно разошлись слушать очень хорошую музыку, предварительно уговорившись собраться въ слѣдующій празникъ на этомъ же мѣстѣ. Съ цѣлью отвлечь народъ отъ посѣщенія тавернъ, въ Лондонѣ устроилось общество, состоящее подъ предсѣдательствомъ наслѣдника престола, чтобы дать возможность простолюдину наслаждаться хорошей классической музыкой по празникамъ.

Тревожное чувство, овладѣвшее мною, когда совершенно неожиданно мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ нелегальной рѣчи при всемъ честномъ народѣ, скоро улеглось, притушилось. Къ какой группѣ я ни подходилъ,—а ихъ тамъ было многое множество,—я слышалъ почти одно и то же, съ разными варіаціями. Въ одной хвалятъ королеву, въ другой бранятъ принца Уэльскаго, тутъ достается Солсбери, тамъ—мистеру Гладстону (Гладстону). Всѣ вопросы, волновавшіе общественное мнѣніе, озабочивающіе парламентъ, какъ, напримѣръ, рабочій вопросъ, ирландскій, колоніальный, о сокращеніи бюджета, о противодѣйствіи постоянно увеличивающемуся пьянству и т. д.—дебатировались здѣсь всенародно съ откровенностью, съ которою мы позволяли себѣ, въ студенческіе годы, горячиться за чайнымъ столомъ у товарища,—очень бойко, не присяжными ораторами, а лицами изъ народа, изъ публики, просто «джентльменами», которые, къ слову сказать, отлично говорятъ. А полиціи до этого никакого дѣла нѣтъ, ея агентовъ только озабочиваетъ развитіе свободы лаванія по чужимъ карманамъ.

Стемпло; оркестръ пересталъ играть, всѣ начали собираться. Настала пора, когда каждый правовѣрный сынъ англиканской церкви получаетъ право и возможность отвѣдать горячую пищу.

Празднику и его строгимъ предписаніямъ конецъ, огромныя аллеи великолѣпнаго парка—украшенныя, между прочимъ, единственною въ Лондонѣ статуей лорда Байрона, тогда какъ фельд-маршалу Уэллингтону поставили много памятниковъ, одинъ негѣше другого,—быстро пустѣютъ. За то освѣщенные улицы напояются шумною толпою разодртыхъ по праздничному гражданъ, окруженныхъ своими семействами,—кто спѣшитъ въ театръ, кто продолжаетъ прерванное времяпрепровожденіе въ паркахъ и загородныхъ гуляньяхъ тѣмъ безотчетнымъ, но приятнымъ фланированіемъ, машинальнымъ разглядываніемъ освѣщенныхъ домовъ, кофейнъ и ресторановъ, которые съ закатомъ солнца снова открываютъ свои гостепримныя помѣщенія проголодавшемуся люду, жаждущему загладить изъязы, нанесенныя его грѣшному тѣлу строгимъ исполненіемъ воскреснаго отдыха, неразрывно связаннаго съ понятіемъ о воздержаніи отъ пища.

Чѣмъ больше узнаешь англійское житье-бытье на мѣстѣ, а не судишь о великомъ народѣ по нѣкоторымъ, болѣе или менѣе уродливымъ экземплярамъ шелопаевъ, наводняющихъ періодически извѣстныя мѣстности на континентѣ, тѣмъ скорѣе привитые взгляды о свойствахъ островитянъ теряютъ свое право на существованіе. Всѣ наносныя, легкомысленно принятыя на вѣру сужденія фельетоннаго характера о британскихъ чудачествахъ и порокахъ быстро испаряются, такъ какъ «яко воскъ передъ лицомъ огня», когда приходится провѣрять на дѣлѣ основательность ходячихъ мнѣній объ этой замѣчательной расѣ крѣпкихъ людей, полныхъ энергіи и настойчивости, созданныхъ для борьбы и ищущихъ ея на всѣхъ поприщахъ, гдѣ человѣческій умъ и знаніе проявляютъ себя во внѣшнемъ мірѣ. Напротивъ, добросовѣстный туристъ, чуть не противъ воли, научается уважать этотъ народъ, у котораго показная сторона не играетъ никакой роли, жертвуя ею солиднымъ достоинствомъ, простотѣ и основательности. Невольнымъ уваженіемъ проникаешься къ осмѣянному, нелюбимому на континентѣ Джону Булю. Вопросъ о томъ, достоинъ-ли онъ любви или нѣтъ—меня мало интересуеть, я его считаю правдымъ, но во многомъ

подражать ему очень даже не кѣшается. Есть чему научиться и позаимствоваться у грузнаго, ни въ комъ не заискивающаго, упитаннаго Джона Буля, доказывающаго на практикѣ вѣковѣчную основательность русской народной пословицы: «Не красна изба углами, а красна пирогами».

Перехожу къ описанію одного изъ самыхъ типическихъ проявленій общественной жизни страны—засѣданія парламента.

П. Левенсонъ.

(Продолженіе будетъ).

* * *

Я отдалъ все моиѣ скорбямъ,
Питомцамъ поправной свободы...
Какъ бѣдный пахарь—по полямъ
Суровой сѣверной природы

Въ туманъ и дождь ненастныхъ дней
Я силы юности разсѣялъ...
И что жъ взростилъ я, что взлелѣялъ
На нивѣ сумрачной моей?...

Какъ инокъ, съ дѣтства обреченный
Стѣнамъ обители нѣмой,
Въ нуждѣ, въ скорбяхъ, въ тоскѣ бездонной
Я несъ печальный жребій мой;

Уздой холоднаго сознанья
Въ дни грезъ и милой суеты
Я укрощалъ мои желанья,
Я подавлялъ мои мечты.

Я пѣлъ народа скорбь и муки;
 Въ годину бѣдствій и скорбей
 Лишь рыдающіе звуки
 Моихъ печальныхъ тропарей.

Я зналъ друзей,—они внимали
 Моей тоскѣ, моей печали.
 Но сколько было васъ, друзья?—
 Я сотнямъ пѣлъ, но есть миллионы—
 Увы!—имъ чужды эти стоны,
 Имъ непонятна рѣчь моя.

Для нихъ—увы!—языкъ отчизны
 Спокойнъ вѣковъ звучалъ кругомъ
 Лишь поношеній, укоризны,
 Вражды и злобы языкомъ...

Могуча сила знанья, свѣта,—
 И день за днемъ на встрѣчу ей
 Толпа запуганная эта
 Съ любовью шлетъ своихъ дѣтей.

Но въ дни тяжелыхъ испытаній,
 Въ больныхъ, измученныхъ сердцахъ
 Встаетъ тоска былыхъ страданій,
 Обидъ минувшихъ гнетъ и страхъ,—

И внемлють съ робкою тоскою
Призываю пѣсни нѣ чужой,
Какъ водъ вьютъ за стѣной
Въ полночный часъ дѣтя больное...

С. Фругъ.

**За недостаткомъ мѣста „Приложеніе“
отложено.**

ДУБРОВНЕНСКАЯ КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

Въ послѣднее время кустарная промышленность въ Россіи обратила на себя вниманіе многихъ русскихъ людей, и преимущественно ученыхъ и специалистовъ по этой части. Этими послѣдними предпринимаются поѣздки въ тѣ районы, гдѣ наиболѣе всего развита кустарная промышленность, дѣлаются на мѣстѣ изслѣдованія по каждой отдѣльной отрасли производства, собираются матеріалы, — и изслѣдователи приходятъ къ тѣмъ или инымъ выводамъ на основаніи статистическихъ данныхъ и знакомятъ потомъ русскую читающую публику съ тѣмъ, что до сего времени было ей неизвѣстно или мало извѣстно. Такія научныя изслѣдованія въ послѣднія 10 лѣтъ были произведены въ районахъ Московской и Владимірской губ. и въ нѣкоторыхъ другихъ — преимущественно центральной полосы Россіи. Я счелъ съ своей стороны нужнымъ, по многимъ причинамъ, ознакомить еврейскую читающую публику съ одною отраслью кустарной промышленности, съ которою, вѣроятно, многіе детально не знакомы. Это — производство «талесовъ». Уже одно то заслуживаетъ вниманія, что производство «талесовъ» находится исключительно въ рукахъ евреевъ, сосредоточено въ одномъ изъ глухихъ мѣстечекъ еврейской черты осѣдлости и по количеству и качеству издѣлій удовлетворяетъ не только всему еврейскому населенію нашего отечества, но вывозится также и за границу, даже и въ Америку. Но едва-ли не важнѣе всего этого — экономическое положеніе еврей-кустаря, положеніе, которое едва-ли можно назвать нормальнымъ. Быть можетъ, ближайшее знакомство съ положеніемъ этихъ кустарей

заставить многих¹ по мѣрѣ возможности облегчить участь нѣсколькимъ сотнямъ еврейскихъ семействъ. Въ заключеніе я долженъ прибавить, что все описываемое мною ниже не грѣшить ни преувеличеніемъ, ни вымышленностью, и отнюдь не есть воспроизведеніе слышаннаго, а составляетъ извлеченіе изъ матеріаловъ, собранныхъ мною въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ на мѣстѣ, при непосредственномъ соприкосновеніи съ бытомъ тамошнихъ кустарей.

I.

Подраздѣленіе рабочихъ-кустарей.—Техническіе приемы и орудія, употребленіе кустарями.—Условія сбыта продуктовъ и приобретеніе матеріаловъ.—Занятія кустарей.

Первымъ и чуть-ли не единственнымъ (въ Шкловѣ и Мстиславѣ имѣется очень незначительное число ткачей) мѣстомъ производства шерстяныхъ «талесовъ» въ Россіи—мѣстечко Дубровна, Горецкаго уѣзда, Могилевской губ. Мѣстечко Дубровна лежитъ въ 38 верстахъ отъ уѣзднаго города Горки и въ 17 верст. отъ другого уѣзднаго города—Орша и расположено по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра, но главнымъ образомъ по лѣвому берегу и при рѣчкахъ Дубровенкѣ и Свинкѣ. Мѣстечко это ничуть не лучше и не хуже многихъ другихъ мѣстечекъ раіона, называемаго «чертой осѣдлости». Издали оно производитъ видъ большого, разбросаннаго на довольно значительномъ пространствѣ села; но подѣзжая поближе, вась неприятно поражаетъ пустынный, унылый и мертвый видъ этого нищенскаго городка. На улицахъ—ни живой души; грязь непролазная²; то тутъ, то тамъ виднѣется маленькая, низенькая и полуразрушенная избушка, крытая соломой,—это жилища кустарей. Среди ихъ рельефно выдѣляются 3—4 дома—большіе, просторные, обшитые тесомъ и окрашенные снаружи. Эти послѣдніе принадлежатъ мѣстнымъ тузамъ-фабрикантамъ. Кромѣ незначительнаго числа евреевъ-лавочниковъ, шинкарей, ремесленниковъ, все остальное населеніе составляютъ еврей-кустари, въ количествѣ слишкомъ 2,000 человекъ. Когда и какимъ образомъ возникъ здѣсь этотъ промыселъ,

¹ Мнѣ извѣстно изъ вопль достовѣрнаго источника, что „Общество распространенія ремесленнаго и земледѣльческаго гурда среди евреевъ въ Россіи“ намерено оказать имъ помощь.

² На нѣкоторыхъ улицахъ и лѣтомъ, въ сильныя жары, грязь не высыхаетъ.

трудно определить, и нѣтъ никакихъ данныхъ, чтобы составить исторію этого промысла въ Дубровнѣ; известно только, что въ 1750 г. здѣсь была основана талесная фабрика. Нужно, однако, замѣтить, что фабрика существуетъ только на бумагѣ, а на самомъ дѣлѣ никакой фабрики здѣсь нѣтъ, а есть только кустарный промыселъ. Основываясь на сообщеніяхъ мѣстныхъ старожиловъ, можно сказать, что промыселъ этотъ существуетъ здѣсь съ очень давнихъ временъ, и притомъ постановка этого дѣла теперь та же, что и 100 лѣтъ тому назадъ: тотъ же патриархальный ткацкій станокъ, тѣ же безхитростныя и прочія орудія и тѣ же первобытные приемы. Тѣмъ не менѣе издѣлія здѣшнихъ кустарей отличаются тонкостью, изяществомъ отдѣлки и прочностью ткани. Число рабочихъ семей простирается здѣсь до 600, а средняя величина семьи отъ 3—5 человекъ; работаютъ всѣ, безъ различія пола и возраста: мужчины, женщины, старики, подростки и дѣти. Сообразно тѣмъ метаморфозамъ, которымъ подвергается каждый «талесъ» до полной его отдѣлки, здѣсь существуетъ 4 вида рабочихъ: красильщики, ткачи, мойщики и брѣйщики¹. Торговля же «талесами» сосредоточена въ рукахъ 3—4 торговцевъ, у которыхъ имѣются въ болѣе или менѣе крупныхъ центрахъ свои агентуры, а также и такъ называемые здѣсь «мешудохимы», т. е. лица, которыя сами развозятъ этотъ товаръ по городамъ и мѣстечкамъ. На каждого торговца работаетъ известное число кустарей. Наиболѣе крупные изъ нихъ, напр., Н. С. и З. У., имѣютъ каждый до 200 рабочихъ семей. Кромѣ обыкновенной шерстяной пряжи², а отчасти и шелку, необходимой принадлежностью каждого «талеса» является еще «штейдесъ», т. е. тѣ же шерстяныя нити, но окрашенныя въ темно-синій цвѣтъ. Это-то окрашивание и производится красильщиками. Технические приемы и орудія, употребляемые красильщиками, весьма просты, и потому не буду останавливаться на нихъ. Замѣчу только, что отсутствіе всякихъ знаній по этой спеціальности и какихъ бы то ни было орудій весьма затрудняетъ это дѣло, а потому и работа эта производится исключительно взрослыми. При этой работѣ требуются

¹ Этотъ спеціализацией труда и объясняется, по моему мнѣнію, совершенство здѣшнихъ издѣлій кустарей.

² Весь этотъ сырой матеріалъ закупается торговцами отчасти въ Москвѣ и отчасти въ Лодзи, а лучшіе сорта шерсти импортируютъ они изъ-заграницы.

извѣстная сноровка, навыкъ и умѣнье, приобретаемые продолжительною практикой, — напр., при данномъ количествѣ шерсти *уладать* общее количество краски, составъ ¹ и взаимное отношеніе красокъ другъ къ другу, чтобъ получился требуемый цвѣтъ шерсти; кромѣ того всѣ отдѣльныя нити должны быть равномерно окрашены и не должны быть спутаны между собой послѣ просушки мотковъ. Вся эта работа производится руками, по отсутствію какихъ либо приспособленій, и красильщика всегда можно узнать по темно-синимъ естественнымъ перчаткамъ на его рукахъ: краска почти никогда не смывается и притомъ дѣйствуетъ такъ сильно, что на рукахъ часто слѣзаетъ кожа. Кромѣ того краски эти распространяютъ особый, специфическій запахъ, до того ѣдкій, что непривычный человѣкъ просто задыхается въ этой атмосферѣ; даже рабочій, съ своимъ притупленнымъ, вслѣдствіе привычки, обонаніемъ, во время работы едва выносить этотъ запахъ ². Теперь можно себѣ представить положеніе семьи такого рабочаго, которая ѣсть, пьетъ, спитъ и отдыхаетъ въ той же самой комнатѣ, гдѣ производится эта работа (хатки большею частью состоятъ изъ холодныхъ сѣней и одной жилой комнаты). Стоитъ только взглянуть на такого красильщика, чтобы сейчас же понять, какъ и чѣмъ онъ питается и какимъ воздухомъ онъ дышитъ. Это — худой, сгорбленный, преждевременно состарѣвшійся человѣкъ, съ желтымъ, какъ пергаментъ, лицомъ, которое часто отлиываетъ синимъ цвѣтомъ, со всклокоченными волосами и синеваатою бородой; но если щеки не отливаютъ особымъ румянцемъ, за то глазныя вѣки отличаются довольнотаки замѣтной краснотой. Не скажу утвердительно, но полагаю, что ядовитые пары отъ растворенныхъ въ водѣ красокъ, поднимающіеся надъ котломъ во время кипѣнія воды — главная причина болѣзни глазныхъ вѣкъ у красильщиковъ. Теперь посмотримъ, какъ великъ заработокъ красильщика. Въ теченіе 1—2 сутокъ обыкновенный работникъ можетъ окрасить ¹/₂ фунта или приблизительно 18 мотковъ шерсти, а съ мотка онъ получаетъ по 6 коп. за окраску; принимая во вниманіе, что всѣ необходимыя для этого матеріалы — на счетъ красильщика, какъ краски, дрова, вода и проч., то окажется, что чи-

¹ Въ составъ красокъ входитъ въ значительномъ количествѣ и индigo.

² Достаточно прибавить, что, проходя по улицѣ близъ того дома, гдѣ живетъ красильщикъ, приходится закрывать носъ.

стаго заработку на его долю приходится 36—40 к. въ день. Если же въ семьѣ работаютъ мужъ, жена и еще ктонибудь изъ взрослыхъ членовъ семьи, то такая семья можетъ заработать 2 р.—2 р. 50 к. въ недѣлю или 8—10 р. въ мѣсяцъ. Въ самомъ счастливомъ случаѣ, т. е. когда семья немногочисленна, она перебивается кое-какъ изо дня въ день, но при многочисленности семьи (что всего чаще бываетъ) ей приходится жить впроголодь. Теперь становится понятнымъ, почему красильщикъ имѣетъ такой жалкій видъ и почему онъ состарился преждевременно; впрочемъ, въ этомъ послѣднемъ съ красильщиками конкурируютъ и представители всѣхъ прочихъ группъ кустарей.

Вторая группа, самая значительная по своему количеству среди кустарей—ткачи. Вслѣдствіе своей многочисленности (до 600 семей), а также вслѣдствіе того, что трудъ ткача гораздо менѣе оплачивается, чѣмъ трудъ прочихъ кустарей, они обращаютъ на себя особенное вниманіе. Среди ткачей работаютъ положительно всѣ, даже дѣти 6—7-ми лѣтняго возраста. Дѣтятъ обыкновенно поручаютъ разматываніе мотковъ въ одну нить и затѣмъ наматываніе нити на катушки. Для этого употребляется весьма незатѣйливый приборъ, состоящій изъ 2 одинаковыхъ палочекъ, скрѣпленныхъ между собою крестна-крестъ. Это импровизированное колесо посредствомъ особой ручки вращается вокругъ горизонтальной оси, прикрѣпленной къ деревянному штативу. Мотокъ шерсти накладывается на это колесо, которое и приводится въ движеніе въ направленіи обратномъ положенію нитокъ въ моткѣ, такъ что мотокъ разматывается въ одну длинную нить, въ свою очередь наматываемую на деревянную катушку. Послѣ этого можно приступить уже къ тканью. Ткетъ обыкновенно отецъ или мать семейства, а иногда и сынъ или дочь, если успѣли научиться этой работѣ; въ послѣднемъ случаѣ ткачъ заводитъ у себя два, а иногда и три станка. Ткацкій станокъ здѣсь самаго патріархальнаго устройства и ничѣмъ почти не отличается отъ обыкновенныхъ ткацкихъ станковъ, какіе можно видѣть въ любой крестьянской семьѣ. Основа натягивается такой длины, чтобъ хватало приблизительно на 10 талесовъ, а затѣмъ ужъ челнокъ дѣлаетъ свое дѣло. По степени доброты шерсти и по степени густоты и плотности вырабатываемой ткани, талесы дѣлятся на слѣдующіе сорта: №№ 50, 55, 60,

65 и 70; самый низшій сортъ № 50, а самый высшій—№ 70. Количество времени, употребляемое на изготовленіе талеса, бываетъ различно и зависитъ отъ № талеса; такъ, напр., изготовленіе талеса № 70 продолжается отъ 5—6 дней, № 65—до 4 дней, № 50—приблизительно $1\frac{1}{2}$ —2 дня. Такимъ образомъ, хорошій ткачъ, работая непрерывно, можетъ изготовить въ недѣлю 3 талеса № 50, или $1\frac{1}{2}$ талеса № 65, или одинъ талесъ № 70. Работаетъ ткачъ съ ранняго утра до поздней ночи, не зная отдыха: некогда ему потягиваться и разминать отекише отъ цѣлаго дневного сидѣнія на одномъ мѣстѣ члены: вѣдь при непрерывномъ и усердномъ трудѣ приходится сухимъ хлѣбомъ перебиваться. И дѣйствительно, заработокъ ткача доведенъ здѣсь до минимума. Замѣчательнъ оригинальный способъ эксплуатаціи кустарей, придуманный здѣшними тузами: онъ выражается въ томъ, что съ бѣднаго ткача 3 шкуры за разъ дерутъ. Ткачъ получаетъ отъ купца шерсть и «тхейлесь» приблизительно на 10 талесовъ и по истеченіи недѣли (расплата производится разъ въ недѣлю—по четвергамъ) приноситъ купцу изготовленные имъ 3 талеса,—скажемъ, № 50. Купецъ покупаетъ эти талесы по 4 руб. за штуку и отсчитываетъ сумму, равную стоимости шерсти и «тхейлесь» такимъ образомъ: мотокъ шерсти, который ему самому стоитъ 4 коп., засчитывается ткачу въ 6 коп.; за «тхейлесь» онъ самъ платитъ красильщику 6 коп. съ мотка, а ткачу онъ считаетъ 10 коп. Благодаря такому счету, на талесъ № 50 шерсть обходится въ 2 р. 50 к., «тхейлесь» въ 60 к.; а ткачу остается получить за работу только 90 коп., а за всѣ 3 талеса 2 р. 70 к.; изъ этой суммы купецъ выдаетъ ткачу наличными только 1 р. или 1 р. 50 к., а въ счетъ остальныхъ денегъ онъ даетъ ему шерсть, считая по такой цѣнѣ, по какой ему заблагоразсудится. Слѣдовательно, купецъ, помимо того, что зарабатываетъ на трудѣ самого ткача, — еще зарабатываетъ и на шерсти и на «тхейлесь». Тутъ со стороны купцовъ разсчетъ тонкій и математически-вѣрный. Не только одинъ ткачъ, но и цѣлая сотня ткачей не въ состояніи на собственные свои средства выписывать себѣ шерсти, потому что наврядъ-ли сотня ткачей обладаетъ запаснымъ капиталомъ въ 100 руб.¹; наконецъ, 100 руб. въ данномъ

¹ Прич. привнеси мѣзъ слѣдующій случай. Жена одного ткача захѣлала или собралась замѣнить тѣсто на хлѣбъ. Хватъ—нѣтъ соли! Побѣжала она по сосѣдямъ,

случаѣ — это капля въ морѣ! Значить, шерсть и «тхейлесъ» ткачи обязательно должны покупать у купца и, какъ мы видѣли, купецъ себя въ обиду не даетъ. Если вычислить приблизительно сколько купецъ зарабатываетъ на этомъ одномъ, то получится весьма почтенная цифра. Готовыя надѣлія свои ткачи опять-таки вынуждены продавать тому же купцу, ибо кто другой станетъ покупать талесы цѣлыми сотнями? Купецъ же хорошо знаетъ, что кромѣ него нѣтъ другихъ покупателей, значить, какую цѣну онъ ни предложитъ, ткачъ долженъ согласиться и еще благодарить его, купца, за то, что тотъ спасаетъ его съ семействомъ отъ голодной смерти.

Сравнительно нѣсколько лучше въ матеріальномъ отношеніи положеніе 3-й группы рабочихъ — мойщиковъ. Объясняется это тѣмъ, что число кустарей-мойщиковъ весьма ограничено: отъ 10—12 семействъ. Мойка талесовъ или, лучше сказать, стирка производится такъ же, какъ и стирка бѣлья, нужно только наблюдать за тѣмъ, чтобы вода, окрашиваемая «тхейлесомъ» въ синій цвѣтъ, въ свою очередь не окрасила бы весь «талесъ» въ тотъ же цвѣтъ. Стиркѣ каждый талесъ подвергается до 6-ти и болѣе разъ, смотря по сорту талеса: тѣмъ сортъ выше, тѣмъ большее число разъ идетъ онъ въ стирку. Чтобъ придать талесу больше бѣлизны, каждый изъ нихъ послѣ стирки подвергается дѣйствию сѣрныхъ паровъ. Для этого въ какомъ нибудь углу комнаты или сѣней устраивается незначительное возвышеніе изъ кирпичей (приблиз. въ $\frac{1}{2}$ арш. выш.), на которомъ и зажигается сѣра, а надъ этимъ развѣшиваются талесы такъ, что образуютъ какъ бы плоскую крышу. Вся комната при этомъ наполняется удушливымъ смрадомъ сѣры, который, проникая повсюду, положительно отравляетъ жизнь мойщику и всей его семьѣ. Лѣтомъ при этой операциіи растворяютъ двери и окна и комнатный воздухъ освѣжается наружнымъ, но зимою жизнь ихъ невыносима. За то заработокъ мойщика гораздо больше заработка ткача. Трое рабочихъ могутъ изготовить въ недѣлю 100—125 талесовъ. Плата бываетъ различная: съ талеса №№ 50 55, 60—12 коп.; № 65—15 к.; № 70—до 25 к. Всѣ матеріалы идутъ на счетъ мойщика и стоимость матеріала на 1 талесъ равняется

чтобы придать у кого нибудь 2 коп., но у сосѣдей такого запаснаго капитала не оказалось; пришлось съ большимъ трудомъ вымарать въ лавочкѣ въ долгахъ фунтъ соли.

приблизительно 8 коп., такъ что чистый заработокъ семьи, состоящей изъ 3 взрослыхъ рабочихъ, доходить до пяти руб. въ недѣлю,—почти вдвое, чѣмъ заработокъ у ткача.

Теперь поговоримъ о четвертой и послѣдней группѣ кустарей—о брѣйщикахъ. Для бритья «талесовъ» употребляется особый станокъ съ двумя продольными перекладинами, къ которымъ въ поперечномъ направленіи прикрѣпляются два свободно вращающихся валька: одинъ на одномъ концѣ станка, другой—на другомъ. Посредствомъ деревянныхъ затычекъ (палочекъ) свободное вращеніе этихъ вальковъ можетъ быть задержано. При бритьѣ одинъ конецъ «талеса» прикрѣпляется къ одному вальку, а другой конецъ его наматывается на второй валекъ такъ, что «талесъ» на всемъ протяженіи между двумя этими вальками бываетъ туго натянутъ. Брѣются талесы на-сухо прямоугольнымъ широкимъ и острымъ ножомъ. Когда рабочій обрѣтъ эту туго-натянутую часть талеса, онъ точно такимъ же образомъ приспособляетъ къ бритью слѣдующую часть и т. д. При бритьѣ срѣзываются тончайшіе шерстяные «волосы» и ткань вмѣсто прежняго мохнатого вида получаетъ видъ шелковистый, гладкій на ощупь; на общемъ сѣроватомъ фонѣ талесной ткани выдѣляются еще кромѣ того свѣтлые рисунки, такъ называемое moiré (волнистый видъ). Сбритые части волосъ разсыиваются по всей комнатѣ и скопляются въ видѣ сѣроватой, густой пыли повсюду: на потолкѣ, на стѣнахъ, на окнахъ и главнымъ образомъ на полу, гдѣ и образуютъ цѣлыя кучи. Собранныя въ значительномъ количествѣ, эта своеобразная пыль отсылается на суконныя фабрики, гдѣ, вѣроятно, находятъ для себя извѣстное примѣненіе. Обритый талесъ складываютъ въ нѣсколько разъ, обвертываютъ его бумагой и кладутъ въ «прессъ», въ общемъ напоминающій собою простѣйшаго устройства гидравлической прессъ, съ тою только разницею, что вмѣсто поршня въ данномъ «прессѣ» устроенъ нагнетательный винтъ. Подъ давленіемъ этого винта «талесъ» находится въ теченіе сутокъ, послѣ чего его вынимаютъ оттуда вполне выглаженнымъ, готовымъ въ продажу. Бритья требуетъ большого искусства и навыка и непривычный къ этому дѣлу человекъ не оставитъ на талесѣ и одного цѣльнаго мѣста; этой работой занимаются исключительно мужчины и то не моложе 18—20 лѣтъ. Работа производится только стоя, съ согнутою впередъ верхнею частью корпуса и сильнымъ напряженіемъ мышцъ. Въ подобномъ на-

прятанномъ состояніи кустарь-брѣйщикъ долженъ пребывать въ теченіе 16—18 ч. въ сутки. Но что особенно поражаетъ посторонняго зрителя, присутствующаго въ первый разъ при этой работѣ,—это пыль, которая дѣлится густыми облаками носится по комнатѣ, проникая въ уши, ноздри, глаза и легкія. Я самъ никогда не забуду впечатлѣнія, испытаннаго мною, когда я присутствовалъ въ первый разъ во время работы. Комнатка маленькая, съ низкимъ потолокомъ, закопченнымъ донельзя; кромѣ рабочихъ станковъ мебели никакой нѣтъ; стѣны, окна, потолокъ—покрыты густымъ слоемъ пыли; на полу тоже большія кучи пыли, въ воздухѣ носится та же пыль; грязь, вонь, духота нестерпимая: я буквально чуть не задохся тамъ. Недаромъ брѣйщики-работчіе говорятъ: «наѣдаемся пыли — и ѣсть не хочется». Заработокъ кустарей-брѣйщиковъ ничтожный, не смотря на то, что брѣйщиковъ—ограниченное число, всего 20—25 семей. Причиной этому то, что брѣйщики берутъ работу не изъ первыхъ рукъ, подобно остальнымъ группамъ кустарей, а изъ вторыхъ рукъ, а эти послѣдніе за свое посредничество оставляютъ себѣ ни больше, ни меньше, какъ половинную плату за трудъ. Такихъ посредниковъ 2 и они держатъ у себя въ кабатѣ остальныхъ своихъ братьевъ-брѣйщиковъ. Эти два посредника получаютъ отъ купцовъ на бритые талесы и сдаютъ ихъ своимъ «работчимъ» (у каждаго по 10—12 человекъ) и платятъ имъ половину этой суммы, что сами получаютъ отъ купцовъ. Вотъ дѣйствительныя цѣны. Плата, получаемая посредникомъ отъ купца съ талеса № 50—25 к., № 55—30 к.; № 60—32 к.; № 65—50 к.; № 70—60 к. Плата, получаемая рабочимъ отъ посредниковъ: № 50—12 к.; № 55—15 к.; № 60—16 к.; № 65—25 к.; № 70—30 к. Насколько въ данномъ случаѣ эксплуатируется трудъ рабочаго, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра: у А. работаетъ 10 человекъ брѣйщиковъ, каждый изъ нихъ можетъ приготовить въ день 4—6 шт. талесовъ № 50; если возьмемъ за среднее число 5, то всѣ 10 человекъ готовятъ въ день 50 тал., т. е. на сумму въ 12 р. 50 коп. При существующихъ условіяхъ всѣ 10 человекъ получаютъ 6 руб. или 60 к. каждый, а хозяинъ самъ получаетъ 6 р. 50 к., т. е. въ 10—11 разъ больше каждаго изъ нихъ, даже въ томъ случаѣ, если онъ самъ работать не будетъ.

Для скорѣйшаго и удобнѣйшаго сбыта купцы имѣютъ по большимъ городамъ своихъ агентовъ, а по мѣстечкамъ и неболь-

шимъ городамъ—такъ называемыхъ офаней (по мѣстному: *meschulochim*). Они получаютъ определенное мѣсячное жалованіе отъ купцовъ и особе на проѣздъ и содержаніе въ пути. Не слѣдуетъ умолчать также и о слѣдующемъ фактѣ. Извѣстно, что въ послѣднее время какъ жизненные припасы, такъ и многіе другіе предметы подвергаются въ значительной степени фальсификаціи; не избѣгли этой участи и «талесы». Какъ я уже говорилъ раньше, каждый талесъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ половинокъ; въ продажу очень часто идутъ талесы, состоящіе изъ двухъ половинокъ различной цѣнности: напр., одна половина № 50, а другая—№ 55, или № 55 и № 60. Такой талесъ обходится купцу, конечно, гораздо дешевле, а покупатель и не подозреваетъ, что одна половина талеса лучше другой; къ тому же, въ большинствѣ случаевъ, человѣкъ незнакомый съ этимъ дѣломъ не такъ легко отличить одинъ сортъ отъ другого. Даже купцу, сжившемуся, такъ сказать, съ талесомъ, трудно бываетъ отличить одинъ сортъ отъ другого послѣ того, какъ талесъ уже совсѣмъ готовъ, а потому онъ и дѣлаетъ свои мѣтки и значки на «талесахъ» еще до мытья и бритья ихъ. Само собою разумѣется, что высшій сортъ отъ самыхъ низшихъ какъ, напр., № 70 или 65 отъ № 50—всякій и всегда можетъ отличить.

II.

Физическое, умственное и нравственное состояніе кустарей.—Заключеніе объ общемъ состояніи и вѣроятной судьбѣ промисла.

Въ предыдущей главѣ я коснулся отчасти вліянія каждой отдѣльной специальности даннаго производства на физическое развитіе кустарей, а теперь я постараюсь поговорить объ этомъ болѣе подробно. Почти всѣ кустари, за рѣдкимъ исключеніемъ, не могутъ похвалиться ни естественнымъ физическимъ развитіемъ, ни нормальнымъ здоровьемъ; всѣ кустари—худощавые, изнуренные, съ лицомъ изжелта-блѣднымъ, покрытымъ цѣлою сѣтью преждевременныхъ морщинъ. Большинство изъ нихъ страдаетъ грудными болѣзнями, а нѣкоторые вдобавокъ къ этому страдаютъ еще и болѣзнями глазъ; то же самое можно сказать и о женщинахъ. Естественно, что такіе родители должны производить на свѣтъ дѣтей слабыхъ, хилыхъ, предрасположенныхъ къ груднымъ болѣзнямъ, и въ дѣйствительности оно такъ

и замѣчается. Въ мѣстномъ начальномъ училищѣ, гдѣ большій контингентъ учащихся составляютъ дѣти кустарей, это замѣтно слишкомъ даже рельефно: при первомъ взглядѣ бросается въ глаза разница между дѣтьми кустарей и дѣтьми, которыхъ родители занимаются какими нибудь другими профессіями. Въ то время, какъ дѣти послѣдней категоріи вполне нормально развиты и отличаются здоровьемъ, веселостью и бойкостью, дѣти второй категоріи страдаютъ полнымъ отсутствіемъ нормальнаго физическаго развитія: блѣдныя, сухощавыя, съ узкою, вплою грудью, и либо низкорослыя «коротышки», или же переросшія себя, неестественно вытянувшись въ длину. Первые кромѣ того отличаются подвижностью—вообще всѣмъ тѣмъ, что такъ присуще дѣтскому возрасту, а вторыя—всегда унылы, мрачны какъ-то и серьезны и не чувствуютъ особаго влеченія ни къ дѣтскимъ шалостямъ, ни къ веселымъ и забавнымъ дѣтскимъ играмъ. Кстати нужно прибавить, что не всѣ дѣти кустарей настолько счастливы, чтобы поступить въ училище, или если поступили, чтобы пройти весь училищный курсъ. Ошибочно было бы искать причину этого явленія или въ несостоятельности этого училища, или же въ отсутствіи совнанія полезности этого учрежденія: училище это, подвѣдомственное министерству народ. просвѣщ., выполняетъ свое назначеніе какъ нельзя лучше; населеніе тоже успѣло убѣдиться насколько это учрежденіе для него полезно и насколько грамотный человекъ имѣетъ больше преимуществъ передъ неграмотнымъ. Тутъ весь вопросъ сводится къ тому, что училище прибавляетъ, такъ сказать, семьѣ лишній ротъ и отнимаетъ у нея пару маленькихъ рабочихъ рукъ. Эти маленькіе «старички» едва только научаются кое-какъ читать и писать по-русски, выходятъ изъ училища и принимаются за трудъ, который при данной постановкѣ этого дѣла долженъ окончательно разрушить ихъ и безъ того распатанный организмъ. Причины, вызвавшія такое физическое вырожденіе среди кустарей, весьма многообразны.

1) Антигигіеническая домашняя обстановка. Вся семья кустаря, часто довольно многочисленная, помѣщается въ маленькой, низенькой хаткѣ въ одну, рѣдко въ двѣ комнатки; у ткачей половина комнатки занята станкомъ. Очень часто по сосѣдству съ жилой комнатою, тутъ же въ сѣняхъ, помѣщается и домашній скотъ кустаря, какъ, напр., коза, а у нѣкоторыхъ счастливецъ— и коровка.

2) Физическое переутомленіе. Чрезмѣрное напряженіе мышечной силы вызываетъ значительнымъ числомъ рабочихъ часовъ въ день, напр., 17—18 ч. въ сутки. Понятно само собою, что еслибъ трудъ хоть немного болѣе оплачивался бы, то не пришлось бы работать столько времени, сколько приходится работать имъ теперь.

3) Первобытные техническіе приемы, незнаніе свойствъ продуктовъ, употребляемыхъ въ данномъ производствѣ; какъ уже упомянуто было раньше, красильщики страдаютъ болѣзнями глазныхъ вѣкъ, брѣйщики и мойщики—болѣзнями легкихъ;

и 4) Питаніе. Пищу кустарей составляетъ одинъ только сухой хлѣбъ съ водою, иногда на ужинъ подается похлебка или щи—постнымъ, конечно, а въ рѣдкихъ случаяхъ и селедка; по буднямъ мясо и въ домъ не вносится, а по субботамъ на всю семью подается $\frac{1}{2}$ —1 ф. вывареннаго мяса, да и то не всегда. Обыкновенное и наиболѣе употребительное блюдо среди кустарей—«кулага» или «кулай». Это ничто иное, какъ каша, сваренная изъ ржаной муки, которая въ остывшемъ видѣ напоминаетъ собою обыкновенное «желе». Мнѣ эта «кулага» очень не понравилась на вкусъ и я съ большимъ трудомъ проглотилъ первую «пробную» ложку этого гастрономическаго блюда, хотя кустари находятъ его довольно вкуснымъ. Понятно, что такого рода пища не отличается значительною питательностью, и только удивляешься, откуда берется у нихъ сила на такой тяжелый повседневный трудъ! Еще большая воздержанность существуетъ въ отношеніи напитковъ не только по буднямъ, но и по субботамъ и праздничнымъ днямъ, за исключеніемъ, можетъ быть, годовыхъ праздниковъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я не встрѣчалъ ни одного кустаря-еврея въ пьяномъ видѣ. Вслѣдствіе этого среди кустарей никогда не замѣчается никакихъ буйствъ, дракъ или иныхъ какихъ либо безобразій.

Субботніе и праздничные дни они (какъ и всякій, впрочемъ, благовѣрный еврей) посвящаютъ отдыху, молитвѣ и чтенію священныхъ книгъ, такъ какъ всѣ они глубоко религіозны. Глубокая и твердая вѣра въ Промыслъ Божій, поддерживавшая отцовъ и дѣдовъ ихъ, поддерживаетъ теперь и сыновей на ихъ трудномъ жизненномъ пути. Еще одна черта характера кустарей, достойная вниманія, это—добродушіе и готовность каждаго изъ нихъ послѣдними своими крохами по-

дѣлаться со своимъ братомъ-бѣднякомъ. Недаромъ, вѣроятно, говорятъ у евреевъ, что всякій готовъ быть благотворителемъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ бѣденъ... Тяжелая нужда наложила свою печать и на нравственный обликъ кустаря: это— существо приниженное, забитое и трусливое; съ лица его никогда не сходитъ выраженіе страха и опасенія за завтрашній день. И дѣйствительно, кустарь готовъ даже помириться и съ бѣдностью, и съ непосильной работой, но не можетъ помириться съ мыслью очутиться безъ крова и пищи по одному только случайному капризу богача. Они, такъ сказать, нравственно страдаютъ вслѣдствіе того, что сами хорошо *сознаютъ* свое настоящее положеніе и *не видятъ* никакого *исхода* въ будущемъ. Дубровенскій кустарь-еврей находится въ гораздо худшихъ условіяхъ, чѣмъ какой бы то ни было кустарь-русскій или даже фабричный рабочій. Какойнибудь фабричный рабочій всегда можетъ подыскать себѣ занятіе при условіяхъ, исполнѣе обеспечивающихъ ему насущный кусокъ хлѣба, или, наконецъ, если ему не понравится жить на одной какой-нибудь фабрикѣ, онъ можетъ поступить на другую, на третью и т. д., пока не принцетъ себѣ подходящаго мѣста. Въ Россіи кустарная промышленность служитъ во многихъ мѣстахъ только подспорьемъ къ земледѣлію, слѣдовательно, кустарь обеспеченъ хлѣбомъ; въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ кустарная промышленность является единственнымъ средствомъ для жизни, кустарь тоже является наиболѣе обеспеченнымъ: во 1-хъ, продукты производства этихъ кустарей могутъ себѣ найти сбытъ вездѣ и повсюду, такъ какъ употребленіе этихъ продуктовъ не ограничивается ни національностью, ни возрастомъ, ни временемъ, какъ употребленіе продуктовъ кустарей-талесниковъ; и во 2-хъ, на помощь этимъ кустарямъ приходитъ общество и государство. Закономъ 21 марта 1888 года опредѣлено: ежегодно, въ теченіе 3-хъ лѣтъ, отпускать министерству государственныхъ имуществъ по 35,000 руб. для воспособленія кустарной промышленности. Финляндія даже ассигновала на это дѣло 500,000 марокъ.

Министерство государственныхъ имуществъ внесло уже въ государственный совѣтъ проектъ мѣръ къ поддержанію и развитію кустарной промышленности въ Россіи. Въ числѣ проектированныхъ мѣръ предусмотрено также и учрежденіе мал-

кихъ кустарно-промышленныхъ банковъ (газета «Свѣтъ», 79, 90 г.). Теперь спрашивается, что дѣлать бѣдному еврею-кустарю, который, въ силу обстоятельствъ, кромѣ своего станка, ни къ чему другому не годенъ? Могутъ-ли они просуществовать дольше безъ матеріальной и духовной поддержки извнѣ? Заслуживаютъ-ли вниманія 600 семействъ, въ 2 — 2½ тысячи душъ, назадающихся въ такихъ исключительныхъ экономическихъ условіяхъ?—д., наконецъ, нѣтъ-ли выхода изъ этого положенія?

Отвѣты на всѣ эти вопросы лежатъ сами собою. Пока кустари будутъ оставаться предоставленными себѣ самимъ, пока люди, могущія имъ помочь своимъ умственными превосходствомъ и специальными познаніями, не перестанутъ равнодушно смотрѣть на бѣдственное положеніе своихъ братьевъ— до тѣхъ поръ положеніе ихъ останется такимъ же, если не ухудшится еще больше.

Но разъ эти условія будутъ устранены, возможенъ будетъ и выходъ. Выходъ этотъ — артель, на что указываетъ и г. М. В. въ статьѣ, помѣщенной имъ въ «Экономическомъ Журналѣ» за 1885 г. Вотъ какъ выражается объ «артели» г. Исаевъ: «Для поддержанія и упроченія кустарной промышленности представляется намъ и многимъ другимъ лицамъ, соприкасавшимся съ кустарными промыслами — артель. Эта мѣра наиболѣе важная и коренная: только эта форма обезпечиваетъ интересы широкаго круга производителей, а не ограничивается доставленіемъ выгодъ отдѣльнымъ лицамъ»¹. Слѣдовательно, единственнымъ и самымъ радикальнымъ средствомъ является артель; но для выполненія этой задачи необходимо сочувствіе и содѣйствіе извнѣ, необходима помощь матеріальная и нравственная и, что всего важнѣе, необходимъ инициаторъ. Самое существованіе этого промысла вполне обезпечено: нельзя предполагать ни кризиса въ этомъ родѣ производства, ни сокращенія сбыта, ибо промыселъ этотъ тѣсно связанъ съ религіозною жизнью еврейскаго народа — значить существованіе даннаго промысла обусловливается существованіемъ еврейской національности и іудейской религіи.

¹ Подробности объ устройствѣ артелей, см. Исаевъ: „О мѣрахъ къ развитію артельного производства“, 1882 года.

Починъ въ дѣлѣ оказанія помощи дубровненскимъ кустарямъ и въ урегулированіи этого промысла должно сдѣлать «Общество распространенія земледѣльческаго и ремесленного труда среди евреевъ въ Россіи», такъ какъ это дѣло воиной подходить къ цѣлямъ и задачамъ названнаго общества. До осуществленія этой задачи (устройства артели) пройдетъ, конечно, не мало времени, не мало также трудовъ и энергіи придется употребить инициаторамъ этого дѣла, но за то тѣмъ больше будетъ и заслуга ихъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка я позволю себѣ предложить одинъ совѣтъ. Такъ какъ въ данномъ производствѣ существуютъ 4 отдѣльныя стадіи и, какъ я говорилъ выше, 4 отдѣльныя группы кустарей, то естественно вначалѣ озаботиться объ организаціи быта каждой группы въ отдѣльности. Придерживаясь того правила, что всегда легче перейти отъ частнаго къ общему и отъ легкаго къ трудному, нужно начать съ того, чтобъ оказать вначалѣ помощь одной какой либо группѣ, затѣмъ другой и т. д., а потомъ уже связать ихъ въ одно, въ виду общности ихъ интересовъ. Начнемъ хоть съ 4-й группы—съ кустарей-брѣйщиковъ. Какъ извѣстно, брѣйщики, въ числѣ до 20 семей (80 — 100 чел.), находятся въ кабалѣ у двухъ кулаковъ единственно потому, что эти послѣдніе обладаютъ каждый «прессомъ» и что брѣйщики въ общемъ получали бы гораздо больше за трудъ, если бы у нихъ существовалъ бы *свой* собственный «прессъ». Будь у нихъ одинъ или два «пресса» и работай они всѣ вмѣстѣ на равныхъ (артельныхъ) условіяхъ, каждый изъ нихъ работалъ бы сравнительно меньше, зарабатывалъ бы больше и касса артельная могла бы современемъ окупить и издержки, необходимыя для нихъ въ настоящую минуту. Вышеупомянутое «Общество» должно только теперь пожертвовать 2—3 «пресса» на сумму приблизительно въ 300—400 руб. (вѣдь жертвуетъ же «Общество» частнымъ лицамъ швейныя машины и пр. въ 50 р. и болѣе) и опредѣлить взаимныя условія кустарей, въ распоряженіе и пользованіе которыхъ эти прессы будутъ предоставлены, тогда участь этой сотни людей будетъ болѣе или менѣе обезпечена. Точно такимъ же образомъ можно облегчить и участь всѣхъ прочихъ группъ кустарей.

Облегчая и устраивая жизнь нѣсколькихъ тысячъ чело-

вѣки, жертвователи и инициаторы будутъ въ правѣ сказать, что создали себѣ «памятникъ нерукотворный»; общество же во всякомъ случаѣ только выиграетъ отъ этого, такъ какъ оидѣтся меньше нищихъ и больше людей, занимающихся честнымъ физическимъ трудомъ.

Н. В. Г.

Вильга.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИЗЪ ЕВРЕЙСКОЙ МАРТИРОЛОГИИ.

*«Кіевская Старина». Ежемесячный историческій журналъ.
(Годъ девятый, книги I—VIII. Кіевъ, 1890).*

Между русскими историческими журналами *«Кіевская Старина»*—единственный, гдѣ сравнительно часто появляются болѣе или менѣе солидные материалы, виѣющіе отношеніе къ столь мало исследованной исторіи евреевъ въ Россіи. Эти материалы встрѣчаются здѣсь обыкновенно не въ видѣ самостоятельныхъ ученыхъ исследованийъ или специальныхъ монографій, а какъ бы мимоходомъ, въ связи съ различными моментами южно-русской исторіи, подробной разработкѣ которой посвящено названное кіевское изданіе.

Исторія южной Руси, какъ извѣстно, соприкасается въ очень многіхъ важныхъ пунктахъ съ исторіей евреевъ. Въ теченіе двухъ столѣтій, XVII-го и XVIII-го, югъ Россіи представлялъ собою обширное поле битвы, на которомъ постоянно кипѣла борьба національностей и этносоціальныхъ группъ,—борьба ожесточенная, страшная, кровавая. Между двумя главными участниками этой борьбы—поляками и русскими—стояли злополучные евреи, на которыхъ обыкновенно сыпались удары съ обѣихъ сторонъ. Этотъ рѣзкій національный антагонизмъ, лежащій въ основѣ главнѣйшихъ событій южно-русской исторіи, придаетъ послѣдней какой-то особенно мрачный, зловѣщій характеръ и виѣсть съ тѣмъ возбуждающимъ образомъ вліяетъ на настроеніе ея исследователей. Соблюдать историческую объективность и безпристрастіе въ оцѣнѣ событій почти невозможно при такомъ настроеніи. И дѣйствительно, рѣзкая тенденціозность и неуѣстный полемическій задоръ до сихъ поръ еще являются характерными чертами большинства исследованийъ по исторіи южной Руси. Польскіе историки, повѣствуя о главныхъ моментахъ этой исторіи, въ родѣ кровавыхъ движеній дѣльницинны или гайдакщины, обыкновенно сваливаютъ всю вину на «русское звѣрство», на дикій

фанатизмъ «стихотиковъ» (православныхъ), на политическія интриги и т. п.; русскіе же историки въ большинствѣ случаевъ обвиняютъ во всемъ «лиховъ и жидовъ», а жестокосердыхъ украинцевъ выставляютъ блестящими героями, борцами за народную честь, вѣру и свободу. Къ этой категоріи историковъ-украинофиловъ принадлежатъ почти всѣ писатели «Кіевской Старины»; къ ней же принимается и сравнительно еще умѣренный изслѣдователь г. Я. Н. Шульгинъ, выступившій въ этомъ журналѣ, въ послѣднихъ семи книжкахъ, съ обширною монографіею объ исходѣ гайдамацкаго движенія прошлаго вѣка, озаглавленной: «Очеркъ Колевицины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ»¹.

Все научное значеніе новаго изслѣдованія г. Шульгина заключается въ томъ, что авторъ, помимо существующихъ въ печати источниковъ о гайдамачинѣ, пользовался, главнымъ образомъ, однимъ сборникомъ неизданныхъ документовъ, чрезвычайно важныхъ и интересныхъ отчасти официальнаго характера. Это—большая рукописная книга, заключающая въ себѣ «рядъ показаній гайдамаковъ и крестьянъ, судившихся за восстаніе 1768 года передъ польскою военно-судною комиссіею, засѣдавшей въ м. Кодня» («Кіев. Стар.», кн. II, стр. 192). Г. Шульгинъ сдѣлалъ широкое употребленіе изъ данныхъ этой замѣчательной книги, изъ которой онъ извлекаетъ и массу новыхъ фактовъ, и «много мелкнхъ, даже политическнхъ, свѣдѣній, придающихъ событіямъ колевицины болѣе опредѣленный характеръ, чѣмъ они могли имѣть на основаніи данныхъ извѣстныхъ польскихъ мемуаристамъ» (ibidem).

Дѣйствительно, факты «Коднянской книги» (какъ называетъ авторъ свою рукопись) проливаютъ свѣтъ на ту именно сторону гайдамацкаго движенія 1768 года, которая доселѣ оставалась въ тѣни. До сихъ поръ все значеніе колевицины сосредоточивалось на рѣшительномъ ея моментѣ—на «уманьской рѣзнѣ»; но кромя этого рѣшительнаго событія, движеніе 1768 г. ознаменовалось цѣлымъ рядомъ катастрофъ, хоть и менѣе значительныхъ по размаху, но не менѣе важныхъ для исторіи. Вотъ объ этихъ-то катастрофахъ, имѣвшихъ мѣсто въ различныхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ Украины, сообщаетъ намъ много новыхъ свѣдѣній «Коднянская книга». Съ главными гайдамацкими отрядами, устроившими «уманьскую рѣзню», ра-

¹ *Колевициной* (или, правильнѣе, „Коливициной“) принято называть въ малорусской исторіи конечный моментъ гайдамацкаго движенія, а именно: кровавую междуусобицу 1768 года, центральнымъ пунктомъ которой является знаменитая „Уманьская рѣзня“. Коляма называлась въ то время извѣстные отряды гайдамаковъ и разбойничавшихъ крестьянъ.

справилось, как известно, русское правительство; польская же военное-судная комиссия судила и наказывала предводителей и участников восстания, смирившихся в различных маленьких источниках и преимущественно в селениях правобережной Украины. Благодаря этому, в протоколах комиссии только мимоходом упоминается об уманьской катастрофѣ, между тѣмъ какъ кровавые подвиги мелкихъ гайдамацкихъ отрядовъ, «дѣйствовавшихъ» въ сторонѣ отъ центра борьбы, выступаютъ въ этихъ протоколахъ во всѣхъ своихъ ужасающихъ подробностяхъ.

Г. Шульгинъ въ своей монографіи рассматриваетъ порознь, въ двухъ последовательныхъ главахъ, личности и дѣянія вождей восстания—такъ называемыхъ «сатмажковъ», и участіе, которое принимали въ этомъ восстании особы «крестяне». Оставляя въ сторонѣ личность уманьскаго Герострата — *Гонты*, авторъ прямо начинается съ *Максима Жалѣзняка*, котораго «Кодненская книга» (написанная по польски) справедливо именуетъ «główny watazka» и «pryncypal haidamacki». Описываются похождения этого гайдамацкаго генерала, его агитация среди крестьянъ и, между прочимъ, его нападеніе на Богуславъ, гдѣ при разгромѣ города погубило, конечно, не мало и евреевъ. Волѣе внимательно авторъ останавливается на личности другого выдающагося ватажка, *Семена Неживого*, котораго почему-то считаетъ «наиболѣе идейнымъ представителемъ гайдамацкаго движенія 1768 г.» (Кн. III, стр. 400). «Идейность» эту г. Шульгинъ усматриваетъ, между прочимъ, въ томъ, что Неживой «искалъ санкціи своихъ востуновъ (т. е. истребленія поляковъ и евреевъ) въ «указатъ», которые читалъ народу въ увѣренности, что указы эти исходятъ прямо отъ императрицы Екатерины». Настоящимъ авторомъ знаменитыхъ подложныхъ указовъ, повелѣвавшихъ именемъ императрицы избивать «дяковъ и жидовъ», былъ, по всей вѣроятности, извѣстный игуменъ Мотронинскаго монастыря *Мельхиседекъ Значко-Яворскій*, который тайно подстрекалъ гайдамаковъ къ восстанію и даже освящалъ въ монастырѣ ихъ знамена. Первымъ же распространителемъ подложнаго указа или такъ называемой «золотой грамоты» былъ Жалѣзнякъ, явившійся съ нимъ къ казакамъ непосредственно послѣ свиданія съ Мельхиседекомъ¹. Но Жалѣзнякъ зналъ о подложности «золотой грамоты», между тѣмъ какъ Неживой, по ивѣнью г. Шульгина, наравнѣ съ простыми народомъ твердо вѣрилъ въ подлинность царской грамоты.

¹ Срава. „Исторію Россіи“ *Соловьева*, т. XXVII, стр. 296.

Въ подтвержденіе этого, авторъ приводитъ слѣдующій интересный фактъ. «Напалиши съ своею ватагой на городъ Крыловъ польскій и не найдя такъ «а ни единого поляка, также якъ и жиды», и узнавъ, что всѣ они укрылись въ Крыловѣ русскою, гдѣ стоялъ съ своимъ отрядомъ подполковникъ Хорвата,—Неживый, страшно этихъ возмущенный, прямо заявилъ Хорвату: «не знаете, съ какой причины ваше высокородіе оныхъ погановѣрныхъ враговъ и непріятелей ея императорскому величеству, также-жъ и правовѣрныхъ христіанамъ, принимаете; понеже оныя проклятыя жидове весь народъ христіанскій своимъ поганствомъ скверняютъ, то гдѣ вашему высокородію великое награжденіе здѣлали, что оныхъ принимаете?» Ссылаясь, такимъ образомъ, на волю царицы, Неживый въ томъ же письмѣ требуетъ немедленной выдачи поляковъ и евреевъ. Когда же русскій поручикъ при свѣтѣ Хорвата разъяснилъ гайдамацкому ватажку, что евреи и поляки находятся подъ русской защитой, то послѣдній сильно недоумѣвалъ. (Ш, 398; фактъ заимствованъ у Костомарова).

Но если Неживый старался санкціонировать свои разбойничьи набѣги хоть подложными «указами», то третій женоводъ гайдамаковъ, *Яковъ Швачка*, и объ этомъ не заботился, а прямо рубилъ, рѣзалъ и грабилъ безо всякихъ объясненій. Это былъ самый свирѣпый, самый кровожадный истребитель «яковъ и жидовъ». «Его безчеловѣчное отношеніе къ врагамъ,—свидѣтельствуетъ авторъ,—заставляло даже народныхъ пѣвцовъ Украины приходить въ содроганіе» (стр. 409, гдѣ приводится народная пѣсня о Швачкѣ). Больше всего Швачка прославился своимъ разгромомъ города Фастова, гдѣ онъ устроилъ «настоящую человѣческую бойню», заколовъ тамъ въ короткое время болѣе 700 поляковъ и евреевъ, такъ что некуда было дѣвать трупы. Вотъ что гласитъ объ этомъ малорусская народная пѣсня:

Да ходить Швачка да по Хвастомъ
 Да у жовтыхъ чоботахъ;
 Ой вышывалъ жидиць, ой вышывалъ ляхиць.
 Да на панськихъ воротахъ...

Тутъ же воспѣвается и рѣзня, устроенная Швачкой въ Бѣлой Церкви:

Позаганявъ жидиць, позаганявъ ляхиць
 Въ Бѣлу Церкву на стѣло.

Одно имя Швачки электризовало гайдамаковъ, распалляло ихъ фанатизмъ.

тингъ и подвигало на кровавыя дѣла. Одинъ ватажокъ по имени Заяцъ выдалъ себя за Швачку и, благодаря этому, собралъ вокругъ себя многочисленную ватагу, которая съ странною жестокостью разгромила село Игнатовку, куда на ярмарку собралось множество поляковъ и евреевъ. Дѣло было уже послѣ уманьской рѣзни, осенью 1768 г. Подробности этого погрома, доселѣ неизвѣстныя, нынѣ раскрываются въ трудѣ г. Шульгина, который извлекъ ихъ изъ «дѣла», найденнаго въ архивѣ кievскаго губернскаго правленія (Ш, 414—417). Вотъ какъ оно было:

Село Игнатовка находилось на польской сторонѣ, близъ русской границы. Недалекѣ стояло нѣсколько русскихъ военныхъ форпостовъ. Гайдацкому отряду удалось, однако, переправиться черезъ границу, благодаря попустительству одного форпостнаго начальника, Ларскаго, который, получивъ донесеніе, что гайдамаки идутъ, и будучи въ то время въ ньяномъ видѣ, сказалъ: «пускаяй идутъ!» Солдаты же форпостной команды не только не сочли нужнымъ по собственному почину поимать гайдамакамъ житье на счетъ польскихъ жидовъ и пановъ, но даже дополнили вооруженіе ихъ, поодавая имъ копыя свои и ружья. «Являсь въ Игнатовку, гайдамаки первыи дѣломъ столкнулись съ молодыи бѣлгородскимъ попомъ, и онъ, по показанію одного изъ захваченныхъ потомъ русскою властью участниковъ дѣла, *«благословилъ ихъ зрабить»*. Само собою разумѣется, на ярмаркѣ съ появленіемъ гайдамаковъ поднялась и между торговцами, и между пріѣзжавшими покупателями невѣроятная паника... Гайдамаки первыи дѣломъ сочли нужнымъ прочесть всенародно указъ, дозволяющій имъ рѣзать шляхтичей и жидовъ. Указъ былъ врученъ какому-то дяку, и тотъ громогласно прочелъ его. Тогда-то начались рѣзни и грабежи. Изъ погребовъ выкачаны были бочки съ водкой и ее пилъ всякій, кто хотѣлъ. *Убито было не меньше десяти жидовъ*. Затѣмъ гайдамаки съ вновь приставшими къ нимъ ярмарочными гультаями послѣдовательно перебивали въ ближайшихъ къ Игнатовкѣ селахъ—въ Гореничахъ, Лучанкѣ, Петрушахъ, Шпиткахъ, Некрашахъ, повсюду оставляя кровавыя слѣды. Было не мало звѣрскихъ поступковъ. Такъ, Несторъ, служитель ктитора бѣлгородскаго, «будучи гораздо уже пьянъ», лежавшаго близъ шинка новатаго ребенка полѣномъ убилъ, а потомъ кинулся бить полѣномъ же ранѣе убитую мать ребенка—арендарку шинка, «изъ ненависти», какъ сказано въ казенной бумагѣ. А одинъ молодой еврейчикъ не былъ добитъ сразу, и нѣкоторые видѣли, какъ онъ, «книжки за собою волоча и глаза необыкновенно выставляя», кричалъ: «добейте меня!»; нашелся какой-то Лав-

рентьевъ и изъ жалости ударилъ его дубиной по головѣ, чѣмъ прекратилъ страшныя мученія его... Въ грабежѣ, который особенно силенъ былъ въ Игнатовкѣ, принимали участіе не одни гайдамаки, но и ярмарочные гости. Въ числѣ послѣднихъ былъ, между прочимъ, и самъ форпостный поручикъ Лярскій; онъ считъ удобнымъ взять себѣ въ жидовской лавкѣ три пуда свѣжаго сала. Но особенно не положилъ охулки на руки въ данномъ случаѣ молодой бѣлгородскій попъ: онъ ваялъ себѣ большой винокуренный котелъ съ трубами, оловянную посуду, шабачковые подсвѣчники и жидовскія «богомолья» (вѣроятно, *тебулимъ* и *талесъ*), шелковые нагрудники, подушки; сверхъ того, сами гайдамаки дали ему деньгами одинъ рубль за его благословеніе грабить, да еще много хлѣба на бѣлгородскую церковь» (стр. 415—416).

Можно-ли, послѣ этихъ краснорѣчивыхъ фактовъ (а такихъ фактовъ масса), говорить объ «идейной» подкладкѣ гайдамацкаго движенія?.. Намъ кажется, что не только въ случайныхъ проявленіяхъ, но и въ самой основѣ этого движенія лежали одни только грубые инстинкты, прикрывавшіеся ради приличія религіозными и національными стремленіями. Если въ гнѣбнищинѣ (1648—56 г.) лежало еще крошечное зерно «идейности» (хоть тоже весьма неинпатичнаго свойства, ибо все сводилось къ національно-вѣронсповѣдному соперничеству), то въ гайдамачинѣ и этого не было, а была простая деморализація народа, глубоко развращеннаго польскимъ режимомъ, тушимъ фанатизмомъ духовенства, дикою казацкою удаляю и всѣмъ первобытно-варварскимъ строемъ тогдашней Украины... Вѣщнымъ толчкомъ къ проявленію дикихъ страстей, уже ранѣе таившихся въ народѣ, послужили Барская конфедерація и вопросъ о диссидентахъ. «Фанатизмъ греческій и рабскій боролся огнемъ и мечомъ противъ фанатизма католическаго и шляхетскаго»¹. Злосчастное еврейство послужило только жертвою, «агнцемъ для закланія» за чужіе грѣхи, за чужую испорченность... Но вернемся къ фактамъ.

Четвертый главный «ватажокъ» гайдамацкій, *Иванъ Бондаренко*, почти не уступалъ въ жестокости упомянутому Швачкѣ. Бондаренко, повидному, первый изобрѣлъ извѣстный демонстративный способъ казни, заключавшійся въ томъ, что еврея, ксендза и собаку вѣшали рядомъ («жидъ, ляхъ да собака—все вѣра одинака»). «Въ и. Вышовѣ, Кіевскаго уѣзда,—

¹ Выраженіе короля Станислава-Августа Понятовскаго въ письмѣ къ мадамъ Жоффревъ. Это интересное письмо приведено въ „Исторіи Россіи“ Соловьева, т. XXVII, стр. 296—297.

сообщают документы,—онъ ограбилъ и убилъ семерыхъ жидовъ и троихъ шляхтичей; кондра же велѣлъ повѣсить, но не одного, а рядомъ съ всею и жидовъ» (IV, 23). Главнымъ сподвижникомъ Бондаренка былъ нѣкто *Корній Москаленко* — звѣрь въ образѣ человека. Въ и. *Макаровъ*, Киевскаго уѣзда, шайка этихъ двухъ злодѣевъ совершила по-истинѣ неслыханное звѣрство. «При самомъ взѣздѣ въ это селеніе нѣтъ попался на встрѣчу жидъ съ женою и тремя дѣтьми, не успѣвшій убѣжать отъ бѣды своевременно. Гайдамаки тутъ же на греблѣ убили жиду и двухъ сыновей его, а третьяго обѣщавіеиъ пощадить склонили къ тому, чтобы она застрѣлила собственную мать. Жидовокъ немедленно исполнили ихъ требованіе. Тогда Бондаренко обѣщаль окрестить его и взять къ себѣ за хлопца» (ibid., 24)... Въ Макаровѣ Бондаренко перебилъ всѣхъ евреевъ и сѣнь шляхтичей. Оставался онъ тамъ довольно долго, и именно въ Макаровѣ его захватилъ истинные надворные казаки. Его товарищъ Корній успѣлъ скрыться, но позже былъ схваченъ и предсталъ на судъ польской военно-судной комиссіи въ Коднѣ.

Кромѣ главныхъ ватагъ, которыми предводительствовали названные четвере «ватажка» и которыми, по нѣкимъ г. Шульгина, дѣйствовали по опредѣленному плану,—въ Украйнѣ свирѣствовали еще такъ называемыя «*гайдамацкіе загоны*», т. е. мелкіе отряды, состоявшіе большей частью изъ крестьянъ и занимавшіеся грабежомъ въ разныхъ глухихъ углахъ Малороссіи. Загоны имѣли своихъ начальниковъ и ватажковъ и обыкновенно находились въ зависимости отъ командировъ главной гайдамацкой арміи. Загоновъ было очень много, и г. Шульгинъ для приѣбра характеризуетъ «дѣятельность» цѣлаго десятка ихъ, на основаніи данныхъ «Кодненской книги». При всемъ своемъ украинефильствѣ, авторъ вынужденъ, однако, признать, что «не всѣ они (загоны) дѣйствовали какъ политическіе дѣятели» и что нѣкоторые изъ нихъ «выступаютъ какъ простые разбойники» (IV, 36).

Ужаснѣе всего, по своимъ размѣрамъ и по числу своихъ жертвъ, было для евреевъ инсurreкціонное движеніе среди крестьянъ Киевщины и Брацлавщины (нынѣшней Подольской губерніи), которыхъ г. Шульгинъ называетъ «главными дѣятелими коліевщины», посвящая имъ особую обширную главу въ своемъ изслѣдованіи (гл. II, кн. V). Протоколы кодненской военно-судной комиссіи сохранили для насъ массу документовъ о томъ, что перетерпѣли евреи отъ этой разбушевавшейся народной стихіи въ роковомъ 1768 году. «Убіиства жидовъ людьми всѣхъ ватагъ,—говоритъ г. Шуль-

гнать,— были въ періодъ движенія 1768 года чуть-ли не чаще убійствъ шляхты» (кн. IV, 284). Фактовъ этого рода въ Кодженской книгѣ, которою пользовался авторъ, масса; но онъ приводитъ изъ нихъ только нѣкоторые, наиболѣе характерные. Эти факты, доселѣ неизвѣстныя, современно доставаютъ матеріалъ для одной изъ самыхъ интересующихъ страницъ нашей исторіологіи... Приводимъ цѣлый рядъ ихъ, пропуская только незначительные случаи.

Послѣ уманьской рѣзни, происходившей въ июлѣ 1768 года, одинъ отрядъ крестьянъ, вождь предводительствомъ гайдакама Максимчука, напалъ на м. *Животова*. Соединившись здѣсь съ окрестными гайдаками и бѣглецами изъ разгромленной Умани, отрядъ принялся за разгромъ мѣстечка. «И тутъ-то,—свидѣтельствуютъ документы,—пошла страшная рѣзня. Въ одномъ домѣ убили 12 жидовъ разнаго пола и возраста, а въ погребѣ нашии еще четверть, которые также легли трупами; нѣтъ и въ другихъ домахъ повсюду искали жидовъ по погребамъ, даже въ печатѣ, и одни изъ нападавшихъ убивали ихъ, между тѣмъ какъ другіе сбрасали трупы убитыхъ въ колодцы, въ пруды. Повсюду въ домахъ при этомъ убійствѣ забывали захватывать всякіе пожитки убитыхъ и деньги. Однако, все награбленное пришедшими изъ Умани молодцами они должны были отдавать принявшимъ ихъ гайдакамъ, вѣроятно, для разнаго дѣлажа». Максимчукъ не удовлетворился этой добычей и ограбилъ еще, въ томъ же Животовѣ, первонный ящикъ (IV, 300).

«Недалеко отъ Животова крестьяне Илько Хавло, Степанъ, сынъ Марка Дышлового, Максимъ Тихоходовъ, Климъ Мажовоникъ и Андрей Конюельчукъ, нѣтъ въ виду убить нѣсколькихъ жидовъ, призвали къ себѣ изъ Животова для этой цѣли гайдакамовъ. Тѣ явились, убили двухъ жидовъ и одну жидовку, а нѣсколькихъ жидовокъ, оставленныхъ въ живыхъ, вмѣстѣ съ дѣтьми забрали съ собой въ Животова и тамъ окрестили ихъ. Названные выше крестьяне за столь явное содѣйствіе убійству жидовъ всѣ были приговорены кодженскою комиссіею къ смертной казни» (IV, 284).

Гайдакацкимъ движеніемъ часто пользовались неучастныя къ нему лица для цѣлей личной мести. Такъ, въ слободѣ Антоновкѣ служилъ у попа Подгурскаго дьякъ Кондратъ Горбенко. Этотъ-то Горбенко, какъ только гайдакачина стала заявлять себя, измѣнилъ свою пану, и убилъ жида (ibidem, 285).

«Жида не знали, куда и укрываться. Изъ крестьянъ никто не желалъ ограждать ихъ отъ грозившихъ имъ бѣдъ. Такъ, въ Уманн, во время

рѣзни, у какой-то жидовки, стрѣившей себя докъ, былъ плотникомъ крестьянинъ Никита Жосманенко. Въ рѣзнь онъ не принималъ участія, но когда гайдамаки напали на жидовку, у которой онъ работалъ, и когда она, убѣгая отъ нихъ, въ ужасѣ кинулась въ нему на шею, прося защитить ее, то онъ тотчасъ сбросилъ ее съ себя и хладнокровно смотрѣлъ затѣмъ, какъ ее убивали... На другой день этотъ самый плотникъ, встрѣтивъ фельдшера-выкреста и принявъ его за жида, съ силой ударилъ его въ грудь, намѣреваясь убить его; если же не совершилъ этого убійства, то только потому, что на выручку фельдшеру подошли другіе гайдамаки, званіе, что фельдшеръ выкрестился» (тамъ же).

Арендари-евреи въ особенно трудно было расчитывать въ это время на спасеніе. Изъ массы подобныхъ случаевъ авторъ приводитъ въ разныя мѣста нѣсколько примѣровъ. Грабежъ тутъ игралъ, конечно, главную роль. «Многіе изъ крестьянъ, нанявшіеся въ рабочіе къ баламъ, прослышавъ о надвигающихся въ нихъ оско гайдамакахъ, начинали считать себя свободными отъ всякихъ данныхъ обязательствъ и вдобавокъ завладѣвали изъ панскаго добра тѣмъ могли. Такъ, въ с. *Жаботинѣ* рабочіе на салитриномъ заводѣ нанялся крестьянинъ Иванъ Верейченко. Прежде всего онъ долженъ былъ отслужить пару воловъ, что получилъ отъ нѣснаго жида-арендара, а далѣе могъ расчитывать на известную плату деньгами по мѣрѣ отслуживанія. Между тѣмъ другіе крестьяне вырѣзали въ селѣ жидовъ¹ и грозили смертью самому пану, такъ что послѣдній не выходилъ со двора; нѣстъ съ нимъ въ докъ, оставивъ свой шинюкъ, сидѣли въ страхѣ нѣстине арендаръ съ арендаркой. Верейченко въ это время какъ разъ насъ своихъ двухъ воловъ, полученныхъ въ счетъ отработка, и 9 панскихъ. Получивъ вѣсть о томъ, что дѣлается въ селѣ, онъ, не долго думая, погналъ весь скотъ за границу и тамъ остался, обзаведясь полными хозяйствомъ» (стр. 287). Впослѣдствіи его поймали и наказали.

«Убивать жидовъ было какъ бы обязательно. Такъ, когда Илько Се-

¹ Въ матеріалахъ для исторіи гайдамачины, опубликованныхъ покойнымъ *Л. Гурладомъ* въ книгѣ *Жити бу гучил гурбъ*, нѣются болѣе подробныя свѣдѣнія о разгромѣ с. *Жаботина*. «Гайдамацкій бунтъ,—говорится въ одномъ частномъ писмѣ, писанномъ въ іюлѣ 1768 г.,—начался въ селѣ *Жаботинѣ*. Тамъ жилъ известный раббінъ *Авраамъ*. Убито было въ томъ селѣ 70 душъ (евреевъ), а также жена упомянутаго *Авраама*, которой злодѣи распоролы животъ и вынули оттуда ребеночка живымъ...» (*Гурландъ*, кн. III, стр. 30, Краковъ, 1888).

моновичъ, крестьянинъ с. Сятовки, крѣпчалъ однажды во время ярмарки въ Сквирѣ и, встрѣтившись тамъ съ атаманомъ, разговорился о томъ, что онъ дѣлалъ въ Уманѣ, то на вопросъ: сколькожъ онъ убилъ тамъ жидовъ?—онъ отвѣчалъ: «а сколько, сколько Богъ далъ». Разговоръ этотъ былъ подслушанъ скирскимъ писаремъ, и по его доносѣ Илько былъ схваченъ и отданъ на судъ кодненской комисіи, которая приговорила его къ смертной казни».

«Жиданъ не помогало часто и желаніе выреститься ради сохраненія жизни. Такъ, пожелалъ принять крещеніе жидъ въ с. Насташки, но тамошній попъ, Петръ Купцовичъ, вѣроятно, признавая неискренній обращеніе жиды къ православію въ опасную минуту, отказался окрестить его. Жидъ былъ убитъ, попъ же за свой отказъ окрестить его былъ отданъ въ Кодню, и если не былъ тамъ казненъ, то только потому, что до суда умеръ въ Кодненской ямѣ» (V, 286).

По поводу всѣхъ этихъ сатурнальн. г. Шульгина замѣчаетъ: «Оглядываясь назадъ и мысленно переживая весь рядъ убійствъ, грабежей, нападкѣ, тутъ перечисленныхъ, *нельзя, конечно, не содрогаться* и считать людьми мягкими даже лучшихъ изъ колюевъ, а затѣмъ нельзя также не видѣть, что колюевщина дала-таки не мало жертвъ». Это, конечно, совершенно справедливо; но удивительно, что въ самомъ трудѣ г. Шульгина, во всемъ тонѣ его разсказа, въ комментаріяхъ къ описываемымъ ужаснымъ событіямъ—не видать что-то ни этого «содроганія» передъ обликомъ «жертвъ» колюевщины, ни также справедливаго, человѣчнаго отношенія къ этимъ несчастнымъ жертвамъ. Напротивъ, авторъ пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы доказать, что кровожадные герои колюевщины боролись «за права и вѣру» всего малорусскаго народа, что «народные ненавистники—поляки и жиды» заслужили свою ужасную участь, что вообще гайдамацкое движеніе въ сущестѣ своемъ было справедливымъ возмездіемъ со стороны «угнетенной» Украины. Даже это постоянное употребленіе колкаго слова «жидъ» (вмѣсто «еврей») въ такихъ описаніяхъ, гдѣ евреи являются несомнѣнными мучениками и невинными жертвами дикихъ страстей,—даже эта малкая особенность, отъ которой коробитъ всякаго читателя съ сердцемъ, выдаетъ истиннаго симпатіи автора. Впрочемъ, онъ и не скрываетъ, хотя въ своихъ сужденіяхъ о евреяхъ и проявляетъ сравнительно больше сдержанности, чѣмъ фанатическіе историки-украинофилы, въ родѣ Костомарова, Кулиша, Скальковскаго. Въ концѣ концовъ очевидно, что симпатіи г. Шульгина всецѣло лежатъ на сторонѣ ко-

листь, т. е. на сторонѣ дикой, разбойничьей орды, боравшейся не за истинную свободу, а за своеволие, за свободу убивать, грабить и предаваться дикой удам. Это уже не голосъ разума и совѣсти, а голосъ крови: авторъ чувствуетъ потребность стоять за своихъ историческихъ родичей, хотя они и являются въ образѣ звѣрей, и выражаетъ ненависть къ ихъ противникамъ, хотя послѣдніе выступаютъ въ образѣ жертвъ и мучениковъ... Развѣ это не національная исключительность, не грубое выраженіе коллективнаго эгоизма, который иногда не менѣе возмутителенъ, чѣмъ эгоизмъ единоличныи?.. А между тѣмъ, на этой-то почвѣ «коллективнаго эгоизма» стоятъ большинство русскихъ историковъ по отношенію къ иноземцамъ и особливо—къ евреямъ; на этой же почвѣ стоитъ и современная юдофобская публицистика, недалеко ушедшая въ своихъ понятіяхъ отъ воззрѣній кровожадныхъ вождей коліевщины...

Встрѣчаются, однако, хоть и очень рѣдко, и отрадные исключенія. Въ той же «Кіевской Старинѣ», въ июньской книжкѣ этого года, помѣщена небольшая статья извѣстной писательницы А. Ефименко подъ заглавіемъ: «Вѣдствія евреевъ въ южной Руси XVII вѣка». Статья представляетъ собою рефератъ объ одной главѣ вышедшаго недавно въ русскомъ переводѣ десятиаго тома «Исторіи евреевъ» Гретца, — главѣ, посвященной описанію рѣзни Хитльницкаго, на основаніи специально-еврейскихъ источниковъ. Конечно, въ этомъ рефератѣ ничего новаго для насъ нѣтъ; но интересно отношеніе автора къ описываемой ея эпохѣ,—отношеніе довольно гуманное и справедливое, къ какому русскіе евреи какъ-то не привыкли. Знакомство съ однимъ періодомъ еврейской исторіи, съ внутренними, духовными движеніями въ еврействѣ XVII вѣка (о чемъ трактуетъ 10-й томъ труда Гретца), очевидно, возымѣло благотворное вліяніе на отношенія г-жи Ефименко къ прошедшему нашего многострадальнаго народа. Въ ея статьѣ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя вѣрныя и даже глубокія мысли, совершенно недоступныя уличнымъ писателямъ, судящимъ веревъ и вѣсѣ о евреяхъ, не имѣя понятія объ ихъ исторіи. «Евреи,—говоритъ г-жа Ефименко,—сумѣли сохранить народность помимо единства языка и совѣсти независимо отъ территориальной связи. Мало того, что сохранили ее,—есть-ли національность болѣе устойчивая, чѣмъ еврейская? Причина—въ большомъ, тѣлѣтѣлющемъ надъ живущимъ поколѣніемъ, запасъ результатовъ духовной жизни поколѣній отжившихъ» (стр. 397). Эта мысль аналогична съ идеей Ренана въ его брошюркѣ «Qu'est qu'une nation»,—но выражена она вѣтко и оригинально. Г-жа Ефименко при-

дать немаловажное значеніе «духовному запасу», накопленному еврействомъ въ теченіе вѣновъ, только ошибается, думая, будто еврейская культура, какъ результатъ этого духовнаго запаса, «окаменѣла въ своей незыблѣности». Еслибы авторъ ближе присмотрѣлся къ ходу развитія еврейскаго народа, то убѣдился бы, что самъ этотъ «духовный запасъ» непрерывно обновлялся, пополнялся свѣжими элементами, даже радикально иѣнился, и что вообще состояніе утѣшеннаго застоя наиболѣе чуждо живому духу еврейства. Только неблагоприятныя внѣшнія обстоятельства могутъ временно, даже подолгу, задерживать ростъ этого духа. Такія-то именно обстоятельства таготѣли надъ польско-русскимъ еврействомъ въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій, начиная съ роковой эпохи Хмѣльницкаго, — и они-то главнымъ образомъ замедлили духовное развитіе русскихъ евреевъ, заставили ихъ отстать на пути обще-человѣческаго прогресса отъ своихъ братьевъ на Западѣ, гдѣ средневѣковыя преграды давно уже разрушены. Что касается экономической роли евреевъ, то авторъ совершенно правъ, утверждая, что все зло заключалось въ «роли посредниковъ между паннами и хлопнами», которую евреи приняли на себя; къ этому слѣдуетъ только прибавить, что евреи не добровольно, а вынужденно взяли на себя эту роль, что они *оставлены* были въ такое экономическое положеніе цѣлымъ рядомъ притѣсненій и исключительныхъ законовъ, которые еще и понинѣ не потеряли своей силы...

Относительно спеціальнаго предмета статьи г-жи Ефименко можно замѣтить только вотъ что. Обсуждая послѣдствія рѣзни Хмѣльницкаго для евреевъ, авторъ говоритъ: «Разумѣется, рискованное дѣло дать цифровое опредѣленіе потерямъ, какія понесло еврейство въ Польшѣ. Гретцъ принимаетъ, что собственно казаками уничтожено до 300 еврейскихъ общинъ, и эту цифру надо принимать за значительно болѣе достоверную, чѣмъ итоговую цифру погибшихъ людей. Эту послѣднюю принимаетъ нынѣ въ 600,000 семействъ; Гретцъ считаетъ подобную цифру сильно преувеличенною и полагаетъ ее, основываясь на показаніи одного еврея-современника, въ четверть милліона душъ. Но все это, конечно, крайне гадательно» (VI, 408). Авторъ, повидному, не знаетъ, что существуетъ еще третій, болѣе вѣрный способъ опредѣленія еврейскихъ жертвъ въ эпоху Хмѣльницкаго. Этотъ способъ изобрѣтенъ профессоромъ Владимірскимъ-Будановичемъ, который въ той же «Кіевской Старинѣ», года два слишкомъ тому назадъ, вывелъ на основаніи точныхъ архивныхъ данныхъ, что «вообще еврейское населеніе южной Россіи 1649—1657 годовъ уменьшилось приблизительно

на 90%»¹. Принимая эту величину, мы, пожалуй, не будем считать преувеличенной даже самую большую из указанных Гретцевъ приближенных цифръ, ибо, допуская минимальную цифру, предложенную Гретцевъ (четверть миллиона душъ), мы должны также допустить, что во всей Польшѣ жило до 1648 г. всего около 300,000 евреевъ,—что уже чрезвычайно мало. Если даже считать, что евреевъ въ Рѣчи Посполитой до хитльвищины было всего одинъ миллионъ, то цифру убитыхъ во время рѣзни придется опредѣлить приблизительно въ 900,000, т. е. придется ее увеличить, противъ вышеуказаннаго минимума, больше чѣмъ втрое.

Къ кровавой эпохѣ Хитльвицкаго относится также и историческій романъ г-жи *О. И. Розовой* «Сынъ Гетмана», печатающійся съ начала этого года въ «Кіевской Старинѣ» и до сихъ поръ еще неоконченный. Въ романѣ выступаютъ на сцену неизбежные еврейскіе персонажи—въ образѣ шинкаря Янколя и его семейства и др. Но въ виду неоконченности романа, а также специальной задачи настоящаго критическаго очерка, мы его пока оставимъ безъ разбора. Не считаемъ также нужнымъ останавливаться на различныхъ полныхъ статьяхъ и замѣткахъ въ журналѣ, гдѣ разбросаны кой-какія свѣдѣнія по еврейской исторіи на югѣ Россіи, такъ какъ онѣ интересны только для специалистовъ-ислѣдователей.

Полагаемъ, что читатели не постыдуются на насъ за то, что мы въ настоящей нашей литературной бесѣдѣ воскресили въ ихъ памяти тяжелыя воспоминанія объ одной изъ грустнѣйшихъ эпохъ нашей вообще неволеи исторіи. Что же дѣлать? Екклесіастъ сказалъ: «время ситѣться и время плакать». Намъ показалось, что именно теперь-то и «время плакать»...

Критикусь.

¹ См. статью „Передвиженіе вѣно-русскаго населенія въ эпоху Богдана Хитльвицкаго“, въ июльской книжкѣ „Кіевской Старинки“ 1888 года. Ср. и редакцію о ней въ „Восходѣ“ 1889 г., кн. 8.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Вушугу р: *Увеселительный Садъ для еврейскихъ дѣтей. Книга для чтенія, составленная А. Розенфельдомъ. Новое исправленное изданіе съ двумя частями. Варшава, 1890 (96+232 стр. in 16°).*

Среди немногихъ книгъ для первоначальнаго чтенія на древне-еврейскомъ языкѣ «Увеселительный Садъ» г. Розенфельда, вышедшій нынѣ вторымъ изданіемъ, занимаетъ чуть-ли не первое мѣсто,—и, надобно прибавить, по праву занимаетъ. Особенное достоинство этой, успѣвшей уже стать популярною, хрестоматіи заключается въ томъ, что она какъ нельзя лучше приспособлена къ способностямъ и вкусамъ еврейскихъ дѣтей, обучающихся общимъ предметамъ въ русскихъ элементарныхъ школахъ или въ высшихъ классахъ гимназій. Такія дѣти, по большей части не знавшія твердаго ига до вступленія въ русскую школу, встрѣчаютъ большія трудности при домашнемъ изученіи древне-еврейскаго языка, происходящемъ обыкновенно между 10—15-ю годами, т. е. въ школьномъ возрастѣ. Весь складъ еврейской рѣчи, необычный стиль Библии, особый методъ изученія древняго «мертваго» языка—все это идетъ въ разрѣзъ съ характеромъ русской грамотности и приемами преподаванія общеобразовательныхъ предметовъ. Вотъ эту-то рѣзкую разницу и взался устранить, или по крайней мѣрѣ смягчить, г. Розенфельдъ. Онъ далъ намъ книгу для чтенія на чистомъ древне-еврейскомъ языкѣ, но съ русскимъ содержаніемъ.

Въ этой книгѣ вы найдете, въ образцовыхъ еврейскихъ переводахъ, всѣ хорошо знакомые учащимся прозаическіе рассказы, статьи и отрывки, помѣщаемые въ обыкновенныхъ хрестоматіяхъ, въ родѣ «Родного Слова» или «Дѣтскаго Мира» Ушинскаго, книги для чтенія Паульсона и т. п. Тутъ же встрѣтите и прекрасныя переложенія общезвѣстныхъ басенъ Крылова, Измайлова, Дмитріева, стихотвореній Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Учащійся, нѣмѣя передъ собою въ еврейской книгѣ для чтенія тѣ же вещи, которыя такъ хорошо знакомы ему изъ школьныхъ уроковъ русскаго языка и изъ русской хрестоматіи, скорѣе и легче можетъ освоиться и съ особенностями еврейской рѣчи, чѣмъ если бы онъ началъ свое чтеніе

прямо съ Библии. Параллельность обученія обоимъ столь различнымъ по духу и лингвистическому составу языкамъ можетъ иногда даже наводить любознательныхъ учениковъ на поучительныя сравненія.

Конечно, такой методъ изученія сопряженъ съ нѣкоторымъ рискомъ: обрусеніе *содержанія* еврейской хрестоматіи можетъ перейти и на *форму* и вызвать большее или меньшее обрусеніе самой еврейской рѣчи, — что уже совершенно нежелательно. Къ счастью, однако, г. Розенфельду удалось миновать благополучно и эти Сцигалу и Харивбу. Его древне-еврейскіе переводы съ русскаго отличаются по большей части чистотою и истинно-библейскою красотою языка; его стихотворныя переложенія удивительно близки къ подлиннику и вѣдь съ тѣмъ строго согласны съ духомъ еврейской рѣчи. Какъ на одинъ изъ многихъ примѣровъ, можно указать на переводъ «Ангела» Лермонтова («Но небу полуночи ангелъ летѣлъ» etc.). Первая строфа переведена такъ:

בשרך בלחמך לילה לילה
 וישך ברוסמך שיה בלחמך;
 שרך כוכבים גם עבי שמים
 אל שדך בקרשׁ גשו זמנים.

Какая точность передачи, какая сила и звучность стиха! Можно смѣло сказать, что такіе переводы, если бы ихъ было побольше, составили бы украшеніе еврейской литературы. Г. Розенфельдъ, одинъ изъ лучшихъ еврейскихъ стилистовъ настоящаго времени, хорошо сдѣлалъ бы, если бы, независимо отъ своей хрестоматіи, далъ намъ цѣлую серію такихъ образцовыхъ переложеній произведеній русскои поэзіи.

Что касается внѣшняго состава разсматриваемой хрестоматіи, то достаточно сказать, что она дѣлится на двѣ части: первая, меньшая, предназначена для дѣтей младшаго возраста, для начинающихъ; вторая, большая — для дѣтей средняго возраста. Въ первой части всѣ статьи напечатаны съ пунктуацией и въ промежуткахъ между ними помѣщены элементарныя грамматическія свѣдѣнія; во второй прозаическія статьи напечатаны уже безъ пунктуации и иного мѣста въ нихъ удѣлено отрывкамъ естественнаго-научнаго (по Водовозову, преимущественно) и нравоучительнаго (по Библии, Талмуду etc.) содержанія.

Смѣло рекомендуемъ книгу г. Розенфельда для употребленія въ еврейскихъ начальныхъ школахъ и при домашнемъ обученіи.

С. М.

ОГЛАВЛЕНІЯ.

I. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. На основаніи первоначальныхъ источниковъ, печатныхъ и рукописныхъ (Продолженіе). С. М. Дубинов.	3
II. О ЕВРЕЙСКИХЪ ИМЕНАХЪ СОБСТВЕННЫХЪ (Продолженіе). Д-ра М. Пегертьельмана	23
III. СОНЪ ВЪ НОЧЬ НА ЮМЪ-КИЦУРЪ. Воспоминанія изъ одной лѣтовской синагоги (Окончаніе). Г. Б.	36
IV. О ЧЕРТЪ ОСЪДЛОСТИ. О происхожденіи и современномъ значеніи этого установленія съ точки зрѣнія русскаго человѣка. (Продолженіе). Русскаго.	50
V. РУССКІЕ ЕВРЕИ ВЪ АМЕРИКѢ (Итоги эмиграціоннаго движенія). Г. М. Прайса.	67
VI. ПОДЪ ГНЕТОМЪ ВРЕМЕНИ. Хроника XIII вѣка о лангедокскихъ еретикахъ, извлеченная изъ архивовъ Книжныхъ Черныковъ (Продолженіе). Н. А. Рубанина.	83
VII. ИЗЪ СОЛОМОНА ГЕВИРОЛЯ. Стихотвореніе С. Гринблата . . .	106
VIII. ВЪ ДУХЪ ВРЕМЕНИ. Романъ (Продолженіе). Б. Ротманна. . . .	110
IX. ИСУСЪ НАВИНЪ. Разсказъ изъ библейской эпохи. Георга Эберса. (Продолженіе). Перев. С. О. Дитъровскаго.	148
X. НА ЗАПАДѢ. Лондонскіе слухи. (Продолженіе). Н. Я. Левенсона.	169
XI. Стихотвореніе. С. Г. Фруга.	189

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

XII. ДУБРОВНЕНСКАЯ КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. Н. В. Г. . .	1
XIII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ИЗЪ ЕВРЕЙСКОЙ МАТИРОЛОГИИ («Кіевская Старина». Ежемесячный историческій журналъ. Годъ девятый, книги I—VIII, Кіевъ, 1890). Критикуса. . .	17
XIV. ВИВЛОГРАФИЯ: <i>בְּחֻשׁוֹתַי</i> : <i>Увеселительный Сады для еврейскихъ дѣтей. Книга для чтенія, составленная М. Розенфельдомъ. Новое исправленное изданіе въ двухъ частяхъ. Варшава, 1890 (96+232 стр. in 10°). С. М.</i>	30

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Н о я б р ь.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Вольного Театра, 2.

1890.

ПОДЪ ГНЕТОМЪ ВРЕМЕНИ.

ХРОНИКА XIII ВѢКА О ЛАНГЕДОКСКИХЪ ЕРЕТИКАХЪ, ИЗВЛЕЧЕННАЯ ИЗЪ АРХИВОВЪ КНИЖНЫМЪ ЧЕРВЯКОМЪ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ¹.

„Не ты любить меня училъ,
Когда безумно я любилъ;
Бороться до утраты силъ
Не ты меня благословилъ“.

Я. Полонскій.

Между тѣмъ жители Безьера еще болѣе удивлялись милостивымъ приговорамъ главнаго инквизитора.

Въ душѣ брата Антуана былъ рай. Онъ видѣлъ настроеніе Дины и чувствовалъ, что ему вѣрять; она вѣрится, она любитъ!

Но какъ любить? Что это за любовь, которую она питаетъ къ нему?

На этотъ счетъ Антуанъ не обманывался. Въ душѣ Дины была не та любовь, которой жаждало его сердце.

И это онъ зналъ.

Такъ прошло нѣсколько недѣль. Дина съ Антуаномъ встрѣчались и говорили, и ни разу слово признанія не сорвалось съ языка монаха.

Антуанъ ждалъ и терпѣлъ, но онъ чувствовалъ, что скоро терпѣнію его будетъ конецъ, — новыя волны чувства поднимаются въ его душѣ.

Однажды вечеромъ онъ стоялъ на кофѣняхъ передъ окномъ своей кельи и, сложивъ руки, смотрѣлъ на небо и мысленно

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

молился. Онъ молился о себѣ, о мирѣ своей души, и о той, которая безсознательно нарушила этотъ миръ.

— Maître Антуанъ,—послышался вдругъ знакомый голосъ.

Передъ нимъ стояла Дина, которая, улыбаясь, добѣрчиво смотрѣла на него.

Антуанъ поспѣшно поднялся. Дыханіе его захватило. Голова закружилась. Та волна чувства, которой онъ ждалъ и боялся, обрушилась на него и понесла. Словно туманъ покрылъ все окружающее. Антуанъ пересталъ видѣть и понимать. Изъ тумана выступалъ только образъ Дины; этотъ образъ поглотилъ всего Антуана, замѣнилъ ему міръ. Монахъ уже не помнилъ себя. Воля покидала его. Но онъ сдѣлалъ надъ собой послѣднее могучее усиліе и собрался съ духомъ. Онъ даже улыбнулся и поввалъ дѣвушку къ себѣ.

— Иди сюда,—сказалъ онъ ей.—Ты никогда не была въ моей кельѣ.

И въ то же время онъ думалъ: «Я совершаю грѣхъ». Но эта мысль уже не въ силахъ была его остановить.

— Я пришла къ вамъ отъ отца,—сказала Дина,—за сочиненіемъ учителя Маймуни Могеи Nebuchim, которое онъ вамъ далъ.

— Да, да, моя дочь. Я прочелъ эту рукопись. Посѣти же мою келью! Вѣдь ты никуда не спѣшишь?

Въ тѣ времена монастыри доминиканцевъ стояли на такой ступени нравственности и пользовались такою славой, что посѣщеніе монашеской кельи женщиной не могло привлечь чьего либо вниманія. Женщины бывали въ кельяхъ всѣхъ монаховъ, за очень немногими исключеніями.

Дина, улыбаясь, подбѣжала къ окну. Антуанъ протянулъ ей руку, и она граціозно перепрыгнула черезъ подоконникъ.

— Боже мой, какъ у васъ здѣсь неуютно и темно!—сказала она, и ея слова только усилили бурю въ душѣ Антуана. Воля исчезла. Онъ былъ блѣденъ и дрожалъ, и когда заговорилъ, то въ его голосѣ звучало такое страстное чувство и вмѣстѣ съ тѣмъ такое горе, что Дина съ невольнымъ состраданіемъ смотрѣла на него, не имѣя силъ уйти, бѣжать. Онъ говорилъ:

— Здѣсь темно? Не только здѣсь—въ моей душѣ, внутри меня—мракъ; въ моемъ прошломъ—мракъ. Моя жизнь, вся моя

жизнь—мракъ. Отъ меня всё были далеки, всё стояли на почвѣ обязательныхъ отношеній. Люди любили меня, но кому было дѣло до того, что совершается во мнѣ? Кто пришелъ и взглянулъ туда? Кто душевно отнесся ко мнѣ и пожалѣлъ меня, мою душу, которую я ломалъ, коверкалъ, ожидая отъ этого ломанья ея спасенія, — ломалъ до тѣхъ поръ, пока не изломалъ ее въ конецъ...

Въ его голосѣ слышались слезы. Слезы заблестѣли и на глазахъ Дины, когда братъ Антуанъ сталъ рассказывать ей свою жизнь,—жизнь въ бѣдности и скитаніяхъ, въ постоянныхъ лишеніяхъ, въ погонѣ за образованіемъ, жизнь полную борьбы со своимъ я... Братъ Антуанъ плакалъ и, вставъ передъ Диной на колѣни, говорилъ:

— Ты жалѣешь меня, ты *жалѣешь*. А я,—я тебя люблю! Какъ же мнѣ не любить тебя, когда ты взглянула въ мою душу и ее пожалѣла. Слушай же, я люблю тебя! Что нужды, что я—католикъ, монахъ, инквизиторъ,—я люблю тебя. Я не знаю, есть-ли какія преграды между нами. Давно уже ты наполняешь и скрашиваешь мое существованіе. Слышишь, и я хочу жить! Пропу тебя, умоляю, скажи мнѣ, какое чувство ты питаешь ко мнѣ?

Дина испуганно смотрѣла на него. Ее пугалъ этотъ страстный монахъ; но ей было и беззавѣтно жалъ его.

— Слушай,—продолжалъ Антуанъ.—Не смотри на мою рясу. Я сброшу ее. Она меня жметъ, какъ тиски; мнѣ тяжело дышать подъ нею. Будь моею женою. Я—«еретикъ», я такой же какъ Пьеръ Дюмуленъ и твой отецъ. Мы поѣдемъ въ Кордову, въ калифамъ. Тамъ философовъ не преслѣдуютъ. Тамъ даютъ дышать и жить всѣмъ. Мы будемъ жить полною жизнью. Полная жизнь вдохнетъ въ насъ больше силъ для борьбы и труда... Дина, да скажи же мнѣ хоть слово!

Онъ сдѣлалъ попытку схватить ее за руки, но, услышавъ имя Дюмулена, Дина вскрикнула и высвободила отъ него руки.

— Оставьте,—полушопотомъ сказала она.—Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно!

Онъ попытался обнять ее.

— Слушай; я все равно погибъ. Моя душа разрывается на части. Я добьюсь своего: ты меня полюбишь!..

Онъ бросился къ Динѣ, но та, выскользнувъ изъ его рукъ, быстро вскочила на подоконникъ и скрылась. Только ея длинная одежда задѣла за столникъ, и позолотенный черепъ, съ насмѣшливо оскаленными зубами, со звономъ покатился къ ногамъ брата Антуана.

Монахъ не преслѣдовалъ Дину. Онъ остановился и схватилъ себя за голову. Черная, мрачная туча спустилась на него. Онъ ничего не соннавалъ; только тѣма смотрѣла на него, какъ раскрывшаяся могила. Она его втягиваетъ, она его сжимаетъ... И солнце, и весна, любовь и радость—все осталось тамъ, наверху, и къ тому нѣтъ болѣе возврата!.. Рыданія захватили грудь Антуана. Онъ бросился на свое ложе и горько зарыдалъ... Онъ плакалъ надъ самимъ собой, надъ своимъ чувствомъ; онъ хоронилъ свою жизнь, свои мечты, свою молодость. Онъ смутно сознавалъ, что волны такого чувства проносятся надъ человѣкомъ только разъ въ жизни и, пронесшись, увлекаютъ то, что называется обыкновенно *молодостью*. Больнѣ этой нѣтъ возврата.

Его не любятъ той любовью, какой онъ желалъ бы,—это ясно. Но онъ любитъ,—и свое чувство изъ груди онъ вырвать не можетъ.

Дина не вернется—это правда: но онъ пойдетъ къ ней. Отвѣтъ ея будетъ тотъ же? Нѣтъ, нѣтъ,—она увидитъ его чувства... Ну, такъ что же, что увидитъ? Что въникъ, если этого чувства нѣтъ въ ея душѣ?

Рядъ мыслей, уничтожающихъ одна другую, вырветъ несся въ его душѣ.

Онъ плясалъ, и метался, и ползалъ на колѣняхъ передъ Распятіемъ, умолая Бога. О чемъ—и самъ не знаетъ.

А въ окно вливались соловьиныя трели. Пѣвцы весны и любви пѣли уже свои послѣднія пѣсни. Ихъ время близилось къ концу. Вѣтерокъ, шурча и шелеста, игралъ большими пыльными фоліантами.

Вдругъ взгляды Антуана остановились на какой-то точкѣ. Антуанъ словно окаменѣлъ. Глаза его расширились, какъ будто

отъ ужаса, и загорѣлись недобрымъ блескомъ. Слезы выскли...

Вотъ что произвело такое впечатлѣніе на доминиканца.

Надъ рѣкою, подъ могучимъ дубомъ, сидѣлъ какой-то человекъ въ костюмѣ горезанина. Въ рукахъ у него была арфа. Онъ пѣлъ. Вѣтеръ неясно доносилъ его пѣсню. Вдругъ этотъ человекъ всталъ. Къ нему подбѣжала и обхватила его цѣло руками какая-то женщина. Онъ пересталъ пѣть. Женщина склонилась къ нему на плечо и плакала. Братъ Антуанъ изъ окна своей кельи видѣлъ слезы этой женщины. Онъ видѣлъ, что человекъ съ арфой поддерживаетъ ее. Да,—ее. Эта женщина—Дина. Тотъ человекъ ее ждалъ.

Братъ Антуанъ видѣлъ, какъ она сѣла подъ дубомъ; она плакала у него на колѣняхъ, а онъ, чтобы утѣшить ее, снова ударилъ по струнамъ арфы и запѣлъ.

Порывъ вѣтра донесъ до ушей Антуана одинъ куплетъ этой пѣсни:

«Посмотри, гдѣ погребальне
Здѣсь и тамъ костры горятъ.
Видишь ты столбы печальные,
Видишь тюремъ грозный рядъ»...

— А!—какимъ-то страннымъ, хриплымъ голосомъ заговорилъ братъ Антуанъ,—онъ самъ испугался своего голоса.—Пѣвецъ видишь эти костры, эти тюремы!... Я! Я ихъ повелитель! Я зажигаю и тушу эти костры! Мнѣ дана власть повелѣвать ими! «Невозможно!»—сказала ты, Дина? А я говорю: «возможно!» Да! да! Я добылъ своего. Развѣ я не инквизиторъ? Развѣ его святѣйшество не соблаговолило дать мнѣ власть?

Антуанъ захохоталъ. Его дикій хохотъ пронесся и заглохъ подъ сводами.

— Она меня не любитъ!—смѣялся Антуанъ.—Она любить того пѣвца. Любитъ! Но я,—я люблю ее. Во мнѣ, здѣсь, это чувство,—слышишь? Оно гдѣ не исчезло отъ того, что я увидѣлъ этого человека! Оно возросло, оно сотреть, уничтожить тебя и меня, и этого человека!.. Слышишь?!

И онъ плакалъ и смѣялся, и грызъ свою подушку, и читалъ молитвы, призывая къ себѣ на помощь Бога.

Прошелъ часъ, другой, третій. Пробила наконецъ полночь. Звѣзды таинственно замерцали на небѣ. Луна залила спящую землю зеленовато-голубымъ сіяніемъ. Готическій соборъ доминиканскаго монастыря, освѣщенный луною, казался какимъ-то спящимъ великаномъ. Только въ отдаленной кельѣ краснѣлъ огонекъ. Оттуда доносился хохоть и пѣніе охмѣлѣвшихъ монаховъ, которые, по выраженію лѣтописца того времени, предавались *histrionicis saltationibus et dicuntur amatoria carmina vel cantilenaе*. На горизонтѣ чернѣли силуэты городскихъ домовъ. Ночь была величаво-прекрасна.

Но Антуанъ не замѣчалъ этой красоты. Для него природа, мѣръ, какъ будто перестала существовать. Жизнь какъ будто умерла въ немъ. Что-то мрачное, тяжелое налегло на душу монаха.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

„Какъ часто поводъ къ злѣмъ дѣланъ даетъ
Одна возможность сдѣлать злое дѣло!“...

Шекспиръ.

• Прошло нѣсколько дней. Къ общему удивленію инквизиторовъ и горожанъ, на слѣдующемъ засѣданіи святаго трибунала главный инквизиторъ былъ необыкновенно мраченъ и взволнованъ. Онъ не только казался крайне разсѣяннымъ, но, повидимому, былъ даже чѣмъ-то озлобленъ. Онъ мало допрашивалъ обвиняемыхъ самъ, предоставляя остальнымъ членамъ трибунала говорить что угодно и допрашивать какъ угодно.

Благодаря этому обстоятельству, три человѣка были подвергнуты пыткѣ, а одинъ—Пьеръ Мюре—осужденъ на сожжаніе.

Братъ Антуанъ какъ будто бы ничего не видѣлъ и не слышалъ. На его глазахъ творились и скрѣплялись его подписью такія несправедливости, которыя незадолго передъ тѣмъ возмущали его до глубины души и съ которыми онъ боролся. Теперь же онъ смотрѣлъ на нихъ, дѣлая самыя слабыя попытки защитить обвиняемыхъ отъ несправедливыхъ поповноеній заинтересованныхъ въ ихъ осужденіи судей. Братья-инквизиторы тотчасъ замѣтили перемѣну въ настроеніи Ан-

туана. Они воспользовались случаемъ и стали настаивать на обвиненіяхъ. Главный инквизиторъ уступилъ и нѣсколько богатыхъ гражданъ было осуждено, а ихъ имѣнія, на основаніи закона, были раздѣлены по равной части между папой, королемъ и инквизиторами. Чтобы не пропустить момента и воспользоваться настроеніемъ брата Антуана, судьи назначили слѣдующее засѣданіе черезъ три дня.

Въ тотъ же день, по личному приказанію главнаго инвизитора, было арестовано пять человѣкъ христіанъ и евреевъ и въ томъ числѣ дочь извѣстнаго доктора Авраама бенъ Хариси.

Причины ареста не объяснялись: на основаніи закона, инквизиція могла привлекать къ своему суду кого угодно безъ объясненія причинъ.

И аресту евреевъ никто не удивился, хотя многіе «еретики» возмущались до глубины души. Не удивились потому, что, съ покореніемъ Лангедока французами, гоненія на сыновъ Израиля сдѣлались обыденнымъ явленіемъ, какимъ были во Франціи, гдѣ французскіе короли по одному подозрѣнію заключали въ тюрьму всѣхъ евреевъ, находившихся въ ихъ владѣніяхъ, и затѣмъ заставляли ихъ выкупаться¹. Что же касается до того, чтобы возмущаться, то несправедливостями, творившимися въ тѣ времена, возмущались даже католическіе богословы. Такъ, Петръ Канторъ писалъ: «почему отказываютъ обвиненнымъ въ законномъ ихъ правѣ защищать себя? Зачѣмъ обвиняютъ въ ереси честныхъ женщинъ единственно за то, что онѣ отказываются удовлетворять безпутнымъ предложеніямъ нѣкоторыхъ патеровъ?»². Эти протесты не мѣшали, однако, фактамъ слѣдовать своимъ чередомъ.

¹ Такъ сдѣлалъ Филиппъ-Августъ 19 января 1180 г. Лѣтописецъ Ранульфъ de-Dureto простоудушно рассказываетъ въ своей *Imagines historiarum*: „Mandato Philippi regis Francorum Iudaei quocunque loco per Franciam domicilium dum sabbatizarent, et in nullo regem offenderent, XV calendae artae mancipati custodiae; sed tandem XV millia marcorum fisco solventes, in integrum respiraverunt“. Этотъ отрывокъ лучше всякихъ расужденій показываетъ, какъ просто смотрѣли въ тѣ времена на подобныя *res gestas*.

² Petrus Cantor. Verbum abbreviatum. Цитир. у Осонна въ „Исторіи средн. вѣковъ“, т. II, ч. I.

Низшіе агенты инквизиціи тоже не преминули воспользоваться настроеніемъ главнаго инквизитора. Доносы посыпались безъ числа, и тюрьмы доминиканскаго монастыря наполнились заключенными. Въ каждомъ заключенномъ агенты имѣли свою выгоду. Оставлять доносы безъ разсмотрѣнія инквизиторы не могли по закону.

Дина бенъ Хариси была заключена въ одну изъ подземныхъ камеръ, куда обыкновенно сажали преступниковъ или подозрѣваемыхъ поважнѣе. Къ этой камерѣ вела, прямо отъ вѣли главнаго инквизитора, узкая витая лѣстница. Длинный корридоръ тянулся подъ землею вдоль всего монастырскаго флигеля и, какъ говорили, когда-то кончался подземнымъ потайнымъ ходомъ на берегу рѣки. Направо и налево въ корридоръ выходили тяжелыя желѣзныя двери, за которыми находились заключенные. Въ этихъ тюрьмахъ сидѣли нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Пьеръ Дюмуленъ и Авраамъ бенъ Хариси.

Со сводовъ корридора падали капли воды. Ноги скользили по каменнымъ плитамъ, по которымъ ползали мокрицы и бѣгали крысы.

Главный инквизиторъ самъ присутствовалъ въ корридорѣ, когда въ него была введена подъ стражей Дина бенъ Хариси.

Антуанъ видѣлъ ее, закованную, въ цѣпяхъ.

И она узнала его, не смотря на опущенный черныи капшонъ. Горѣвшіе лихорадочнымъ блескомъ глаза Антуана упорно остановились на ней. Дина задрожала отъ этого взгляда.

— Я видѣлъ васъ обоихъ, — успѣлъ шепнуть ей доминиканецъ, когда наклонялся надъ нею, будто бы для благословенія. Тюремщики съ удивленіемъ посмотрѣли на него, благословляющаго еврейку.

— Еретикъ! — подумали они.

Но братъ Антуанъ находился въ такомъ состояніи, что не замѣтилъ своей оплошности.

Отъ словъ главнаго инквизитора Дина упала безъ чувствъ. Теперь ей стало понятно, почему служители инквизиціи ворвались безъ всякаго повода въ домъ ея отца и, не обыскивая и не касаясь даже стараго доктора, арестовали ее одну.

Авраамъ бенъ Хариси тоже недоумѣвалъ.

— Доносъ, опять лживый доносъ! И maître Антуанъ имъ вѣрить!..

Впрочемъ, какъ мы сказали, инквизиція была обявана вѣрить всякимъ доносамъ.

На Авраама арестъ Дины не произвелъ подавляющаго впечатлѣнія. Старикъ былъ убѣжденъ, что maître Антуанъ добръ и справедливъ и что свѣтлая душа этого человѣка не допуститъ совершиться тѣмъ несправедливостямъ, которыя были возможны по статутамъ инквизиціи.

— Нѣсколько дней тюрьмы,—думалъ старикъ,—это испытаніе для моей дочери. Жизнь учить человѣка испытаніями. Но Дина храбрая дѣвушка, она ихъ вынесетъ. Въ жизни ей предстоятъ испытанія еще болѣшія!

Старикъ и не подоврѣвалъ, кто истинный виновникъ несчастія его дочери.

Между тѣмъ Динѣ не оставалось никакого сомнѣнія—въ чьи руки она попала. Дѣвушка долгое время пролежала безъ чувствъ. Придя въ себя, она съ трудомъ поняла, что произошло съ нею.

Звонъ цѣпей напомнилъ ей печальную дѣйствительность. Дина забилась въ уголъ и съ нѣмымъ ужасомъ смотрѣла въ окружающую тьму, въ ту сторону, гдѣ, по ея мнѣнію, находилась единственная дверь,—вотъ эту дверь отворять и въ ней появится бѣлая ряса.

Теперь Дина не только не любила и не уважала брата Антуана,—онъ былъ ей гнусенъ.

Въ единственное окно ея кельи, находящееся подъ самымъ потолкомъ, едва проникалъ нѣжный свѣтъ мѣсяца. Холодный ужасъ сковалъ члены дѣвушки, когда и этотъ свѣтъ погасъ.

Прошло нѣсколько мучительныхъ часовъ, которые показались Динѣ вѣкомъ. Въ тюремномъ корридорѣ слышались тихіе шаги. Засовы дрогнули, завзвѣли. Въ дверяхъ показался свѣтъ и въ комнату вошелъ главный инквизиторъ со свѣтильникомъ въ рукахъ.

Увидавъ его, Дина еще сильнѣе задрожала и еще болѣе съежилась.

Братъ Антуанъ поставилъ свѣтильникъ на полъ, затворилъ

за собою дверь и, взглянувъ на жалкую фигуру Дины, вдругъ зарыдалъ и бросился передъ нею на колѣни.

— Прости меня! Дина, прости!—воскликнулъ онъ.—Да, прости, сжался надо мною. Вотъ я у тебя въ ногахъ! Дина, сжался! Я тебя люблю! Ты для меня жизнь, ты смерть, ты рай, ты... Дина, слышишь, — я сейчасъ убью себя на твоихъ глазахъ.

— Уйдите прочь,—полушопотомъ, съ большимъ трудомъ произнесла Дина.

— Слушай! Я видѣлъ васъ. Я видѣлъ тебя на его плечѣ. Ты любишь другого,—я знаю. Но мнѣ все равно... Послушай, нѣтъ, не все равно: я, я люблю тебя. Я сброшу эту рясу. Уйдемъ въ Кордову... Или я не ручаюсь,—я тебя задушю, замучаю, сожгу! Слышишь,—я инквизиторъ! Власть у меня въ рукахъ! Ей нѣтъ границы, — я могу тебя сейчасъ выпустить изъ тюрьмы—и сейчасъ подвергнуть пыткѣ.

— Зачѣмъ вы сюда пришли?—вдругъ заговорила Дина, тихимъ, дрожащимъ голосомъ.—Что вамъ отъ меня нужно? Я васъ не люблю! Вы мнѣ гнусны!

Антуанъ отшатнулся. Его поразилъ тонъ голоса Дины. Передъ нимъ, въ цѣпяхъ, стояла не беззащитная и безомощная женщина, вполне находившаяся въ его власти. Монахъ чувствовалъ въ этой дѣвушкѣ присутствіе какой-то невидимой внутренней силы. Эта внутренняя сила не давала ему ступить шага по направленію къ Динѣ. Дина, прижавшись къ стѣнѣ, смотрѣла на него блестящимъ взглядомъ. На ея прекрасномъ лицѣ было одно выраженіе гнѣва и презрѣнія.

Она замѣтила впечатлѣніе, какое произвели ея слова. Это придало ей силы.

— Низкій человекъ,—продолжала Дина.—Уйдите прочь. Вы ничего не добьетесь. Уйдите! Какія у васъ силы, которыми вы заставите меня полюбить гнуснаго человека? Въ васъ больше лжи, чѣмъ въ тѣхъ доминиканцахъ, которые мучаютъ и казнятъ людей: они не разсуждаютъ, что предъ Богомъ нѣтъ ни іудея, ни еллина, и что ряса монаха тяготитъ ихъ. А вы? Уйдите прочь, лжецы!

Но онъ не уходилъ. Онъ чувствовалъ, что не можетъ справиться съ тѣмъ, что бьется и клокочетъ въ его груди. Онъ упалъ передъ Диной на колѣни и говорилъ безсвязныя, дикія рѣчи—о своемъ чувствѣ, о томъ, что онъ не можетъ владѣть собою, что онъ самъ себѣ врагъ. Онъ ползалъ передъ нею по полу, плакалъ, умолялъ, просилъ прощенія, каялся, клялся бросить эту проклятую должность, сдѣлаться снова бойцомъ за истину и справедливость.

Но его собственныя слова звучали надъ нимъ какою-то злою насмѣшкой. Не инквизиторы-ли бойцы за истину? Не они-ли призваны искоренять заблужденія и преступления? И вотъ онъ искореняетъ,—въ силу данной ему власти онъ ухватился за букву закона, такого закона, по которому можно объявить преступникомъ и судить каждаго человѣка, онъ заключилъ въ тюрьму и готовъ хоть подвергнуть пыткѣ, — нѣтъ, онъ даже подвергаетъ страшнѣйшей изъ всѣхъ пытокъ, — пыткѣ нравственной, — чистое, невинное существо. Гдѣ тутъ истина? Гдѣ справедливость? И не первую-ли роль играетъ во всемъ этомъ онъ со своими личными цѣлями?

Когда въ его головѣ тѣснились эти мысли, онъ лежалъ неподвижно, словно безъ чувствъ, на полу передъ Диной и въ это время сердце его разрывалось, а голова трещала, словно палачи надѣли на нее испанское ожерелье. Онъ былъ противень самому себѣ, а Динѣ онъ былъ не только противень, но и жалокъ. Не смотря на то страшное состояніе, въ которомъ она находилась, дѣвушка воспринимала чутьемъ, какъ страдаетъ этотъ человѣкъ. Онъ внушалъ ей не одинъ ужасъ.

Прошло нѣсколько секундъ—мучительно напряженныхъ. Англанъ лежалъ передъ Диной лицомъ внизъ и тяжело дышалъ. Она, прикованная къ стѣнѣ, словно оцѣпенѣлая смотрѣла на него, какъ смотреть колибри, которую готовится проглотить змѣя. Дина чувствовала, что силы ее покидаютъ.

Монахъ вскочилъ и бросился къ ней.

— Уйдите... уйдите! Ради Бога!

Доминиканецъ уже дотронулся до ея руки, но вдругъ словно непреодолимая сила опять остановилъ его.

Онъ увидѣлъ ея взглядъ, тотъ самый свѣтлый, добрый, умо-

ляющей взглядъ, которымъ она смотрѣла на него тогда, когда благодарила за спасеніе етца.

Она была передъ нимъ, и она молила. Все ея существо, казалось, сосредоточилось въ этомъ взглядѣ.

Антуанъ остановился, посмотрѣлъ мутными глазами на окружающія сырыя стѣны, на свою рясу, и вдругъ почувствовалъ такое омерзѣніе къ самому себѣ, онъ показался себѣ такимъ гнуснымъ, что выпустилъ изъ руки цѣпь, которою была прикована дѣвушка, и пошатнулся.

Цѣпь съ грохотомъ упала на полъ.

— Уйдите, ради Бога! — опять послышался ея шопотъ.

Этотъ шопотъ вызвалъ въ Антуанѣ кинья ощущенія. Онъ снова почувствовалъ, что въ его душѣ поднимается новая волна. Между тѣмъ Дина смотрѣла на него прежнимъ умоляющимъ взглядомъ.

Антуанъ опустил голову.

— Хорошо, — проговорилъ онъ. — Я уйду. Но я приду... Слышишь? Я приду... Завтра...

Онъ взялъ фонарь и шатаясь вышелъ изъ темницы.

Дина уже не слышала, какъ гремыхали засовы. Она была безъ чувствъ...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

„Если тебя оскорбятъ, что ты слѣлаешь?“—Я подумаю, какъ люди добры и милостивы, что меня не бьютъ.—„А если тебя ударятъ?“—Я подумаю, какъ они добры, что меня не лишаютъ жизни.—„А если тебя они лишатъ жизни?“—И тогда ихъ нужно благодарить за то, что они меня освободили отъ этого презрѣнаго тѣла“.

Разговоръ Будды и Пурны.

(В. St. Hilaire. Le Bouddha et sa religion. Цит. у Карьева. Осн. вопр. философіи исторіи, т. II, стр. 319).

„Естественныя и неотчуждаемыя права челоуѣка суть: свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе угнетенію“.

Déclaration 1789.

Раннимъ утромъ слѣдующаго дня Авраамъ бенъ Хариси возвратился домой въ страшномъ волненіи. До него дошли

слухи о совершенно непонятномъ настроеніи главнаго инквизитора. Очевидно, брату Антуану было не по себѣ. Милкій и прямой характеръ этого человѣка измѣнился въ нѣсколько дней. Его справедливость и милосердіе исчезли. Честные католики Безъера опасались уже, что братъ Антуанъ превзойдетъ своими дѣяніями лживаго и подвуннаго Беренгара. Отъ несправедливостей того можно было откупиться; братъ Антуанъ, напротивъ, богатство ставилъ ни во что. Беренгаръ былъ глухъ, и его нерѣдко водили за носъ обвиняемые; Антуанъ же—умный и ученый человѣкъ. Оставалось выяснить одно обстоятельство—искренно-ли убѣжденъ теперь братъ Антуанъ въ великомъ и благотворномъ значеніи инквизиціоннаго трибунала. Если да,—горе католикамъ и всѣмъ честнымъ людямъ: фамалчикъ, облеченный такою властью, — что можетъ быть страшнѣе этого? Если же нѣтъ, то-есть, если Антуанъ не искрененъ, то опять горе: умный человѣкъ, облеченный въ званіе главнаго инквизитора, натворитъ сознательно больше зла, чѣмъ медалекій. Къ тому же всѣ знали, что братъ Антуанъ — человѣкъ сильнаго характера, личность энергичная. Такую личность всѣ были рады видѣть во главѣ трибунала, пока она парализовала его зловердныя дѣйствія, которымъ не постановлено было статутами, можно сказать, никакихъ границъ. Когда же эта самая личность взялась за исполненіе и «усовершенствованіе на практикѣ» этихъ статутовъ,—тогда всѣ честные граждане задрожали.

Хорошая слава Антуана, какъ всегда бываетъ, меркла съ ужасающей быстротой.

Между тѣмъ, члены святаго трибунала, которые когда-то пресмыкались предъ Беренгаромъ, поднимали голову все выше и выше; а тѣ немногіе, которые сочувствовали гуманнымъ начинаніямъ Антуана, сгѣблили ступежаться. Даже личность самаго брата Антуана въ послѣдніе дни какъ будто ступежалась. Разумѣется, произошло это потому, что контрастъ между нимъ и другими сдѣлался менѣе рѣзкимъ, когда братъ Антуанъ емѣнилъ политику борьбы и обуздыванія политикой «попущанія» и бездѣятельнаго созерцанія.

Страшное безпокойство за участь единственной дочери разрывало на части сердце стараго доктора. Какъ ни хорошъ, по-

видимому, maître Антуанъ, но вѣдь онъ, Авраамъ, знаетъ его слишкомъ мало. Кто раскроетъ, что творится подъ этой бѣлой рясой и чернымъ капюшономъ? Вѣдь и Антуанъ—человѣкъ, и въ немъ есть хоть какіе либо недостатки. А кто поручится, что такая соблазнительная должность, какъ должность главнаго инквизитора, не подѣйствуетъ на него этимъ именно образомъ, т. е. дастъ возможность проявиться, укрѣпиться, созрѣть и малѣйшимъ недостаткамъ? О, власть сама по себѣ слишкомъ соблазнительна и опасна... Впрочемъ, нѣтъ, нѣтъ!—Онъ, докторъ Авраамъ, не хочетъ клеветать на добраго maître Антуана, которому онъ ужъ многимъ обязанъ. Но вѣдь Антуанъ не одинъ, — онъ лишь одинъ изъ многихъ членовъ ненавистной клики. Сзумѣеть-ли, сможетъ-ли онъ справиться съ нею? — Не придется-ли и ему въ концѣ концовъ плыть по теченію? Горе тогда всѣмъ, и прежде всего Динѣ! Жителямъ Безъера хорошо извѣстно, что продѣлываютъ негодяи-инквизиторы съ заключенными женщинами ¹.

Быть можетъ, maître Антуанъ потому и разстроенъ, что не можетъ спасти Дину...

Наконецъ волненія стараго доктора дошли до такой степени, что онъ не могъ болѣе ихъ выносить. Онъ попытался увидаться съ Антуаномъ, но это ему не удалось, сколько онъ ни добивался, сколько ни ожидалъ его у монастыря. Наконецъ, монастырскіе служки кулаками и палками прогнали стараго доктора отъ монастыря. Избитый, загрязненный, онъ вернулся домой и пошелъ въ ту комнату, которая служила убѣжищемъ Леону Дюмулену.

Онъ высказалъ молодому человѣку всѣ свои опасенія. Леонъ выслушалъ его довольно спокойно. Трубадуръ прекрасно умѣлъ скрывать свои чувства въ глубинѣ души; онъ не любилъ говорить о томъ, что болѣзненно затрагиваетъ наиболѣе дорогія привязанности, лучшія чувства. Онъ рѣдко говорилъ о своемъ погибшемъ отцѣ, на мученія котораго смотрѣлъ сквозь щели чердака въ домъ знакомаго горожанина-альбигойца. И когда, нѣсколько дней послѣ казни, этотъ знакомый сказалъ Леону:—Я не вижу на тебѣ траура. Развѣ ты не оплакиваешь

¹ См. Осонкингъ „Исторія среди вѣковъ“, т. II, ч. I.

отца?—Леонъ отвѣчалъ: «Что плакать и жалѣть мертвыхъ? Избавимъ лучше живыхъ отъ такихъ же мученій»... И замолчалъ.

— Сынъ мой,—закончилъ свои предположенія старый докторъ,—неужели и ты сомнѣваешься въ maître Антуанѣ?

Леонъ не далъ ему продолжать. Онъ пояснилъ, что не сегодня уже всѣ эти соображенія и опасенія пришли къ нему въ голову.

— Какое бы ни былъ maître Антуанъ,—говорилъ молодой человѣкъ,—нельзя полагаться на него одного, а самимъ сидѣть сложа руки. Я не безплодно провелъ эту ночь. Закрывши лицо плащомъ, чтобы меня не узнали агенты инквизиціи, я вмѣстѣ съ моею арфой бродилъ какъ влюбленный, идущій на свиданіе, по берегу рѣки у монастыря. Луна мнѣ помогала, она свѣтила такимъ нѣжнымъ сіяніемъ. Тамъ, у рѣки, — говорилъ мой отецъ,—была когда-то часовня, которая соединялась подземнымъ ходомъ съ корридорами монастыря. Часовню разрушили крестоносцы. Я искалъ этотъ подземный ходъ еще тогда, когда старался вырвать моего бѣднаго отца изъ рукъ негодяевъ. Мнѣ тогда не дали искать, за мной гнались и я едва укрылся съ вашей помощью... Бѣдный отецъ погибъ. Но сегодня ночью я нашелъ входъ въ подземелье...

— Нашелъ входъ!—воскликнулъ старикъ. При этихъ словахъ его лицо прояснилось.—Правду говоритъ Іегуда Сиръ Леонъ: «Богъ помогаетъ угнетеннымъ»¹.

Леонъ не только нашелъ входъ въ корридоръ, но съ опасностью жизни пробрался въ его глубину. Во многихъ мѣстахъ ему приходилось расчищать дорогу, такъ какъ сводъ обрушился и кирпичи и земля засыпали просвѣтъ до самаго потолка. Это и подало поводъ говорить, что подземный ходъ въ монастырь засыпанъ. Теперь ходъ расчищенъ настолько, что является возможность пробраться до самаго монастыря. И Леонъ пробрался и пошелъ бы дальше, если бы не увидѣлъ въ монастырскомъ корридорѣ доминиканца, шедшаго со свѣтильникомъ въ какую-то келью. Тогда онъ посвѣшилъ вернуться.

Думать было нечего; оставалось только дѣйствовать. Вырвать

¹ Въ своей книгѣ *Sefer ha Kabod*, 6,61.

Восходъ, кн. 11.

жертву изъ рукъ инквизиціи хотя и было предпріятіемъ рискованнымъ, но возможнымъ. Примѣры такого рода уже были извѣстны ¹.

Леонъ и Авраамъ обсудили планъ похищенія. Заранѣе была нанята подвода, на которую старый докторъ нагрузилъ свое имущество, заключавшееся въ драгоценныхъ сосудахъ и книгахъ; вѣрный служитель отправился на этой повозкѣ чрезъ Нарбонну къ морю. Тамъ этотъ служитель долженъ былъ нанять легкій галіотъ, на которомъ бѣглецы намѣревались переправиться въ южную Испанію, къ арабамъ. Другой служитель доктора, съ четырьмя верховыми лошадьми, долженъ былъ съ 12 часовъ ночи ожидать бѣглецовъ у дуба надъ рѣкой.

Немного потребовалось времени, чтобы нанять повозку, собрать и уложить въ нее вещи и книги, которыя, въ тѣ времена, когда книгопечатаніе еще было неизвѣстно, переписывались и стоили огромныхъ денегъ.

Повозка съ вещами выѣхала по южной дорогѣ немедленно.

Кое-что докторъ успѣлъ продать и заложить своимъ сосѣдямъ, объясняя, что послѣ ареста дочери и ея вѣрной гбелли ему ничего не остается дѣлать, какъ ѣхать въ Парижъ или Прагу.

О недвижимомъ имуществѣ разсуждать не приходилось: законъ гласилъ: *les meubles des juifs sont au baron* ². Всѣ видѣли, что старый докторъ спасаетъ бѣгствомъ свою кожу, такъ какъ спасти свою дочь не въ силахъ.

Леонъ между тѣмъ привелъ въ порядокъ оружіе. Авраамъ былъ слишкомъ слабъ и старъ, чтобы владѣть мечомъ; но и онъ счелъ недлиннымъ обязать вокругъ своего стана поясъ изъ кордовской кожи съ широкимъ провансальскимъ ножомъ.

И Леонъ и Авраамъ находились въ страшномъ волненіи. Первый мечталъ не только о томъ, чтобы освободить Дину, но и о томъ, чтобы напомнить инквизиторамъ о несправедливой казни его отца. Какъ напомнить—объ этомъ зналъ только Ле-

¹ Lorent. Histoire de l'inquisition, T. I.

² Имущество еврея принадлежитъ барону.

онъ. Второй съ нетерпѣніемъ жаждалъ увидѣть свою дочь; вмѣстѣ съ этимъ тяжелая грусть наполняла его сердце, — грусть человека, которому суждено весь вѣкъ кочевать изъ страны въ страну... Старому Аврааму тяжело было расставаться со своимъ гнѣздомъ, которое было свито имъ съ такими трудами. Но «да будетъ проклята та страна, которая посылаетъ на смерть праведниковъ!» «Лучше быть гонимымъ, чѣмъ гонителемъ. Истина побѣдитъ, а онъ, Авраамъ,—слуга истины».

Старый докторъ плакалъ, собирая въ ящикъ пергаменты, которые заключали матеріалы, собранные имъ съ большимъ трудомъ, о дѣяніяхъ Филиппа-Августа и папы Иннокентія III въ Провансѣ и Лангедокѣ. На этихъ же пергаментахъ были тамъ и сямъ записаны размышленія самого доктора. Авраамъ былъ убѣжденъ, что ея логика съ теченіемъ времени должна сдѣлаться логикой всѣхъ людей...

Вечеръ приблизился незамѣтно. Солнце скрылось. Луна еще не показывалась. Пробилъ колоколъ, возвѣщавшій горожанамъ, что пора тушить огни.

Закутавшись въ темные плащи, Леонъ и Авраамъ незамѣтно вышли изъ дома. Они были вооружены, кромѣ кинжаловъ и ножей, толстыми желѣзными ломачами.

Леонъ указывалъ дорогу. Авраамъ съ трудомъ успѣвалъ за нимъ. Проходя мимо дуба, они замѣтили служителя со стреноженными лошадьми, которыя мирно щипали траву. Сдѣлать на нихъ не было, чтобы не навлечь до поры до времени чьихъ либо подозрѣній.

Пройдя дубъ, Леонъ своротилъ съ тропинки и направился къ берегу рѣки. Тамъ, у подножія утеса, чернѣли развалины часовни. Сводъ ея обрушился, а въ стрѣльчатое окно съ желѣзною рѣшеткой сквозило усѣянное звѣздами небо.

Спотыкаясь о кирпичи и плиты, которыми былъ усыпанъ полъ развалинъ, Леонъ пробрался въ одинъ изъ угловъ. Тамъ онъ высѣкъ изъ огнива искру и засвѣтилъ маленькій свѣтильникъ. При его слабомъ мерцаніи онъ безъ труда отыскалъ широкую известковую плиту, на которой былъ высѣченъ крестъ и какая-то латинская надпись, почти стершавшаяся. Въ плитѣ

видно было отверстіе, въ которомъ когда-то находилось кольцо. Съ помощью желѣзныхъ ломовъ Авраамъ и Леонъ подняли и отвалили плиту.

На нихъ пахнуло затхлымъ, сырымъ воздухомъ. Въ отверстіе можно было разглядѣть ступени крутой дѣстницы. За нею шель узкій корридоръ съ кирпичными стѣнами. Онъ извивался какъ змѣйка, дѣлая неоднократные завороты. Ноги скользили по сырому полу. Тамъ, гдѣ сводъ обрушился, путникамъ пришлось перелѣзать черезъ груды кирпича, пробираться ползкомъ, расчищая землю.

Путешествіе продолжалось около часа. Наконецъ корридоръ сталъ просторнѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ суше. Леонъ и Авраамъ подошли къ монастырю. Черезъ нѣсколько минутъ они достигли тюремнаго корридора.

Не вступая въ него, Леонъ вдругъ сдѣлалъ крутой оборотъ и загасилъ свѣтильникъ.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ Авраамъ.

— Тише! Тамъ, въ корридорѣ, я увидѣлъ свѣтъ... Сюда идутъ!...

Они поспѣшно сдѣлали нѣсколько шаговъ назадъ и притаились за стѣной. До ихъ слуха донеслись мѣрные шаги, глухо гудѣвшіе подъ сводами.

Вдругъ, словно издалека, донесся до ихъ ушей чей-то стонъ, который вскорѣ перешелъ въ хохотъ.

Авраамъ и Леонъ вздрогнули. Они разслышали слова, шедшія изъ-подъ земли.

— Убійцы! Убійцы! Убійцы!... Изверги, изверги, изверги!... Прочь, негодяи! Не трогайте сына! Жгите меня!... Ха, ха, ха! Бойтесь... Негодяи, негодяи, негодяи!..

У Авраама пробѣжалъ холодъ по спинѣ. Онъ задрожалъ и воскликнулъ:

— Дочь моя! Дочь моя!

— Тише, ради Бога! Это не она,—остановилъ его Леонъ.— Тише, или мы погибли. Сюда идутъ.

Шаги дѣйствительно приближались. Мелькнулъ свѣтъ, и Леонъ съ Авраамомъ увидѣли, что какой-то доминиканецъ съ

свѣтильникомъ въ рукахъ прошелъ по тюремному корридорю въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ.

Капюшонъ его былъ опущенъ на лицо.

— Убійцы! Убійцы! Ха, ха, ха!—снова раздалось изъ какой-то темницы.

Авраамъ и Леонъ вышли изъ своего убѣжища въ тюремный корридоръ. Далеко впереди ихъ шелъ монахъ съ свѣтильникомъ. Пройдя весь корридоръ, онъ повернулъ обратно, и Леонъ съ докторомъ должны были снова укрыться.

Монахъ вторично прошелъ мимо нихъ.

— Гдѣ же она?—спрашивалъ съ мучительнымъ безпокойствомъ Авраамъ, смотря на длинный рядъ тюремныхъ дверей.

— А вотъ мы узнаемъ отъ этого,—отвѣчалъ Леонъ, указывая на монаха.

Онъ вынулъ изъ ноженъ кинжалъ и сталъ осторожно и безшумно пробираться по корридорю за монахомъ.

Тотъ остановился у одной изъ дверей, снялъ со своего пояса ключъ и началъ отворять дверь.

— Ха, ха, ха, ха...—раздалось снова подъ сводами.—Изверги, негодяи, жгите, вотъ вамъ! Вотъ вамъ!...

У Авраама встали дыбомъ волосы.

Крики заключенныхъ не могли привлечь тюремщиковъ, такъ какъ не умолкая раздавались подъ сводами инквизиціонной тюрьмы.

Монахъ между тѣмъ отворилъ дверь и вошелъ въ камеру.

Леонъ быстро очутился около него.

Дверь не успѣла еще закрыться за монахомъ, свѣтильникъ не успѣлъ еще освѣтить углы камеры, какъ подъ сводами раздался другой крикъ, нечеловѣческій, дикій, раздирающій, словно выходящій изъ груди какого-то чудовища, съ котораго сдирали живьемъ кожу.

Леонъ затрясся и поблѣднѣлъ. Авраамъ упалъ на колѣни.

Этотъ крикъ исходилъ изъ груди монаха.

Монахъ стоялъ въ дверяхъ съ искаженнымъ лицомъ, схватившись руками за голову, съ которой капюшонъ свалился на плечи.

Леонъ съ трудомъ узналъ въ этомъ искаженномъ лицѣ, съ

вышедшими изъ орбитъ глазами, со ртомъ, искривленнымъ отъ ужаса, лицо брата Антуана.

Страшный крикъ повторился, затѣмъ еще и еще. При мерцающемъ свѣтѣ свѣтильника, который какимъ-то чудомъ не погасъ, Леонъ видѣлъ, что братъ Антуанъ какъ безумный наконецъ бросился въ камеру. За нимъ бросился туда Леонъ и наконецъ Авраамъ.

Войдя туда, оба окаменѣли отъ ужаса.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

...«Даромъ ничто не дается. Судьба
Жертвъ искунительныхъ просить».

Нерасовъ.

Зрѣлище, которые они увидѣли, по-истинѣ было ужасно. На косякѣ двери, у темной кирпичной стѣны, висѣло чье-то тѣло, одѣтое въ бѣлое, съ распущенными волосами и обнаженными руками, которыя беспомощно повисли. Ноги не касались земли; голова поникла на грудь. Лицо успѣло посинѣть...

Чье это было тѣло,—всѣ три лица, находившіяся въ темницѣ, сразу узнали. Это была та, для которой всѣ трое пришли въ этотъ корридоръ; та, которую всѣ трое любили и на которую всѣ трое смотрѣли разными глазами. Въ этомъ носившемъ лицѣ, съ пѣною на губахъ, съ тусклыми глазами, вышедшими изъ орбитъ и смотрѣвшими на нихъ съ тупымъ ужасомъ, всѣ узнали лицо Дины бенъ Харисш.

Дина не ждала другого дня, того страшнаго «завтра», о которомъ ей сказала, уходя, главный инквизиторъ. Она предпочла умереть, не ожидая нравственной и, быть можетъ, физической пытки. Она хотѣла жить,—но ужасъ и отчаяніе подавили въ ней жажду жизни. Свѣжая мысль, которая пылала и билась въ этомъ мозгу въ поискахъ за истиной, замерла и разсѣялась въ эфирѣ; волны свѣтлаго и глубокаго чувства, трепетавшія вмѣстѣ съ этимъ сердцемъ, разбились вмѣстѣ съ нимъ.

Тѣ трое, которые пришли въ темницу ради души этой молодой жизни, нашли одно только тѣло: птичка выпорхнула изъ клѣтки, свѣтильникъ погасъ.

Дина повѣсилась на длинной лентѣ, которую она оторвала отъ своего платья. Цѣпи не помѣшали ей самоубійству: онѣ только придали лишнюю тяжесть тѣлу.

Три человѣка плакали надъ дорогимъ трупомъ, который, освобожденный отъ петли и цѣпей, лежалъ на полу. Надъ нимъ на колѣняхъ, разрывая на себѣ одежду, бился и метался главный инквизиторъ.

Присутствующіе не могли разобрать словъ, которые безсвязнымъ роемъ вылетали изъ его груди,—да и не до того имъ было, чтобы разбирать.

— Я, я виновать... Мой приказъ... Я подписаль... Я велѣлъ. Я негодай, извергъ... Прости, прости, да прости же!..

Леонъ, мертвенно блѣдный, обнималъ шею Дины, растиралъ ее успѣвшія уже околѣнѣть руки,—и напрасно.

Старый Авраамъ не плакалъ. Тупое чувство безысходнаго горя охватило его. Ни одинъ мускулъ его лица не дрожалъ. Сгорбленный, позелецѣвшій, беспомощный, онъ повернулся лицомъ къ стѣнѣ и, бессильно опустившись на полъ, замеръ, застылъ.

Только дикіе крики и рыданія Антуана нарушали тишину корридора, да изрѣдка, изъ неизвѣстной каморки, словно съ того свѣта, неслись проклятія и угрозы и безумный хохотъ.

— Изверги! негодай! убійцы! Богъ поразить васъ.

Сколько времени продолжалась эта тяжелая сцена,—никто не зналъ. Всѣмъ она показалась вѣчностью.

Прежде другихъ пришелъ въ себя Антуанъ. Лицо его приняло какое-то мертвенное выраженіе и было блѣдно, какъ смерть. Что-то неизменное отпечатлѣлось на этомъ лицѣ. Онъ весь какъ будто ушелъ въ самого себя, въ какія-то недосыгаемыя глубины, и прервалъ связи съ тѣмъ, что осталось вдѣсь. Антуанъ словно раздвоился: одинъ ушелъ въ себя, другой остался. Но этотъ другой былъ уже не прежній Антуанъ. Предъ Леономъ и Авраамомъ стоялъ человѣкъ, на

лицѣ котораго виднѣлась желѣзная рѣшимость, мертвенное спокойствіе.

Повидимому, Антуанъ не удивился, что передъ нимъ стоять чуждые инквизиціи люди.

— Слушайте,—сказалъ онъ.—Это дѣвушка повѣсилась. Прощаго не вернешь. Кто виноватъ въ ея смерти? Я виноватъ. На меня падаетъ ея смерть... А я,—я надѣялся, что она откроетъ мнѣ новую жизнь, что она освѣтитъ мракъ, окружающій меня, разгонитъ холодъ, сковывающій мою душу... И вотъ она предо мною мертвая! Дина! Дина,—да слушай же, слушай, что говорить тебѣ главный инквизиторъ!...

При послѣднихъ словахъ его голосъ напряженно возвысился; не то стонъ, не то вздохъ вырвался изъ его груди. Но онъ поборолъ себя и продолжалъ:

— Нѣтъ, я не такъ сказалъ. Я былъ инквизиторъ. Теперь я не инквизиторъ. Нѣтъ, нѣтъ,—и то зло, которое я сдѣлалъ, взываетъ къ небу... Довольно... Довольно...

Онъ опять замолкъ. Онъ задыхался.

Леонъ стоялъ передъ нимъ по другую сторону трупа; старый докторъ лежалъ лицомъ внизъ, обнимая ноги Дины. Онъ былъ неподвиженъ.

Антуанъ продолжалъ:

— Довольно зла... Я больше не инквизиторъ. Я не хочу болѣе держать въ рукахъ это страшное орудіе. Не хочу. Держать его—значитъ пользоваться имъ,—не хочу... Довольно... Я не слугитель зла... Дина! Я начинаю новую жизнь. Ты дѣйствительно открыла путь къ ней. Но какою цѣной!.. Какою цѣной!..

Онъ не могъ продолжать. Его горло опять сжалось и дыханіе захватило. Но онъ опять пересилилъ самого себя и, склонивъ голову надъ трупомъ Дины, вдругъ заплакалъ.

— Прости же, прости!..

Нѣсколько минутъ онъ обнималъ трупъ Дины, обливая его слезами. Его тѣло судорожно вдрагивало. По лицу Леона текли слезы. Только старый Авраамъ по прежнему лежалъ неподвижно, лицомъ внизъ.

Время шло медленно-медленно...

Между тѣмъ, вдали, въ корридорѣ слышались чьи-то шаги. Антуанъ быстро вскочилъ и, взявъ свѣтильникъ, пошелъ изъ камеры. Леонъ и Авраамъ остались въ потьмахъ, одни съ трупомъ. Дверь камеры захлопнулась. Они слышали, какъ Антуанъ съ кѣмъ-то говорилъ.

— Это ты, Жакъ?

— Я, ваше преподобіе.

— Куда же ты идешь?

— Да вотъ мнѣ чудится, что въ корридорѣ этомъ кто-то ужъ очень кричитъ. Я говорю, что это чортъ, ожидающій души еретиковъ, а жена говоритъ, что это люди. Посмотри да посмотри, не убѣжала-ли эта вѣдьма, въ которой легионъ ѡбсовъ. Хотя я и не желаю знакомства съ ѡбсами, но я вѣрный слуга его святѣйшества папы и терпѣть не могу еретиковъ. Я и пошелъ...

Ночныя посѣщенія уницъ инквизиторами были такъ обыкновенны, что никакъ не могли удивить тюремщика.

Антуанъ съ нетерпѣніемъ ждалъ окончанія его болтовни.

— Хорошо, Жакъ! Дай мнѣ ключи отъ всѣхъ дверей,—и иди съ Богомъ.

Леонъ и Авраамъ услышали звонъ передаваемыхъ ключей.

— Благословите же, святой отецъ!

Черезъ нѣсколько секундъ шаги удалились, и въ камеру, гдѣ лежалъ трупъ Дины, вошелъ снова Антуанъ. Онъ казался спокойнѣе прежняго.

— Возьмите ее,—сказалъ онъ, указывая на тѣло,—и пойдете.

Докторъ Авраамъ очнулся и шатаясь пошелъ изъ камеры. Леонъ завернулъ тѣло Дины въ черный плащъ и взялъ его на руки.

Антуанъ хотѣлъ указать имъ дорогу на верхъ, но ему рассказали о томъ способѣ, какимъ они проникли въ монастырь.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ доминиканецъ,—а теперь Богъ да благословитъ насъ и да поможетъ мнѣ искупить мой грѣхъ.

Затѣмъ послѣдовала сцена, которая происходила гораздо быстрѣе, чѣмъ ее можно описать. Участвующіе въ ней всѣ

лихорадочно торопились; на лицахъ было видно мучительное беспокойство, скорбь, горе...

Антуанъ прежде всего подошелъ къ сосѣдней камерѣ и началъ отворять дверь.

— Что вы дѣлаете?!—воскликнулъ Леонъ.

— Я искупаю мой грѣхъ!—отвѣчалъ монахъ. Въ его голосѣ звучало какое-то глубокое, задушевное чувство. Что это было за чувство—Леонъ не понималъ.

Дверь была отперта. Антуанъ вошелъ въ темницу и сказалъ, кланяясь заключенному:

— Братъ мой! Встань и иди съ миромъ, и прости меня за то горе, которое я тебѣ причинилъ.

Въ корридоръ вышелъ юноша, котораго подозрѣвали въ принадлежности къ ереси Пьера Вальдевіа. Освобожденіе пришло къ нему въ тотъ моментъ, когда онъ ожидалъ, что вотъ его поведутъ на казнь. Но онъ скоро понялъ, что двери тюрьмы дѣйствительно открыты передъ нимъ.

Между тѣмъ Антуанъ подходилъ ко второй, къ третьей двери. Онъ растворялъ ихъ и выпускалъ узниковъ въ тюремный корридоръ.

Такъ они шли по корридору, разнося узникамъ свободу.

Скоро корридоръ наполнился людьми. Всѣ заключенные, въ числѣ ста девятнадцати человѣкъ, собрались въ его концѣ. Это были люди разныхъ состояній и національностей. Тутъ были дворяне, обвиняемые въ глумленіи надъ религіей; горезжане-альбигойцы и вальденцы; еврей, будто бы совращавшіе христіанъ въ іудейство и убивавшіе христіанскихъ дѣтей; крещенные арабы, отпавшіе снова въ магометанство; женщины, вступившія въ любовную связь съ дьяволомъ; трубадуры, распѣвавшіе такія пѣсни, которыя подрывали авторитетъ Рима и Филиппа-Августа; еврей, державшіе въ услуженіи христіанъ, и христіане, служившіе у евреевъ; были даже монахи-бенедиктинцы, «которые прониклись жеученіемъ Аверрорса» и «источали въ своихъ сочиненіяхъ непотребную ложь»; были богачи, виновные въ томъ, что на ихъ богатство находились охотники изъ инквизиторовъ, и т. д., и т. д. Не смотря на присутствіе такого числа

людей, въ корридорѣ царилъ тишина. Только изрѣдка слышались дикіе крики безумной, стукъ засововъ и голосъ Антуана.

— Во имя Господа милосерднаго, во имя Бога любви, добра и прощенія, возвращается тебѣ свобода.

Впрочемъ, для большей безопасности, у всѣхъ дверей, ведущихъ изъ тюрьмы въ монастырь, были разставлены люди.

Оставалось освободить двоихъ осужденныхъ, которые сидѣли въ камерахъ для особенно важныхъ злодѣевъ. Эти двое были: во первыхъ, безумная; во вторыхъ, старый вальденецъ Пьеръ Мюре, одинъ изъ «совершенныхъ»¹.

Антуанъ безъ колебанія подошелъ къ двери и раскрылъ ее.

— Изверги!—послышалось оттуда.—Пришли! За мной пришли! Вотъ я! Вотъ я! Ха, ха, ха!..

Костлявыя руки ухватились изнутри за дверь, закрыли, затѣмъ раскрыли ее, и въ корридоръ изъ каморки выскочила сѣдая, костлявая старуха, въ одной рубашкѣ, съ распущенными волосами. На рукахъ и ногахъ у нея виднѣлась кровь. Несчастную уже два раза подвергали пыткѣ.

Эта «вѣдьма» была просто съумасшедшая. Тогда какъ въ XIX вѣкѣ съумасшедшихъ сравниваютъ съ гениями, въ XIII в. ихъ называли вѣдьмами и колдунами, и государственныя и церковныя учрежденія жгли ихъ.

— Вотъ я, вотъ я! Ха, ха, ха!—загоготала старуха.

— Господи, спаси!—пробѣжало по толпѣ.—Это вѣдьма!

Старуха схватила костлявыми руками рясу Антуана и разодрала ее; затѣмъ, большимъ прыжкомъ отскочила въ сторону и хотѣла бѣжать по корридору, нѣсколько человекъ набросились на нее и схватили за руки и за ноги.

— Она погубить насъ всѣхъ!—послышалось въ толпѣ.

Старуха дѣлала страшныя усилія, чтобы освободиться.

— Нѣтъ, нѣтъ,—говорилъ Антуанъ,—я не могу и эту несчастную оставить здѣсь на мученія.

Въ это время старуха какимъ-то нечеловѣческимъ усиліемъ высвободилась изъ державшихъ ее рукъ и набросилась на Ав-

¹ Высшая ступень нравственнаго совершенства у вальденцевъ.

раама. Въ рукахъ ея мелькнулъ ножъ, который она выхватила изъ-за пояса доктора.

Съ кривляньями и ужимками, размахивая ножомъ, она сдѣлала нѣсколько прыжковъ, но вдругъ, заготаваъ дикимъ голосомъ: «Вотъ я! вотъ я! Вотъ вамъ! Изверги, негодяи! Жгите!»—въ какомъ-то изступленіи ударила нѣсколько разъ по своей груди и затѣмъ вонзила ножъ себѣ въ горло.

Кровь хлынула у нея изъ рта. Она упала.

Толпа шарахнулась.

— Пойдемте, пойдемте скорѣе!—воскликнулъ Леонъ, не выпуская своей ноши.—Этой уже не нужна свобода.

Антуанъ, поблѣднѣвшій до того, что самъ походилъ на мертвеца, отворялъ между тѣмъ послѣднюю дверь.

Эта дверь была отворена, но никто не показывался.

— Мюре! — воскликнулъ Антуанъ,—именемъ Бога любви, милосердія и прощенія,—встаньте!

Никто не отвѣчалъ.

Антуанъ со свѣтильникомъ вошелъ въ камеру. У стѣны сидѣлъ красивый, величественный старикъ, закованный въ цѣпи.

— Мюре! Вы свободны! Идите!

Мюре всталъ и посмотрѣлъ на доминиканца.

— Что вамъ отъ меня нужно?

— Вы свободны. Бѣгите, спасайтесь.

— Что вамъ отъ меня нужно? Куда вы меня зовете? На пытку?

— Нѣтъ.

— На костеръ?

— Нѣтъ.

— Такъ вы мнѣ разрѣшаете идти и проповѣдывать ту истину, которая во мнѣ?

— Нѣтъ. Бѣгите, спасайтесь. Вы будете проповѣдывать истину тамъ, въ другой странѣ, куда убѣжите. Бѣгите, время дорого. Я вамъ другъ.

Старикъ захохоталъ.

— Другъ!? Ха, ха, ха! Ты носишь эту рясу и считаешь себя моимъ другомъ! Ха, ха, ха! Ты, сынъ дьявола, сынъ жи

и насилія, ты считаешь другомъ меня?! Ха, ха, ха! Развѣ когда либо волки были друзьями овецъ? А ты—мучитель, гонитель. Я—другъ истины! Знаешь, что сказано въ Писаніи: Блаженны гонимые за правду... Пошелъ вонъ, лжець!..

Тогда подошелъ къ старику Леонъ и пытался уговорить его. Но старикъ не позволилъ даже снять съ себя цѣпей.

— Бѣжать? Зачѣмъ? Чтобы тамъ, вдали, служить истинѣ? Нѣтъ, нѣтъ! Я и здѣсь, въ этой тюрьмѣ служу ей. Сказано въ Писаніи: не оживеть, если не умреть. Оставьте меня, идите. Я ни слова не скажу, что я видѣлъ. Я знаю, что меня ждетъ костеръ, но понимаете-ли вы, что нѣтъ болѣе высокаго служенія истинѣ, какъ на кострѣ!

И Пьеръ Мюре остался.

Антуанъ не рѣшился насильно спасти его отъ костра.

А между тѣмъ время шло.

Чтобы дѣло освобожденія вполнѣ удалось, нужны были одежды и деньги. Антуанъ и съ нимъ нѣсколько человекъ освобожденныхъ начали осторожно подниматься по лѣстницѣ, которая вела къ кельѣ главнаго инквизитора; рядомъ съ этой кельей находились монастырская ризница и канцелярія трибунала, гдѣ хранилась казна инквизиціи.

Черезъ четверть часа всѣ освобожденные мужчины и женщины были одѣты въ рясы доминиканцевъ. У каждаго въ карманѣ лежало по нѣскольку монетъ, необходимыхъ, чтобы вырваться изъ круга вліянія инквизиціоннаго трибунала.

Длинная процессія доминиканцевъ двинулась по корридору къ развалинамъ часовни.

Два доминиканца несли тѣло Дины, завернутое въ черный плащъ.

Антуанъ несъ въ рукахъ связку рукописей; это было все, что онъ взялъ изъ своей кельи.

Подходя по корридору къ развалинамъ часовни, Антуанъ замѣтилъ, что съ нимъ не было Леона. Черезъ нѣсколько минутъ молодой человекъ догналъ бѣглецовъ, залыхавшійся и взволнованный.

Его никто не спрашивалъ, гдѣ онъ былъ.

Доминиканцы, выходящіе по лѣстницѣ изъ подземелья, по-

ходили на привидѣнія, выходящія изъ могилъ. Лунное сіяніе, освѣщавшее ихъ своимъ холоднымъ, зеленымъ свѣтомъ, придавало еще большую таинственность этой картинѣ. Луна стояла высоко на небѣ и заливала своими лучами недвижную землю. Городъ спалъ. Только въ монастырѣ, башни котораго черными зубцами выступали на небесномъ сводѣ, кое-гдѣ блестѣли огоньки.

Люди въ доминиканскихъ рясахъ шли подобно привидѣніямъ, по два въ рядъ. Кто ихъ видѣлъ, спѣшили креститься и бѣжали прочь. Иные въ страхѣ размышляли, какое еще темное дѣло замышляетъ бѣлая братія.

Мало-по-малу толпа доминиканцевъ рѣдѣла. То одинъ, то два человѣка отдѣлялись отъ нея и шли въ городъ.

Тамъ вѣдь страдали въ неизвѣстномъ и тоскливомъ ожиданіи—родные, друзья...

Въ условленномъ мѣстѣ Леонъ нашелъ служителя съ четырьмя лошадьми. На трехъ сѣли Авраамъ, Леонъ, служитель; на четвертую же, предназначенную для Дины, сѣлъ Антуанъ.

Всѣ молчали. Каждый былъ поглощенъ своимъ горемъ. Но ни Леонъ, ни Авраамъ ни на минуту не подозрѣвали, какую роль игралъ въ этой трагедіи Антуанъ. Напротивъ, его присутствіе въ тюрьмѣ они объясняли желаніемъ спасти Дину, а его слова: «я виноватъ, я далъ приказъ»—сокрушеніемъ о томъ, какую гнусную должность онъ занималъ.

Авраамъ держалъ поперекъ сѣдла тѣло Дины. Бѣдный старикъ не хотѣлъ разставаться съ нимъ.

Когда они были въ двухъ или трехъ льѣ отъ города, до нихъ слуха донесся гулъ набата. Звонили въ большой монастырскій колоколь.

Они остановили лошадей и оглянулись.

Надъ Безьеромъ играло зарево. Въ городѣ былъ пожаръ.

Съ ближняго холма можно было видѣть, что горѣло. Тотъ флигель доминиканскаго монастыря, въ которомъ помѣщался священный трибуналъ, былъ объятъ пламенемъ.

Бѣглецы ударили по лошадямъ и помчались по направленію къ Нарбоннѣ.

Н. Рубакинъ.

(Окончаніе будетъ).

О ЧЕРТВЪ ОСЪДЛОСТИ¹.

О ПРОИСХОЖДЕНІИ И СОВРЕМЕННОМЪ ЗНАЧЕНІИ ЭТОГО УСТАНОВЛЕНІЯ СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ РУССКАГО ЧЕЛОВѢКА.

При ближайшемъ разсмотрѣніи обстоятельствъ, касающихся появленія указа Екатерины I отъ 26 апрѣля 1727 г., коимъ впервые внесена въ политическую нашу сферу безусловная нетерпимость къ евреямъ, нельзя не согласиться, впрочемъ, что на первыхъ порахъ *религиозныя* собственно убѣжденія были здѣсь не при чемъ, такъ точно, какъ не при чемъ были и государственные мотивы, торговые, промышленные или фивансовые. Тутъ была личная воля и личные виды одного лица, вовсе не царственнаго, о причинахъ образа дѣйствія котораго можно только догадываться, такъ какъ онѣ въ точности неизвѣстны,—воля и виды свѣтлѣйшаго князя Меншикова. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины I и образованіемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, главнымъ дѣятелемъ въ политической сферѣ явился этотъ временщикъ, въ духовной—Оеофанъ Прокоповичъ. Объ этомъ послѣднемъ и о его духовныхъ взглядахъ на христіанское благочестіе по отношенію къ евреямъ — мы уже знаемъ. Взгляды эти были пропитаны духомъ западныхъ церквей, носившихъ на себѣ еще и въ то время печать средневѣковыхъ предубѣжденій противъ евреевъ и религіозно-общественной къ нимъ исключительности. Теоріи этой, какъ нужно полагать, слѣдовалъ и даровитый Оеофанъ Прокоповичъ, въ числѣ другихъ своихъ коллегъ по синоду. Что касается Меншикова, то послѣ всѣхъ выясненій, какія сдѣланы нами выше, странно было бы предполагать, по-

¹ См. „Восходъ“ 1890 г., кн. X.

добно кн. Голицыну, что этотъ временщикъ въ своихъ дѣяніяхъ по преслѣдованію и гоненію обитавшихъ въ Россіи евреевъ былъ ученикомъ и подражателемъ Петра, который въ теченіи всей своей жизни ихъ не только не преслѣдовалъ и не гналъ, но и не подавалъ своимъ политическимъ образомъ дѣйствія никакого повода къ мысли объ этомъ. Еще страннѣе было бы приписывать Меньшикову какія либо религіозныя въ этомъ случаѣ побужденія, по тѣмъ или другимъ личнымъ его взглядамъ на христіанское благочестіе. Человѣкъ, столь властолюбивый и любостыжательный, какъ Меньшиковъ, неоднократно уличавшійся самымъ Петромъ въ корыстныхъ дѣйствіяхъ и такихъ злоупотребленіяхъ, за которыя другіе, — какъ замѣчаетъ Костомаровъ, — расплачивались жизнью, едва-ли могъ имѣть какія либо понятія о христіанскомъ благочестіи, а тѣмъ менѣе — твердую волю слѣдовать его внушеніямъ. Поэтому причину обнаруженной имъ политической нетерпимости къ евреямъ надлежитъ искать въ иныхъ, болѣе внѣшнихъ обстоятельствахъ. Первымъ, какое можно предположить, это то, что Теофанъ Прокоповичъ, сдѣлавшійся при Екатеринѣ I старшимъ членомъ синода, могъ представлять и императрицѣ, и Меньшикову, что оставленіе синодальнаго постановленія объ изгнаніи евреевъ изъ Россіи вовсе безъ исполненія могло бы ронять достоинство духовной власти синода, въ особенности собственной его, Прокоповича, какъ старшаго его члена, и въ виду этого сильно настаивать передъ ними о приведеніи въ дѣйствіе этой мѣры, обѣщая, быть можетъ, Меньшикову, въ то же время, поддержку и съ своей стороны. Можно предполагать также, что ожесточеніе Меньшикова противъ евреевъ имѣло своею причиною его ссору съ Шафировымъ, наговорившимъ ему однажды колкостей и обозвавшего въ сенатѣ воровъ оберъ-прокурора Скорнякова-Писарева, который поддерживалъ Меньшикова въ одномъ личномъ дѣлѣ, за что послѣдній сталъ формально изобличать Шафирова въ еврейскомъ происхожденіи. Наконецъ, принятіе стѣснительныхъ мѣръ противъ евреевъ и ихъ изгнаніе изъ Россіи могли быть въ видахъ какихъ либо личныхъ выгодъ Меньшикова. Изъ приведенныхъ выше данныхъ намъ уже извѣстно, что при Петрѣ и послѣ него многіе изъ евреевъ, проживавшихъ въ Россіи, были водворены на земляхъ значительныхъ владѣльцевъ знат-

нихъ русскихъ фамилій въ Малороссіи и были записаны за ними, какъ-то: за генераль-фельдмаршаломъ фонъ-Минихомъ, графами Головкинымъ, Толстымъ и проч. Между тѣмъ, легко быть можетъ, что съ нѣкоторыми изъ нихъ Меншиковъ не ладилъ и хотѣлъ имъ, что называется, насолить лишеніемъ ихъ возможности пользоваться евреями. Быть можетъ, что Меншиковъ ожидалъ и какого либо откупа евреевъ, наслышавшись—какую богатую статью дохода имѣютъ отъ откуповъ этого рода властители странъ на Западѣ. Что Меншиковъ къ такимъ побужденіямъ могъ примѣшать властолюбивые разсчеты—дѣлаетъ намекъ и Костомаровъ въ жизнеописаніи свѣтлѣйшаго. Такъ, историкъ этотъ говоритъ, между прочимъ, что Меншиковымъ воспрещено въ Малороссіи избирать евреевъ въ генеральную и войсковую старшину изъ желанія снискать къ себѣ расположеніе Малороссіи. Впрочемъ, объясненіе это, давая во всякомъ случаѣ право заключать, что примѣры такого избранія въ Малороссіи существовали, едва ли можетъ быть признано вполне вѣрнымъ относительно собственно дѣла Костомарова доказать этимъ народную ненависть малороссіянъ къ евреямъ. Не говоря о томъ, что вызвавшее сказанное воспрещеніе случаи избранія евреевъ въ генеральную и войсковую старшину сами собою говорятъ скорѣе въ пользу, чѣмъ не въ пользу расположенія къ нимъ мѣстнаго тамъ казацкаго населенія, нельзя не принять въ первомъ смыслѣ и случаи усиленныхъ ходатайствъ мѣстныхъ малороссійскихъ властей объ открытіи евреямъ вновь доступа въ Россію, когда начались ихъ изгнанія изъ нея. Съ такими ходатайствами въ сенатъ и на высочайшее имя, въ царствованіе Петра II, Анны Иоанновны и самой Елисаветы Петровны, входили и войска запорожскаго обѣихъ сторонъ Днѣпра гетманъ Апостоль, и комиссіи слободскихъ полковъ, и главноначальствовавшій тамъ генераль-лейтенантъ кн. Шаховскій, и малороссійская войсковая генеральная канцелярія. Во вниманіе къ такимъ ходатайствамъ, верховная власть была вынуждена допускать отступленія отъ принципиально принятой въ то время мѣры закрытія евреямъ всякаго доступа въ страну. Наконецъ, народное нерасположеніе къ изгнанію евреевъ изъ Россіи явственно усматривается изъ того еще, что верховныя распоряженія по этому предмету исполнялись повсемѣстно въ Импе-

риі слабо и вяло, отдалялись подъ разными предлогами, и при Елисаветѣ Петровнѣ, рѣшившейся разъ навсегда очистить страну отъ послѣдователей іудейскаго закона, вызвали рядъ подтвердительныхъ указовъ, съ упомянутою выше угрозою о «тяжчайшемъ истязаніи» ослушниковъ царской воли ¹. Поэтому, если Меншиковъ, какъ полагаетъ Костомаровъ, и предпринялъ гоненія на евреевъ съ цѣлью приобрести расположеніе малороссійскаго народа, то есть основаніе къ предположенію, что онъ могъ и ошибаться въ своихъ расчетахъ. Такъ или иначе, но несомнѣннымъ остается то, что онъ въ этомъ случаѣ менѣе всего думалъ о выполненіи какого либо долга христіанскаго благочестія.

Но нельзя сказать того же самаго объ императрицахъ. Мы не станемъ говорить собственно объ Екатеринѣ I. Она была нѣмкою по рожденію, а слѣдовательно, неправославнаго происхожденія, и ввѣрилась вполне Меншикову, властвованіе котораго продолжалось и при Петрѣ II, пока послѣдній незадолго передъ своею кончиною не отправилъ его въ ссылку. Но мы рассмотримъ нѣсколько ближе обстоятельства, касающіяся личныхъ взглядовъ и воззрѣній императрицъ Анны Іоанновны и Елисаветы Петровны, какъ чисто русскихъ и православныхъ государынь.

Изъ ихъ указовъ и повелѣній о высылкѣ евреевъ изъ Россіи не усматривается иного мотива, кромѣ *религіознаго*. Меншиковъ могъ прикрывать имъ свои личные виды; но у этихъ императрицъ, какъ по всему видно, религіозное въ этомъ случаѣ побужденіе было вполне искреннимъ. Онѣ были убѣждены, что изгнаніемъ евреевъ изъ Россіи выполняется ими въ дѣйствительности актъ христіанскаго благочестія. Это подтверждается какъ указами Анны Іоанновны и обстоятельствами конфирмованія ею сентенціи о сожженіи Бороха-Лейбова и Возницына, такъ и указами Елисаветы Петровны. Но религіозныя побужденія всего лучше обрисовываются указами Елисаветы 2 декабря 1742 и 16 декабря 1743 гг., изъ коихъ однимъ повелѣвается выслать евреевъ за «рубежъ» на томъ единственно основаніи, что отъ нихъ можетъ въ будущемъ произойти вредъ для православнаго народа,

¹ Ц. С. З., т. VIII, №№ 5324, п. 14, и 5852, п. 14, т. IX, №№ 6610 и 6641, т. XI, № 8678 и т. XII, № 8867.

какъ отъ «имени Христа ненавистниковъ», а другимъ—на томъ, что императрица «отъ враговъ Христовыхъ не желала интересной при- были». Очевидно, что съ точки зрѣнія сказанныхъ государынъ изгнаніе евреевъ и даже несоблюденіе по отношенію къ нимъ началъ справедливости и гражданскаго правосудія являлись дѣломъ религіознымъ, благочестивымъ. Есть явные признаки, что проявившаяся нетерпимость къ евреямъ имѣла заднею мыслью и насильственное ихъ обращеніе въ православіе. Это явственно видно изъ указа Елисаветы Петровны 2-го декабря 1742 г., въ ко- емъ, при строгихъ воспрещеніяхъ евреямъ проживать въ Россіи, а православнымъ держать ихъ у себя, присовокуплены слова: «развѣ кто изъ нихъ (евреевъ) захочетъ быть въ Христіанской вѣрѣ Гре- ческаго исповѣданія, таковыхъ крестя въ нашей Имперіи, жить имъ позволить, токмо вонъ изъ государства уже не выпускать». Нельзя сказать, чтобы въ воззрѣніяхъ императрицъ насиліе со- вѣсти признавалось дѣломъ благочестивымъ только по отношенію къ евреямъ. Съ этою цѣлью, стали приниматься въ ихъ царство- ванія крутыя мѣры по отношенію и къ другимъ инородцамъ. Мы видѣли, что въ древней Руси, для оказанія содѣйствія проповѣди и убѣжденію, было въ обычаѣ не прибѣгать ни къ какимъ дру- гимъ мѣрамъ, кромѣ поощрительныхъ, не имѣвшихъ характера насилія и принужденія. Петръ, при своихъ расширеніяхъ свободы совѣсти, имѣлъ мысль избѣгнуть и ихъ. Въ этихъ видахъ отпра- влявшемуся на сибирскую епархію Филоею Лещинскому былъ данъ имъ упомянутый выше наказъ—крестить инородцевъ только волею, крещенныхъ не освобождать ни отъ ясака, какъ въ ста- рину, ни отъ наказаній за преступленія, какія они совершили и надѣялись загладить крещеніемъ. Хотя позднѣе, а именно въ 1713, 1715 и 1720 годахъ, было признано и при Петрѣ необхо- димымъ обратиться къ поощрительнымъ мѣрамъ, изъ коихъ одна имѣла даже, нѣкоторымъ образомъ, и принудительный характеръ, такъ какъ повелѣно было, между прочимъ, отписывать у некрещенныхъ помѣщиковъ крещенныхъ вѣрностныхъ людей, но это не потому, чтобы Петръ лично признавалъ въ этомъ актѣ хри- стіанскаго благочестія, но единственно, какъ объясняетъ и пр. Знаменскій, вслѣдствіе крайняго тогда недостатка въ проповѣд- никахъ. Къ тому же не нужно забывать, что это произошло въ то-

время, когда въ синодѣ, въ лицѣ Яворскаго, Яновскаго, Лопатинскаго и Прокоповича, господствовалъ схоластическій духъ кievской школы. Императрицы же Анна Иоанновна и Елисавета Петровна насиліе совѣсти сами стали считать актомъ благочестія и, не ограничиваясь одними мѣрами поощренія, допустили и такія, которыя прямо уже носили на себѣ характеръ насилія и внѣшняго принужденія. Такъ, на примѣръ, благочестивое настроеніе Елисаветы Петровны, какъ говоритъ Знаменскій, выразилось, между прочимъ, въ истребленіи мечетей въ восточномъ краѣ и въ указѣ сломать даже армянскія церкви. При ней же, съ цѣлю побужденія инородцевъ къ принятію св. вѣры, было повелѣно всѣ платежи, отъ которыхъ освобождались крестившіеся, разлагать на некрещенныхъ, и т. п.

Между тѣмъ, все это представляло весьма рѣзкое отступленіе отъ коренныхъ началъ православія и вошедшей издревле у насъ въ обычай національной нашей политики. Мы видѣли, что, по духовнымъ воззрѣніямъ преп. Ѳеодосія Печерскаго и другихъ святителей нашихъ, княжеское и царское благочестіе по отношенію къ иновѣрцамъ, не исключая и тѣхъ, которые были іудейскаго закона, должно было заключаться не въ мѣрахъ ихъ внѣшняго принужденія къ принятію св. вѣры, особенно не въ изгнаніяхъ ихъ изъ страны, такъ какъ черезъ это и церковь лишилась бы возможности выполненія христіанскихъ подвиговъ по ихъ душе-спасенію и приобрѣтенію изъ ихъ среды сыновъ для себя,—но въ человѣческомъ обращеніи съ ними и распространеніи на нихъ, въ одной мѣрѣ съ правовѣрными, благъ правосудія и защиты власти. Мы видѣли также, что въ Киевской Руси, а затѣмъ и Московскою, православные наши государи установили свою политику именно на этихъ началахъ и что какъ при Петрѣ, такъ и до него, религиозныхъ собственно гоненій у насъ вовсе не существовало и по отношенію къ евреямъ. Проявленія религиознаго фанатизма, при которыхъ отсутствуютъ обыкновенно здравый смыслъ и разсудительность, не могли быть въ духѣ особенно великорусскаго народа и великорусскихъ нашихъ государей. По изслѣдованіямъ В. П. Базобразова, «самая выпуклая во всемъ славянскомъ мірѣ и самая значительная историческая черта народнаго характера, окрѣпшаго въ Московскою области и положи-

тельно отличающаго великорусское племя (ростово-суздальское) не только отъ всѣхъ другихъ русскихъ народностей, но и отъ всѣхъ славянскихъ племенъ, даже болѣе образованныхъ—это его *государственный смыслъ*¹. Великорусскій народъ, по объясненію того же автора, всегда отличался чувствомъ *мѣры* и *практическимъ расчетомъ*, которые «уравновѣшиваютъ столько же въ общемъ народномъ характерѣ, какъ и въ характерѣ замѣчательныхъ государственныхъ личностей, всѣ разнообразныя душевныя порывы, движенія, увлеченія всякихъ другихъ чувствъ и страстей». «Всѣми этими свойствами,—продолжаетъ авторъ «Народнаго хозяйства въ Россіи»,—какъ извѣстно, отличались и всѣ государственные дѣятели князей Суздальской, а потомъ Московской земли». Нужно полагать, что и великорусскіе святители, вышедшіе изъ того же народа, отличались въ ихъ отношеніяхъ къ иновѣрнымъ людямъ тѣмъ же чувствомъ мѣры и меньшими увлеченіями по поводу ихъ вѣрованій, чѣмъ зараженные латынью южнорусскіе, кievской школы. Не взирая на сравнительно меньшую свою ученость, они не примѣшивали къ религіозной ревности чувства ненависти къ людямъ и не видѣли и въ преслѣдованіи за вѣру дѣла христіанскаго благочестія. Это, по всей вѣроятности, и побудило, между прочимъ, іерусалимскаго патріарха Досноея, столь близко принимавшаго къ сердцу интересы православія, обличать кievскихъ ученыхъ въ отступленіи отъ него и обратиться въ 1702 г. къ Петру съ посланіемъ, въ которомъ просилъ его не ставить на іерархическія должности ни грековъ, ни сербовъ, ни черкасовъ (малороссовъ), а ставить однихъ природныхъ москвитякъ «еще и не мудріе суть»².

Соблюденіе надлежащей мѣры въ религіозной ревности со стороны святителей и государей нашихъ заключалось именно въ томъ, что они, лелѣя идею укрѣпленія и распространенія въ русской странѣ православія, ограничивались преимущественно обороною и защитою церкви, не допуская преслѣдованій и гоненій изъ видовъ прозелитизма. Поэтому обращеніе императрицъ въ дѣлахъ религіи къ мѣрамъ внѣшняго принужденія, ваково и поголовное изгнаніе ев-

¹ «Народное хозяйство въ Россіи». Исслѣдованіе В. П. Безеобразова, дѣятельнаго члена Императорской Академіи Наукъ. 1882 г., стр. 77.

² Замятскій, стр. 261.

реевъ изъ Россіи, представляло собою не иное что. какъ выходъ изъ обычной колеи нашей религіозно-національной политики и ея вступленіе на совершенно до того чуждый для нея путь *безусловной нетерпимости* къ иновѣрцамъ, не знающей мѣры, ни границъ, и не принимающей въ расчетъ практическихъ указаній здравой и безпристрастной политики. Нужно, однако, замѣтить, что императрицы, не видя въ предпринимавшихся ими мѣрахъ внѣшняго принужденія ничего иного кромѣ выполненія царскою властью долга христіанскаго благочестія, дѣйствовали въ этомъ случаѣ по убѣжденію своей совѣсти, безъ всякихъ постороннихъ цѣлей, а тѣмъ менѣе корыстныхъ, почему царицѣ этихъ и тутъ никакъ нельзя сравнить съ германскими и французскими державными властителями, которые христіанскимъ благочестіемъ прикрывали только свои корыстные виды въ дѣлѣ преслѣдованія евреевъ.

Но какимъ же образомъ могло произойти столь существенное отступленіе отъ истинно-православныхъ воззрѣній въ религіозныхъ взглядахъ государынь чисто-русскихъ и православныхъ по происхожденію? Это объясняется слѣдующимъ образомъ.

Въ XVIII вѣкѣ въ высшихъ свѣтскихъ кругахъ, особенно придворныхъ сферѣ, замѣчалось повсемѣстно въ Европѣ, въ томъ числѣ и у насъ, въ Россіи, преобладаніе въ дѣлѣ религіозныхъ вѣрованій двухъ крайностей: или *ханжество*, доходившее до крайнихъ суевѣрій, или *нестріе*, доходившее до безбожія. Одновременно съ этимъ, у насъ, какъ мы видѣли, усиленно пробивалъ себѣ путь римско-латинскій духъ—въ пастырскихъ и архипастырскихъ одеждахъ нашего собственнаго духовенства. Этому, какъ мы знаемъ, способствовало во многомъ посвященіе при Петрѣ на епископскія кафедры преимущественно кievскихъ ученыхъ и образованіе изъ нихъ же первоначальнаго состава синода. Самъ Петръ, по крѣпости своего ума и глубокому государственному своему смыслу, не подчинялся вліянію избравшихся имъ іерарховъ кievской школы и остался въ своихъ воззрѣніяхъ на религіозно-политическіе предметы православнымъ государемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Но женскій умъ императрицъ былъ естественно болѣе воспримчивъ. Анна Іоанновна съ малолѣтства находилась въ особенно неблагоприятныхъ условіяхъ въ

дѣлѣ религіознаго воспитанія ¹. Мать ея, Прасковья Ѳедоровна, рожденная Салтыкова, происходившая отъ того Салтыкова, котораго во время смуты присталъ къ русской партіи тушинцевъ, отличалась невмѣрнымъ ханжествомъ. Она окружала себя юродствующими, калѣками, гадателями и гадательницами. Татищевъ говоритъ, что ея дворъ былъ похожъ на госпиталь калѣкъ и помѣшанныхъ. Въ такой средѣ не могли не развиваться разнаго рода суевѣрія и предрасудки, въ томъ числѣ, конечно, и относительно евреевъ, которые изображались отъявленными врагами Христа, а вмѣстѣ какъ чернокнижники и чародѣи. Такая почва представлялась какъ нельзя болѣе благоприятною для сѣянія римско-латинскихъ взглядовъ и понятій о христіанскомъ благочестіи въ дѣлѣ отношеній къ евреямъ и иновѣрцамъ вообще. Отъ вкравшихся у насъ въ высшіе слои общества западныхъ религіозныхъ воззрѣній не могла отрѣшиться себя и Елизавета Петровна. И при ней проявлялись несогласныя съ духомъ нашей древне-православной политики стремленія къ насильственнымъ мѣрамъ относительно иновѣрцевъ. Въ «Руководствѣ къ Церковной Исторіи» пр. Знаменскаго отмѣчаются изъ такихъ мѣръ, главныя образомъ, слѣдующія: 1) сломка всѣхъ армянскихъ церквей, 2) разрушеніе мечетей; 3) насильственное крещеніе татаръ и другихъ инопородцевъ; 4) отнятіе у некрещенныхъ помѣщичьихъ и у крещенныхъ крѣпостныхъ людей; 5) разложеніе на некрещенныхъ всѣхъ платежей, отъ которыхъ освобождались крестившіеся въ православную вѣру, и 5) поголовныя изгнанія евреевъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые принимали христіанство греческаго закона и которыхъ было повелѣно оставлять въ Россіи и изъ нея уже не выпускать. Все это являлось въ тогдашнихъ понятіяхъ актомъ христіанскаго благочестія. Но такая религіозная ревность, которую, — пишетъ Знаменскій, — и въ то время была признано нужнымъ умѣрять, была по своему духу болѣе латинской, чѣмъ православной. Преобладанію, въ этомъ случаѣ, латинизма способствовало, конечно, то обстоятельство, что надъ великорусскимъ духовенствомъ имѣло верхъ южно-русское направленіе кievской школы, тѣснившее и его. Южно русскіе іерархи обращались съ подчиненными имъ великорусскимъ духовенствомъ, — говоритъ тотъ же Знамен-

¹ См. ея жизнеописаніе у Костомарова, „Новъ“ 1885 г.

скій,—пренебрежительно, жестоко, возбуждая къ себѣ сильную ненависть. На нихъ жаловались не только церковные причты, но учителя въ семинаріяхъ, заслуженные священнослужители, настоятели монастырей и даже архіереи изъ великороссіи. Между тѣмъ, въ лицѣ высшихъ приближенныхъ къ престолу іерарховъ и царскихъ духовниковъ, они вліяли и на образъ мыслей императрицъ и близкихъ къ нимъ особъ, въ томъ числѣ, конечно, и во взглядахъ на послѣдователей іудейскаго закона. Въ какой степени подъ этимъ вліяніемъ видоизмѣнялись древне-русскія, истинно-православныя понятія о религіозно-общественныхъ отношеніяхъ къ этимъ послѣднимъ, можетъ служить, между прочимъ, то, что весьма близкая къ Елисаветѣ Петровнѣ извѣстная Мавра Егоровна Шувалова, пріѣхавъ въ Нѣжинъ, писала оттуда императрицѣ: «жидовъ множество, *видѣла ихъ, собакъ*». Очевидно, что тогда сталъ и у насъ входить обычай смотрѣть на евреевъ, какъ на людей недостойныхъ носить образъ человѣческій и пользоваться обще-человѣческими правами въ одной мѣрѣ съ прочими людьми,—обычай по своему духу чисто римско-латинскій, совершенно чуждый древней православной Руси. Императрицы Анна Иоанновна и Елисавета Петровна принимали энергическія мѣры къ оборонѣ и защитѣ церкви отъ римско-латинской пропаганды, а между тѣмъ, сами того не замѣчая, усваивали себѣ ея религіозныя увлеченія, соотвѣтствовавшія ихъ характеру и собственному душевному настроенію. Но римско-католическая пропаганда находила возможность работать и непосредственно надъ русскими сердцами. Являлись скрытые проповѣдники, которые подъ видомъ домашнихъ учителей втирались въ семейства знатныхъ фамилій и воспитывали тамъ дѣтей на свой ладъ. Прямѣромъ этого можетъ служить нѣкто Жюббе, который былъ аббатомъ, но, выдавъ себя за свѣтскаго человѣка и прибывъ еще при Аннѣ Иоанновнѣ въ Москву, поселился въ качествѣ домашняго учителя въ семействѣ Долгорукихъ и Голицыныхъ и успѣлъ нѣкоторыхъ изъ своихъ воспитанниковъ обратить въ римско-латинское католичество. Лютеранизмъ и протестантизмъ, которые было тогда въ модѣ оказывать всякаго рода снисхожденія, особенно при Биронѣ, не могли тоже внести въ русскую среду здравыхъ христіанскихъ понятій о вѣротерпимости къ евреямъ, какъ потому, что церкви тѣ и ихъ различныя толки относились и въ

своихъ земляхъ фанатично къ нимъ, такъ и потому, что явившіеся къ намъ лютеране, протестанты и послѣдователи другихъ христіанскихъ толковъ,—какъ справедливо замѣчаетъ Знаменскій,—были вообще плохими представителями своихъ вѣрованій. «Большая ихъ часть,—говорить онъ,—не имѣла никакой религіи и всѣ вообще отличались нравственною распущенностью». Неудивительно поэтому, если при такомъ положеніи вещей въ слабыя души императрицъ и окружавшихъ ихъ особъ вкрались римско-латинскіе взгляды на религіозно-общественныя отношенія къ евреямъ и другимъ иновѣрцамъ изъ не-христіанъ. Незабѣжнымъ послѣдствіемъ этого должно было быть ослабленіе въ этихъ государственныхъ чувства древне-русской обычной національной вѣротерпимости къ нимъ и извращеніе истинно-православныхъ понятій о долгѣ въ этомъ случаѣ христіанскаго благочестія. Допущеніе малѣйшей религіозно-общественной терпимости къ людямъ, которые почитались врагами Христа и ненавистниками имени Его, стало представляться въ душѣ императрицъ какъ нѣчто грѣховное, заслуживавшее кары небесной, а установленіе безусловной къ тѣмъ людямъ нетерпимости, напротивъ,—дѣйствіемъ вполне благочестивымъ. Въ этомъ суевѣріи и скрывается главнѣйшая причина предпринятыхъ при императрицахъ и напоминавшихъ времена крестовыхъ походовъ мѣръ поголовнаго ихъ изгнанія изъ Россіи. Это было не иное что, какъ временное торжество римско-латинскихъ понятій и взглядовъ надъ обычными русскими, православными. Но въ русской странѣ такое торжество не могло быть продолжительнымъ. Начала вѣротерпимости, съ которыми православная Русь, можно сказать, родилась и выросла, не замедлили, какъ мы увидимъ, вступить вновь въ свои права и по отношенію къ евреямъ.

Изъ всѣхъ приведенныхъ нами данныхъ усматривается съ достаточною, кажется, наглядностью, что въ общемъ ходѣ религіозно-политическихъ событій, касающихся Россіи, проявившіяся въ ней въ кратковременный, не обнимающій и 40 лѣтъ, промежутокъ времени между кончиною Петра I и вступленіемъ на престолъ Екаторины II, увлеченія религіозной исключительности относительно евреевъ, съ оттѣнками восточнаго и западнаго относительно ихъ фанатизма, представляются явленіемъ чисто случайнымъ,

не имѣющимъ ничего общаго съ обычною древне-русскою національною политикою и объясняющимся единственно личнымъ характеромъ императрицъ и условіями ихъ времени. Поэтому, распространяемья въ наше время столь усердно разными писателями и органами печати мнѣнія, что императрицы Екатерина I, Анна Иоанновна и Елисавета Петровна, изгоняя евреевъ изъ Россіи и не допуская ихъ въ нее, дѣйствовали въ православно-національномъ духѣ,—надлежитъ признать по меньшей мѣрѣ ошибочными и ни на чемъ не основанными.

Русскій.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА

НА ОСНОВАНІИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ, ПЕЧАТНЫХЪ И
РУКОПИСНЫХЪ.

IX. Хасидизмъ украинскій¹.

А.

Благопріятія для хасидской секты внѣшнія обстоятельства.—Украинскіе цадикъ: ушедшая Бера и потомки Беншта.—*Леви-Ицхокъ Бердичевскій*: его жизнь и мученичество въ Пшаскѣ, равенство въ Желеховѣ, его публичный диспутъ съ брестскимъ раввиномъ и обличительныя посланія послѣдняго.—*Леви-Ицхокъ въ Бердичевѣ*, какъ глава волынскихъ хасидовъ.—Его оригинальный образъ жизни.—Ясность и простота хасидской догматики въ его книгѣ; отсутствіе въ ней грубыхъ крайностей цадикшна.—*Нохумъ Черновильскій*: его знакомство съ Бенштомъ, пребываніе въ школѣ Бера, роль проповѣдника и цадикская практика.—Его сочиненія: ихъ истинная подкладка, особенности изложеннаго въ нихъ хасидскаго ученія; частіи воззрѣнія Нохума: оптимизмъ, самоаблюденіе, взглядъ на иносѣрцевъ, отношеніе къ „ученымъ“.

Нигдѣ въ описываемую эпоху (1780 — 1796 г.) хасидизмъ не находился въ такихъ благопріятныхъ для своего развитія условіяхъ, какъ на родинѣ своей—въ Украинѣ. Въ этомъ краѣ, послѣ многолѣтнихъ тревогъ и бѣдствій, испытанныхъ евреями въ эпоху гайдамачины и завершившихся «уманьской рѣзней» 1768 г., водворились тишина и спокойствіе. Чувствовалось приближеніе твердой государственной власти, шедшей на смѣну прежней польской безурядицѣ. Первый раздѣлъ Польши еще не отразился непосредственно на судьбѣ Украины, но второй раздѣлъ рѣшилъ ея участь окончательно: въ 1793 г. присоединены были къ Россіи Волынь и Подолія. Эта внѣшняя пере- мѣна въ судьбѣ евреевъ, обезпечивъ больше прежняго ихъ

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

спокойствіе и безопасность, не вызвала на первыхъ порахъ никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ во внутренней ихъ жизни, никакой ломки стараго патриархальнаго быта, какъ это было въ Галиціи. Ни о какихъ попыткахъ реформъ и просвѣщенія не слышно было. Новое правительство (конца царствованія Елизаветы II) не мѣшалось во внутреннія дѣла евреевъ и оставляло своихъ новыхъ подданныхъ въ прежнемъ положеніи, т. е. въ положеніи, вполне благопріятномъ для распространенія хасидской секты. Раввины и «книжники» давно уже потеряли на югѣ свой авторитетъ и фактически лишились своей власти надъ народомъ. Преслѣдовать и стѣснять хасидовъ некому было. Хасидизмъ распространялся съ неудержимою быстротою, охватывая не только низшіе, но и высшіе слои народа. Во многихъ мѣстностяхъ число сектантовъ значительно превосходило число приверженцевъ стараго порядка, и въ такихъ мѣстахъ хасиды, конечно, господствовали. По всему видно было, что хасидизмъ въ Украинѣ добивается не терпимости, какъ, напримѣръ, въ Литвѣ, а господства, преобладанія. Въ вождяхъ побѣдоносное хасидское воинство недостатка не имѣло: іерархія цадиковъ все болѣе разрасталась и усиливалась, все крѣпче утверждалась на развалинахъ павшей раввинской державы. Это духовенство, получившее неограниченную власть надъ массою вѣрующихъ, стало играть первенствующую роль среди сектантовъ и дало украинскому хасидизму своеобразное направленіе, которое намъ теперь предстоитъ обрисовать.

Сословіе цадиковъ въ двухъ украинскихъ областяхъ—Подоліи и Волини—состояло изъ двухъ главныхъ элементовъ: изъ потомковъ Бешта и учениковъ его преемника—Вера. Первые властвовали преимущественно въ своей родной Подоліи; послѣдніе—на Волини и въ сопредѣльной съ нею Кіевской губерніи. Бештовы потомки на первыхъ порахъ славились и пользовались вліяніемъ не вслѣдствіе личныхъ своихъ заслугъ, а скорѣе благодаря своему происхожденію и заслугамъ прославленнаго предка; ученики же Вера достигали высокихъ положеній, болѣею частью благодаря личной своей энергіи, своей горячей проповѣди и ревностной службѣ интересамъ секты. Дѣятельность

сляхъ послѣднихъ имѣла наибольшее историческое значеніе, а потому мы съ нихъ и начнемъ.

Однимъ изъ первыхъ вліятельныхъ цадиковъ на Волыни, послѣ смерти Бера изъ Межирича, былъ, отчасти уже знакомый намъ, ученикъ его *Леви-Ицхокъ Бердичевскій*. Судьба этого чело-
вѣка тѣсно связана съ началомъ хасидскаго раскола. Леви-Ицхокъ, какъ извѣстно, началъ свою проповѣдническую дѣятельность не въ хасидской Волыни, а въ талмудической Литвѣ, въ одной изъ главнѣйшихъ ея общинъ—въ Пинскѣ. Онъ обладалъ большою талмудическою ученостью и, повидимому, еще въ молодыхъ лѣтахъ занималъ мѣсто среди пинскихъ раввиновъ. Въ это же время, т. е. въ 1760-хъ годахъ, онъ, подобно многимъ своимъ товарищамъ, сталъ ѣздить къ Беру, въ Межиричъ, и сдѣлался ревностнымъ послѣдователемъ хасидскаго ученія ¹. Другой, болѣе ученый пинскій раввинъ, совершившій почти одновременно съ нимъ такое же путешествіе въ Межиричъ, Рафаиль Когенъ, вынесъ оттуда прямо противоположное впечатлѣніе: убѣдился въ неосновательности хасидскаго ученія, въ еретическихъ попятнозвеніяхъ верховнаго главы секты, и затѣмъ представилъ виленскому гаону неблагоприятный для хасидовъ отчетъ обо всемъ, видѣнномъ имъ въ межиричскомъ кружкѣ ².

Живя въ Литвѣ и въ средѣ, крайне враждебной хасидизму, Леви-Ицхокъ не могъ, конечно, открыто проповѣдывать принятое имъ мистическое ученіе, но надо полагать, что онъ былъ причастенъ къ образовавшемуся тогда въ Пинскѣ хасидскому кружку, во главѣ котораго стоялъ его товарищъ по межиричской школѣ, Аронъ Карлинскій, и что онъ вообще имѣлъ сношенія съ литовскими «тайными обществами». На первыхъ порахъ онъ,

¹ См. „Воскресеніе Бешта“, 35 а; שרר הררור הרר, стр. 85; פו חר, въ концѣ и сочиненіе Леви-Ицхона לר הרר, въ разныхъ мѣстахъ.

² См. рукопись פו חר въ концѣ, въ письмѣ Давида Макова (докум. № 30). Ср. *Возникновеніе цадикства*, гл. II („Восколъ“, 1889 г., кн. X, стр. 7). Рафаиль Когенъ равниствовалъ въ Пинскѣ между 1768 и 1771 г. Послѣ того онъ уѣхалъ за границу и съ 1776 г. занималъ мѣсто главнаго раввина въ Гамбургѣ. Его другомъ былъ знаменитый Габриэль Рессеръ. (См. Graetz, Geschichte d. Juden. XI, Noten, 586).

повидимому, тщательно маскировать свои убѣжденія и кружковыя сношенія, такъ что около 1771 г. могъ даже занимать мѣсто пинскаго городского раввина ¹. Но вскорѣ его «ересь» обнаружилась и наступило для него время тяжелыхъ испытаній.

Бурная весна 1772 года была, вѣроятно, началомъ этого новаго періода въ жизни Леви-Ицкока. Энергичные розыски виленскихъ раввиновъ и призывъ ихъ ко всѣмъ главнымъ литовскимъ общинамъ (въ числѣ коихъ была и пинская) сдѣлали свое. Тайныя хасидскія общества были разоблачены, и члены ихъ, а тѣмъ больше вожди, стали подвергаться жестокииъ преслѣдованіямъ. Около этого-то времени изобличенъ былъ въ принадлежности къ сектѣ и пинскій раввинъ. Его стали притѣснять и всячески оскорблять. Преданіе рассказываетъ, что въ самый разгаръ гоненій на хасидовъ Леви-Ицкока находился у своего учителя Бера, въ Межиричѣ. Въ это время дошли до него слухи изъ Пинска, что оставшееся тамъ семейство его терпитъ крайнія обиды отъ мѣстнаго фанатическаго кагала и что разъяренная толпа, въ силу объявленнаго въ синагогахъ херема противъ хасидовъ, разгромила его домъ. Слухи эти будто бы до того возмутили собравшихся въ Межиричѣ цадиковъ, что они тотчасъ же, вопреки волѣ своего учителя, провозгласили контръ-херемъ противъ преслѣдователей ². Эта мѣра не могла, однако, помочь Леви-Ицкоку. Положеніе его въ Пинскѣ сдѣлалось невыносимымъ. Отъ мѣста раввина ему, конечно, тотчасъ отказали. Онъ вынужденъ былъ покинуть Пинскъ, и такъ какъ, въ виду господствовавшаго повсюду въ Литвѣ антихасидскаго настроенія, онъ не могъ рассчитывать на раввинское мѣсто въ какомъ либо литовскомъ городѣ, то пришлось ему направиться дальше, въ глубь Польши. Здѣсь онъ получилъ должность раввина въ м. Желеховѣ, Сѣдлецкой губ., гдѣ прожилъ больше десяти лѣтъ ³.

¹ Это было, вѣроятно, послѣ отъѣзда изъ Пинска упомянутаго Рафаила Когена.

² Это могло быть въ концѣ 1772 г., незадолго до смерти Бера. Г. Родкинсонъ сообщаетъ это преданіе («Эт. ист.», стр. 20 — 23), не точно относя фактъ къ 1774 г.

³ Свѣдѣнія о первоначальной карьерѣ Леви-Ицкока до переселенія его въ Бердичевъ крайне смутны и сбивчивы. Не только нѣтъ біографіи его, но даже

Брестскій раввинъ проживалъ тогда въ Варшавѣ и здѣсь случайно столкнулся съ желеховскимъ раввиномъ Леви-Ицхокомъ, который также находился въ этомъ городѣ проездомъ. Старый врагъ и гонитель хасидизма рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы нанести еще одинъ ударъ ненавистной ему ереси, въ лицѣ одного изъ главныхъ ея представителей. Онъ вызвалъ Леви-Ицхока на духовное единоборство, на публичный споръ по тѣмъ вопросамъ вѣры и обрядности, въ рѣшеніи которыхъ хасиды отступали отъ раввинскихъ преданій. Представитель хасидовъ принялъ этотъ вызовъ, хотя, повидимому, весьма неохотно. Диспутъ устроенъ былъ въ одной изъ синагогъ варшавскаго предмѣстья, Праги, въ присутствіи многочисленной публики. Брестскій раввинъ игралъ наступательную роль: онъ смѣло предлагалъ вопросы, обвинялъ сектантовъ въ нарушеніи важнѣйшихъ правилъ и обрядовъ вѣры и настойчиво требовалъ отъ противника отвѣта, оправданія хасидскаго ученія или же отреченія отъ него. Леви-Ицхокъ такъ смутился этими рѣзкими нападками и обвиненіями, что сначала вовсе не нашелся, что сказать, а затѣмъ отвѣчалъ какъ-то неясно, невпопадъ и неубѣдительно, причемъ, раздраженный обличеніями, употреблялъ въ отвѣтахъ своихъ выраженія крайне непочтительныя по отношенію къ противнику—престарѣлому духовному владыкѣ, пользовавшемуся громаднымъ авторитетомъ среди евреевъ. Публика, состоявшая преимущественно изъ сторонниковъ брестскаго раввина, поддерживала сего послѣдняго и признала отвѣты защитника хасидизма неудовлетворительными. Такимъ образомъ побѣда осталась за представителемъ раввинизма. Но, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, и противная сторона не хотѣла признать себя побѣжденною: Леви-Ицхокъ продолжалъ думать, что его отвѣты на диспутъ были достаточно убѣдительны, что онъ далъ надлежащій отпоръ обвинителю хасидскаго ученія и что только предубѣжденная противъ этого ученія публика не оцѣнила его защиты

на. Точныхъ данныхъ о времени диспута нѣтъ, но судя по тому, что о диспутѣ упоминается въ пражскади, 1781 г. какъ о недавнемъ событіи, мы пришли 1780 г. за приблизительную дату. О мѣстѣ диспута упоминается только по второму изъ названныхъ документовъ.

по достоинству. Въ такомъ смыслѣ онъ отзывался и въ кружкахъ своихъ единомышленниковъ. Слухи о томъ, что Леви-Ицхокъ, котораго раввинисты считали побѣжденнымъ, похваляется своимъ успѣхомъ на диспутѣ, дошли до брестскаго раввина и вывели его изъ себя. Онъ вновь пригласилъ «дерзкаго еретика» на диспутъ, но на сей разъ Леви-Ицхокъ отказался отъ устныхъ преній и предложилъ своему оппоненту диспутъ письменный, а именно: чтобъ брестскій раввинъ изложилъ на бумагѣ свои вопросы и претензи, а онъ, Леви-Ицхокъ, дастъ на все это письменныя возраженія, и чтобъ эти вопросы и отвѣты впоследствии были обнародованы. Получивъ согласіе на свое предложеніе, Леви-Ицхокъ уѣхалъ изъ Варшавы.

Брестскій раввинъ не замедлилъ исполнить уговоръ. Онъ сочинилъ открытое посланіе къ своему противнику и изложилъ въ немъ требуемые вопросы по пунктамъ. Посланіе начинается жалобами и обличеніями: «Что же дурное нашлось въ предкахъ нашихъ,—воскликаетъ раввинъ,—что заставило часть современнаго поколѣнія отвернуться отъ великихъ міра сего, отъ знаменитыхъ духовныхъ вождей нашихъ, очертившихъ разъ навсегда кругъ благодатныхъ законовъ и справедливыхъ обычаевъ?.. И кто же дерзнулъ отдѣлиться отъ народа и разрушать ограды, поставленныя древними! Кто осмѣлился возгордиться, присвоить себѣ высшую власть и выдумывать новые обряды, противные священнымъ установленіямъ старины!.. Пора отбросить этотъ камень преткновенія!».. Далѣе излагается исторія варшавскаго устнаго диспута въ выраженіяхъ, не оставляющихъ сомнѣнія въ побѣдѣ автора посланія надъ своимъ противникомъ. Наконецъ предлагаются вопросныя пункты, сопровождаемые, въ предупрежденіе возможныхъ возраженій, подробными поясненіями и доказательствами. Всѣхъ вопросовъ семь, и сводятся они въ общемъ къ слѣдующему: 1) Почему хасиды измѣнили текстъ молитвы, выбравъ сефардійскій толкъ вмѣсто общеупотребительнаго, въ противность мнѣніямъ гаоновъ?—2) Почему хасиды исключили изъ богослуженія нѣкоторыя молитвы, принятыя и у сефардійцевъ?—3) Почему они, молясь, нештовомъ кричатъ и дѣлаютъ странныя и смѣшныя тѣлодвиженія?—4) Почему они, вопреки запрещенію, многократно певто-

ряютъ имя Егovy въ молитвахъ, гдѣ оно единожды употребляется?—5) Почему они совершаютъ утреннюю молитву не въ установленные Талмудомъ часы, а гораздо позже?—6) На какомъ основаніи они для рѣзки скота дѣлаютъ себѣ особенные ножи, непременно гладко-отточенные, и признаютъ раввинскій способъ рѣзки незаконнымъ?—7) Наконецъ, почему же сектанты продолжаютъ упорствовать въ своей ереси и не страшатся тѣхъ грозныхъ херемовъ, которымъ подвергли секту величайшіе раввины и которые были публично провозглашены въ Вильгѣ, Бродахъ, а также на ярмаркѣ въ Высоко-Литовскѣ и другихъ мѣстахъ? ¹.

Послѣдовалъ-ли отвѣтъ на это посланіе и каково было содержаніе этого отвѣта—не знаемъ. Весьма возможно, что Леви-Ицхокъ прислалъ своему противнику письменную отповѣдь и возражалъ въ ней въ такомъ рѣзкомъ тонѣ, который могъ только еще болѣе раздражить раввина-ревнителя. О крайнемъ озлобленіи противъ «еретика», вынесенномъ брестскимъ раввиномъ изъ всѣхъ этихъ безплодныхъ преній, свидѣтельствуешь одно мѣсто въ другомъ его посланіи. Въ своей, знакомой намъ, прокламаціи противъ хасидовъ, обнародованной на ярмаркѣ въ Зельвѣ въ августѣ 1781 года и разосланной по всему брестскому округу, Авраамъ Каценеленбогенъ не упускаетъ случая, чтобы выставить своего противника всенародно къ позорному столбу. «Всѣмъ извѣстно,—пишетъ онъ,—о состязаніи, которое имѣлъ я въ Варшавѣ съ Ицхокомъ, вождемъ шайки мятежниковъ, по поводу кладевя, вырытаго царями вѣры нашей, великанами знанія, богатырями разума, сирѣчь—древними нашими вѣроучителями. Эти святые мужи оставили намъ ясныя указанія относительно нашего религіознаго поведенія, завѣщали намъ справедливые законы, чистыя заповѣди и хорошіе обряды. Они же, злодѣи (хасиды), затыкаютъ уши свои, чтобъ не слышать, и сходятъ съ пути, начертаннаго намъ древними, приписываютъ Богу вещи неслышанныя и кощунственныя... И когда я препирался съ означеннымъ еретикомъ,—да сотрется имя его!—онъ стоялъ какъ

¹ М. у. г. ц. № 19. Ср. выше, гл. III, въ концѣ.

онѣмѣный, точно потерять даръ слова, и уста его сомкнулись, и былъ онъ крайне смущенъ и озадаченъ. Тогда я совершенно обезславилъ его предъ торжественнымъ собраніемъ людей, и осрамился онъ въ шатрѣ Божіемъ, что въ пражской синагогѣ. Все это я уже въ правдивыхъ и краснорѣчивыхъ словахъ изобразилъ въ писаніи, въ главѣ о войнахъ Божіихъ, дабы огласить ихъ (сектантовъ) поворъ и приподнять хоть край завѣсы, покрывающей ихъ суетныя и грѣховныя дѣла»¹.

Но если Леви-Ицхокъ былъ «обезславленъ» въ глазахъ противниковъ хасидизма, то тѣмъ болѣе прославился онъ въ кругу своихъ единомышленниковъ. Гоненія, которымъ онъ подвергался отъ враговъ секты, и состязаніе его съ однимъ изъ высшихъ и наиболѣе властныхъ представителей раввинизма подняли его авторитетъ въ глазахъ хасидовъ. Съ другой стороны, долгое мученичество за убѣжденія воспламенило его духъ, закалило его характеръ и выработало въ немъ всѣ способности, необходимыя вождю партіи и ратоборцу за вѣру. Такимъ вождемъ признала уже его значительная часть хасидской секты. Въ исходѣ 1780-хъ годовъ онъ поселяется окончательно въ Бердичевѣ, еврейской столицѣ Волыни, и открыто выступаетъ въ роли предводителя многочисленныхъ волынскихъ хасидовъ. Онъ продолжаетъ еще носить званіе раввина, но ведетъ уже образъ жизни падика. Кругъ его дѣятельности все болѣе расширяется. Въ немъ видятъ какъ бы преемника «верховнаго главы» изъ Межирича. Его главенство надъ волынскими хасидами продолжается около четверти вѣка, до самой смерти его, въ 1809 г., въ томъ же Бердичевѣ, отъ котораго онъ получилъ свое прозвище.

Всѣ хасидскія преданія единогласно выставляютъ бердичевского падика человѣкомъ необыкновенно экзальтированнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствительнымъ и мягкосердечнымъ. О его пламенной молитвѣ—главной добродѣтели хасидовъ—рассказываютъ чудеса. Молитва его была шумная, восторженная, иступленная; молясь, онъ словно о чемъ-то оживленно бесѣдовалъ съ

¹ לְהַחֲזִיק בְּפִי שֶׁלֹּא יִשְׁכַּח, т. II, ст. 38. Подъ „писаніемъ“ разумѣется, вѣроятно, открытое посланіе къ Леви-Ицхоку, о которомъ упомянуто выше.

Богомъ. Отъ сильнаго возбужденія онъ во время молитвы не могъ устоять на мѣстѣ и метался изъ стороны въ сторону, такъ что «оставлявшій его въ одномъ углу, возвращаясь, находилъ въ другомъ». Видѣвшіе его въ такія минуты и слышавшіе его голосъ, подобный «львиному рыканію», содрогались сердцемъ, и самыхъ закоренѣлыхъ грѣшниковъ охватывало при этомъ зрѣлищѣ жгучее чувство раскаянія. Такую же горячность онъ проявлялъ при исполненіи всѣхъ прочихъ религиозныхъ обрядовъ. Отправляя богослуженіе въ синагогѣ въ дни Новаго года и Всепрощенія въ качествѣ кантора, онъ истиннѣ потрясалъ сердца слушателей и такъ воспламенялъ, воодушевлялъ ихъ, что многіе теряли самочувствіе и падали въ изнеможеніи. Самъ цадикъ въ такіе дни громогласно молился за весь народъ; наканунѣ дня Всепрощенія онъ, въ виду торжественнаго сонма молящихся въ синагогѣ, имѣлъ обыкновеніе восклицать: «Возри-же, Господи, на народъ Твой Израиль! Вотъ они, всѣ дѣти Твои, собрались въ молитвенный домъ Твой, всѣ безъ исключенія. Ни одного изъ нихъ недостаетъ здѣсь. Ни одного еврея нельзя въ этотъ день найти пьянымъ, или насытившимся ѣдою, или спящимъ на ложѣ своемъ. Всѣ они стоятъ здѣсь, постыжіеся, изнуренные, необутые. Неужели же такой народъ недостойнъ милосердія?»¹.

Вообще любовь къ страждущей еврейской массѣ составляла отличительную черту бердичевского цадика. Рассказываютъ, будто часто въ синагогѣ, или даже на улицѣ, онъ вдругъ хваталъ перваго встрѣчнаго за руку и громовымъ голосомъ спрашивалъ: «Кому ты служишь?» Тотъ, видя передъ собою цадика и догадываясь о цѣли вопроса, отвѣчаетъ-бывало: «Служу Господу, Богу неба и земли». Тогда цадикъ, водвѣвая очи горѣ, благоговѣйно и восторженно возглашалъ: «Господи! Дѣти израилевы служатъ Тебѣ, Тебя лишь одного возвеличиваютъ и прославляютъ. Есть-ли на свѣтѣ другой такой же священный

¹ מלחמ חר, 36, и въ другихъ хасидскихъ источникахъ. Ср. также „Воспоминанія“ Готлобера, въ журналѣ תרמז 1880 г., стр. 383.

народъ?!»¹ На такія выходки, сопровождавшіяся иногда и курьезами², многіе смотрѣли какъ на чудачество, но въ нихъ несомнѣнно проявлялась самобытная, горячая натура. На вѣрующіхъ престолюдиновъ такіе взрывы религіозности производили сильное впечатлѣніе. Народъ любилъ своего цадика еще за то, что онъ былъ простъ въ обращеніи, общителенъ и всякому доступенъ. Онъ постоянно твердилъ правило, данное Бештомъ, а именно: что служить Богу можно не только молитвою, но и простою бесѣдою съ простыми людьми. Его часто видѣли болтающимъ съ людьми о будничныхъ дѣлахъ, сидя одѣтымъ въ молитвенную ризу и обвязаннымъ филиakterіями, словно священнодѣйствіе какое совершалъ³. Многихъ шокировала такая смѣлость, но на хасидовъ она дѣйствовала возбуждающимъ образомъ, воспаляя ихъ вѣру и внушая благоговѣніе къ цадикѣ.

Вслѣдствіе своего живого темперамента и размашистой натуры, Леви-Ицхокъ любилъ веселый образъ жизни, любилъ шумныя собранія, многолюдныя пиршества, разѣзды по мѣстечкамъ и деревнямъ своего раіона въ сопровожденіи многочисленной свиты. Такія парадныя путешествія онъ совершалъ, повидимому, довольно часто. Пріѣзжая въ какое либо мѣсто, онъ останавливался въ домѣ какого либо обывателя изъ своихъ прихожанъ. Послѣ торжественной молитвы, привлекавшей массу народа, начиналось шумное и многолюдное пиршество. Хозяинъ дома, гдѣ цадикъ останавливался, старался угощать своего великаго гостя и свиту его на славу. Роль церемоніймейстера при этомъ игралъ секретарь или камердинеръ (*zabai*) цадика, безот-

¹ „Воспоминанія“ Готлобера, стр. 383. Ср. еще *זמתי לזו עולם* т. III, стр. 16—рассказъ о трогательномъ воспоминаніи Леви-Ицхока при видѣ бѣднаго извозчика, колыхавшагося стоя у своей „буды“ и прилагавшаго къ ней колеса.

² Одинъ анекдотъ, выдуманый, конечно, писатѣльскими, гласитъ, что цадикъ однажды схватилъ въ синагогѣ какого-то бѣднаго подмастерья и грянулъ на него своимъ обычнымъ вопросомъ: „Кому служишь?“ Тотъ, не обинуясь, отвѣчаетъ: „Хозяину моему, сапожнику такому-то, служу“. Тамъ же.

³ Со словъ товарища Леви-Ицхока, Израіиля Козеницаго, приведено въ сочиненіи сына послѣдняго, и оттуда въ *זמתי לזו עולם* т. I, стр. 92 и сл.

лучно при немъ состоявшій. Такіе пиры отличались необыкновеннымъ оживленіемъ и сопровождались обильнымъ возліаніемъ Бахусу, пѣніемъ и пляской. Описывая такого рода увеселительныя поѣздки, одинъ современникъ-антихасидъ, ученикъ виленскаго гаона, не безъ основанія порицаетъ виновника ихъ, которому такое поведеніе было тѣмъ больше не къ лицу, что онъ, по словамъ автора, «отличался большою ученостію и справедливо первенствовалъ въ своемъ кругу»¹. Однако, и въ этомъ, крайне враждебномъ хасидизму описаніи мы не находимъ никакихъ указаній на то, чтобы бердичевскій цадикъ бралъ подарки и приношенія отъ своихъ поклонниковъ, или чтобъ онъ давалъ совѣты и «творилъ чудеса» за деньги, какъ это дѣлали многіе его коллеги въ Галиціи и Украинѣ. По всему видно, что Леви-Ицхокъ, при всѣхъ своихъ *хасидскихъ* крайностяхъ, не впадалъ въ крайности *цадикизма*, не возвеличивалъ до небесъ роли праведника, не заставлялъ вѣрующіхъ служить себѣ, какъ полубогу, не пользовался своимъ положеніемъ и вліаніемъ для грубо-корыстныхъ цѣлей. Доказательствомъ тому служитъ и его сочиненіе. Въ этой книгѣ ясно изложено все хасидское ученіе вмѣстѣ съ теоріей *цадикизма*, но послѣдняя здѣсь не доведена до тѣхъ безобразныхъ преувеличеній, до той нелѣпой проповѣди идолопоклонства, которая такъ возмущаетъ здравый смыслъ въ произведеніяхъ другихъ современниковъ и особенно въ знакомомъ намъ сочиненіи Элимелеха Ливенскаго.

Вообще сочиненіе Леви-Ицхока, подобно его личности, весьма выгодно отличается отъ многихъ однородныхъ съ нимъ сочиненій другихъ польскихъ и украинскихъ цадиковъ. Сочиненіе это, озаглавленное «*Святость Леви*» и изданное въ 1798 году, состоитъ преимущественно изъ проповѣдей, которыя бердичевскій цадикъ, по принятому у хасидовъ обычаю, произносилъ еженедѣльно, по субботамъ, во время третьей трапезы². Про-

¹ שו"ת חסיד, изд. 1798 г., т. 4 в.

² חסידות. Проповѣди на текстѣ изъ Пятикнижія, расположенныя въ порядкѣ отдѣловъ Св. Писанія, съ приложеніями. Славуты, 1798 г. Слѣдующія изданія, значительно дополненныя, печатались въ двухъ частяхъ. Передъ нами—новое варшавское изданіе, Гольдмана, 1876 г. Въ текстъ книги включены и нѣкоторыя писанія синовой автора, изъ коихъ одинъ, Мендръ, утерянъ еще при живомъ отд.

повѣди Леви-Иццока, произносимыя со свойственнымъ ему жаромъ, производили въ свое время необыкновенно сильное впечатлѣніе на слушателей. Сынъ автора, ссылаясь на свидѣтельства «многихъ тысячъ людей, удостоившихся слушать священные рѣчи» его отца, увѣряетъ, что эти рѣчи «воспламеняли сердца слушателей и привлекали людей къ служенію Господу»¹. Читая нынѣ въ книгѣ проповѣди бердичевскаго цадика, нетрудно повѣрить этому показанію. Это—дѣйствительно живыя и увлекательныя поученія. Восторженность и задушевность тона соединяются въ нихъ съ рѣдкою въ такихъ случаяхъ ясностью мыслей, съ тою мудрою простотою, которая иногда напоминаетъ изреченія Бешта. Ученіе, по существу своему мистическое, излагается здѣсь съ ясностью и послѣдовательностью научнаго трактата. Вы вращаетесь въ густомъ туманѣ, но въ этомъ туманѣ вамъ все до мелочей видно.

Исходными пунктами проповѣдей Леви-Иццока служатъ мысли и изреченія Бешта и преемника его Бера. Авторъ очень часто ссылается на этихъ основателей хасидизма, въ особенности же на послѣдняго, котораго называетъ своимъ «наставникомъ и учителемъ». Приводя ихъ изреченія, онъ разъясняетъ и расширяетъ заключающіяся въ нихъ мысли, стараясь пересадить отвлеченно-мистическое на почву конкретнаго. Онъ всячески избѣгаетъ каббалистическихъ тонкостей и мудреныхъ терминовъ. Онъ хочетъ дать не столько догматическое ученіе, сколько практическое руководство для жизни.

Главный и любимѣйшій его принципъ—*общеніе съ Богомъ* во всѣхъ сферахъ жизни. Подобно тому,—говоритъ онъ,—какъ Богъ непрестанно думаетъ о насъ, о нашихъ нуждахъ и о нашемъ благѣ, такъ и мы ежеминутно должны думать о Немъ. Чѣмъ ближе мы стоимъ мысленно къ этому Источнику жизни, свѣта и разума, тѣмъ возвышеннѣе и чище въ насъ жизнь духовная². Для того, чтобы жить всегда «въ Богѣ», необходимо постоянно поддерживать въ себѣ веселое и бодрое настроеніе, ибо въ радости душа болѣе открыта и вос-

¹ Чѣмъ лѣтъ ч. II, стр. 32.

² Тамъ же, стр. 3, 24.

примчива къ высшимъ вдохновеніямъ ¹. Высшая форма «общенія»—въ молитвѣ. Человѣкъ долженъ молиться такъ, чтобы въ это время «живленная сила его отдѣлилась отъ своей тѣлесной оболочки и могла бы слиться съ Божественною Силою жизни». Въ этомъ молитвенномъ слияніи съ Богомъ заключается величайшее наслажденіе. «Когда молящійся воспламеняется всѣмъ сердцемъ, онъ испытываетъ величайшую нѣгу, ибо въ такіе моменты тѣлесность его какъ бы улетучивается и остается только его жизненная сила, составляющая частину Божества и близкая тогда къ своему Источнику» ². Чтобы пребывать всегда въ этой восхитительной близости, надо стараться и всѣ прочія проявленія души или жизненной силы, хотя бы они выражались въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, желаніяхъ и страстяхъ, возводить къ Источнику всякой жизни. Испытываемое физическое удовольствіе отъ ѣды или отъ удовлетворенія иной какой либо потребности, надобно это удовольствіе слить съ мыслью о высшемъ источникѣ всего пріятнаго, съ наслажденіемъ божественнаго созерцанія—и отъ этого всякое физическое удовольствіе становится выше, духовнѣе, истиннѣе ³. Такое состояніе постояннаго единенія съ Высшимъ Существомъ порождаетъ горячую *любовь* къ этому Существо, а въ этой любви—корень здоровой вѣры. Мысль о томъ, что Высочайшій Творецъ міровъ столь близокъ къ намъ, преисполняетъ душу нашу чувствомъ благодарности и привязанности. Такое чувство доступно во всей чистотѣ лишь избраннымъ натурамъ; натуры же низшаго разряда примѣчиваютъ къ этому чувству разныя матеріальныя вожделѣнія. Различіе это авторъ поясняетъ слѣдующею притчей. Нѣкій великій царь посѣтилъ хижину бѣдняка. Престололюдинъ, увидѣвъ царя въ роскошномъ нарядѣ и среди блестящей свиты, любовался этимъ наружнымъ блескомъ и долготѣ невиданными имъ богатствомъ и роскошью. Присутствовавшій же при этомъ другой престололюдинъ восхищался не внѣшнимъ царскимъ блескомъ, ибо зналъ, что для царя богат-

¹ Тамъ же, стр. 39.

² Тамъ же, стр. 42.

³ Тамъ же, стр. 45, 124 и др.

ство и роскошь ничего не значать, а восторгался онъ мыслью, что столь великій, могущественный царь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ хижину бѣдняка, что онъ снизошелъ къ маленькому, слабому человѣчку и интересуется его житьемъ-бытьемъ. Такъ и у насъ. Малосмысленные люди, видя проявленіе Божьяго могущества на землѣ, дѣлать Бога лишь по внѣшнимъ, осязательнымъ признакамъ этого могущества; люди же высшаго разряда восхищаются *самимъ фактомъ* проявленія силы Божіей на землѣ,—фактомъ, свидѣтельствующимъ о постоянной близости къ намъ, недостойнымъ, Царя царей ¹.

Такое настроеніе возможно, конечно, только при сознаніи, что Богъ есть исключительно источникъ добра, а не зла. Этотъ *сознательный оптимизмъ*, присущій личной натурѣ Леви-Ицкока, составляетъ характерную черту и его системы. Талмудическій оптимистъ Нохумъ-Ипшъ-Гамзу, твердившій при всѣхъ своихъ мукахъ, что «все въ мірѣ—къ добру», составляетъ идеалъ автора. Сила вѣры въ благодѣяніе Божію должна быть такъ велика, что человѣкъ, котораго постигаетъ бѣдствіе, не долженъ даже прибѣгать къ физическимъ средствамъ для его устранения, ибо въ концѣ концовъ горе само собою разрѣшится въ радость ². Даже нынѣшнее горестное положеніе евреевъ среди тѣснящихся ихъ чужихъ народовъ также имѣетъ цѣлью будущее благо Израиля, его нравственное очищеніе и духовное просвѣтленіе ³. Да и въ современномъ еврействѣ гораздо больше свѣтлыхъ, чѣмъ темныхъ сторонъ. Послѣднія можно вполне извинить, принимая во вниманіе бѣдственное положеніе народа. «Если евреи не всегда исполняютъ волю Божію, подобно ангеламъ, то вѣдь ихъ можно оправдать тѣмъ, что они постоянно озабочены своимъ пропитаніемъ» ⁴. Поэтому дурно поступаютъ тѣ проповѣдники-наставники, которые въ своихъ поученіяхъ обличаютъ недостатки народа и бичуютъ своихъ слушателей «жестокими словами». Истинный патріотъ долженъ поступать иначе: онъ долженъ перечислять добродѣтели еврей-

¹ Тамъ же, стр. 49.

² Тамъ же, стр. 47.

³ Тамъ же, стр. 172, 219.

⁴ Тамъ же, стр. 168.

скаго народа, его прекрасныя качества, долженъ показывать «высокій источникъ и значеніе еврейской души» — и тогда онъ гораздо скорѣе воспламенитъ сердца своихъ слушателей и воодушевитъ ихъ вѣрою, нежели проповѣдникъ-обличитель. Ибо, возвышая человѣка въ собственныхъ его глазахъ, мы прибавляемъ ему энергіи; укоряя же и унижая, вызываемъ въ немъ чаще всего упадокъ духа, гибельный для здоровой вѣры ¹. Мы видѣли выше, что и въ собственномъ поведеніи бердичевскій цадикъ держался этого самаго, рекомендуемаго имъ другимъ правила.

Благоволеніе автора простирается до нѣкоторой степени даже на иновѣрцевъ. Въ его книгѣ мы находимъ смѣлыя для того времени и для той среды мысли, какъ, напримѣръ, что «и въ не-евреѣ таится священная искра», и что «Богъ внимаетъ молитвѣ иновѣрца и помогаетъ ему» ². Конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ признается и постоянный роковой антагонизмъ между Израилемъ и народами, выражающійся въ томъ, что когда народъ Божій не идетъ по истинному пути, то всѣ блага, предназначенныя для него, отдаются чужимъ народамъ; когда же евреи заслужатъ лучшей участи, то Богъ отниметъ блага отъ «чужихъ» и возвратитъ ихъ законнымъ своимъ дѣтямъ, находящимся до сихъ поръ лишь во временной опалѣ ³.

Взглядъ автора на роль цадиковъ напоминаетъ собою въ общемъ взглядъ его учителя Бера. Достигшій совершенства въ дѣлѣ постоянного общенія съ Богомъ и «мысленно теряющійся въ Богѣ» достоинъ, по его мнѣнію, имени праведника ⁴. Праведники бываютъ двухъ разрядовъ: *праведники для себя*, стремящіеся только къ личному совершенству, и *праведники для народа*, стремящіеся къ духовному усовершенствованію другихъ людей, къ просвѣщенію вѣрою простыхъ и темныхъ. Послѣдній разрядъ гораздо выше перваго ⁵. Роль цадика со-

¹ Тамъ же, стр. 160.

² Тамъ же, 75, 149.

³ Тамъ же, 117.

⁴ Тамъ же, 11.

⁵ Тамъ же, 7.

стоитъ, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы благодѣтельствовать народу, чтобы ходатайствовать передъ Богомъ о предотвращеніи отъ евреевъ разныхъ бѣдствій, неиспосылаемыхъ свыше, и т. п. Ибо цадикъ въ силахъ отмѣнить приговоръ Бога, клонящійся ко вреду Израиля, и не властенъ только надъ такими предначертаніями, которыя направлены ко благу людей ¹. Самъ Богъ вручилъ цадикамъ такую власть; Онъ самъ далъ любимому своему народу такихъ могущественныхъ адвокатовъ, которые, въ случаѣ надобности, могли бы защищать его предъ Высшимъ Судомъ ². Бываютъ эпохи, когда цадиковъ мало, или когда цадикъ, по несовершенству своему, не въ силахъ противиться карательнымъ приговорамъ Неба; тогда, конечно, народу плохо приходится, ибо міръ въ такія эпохи управляется *закономъ*, а не *милосердіемъ* ³. Чѣмъ ближе народъ стоитъ къ своимъ праведникамъ, тѣмъ лучше для него. Влизость къ праведнику прибавляетъ святости человѣку. Отрицающій значеніе праведника разрушаетъ одну изъ коренныхъ основъ вѣры ⁴. Праведники—спеціальныя врачи душъ, но духовными своими лекарствами они могутъ врачевать и физическіе недуги ⁵. Авторъ, однако, никого не обязываетъ, какъ это дѣлали его современники, обращаться къ цадику по дѣламъ житейскимъ, съ просьбами о доставленіи «жизни, дѣтей и пропитанія» и т. п. Онъ даже запрещаетъ цадику гордиться своимъ могуществомъ и «воображать въ умѣ своемъ, будто его дѣла спасаютъ міръ и будто онъ даетъ пропитаніе всѣмъ созданіямъ», ибо все это дѣлается только *черезъ него*—милосердіемъ Божиимъ ⁶. Эта фраза уже прямо направлена противъ извѣстныхъ тезисовъ Элимелеха Ливскаго. Теорія временнаго «наденія цадика», которую погляднѣй также довелъ до крайностей, наложена гораздо умѣреннѣе въ книгѣ Леви-Иццока. Авторъ ссылается на изреченіе своего учителя Вера, что «праведникъ», поднимая до своей

¹ Тамъ же, стр. 45, 198.

² Тамъ же, стр. 53 и *passim*.

³ Тамъ же, стр. 110.

⁴ Тамъ же, стр. 113 и 131.

⁵ Тамъ же, стр. 219.

⁶ Тамъ же, стр. 131.

высоты простолюдина, долженъ поневолѣ терять временно въ своей святости», подобно тому, какъ человѣкъ, вытаскивающий своего товарища изъ глубокой грязи, непременно сколько нибудь замазается этою грязью. Онъ допускаетъ, что цадикъ, спускаясь въ омутъ житейскій, съ цѣлью «извлекать священныя искры изъ низшихъ предметовъ», можетъ иногда заразиться извѣстными житейскими страстями, въ родѣ сребролюбія, можетъ даже нарушить заповѣдь Божию, но временное паденіе это имѣетъ слѣдствіемъ еще большее возвышеніе цадика и вмѣстѣ съ нимъ тѣхъ, къ которымъ онъ спускался¹.

Вообще вся непривлекательная сторона цадикизма если не отсутствуетъ, то по крайней мѣрѣ значительно смягчена въ книгѣ бердическаго цадика. Онъ гораздо болѣе напираетъ на тѣ основныя, этическія начала хасидскаго ученія, которыя онъ считаетъ общедоступными, и не признаетъ слѣпого поклоненія цадикю единственною добродѣтелью простолюдина. Онъ нигдѣ не говоритъ, подобно Элимелеху, что помимо цадика ни для кого нѣтъ спасенія, а, напротивъ, старается убѣдить людей въ томъ, что вѣрою и добрыми намѣреніями всякій можетъ достигнуть извѣстной степени духовнаго совершенства и что вѣрующій не долженъ смущаться и падать духомъ, если вслѣдствіе житейскихъ невгодъ ему не всегда удастся осуществлять на дѣлѣ свои намѣренія и идеальныя стремленія. Ибо доброе намѣреніе цѣнится Богомъ не меньше, чѣмъ добрый поступокъ. Возвышеніе душевнаго склада человѣка есть главная цѣль религіи. Отвлеченная теософія и практическая нравственность тѣсно связаны между собою. «Заповѣди, касающіяся отношеній къ ближнему, непосредственно вытекаютъ изъ догмата единства Божія, ибо коль скоро мы вѣримъ, что мы всё происходимъ изъ одного источника, то ужъ одна эта вѣра обязываетъ насъ заботиться о благѣ нашихъ ближнихъ и воздерживаться отъ причиненія имъ вреда»². Этою симпатичною мыслью заканчивается книга Леви-Ицхока Бердичевскаго, которую по справедливости можно считать одною изъ лучшихъ книгъ хасидской литературы.

¹ Тамъ же, стр. 52, 135, 153 и 211.

² Тамъ же, ч. II, стр. 64.

Одновременно съ Леви-Ицхокомъ Бердичевскимъ подвизался въ Украинѣ въ описываемую эпоху другой замѣчательный цадикъ-проповѣдникъ, родоначальникъ знаменитой, донынѣ существующей династіи цадиковъ, *Нохумъ изъ Чернобыля*.

Нохумъ Чернобыльскій былъ и годами старше своего бердичевского коллеги, и школою выше. Онъ имѣлъ честь принадлежать еще къ числу учениковъ Бешта, у котораго не разъ бывалъ въ Меджибожѣ¹. По смерти Бешта онъ поступилъ въ школу преемника его Бера изъ Межирича, и здѣсь, въ товарищескомъ кругу другихъ будущихъ вождей хасидской секты, готовился къ своей роли. Въ 1770-хъ годахъ, по смерти второго своего учителя, Нохумъ поселился въ м. Чернобыль (Кіевской губ.), гдѣ занималъ должность проповѣдника (*маида*). По обыкновенію людей этой профессіи, онъ часто предпринималъ поѣздки въ разные города и мѣстечки. Его проповѣди въ хасидскомъ духѣ пользовались большою извѣстностью среди евреевъ Кіевской области, Волыни и Подоліи. Достигнувъ славы, онъ на старости лѣтъ велъ уже болѣе осѣдлый образъ жизни, да не имѣлъ и надобности разѣзжаться, такъ какъ къ нему, въ Чернобыль, стекались вѣрующіе съ разныхъ сторонъ. Чернобыльскій цадикъ пользовался среди хасидовъ славою чудотворца и цѣлителя недуговъ; въ немъ видѣли наслѣдника чудесъ и знахарскихъ тайнъ Бештовыхъ. По свидѣтельству современника, къ Нохуму являлись главнымъ образомъ за практическими совѣтами, благословеніями и духовными лекарствами для недужныхъ; женщины приходили лечиться отъ безплодія. За свои совѣты и леченіе цадикъ, не стѣсняясь, бралъ деньги. Укоряя легковѣрныхъ поклонниковъ этого цадика и обращаясь вообще къ хасидамъ того времени, тотъ же современникъ-антихасидъ говорить: «Напрасно ѣдете вы къ Нохуму Чернобыльскому. Вѣдь онъ старъ, хилъ и дряхль, съ помощью другихъ передвигается съ мѣста на мѣсто и самъ шагу не можетъ ступить. Какъ же онъ, будучи самъ беспомощенъ, поможетъ вамъ въ вашемъ горѣ? Напрасно вы дѣлаете его своимъ идоломъ и кла-

¹ *Восхваленія Бешта*, 12 и passim. מתיח ח"ו, стр. 41; Лексиконъ Вальдена а. в. и др.

няется ему... Безъ пользы вы тратите и трудъ и деньги»¹. Эти слова были писаны въ 1798 г., а спустя годъ Нохума не было уже въ живыхъ². Онъ оставилъ послѣ себя сына и преемника, прославленнаго цадика Мордуха Чернобыльскаго, во-семь сыновей котораго раздѣлили впоследствии между собою власть надъ всѣми украинскими хасидами. Чернобыльская династія донинѣ еще имѣетъ своихъ вліятельныхъ представителей, и намъ еще придется не разъ къ ней возвращаться.

Другихъ біографическихъ данныхъ о главѣ этой династіи, о Нохумѣ Чернобыльскомъ, мы не имѣемъ. Жизнь этого цадика, повидимому, прошла тихо, безъ борьбы и агитаціи. Онъ прожилъ весь свой вѣкъ въ Украинѣ, т. е. далеко отъ центра великой борьбы, предшествовавшей окончательному «отпаденію» хасидовъ. Онъ не бывалъ ни въ Литвѣ, ни въ Галиціи, и ему не приходилось страдать за свои убѣжденія. Безъ шума проходилъ онъ свое поприще, не переставая, однако, ревностно служить дѣлу распространенія хасидизма своими многочисленными проповѣдями. Эти популярныя въ свое время проповѣди дошли до насъ, и по нимъ мы можемъ составить себѣ понятіе о дѣятельности и возврѣніяхъ чернобыльскаго цадика. Проповѣди его впервые были собраны и напечатаны еще при жизни автора, въ двухъ книгахъ, въ 1798 г. Первая и большая книга, озаглавленная «Свѣтъ очей», содержитъ въ себѣ крупнѣйшія его проповѣди на библейскіе тексты, изложенныя въ формѣ обычнаго комментарія къ Св. Писанію; вторая, подъ названіемъ «Увеселитель сердца», состоитъ изъ отрывковъ проповѣдей, приравленныхъ къ текстамъ изъ легендарно-моральной части Талмуда³. Эти книги имѣли большой успѣхъ. Первое изданіе ихъ

¹ שו"ת חסד אברהם (ученика виленскаго гаона), изд. 1789 г. Имя Нохума Чернобыльскаго здѣсь упоминается вмѣстѣ съ именами другихъ цадиковъ-художниковъ—Израиля Козеницкаго и др.

² Это видно изъ развѣской аппробаціи къ его книгѣ זב"ב פשוט, отъ 1799 г.

³ שו"ת חסד—правонаучительный комментарий къ Пятикнижью, Нохума Чернобыльскаго, Славуты, 1798. Мы цитируемъ по новому варшавскому изданію 1881 г. — זב"ב פשוט—отрывки и афоризмы на агадическіе тексты, Славуты, 1798. Мы пользовались вторымъ изданіемъ, вышедшимъ въ Жолквѣ въ 1800 г.

было распродано въ Россіи менѣе чѣмъ въ два года, такъ что въ 1800 г. пришлось перепечатать ихъ вторично въ Галиціи, гдѣ, по свидѣтельству современника, «спросъ на нихъ былъ очень великъ»¹. Краткая характеристика этихъ книгъ объяснить намъ ихъ историческое значеніе и указать мѣсто ихъ въ хасидской литературѣ.

Отличительною чертою произведеній Нохума Чернобыльскаго является ихъ глубоко-мистическая, *каббалистическая* подкладка. Въ нихъ нѣтъ ни рѣзкой послѣдовательности и крайняго практицизма Элимелеха Ливенскаго, ни ясности и простоты теоретическихъ воззрѣній Леви-Ицхока Бердичевскаго. Не смотря на то, что авторъ то и дѣло ссылается на Бешта и Бера, какъ на своихъ учителей (на перваго — гораздо чаще, чѣмъ на послѣдняго), и комментируетъ ихъ изреченія, ему тѣмъ не менѣе недостаетъ главныхъ качествъ этихъ учителей: искренней простоты Бешта и систематичности Бера. Своими комментаріями онъ часто не разъясняетъ, а, напротивъ, затемняетъ ихъ принципы. Такъ, напримѣръ, основной принципъ хасидскаго ученія—*общеніе съ Богомъ*,—столь ясный въ изреченіяхъ основателя хасидизма, является у Нохума подъ густою каббалистическою вуалью. Еврейская нація,—разсуждаетъ онъ,—относится къ Богу, какъ жена къ мужу: жена — пассивное, воспринимающее начало; мужъ—начало активное, дающее. Богъ и Израиль вмѣстѣ составляютъ нѣчто цѣльное, какъ два пола у людей: Израиль безъ Бога, безъ благодатнаго, дѣятельнаго начала, есть безжизненный трупъ, ибо ему не отъ кого получать блага жизни; Богъ же безъ Израиля, безъ преемника Его благъ, неполонъ въ существѣ своемъ, и дѣятельность Его какъ бы безцѣльна, бесплодна, ибо не имѣетъ надлежащаго объекта. Для существованія цѣльности и гармоніи въ Міровомъ

¹ Эти факты указаны въ аннотации къ жолкіевскому изданію книги 27 псш 1800 г. Причину появленія втораго изданія книги не въ Россіи, а въ Галиціи, издатель объясняетъ тѣмъ, что, въ силу императорскаго декрета, запрещающаго привозъ въ Австрію изъ-заграницы еврейскихъ мистическихъ книгъ, «немислимо, чтобы такого рода книги попали изъ Россіи въ Галицію», такъ что для галиційскихъ хасидовъ приходится книги русскихъ надѣловъ перепечатывать въ предѣлахъ Австріи.

Существо необходимо постоянное любовное единение между земною и небесною половинами этого Существа, и моменты наитѣснѣйшаго единения суть моменты наивысшаго блаженства, причемъ импульсивное «возбужденіе» должно идти сначала снизу вверхъ, т. е. нашею преданностью и любовью къ Богу мы должны возбуждать любовь Его къ намъ. Чѣмъ восторженнѣе, экзальтированнѣе наше настроеніе, тѣмъ легче дается намъ это «возбужденіе», а высшій пунктъ единения «обѣихъ половинъ» достигается въ моменты молитвеннаго экстаза ¹. Это «тайнство единения» вводитъ насъ уже въ мрачный лабиринтъ «Зогара» (откуда эта идея и взята), хотя въ сущности выражаетъ то же, что знакомое намъ хасидское начало «общенія».

Вслѣдствіе тѣснаго, органическаго единства между Богомъ и Его избраннымъ народомъ, всякій изъянъ въ послѣднемъ вызываетъ какъ бы соотвѣтственный изъянъ и дисгармонію въ Первомъ, и отъ этого усиливается злое, отрицательное начало въ мірѣ, причиняющее людямъ неисчислимыя страданія. Во избѣжаніе такой дисгармоніи, необходимо стремиться къ полнотѣ и цѣльности Божества, а это достигается посредствомъ мысленнаго поглощенія себя и всего окружающаго въ Немъ, посредствомъ «поднятія къ Нему божественныхъ искръ», кроющихся во всѣхъ предметахъ и явленіяхъ и отъ Него же отдѣлившихся, т. е. посредствомъ глубокаго и постояннаго пантеистическаго созерцанія, доходящаго до самозабвенія субъекта мысли въ ея объектѣ. Сущность вѣры заключается въ *возведеніи всего низшаго къ высшему и въ стремленіи человека быть мысленно ничѣмъ*, теряться въ Богѣ, какъ частица въ цѣломъ ².

Цадикъ, воплощающій въ себѣ до нѣкоторой степени такой идеаль вѣры, необходимъ, поэтому, міру. «Праведникъ—это великій столбъ, соединяющій между собою небо и землю»,—то и дѣло повторяетъ авторъ. Онъ сравниваетъ праведника также съ каналомъ, чрезъ который божественная благодать протекаетъ на землю ³. Цадикъ способствуетъ соединенію «обѣихъ поло-

¹ *ענין תמיד* стр. 5, 12, 140 и др.

² Тамъ же, стр. 3, 4, 9, 101, 103, 169 (*ענין למה נאמר אלוהים אלוהים*).

³ Тамъ же, стр. 6, 71, 92 и др., также въ книгѣ *על המש* 25а.

внѣ» Мирового Существа. «Безъ цадика міръ не могъ бы устоять ни минуты, ибо грѣшныя люди только и дѣлаютъ, что отдѣляютъ міръ отъ Источника его бытія и тѣмъ приводятъ его къ разрушенію. Міръ могъ бы даже держаться заслугами одного только великаго и во всѣхъ отношеніяхъ совершеннаго праведника; но такъ какъ въ наши предмессіанскіе вѣка, вслѣдствіе оскудѣнія духа въ еврейскомъ народѣ, нѣтъ и не можетъ быть среди его такого идеальнаго угодника, напоминающаго святыхъ мужей ветховавѣтныхъ, то взамѣнъ одного такого всемірнаго цадика народъ долженъ имѣть множество второстепенныхъ, мѣстныхъ цадиковъ, дабы количество восполняло качество и дабы совокупностью заслугъ всѣхъ угодниковъ могъ «держаться міръ». Этимъ объясняется—почему нынѣ расплодилось такъ много цадиковъ на землѣ. Когда придетъ Мессія, этотъ величайшій всемірный праведникъ, тогда онъ одинъ будетъ исполнять задачу, нынѣ исполняемую многими цадиками. Но пока его еще нѣтъ, то чѣмъ больше будетъ число цадиковъ, тѣмъ лучше будетъ для народа ¹. Конечно, и въ современныхъ цадикахъ есть разныя степени: есть между ними болѣе и менѣе совершенные, болѣе и менѣе вліятельные въ небесныхъ сферахъ. Иной попроситъ о чемъ нибудь Бога—и тотчасъ получить, а другой вынужденъ многократно молиться для того, чтобы что нибудь выпросить. Бываютъ, наконецъ, и различныя настроенія въ высшихъ сферахъ: бываютъ моменты благоволенія и моменты нерасположенія, такъ что одинъ и тотъ же праведникъ иногда получаетъ просимое легко, а иногда—съ большимъ трудомъ. Поэтому вѣрующій не долженъ смущаться, если иногда замѣтитъ, что заступничество цадика не тотчасъ помогаетъ, ибо сокрыты отъ смертнаго пути Господни. Часто Господь нарочно медлитъ исполненіемъ воли своего любимца-цадика, для того, чтобы заставить его больше молиться, ибо молитвы цадика доставляютъ Богу наслажденіе ². Народъ долженъ твердо вѣрить

¹ Тамъ же, стр. 71—72. Авторъ часто наираетъ на ту мысль, что прішествіе Мессіи имѣетъ не столько политическое, сколько духовное, мистическое значеніе. „Обытованная земля (говорить онъ), имѣетъ не только матеріальный, но и главнымъ образомъ духовный смѣлъ“. 57¹л¹с¹ 21а.

² 57¹л¹с¹ 17 а, b, с.

Восходъ, кн. 11.

сначала, конечно, въ Бога, а потомъ въ падику. Къ послѣднему можно обращаться не только для спасенія души, но и съ разными житейскими просьбами, какъ, напр., съ просьбами о пропитаніи, объ излеченіи отъ болѣзни, о прекращеніи безплодія и т. п. Падики эти просьбы передаетъ Богу, присовокупля къ нимъ свое ходатайство, которое раньше или позже, за рѣдкими исключеніями, должно увѣнчаться успѣхомъ. Такого рода помощь свыше, — прибавляетъ авторъ, — гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ помощь земная отъ врача или знахаря. Многія безплодныя женщины обращаются къ колдунамъ или колдуньямъ, и тѣ часто помогаютъ имъ отъ безплодія, но помощь эта обманчивая, ибо, «известно, — говоритъ авторъ съ наивною увѣренностью, — что дѣти, приходящія отъ колдовства, не живутъ долѣе семи лѣтъ»¹.

Подобныя воззрѣнія не могутъ, конечно, внушать симпатію къ «темному челобѣку», проповѣдывавшему ихъ; но справедливость требуетъ замѣтить, что при всей своей наивности и даже грубомъ суевѣріи, при всѣхъ стараніяхъ приманить народъ къ падику, Нохумъ Чернобыльскій никогда не спускается до тѣхъ торгашескихъ зазываній и приглашеній «вознаграждать» падику, обращенія которыхъ мы видѣли въ сочиненіи одного его сотоварища и увидимъ еще больше въ трудахъ младшихъ его коллегъ. О «даніяхъ падику» почти нѣтъ рѣчи въ его книгахъ. Разъ только встрѣчаемъ мы въ нихъ замѣчаніе, косвенно относящееся къ этому предмету и имѣющее значеніе историческаго факта. Доказывая, что безграничное упованіе на благость Божию есть одна изъ важнѣйшихъ хасидскихъ добродѣтелей, авторъ подтверждаетъ это положеніе слѣдующимъ доводомъ: «Мы видимъ, — говоритъ онъ, — что падики, которые большею частью не занимаются торговлею и вообще не заботятся о пропитаніи способами матеріальными, подобно масѣ, тѣмъ не менѣе живутъ очень порядочно и безъ особеннаго труда, а нѣкоторые изъ нихъ живутъ и удовлетворяютъ всѣмъ своимъ нуждамъ даже лучше, чѣмъ богачи, вѣчно озабоченные заработкомъ, — а вѣдь все это дается праведникамъ только въ силу ихъ без-

¹ Тамъ же, в, с. и слѣд. тис стр. 26 и 101.

граничнаго упованія на Бога»¹. Авторъ скромно умалчиваетъ о ближайшемъ источникѣ этого изобилія матеріальныхъ благъ у падиговъ, столь беззаботно живущихъ. Вообще онъ держится въ «предѣлахъ приличія» и не лишенъ чувства мѣры. Весьма возможно, что и на самомъ дѣлѣ Нохумъ, хоть и бралъ деньги за свои «совѣты», чуждъ былъ корыстолюбія и алчности, свойственной его преемникамъ, и что въ жизни онъ былъ почти такъ же умѣренъ, какъ въ своихъ книгахъ².

Не лишены интереса нѣкоторыя частныя воззрѣнія автора, вытекающія изъ общихъ положеній излагаемаго имъ ученія. Оптимизмъ, присущій вообще этому ученію, у него выражается въ слѣдующей своеобразной формѣ. Добро и зло, — разсуждаетъ онъ, — перемѣшаны повсюду съ тѣхъ поръ, какъ совершилось грѣхопаденіе; человѣкъ также состоитъ изъ этихъ двухъ началъ. Когда человѣкъ наталкивается на какое либо явленіе, то доброе начало въ человѣкѣ «притягивается» къ доброму началу въ явленіи, а злое — къ злomu. Если же человѣкъ такъ усовершенствовался духовно, что поработилъ въ себѣ злое начало и далъ преобладаніе доброму, то во всѣхъ явленіяхъ онъ склоненъ будетъ видѣть преимущественно хорошую ихъ сторону³. Стало быть, оптимизмъ есть удѣлъ хорошихъ, избранныхъ натуръ. Изъ этого вытекаетъ правило — ничѣмъ не смущаться, не терзаться и не отчаяваться въ спасеніи даже въ случаѣ временнаго нравственнаго паденія. «Большое правило сообщу тебѣ, — говоритъ авторъ: — если ты иногда почувствуешь въ себѣ, что впалъ въ дурныя нравы, и особенно если одержимъ дурною любовью, или смущаетъ тебя половое чувство, хоть и не прелюбодѣйное, — тогда знай навѣрное, что свыше хотятъ тебя поднять на болѣе высокую ступень, вмѣстѣ съ присущими тебѣ качествами, и что сердце твое скоро раскроется для воспріятія истинной любви

¹ Тамъ же, стр. 135.

² Ср. статью Рудермана о Нохумѣ въ «Гамахарѣ» 1875 г., кн. II, стр. 96, гдѣ авторъ увѣряетъ, что хотя Нохумъ жилъ комфортно, но не гнался за деньгами и за увеличеніемъ своего капитала, подобно наслѣдникамъ своимъ.

³ Тамъ же, стр. 136.

къ Богу, ибо паденіе всегда предшествуетъ возвышенію, и стремленіе преодолѣть въ себѣ дурное приводитъ къ добру»¹.

Другое важное правило сообщаетъ авторъ отъ имени своего учителя (Бера), а именно: что человѣкъ долженъ постоянно развивать въ себѣ способность психическаго *самонаблюденія*. Онъ долженъ заботиться объ усовершенствованіи своихъ душевныхъ качествъ, а для этого слѣдуетъ въ извѣстное время налегать на развитіе одного какого либо качества, напр., на любовь къ высокому, и стараться довести въ себѣ это качество до высшей степени, замѣчая и казня внутренне отступленія отъ него въ какихъ бы то ни было случаяхъ; въ другое время можно отдаться усовершенствованію другого качества, и т. д.² Это правило по существу совершенно тождественно съ извѣстною программю нравственнаго самоусовершенствованія, выработанною великимъ Франклиномъ, современникомъ нашего цадика³. Бываютъ же такія странныя совпаденія: трезвый раціоналистъ-христіанинъ и суевѣрный еврейскій мистикъ, не подозревавшіе, конечно, о существованіи другъ друга, сошлись въ одной мысли!.. А между тѣмъ нашъ цадикъ былъ твердо убѣжденъ, что всѣ кладези мудрости находятся исключительно въ рукахъ евреевъ и что «гои» ничего не смыслятъ въ «важныхъ матеріяхъ» или только питаются крохами, падающими съ «нашего» стола...

Взглядъ его на этотъ предметъ довольно оригиналенъ или, точнѣе, грубо-наивенъ. Авторъ снисходительно допускаетъ, что послѣ грѣхопаденія нѣкоторыя «священныя искры» попали и къ «народамъ» и даже что между ними «застряли многія чистыя души»⁴; но вмѣстѣ съ тѣмъ признаетъ это положеніе ненормальнымъ, ибо думаетъ, что душа не-евреевъ должна быть низшаго разряда, что она представляетъ собою лишь «животную силу, кроющуюся въ крови», что «народы», подобно шелухѣ, имѣющей назначеніе охранять плодъ, созданы только для того, чтобы служить рамкою «избранному народу»⁵. Да и практи-

¹ Тамъ же, стр. 18. Та же мысль высказана тамъ на стр. 25, 69, 141 и др.

² Тамъ же, стр. 67.

³ Ср. Mémoires de B. Franklin. Paris, 1841, pp. 89—93.

⁴ Тамъ же стр. 17, 36.

⁵ Тамъ же, стр. 71, 90.

ческаго-то разума нѣтъ «у нихъ», и вслѣдствіе этого «никакое государство не можетъ управляться безъ еврея». Авторъ убѣжденъ, что «всякій король непременно имѣетъ у себя еврея-совѣтника», и что доселѣ «даже самые враждебные евреямъ государи, изгонявшіе ихъ изъ своихъ странъ, держали при себѣ совѣтниковъ изъ евреевъ, насильно окрещенныхъ»¹. Грустно и стыдно дѣлается, когда читаешь въ хасидскихъ книгахъ такого рода мнѣнія (а ихъ тамъ немало), возмутительныя при всей своей наивности. Эти прискорбныя мнѣнія, являющіяся откликомъ на вѣковыя насилія и муки, перенесенныя еврействомъ отъ «народовъ», держались въ извѣстныхъ эпохи въ извѣстныхъ слояхъ еврейскаго народа, но нигдѣ, кажется, не держались и не держатся они такъ упорно, какъ въ темной хасидской средѣ. Терпимость, гуманное обращеніе съ евреями и приобщеніе ихъ къ общечеловѣческой семьѣ искоренять, конечно, эти исчадія мрака и нетерпимости, эти воззрѣнія, столь же безобразныя, какъ и насилія, которыми они были вызваны и которыя, къ стыду человѣчества, не вездѣ еще исчезли, даже въ наше время. *Sessante causa, cessat et effectus...*

Къ ученому, раввинскому классу Нохумъ относится такъ же недружелюбно, какъ и его предшественникъ Яковъ-Іосифъ, хотя онъ и не выражается такъ рѣзко, какъ послѣдній. Онъ неоднократно въ своихъ проповѣдяхъ порицаетъ «людей, изучающихъ Талмудъ съ великими словопреніями, но далекихъ отъ истиннаго служенія Богу и богобоязненности». «Злое начало (говорить онъ) въ такихъ людяхъ, сильно, ибо они не ведутъ противъ него внутренней борьбы и не стараются уничтожить его». Да «и ученіе ихъ не богоугодное, ибо учатся они не для исполненія заповѣдей и не для исправленія своихъ нравовъ, согласно указаніямъ изучаемыхъ ими священныя книгъ, а лишь для упражненія ума и для хвастовства остроуміемъ»². Среди ученаго духовенства такъ же трудно «найти Бога», какъ и между купцами и суетными людьми свѣта, — говоритъ авторъ, примѣняя къ этому случаю извѣстные стихи *Писми*

¹ Тамъ же, стр. 95.

² Тамъ же, стр. 72, 148.

Писней: «Встану я, пройдуся по городу, по улицамъ и площадямъ (т. е. среди торгующаго народа), поищу любимаго душою моею (Бога); искала я его, но не нашла его. Встрѣтили меня стражи, проходящiе по городу (ученые и раввины): не видѣли вы любимаго душою моею? И лишь немножко отошедши отъ нихъ, нашла я любимаго душою моею» (III, 2—4) ¹. Авторъ осуждаетъ и самый методъ казуистики раввинской. Истинное пониманiе предмета, по его мнѣнiю, не допускаетъ «вопросовъ и словопренiй», и только «глупцы могутъ похваляться, какъ то дѣлаютъ наши ученые, тѣмъ, что они предлагаютъ столь мудреные вопросы, на которые и отвѣта нельзя придумать» ². Все у этихъ людей — наружное, показное; нѣтъ у нихъ искренности и горячей привязанности къ Богу, а потому и молитва ихъ не производитъ хорошаго впечатлѣнiя въ высшихъ сферахъ ³.

Авторъ идетъ еще дальше и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги провратно намекаетъ, что высшая мудрость заключается не въ Талмудѣ, а въ Каббалѣ. «Когда человѣкъ уже изучилъ всю устную Тору съ ея заповѣдями и законами, составляющую низшую ступень мудрости, тогда только онъ постигаетъ, что онъ ничего еще не знаетъ, и, убѣдясь въ этомъ, принимается связывать низшую мудрость съ высшею» (съ Каббалой) ⁴.

Тѣсная связь религiозности и нравственности выражена авторомъ въ довольно опредѣленной формѣ, не лишенной философскаго оттѣнка. Все, что мы постигаемъ въ Богѣ,—разсуждаетъ онъ,—это не Его сущность, а совокупность Его качествъ или совершенствъ, чрезъ которыя Онъ проявляется въ мiръ. Вслѣдствiе этого, стремиться къ единенiю съ Богомъ значитъ приближаться къ Его совершенствамъ, къ Его нравственнымъ качествамъ, и тѣмъ больше мы приближаемся къ нимъ, тѣмъ ближе стоимъ мы къ Богу и тѣмъ въ большей степени почтеть на насъ духъ Божiй ⁵. Такiе проблески ясной и здра-

¹ Тамъ же, 136.

² Тамъ же, 185.

³ זב נפשׁ 21 а.

⁴ ענין תמיד стр. 11, 57 и др.

⁵ זב נפשׁ 14, d.

вой мысли весьма рѣдко, однако, встрѣчаются въ сочиненіяхъ нашего автора. Большею частью онъ держитъ насъ въ густомъ мистическомъ туманѣ, гдѣ совершенно теряются и очертанія предметовъ, и границы, отдѣляющія мысль отъ мечты, работу ума отъ игры разгоряченнаго воображенія...

С. Дубновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИСУСЪ НАВИНЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ БИБЛЕЙСКОЙ ЭПОХИ.

Георга Эберса.

ГЛАВА XXIII ¹.

Торжественное пѣснопѣніе смолкло. Гроза давно прекратилась. Однако, утреннее небо, цвѣтисто украшенное зарею, все еще было покрыто сѣрымъ туманомъ, а съ юго-запада все еще дулъ сильный вѣтеръ, колыша морскія волны и раскачивая верхушки пальмъ, растущихъ у источниковъ.

Спасенный народъ славословилъ Всевышняго, и къ пѣснопѣнію Мириамъ присоединились даже наиболѣе равнодушныя и строптивыя. Но уже немного спустя, когда шествіе стало приближаться къ морю, многіе нетерпѣливые охотно отстали бы отъ стройныхъ рядовъ, чтобы поспѣшить на берегъ, гдѣ было много привлекательнаго.

Вотъ уже цѣлыя сотни народа вышли на морской берегъ, гдѣ волны, подобно великодушнымъ разбойникамъ, возвращали свою ночную добычу, выбрасывая ее на сушу.

Даже женщины не побоялись сильнаго вѣтра; ихъ влекли на берегъ самыя сильныя человѣческія страсти—стремленіе къ приобрѣтенію и жагда мести.

Тамъ каждую минуту появлялось что нибудь новое, воз-

¹ Сл. „Восходъ“, кн. X.

буждавшее алчность. Въ одномъ мѣстѣ валялся трупъ воина, въ другомъ—сломанная колесница; если попадались тѣла знатныхъ египтянъ, съ нихъ снимали серебряныя и золотыя украшенія, вытаскивали изъ-за пояса короткій мечъ или боевой топоръ. Люди же простого званія, мужчины и женщины, рабы и рабыни, евреи и чужеземцы—срывали съ мертвыхъ застежки и обручи изъ благороднаго металла или стягивали кольца съ опухшихъ пальцевъ утопленниковъ.

Вороны, летавшіе слѣдомъ за странниками и исчезнушіе—было во время грозы, теперь снова налетѣли цѣлыми стаями, карвая изо всей силы и стараясь удержаться противъ вѣтра. Ихъ привлекалъ запахъ добычи, и они стремились овладѣть ею.

Но чернь оказалась еще алчнѣе, чѣмъ эти стаи. Едва море выбрасывало на берегъ какойнибудь цѣнный предметъ, какъ тотчасъ поднимались дикіе крики и запальчивые споры. Старѣйшины держали себя въ сторонѣ. Они полагали, что народъ имѣетъ право на эту добычу. Впрочемъ, когда кто либо изъ вождей выступалъ съ увѣщаніемъ не предаваться грубой корысти, ему отказывали въ повиновеніи.

То, что египтяне причинили имъ въ послѣдніе часы, было такъ ужасно, что даже у наиболѣе благородныхъ не могло явиться мысли объ обузданіи стремленія къ мести. Съдовласые мужи почтенной наружности, жены и матери съ добрымъ, кроткимъ выраженіемъ въ лицѣ—даже и тѣ stalkивали обратно въ воду несчастныхъ египтянъ, которымъ кое-какъ удавалось выбраться на берегъ на обломкахъ колесницы или обозной телѣги. Одни побивали ихъ пастушьими или странническими посохами, ножами и топорами, другіе бросали въ нихъ камнями и осыпали ругательства-

ми, заставляя ихъ выпустить изъ рукъ спасительныя доски, а тѣхъ немногихъ египтянъ, которые все-таки выходили на берегъ, разъяренная толпа прогнала назадъ въ море, безъ пользы ихъ пощадившее.

Озлобленіе было такъ велико и месть представлялась такимъ святымъ долгомъ, что никто и не думалъ о снисхожденіи, состраданіи и пощадѣ, какъ это естественно въ несчастіи. Никто не говорилъ о великодушіи, не взывалъ въ жалости, никто не соблазнялся выкупомъ, который можно было получить, если бы спасшіеся отъ смерти египтяне были взяты въ рабство, какъ военнопленные.

„Смерть залятому врагу!“, „гибель ему!“, „долой его!“, „отдать его рыбамъ на съѣденіе!“, „вы насъ и дѣтей нашихъ загнали въ море, идите же теперь сами въ соленныя волны!“,—такіе крики раздавались со всѣхъ сторонъ и противъ нихъ никто не возражалъ; не возражали даже Мириамъ и Ефραίмъ, которые также вышли на берегъ посмотрѣть на представлявшееся тамъ зрѣлище.

Хотя дѣвушка стала женою Хура, но супружество мало что измѣнило въ ея образѣ мыслей и жизни. Судьба народа и общеніе съ Богомъ, пророчицею Котораго она себя чувствовала, и теперь составляли для нея высшую цѣль въ жизни. И вотъ, когда свершилось то, на что она надѣялась и о чемъ молилась, когда она, при первой великой побѣдѣ, въ гимнѣ своемъ выразила чувства вѣрующихъ, когда, наконецъ, она, какъ предводительница, шла впереди благодарнаго народа съ пѣснью на устахъ,—ей казалось, что она достигла высшей точки своего жизненнаго пути.

Ефραίмъ впервые напомнилъ ей объ Осіи; когда она разговаривала съ нимъ о колодникѣ, она выступала впередъ гордо, какъ царица, и съ величественнымъ достоинствомъ отвѣчала на привѣтствіе толпы. Ея глаза бли-

стали счастьемъ, и только въ тѣ минуты, когда юноша рассказывалъ ей о сильнѣйшихъ страданіяхъ, перенесенныхъ его дядею, въ ея глазахъ появлялось мимолетное выраженіе состраданія. Она еще помнила человѣка, котораго она любила, но онъ болѣе уже не нуженъ былъ ей для высокой цѣли, къ которой она стремилась.

Ефраимъ упомянулъ ей также о прекрасной египтянѣ, питавшей расположеніе къ его дядѣ, и началъ рассказывать о томъ, какъ, по ея заступничеству, съ колодниковъ сняли оковы. Но въ эту минуту на одномъ мѣстѣ на берегу, гдѣ столпилось множество народу, поднялся сильный шумъ; дикіе крики ярости смѣшивались тамъ съ радостными возгласами. Должно быть, море выбросило тамъ на берегъ что нибудь особенно цѣнное.

Миріамъ и Ефраимъ изъ любопытства направились къ этому мѣсту. И когда при приближеніи ихъ толпа почти тельно разступилась, они увидѣли кузовъ большой колесницы, безъ колесъ, и въ немъ—нѣчто печальное. Холщевый покровъ колесницы былъ сорванъ, и на днѣ ея лежали двѣ пожилыя египтянки; третья, помоложе, стояла опершись на заднюю стѣнку этой странной, превращенной въ чель колесницы. Старшія египтянки были мертвы; ихъ покрывала вода, успѣвшая проникнуть внутрь колесницы; нѣсколько евреевъ собирались уже сорвать драгоценныя золотыя украшенія съ шеи и плечъ болѣе богатой утопленницы. Молодая же египтянка по какой-то счастливой случайности осталась въ живыхъ и въ настоящую минуту передавала еврейскимъ женщинамъ свои драгоценныя вещи. Ея блѣдныя губы и нѣжныя, полукоченѣвшія тонкія руки дрожали, и тихимъ, пріятнымъ голосомъ она умоляла о пощадѣ, обѣщая дать за себя богатый выкупъ; она еще такъ молода и сдѣлала столько добра одному еврею,—пусть ее только выслушаютъ.

Трогательно звучала эта мольба, но ее разслушали только немногіе, такъ какъ египтянку безпрестанно перебывали проклятіями и угрозами. Вдругъ она громко вскрикнула. Какая-то грубая женщина вырвала у нея золотую серьгу изъ уха. Какъ разъ въ это время Мириамъ и Ефραίимъ подошли къ берегу.

Какъ ножомъ кольнулъ сердце юноши этотъ отчаянный крикъ. Онъ поблѣднѣлъ. Въ несчастной египтянкѣ онъ узналъ Казану.

Утопленницы, лежавшія возлѣ нея, были ея кормилица и жена верховнаго жреца Бан.

Едва владѣя собою, Ефраимъ растолкалъ толпу мужчинъ, заграждавшую ему путь къ Казанѣ, подбѣжалъ къ сломанной колесницѣ, сталъ на песчаный холмъ, и съ пылающимъ лицомъ, весь дрожа отъ волненія, воскликнулъ:

— Назадъ! Горе тому, кто ее тронетъ!

Но не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ одна еврейка, жена кирпичника, у которой во время перехода черезъ море умеръ ребенокъ въ страшныхъ судорогахъ, выхватила у Казаны изъ-за пояса остроконечный кинжалъ и съ крикомъ: „вотъ тебѣ, негодная, за мою малютку Руѳъ!“, — вонзила его ей въ спину со всего размаху. Еврейка взмахнула окровавленнымъ ножомъ, чтобъ нанести еще второй ударъ. Но Ефраимъ бросился между этой женщиной и ея жертвой и выхватилъ у нея ножъ. Онъ заслонилъ собою раненую и, поднявъ высоко клинокъ, громогласно и грозно крикнулъ:

— Убийцы, грабители! Если вы ее еще тронете, то я смѣшаю вашу кровь съ кровью этой женщины!

Онъ кинулся къ окровавленной Казанѣ, наклонился къ ней, — она лежала безъ чувствъ. Онъ поднялъ ее и на рукахъ понесъ къ тому мѣсту, гдѣ стояла Мириамъ.

Ошеломленные грабители стояли нѣсколько мгновений въ молчаливомъ изумленіи. Но едва Ефраимъ дошелъ до своей цѣли, какъ вокругъ раздались возгласы:

— Мести, мести! Египтянку нашли мы, и она наша добыча! Какъ смѣетъ дерзкій ефраимить ругать насъ грабителями и убійцами! Гдѣ можно лить египетскую кровь, тамъ пусть она льется! Мы не хотимъ щадить враговъ! На него! Отнять у него египтянку!

Но Ефраимъ не смущался этими гнѣвными выходками. Онъ уложилъ голову Казаны на колѣняхъ Миріамъ, которая помѣстилась на ближайшемъ песчаномъ холмѣ. Возбужденная толпа, съ женщинами впереди мужчинъ, бросилась-было къ нимъ. Но юноша снова взмахнулъ островерхимъ ножомъ и воскликнулъ:

— Еще разъ приказываю вамъ: назадъ! Кто здѣсь изъ колѣнь Иудина и Ефраимова, отдѣлитесь и подойдите ко мнѣ и къ Миріамъ, женѣ вашего вождя! Вотъ такъ, братцы, хорошо! Теперь горе тому, кто прикоснется къ этой египтянкѣ! Вы хотите мести! Но развѣ месть уже не совершена этимъ извергомъ, который убилъ несчастную, беззащитную женщину? Вы хотите получить драгоценности вашей жертвы? Хорошо, онѣ ваши, я вамъ ихъ отдамъ и прибавлю еще изъ своихъ вещей. Дайте же женѣ Хура позаботиться объ умирающей.

При этихъ словахъ Ефраимъ наклонился къ Казанѣ, снявъ съ нея, какія у ней еще остались, застѣжки и кольца и отдалъ ихъ въ жадныя руки, которыя къ нему протянулись. Наконецъ, онъ сорвалъ съ собственной руки широкій золотой обручъ и, поднявъ его высоко, крикнулъ:

— А это обѣщанная надбавка! Если вы увидите отсюда и дадите Миріамъ оказать помощь египтянкѣ, то я вамъ дамъ это золото, и вы раздѣлите его между собою. Если же вы

хотите еще крови, то подойдите только!... Тогда вы обруча уже не получите!...

Эти слова оказали свое дѣйствіе. Разъяренныя женщины поглядывали то на тяжелый, широкій золотой обручъ, то на красиваго юношу. Мужчины изъ колѣнъ Іудина и Еффраимова, собравшіеся вокругъ, вопросительно поглядывали другъ на друга. Наконецъ, жена одного чужеземца-торговца крикнула:

— Пусть онъ отдастъ золото, и тогда мы оставимъ ему, этому выхоленному баричу, его окровавленную мишапку.

Къ этому рѣшенію присоединились другіе. Жена кипичнива стала осыпать юношу дикими ругательствами за то, что онъ обозвалъ ее убійцей, — ее, видѣвшую въ своемъ поступкѣ богоугодное дѣло мести за своего ребенка. Но толпа увлекла эту женщину съ собою на берегъ, рассчитывая найти тамъ новую добычу.

Во время этихъ грозныхъ пререканій, Миріамъ смѣлою, искусною рукой оцупала и перевязала рану Казаны. Книжалъ былъ подаренъ Казанѣ принцемъ Сиптою, который, шута, говорилъ, что ей тоже не слѣдуетъ выступать въ походъ безоружною. Этимъ-то орудіемъ было ей нанесена глубокая рана въ плечо, и потеря крови была такъ велика, что слабый огонекъ ея жизни каждую минуту грозилъ погаснуть.

Но она была еще жива и ее перенесли въ палатку Навина, которая стояла ближе всѣхъ.

Престарѣлый предводитель колѣна Еффраимова былъ занятъ раздачею оружія пастухамъ и юношамъ, которыхъ Еффраимъ собралъ для освобожденія заточеннаго Іисуса. Навинъ только что объявилъ имъ, что онъ присоединится къ ихъ отряду. Въ эту минуту приблизилось печальное шествіе.

Казана въ дѣтствѣ очень любила этого почтеннаго старца;

съ своей стороны и Навинъ любилъ прекрасную дочь начальника Горнехта.

При встрѣчахъ она всегда привѣтствовала его весело, и онъ въ свою очередь отвѣчалъ ей ласковыми словами: „Благослови тебя Господь, дитя мое!“ или „Прекрасенъ часъ, когда старику встрѣчается такое милое созданіе!“ Однажды, — у Казаны были тогда еще дѣтскіе ложоны на головкѣ, — онъ, промѣнявъ скоть своихъ знаменитыхъ пастбищъ на хлѣбъ изъ помѣстья Горнехта, прислалъ ей въ подарокъ красиваго барашка съ особенно тонкой, шелковистой, бѣлоснѣжной шерстью. Впослѣдствіи Осія много разсказывалъ ему о Казанѣ, и эти разсказы, конечно, еще болѣе усилили въ немъ расположеніе къ прелестной дѣвухнѣ.

Онъ видѣлъ въ ней самую прекрасную изъ дѣвицъ Таниса, и будь она дочь еврейскихъ родителей, онъ считалъ бы за счастье сочетать ее со своимъ сыномъ.

Встрѣтить свою любимицу теперь въ такомъ состояніи было для старика страшнымъ огорченіемъ. Слезы брызнули у него изъ глазъ и потекли по бѣлоснѣжной бородѣ. Голосъ у него дрогнулъ, когда, обратившись къ Казанѣ съ привѣтетіемъ, онъ увидѣлъ на ея плечѣ окровавленную повязку.

Казану уложили въ постель Навина, и старикъ отдалъ въ распоряженіе пророчицы, свѣдущей въ лечебномъ дѣлѣ, свой ящикъ съ лекарствами. Миріамъ попросила мужичка оставить ее наединѣ съ больною, и когда мужичины снова вернулись въ палатку, они застали тяжело-раненую подкрѣпленную лекарствами и съ новой повязкой, болѣе тщательной, чѣмъ прежняя.

Съ расчесанными волосами, вымытая, очищенная отъ крови, лежала она на свѣжемъ льняномъ бѣльѣ, какъ спящій ребенокъ, едва вышедшій изъ дѣтскаго возраста.

Она еще дышала, но на щекахъ и губахъ у ней не было ни кровинки. Лишь послѣ того, какъ выпила питье, приготовленное ей Мириамъ, она открыла глаза.

Въ ногахъ у ея лежа стояли старикъ и внукъ его. Никто изъ нихъ не могъ себѣ объяснить, почему другой не въ состояннн удержаться отъ слезъ. Но оба плакали при видѣ этой чужестранки.

Увѣренность въ порочности и вѣроломствѣ Казаны, столь неожиданно овладѣвшая Ефραίмомъ, быстро оттолкнула его отъ египтянки и направила его на истинный путь, который онъ было-оставилъ. Но онъ глубоко затаилъ въ себѣ все, что онъ подслушалъ у ея шатра. Когда онъ рассказывалъ дѣду и Мириамъ о ея сострадательномъ заступничествѣ за колодниковъ и оба выразили желаніе услышать еще что нибудь о благородной египтянкѣ, Ефраимъ поступилъ какъ отецъ, скрывающій пороки своего любимаго сына, — онъ ни словомъ не обмолвился о позорныхъ дѣлахъ, которыхъ онъ былъ невольнымъ слушателемъ.

Теперь онъ былъ радъ, что умолчалъ объ этомъ. Что бы онъ тамъ ни видѣлъ или слышалъ, это прелестное созданіе навѣрное неспособно было на дурное и постыдное.

Для стараго Навина она никогда не переставала быть милымъ ребенкомъ, какимъ онъ ее узналъ впервые, и она осталась отрадою его очей и утѣшеніемъ сердца. Съ нѣжною заботливостію глядѣлъ онъ теперь на ея болѣзненно сжимавшіеся члены. Когда она, наконецъ, открыла глаза, онъ улыбнулся съ родительской, искренней радостію. Она тотчасъ узнала его и Ефраима; это было замѣтно по ея глазамъ. Она хотѣла кивнуть имъ головой, но не могла. Въ ея выразительномъ лицѣ можно было прочесть, что она обрадована и изумлена неожиданною встрѣчей. Мириамъ въ третій разъ поднесла ей укрѣпляющее лекарство и смочила ей лобъ

крѣпкимъ настоємъ. Казана послѣ этого посмотрѣла на одного и на другого широко раскрытыми глазами и, замѣтивъ ихъ озабоченныя лица, стала дѣлать надъ собою усилія, чтобъ сказать что нибудь. Наконецъ ей удалось прошептать едва слышнымъ голосомъ:

— Рана болятъ. А смерть... Я должна умереть?..

Навинъ и Ефрахимъ вопросительно посмотрѣли другъ на друга. Они охотно скрыли бы отъ нея страшную истину. Но она продолжала:

— Скажите же мнѣ, я умоляю васъ, скажите мнѣ правду!..

Мириамъ, стоявшая возлѣ нея на колѣняхъ, нашла въ себѣ достаточно мужества, чтобъ отвѣтить:

— Да, бѣдное, молодое созданіе,—рана твоя глубока. Но сколько позволить мое умѣнье, я сдѣлаю все, чтобы какъ можно дольше сохранять тебѣ жизнь.

Слова эти звучали добротою и состраданіемъ; однако, густой голосъ пророчицы, видимо, неприятно поразилъ Казану. Губы ея болѣзненно сжались при словахъ Мириамъ, и когда та кончила, больная закрыла глаза и но щекамъ ея потекли крупныя слезы.

Въ шатрѣ царила глубокая, зловѣщая тишина. Но вотъ Казана снова подняла вѣки и, съ трудомъ направивъ взоръ свой на Мириамъ, спросила попотомъ и какъ бы удивленная необычайнымъ зрѣлищемъ:

— Ты женщина и, однако, занимаешься врачевнымъ искусствомъ?

На это Мириамъ отвѣчала:

— Богъ мой повелѣлъ мнѣ заботиться о страждущихъ изъ моего племени.

Взгляды умирающей стали безпокойнѣе, въ нихъ по-

явился тревожный огонекъ. Возвысивъ голосъ, она съ удивившей всѣхъ рѣшимостью спросила:

— Ты—Миріамъ,—женщина, призвавшая къ себѣ Осію?

— Да!—отвѣтила та тотчасъ, съ сознаниемъ своего достоинства.

— У тебя своеобразная, властная красота! Ты, конечно, многое можешь сдѣлать. Однако, онъ пошелъ на твой призывъ, а ты... ты согласишься стать женою другого?..

Пророчица вторично, на этотъ разъ глухимъ, серьезнымъ голосомъ, произнесла:

— Да!

Умирающая снова закрыла глаза, и на ея губахъ заиграла странная улыбка. Но вслѣдъ затѣмъ Казаной овладѣло сильное, тягостное безпокойство. У ней зашевелились пальцы ея маленькихъ ручекъ, губы, даже вѣки, а на ушахъ, гладкомъ лбу появились складки, точно больная предалась тяжелой думѣ.

Наконецъ то, что ее сокрушало, проложило себѣ дорогу наружу. Какъ дитя, потревоженное въ своемъ покоѣ, она испуганно воскликнула:

— Ты вотъ, что стоишь тамъ, ты—Ефранмъ, былъ для него роднымъ сыномъ, а ты—Навинъ, старецъ, его любимый отецъ. Вы стоите возлѣ меня... Вы останетесь жить, а я... я... О, какъ трудно, однако, разставаться съ бѣлымъ свѣтомъ. Анубисъ поведетъ меня въ судилище Озириса. Мое сердце взвѣсять, а затѣмъ...

При этихъ словахъ она вздрогнула всѣмъ тѣломъ. Она судорожно сжимала и раскрывала руки. Скоро она, однако, снова овладѣла собою и хотѣла продолжать. Миріамъ строго запретила ей говорить, такъ какъ это должно было ускорить ея конецъ.

Казана собралась съ силами и, смѣривъ высокую фигуру

пророчицы долгимъ взглядомъ, воскликнула быстро и такъ громко, какъ только могла:

— Ты хочешь помѣшать мнѣ сдѣлать то, что мнѣ необходимо! Ты?

Этотъ вопросъ звучалъ легкой насмѣшкой. Но больная, вѣроятно, чувствовала, что ей дѣйствительно необходимо щадить свои силы, потому что продолжала свою рѣчь уже гораздо спокойнѣе и какъ бы разговаривая сама съ собою.

— Я не могу такъ умереть, не могу! Какъ все это случилось, почему я все это, все... Если мнѣ предстоитъ дать за все это отвѣтъ, то я и сѣтовать не стану, лишь бы онъ узналъ, какъ все произошло. О, Навинъ, добрый, старый Навинъ, подарившій мнѣ барашка, когда я была еще ребенкомъ,—я его такъ любила,—и ты, Ефраимъ, мой мальчикъ, вамъ хочу я все открыть...

Удушливый кашель прервалъ ея рѣчь; но скоро она овладѣла своимъ дыханіемъ и, снова обратившись къ Миріамъ, крикнула ей голосомъ, въ которомъ явственно слышалось глубокое отвращеніе, поразившее ея старыхъ друзей:

— Но ты... ты великая женщина съ густымъ голосомъ, ты, которая занимаешься даже врачеваніемъ, ты увлекла его изъ Таниса, отъ его воиновъ и отъ меня... Онъ, онъ исполнилъ твою волю, а ты... ты сдѣлалась женою другого, и притомъ—послѣ его прибытія... Да, когда Ефраимъ пришелъ за нимъ, онъ еще называлъ тебя дѣвой... Я не знаю, огорчить-ли это его, Осію... Но я знаю другое, и это именно я хочу открыть, пока еще не поздно... Но это могутъ слышать только тѣ, которые его любятъ... Я... слышишь-ли ты... я люблю его больше всего на землѣ!.. А ты? У тебя есть мужъ и Богъ, повелѣнія котораго ты усердно исполняешь... Ты сама это заявила... Чѣмъ же можетъ быть для тебя Осія? А потому, прошу тебя, оставь насъ! Изво

всѣхъ, съ кѣмъ я встрѣчалась въ жизни, мнѣ немногіе были противны. Но ты... твой голосъ... твои глаза... все это сжимаетъ мнѣ сердце. Если ты останешься здѣсь, я не смогу высказать все, что нужно... а говорить мнѣ такъ трудно... Но прежде чѣмъ уйти,—ты вѣдь врачъ,—скажи мнѣ одно: я многое должна передать ему предъ смертью... Разговоръ принесетъ мнѣ смерть?

У пророкицы опять не нашлось никакихъ другихъ словъ, кромѣ вратваго:

— Да!

И на этотъ разъ слово это звучало какъ рѣшительное предостереженіе.

Мириамъ колебалась между требованіемъ долга врача относительно больной и стремленіемъ не противорѣчить волѣ умирающей. Но во взглядѣ Навина она прочла желаніе, чтобы воля Базаны была исполнена. А потому пророкица, опустивъ голову, вышла изъ шатра. Но тутъ она особенно сильно почувствовала ѣдкость словъ несчастной египтянки. Ея столь блестяще начатый день былъ испорченъ. И даже долго спустя Мириамъ не могла себѣ объяснить—почему, столкнувшись лицомъ въ лицу съ Казаной, она почувствовала, что египтянка стоитъ гораздо выше ея и оставляетъ ее далеко позади себя...

Когда Казана увидѣла, что въ шатрѣ остались только Навинъ и Ефраимъ, она начала свою исповѣдь. Ефраимъ опустился на колѣни возлѣ ложа; старикъ поцѣловалъ ее въ лобъ и наклонилъ свою сѣдую голову, чтобы лучше слышать каждое ея слово.

— Теперь мнѣ лучше,—начала Казана.—Эта великая женщина съ ея мрачными сросшимися бровями... эти темные какъ ночь глаза... онѣ горятъ, но въ то же время отъ нихъ вѣетъ такимъ холодомъ... эта женщина... Неужели Осія

любилъ ее, отецъ? Отвѣчай, вѣдь я спрашиваю не ради простаго любопытства!

— Онъ уважалъ ее, какъ всякій въ нашемъ народѣ,—возразилъ старикъ,—уважалъ потому, что она женщина высшего ума, и Богъ нашъ удостоиваетъ ее Своею рѣчью. Но ты, моя милая, ты съ самаго дѣтства была для него дорогимъ существомъ,—это я знаю!

По тѣлу умирающей пробѣжалъ легкій трепетъ. Она закрыла глаза, и на губахъ ея заиграла радостная улыбка.

Это продолжалось нѣсколько минутъ, и Навинъ подумалъ уже, что смерть уносить ее изъ сего міра. Съ лекарствомъ въ рукѣ онъ жадно ловилъ каждое ея дыханіе.

Она, повидимому, ничего не замѣчала. Когда же она наконецъ открыла глаза, она протянула руку за напиткомъ, и, выпивъ его, начала снова:

— Я только что видѣла Осію точно на яву. Онъ былъ въ воинскихъ доспѣхахъ, какъ въ тотъ день, когда онъ впервые взялъ меня на руки. Я была тогда еще маленькая и боялась его такъ какъ у него былъ таковой строгій видъ, а кормилица сказала мнѣ, что онъ убилъ множество неприятелей. Но все-таки я была всегда рада, когда онъ приходилъ, и грустила, когда онъ уходилъ. Такъ проходили года. Я выросла, и вмѣстѣ со мною выросла моя любовь. Мое юное сердце было такъ полно Осіей, такъ наполнено имъ... Даже когда меня заставили сдѣлаться женою другого, и затѣмъ, когда я стала вдовою...

Послѣднія слова она произнесла едва слышнымъ голосомъ. Она немного отдохнула и потомъ продолжала:

— Осіи все это извѣстно. Не знаетъ онъ только, какъ я о немъ безпокоилась, когда онъ находился на войнѣ, и какъ страстно ожидала я его возвращенія. Наконецъ... наконецъ... Онъ вернулся домой. О, какъ радостно ждала я

первой встрѣчи. А онъ, Осія? Эта женщина,—я знаю это отъ Ефрайма,—эта великая, возвышенная женщина требовала его въ Питомъ. Но онъ еще разъ вернулся. И тогда... Какъ это ужасно тяжело... Онъ отказался отъ моей руки, которую ему предложилъ мой отецъ... Ахъ, какъ мнѣ было больно... Я не могу говорить... Дай мнѣ напиться!

При этомъ тяжкомъ признаніи у ней зардѣлись щеки. Опытный старецъ замѣтилъ, что сильное напряженіе, которому она себя подвергаетъ, быстро приближаетъ ее къ смерти. Онъ поэтому попросилъ ее лежать молча, отдохнуть. Но Казана настойчиво желала воспользоваться оставшимся у нея временемъ. Ее мучили колющія боли и короткий, удушливый кашель. Она сжимала руками больную грудь и все-таки продолжала.

— Затѣмъ наступила ненависть. Она продолжалась не долго. Сильнѣе, чѣмъ когда либо, любила я Осію въ то время, когда я мчалась въ догонку за несчастными колодниками. Ты это видѣлъ, мой мальчикъ. Но тутъ начинается то отвратительное, северное, злое... что я должна ему объяснить, дабы онъ не презиралъ меня, когда онъ объ этомъ узнаетъ... Я никогда не знала моей матери... У меня не было никого, кто могъ бы меня предостеречь... Съ чего же мнѣ собственно начать? Принцъ Сипта,—ты, конечно, знаешь его, отецъ,—этотъ дурной человѣкъ скоро станетъ повелителемъ на моей родинѣ. Мой отецъ съ нимъ въ заговорѣ... Добрые боги, я не могу долѣе говорить!..

При этихъ словахъ лицо ея изображало страхъ и отчаяніе. Ефраймъ перебилъ ее и съ влажными глазами и дрожащимъ голосомъ сознался ей, что онъ знаетъ все. Онъ рассказалъ все, что онъ подсмотрѣлъ и подслушалъ у ея шатра, и она взглядами подтверждала его рассказъ.

Когда Ефрамъ въ заключеніе упомянулъ о женѣ царскаго намѣстника и верховнаго жреца Бая, тѣло которой было выброшено на берегъ, Базана перебила его тихимъ замѣчаніемъ.

— Это она именно и затѣяла все. Ея мужъ долженъ былъ стать самымъ могущественнымъ человѣкомъ въ странѣ и управлять самымъ фараономъ. Вѣдь Сипта не царскій сынъ.

— Конечно, — вставилъ свое слово старикъ, чтобы заставить ее молчать и помочь ей въ сообщеніи того, что она еще хотѣла сказать, — конечно, какъ Бай возвысилъ его, такъ онъ можетъ его и свергнуть. Еще вѣрнѣе, чѣмъ его свергнутый предшественникъ, Сипта сдѣлается сильнымъ орудіемъ человѣка, провозгласившаго его царемъ. Но сирійца Аарсу я знаю хорошо, и отлично понимаю, что современемъ онъ, помогавшій другимъ своимъ наемниками въ достиженіи ими власти, начнетъ въ растерзанномъ междуусобицами, полуразвалившемся Египтѣ самъ искать власти. Но ты, дитя мое, почему ты вздумала слѣдовать за войскомъ и за этимъ презрѣннымъ, безсовѣстнымъ развратникомъ?

Глаза умирающей заблестали. Этотъ вопросъ велъ прямо къ тому, что она желала сообщить. Она отвѣчала быстро и громко, преодолевая свою слабость:

— Я сдѣлала это ради твоего сына, изъ любви къ нему, изъ желанія освободить Осію... Еще наканунѣ выступленія войскъ я рѣшительно и твердо отказалась отъ предложенія, сдѣланное мнѣ женою Бая. Но когда я снова увидѣла твоего сына у колодца, и онъ, Осія... Онъ былъ подъ конецъ такъ ласковъ, цѣловалъ меня такъ нѣжно... А потому, а потому... Мое бѣдное сердце... Его, лучшаго изъ людей,

я видѣла въ такомъ несчастномъ положеніи, обреченнымъ на оскорбленія и страданія. Когда онъ шагалъ, бряца цѣпями, у меня въ головѣ...

— У тебя, смѣлое, безразсудное, заблуждающееся дитя, — воскликнулъ старецъ, — у тебя зародилась мысль воспламенить сердце будущаго царя, чтобы при его помощи освободить моего сына, твоего друга?

Умирающая утвердительно улыбнулась и произнесла тихо:

— Да, да... этого, только ради этого... Принцъ былъ мнѣ такъ противенъ... А позоръ, стыдъ... о, какъ все-это было ужасно!..

— И ты взяла на себя позоръ ради моего сына? — перебилъ ее старикъ и, приложивъ ей руку къ своимъ губамъ, уронилъ на нее горячую слезу.

Казана взглянула на Ефраима и тихо зарыдала.

— И объ этомъ мальчикѣ думала я. Онъ былъ вѣдь еще такъ юнъ, а въ рудникахъ такъ страшно...

Тутъ по тѣлу ея снова пробѣжала дрожь. Юноша покрывалъ ея правую руку поцѣлуями. Казана нѣжно глядѣла въ лицо Ефраиму и старикъ.

— Теперь все хорошо, — продолжала она надорваннымъ голосомъ, — и если боги дадутъ ему свободу...

Но Ефраимъ перебилъ ее горячимъ заявленіемъ:

— Сегодня же мы отправляемся въ рудники. Я, мои товарищи и дѣдушка съ нами, — мы разгонимъ стражу въ мигъ.

— И изъ моихъ собственныхъ устъ, — прибавилъ старецъ, — услышитъ Осія, какъ ему вѣрна была Казана. Вся его жизнь слишкомъ коротка, чтобы должнымъ образомъ отблагодарить за такое самопожертвованіе.

Но голосъ ему не повиновался долѣе. Съ лица умира-

рающей исчезло всякое страдальческое выраженіе. Она долго смотрѣла вокругъ молча и съ блаженной улыбкой на устахъ. Повемногу на лбу ея, однако, появились складки, и она тихо прошептала:

— Хорошо, все хорошо... Одно только северно... Мое тѣло... небальзамированное... безъ священныхъ амулетовъ...

Навинъ прервалъ ея печальную рѣчь.

— Какъ только ты закроешь глаза,—сказалъ онъ,—я передамъ тебя въ полной сохранности финикійскимъ мореходцамъ, которые находятся теперь здѣсь, и они доставятъ тебя твоему отцу.

Она хотѣла повернуть къ нему голову, чтобы поблагодарить горячимъ взглядомъ. Но вдругъ она обѣими руками схватилась за грудь. На губахъ ея выступила алая кровь. На щекахъ стали появляться попеременно то багровая краснота, то мертвенная блѣдность, и послѣ короткой мучительной борьбы она опустила голову. Смерть наложила свою руку на это любвеобильное сердце. Лицо ея приняло выраженіе ребенка, которому мать простила проступокъ и обняла предъ отходомъ ко сну.

Старецъ съ горькими слезами закрылъ ей глаза. Ефразимъ въ сильномъ волненіи цѣловалъ ея сомкнувшіяся вѣки. Они нѣкоторое время оба молчали. Затѣмъ Навинъ сказалъ:

— Я не допытываюсь о нашей загробной судьбѣ. Объ этомъ и самъ Моисей ничего не знаетъ. Но кто прожилъ свою жизнь такъ, что умирая оставляетъ въ сердцахъ тѣхъ, кого онъ любилъ, дружеское воспоминаніе, — тотъ, думаю я, сдѣлалъ свое, чтобы продолжать жить и послѣ смерти. Объ этой покойницѣ мы будемъ вспоминать въ лучшіе часы

нашей жизни. Сдѣлаемъ для ея тѣла то, что мы общали, а затѣмъ—впередъ! Покажемъ тому, для кого Казана пожертвовала самымъ дорогимъ въ жизни, что мы любимъ его не меньше, чѣмъ эта египтянка.

ГЛАВА XXIV.

Государственные преступники, направлявшіеся къ рудникамъ, на этотъ разъ подвигались впередъ очень медленно.

Старый стражникъ говорилъ, что ему никогда не случалось имѣть такого дурного путешествія, какъ нынѣшній переходъ черезъ пустыню, изобиловавшій столькими неудачами, препятствіями и несчастными случайностями.

Одинъ изъ его кротовъ, Ефраимъ, сбѣжалъ; вѣрныя собаки-ищейки погибли, а вдобавокъ отрядъ колодниковъ былъ застигнутъ, перепуганъ и до костей промоченъ такою бурей, такая даже въ этой пустынной мѣстности бываетъ развѣ одинъ разъ въ пять лѣтъ, а на слѣдующій вечеръ разразилась другая буря,—та самая, которая причинила гибель фараоновскому войску, — еще сильнѣе и продолжительнѣе первой. Буря задержала шествіе, а въслѣдствіе ночного перерыва подъ открытымъ небомъ и подъ сильнымъ дождемъ нѣкоторые изъ колодниковъ и изъ стражниковъ захворали лихорадкой. Непривычные къ дождю египетскіе ослы тоже пострадали, и лучшій изъ нихъ палъ въ дорогѣ.

Двое колодниковъ умерли, и ихъ пришлось хоронить въ пустынной землѣ. Трое другихъ сильно заболѣвшихъ были усажены на послѣднихъ оставшихся ословъ, съ которыхъ сняты были навьюченные на нихъ припасы, нагруженные затѣмъ на колодниковъ. Ничего подобнаго со старымъ вожакомъ отряда не случалось раньше въ теченіе его двадцатипятилѣтней службы. И онъ опасался строгаго вознагражденія.

Все это дѣйствовало на расположеніе его духа очень дурно, и онъ, который слылъ за самого добродушнаго изъ всѣхъ стражниковъ, обнаруживалъ теперь злость, особенно по отношенію къ Иисусу, товарищу убѣжавшаго юноши, за побѣгомъ котораго послѣдовали всѣ остальные невзгоды.

Быть можетъ, раздраженный стражникъ обходился бы съ Иисусомъ все-таки милостивѣе, если бы тотъ жаловался, какъ щедрѣй позади его колодникъ, или бранился, какъ его товарищъ по цѣпи, который не переставалъ угрожать грядущими временами, когда его свояченица будетъ близка къ фараону и постарается отомстить обидчицамъ ея любимаго родственника.

Но Иисусъ рѣшился всѣ грубыя выходы главнаго стражника и его товарищей переносить съ такимъ же хладнокровіемъ, съ какимъ переносилъ онъ прежде солнечный зной, который не разъ томилъ его въ переходахъ во время его службы въ войскахъ. Его мужественный, твердый духъ помогъ ему остаться вѣрнымъ этому рѣшенію.

Когда стражникъ нагружалъ его неслыханно-тяжелую ношей, онъ напрягалъ всю мощную силу своихъ мышцъ и, не пророня ни слова въ возраженіе, тащился съ нею впередъ до тѣхъ поръ, пока не подкашивались у него ноги. Тогда вожатый отряда набрасывался на него, быстро снималъ съ его плечъ нѣсколько тяжовъ и восклицалъ, что онъ понимаетъ все коварство Иисуса: онъ хочетъ свалиться на дорогѣ, дабы причинить ему новыя неприятности; но онъ, стражникъ, не такъ-то легко дать себя въ обманъ и не рискнетъ жизнью людей, которые нужны для рудниковъ. Разъ стражникъ ударилъ Иисуса до крови. Но вслѣдъ затѣмъ онъ заботливо употребилъ всевозможныя средства, чтобы облегчить его боль, поднесъ ему вина для подкрѣпле-

нія силъ и, чтобы дать ему возможность отдохнуть, приостановилъ движеніе на цѣлыхъ полдня.

Объщаніе принца Сипты—щедро наградить того, кто доставитъ извѣстіе о смерти Іисуса—не было забыто стражникомъ. Но это именно общаніе и побуждало честнаго старика съ особенной заботливостью оберегать жизнь Іисуса. Сознаніе, что онъ ради выгоды нарушилъ свою обязанность, лишило бы его самыхъ главныхъ благъ въ жизни—хорошаго аппетита и спокойнаго сна.

Такимъ образомъ, онъ хотя и мучилъ еврейскаго колодника, однако, никогда не переходилъ за границу послышнаго, и Іисусъ былъ даже радъ, что, благодаря большей силѣ, онъ можетъ доставить нѣкоторое облегченіе болѣ слабымъ товарищамъ.

Судьбу свою Іисусъ довѣрилъ Богу, призвавшему его на Свою службу. Однако, онъ понималъ, что одной благочестивой вѣрой нельзя ограничиться, и потому онъ днемъ и ночью не переставалъ думать о бѣгствѣ. Но кандалы, связывавшіе его съ другимъ колодникомъ, были крѣпко севаны, и каждый день, утромъ и вечеромъ, ихъ осматривали и укрѣпляли молотомъ; всякая попытка къ бѣгству еще болѣе ухудшила бы его положеніе.

Колодники шли сначала по холмистой мѣстности, затѣмъ близъ длинной цѣпи горъ и навозецъ пришли въ пустыню, въ которой на каменистой почвѣ то здѣсь, то тамъ выдвигались округленные выступы песчаника.

На пятый вечеръ отрядъ расположился на отдыхъ у высокой горы, которую природа, повидимому, составила изъ плоскихъ каменныхъ полосъ; а когда на шестой день взошло солнце, отрядъ спустился въ боковую долину, которая вела въ рудники.

Въ одинъ изъ первыхъ дней путешествія колодниковъ

обогналъ гонецъ изъ царскаго казначейства. Затѣмъ они встрѣчали много маленькихъ обозовъ, нагруженныхъ отправленными въ Египетъ малахитомъ, бирюзой, мѣдью, а также мѣдными зелеными блестящими, выдѣлываемыми близъ рудниковъ.

Между путниками, которыхъ они встрѣтили при входѣ въ долину въ послѣднее утро, находилась одна чета, которая была помилована царемъ и теперь отправлялась домой. Главный стражникъ указалъ на нее своимъ кротаѣмъ, чтобы придать имъ бодрости. Но зрѣлище это возымѣло какъ разъ противоположное дѣйствіе. Всклоченные волосы мужчины, едва пришедшаго въ тридцатилѣтній возрастъ, были совсѣмъ сѣды; высокій ростомъ, онъ былъ худъ и согбенъ какъ старецъ, а на обнаженномъ затылкѣ его видѣлись рубцы и полосы отъ кровооттековъ. Жена, раздѣлявшая съ нимъ горькую участь, ослѣпла. Она сидѣла на ослѣ на корточкахъ, съ тупымъ выраженіемъ безумія въ лицѣ. Шестіе молодниковъ, хотя оно шумно выдѣлялось среди мертвенной тишины пустыни, не остановило на себѣ вниманія этой женщины, хотя она не была лишена слуха. Несчастная продолжала сидѣть съ устремленнымъ въ пустое пространство равнодушнымъ взоромъ.

Видъ этихъ несчастныхъ представилъ Осія его собственную будущность какъ въ зеркалѣ, и онъ впервые застоналъ и закрылъ лицо руками.

Стражникъ замѣтилъ этотъ стонъ и, тронутый отчаяніемъ этого человѣка, выносливость котораго казалась ему несравненной, онъ крикнулъ ему:

— Не всѣ возвращаются домой такими, не всѣ таковы, право, не всѣ.

— Потому что другіе бываютъ еще несчастнѣе, — прибавилъ онъ про себя. — Но затѣмъ бѣднягамъ знать это зара-

нѣе. Когда я въ слѣдующій разъ приду сюда, я освѣдомлюсь объ Осіи. Любопытно знать, что станетъ съ этимъ здоровымъ какъ быкъ человѣкомъ. Самые сильные и выносливые часто погибаютъ всего скорѣе.

Какъ возница, ѣдущій порожнякомъ, стражникъ взмахнулъ бичомъ надъ колодниками, не хлестнувъ, однако, никого. Затѣмъ онъ указалъ на облако дыма, поднимавшееся изъ-за высокой стѣны справа отъ дороги.

— А вотъ и плавильныя печи!—воскликнулъ онъ.— Около полудня мы будемъ на мѣстѣ. Тамъ, конечно, можно будетъ достать огня, чтобы сварить чечевичу, а кусокъ баранины, вѣроятно, тоже можно будетъ раздобыть. Вѣдь сегодня празднуется день рожденія добраго бога, сына солнца,—да будетъ онъ живъ, счастливъ и здоровъ!

Съ полчаса отрядъ шелъ еще по высохшему руслу рѣки, среди высокихъ береговъ. Отъ недавняго ливня здѣсь было образовался глубокой и быстрый горный потокъ, который уносился въ долину. Теперь на этомъ мѣстѣ осталось только нѣсколько испаряющихся лужъ.

Печальный отрядъ обогнулъ еще одинъ крутой склонъ горы, на вершинѣ которой стоялъ небольшой египетскій храмъ богини Гаторы съ большимъ числомъ могильныхъ памятниковъ. Затѣмъ шествіе направилось къ повороту въ долину, гдѣ лежалъ путь въ ущелью, въ рудники.

У воротъ храма, на горѣ, на высокихъ шестахъ развѣвались флаги, поднятые по случаю дня рожденія фараона. Изъ долины, близъ рудника, гдѣ обыкновенно царилъ безмолвная тишина, доносились теперь на встрѣчу колодникамъ громкіе крики, стувъ и лязгъ. Стражники полагали, что это колодники шумяще обыкновеннаго празднуютъ великій день. Онъ высказалъ свое предположеніе другимъ стражникамъ, которые остановились и начали прислушиваться.

Отрядъ направился далѣе впередъ. Всѣ шли съ опущенными головами, ибо полуденное солнце жгло немилосердно, и ослѣпительно-ярко освѣщенные стѣны ущелья отражали столь сильный жаръ, какъ будто соперничали съ находящимися вблизи плавильными печами.

Хотя цѣль пути была уже близка, однако, колодники шли какъ сонные. Только одинъ изъ нихъ чувствовалъ бодрость и едва переводилъ духъ отъ напряженного вниманія.

Какъ боевой конь, запроженный въ плугъ, сгибаетъ шею, раздуваетъ ноздри и бросаетъ огненные взгляды, такъ Иисусъ, согбенный подъ тяжестью ноши, лежавшей на его спинѣ, выпрямился теперь во весь ростъ; его сверкающій взоръ устремился къ тому мѣсту, откуда исходилъ шумъ, принятый стражникомъ за шумное праздничное веселье.

Онъ, Иисусъ, лучше зналъ, въ чемъ дѣло! Звуковъ, тамъ раздававшихся, онъ не могъ не узнать: это были боевые клики египетскихъ воиновъ—трубные звуки, призывавшіе къ сбору, бряцанье оружія и клики непріятельскихъ отрядовъ.

Рѣшившись дѣйствовать быстро, онъ подозвалъ товарища по кандаламъ и шепнулъ ему повелительно:

— Наступилъ часъ освобожденія. Гляди въ оба и слѣпо слѣдуй за мною!

Этого колодника тоже охватило сильное возбужденіе. Иисусъ взглянулъ въ боковое ущелье и велѣлъ товарищу быть наготовѣ.

Первый взглядъ на ущелье открылъ ему на вершинѣ одного утеса величественную фигуру и почтенную, покрытую сѣдинами голову его отца. Онъ узналъ бы его среди десятковъ тысячъ народа и на гораздо болѣе далекомъ разстояніи. Отъ любимаго старца Иисусъ быстро перенесъ свой взглядъ на стражника, который стоялъ испуганно и без-

молвно. Стражнику показалось, что среди колодниковъ вспыхнулъ бунтъ и онъ хрипавымъ голосомъ крикнулъ другимъ стражникамъ:

— Стать позади колодниковъ! Убивать всякаго, кто вздумаетъ бѣжать!

Едва подчиненные устремились въ тылъ отряда, какъ Иисусъ шепнулъ товарищу:

— Хватай его!

И тутъ же еврей, находившійся съ египтяниномъ впереди отряда, кинулся на оторопѣлаго стражника; Иисусъ схватилъ его за правую руку, а египтянинъ за лѣвую.

Стражникъ, который былъ очень силенъ и вдобавокъ былъ разъяренъ, про отбивался отъ напавшихъ на него. Но Иисусъ и египтянинъ держали его въ рукахъ, какъ въ желѣзныхъ клещахъ.

Военачальникъ быстрымъ взглядомъ намѣтилъ путь, по которому ему всего легче будетъ соединиться со своими. Правда, по дорогѣ находился небольшой отрядъ египетскихъ стрѣлковъ, пускавшихъ стрѣлы въ евреевъ, по направленію къ противоположному утесу. Но враги, конечно, не рѣшались стрѣлять въ него и его товарища по кандаламъ, такъ какъ ихъ заслоняла мощная фигура стражника, одежда и оружіе котораго достаточно изобличали его званіе.

— Приподними цѣпь правой рукой,—шепнулъ Иисусъ товарищу,—я держу предъ собою нашъ живой щитъ. Намъ нужно, какъ ракамъ, пятиться назадъ, въ гору.

Товарищъ повиновался. Когда они подошли къ непріятелю на разстояніе одного выстрѣла, они установили предъ собою стражника, то подвигаясь бокомъ, то шагая назадъ. Приближаясь шагъ за шагомъ къ еврейскимъ войнамъ, Иисусъ громовымъ голосомъ восклицалъ:

— Сынъ Навина возвращается къ своему отцу и къ своему народу!

Изъ египтянъ, узнавшихъ стражника, ни одинъ не рѣшался пустить стрѣлу въ ускользающихъ отъ нихъ володниковъ. Вдругъ, изъ склона горы, по которому задомъ поднимались спованные вмѣстѣ бѣглецы, кто-то радостнымъ, громкимъ голосомъ обликнулъ военачальника по имени, и вслѣдъ за тѣмъ съ высоты спустился Ефраимъ съ отрядомъ юныхъ бойцовъ.

Къ немалому изумленію своему Иисусъ увидѣлъ, что сныи его народа вооружены каждый большимъ египетскимъ кингомъ и мечомъ или сѣкирой. Но у многихъ находились за поясомъ мѣшки съ камнями и пастушьи пращи.

Ефраимъ предводительствовалъ отрядомъ. Прежде чѣмъ здороваться съ дядею, онъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части и выстронилъ ихъ въ видѣ двойной стѣны между Иисусомъ и непріятельскими стрѣлками.

Тогда только онъ отдался всей радости желанной встрѣчи. Затѣмъ послѣдовало другое радостное привѣтствіе: къ выступу утесистой горы былъ приведенъ Навинъ, окруженный высокими египетскими щитами, выброшенными моремъ на берегъ. Проворныя руки тотчасъ распилили цѣпи, сковывавшія Иисуса и его товарища, и Ефраимъ съ нѣкоторыми сверстниками въ это время заковывалъ стражника.

Несчастный оставилъ всякую мысль о сопротивленіи и безропотно покорялся своей участи. Когда ему стали связывать руки за спиною, онъ попросилъ позволенія утереть глаза. Слеза за слезой капала у этого суроваго человѣка на его сѣдую бороду. Онъ видѣлъ, что его перехитрили и одолѣли, а себя считалъ болѣе неспособнымъ къ отправленію своей должности.

Навинъ страстно прижалъ къ груди своего освобожден-

наго, вновь обрѣтеннаго единственнаго сына, котораго онъ считалъ уже погибшимъ для него навсегда. Потому онъ выпустилъ его изъ объятій, отступилъ на шагъ назадъ и сталъ имъ любоваться. Онъ съ восторгомъ выслушивалъ повторяемыя увѣренія Иисуса, что онъ вѣруетъ Богу своему и посвящаетъ себя на служеніе своему народу.

Но имъ нельзя было долго предаваться восторгамъ счастливаго свиданія. Битва предъявляла къ нимъ свои права. Предводительство еврейскимъ отрядомъ въ начавшемся сраженіи какъ бы само собою перешло къ Иисусу.

Съ благодарной радостью, но не безъ нѣкоторой грусти, услышалъ онъ о печальной участи храбраго войска, къ вождямъ котораго онъ такъ долго съ гордостью причислялъ себя. Далѣе, онъ съ восторгомъ услышалъ, что другой отрядъ вооруженныхъ пастуховъ, подъ предводительствомъ Хура, мужа Миріамъ, направился въ бирюзовымъ приискамъ, близъ Дофи, которые лежали южнѣе въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ рудниковъ. Въ случаѣ побѣды, отрядъ этотъ долженъ еще до захода солнца соединиться съ юнымъ отрядомъ Ефраима.

Ефраимъ сторуалъ отъ нетерпѣнія ринуться на египтянъ. Но разсудительный Иисусъ, разсмотрѣвъ непріятеля, правда, не сомнѣвался, что пылкіе пастухи, превосходящіе противниковъ численностью, останутся побѣдителями, но хотѣлъ избѣжать кровопролитія; онъ желалъ этого потому, что вѣдь битва произойдетъ изъ-за него. Онъ велѣлъ Ефраиму срѣзать съ ближайшей пальмы вѣтвь и принести щитъ. Держа высоко вѣтвь, возвѣщающую миръ, и изъ предосторожности прикрываясь щитомъ, онъ одинъ направился къ непріятелю.

Главный непріятельскій отрядъ стоялъ у самаго входа въ рудники. Сдѣлавъ знакъ, которымъ предлагалось начать переговоры, Иисусъ пригласилъ начальника выслушать его.

Начальникъ оказался склоннымъ начать переговоры, но пожелалъ предварительно узнать содержаніе письма, которое ему только что доставили и въ которомъ, вѣроятно, сообщались дурныя вѣсти. Такъ нужно было заключить по виду гонца и по нѣкоторымъ отрывочнымъ словамъ, которыя онъ сказалъ своимъ соплеменникамъ.

Пока воины фараона поддѣрпывали изнеможенного и запыленного гонца нащитками и съ ужасомъ прислушивались къ его сообщеніямъ, начальникъ читалъ полученное письмо.

Лицо его становилось все мрачнѣе и мрачнѣе, и когда онъ кончилъ чтеніе, онъ гнѣвно сдвинулъ папирусъ. Въ посланіи сообщалось, ни болѣе, ни менѣе, какъ о гибели египетскаго войска, смерти фараона Менеоты, о провозглашеніи и вѣнчаніи на царство старшаго изъ сыновей фараона Сета Второго, послѣ неудачной попытки принца Сипты овладѣть престоломъ. Сипта бѣжалъ въ болотистый округъ Дельты, а сиріецъ Аарсу, измѣнившій принцу и перешедшій на сторону новаго царя, получилъ повышение, — онъ назначенъ главнымъ начальникомъ всѣхъ наемныхъ войскъ. Верховнаго жреца и судью Бая Сеть лишилъ его высокаго сана и удалилъ изъ среды приближенныхъ лицъ. Заговорщиковъ, бывшихъ за одно съ Сиптою, сошлютъ не въ мѣдные рудники, а на египетскія золотыя россыпи. Далѣе сообщалось, что многія женщины изъ „дома затворницъ“ и между ними, конечно, мать Сипты, были задушены. Всѣ воины, которые окажутся лишними въ рудникахъ, должны быть немедленно отправлены въ Танисъ, такъ какъ тамъ не достаетъ подходящихъ людей для вновь образуемыхъ отрядовъ.

Эти вѣсти произвели сильное дѣйствіе. Когда Иисусъ сообщилъ начальнику, что онъ знаетъ о гибели египетскаго войска и черезъ нѣсколько часовъ ожидаетъ сюда новаго египетскаго отряда, которому поручено было взять Дофку, то египтянинъ тотчасъ оставилъ свой задорный тонъ и на-

чалъ только добиваться возможно болѣе удобныхъ условій для отступленія. Онъ очень хорошо зналъ, какъ ничтоженъ отрядъ, охраняющій бирюзовые рудники, и какъ трудно ждать поддержки съ родины. Кромѣ того, личность посредника возбуждала его довѣріе. Въ виду этого начальникъ ограничился нѣсколькими возраженіями и угрозами, но въ заключеніе удовлетворился согласіемъ Іисуса дать свободный проходъ всему отряду съ вьючнымъ скотомъ и необходимыми припасами. Само собою разумѣется, что египтяне обязались предварительно сложить оружіе и указать евреямъ всѣ подземные ходы, въ которыхъ работали каторжники.

Отрядъ еврейскихъ юношей, вдвое превосходившій неприятеля, немедленно приступилъ къ обезоруженію египтянъ. При этомъ у многихъ изъ старыхъ египетскихъ воиновъ показались слезы на глазахъ; нѣкоторые съ проклятіями и бранью ломали свои копья и раскалывали свои стрѣлы. Нѣсколько сѣдовласыхъ египетскихъ бойцовъ, служившихъ прежде подъ начальствомъ Іисуса, теперь узвали его, грозили ему кулаками и называли измѣнникомъ.

На службу въ эту пустыню посылались обыкновенно подонки войска, и большинство воиновъ носило на лицѣ печать испорченности или грубаго права. На берега Нила старались набирать такихъ людей, которые дѣлали первой своей обязанностью неумолимую строгость къ беззащитнымъ.

Наконецъ, были раскрыты рудники, и Іисусъ самъ взялъ рудопопный фонарь и двинулся въ душныя подземныя пространства, гдѣ государственные преступники, голые и отягченные кандалами, выбивали изъ стѣнъ мѣдную руду.

Еще издали онъ слышалъ, какъ колодники топорами съ заостренными въ видѣ птичьяго хвоста наконечниками разбивали камень. Далѣе онъ слышалъ жалобные крики мучимыхъ мужчинъ и женщинъ; это жестокіе надсмотрщики,

спустившіеся съ несчастными въ подземелье, заставляли остальныхъ работать усерднѣе.

Сегодня, въ день рожденія фараона, колодниковъ утромъ загнали на вершину сосѣдняго холма на молитву за царя, который подвергъ ихъ въ глубочайшее несчастье. Они были бы освобождены отъ работы до слѣдующаго утра, еслибы не произошло неожиданное нападеніе, заставившее начальника загнать ихъ обратно въ подземелье. По этому же случаю работали здѣсь сегодня и женщины, которыя обыкновенно разбивали на мелкіе куски и просѣивали руду, годившуюся для приготовленія стекла и красильныхъ веществъ.

Когда ваторжники услышали шаги и голосъ Иисуса, гулко раздававшіеся среди утесистыхъ стѣнъ, они сначала испугались, опасаясь новой бѣды, и подняли громкій крикъ и плачь, но какъ только освободитель дошелъ до ближайшихъ къ нему колодниковъ и объявилъ, что онъ явился положить конецъ ихъ страданіямъ, эта радостная вѣсть мигомъ разнеслась по всему подземелью до самыхъ глубокихъ подземныхъ ходовъ.

Восторженные, радостные клики огласили пространство, привывшее только къ горькимъ жалобамъ и горячимъ слезамъ. Но до Иисуса донеслись также крики отчаянія, жалобные стоны и предсмертное хрипѣніе. Одинъ разъяренный ваторжникъ бросился на самаго ненавистнаго изъ надсмотрщиковъ и убилъ его ударомъ рабочаго топора. Примѣръ этотъ разжегъ жажду мести въ другихъ и прежде чѣмъ можно было предпринять что нибудь для защиты надсмотрщиковъ—всѣ они подверглись участи своего товарища. Но они защищались, и рядомъ съ трупами мучителей на землѣ оказалось также нѣсколько убитыхъ колодниковъ.

Наконецъ, по распоряженію Иисуса, освобожденная толпа выбралась на свѣтъ Божій. Дико и сурово звучали голоса

этихъ несчастныхъ, смѣшиваясь съ лязгомъ цѣпей, которыя они тащили за собою.

Самые неустрашимые изъ евреевъ съ ужасомъ отступили назадъ, увидя при солнечномъ свѣтѣ эту толпу людей, отчаявшихся уже въ спасеніи. Многіе изъ этихъ несчастныхъ въ свое время наслаждались всѣми благами жизни въ собственномъ домѣ или при дворѣ фараона, были любящими матерями и отцами, пользовались благосостояніемъ и всѣми плодами просвѣщенія даровятаго народа. И вотъ, многіе изъ нихъ теперь, узрѣвъ солнечный свѣтъ, едва раскрывали свои полу-ослѣпшіе, красные глаза, въ которыхъ, вслѣдствіе быстрого перехода отъ тьмы къ яркому свѣту, блистали слезы или сверкала дикій, жадный блескъ, какъ у голодной совы.

На первыхъ порахъ они, пораженные неожиданнымъ оборотомъ своей судьбы, не могли придти въ себя и стояли неподвижно, пока евреи, по знаку Іисуса, не стали снимать съ нихъ цѣпи. Но когда они у утеса увидѣли обезоруженную стражу и надсмотрщиковъ, окруженныхъ отрядомъ Ефраима, ихъ охватила необычайная ярость. Съ дикими криками и свистомъ, неподдающимся никакому описанію, вырвались они изъ рукъ, которыя разбивали ихъ цѣпи и, не обмѣнявшись между собою ни словомъ, ни взглядомъ, но толкаемые впередъ однимъ общимъ ужаснымъ побужденіемъ, единодушно ринулись на безоружныхъ. Ихъ не удержали даже тяжелыя цѣпи, сковывавшія имъ ноги. Не успѣли евреи помѣшать ихъ замыслу, какъ каждый изъ надсмотрщиковъ бинулся на того, кто всего болѣе его мучилъ. И вскорѣ представилось ужасное зрѣлище: адѣсь взможденный человѣкъ, схвативъ болѣе сильного врага, сжималъ ему руками горло; тамъ толпа голыхъ, обезображенныхъ нуждою и обидами женщинъ зубами и когтями бѣшено вивалась

въ надсмотрщика, на которомъ изливали долго сдерживаемую месть за его грубыя оскорбленія и побои.

Бурный потокъ ненависти прорвался черезъ плотину и, освободившись отъ преградъ, искалъ себѣ теперь жертвъ.

Произошла ужасная схватка; всюду раздавались удары и ограженія, жестокія, кровавыя стычки на ногахъ и въ повалку на красномъ пескѣ, раздражающіе уши крики, визгъ и вой, и все это сливалось вмѣстѣ до того, что трудно было что нибудь разобрать въ отвратительномъ хаосѣ. Тутъ одинаково неистовствовали мужчины и женщины, охваченные дикою страстью, кровожаднымъ чувствомъ мести, или же, наоборотъ, страхомъ предъ угрожающей смертью и стремленіемъ къ самоубійству.

Немногіе лишь изъ ваторжниковъ сумѣли удержать свои порывы, но и тѣ подзадаривали своихъ товарищей подстрекающими словами, поносили стражниковъ и въ сильномъ возбужденіи грозили имъ кулаками.

Неописуема была ярость, съ которой освобожденные отъ неволи мстили своимъ мучителямъ; она могла сравниться развѣ лишь съ тѣми жестокостями, какія имъ пришлось раньше испытать самимъ.

Но Иисусъ, который обезоружилъ стражу, счелъ долгомъ взять ее теперь подъ свою защиту.

Онъ привалялъ своимъ людямъ разнять сдѣвившихся, если только возможно—безъ кровопролитія. Но это было нелегко и вызвало даже нѣсколько новыхъ бѣдъ. Наконецъ удалось успокоить толпу. Тутъ только обнаружилось, какъ благодаря страстному возбужденію возрасли силы этихъ внутреннихъ и разслабленныхъ людей. Не смотря на то, что во время свалки не было употреблено оружіе, земля была покрыта немалымъ числомъ труповъ и у большин-

ства стражниковъ лилась кровь изъ нанесенныхъ имъ страшныхъ ранъ.

Когда толпа успокоилась, Иисусъ потребовалъ у раненаго начальника рудниковъ, чтобы тотъ далъ ему списокъ каторжныхъ работниковъ. Начальникъ указалъ на состоявшаго при рудникахъ писца, котораго во время свалки никто не тронулъ. Писецъ этотъ, исполнявшій также обязанности врача, обращался съ колодниками дружелюбно, такъ какъ онъ, человекъ пожилой, самъ видѣлъ въ жизни много горя и, зная по опыту, какъ тяжело страданіе, охотно помогалъ тѣмъ, у которыхъ оно случалось.

Онъ охотно прочиталъ вслухъ имена каторжниковъ, между которыми оказалось нѣсколько евреевъ. Послѣ переписки многіе выступили впередъ и заявили, что они намѣрены послѣдовать за выселившимся народомъ.

Когда обезоруженные воины и стражники двинулись въ путь на родину, начальникъ, предводительствовавшій отрядомъ колодниковъ, въ которомъ находился Иисусъ, отдѣлился отъ остальныхъ египтянъ и, понуря голову, въ смущеніи подошелъ къ престарѣлому Навину и его сыну и сталъ просить ихъ позволенія слѣдовать за ними, такъ какъ дома онъ не могъ ожидать ничего хорошаго, а затѣмъ въ Египтѣ нѣтъ другого болѣе могущественнаго бога, чѣмъ ихъ Богъ. Отъ его наблюдательности не могло ускользнуть, что Осія, который все же былъ когда-то военачальникомъ, простиралъ руки къ этому Богу во всѣхъ труднѣйшихъ случаяхъ путешествія, и вслѣдъ затѣмъ у него появлялась такая твердость духа, каковой онъ, старый стражникъ, никогда не встрѣчалъ. Теперь же ему стало еще извѣстно, что этотъ самый Богъ утопилъ могущественное войско фараона, чтобы спасти своихъ избранныхъ. Таковъ Богъ былъ

ему по сердцу и онъ не желаетъ ничего лучшаго, какъ остаться среди тѣхъ, которые поклоняются этому Богу.

Иисусъ охотно разрѣшилъ ему присоединиться къ народу. Тутъ оказалось, что между каторжниками находилось пятнадцать евреевъ, и въ числѣ ихъ, къ великой радости Ефраима, находился также Рувимъ, мужъ несчастной, удрученной горемъ Милки, которая такъ сильно была привязана къ Мириамъ. Его сдержанный и молчаливый характеръ оказалъ ему здѣсь большую услугу, и тяжелая каторжная работа, повидимому, очень мало повліяла на его крѣпкое тѣло.

Ефраимъ и его юношескій отрядъ предавались торжеству по случаю побѣды, радуясь удачѣ смѣлаго предпріятія. Но когда наступилъ вечеръ, а Хуръ со своимъ отрядомъ все еще не приходилъ, то Навинъ и его спутники начали сильно беспокоиться.

Ефраимъ уже визвался-было отправиться съ нѣкоторыми товарищами на развѣдку. Но тутъ появился гонецъ, сообщившій, что воины Хура, при видѣ хорошо укрѣпленной египетской твердыни, удали духомъ. Хуръ, правда, побуждалъ ихъ напасть на эту крѣпость, но его отрядъ не отважился на такое нападеніе, и если ему не будетъ прислано подкрѣпленій, то воины отступать не вступивъ въ бой.

Рѣшено было подать помощь колеблющимся, и съ радостной увѣренностью въ успѣхъ всѣ двинулись въ путь. Дорогою, среди ночной прохлады, Ефраимъ и Навинъ рассказали Иисусу, какъ они нашли Казану и какъ та умерла. Иисусъ узналъ все, что эта такъ сильно любившая его женщина желала высказать ему предъ смертью, и былъ глубоко возмущенъ. Онъ погружился въ тихое раздумье. Молчалъ онъ до самой Дофы, долины бирюзовыхъ росыпей, среди которой возвышалось укрѣпленіе, соединенное съ жилищами каторжниковъ.

Хуръ и его люди оставались скрытыми въ боковой долинь. Исусъ принялъ начальство надъ соединенными силами евреевъ, раздѣлилъ ихъ на нѣсколько отрядовъ, назначивъ каждому изъ нихъ опредѣленную задачу. Какъ только стало разсвѣтать, онъ подалъ знакъ къ наступленію.

Послѣ недолгой борьбы маленькій вѣрностной отрядъ былъ побѣжденъ и укрѣпленіе взято приступомъ. Обезоруженныхъ египтянъ, также какъ и товарищей изъ мѣдныхъ копей, отправили на родину. Колодники были освобождены. Тутъ были также проваженныя, поселокъ которыхъ лежалъ въ боковой долинь; между ними находились и тѣ больные, которые удалились сюда по приказанію Исуса. Всѣмъ имъ разрѣшено было слѣдовать за побѣдителями на извѣстномъ разстояніи.

Чего не смогъ сдѣлать Хуръ, мужъ Мириамъ, то удалось Исусу. Предъ тѣмъ какъ юные бойцы Ефраима удалились, престарѣлый Навинъ собралъ ихъ и вознесъ благодарственную молитву Всевышнему. Къ нимъ присоединились пастухи, находившіеся подъ начальствомъ Хура. Молодые товарищи Ефраима радостно привѣтствовали Исуса всюду, гдѣ только онъ появлялся, и на дальнѣйшемъ обратномъ пути безпрестанно раздавались клики:

— Да здравствуетъ нашъ военачальникъ! Да здравствуетъ Исусъ, котораго самъ Господь избралъ своимъ орудіемъ! Идемъ за нимъ! Черезъ него Господь пошлетъ намъ побѣду!

Воины Хура тоже принимали участіе въ этихъ привѣтствіяхъ, и ихъ начальникъ не запрещалъ имъ этого. Наоборотъ, послѣ взятія укрѣпленія онъ самъ благодарилъ Исуса и высказалъ ему свою радость по случаю его освобожденія.

При вступленіи въ обратный путь Исусъ хотѣлъ отстраниться и уступить предводительство Хуру, который былъ

гораздо старше его. Но Хуръ, хотя его послѣ избавленія народа на берегу Чермнаго моря назначили начальникомъ еврейскихъ войскъ всѣ старѣйшины и самъ Моисей, обратился къ престарѣлому Навину, прося его занять мѣсто впереди шествія.

Дорога вела сначала по ровной горной долинѣ, затѣмъ направлялась черезъ проходъ Остріа Меча, черезъ который проходили пути сообщенія между рудниками и Чернымъ моремъ.

Сухова и пустынная была каменистая окрестность; обрывистая тропинка шла круто. Престарѣлый отецъ Иисуса выросъ въ ровныхъ долинахъ Гошена и не привыкъ къ восхожденію на горы. И вотъ, при восторженныхъ кликахъ всего отряда, сынъ и внукъ Навина подняли старика на рукахъ и понесли его до самой вершины перевала. Одинъ только Хуръ, который, предводительствуя своимъ отрядомъ, шелъ позади сверстниковъ Ефраима, понурилъ голову и опустил долу омраченный взоръ, когда услышалъ этотъ радостный шумъ.

Здѣсь слѣдовало расположиться на отдыхъ и подождать прибытія всего народа, который шелъ черезъ пустыню Шинъ на Дофку.

Съ вершины перевала побѣдители начали смотрѣть—не идутъ-ли странники; покамѣстъ не замѣтно было, однако, никакихъ признаковъ ихъ шествія. Но когда взоры были обращены назадъ, на только что пройденный путь, то имъ представилось величественное, чудное зрѣлище, которое волшебной силой призывало къ себѣ глазъ. У подножія горы танулась круглая долина, окруженная со всѣхъ сторонъ утесами, каменными глыбами, зубцами и кряжами, то бѣлыми какъ мѣлъ, то черными какъ вороново крыло, то сѣрыми, бурными, то красными или зелеными. Утесы, казалось,

изъ песчаной земли выростали прямо, поднимаясь высоко, до ослѣпительно-яркаго лазурнаго неба пустыни, на которомъ не показывалось ни одного облачка.

Голо и пустынно, безмолвно и безжизненно было здѣсь все, на чемъ оставался глазъ зрителя. По скатамъ разноцвѣтныхъ скалъ, окружавшихъ песчаную долину, не росло ни одного колоса, ни одной скудной травки. Молчаливая, чуждая всякой жизни мѣстность не оживлялась ни одной птицей, ни даже жучкомъ или червемъ. Взоръ не находилъ здѣсь ничего, что напоминало бы о существованіи человѣка, его работъ, сѣяній, насажденій. Эти громадныя произведенія природы, не приносящія никакой пользы живымъ существамъ, казалось, созданы Господомъ для самого себя. Кто попадалъ въ эту пустыню, могъ подумать, что землю, по которой онъ ступаетъ, Всевышній избралъ для своего отдохновенія и уединенія, какъ тихую, недоступную пресвятую обитель храма.

Юные воины съ восторгомъ созерцали разстилавшуюся у ихъ ногъ чудную картину. Они расположились вокругъ престарѣлаго Навина, любившаго общество молодежи, и съ величайшей готовностью оказывали ему разныя услуги. Подъ устроеннымъ наскоро навѣсомъ, старецъ со сверкающими взглядами рассказывалъ окружающимъ его юношамъ о подвигахъ, совершенныхъ его сыномъ во время начальствованія надъ войсками.

Между тѣмъ Иисусъ и Хуръ все еще стояли на вершинѣ перевала. Сынъ Навина безмолвно глядѣлъ на окаймленную утесами равнину, покрытую, какъ куполомъ, голубымъ небеснымъ сводомъ. Окруженная высокими колоннами и столбами, она представлялась ему святилищемъ, самымъ величественнымъ изъ храмовъ, которые онъ видѣлъ.

Хуръ долго стоялъ молча, съ мрачнымъ, опущеннымъ взоромъ. Но вдругъ онъ прервалъ молчаніе и сказалъ:

— Въ Сукотѣ я воздвигнулъ алтарь и призывалъ Господа въ свидѣтели между мною и тобою. Здѣсь же, въ этой тиши, близость Бога чувствуется уже безъ алтарей или другихъ памятниковъ.

И, выпрямившись во весь ростъ, онъ продолжалъ:

— Къ Тебѣ, Адонай, поднимаю я взоръ свой, къ Тебѣ, Иегова, Богъ Авраама и другихъ праотцевъ нашихъ, обращаю я свое скромное слово. Будь теперь въ другой разъ свидѣтелемъ между мною и этимъ человекомъ, котораго Ты призвалъ къ Себѣ въ слуги и назначилъ быть Твоимъ орудіемъ!

Слова эти онъ произнесъ съ воздѣтыми горѣ глазами и руками. Затѣмъ, обращаясь къ Иисусу, онъ проговорилъ торжественнымъ голосомъ:

— Нынѣ я вопрошаю тебя, Иисусъ сынъ Навиновъ, помнишь-ли ты обѣты, данные нами предъ каменнымъ алтаремъ, сооруженнымъ мною въ Сукотѣ?

— Помню,—отвѣчалъ Иисусъ,—въ тяжкой бѣдѣ и большой опасности я понималъ, чего Господь требуетъ отъ меня, и я готовъ всѣ свои тѣлесныя и духовныя силы посвятить Ему и народу Его—моему родному народу. Впредь я буду называться Иисусомъ и потому не стану искать помощи ни у египтянъ, ни у какого либо чужеземнаго царя. Господь Богъ нашъ устами твоей жены даровалъ мнѣ это имя.

Тутъ Хуръ торжественно сказалъ:

— Вотъ чего именно я и ожидалъ отъ тебя. Да будетъ Всевышній и нынѣ свидѣтелемъ между тобою и мною и нашего съ тобою уговора: я тоже исполню то, въ чемъ поклялся въ присутствіи Его. Старѣйшины колѣнъ и Моисей, слуга Божій, возвели меня въ санъ верховнаго управителя

всѣмъ нашимъ воинствомъ. Но ты именуешься Иисусомъ и появлялся не служить никому кромѣ Господа Бога нашего. И извѣстно мнѣ также, что ты, какъ предводитель воинства, сѣмъ больше, чѣмъ я, посѣдѣвшій въ жизни пастушьей, и чѣмъ всякій другой еврей, какъ бы онъ ни назывался. А посему я исполняю обѣтъ, данный мною въ Сувогѣ. Отъ Моисея, слуги Божьяго, и отъ старѣйшинъ потребую я, чтобы тебѣ отдали они должность предводителя. Въ ихъ руки передамъ я рѣшеніе. А какъ чувствую я, что Всевышній читаетъ въ сердцѣ моемъ, то сознаюсь, что вспомнилъ я о тебѣ съ тайною неприязнью. Но для блага народнаго забуду я все, что раздѣляетъ насъ съ тобою, и вотъ тебѣ моя правая рука.

Иисусъ пожалъ поданную ему руку и отвѣчалъ съ душевной откровенностью:

— Ты говоришь какъ мужчина и я тебѣ тоже отвѣчу прямо. Для пользы народа и самаго дѣла, которому мы оба служимъ, я принимаю твое предложеніе. Ты призывалъ Всевышняго въ свидѣтели. Онъ слышитъ меня. И я тоже воздамъ должное истинѣ; я выскажу тебѣ всю правду до мелочей. То, что ты мнѣ жертвуешь—должность главнаго начальника нашихъ войскъ,—предназначено для меня самимъ Господомъ. Это возвѣщено пророчицей Мириамъ, твоей женою, и вполне мнѣ подобаешь. Тѣмъ не менѣе я считаю похвальнымъ поступкомъ, что ты самъ уступаешь мнѣ свою должность. Знаю же я, что человѣку не легко разстаться съ властью, особенно въ пользу младшаго, и къ тому же совершенно чужого. Ты это сдѣлалъ и я тебя благодарю. Но сознаюсь, я о тебѣ вспоминалъ тоже съ тайною досадою. Вѣдь изъ-за тебя я потерялъ нѣчто такое, отъ чего мужичинѣ еще труднѣе отказаться, чѣмъ отъ почетной должности,—ты у меня отнялъ любовь женщины.

Хуръ вспыхнулъ при этихъ словахъ и произнесъ:

— Ты говоришь о Мириамъ. Но я не насловалъ ея воли при вступленіи въ супружество. Я отступилъ даже отъ обычая нашихъ праотцевъ и не далъ за нее выкупа. Она стала моею женой по влеченію собственнаго сердца.

— Я это знаю,—словажно возразилъ Иисусъ.—Но видишь-ли, другой человекъ любилъ ее дольше и сильнѣе чѣмъ ты, и этого другого мучила ревность. Ты, впрочемъ, не безпокойся; еслибъ ты теперь даже далъ ей разводъ и, приведя въ мою палатку, предложилъ бы ее мнѣ, то я сказалъ бы: „Къ чему ты это сдѣлалъ?“ Недавно только я узналъ, что такое настоящая любовь женщины и на что она способна. Я понялъ, что ошибался, думая, что Мириамъ раздѣляетъ мою любовь. Затѣмъ, во время путешествія пѣшкомъ; въ кандалахъ, въ тяжелой бѣдѣ, я далъ себѣ слово всѣ свои силы и страсти, тѣлесныя и духовныя, отдать исключительно народу, а не какому либо отдѣльному человеку. Женская любовь тоже не отвлечетъ меня отъ великихъ обязанностей, которыя я взялъ на себя. А потому, что касается твоей супруги, то я буду теперь совсѣмъ чуждымъ ей, развѣ только она, въ качествѣ пророчицы, снова призоветъ меня, чтобы возвѣстить о новомъ откровеніи Господа.

И Иисусъ подаль руку Хуру. Пока тотъ потрясалъ ее, съ того мѣста, гдѣ находились воины, донесся шумъ. Туда пробирался снизу гонецъ, выкрикивая слова и указывая на высокіе столбы пыли. Это приближался еврейскій народъ.

Перев. С. Дѣвировскій.

(Продолженіе будетъ).

ИЗЪ „КНИГИ СУДЕЙ“.

Гл. VI, 25—38.

(Послѣд. М. В. Когану).

Всѣхъ обуяла скорбь... Бѣгутъ со всѣхъ концовъ,

Бѣгутъ во гнѣвъ и смятеннн...

Хоръ негодующихъ и злобныхъ голосовъ

Взываетъ яростно о ищени...

Какъ будто въ бурю гдѣсь нестово завылъ,

Рѣка въ грозу забушевала...

„Бто это дерево священное срубилъ,

Разрушилъ жертвенникъ Ваала?“

„Смерть нечестивому!“ — „Проклятнй Гедеонъ,

Сынъ Иоасовъ, сдѣлалъ это!“

И на отца народъ напалъ со всѣхъ сторонъ

И грозно требуетъ отвѣта.

„Ты сына выведи... Онъ долженъ казнь принять!“

Но тотъ народу отвѣчаетъ:

„Иль вагъ, безумные, Ваала защищать?

Когда онъ богъ—пусть отомщаетъ!

„Вѣдь жертвенникъ его разрушилъ Гедеонъ,
Ему нанесъ онъ оскорбленъ,—
Пусть самъ же вступится и пусть осудить онъ,
Накажетъ самъ за преступленъ!“

Г. К—сонъ.

ВЪ ДУХЪ ВРЕМЕНИ.

РОМАНЪ.

XV ¹.

Въ эту минуту горничная подала Анжеликѣ городское письмо. Узнавъ почеркъ Сигиунда, она поблѣднѣла, но и теперь сохранила настолько самообладанія, что разсадила дѣвочекъ за работу и, лишь убѣдившись, что задачныхъ уроковъ хватить имъ до прибытія учителя, удалилась въ смежную комнату, чтобы прочесть письмо. Сигиундъ писалъ:

„Любезная Анжелика, я не стану дѣлать тебѣ бесполезныхъ упрековъ, такъ какъ я давно предвидѣлъ то, что случилось. Твое признаніе избавляетъ меня отъ всякихъ раздражающихъ объясненій и хотя я и не понимаю, какъ ты могла влюбиться въ эту мертвую жидовскую голову, но становиться между вами я не намѣренъ. Уже одна вспыльчивость, съ которою ты приняла вчера мой вопросъ, показала мнѣ, что усовѣщевать тебя слишкомъ поздно. Такъ какъ я не могу запретить Гейнегауеру приходить на его виллу, то предпочитаю самъ удалиться изъ нея. Я возвратился вмѣстѣ съ Вандой (которую не тебѣ бы судить такъ строго!) въ Близигенштейнъ, гдѣ мы примемъ наши дальнѣйшія рѣшенія по окончаніи ея тѣмъ съ дворомъ. Потрудись указать мнѣ какого нибудь посредника, съ которымъ я могъ бы вступить въ переговоры отно-

¹ См. „Восходъ“, кн. X.

сительно нашего развода. Можешь быть увѣрена, что въ память небрегахъ жертвъ, которыя ты принесла для меня въ эти девять лѣтъ, я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы помочь тебѣ выпутаться изъ неловкаго положенія, въ которое поставили тебя твои ошибки. Я расстаюсь съ тобою безъ вражды.

Сигмундъ“.

Читая это письмо, Анжелика страшно поблѣднѣла, но вскорѣ вслухъ смѣялася негодованіемъ.

— Ему это на руку,—сказала она себѣ.—Изъ каждой строки этого письма сквозитъ сознаніе, что онъ уже обманывалъ меня раньше, чѣмъ гнусныя клеветы человѣка, котораго самъ онъ презираетъ, дали ему предлогъ свалить всю вину на меня.

Чтобы тотчасъ же отнять у него этотъ предлогъ, она машинально сѣла за письменный столъ и начала писать письмо слѣдующаго содержанія:

„Я сказала тебѣ правду, отвѣтивъ „да“ на твой вопросъ—была-ли я когда нибудь вечеромъ въ госпиталѣ у Г. Это было въ первый день по пріѣздѣ его сюда, когда я побѣжала къ нему, чтобы просить его придти перевязать твою рану. Съ тѣхъ поръ нога моя не была въ госпиталѣ. Но твоё письмо и твоё поведение ясно показали мнѣ суть дѣла. Я вижу, что нарушеніе супружеской вѣрности гнѣздилося въ моемъ собственномъ домѣ и что ты пользуешься теперь случаемъ свалить всю вину на меня. Но я прощу тебя, ради твоей собственной пользы и ради дѣтей, разорвать связь, которая иначе погубитъ тебя. Вернись и будь увѣренъ, что я“...

Стукъ въ дверь побуждалъ ея продолжать. Вошелъ Геннегауеръ. Анжелика молча пожала ему руку и онъ прочелъ на ея лицѣ, что ей уже извѣстны гнусныя клеветы печати. Когда она сѣла, она протянула ему письмо Сигмунда. Яркая краска залила лицо Геннегауера, пока онъ читалъ это письмо. Когда онъ опустилъ руку, Анжелика мягко рассказала ему, что она сама отчасти

виновата въ заблужденіи Отиунда, глупо отвѣтивъ ему на его вопросъ, и что она постарается исправить эту ошибку въ своемъ письмѣ къ нему. Но взглянувъ на друга, она встрѣтила его темные глаза, пожиравшіе ее съ безумною страстью. Взглядъ этотъ испугалъ Анжелику и потрясъ ее до глубины души. „Боже, только не это, только не это! Оставь мнѣ моего единственнаго друга!“ — тоскливо прозвучало въ глубинѣ ея души. Бояливо, какъ птичка, рѣшилась она еще разъ взглянуть на него и прочла на его лицѣ безумную радость.

— Благословляю судьбу за то, что она васъ освобождаетъ! — вскричалъ онъ и сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая протянуть къ ней руки.

Но молодая женщина съ ужасомъ отпрянула назадъ и глаза ея выразили такое горе, что Геннегауеръ въ отчаяніи опустился на свой стулъ.

— Вотъ что! — съ горечью произнесъ онъ. — Значить, я для васъ, по прежнему, тотъ же жилъ!

Анжелика закрыла лицо руками.

— Я помню, что училъ въ шкولѣ, — сказала она, какъ бы про себя: — „кто взглянетъ на чужую жену съ возжелѣніемъ“...

— Но если мужъ отказался отъ нея! — страстно вскричалъ Геннегауеръ. — Вы не принадлежите ему болѣе. Расторгните союзъ, который фактически не существуетъ болѣе, и будьте свободны! Вы знаете, что моей любви къ вамъ не будетъ конца, все равно — отвѣчаете вы на нее, или нѣтъ.

— Не говорите такъ, Геннегауеръ! Это грѣхъ, — со вздохомъ сказала Анжелика. — Вы знаете, что я связана на всю жизнь.

— Зачѣмъ же вы хотите быть связанной, когда и гражданскіе законы, и самая ваша религія развязываютъ васъ? Вамъ мужъ самъ расторгнулъ вашъ бракъ и вы свободны.

Но молодая женщина грустно покачала головой.

„Что могутъ сдѣлать въ этомъ случаѣ законы и библейскія

зароченія?—подумала она. — Чувства женщины зависят не отъ законовъ, а отъ ея стыдливости, безъ которой она не женщина. Кто отдалъ себя, какъ отдается женщина мужьямъ, тотъ уже не можетъ порвать этой связи. Такой союзъ долженъ быть союзомъ на всю жизнь, или—онъ позоренъ“.

Конечно, она не могла высказать вслухъ этихъ мыслей и только тихо сказала:

— Бѣдный другъ мой, при такихъ условіяхъ о счастья не можетъ быть и рѣчи. Развѣ могла бы я встрѣтить его на улицѣ, какъ чужого; пройти мимо отца моихъ дѣтей, какъ мимо пермаго встрѣчнаго?.. Нѣтъ, никогда бы я не перенесла этого и, чувствуя себя несчастной, сдѣлала бы несчастнымъ и васъ. Бракъ неразрывенъ, не потому, что законы этого требуютъ или Св. Писаніе этому учитъ, а потому, что въ противномъ случаѣ исчезли бы всякій стыдъ, всякая вѣрность, всякое самоуваженіе.

Геннегауеръ не возражалъ. Онъ понималъ, что она не можетъ сдѣлать того, чего онъ требуетъ, и это только усиливало его любовь къ ней.

Видя, что онъ молчитъ, она устремила на него ясный взглядъ и сказала мягкимъ, но твердымъ голосомъ:

— Я не должна предоставлять этого человѣка самому себѣ въ самомъ трудномъ кризисѣ его жизни; не должна отворачиваться отъ него въ такую минуту, когда онъ наиболѣе нуждается во мнѣ. Невѣрность его есть не болѣе какъ прихоть, болѣзненный припадокъ. Онъ можетъ продлиться года, но когда нибудь пройдетъ. И тогда дѣти мои поблагодарятъ меня за то, что у нихъ есть отецъ, и мнѣ не придется краснѣть за него и за себя, когда они спросятъ меня, гдѣ ихъ отецъ.

— А если онъ не вернется?

Анжалика пожала плечами.

— Общайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, что вы не отвергнете меня въ случаѣ, если Сигмундъ настоятъ на разводѣ.

— Зачѣмъ, другъ мой, разъяснять себѣ чувства, которыя въ настоящемъ положеніи наименѣ незаконны? Я всегда желала, чтобы Сигмундъ походилъ на васъ, но я дала обѣтъ передъ алтаремъ оставаться ему вѣрной и любить его такимъ, каковъ онъ есть, а я уже и тогда знала его недостатки. Я предвидѣла, что мнѣ придется быть не только женою его, но и матерью. Не уговаривайте меня нарушить мой обѣтъ. Вы первый перестали бы тогда уважать меня.

Геннегауеръ снова застылъ въ своей прежней мрачности. Немного погодя онъ всталъ.

— Я самъ не знаю въ эту минуту, какъ слѣдуетъ поступить, но такъ, какъ теперь, это не можетъ продолжаться.

Анжелика также встала и тихо подошла къ нему.

— Подождите, другъ мой,—мягко сказала она и протянула ему руку.

Но пальцы его опустились въ нее холодно и безжизненно. Онъ молча ушелъ, а г-жа Браунъ побѣжала къ своимъ дѣтямъ. Она хотѣла, глядя въ чистые, свѣтлые глазки малютокъ, напоминавшихъ черты отца, убѣдиться въ томъ, что она поступила хорошо. „Я хочу исполнить свой долгъ до конца,—говорила она себѣ,—а, думая иначе, я только загрязнила бы въ концѣ концовъ вашу чистую, невинную дружбу“.

Она стала обдумывать, какъ ей развязаться съ институтомъ, дальнѣйшее существованіе котораго сдѣлалось невозможнымъ. Убѣдившись, что райскій уголокъ, который они думали основать въ этомъ зеленомъ саду, былъ построенъ на несбыточныхъ предположеніяхъ, она почувствовала, что ей будетъ легче расстаться съ нимъ, чѣмъ казалось наканунѣ, когда она думала только отнять этимъ поводъ къ клеветамъ у презрѣнной печати. „Чего нельзя защитить отъ клеветы, тому не слѣдуетъ и быть,—говорила она себѣ.—Мы поступали какъ дѣти, вводя нашъ коммунизмъ, и за это теперь платимся“.

Она отправилась подыскивать квартиру, отложивъ, однако, окончательное рѣшеніе до полученія отвѣта отъ Сигмунда, къ которому она отправила письмо тотчасъ послѣ разговора своего съ Геннегауеромъ. Въ ожиданіи она продолжала спокойно давать уроки воспитанницамъ съ помощью учителя. Однако, печать не замедлила напомнить ей, что нельзя полагаться въ своемъ оправданіи только на время и на людскую справедливость. „Другъ Народа“, продолжавшій получаться въ домѣ, сообщилъ своимъ читателямъ, что г-нъ Браунъ и учительница его института покинули виллу доктора Геннегауера; но известная дама не находить неприличнымъ и до сихъ поръ проживать на этой виллѣ, чѣмъ окончательно срывается завѣса, маскированная до сихъ поръ эту некрасивую интригу. „Какъ слышно, однако, — прибавляла газета, — административный совѣтъ уже принялъ мѣры противъ этого публичнаго скандала“.

Получила она также и „Сіонъ“, пастора Грауса. Листокъ этотъ опять указывалъ на дурныя послѣдствія уничтоженія религіознаго характера госпиталя, приправляя это указаніе намеками на явныя неблагопрістойности, которыя правительство вынуждено терпѣть въ средѣ общества.

Намеки эти снова взволновали Анжелику. Она написала Геннегауеру, что очистить виллу лишь только найдетъ себѣ квартиру и устроить воспитанницъ, и просила его дать знать административному совѣту объ ея рѣшеніи въ той формѣ, какую онъ сочтетъ приличною, лишь бы предпрятать шумъ, поднятый газетами. Въ отвѣтъ на свое письмо, она съ испугомъ увидѣла передъ собою, черезъ нѣсколько минутъ, самого директора.

Анжелика друстно пригласила его сѣсть и сѣла сама къ окну, взявъ свое рукодѣлье.

— Вамъ не слѣдуетъ обращать вниманія на эти клеветы, — горячо началъ онъ. — Лично сноситься съ этими людьми значило бы дѣлать имъ слишкомъ много чести; я обращусь противъ нихъ къ

прокурорской власти. Шмидтъ уже являлся ко мнѣ однажды съ вымогательствомъ денегъ; у меня есть доказательство тому. Всѣ убѣдятся, что новыя клеветы его суть не болѣе, какъ выполненіе его преступныхъ угрозъ, заслуживающее тѣмъ большаго наказанія, и всѣ эти сплетни и распространяющіе ихъ люди представляются всякому въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

— Не дѣлайте этого, другъ мой, — мягко возразила Анжелика. — Эти люди подтвердятъ и на судѣ, что я была у васъ въ тотъ вечеръ, когда Сигмундъ покушался на свою жизнь и я прибѣжала просить вашей помощи. Вѣдь этого мы не можемъ отрицать. Меня спросятъ, чѣмъ былъ боленъ мой мужъ, и мнѣ придется отказаться отвѣчать. Они спросятъ Сигмунда, зачѣмъ онъ покинулъ меня, привлекутъ въ свидѣльницы эту Ванду и, какъ бы ни были чисты мои поступки, а люди будутъ думать то, что захотятъ.

Работа выпала изъ рукъ несчастной женщины, и она печально глядѣла въ пространство. Видя, что докторъ молчитъ, она нагладѣла на него и настойчиво прибавила:

— Общайте мнѣ, что вы не выставите меня на позорище передъ судомъ. Представьте же себѣ, каково мнѣ будетъ отвѣчать на вопросы этихъ господъ, касающихся самыхъ интимныхъ тайнъ нашей семейной жизни, и передъ грубой публикой, жаждущей скандала! Что я скажу послѣ того, что вы говорили мнѣ вчера, если адвокаты спросятъ меня, дѣйствительно-ли вы уступили намъ вашу виллу изъ дружбы къ Сигмунду?

Геннегауеръ со стономъ ударилъ себя въ лобъ. Анжелика продолжала:

— Неужели вы захотите подвергнуть меня осморбленіямъ этихъ грубыхъ людей? И что пользы? Вѣдь въ такихъ вещахъ публика всегда склонна вѣрить въ худшее.

— Ваша правда, — злобно сказалъ еврей. — Люди судятъ о другихъ по себѣ.

— Что же изъ этого слѣдуетъ, другъ мой?—спокойно продолжала Анжелика.—Вы сами, вашимъ нагъбреніемъ обратитесь къ прокурорской власти, напомнили мнѣ, что значить добрая слава для женщины. Передъ судомъ такіе люди, какъ ваши враги, имѣть всѣ выгоды на своей сторонѣ. Ставка слишкомъ неравна. Эти люди привыкли къ скандаламъ, имъ нечего терять, тогда какъ имъ боится всякой грязи. И они знаютъ это, оттого они такъ смѣлы. Я имѣла достаточно случаевъ убѣдиться въ этомъ во время непріятностей съ Сигмундомъ,—прибавила она съ горечью,—и этотъ опытъ служить мнѣ предостереженіемъ не начинать борьбы, къ которой мы неспособны. Къ сожалѣнію, мнѣ хорошо извѣстно, что въ такой борьбѣ послѣднее слово всегда остается за наглостью и низостью. При нашихъ порядкахъ, нравственные люди стоятъ внѣ закона. Журналисты и адвокаты въ правѣ забрасывать ихъ грязью, и галерея всегда на сторонѣ злыхъ языковъ. Такъ ужъ лучше приспособиться къ такому положенію дѣлъ. Какъ жена журналиста, я достаточно хорошо знаю, что такое общественное мнѣніе, чтобы придавать большое значеніе его приговорамъ. Голоса прессы, то-есть, голоса Шмидта, Брюлля, пастора Грауса, учителя Майера, викарія Вурстера, провалившагося Теркеля и другихъ сотрудниковъ „Народнаго Вѣстника“, могутъ винить меня сколько хотятъ, имъ не нарушить моего душевнаго мира. Я знаю, что эти голоса слышать своею клеветою за спиною лучшихъ изъ людей. Мнѣніе этихъ паразитовъ не можетъ повредить намъ и не стоитъ обращать на него вниманія. Единственное, о чемъ мы должны заботиться,—заклучила она, возвышая тонъ,—это, чтобы поступки наши не давали повода къ перетолкованіямъ. Поэтому я покидаю вашъ домъ и благодарю васъ за каждый счастливый часъ, который я пережила въ немъ.

— Но куда же вы пойдете?—горячо возразилъ Геннегауеръ.— Не найдете же вы въ одинъ день подходящей квартиры.

— Развѣ взяла бы я еще разъ въ руки наши газеты, еслибы не искала въ нихъ квартиры? — спокойно сказала г-жа Браунъ.

— Такъ предоставьте, по крайней мѣрѣ, мнѣ этотъ трудъ, если ужъ вы рѣшились, — предложилъ Геннегауеръ, покоряясь ея волѣ.

— Нѣтъ, не надо, — уклонилась Анжелика; — намъ долго не слѣдуетъ теперь видѣться. Какъ ни печально, что клеветники могутъ имѣть такую власть надъ нами, но дѣлать нечего. Если квартиру для меня будете искать вы, то переездъ мой отсюда ничему не поможетъ. И я съ грустью должна просить васъ не посѣщать меня болѣе. Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, для убѣжденія людей въ нашей невинности. Прощайте!

Она поднялась со стула. Геннегауеръ глядѣлъ на нее неподвижнымъ, горестнымъ взглядомъ.

— Все это могло бы быть иначе, — тихо произнесъ онъ, — еслибы вы согласились установить ясныя отношенія.

— Я написала Сигунду и жду его возвращенія, — спокойно отвѣтила она.

Геннегауеръ побѣднѣлъ.

— Въ такомъ случаѣ, — тихо сказалъ онъ, — да поможетъ вамъ Богъ!

Онъ быстро повернулся и ушелъ. Вскорѣ послѣ того почтальонъ принесъ два письма къ г-ну и г-жѣ Браунъ, почти одинаковаго содержанія. Въ обоихъ требовалось немедленное возвращеніе домой двухъ нѣмецкихъ воспитанницъ института. Плата за текущій триместръ была приложена къ письмамъ.

— Даже я отъ этой обиды я не избавлена! — горько сказала себѣ Анжелика. — Конечно, теперь начнутъ брать изъ непрямичаго дома одну воспитанницу за другой.

Она съ трудомъ могла настолько овладѣть собою, чтобы сообщить двумъ дѣвочкамъ спокойнымъ и равнодушнымъ тономъ объ отозваніи ихъ домой, и сама торонила ихъ отъѣздомъ, чтобы не

оставлять времени остальнымъ для долгихъ комментариевъ объ этомъ внезапно отъѣздѣ ихъ подругъ.

Дѣвочки со слезами простились съ нею.

— Вамъ будутъ говорить обо мнѣ дурное, — сказала нѣтъ Анжелика при прощаніи. — Повѣрите вы этому?

— Никогда, никогда! — закричали дѣти, бурно цѣлуя ее.

— Хорошо; значитъ, вы будете моими защитницами.

Она сама отвезла ихъ на станцію.

Въ тотъ же день, ввечеръ, г-жѣ Браунъ доложили, что ее спрашиваетъ какая-то незнакомая дама. Анжелика нашла въ своей гостиной блѣдную, сухощавую англичанку, встрѣтившую ее холоднымъ, строгимъ взглядомъ, не отвѣчая на ея поклонъ. Въ манерахъ ея сквозило презрѣніе, котораго она не давала себѣ труда скрывать.

— Что вамъ угодно? — спросила удивленная хозяйка.

— Я пришла взять отъ васъ трехъ дѣвочекъ англичанокъ, которыя у васъ воспитываются, — рѣзко отвѣтила незнакомка.

— Вамъ поручено взять ихъ? — спросила г-жа Браунъ.

— Само собою разумѣется, что я вамъ заплачу за нихъ по условію, — надменно сказала незнакомка, вынимая бумажникъ. — Сколько вамъ слѣдуетъ получить?

— Я не объ этомъ спрашиваю васъ, а о томъ, поручено-ли вамъ родителями дѣвочекъ взять ихъ отсюда.

— Я пріятельница мистрисъ Томсонъ, и знаю навѣрное, что она ни на одинъ часъ не оставила бы здѣсь своихъ дѣтей, если бы знала, что творится въ этомъ домѣ.

— Что же здѣсь творится? — спросила Анжелика, всыхнувъ отъ негодованія и берясь за звонокъ, чтобы позвать горничную.

Англичанка отвѣтила только коротенькимъ саркастическимъ смѣхомъ. Анжелика обратилась къ вошедшей горничной:

— Останься здѣсь, Маша; я хочу, чтобы при разговорѣ моею съ этой дамой присутствовала свидѣтельница, — и затѣуть,

обращаясь къ незнакомкѣ, холодно прибавила:—я не могу догнать вамъ дѣвочекъ, пока вы не предъявите мнѣ полномочія отъ мистера Томсона и мистриссъ Стиръ. Мало того: я прощу васъ оставить мой домъ, въ которомъ вы себя такъ непримчиво ведете.

Незнакомка встала съ прерзательной усмѣшкой, прошла два раза передъ самыми лицами Анжелики и сказала ей черезъ плечо:

— Хорошо, я спрошу телеграммой. Но если вы и послѣ того не выйдете мнѣ невинныхъ дѣтей, то я обращусь къ нашему консулу.

Анжелика сухо поклонилась и вышла изъ комнаты. Незнакомка также направилась къ двери, но на порогѣ сказала горничной:

— Какъ это вы можете жить въ такомъ порочномъ домѣ?

— Порочномъ?—повторила служанка, вытаращивъ глаза.—Вы съ ума сошли, сударыня! Г-жа Браунъ—ангелъ.

Англичанка снова разсмѣялась своимъ деревяннымъ смѣхомъ, но потомъ сдѣлала строгое лицо, говоря:

— Тоже уже такъ испорчена! Да, впрочемъ, какъ же иначе! Какова госпожа, такова и служанка.

Между тѣмъ Анжелика, какъ надломленная, упала на стулъ и разрыдалась. Напряженные нервы ея не выдержали долѣе.

— Конечно, дѣтей теперь возьмутъ отъ меня,—сказала она себѣ, невольно успокоившись.—Лучше подготовить ихъ къ этому теперь же, чтобы, по крайней мѣрѣ, избавить бѣдняжекъ отъ возмутительныхъ сценъ.

Дѣвочки печально выслушали переданное имъ извѣстie. Онѣ уже были отчасти подготовлены къ нему: умная Эллонъ напередъ предсказала, что послѣ того, какъ г-нъ Браунъ обѣжалъ съ гувернанткой, бѣдной г-жѣ Браунъ придется закрыть институтъ.

На слѣдующее утро, камеръ-вицфера-англичанка принесла письмо и объявила ваглымъ тономъ, что ей поручено взять трехъ миссъ и проводить ихъ въ „Рунингейский Дворъ“.

Въ конвертѣ заключалась телеграмма, которою мистеръ Томсонъ и мистриссъ Стиръ уполномочивали миссъ Джемсъ взять ихъ дочерей изъ института Брауна и привести въ Англію. Анжелика отложила телеграмму и сказала дѣвочкамъ, чтобы онѣ приготовились къ отъѣзду. Счетовъ своихъ она не предъявляла, а миссъ Джемсъ, повидимому, забыла о нихъ.

Одинокая страдалица сѣла въ этотъ день за столъ только съ двумя своими дѣтьми, и отъ волненія не могла проглотить ни одного куска. Вдобавокъ Вальтеръ и Сигмонда донимали ее разспросами: отчего всѣ дѣвочки разомъ уѣхали отъ нихъ, скоро-ли вернутся папа съ фрейлейгъ Вандой, и отчего дядя Геннегауеръ такъ долго не приходитъ къ нимъ и не беретъ ихъ съ собою вѣтаться. Каждое ихъ слово ножомъ вонзалось въ сердце Анжелики.

Отпскивая послѣ того въ объявленіяхъ „Государственного Указателя“ подходящую квартиру для себя, она наткнулась на извѣстіе, что наканунѣ административный совѣтъ госпиталя постановилъ продать домъ, предназначенный подъ квартиру директора, чтобы покрыть потерю, причиненную неразъясненной еще, къ сожалѣнію, пропажей изъ кассы. Къ тому же этою мѣрой предполагалось заглушить одно обстоятельство частнаго характера, надѣлавшее большого шума и не служащее къ чести директора госпиталя.

Еще прозрачнѣе выразался г-нъ Шивдтъ въ „Другѣ Народъ“. „Хотя по уставу госпиталя,—говорилъ онъ,—вила и предназначена въ „въ личное пользованіе“ директора, но г. Геннегауеръ придалъ этимъ двумъ словамъ такое толкованіе, которое не могло быть одобрено ни членами административнаго совѣта, ни честными руппенгейскими гражданами, не желающими допускать въ своей средѣ парижскихъ нравовъ. Такимъ образомъ, благодаря г. Геннегауеру, будущій директоръ госпиталя не будетъ имѣть казенной квартиры“.

Чувства Анжелики уже такъ притупились избыткомъ горя, что лишнее оскорбленіе не произвело на нее впечатлѣнія. Устало и тупо глядя она въ газету, между тѣмъ какъ мысли ея носились далеко. Заплаканные глаза, машинально бродившіе по листку, усмотрѣли въ объявленіяхъ, что прежняя квартира ея отдается. Она встала, промыла лицо и одѣлась, чтобы выйти со двора. У самой своей двери она встрѣтила г-жу Шлейхмайеръ съ хозяйкой „Красной Башни“. Обѣ отвернулись, словно при видѣ чего нибудь неприличнаго.

— Она всегда была тщеславной женщиной, а теперь и Богъ вѣсть, чѣмъ стала, — замѣтила сухопарая г-жа Шлейхмайеръ.

Толстая хозяйка гостиницы подумала про себя: „Ужъ эти святоши! Самыя что ни на есть злоязычныя!“ — что въ помѣшало ей, однако, поддакнуть своимъ жирнымъ голосомъ:

— Да, да, ужъ если всѣ газеты толкуютъ, то, значитъ, тутъ есть доля правды!

Анжелика быстро прошла мимо нихъ. Ей казалось, что въ каждой улицѣ ее поджидаетъ новое оскорбленіе. Запыхавшись, пришла она къ старой четѣ, у которой нанимала прежде квартиру.

— Я четыре года прожила на вашихъ глазахъ, — сказала она старикамъ, — и боюсь вамъ, что я не измѣнилась. Отдайте мнѣ опять мою прежнюю квартиру,

— Я вѣрю вамъ, г-жа Браунъ, — примодушно отвѣтилъ хозяинъ; — но вы должны обѣщать мнѣ, что еврей не будетъ ходить къ вамъ.

Анжелика, подавивъ въ себѣ горькое чувство, отвѣтила:

— Тайный совѣтникъ Геннегауеръ обѣщаль мнѣ не приходить, и сдержитъ слово ради моей собственной пользы. Но еслибы ему представилась надобность повидаться со мною, то я не могу залезть передъ нимъ двери.

— Этого никто и не требуетъ, — сказалъ старикъ, въ затрудненіи поправляя на головѣ свою бархатную ермолку. — Не надо

только, чтобы онъ постоянно ходилъ къ вамъ, пока вашего мужа нѣтъ съ вами, чтобы не давать нищѣ сплетнямъ. Ваша собственная польза требуетъ этого.

Анжелика поняла, что ей нужно покориться этому униженію, чтобы найти себѣ квартиру. Она перобралась на свое старое жилище на слѣдующій же день. Изъ Блиэнтенштейна не приходило ни какого отвѣта—потому-ли, что письмо ея не дошло до Сигмунда, или же онъ не повѣрилъ ея оправданію, или, наконецъ, потому, что Ванда успѣла уже крѣпко прибрать его къ своимъ рукамъ. Оставаясь, такимъ образомъ, совершенно одинокой, молодая женщина рѣшилась, наконецъ, съ тяжелымъ сердцемъ сообщить о своемъ положеніи своимъ престарѣлымъ родителямъ. Она намѣревалась при первой же возможности вернуться подъ родительскій кровъ и дожидаться тамъ, пока Сигмундъ не одумается. Только подъ этимъ кровомъ она могла найти себѣ надежную защиту отъ ядовитыхъ стрѣлъ клеветы.

Спустя нѣсколько дней послѣ патетическаго прощанія Геннегауера съ Анжеликой, въ гостинной-ровеко ландграфскаго дворца произошло слѣдующее: разсерженный ландграфъ, отдуваясь, бѣгалъ взадъ и впередъ по маленькой комнатѣ, а лейбъ-медикъ его Васкениеръ съ наглою миной слѣдилъ за его движеніями. Маленькій толстякъ сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Вмѣсто торчащихъ щеткою волосъ, шарообразная голова его была украшена гладко расчесаннымъ проборомъ; толстое лицо бризгливо глядѣло изъ бѣлоснѣжнаго воротничка; грубыя руки были затянуты въ лайвовыя перчатки. Онъ имѣлъ видъ сапожника, примардывшагося къ вѣнцу.

— Если я опять дамъ ей денегъ, то этому не будетъ конца,—сердито ворчалъ ландграфъ.—Въ заключеніе она покажется передъ моею женой, а это и на васъ дурно отзовется. Такъ посоветуйте же что нибудь!

Докторъ обезкураженно пожалъ плечами.

— Дать скольконибудь денегъ во всякомъ случаѣ необходимо. Кормилица жаловалась мнѣ, что ей не платятъ даже за содержаніе ребенка. Къ счастью, эта добрая женщина такъ влюблена въ малютку, что готова бы содержать ее и безъ всякой платы,—такъ она мнѣ говорила.

— Не дамъ я больше денегъ!—гнѣвно сказалъ ландграфъ.— Теперь всякій увѣраетъ, что онъ купилъ фальшивыя бумаги; всѣ моты сдѣлались жертвами этого крупнаго подлога. Ванда получила отъ меня деньги звонкою монетой; а что она купила на нихъ, это ея дѣло. Волге я ничего не дамъ ей.

Онъ бросился на стулъ и сталъ глядѣть въ паркъ сквозь зеркальное стекло.

— Гмъ,—пробормоталъ Васкецерь,—дѣло-то выходитъ нехорошее. Она — женщина съ норовомъ, страшно горячая и на все способная. Къ тому же она завербовала себя одного ловкаго журналиста, который волочится теперь за нею—не знаю, въ качествѣ-ли cavalier servant, или же попросту любовника, а онъ способенъ надѣлать шума своими перомъ.

— Такъ пускай она выходитъ за него замужъ, — проворчалъ принцъ.

— Къ сожалѣнію, онъ женатъ.

— Ну, такъ за когонибудь другого. За васъ, напригнѣрь.

— Покорнѣйше благодарю,—саркастически отвѣтилъ Васкецерь, но потомъ прибавилъ, опустивъ лукавыя глазки на паритъ:

— Мнѣ самому являлась подобная мысль. Есть у меня на примѣтѣ одинъ женихъ, который взялъ бы ее за дворянскую грамоту. Это не стоило бы ничего и навсегда обезпечило бы ваше спокойствіе.

— Кто же это?—спросилъ ландграфъ.

— Бовиста,—отвѣтилъ Васкецерь, пристально глядя на ландграфа.

Обрѣгтое лицо послѣдняго искривилось саркастическою усмѣшкой и онъ что-то прохрипѣлъ.

— Этихъ разрѣшались бы все затрудненія, — твердо прибавилъ Васнецеръ. — Ваша свѣтлость общали бы Вовистъ, въ виду его особнхъ заслугъ передъ искусствомъ, пожаловать его дворянскимъ достоинствомъ въ день свадьбы его съ Мауршнекъ. Я убѣжденъ, что онъ уснновитъ тогда ея дочку и будетъ обращаться съ нею хорошо. Онъ питаетъ глубокое уваженіе къ княжеской крови. Случай этотъ никого не удивитъ. Вогема не особенно разборчива въ этихъ вещахъ.

Ландграфъ пробормоталъ что-то о затрудненіяхъ.

— Никакихъ затрудненій не будетъ, — возразилъ докторъ. — Я специалистъ по части устройства браковъ. Въ качествѣ коммисіонера я устроилъ уже по меньшей мѣрѣ двадцать паръ подобннхъ нутенъ. Если ваша свѣтлость общаетъ мнѣ пожаловать Вовисту дворянскою грамотою, то все остальное я беру на себя.

— Но государственный министр не согласится, — проворчалъ ландграфъ.

— Бывали случаи возведенія въ дворянское достоинство и негѣ даровитыхъ артистовъ, чѣмъ Вовиста, — сухо возразилъ Васнецеръ. — Всего лучше будетъ, если ваша свѣтлость увѣдомитъ письменно министра о своемъ высочайшемъ рѣшеніи.

— Находчивый вы человекъ, Васнецеръ! — милостиво сказалъ ландграфъ. — Я сдѣлаю васъ гофратенъ. Не шута, я буду вамъ очень обязанъ, если вы поможете мнѣ развязаться съ этой исторіей.

Васнецеръ поклонился, стараясь придать своему широкому лицу выраженіе признательной преданности, хотя въ калныцкихъ глазахъ его искривилась насмѣшка.

— Надѣюсь, что Вовиста пойдетъ на эту сдѣлку, — сказалъ онъ. — Теперь самый часъ, чтобы застать его въ „Красной Башнѣ“, и я полагаю, что не слѣдуетъ терять ни минуты въ виду пиллагаго характера колодой Мауршнекъ.

— Слушайте, кудесникъ! Не возьметъ-ли къ себѣ Бовиста и старуху, чтобы мы могли разомъ развязаться съ обѣими? Боюсь, что старуха разстроитъ когда нибудь мою жену, отерывъ ей причину удаленія Ванды отъ двора.

Ландграфъ разсмѣялся, напоминая своими смѣхомъ лошадиное ржаніе.

— Если Бовиста скажетъ *A*, то скажетъ и *B*,—отвѣтилъ Баскецеръ.—Насколько я понимаю его, онъ будетъ даже очень доволенъ возможностью говорить: „Тетушка наша, баронесса фонъ-Мауершнекъ“,—и будетъ смотрѣть на величественныя ноги и склоны бывшей статсъ-дамы, какъ на украшеніе своихъ вечеровъ.

— Брависсимо, универсальный врачъ! Если вамъ удастся и эта комбинація, то къ Новому году вы получите орденъ.

Ландграфъ потрясъ толстыя руки Баскецера и отпустилъ его. Выйдя изъ дворца, этотъ маленький гномъ нахмурился и, глядя въ пространство, направился къ „Красной Вальтѣ“.

Бовиста, Шмидтъ и Юганъ Брюль уже сидѣли за супомъ, когда вошелъ Баскецеръ.

— *Salve, medice!* — привѣтствовалъ его Шмидтъ. — Ваши шансы на выборахъ въ пятомъ округѣ обозначены: вы будете депутатомъ.

— По заслугамъ,—важнимо произнесъ Бовиста.

— У него шприцовецъ всегда наготовѣ,—привицалъ Брюль.

— Какъ это непочтительно!—возмутился Бовиста.—Онъ душитъ Румпенгейма, *spiritus familiaris* каждого дома, провидѣніе страны.

— За то ужъ мы и постояли за него въ „Румпенгеймскомъ Указателѣ“,—съ самодовольствомъ сказалъ Брюль.

— Эти газетчики вѣчно воображаютъ, что вся исторія дѣлается ими,—замѣтилъ Бовиста тономъ состраданія.—Много-ли подписчиковъ-то у вашего „Указателя“? Сотни дѣтъ?

— Безъ малаго,—отвѣтилъ Брюль.—Но мы держимся известнаго направленія и поэтому имѣемъ значеніе.

— Какого же это направленія?—пренебрежительно спросилъ Вовиста.

— Мы боремся за народное государство и уничтожаемъ всякую раздвоенность.

— Барликъ-то этотъ — уничтожается! Ха, ха, ха!—заревѣлъ актеръ.

— Не обижайте трибуна будущаго,—добродушно вмѣшался Васкецеръ.—Маленькія насѣкомыя, Вовиста, тоже умѣютъ жаль, а театральныя вакаціи невѣчны.

— Это правда,—согласился актеръ.—Чоვნемся, Іоганнъ! Мы всё начали съ малаго.

— Я не щекотливъ,—пропищалъ Брюллъ, все еще не успѣвшій возмужать.—Шлейхмайеръ отучилъ меня отъ щекотливости.

— А что подѣлываетъ этотъ старый плутъ?

— Онъ очень нервень и вообще дурно выглядитъ. Эта исторія въ госпиталѣ сильно озабочиваетъ его,—отвѣтилъ Брюллъ.—Онъ былъ членомъ административнаго совѣта вмѣстѣ съ Граусомъ, и теперь оба они боятся, какъ бы ихъ не привлекли къ отвѣту за подлогъ.

— Пожалуй, попали бы недалеко отъ цѣли,—проинчалъ Васкецеръ.

Всѣ поглядѣли на него.

— Лучше всего въ этомъ дѣлѣ то,—вскричалъ Вовиста,—какъ вы прогоняли сквозь строй этого дурака Геннегауера, который явился къ намъ какъ Орфей къ животнымъ, словно онъ первый занесъ въ Руппенгеймъ понятія о нравственности.

Васкецеръ какъ-то рѣшительно обернулся въ эту минуту къ Шидту и серьезно сказалъ:

— Слушайте, пріятель, я хочу вамъ сказать кое-что, и желалъ бы, чтобы вы меня точно поняли. До сихъ поръ я представлялъ вамъ въ жертву Геннегауера, во первыхъ, потому, что не хотѣлъ раздражать васъ во время избирательной борьбы, а во

вторыхъ, и потому, что у меня есть съ нимъ личные счеты. Но дальше прошу не заходить. Въ высшихъ сферахъ очень недовольны вами. Ладграфъ даже замѣтилъ мнѣ: „Вашему пріятелю не мѣшало бы обращаться осторожнѣе съ добрымъ именемъ своихъ ближнихъ“.

Шмидтъ поблѣднѣлъ.

— Вѣдь я полагаю, что дворъ желаетъ избавиться отъ этого еврея,—пробормоталъ онъ съ испугомъ.

— Еврей уйдетъ и безъ того; его приглашаютъ въ Берлинъ, а при такихъ обстоятельствахъ дворъ желаетъ распространиться съ нимъ дружелюбно.

— Ну, такъ стойте!—проговорилъ Шмидтъ.—Вамъ слѣдовало бы предупредить меня ранѣе.

— Я не зналъ, какъ вы это примете. Но повѣрьте мнѣ, что прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій желательно, — сказалъ докторъ.

— Такъ мнѣ нужно сейчасъ же пойти въ типографію,—объявилъ Шмидтъ, вставая. — Я подготовилъ на сегодня главный букетъ. Пойдите, Брюль, помогите мнѣ перебрать вечерній номеръ.

Вовиста звучно засмѣялся, какъ онъ смѣялся въ „Королѣ Генрихѣ“, всегда производя этимъ смѣхомъ большой эффектъ. Представители общественнаго мнѣнія удалились, еще разъ вѣжливо откланявшись у двери.

— Я умеръ бы отъ скуки во время вавачій, еслибы не эти два шута,—сказалъ Вовиста, потягиваясь.

— Вамъ нужно жениться,—сухо замѣтилъ Васкецаръ, закуривая сигару.

Вовиста вытаращилъ на него глаза.

— Говорю вамъ это, какъ другъ и какъ врачъ,—продолжалъ Васкецаръ.—Если вы не женитесь, то не пройдетъ и года, какъ васъ прихлопнетъ апоплексія.

Лейбъ-медикъ спокойно задулъ спичку и съ чистосердечнымъ видомъ уставился на актера своими маленькими, искристыми глазами.

— Я и самъ уже объ этомъ подумываю, — отвѣчалъ Вовиста. — Нашему брату необходимъ домашній покой для того, чтобы умственный мечъ нашъ не слишкомъ рано протеръ ножны.

— Да, вамъ нужна жена, которая устраняла бы отъ васъ всѣ неприятности, такъ сказать, вѣшала бы мечъ на гвоздикъ пока въ немъ не является надобность, и подбивала бы ножны хорошей подкладкой.

— Да гдѣ найдешь такую? — въ раздумьи произнесъ актеръ.

— Я уже подыскалъ вамъ партію, которая отвѣчаетъ вполне вашимъ аристократическимъ наклонностямъ, — сказалъ Баскецерь, лукаво подмигнувъ.

— Sargisti! — вскричалъ Вовиста. — Любопытно бы узнать—кого.

— Я буду говорить съ вами откровенно, если вы дадите мнѣ слово молчать.

— Буду нѣмъ, какъ Лета, — торжественно объявилъ Вовиста.

— Собственно идея принадлежитъ ландграфинѣ. Ей хочется выдать замужъ Мауеринскъ и она остановила свой выборъ на васъ.

— Фрейлину-то! — за меня?

— Понятно, что васъ возведутъ тогда въ дворянское достоинство, — сказалъ Баскецерь, покосившись на него и усиленно раскуривая свою сигару.

— Гроизъ и молнія! — вскричалъ актеръ. — Дворянское достоинство! И вѣдь она хорошенькая! Я часто видалъ ее въ придворной ложѣ.

— У нея всё таланты, — продолжалъ Баскецерь. — Она поетъ сольфеджіо и пишетъ масломъ и укусомъ.

— Пишетъ масляными красками! — въ восторгѣ вскричалъ Бовиста. Онъ уже представлялъ себѣ, какъ жена будетъ писать съ него портреты въ его главныхъ родахъ. — Что же она пишетъ?

— Все, что хотите. Мужчинъ во весь ростъ, въ костюмахъ, и пасущихся коровъ, любовныя сцены и лѣсоильни. Чудесно пишетъ.

— Гдѣ она? Дайте мнѣ упасть къ ея ногамъ! — трагически вскричалъ Бовиста.

— Потщитесь, любезнѣйшій! Вы знаете пока только активъ, но, какъ человекъ опытный, вы должны понимать, что тутъ, какъ и во всякой торговой сдѣлкѣ, есть и пассивъ.

Актеръ наострилъ уши.

— Активомъ будутъ для васъ, — продолжалъ Баскецерь: — дворянское достоинство, вступленіе въ старинную знатную семью и роскошная красавица-жена.

Онъ помыслилъ, давая время этимъ пріятнымъ статьямъ актива произвести свое дѣйствіе на духъ и плоть великаго трагика.

— Пассивъ состоитъ, — осторожно продолжалъ Баскецерь, — въ обязательствѣ усыновить маленькую дочку ландграфа, на что новѣега ваша, конечно, дала бы свое согласіе.

— Чортъ возьми! — вскричалъ Бовиста, вращая зрачками. — Значить, ея дочка?

— Pater certus, — проговорилъ Баскецерь; — mater, — онъ пожалъ плечами. — Но кто усыновить это дитя, — прибавилъ онъ самымъ положительнымъ тономъ, — тотъ нѣкоторымъ образомъ вступитъ въ ландграфскую семью. Это будетъ связь не только съ ландграфомъ, но и съ ландграфиней, и, такъ сказать, причисленіе къ августѣйшей семьѣ. Вы понимаете меня?

— Понимаю, — отвѣтилъ Бовиста съ совершенно глупымъ видомъ.

— Значить, вы породнитесь съ ландграфами тюрингенскими и съ саксонской династіей.

— Вѣдь правда, чортъ возьми! — рякнулъ Бовиста.

— Выборъ палъ на васъ, — продолжалъ Баскецерь, — потому что отъ васъ принцесса научится свѣтскимъ манерамъ, необходимымъ въ выснихъ сферахъ.

Глаза Бовисты блестяи смѣялись.

— Къ тому же, — продолжалъ Баскецерь, — въ театральномъ мѣрѣ подобныя случаи не рѣдкость, вы же и по натурѣ слишкомъ возвышенны, чтобы обращать вниманіе на предрасудки.

— Гизъ! — произнесъ актеръ, нерекативая зрачки на Баскецера, — а еще что есть въ пассивѣ?

— Ничего болѣе, — отвѣтилъ тотъ добродушно. — Если хотите, дворъ удовлетворится и этимъ; но заслуга ваша была бы еще выше, еслибы вы согласились принять въ свою семью и старую баронессу Мауершнекъ. Я полагаю, что это было бы для васъ приобретеніемъ. Эта дама не стала бы мѣшать вамъ, а въ общество украсило бы вашу домъ. Она принимаетъ гостей какъ императрица. Присутствіе ея въ вашемъ домѣ служило бы нагляднымъ доказательствомъ знатнаго происхожденія вашей жены. Это былъ бы въ пѣнотеромъ родъ гербовъ въ вашемъ щитѣ, визитная карточка со словами: „Г-жа Бовиста, рожденная баронесса фонъ-Мауершнекъ“. Не дурно вѣдь иногда сказать: „Моя тетуська, баронесса фонъ-Мауершнекъ“. Само собою разумѣется, что васъ нѣтъ къ чему не обязываютъ, но на вашемъ мѣстѣ я взялъ бы къ себѣ эту старушку обѣими руками.

— Подавайте сюда улитокъ! — закричалъ Бовиста рѣшительнымъ тономъ. — Ландграфъ, я — вашъ!

— Это дѣло нужно обдѣлать тонко, — пояснилъ Баскецерь. —

Я поѣду завтра въ Влизингенштейнъ и, если вы уполномочите меня, то закрѣплю за вами фрейлейнъ Ванду.

— Дадь всякія полномочія, устные и письменныя; и если вы уладите это дѣло, Васкецеръ, то Николай фонъ-Бовиستا будетъ вамъ по гробъ благодаренъ.

— Bravo! долей Никола! Идетъ въ садъ Гиненеля въ качествѣ рыцаря Николая!

— А вы ручаетесь, что всѣ обѣщанія будутъ выполнены?—спросилъ Бовиستا, вдругъ одумавшись.

— Вы получите, счастливецъ, дворянскую грамоту во время брачной церемоніи.

Оба поднялись съ мѣсть, чокнулись въ послѣдній разъ рюмками и подъ руку вышли изъ гостиницы. Стоявшій въ дверяхъ хозяинъ низко поклонился имъ.

— Молодець этотъ Васкецеръ!—сказалъ онъ, проводивъ ихъ глазами.—Навѣрное его выберутъ депутатомъ и—кто знаетъ—возможно, онъ сдѣлается когда нибудь и министромъ.

Когда друзья разстались, простившись съ горничными руководителіями, Васкецеръ увидѣлъ вдали идущаго къ нему на встрѣчу Геннегауера. Въ послѣднее время они встрѣчались почти какъ незнакомые, но теперь Васкецеру вадумалось обратиться къ нему за услугой.

— Мнѣ нужно отлучиться дня на два въ Влизингенштейнъ,—сказалъ онъ ему.—Дозволите вы мнѣ передать пока моихъ больныхъ вашему ассистенту?

— Я самъ къ вашимъ услугамъ съ моею скромною помощью,—отвѣтилъ Геннегауеръ,—и, разумеется, не помѣшаю и ассистенту быть вамъ полезнымъ.

— А какъ идетъ слѣдствіе о покражѣ?—спросилъ Васкецеръ, дружески идя съ нимъ рядомъ.

— Отлично!—отвѣтилъ еврей, съ горечью засмѣявшись.—Сегодня утромъ я узналъ, что мнѣ самому грозитъ арестъ.

— Вамъ? поздравляю!— со смѣхомъ вскричалъ Васкецерь.— Прокурорская власть дѣйствуетъ, по крайней мѣрѣ, послѣдовательно. Съ задержаніемъ кассира, сторожа и директора, были бы задержаны въ госпиталѣ почти всѣ, кто не кралъ. Но почему вы знаете, что вамъ грозитъ арестъ?

— Самъ судебный слѣдователь сказалъ мнѣ. Не существуетъ людей, болѣе откровенныхъ, чѣмъ наша смекная полиція. Дѣло было вотъ какъ: при всей инерціи, съ которою ведется слѣдствіе, все же догадались предостеречь публицу черезъ газеты отъ пунки краденыхъ денегъ. Тогда директоръ ганзейскаго банка въ Гамбургѣ далъ знать, что онъ еще въ іюлѣ купилъ всѣ билеты съ указанными номерами у нѣкоего субъекта, выдавшаго себя за директора Геннегауера изъ Румпенгейма. А такъ какъ въ іюлѣ я заплылъ на Нѣмецкое море, то легко могло случиться, что я былъ въ ту пору проездомъ въ Гамбургѣ. Разушеется, слѣдователь привалъ изъ убѣжденію, что такъ оно и было, и что я, какъ честный воръ, не скривъ своего имени отъ банка. Все это слѣдователь любезно самъ сообщилъ мнѣ. Чтобы удостовѣриться въявь, представитель закона взялъ здѣсь въ магазинѣ мою фотографическую карточку и послалъ эту кофислованную жидовскую фizioномію въ Гамбургъ съ подробными разспросами о бумагахъ, какія я предъявлялъ банку въ удостовѣреніе моей личности, и съ указаніемъ монхъ особнхъ прийтѣ, какъ-то: манеры жестулировать, легко раздражаться и проч. Онъ далъ мнѣ сегодня прочесть этотъ документъ, и мнѣ доставило особенное удовольствіе такъ хорошо узнать себя. Но, къ великому разочарованію г. слѣдователя, въ отвѣтъ говорилось, что приложенная фотографія не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ тѣмъ лицомъ, которое мнѣяло въ банкѣ русскія облигаціи; что то лицо вовсе не принадлежало къ племенн авраамову, а представляло собою маленькаго, толстаго человѣчка, съ волосами съ просѣдью, остриженными надъ гребенку, съ большими усками, общнхъ обликовъ подходящаго къ типу

мелкаго чиновника. Удостоверенія въ личности отъ него не требовали, такъ какъ въ банкѣ свидѣтельствуютъ только дѣйствительность денегъ, а не промѣщика; быстрота банковыхъ операций не позволяютъ входить въ такія подробности. Такъ какъ въ то же время изъ Нордерней пришло извѣстіе, что, по наказанію хозяина гостиницы, тайный совѣтникъ Гемнегауеръ, въ свое короткое пребываніе тамъ, не отлучался ни на одинъ день и проживалъ и обѣдалъ ежедневно въ гостиницѣ, то прокуроръ снова возмнилъ изъ которое довѣріе въ мою честности и съ дѣтскими чистосердечіемъ показалъ мнѣ документы, приложенные къ дѣлу, спрашивая не узнаю-ли я продавца билетовъ по тѣмъ принѣтамъ, которыя даетъ гамбургскій банкъ. У меня, конечно, есть свои предположенія, да и у васъ, какъ я вижу.

Бавенперъ кивнулъ головой, лукаво прищуривъ глаза.

— Ну, такъ вотъ я и предложилъ прокурору послать конфиденціально въ Гамбургъ фотографіи изъ исторіи гессендъ, чтобы узнать, основательно-ли мое подозрѣніе. „За это насъ могутъ обвинять въ диффамации“, — возразилъ мнѣ бѣдлага, показавъ ключами. И тѣмъ болѣе я горячился, возмущенный его извѣрчіемъ, тѣмъ холоднѣе становился этотъ тупоголовый человѣкъ. Наконецъ онъ потерпѣвшаго вынулъ часы, нужно заправилъ свое бѣдро и направилъ объяснилъ, что его ждутъ на ренстинцію квартета у старухи Мауершнесъ, и что онъ еще „подушаетъ“ о вашемъ дѣлѣ. Но для меня-то все это не безразлично. Я не оставлю Руннегейма пока не добьдсь разъясненія этой исторіи, иначе они все спалатъ на меня за мою ошибку. Поэтому я тотчасъ пошелъ къ фотографу на рыночной площади и попросилъ его показать мнѣ коллекцію всѣхъ лицъ, снимавшихся у него въ эти послѣдніе года. Я нашелъ фотографіи многихъ достойныхъ и высокодостойныхъ согражданъ, но физиономіи уволеннаго бухгалтера госпиталя не нашелъ. Между тѣмъ, принѣты, данныя гамбургскимъ банкиромъ, подходятъ къ нему какъ нельзя точнѣе. Не можете-ли

вы добыть для меня его фотографическую карточку? Я самъ послалъ бы ее тогда въ Гамбургъ.

— Не хотите-ли и мою въ вашу коллекцію?—спросилъ Баскецерь, скорчивъ забавную мину.

— Нѣтъ, коллега,—отвѣтилъ Геннегауеръ, засмѣявшись;—вы вѣтъ конкурса. Но если бы вы, въ качествѣ бывшего агента и комисіонера, добыли для меня эту фотографію, то я былъ бы вамъ очень благодаренъ. Я не могу уѣхать отсюда, не доведя до конца этого дѣла.

Глазки Баскецера заблестѣли и онъ настожилъ свои красныя уши. Ему представилось, какая заманчивая перспектива открылась бы передъ нимъ, если бы Геннегауеръ оставилъ свое мѣсто въ госпиталѣ.

— Ваше довѣріе льститъ мнѣ,—отвѣтилъ онъ.—Если въ гимназій мы умѣли добывать портреты нашихъ избранницъ, то неужли теперь не добудемъ портрета какого-то жалкаго бухгалтера? Уже я придумаю для этого какойнибудь фортель. Какъ скоро прелестный образъ будетъ въ моихъ рукахъ, я самъ принесу его къ вамъ, чтобы онъ не заблудился. Вѣдь на вашу скромность можно положиться?

— Даю вамъ честное слово,—сказалъ Геннегауеръ, протягивая ему руку, которую Баскецерь горячо потрясъ.

Они разстались и Баскецерь пошелъ къ одному изъ своихъ пациентовъ, чтобы рекомендовать ему Геннегауера на время своего отсутствія. Послѣ этого онъ прямо отправился къ бухгалтеру.

„Нужно выпроводить поскорѣе отсюда этого еврея,—размышлялъ онъ.—Судя по тому, какъ стоять въ настоящее время мои акціи, я навѣрное буду его преемникомъ. А онъ, очевидно, напалъ на настоящій слѣдъ. Дѣло только за фотографіей. Но какъ добыть-то ее?“

Онъ сдузьялъ свои толстыя губы въ видѣ хобота. „Погоди, вотъ какъ!—сказалъ онъ себѣ наконецъ.—Мы поднесемъ ландгра-

финѣ альбомъ съ портретами бывшихъ служащихъ при госпиталѣ. Конечно, она снова будетъ его высокою покровительницей. Само собою разумѣется, что и бывший бухгалтеръ долженъ попасть въ этотъ альбомъ. Діакониссы будутъ фигурировать въ немъ въ своихъ чепцахъ съ крыльями, которыя онѣ могутъ растопырять вволю. Нужно будетъ втиснуть туда и мой портретъ въ качествѣ бывшаго ассистента; это напомнить обо мнѣ и поставить меня на очередь какъ ближайшаго кандидата на открывающуюся ваканцію. Нужно также присоединить видъ нѣкоторыхъ палатъ и новыхъ барачковъ, да еще портретъ старухи Ганъ со всѣми поварятами. То-то возрадуется сердце нашей матушки-государыни! Ура!“

Размышляя такимъ образомъ, Васкецеръ пришелъ къ дому бывшаго бухгалтера и поднялся по лѣстницѣ. „Плуть-то живетъ недурно, не смотря на отставку,—подумалъ докторъ.—Ишь, зеркальныя стекла. Дурная примѣта!“

Служанка ввела его въ гостиную и попросила подождать, такъ какъ господинъ бухгалтеръ — его продолжали такъ называть—еще не вышелъ изъ-за стола.

Васкецеръ съ любопытствомъ осматривалъ комнату, убранныю не безъ претензіи на роскошь.

— Все новыя вещи,—сказалъ себѣ маленькій докторъ.—Обыкновенно люди, потерявшіе мѣсто, не заводятъ себѣ новой обстановки.

Во время обзора ему бросился въ глаза альбомъ съ фотографіями, украшавшій столъ въ гостиной. Васкецеръ проверю открылъ его и на первой же страницѣ увидѣлъ очень удачную фотографію бывшаго бухгалтера госпиталя. Безъ обиняковъ вынувъ ее изъ альбома, Васкецеръ сунулъ ее къ себѣ въ карманъ, положилъ альбомъ на прежнее мѣсто и сказалъ себѣ: — „Вотъ такъ-то прощѣ! Никакихъ объясненій не понадобится съ этимъ плутомъ. Онъ, пожалуй, еще почувствуетъ, что быть бѣдѣ, и, конст-

но, станеть увертываться. А поднесеніе альбома мы все-таки устроимъ. Эта мысль слишкомъ хороша, чтобы отказаться отъ нея“.

Сдѣлавъ свое дѣло, Баскецерь ушелъ, не дожидаясь появленія хозяина.

Немало удивился бывшій бухгалтеръ, когда, еще прожевывая послѣдній кусокъ, вышелъ въ гостиную и нашель ее пустою. Онъ успокоилъ себя тѣмъ, что приходившій гость разсердился, что его заставили ждать, и, конечно, зайдетъ опять. Баскецерь, котораго онъ мало зналъ, былъ послѣдній человѣкъ, котораго онъ могъ предположить въ ушедшемъ посѣтителѣ. Между тѣмъ, спустя часъ послѣ разговора съ ловкимъ Одиссеемъ, желанная фотографія была уже въ рукахъ Геннегауера, который безотлагательно отправилъ въ Гамбургъ всю галлерей заподозрѣнныхъ. Именъ онъ не приложилъ, чтобы никого не компрометировать, но перенумеровалъ фотографіи и просилъ возвратитъ ихъ ему по возможности скорѣе съ надлежащими пригѣчаніями.

Въ то время, какъ еврей дѣйствовалъ осторожно, чтобы не компрометировать невинныхъ, письмо гамбургскаго банкира, безвѣчно приложенное прокуроромъ къ дѣлу, было прочтано регистраторомъ, который въ тотъ же вечеръ рассказалъ всѣмъ въ „Красной Башнѣ“, что лицо, продавшее въ августѣ въ Гамбургѣ настоящія русскія облигаціи, назвалось Геннегауеромъ. Правда, прокуроръ при первомъ же случаѣ объяснилъ ошибку и задалъ нагоняй своему болтливому подчиненному, но сѣмя подозрѣнія было брошено и пало на благодарную почву. Облигаціи были проданы какъ разъ въ то время, когда Геннегауеръ находился въ Нордерней. Для рунпенгейскихъ гражданъ это было не предположеніе, а положительная улика.

— Стало быть, рабочіе были правы, — толковали они. — Да, дѣйствительно, голосъ народа — голосъ Вождя.

Извѣстно стало и опроверженіе, полученное прокуроромъ изъ Гамбурга, но объ этомъ фактѣ мало говорили и не придавали ему

большого значенія. Всякій отдѣльный фактъ друга Геннегауера— были у него и друзья—могли блистательно опровергнуть; но какъ опровергнешь смутное, ни на чемъ не основанное подозрѣнiе? Какъ летучая мышь, которая порхаетъ вокругъ, влетая и вылетая въ окна, такъ леталъ по городу слухъ, что Геннегауеръ мѣнялъ въ Гамбургѣ русскія облигаціи,—слухъ, постоянно опровергаемый и постоянно возникающій вновь.

Сѣрое, дождливое небо простиралось надъ Близигенштейномъ и надъ террасой кургауза, гдѣ Сигмундъ Браунъ рыцарски вступился за двухъ дамъ. На этой самой террасѣ, подъ защитой навѣса, сидѣлъ онъ теперь съ Вандой Мауершнекъ, глядя на морозящій мелкій дождь.

— Этому дождю не будетъ конца,—сказалъ Сигмундъ, зѣвая.

Ванда ничего не отвѣтила. Она глядѣла со скучающимъ видомъ на словый лѣсъ и на старыи замокъ, вокругъ котораго клубились облака.

— Дождь перестаетъ,—вскричала она наконецъ, расправляя свои роскошные члены.—Можно хотъ пройтись. Одервянѣешь отъ этого сидѣнья.

Они распустили дождевые зонтики и пошли тихими шагами по аллеѣ, которая вела въ гору, къ деревнѣ. Вода капала съ сучьевъ на зонтики. Дойдя до крайняго дома деревни, Ванда подняла голову, глядя въ верхнія окна. Сигмунду вспомнилось, какою прелестной показалась ему эта женщина, когда онъ увидѣлъ ее въ этомъ домѣ съ ребенкомъ на рукахъ, и какъ торопливо она положила его, замѣтивъ, что на нее смотрять. Но онъ не смѣлъ высказать вслухъ своихъ воспоминаній, такъ какъ при первой его попыткѣ коснуться ея прошлаго она рѣзко остановила его, говоря, что онъ можетъ, если хочеть, дѣлать раскопки на своей собственной землѣ, въ которой еще многое скрыто, о чемъ она не

дворашивасть. Постоу онъ премолчалъ и теперь, но воспоминаше это усилило его дурное расположеніе духа.

Медленно и молча продолжали они идти по улицѣ до церкви, стоявшей за деревней. Когда они дошли до нея, дождь усилился. Чтобы укрыться отъ него, они прижались къ стѣнѣ подъ небольшою порталомъ, и Ванда съ нескрываемымъ раздраженіемъ схватилась за ручку двери, въ надеждѣ укрыться въ церкви и спасти отъ дождя свое лучшее платье. Дверь оказалась незапертою и они вошли, но Ванда не вошла далѣе; мертвый воздухъ въ церкви былъ неприятенъ ей. Что касается до Сигмунда, то онъ прошелъ между пустыми скамьями мимо каедръ къ алтарю, по правую руку котораго находилась дверь въ ризницу. Онъ заглянулъ туда, ожидая увидѣть тамъ пастора или кистера, но ризница была пуста. Очевидно, церковная дверь осталась незапертою по забывчивости. На стѣнѣ висѣла черная мантия проповѣдника. На столѣ лежали библія и трюбинъ, изъ котораго висѣли бѣлыя ленты заложекъ. За чернильницей лежала еще кучка духовныхъ книгъ, служившихъ пастору пособіемъ во время конфирмаціоннаго ученія. Вся эта обстановка заставляла Сигмунда почти съ грустью вспомнить то время, когда и самъ онъ, въ такомъ же тихомъ убѣжищѣ, училъ молодежь какъ нужно жить, чтобы быть счастливымъ,—училъ тому, чего самъ не исполнялъ. Какое-то особенное, неясное чувство пробудило въ немъ видѣ всѣхъ этихъ предместовъ. Онъ машинально взял со стола книгу, которая была оставлена раскрытою. Это была „Исторія св. Августина“. Сигмундъ прочелъ это имя съ особеннымъ чувствомъ. „Вѣдь вотъ тоже былъ великій грѣшникъ,—подумалъ онъ,—а въ концѣ концовъ сталъ учителемъ народовъ“. Онъ машинально перевертывалъ страницы хорошо знакомой ему книги и, остановившись на одномъ мѣстѣ, прочелъ: „Поздно полюбить я тебя, вѣчная и столь новая для меня красота,—поздно! Ты была во мнѣ, а я искалъ тебя внѣ себя. Ты сіяла все ярче и ярче, а

я былъ слѣпъ, пока свѣтъ твой не озарилъ меня. Ты повѣла и я началъ дышать; вкусивъ тебя, я алчу и жажду“.

Сигмундъ долго глядѣлъ на одиѣ и тѣ же строки и, казалось, мысли его были далеко. Слова эти тронули въ немъ струну, которую онъ считалъ давно замолкшею. Онъ не сознавалъ, долго-ли простоялъ такимъ образомъ. Прислонившись къ косяку двери, онъ глядѣлъ изъ ризницы въ пустую церковь. „Всѣ эти деревенскія церковьки, — думалъ онъ, — на одиѣ манеръ. Здѣсь кафедра, адѣсь алтарь, здѣсь скамьи. Вотъ и въ Лаубгеймѣ была точно такая же“. Прислонились ему и его старыя проповѣди при видѣ этихъ пустыхъ скамеекъ, предназначенныхъ для простого деревенскаго люда. Какъ въ раковинѣ, приложенной къ уху, слышется шумъ океана, такъ въ этомъ пустомъ пространствѣ чувствовалось душѣ Сигмунда вѣчнiе вѣчности, мыслимъ о которой оно было посвящено. Ему слышались звуки органа и голоса общины, поющей: „Вѣдний я смертный, бѣдний я грѣшникъ“. Дикій виноградъ, заплетавшій око возлѣ кафедры, пропускалъ въ него таинственный зеленоватый свѣтъ. Сигмунду вдругъ стало жаль своего мирнаго садика при пасторскомъ домѣ въ Лаубгеймѣ. Какъ хорошо чувствовалъ онъ себя тамъ въ первое время, когда простосердечная паства его обрадовалась къ нему съ полнымъ довѣренiемъ! Какъ онъ былъ счастливъ, пока въ сердце его не закрались сомнѣнiя и раздвоенiе! И для чего онъ пожертвовалъ всѣмъ этимъ? Для науки. Для теоретическаго мышленiя, которому не удалось, однако, наполнить его жизни. Ему казалось, что онъ долженъ взойти на эту кафедру, начать проповѣдывать, чтобы облегчить тяжесть, давившую его сердце. Правда, онъ не вѣрилъ въ то, что проповѣдуется съ этихъ кафедръ; но вѣрилъ-ли онъ въ свое невѣрiе? Для чего онъ жертвовалъ этой мирной дѣятельностью? Для жизни, полной разочарованiй. Изъ пастора онъ превратился въ плохого ученаго, плохого журналиста, плохого учителя и, наконецъ, въ плохого членовѣка. Въ ушахъ его зазвучали нѣжные голоса его дѣтей, кото-

рыхъ онъ такъ преступно покинулъ. Если бы можно было стереть изъ своей жизни всѣ тѣ года, которые прошли съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ быть пасторомъ! Его охватило на мгновеніе то чувство, съ какими онъ шелъ въ первый разъ въ церковь въ Лаубгеймъ, рядомъ съ Анжеликой.

— Да, я вѣрю, что есть адъ, — сказалъ онъ, хватаясь за сердце, — и вѣрю, что есть рай, котораго я лишился.

— Сегодня вечеромъ идетъ балетъ „Сатанелла“, — раздался возлѣ него голосъ, отъ котораго онъ вздрогнулъ, словно ужаленный иголкой.

— Что съ тобой? Примерещилось тебѣ что нибудь? — спросила Ванда, уволотая выраженіемъ страха и отвращенія, изображавшимся на его лицѣ. Ты становишься нервнымъ отъ праздности.

— Отъ праздности, — машинально повторилъ онъ. — То же самое говорила всегда и Анжелика, — прибавилъ онъ, все еще не возвращаясь къ дѣйствительности.

Ванда ирочно посмотрѣла на него и, казалось, хотѣла сказать что-то колкое, но удержалась.

— Ты права, — сказалъ онъ, приходя въ себя; — человекъ долженъ работать. Мнѣ пришло сейчасъ въ голову: не сдѣлаться ли мнѣ опять пасторомъ.

— Пасторомъ! Поздравляю! — вскричала она рѣзкимъ, неприятнымъ тономъ, и направилась къ двери.

Она угадала, въ какомъ состояніи духа онъ находится, но ничего не прибавила и только презрительно пожала плечами. Молча распустила она свой зонтикъ и пошла домой въ сопровожденіи своего также молчавшаго кавалера. У калитей ограды имъ встрѣтились дѣти, собравшіеся въ конфирмаціонный классъ. Они повлѣлись имъ и Сигмундъ отечески погладилъ русую голову ближайшаго къ нему мальчика. Когда-то и къ нему собирались учиться такіе же вучки дѣтей, а теперь — кто онъ?

Смиренно шелъ онъ позади аристократки, которая считала себя важнѣе другихъ, пока умѣла сохранять свою выдержку и для которой неумѣнье держать себя было хуже преступленія.

Когда они дошли до гостиницы, швейцаръ подавъ Вандѣ визитную карточку, доложивъ, что посѣтитель остановился въ гостиницѣ и жаждетъ представиться фрейлейнъ фонъ-Мауершнекъ.

— Скажите этому господину, что я сейчасъ приду его, — сказала Ванда швейцару, передавая карточку Сигмунду. На ней стояло: „Д-ръ Баскецерь, лейбъ-медикъ его свѣтлости ландграфа“.

— Поди пока въ читальню, — шепнула она, нѣсколько взволнованная, Сигмунду. — Мнѣ нужно поговорить съ нимъ наединѣ.

Тотъ иронически поклонился и ушелъ въ ресторанъ, гдѣ вѣдѣлъ подать себѣ рюмку абсента. Большая зала кургауза казалась неуютной и нежилой въ своей холодной пышности. Гостей въ это позднее время года не было и лишь изрѣдка пробѣгали черезъ залу кельнеръ, оставляя за собою двери отворенными. Сигмундъ просмотрѣлъ газеты, но онѣ наскучили ему своими перебранками и рекламами. Имъ никто болѣе не занимался, онъ уже считался стѣпнымъ. Чѣмъ долѣ сидѣлъ онъ, тѣмъ грустнѣе становилось настроеніе его духа. Плачь прочнаго союза съ этой Вандой казался ему теперь смѣшнымъ, а предложеніе ея вѣдѣсть завести институтъ для образованія дѣвицъ представлялся ему въ эту минуту просто-на-просто кощунствомъ. Да и сама она, какъ онъ помалѣе теперь говорила это не серьезно. Зачѣмъ же она уговорила его уѣхать съ нею? Или просто для того, чтобы отомстить Анжеликѣ? Или же, чтобы наполнить двѣ недѣли своей жизни новой интригой? Впрочемъ, можетъ быть, онъ и нравился ей, вѣдь онъ красивый мужчина, а она... Онъ иронически усмѣхнулся.

Прислонившись къ спинкѣ стула, Сигмундъ размышлялъ, что ему дѣлать теперь съ собой и съ этой Вандой. „Мы могли бы оба застрѣлиться, — говорилъ онъ себѣ, — но вѣдь она упрется. При-

даться мнѣ одному устроить это, чтобы закружить свою разбитую жизнь достойными концами”.

Онъ сидѣлъ, углубившись въ самого себя, нога его не вывали изъ этого состоянія тяжёлые шаги. Поднявъ глаза, онъ увидѣлъ передъ собою Баскепера.

— Э-ге-ге! Какой у тебя видъ-то!—произнесъ маленькій гномъ.

— Какой же!—угрюмо спросилъ Сигмундъ.

— Да такой, какой бываетъ у человѣка, который убѣдился, что онъ оселъ, и охотно вернулся бы подъ старое, легшее ядро, чѣмъ тащить грузъ, въ который запрягся.

Сигмундъ мрачно поглядѣлъ и незамѣтно кивнулъ головой.

— Возможно-ли было бросить жену и дѣтей для подобной перпрыгуньи...

— Оставай, пожалуйста,—съ досадою проговорилъ Сигмундъ.

— Всѣ вы, поэты, таковы!—дружески засмѣялся Баскеперъ.— Всѣ вы, люди съ прекрасными чувствами, на одинъ манеръ. Забредете въ болото, гоняясь за блуждающимъ огонькомъ, а протянутой руки, которая хочетъ васъ вытащить, не берете. Ничто, молъ, не долженъ видѣть, куда мы забрались. Лучше увязнуть. Но передо мною-то тебѣ невачѣмъ стѣсняться; я самъ сидѣлъ по уши въ болотѣ,—прибавилъ онъ, садясь возлѣ Брауна и располагаясь читать длинное правоученіе.

Но Браунъ вскочилъ, схватилъ свою шляпу и убѣжалъ.

— Сигмундъ, да выслушай меня!—кричалъ Баскеперъ.

Но видя, что тотъ не возвращается, онъ также взялъ шляпу и послѣдовалъ за Брауномъ, встревоженный его возбужденнымъ видомъ. Дойдя до двери, онъ поглядѣлъ вслѣдъ бѣглецу, поднимавшемуся крупными шагами на холмъ насупротивъ гостиницы. Баскеперъ побѣждалъ за нимъ такъ быстро, какъ позволяли его короткія ноги, и занявшись кричалъ:

— Браунъ! Браунъ!.. Но Сигмундъ, слышавъ погоню,

быстро взбѣжалъ на гору и скрылся въ словозъ лѣсу. Баскецерь остановился, съ трудомъ переводя духъ.

— Нѣтъ, не могу! — отдувался онъ. — Фу, какъ легкія работаютъ! Еще ударъ схватишь съ этими дураками! — и онъ въ раздуми спустился назадъ съ горы, спрашивая себя, что тутъ дѣлать.

— Нужно написать его женѣ. Пускай она пріѣдетъ сюда до грѣха. Если не ошибаюсь, у этого красавчика подъ шляпой все въ порядкѣ. Однако, нужно поспѣшить. Вѣдь ночь отходитъ черезъ четверть часа.

Онъ досталъ изъ бумажника почтовый бланкъ и написалъ на немъ нѣсколько строкъ синими карандашомъ, которыми обыкновенно прописывалъ рецепты. Сущность написаннаго заключалась въ томъ, что онъ засталъ Сигмунда въ Близигенштейнѣ совершенно одного и въ сильно возбужденномъ состояніи духа. Какая-то странная ипохондія мѣшаетъ ему вернуться домой, куда онъ видимо стремится всѣми силами своей души. Если Анжелика не пріѣдетъ а нишъ сама, то онъ, Баскецерь, низа что не ручается. — Хоть бы что нибудь чувствительное пришло на умъ для того, что бы эта дамочка получила обо мнѣ лучшее мнѣніе, — подумалъ онъ. — Никакъ не могу примириться съ мыслью, что она презираетъ меня“.

„Я пишу вамъ это, — продолжалъ онъ, — въ увѣренности, что стоитъ вамъ только сдѣлать рѣшительный шагъ, и все снова войдетъ въ надлежащую колею; я надѣюсь, что и въ этомъ случаѣ любовь и вѣрность восторжествуютъ надъ слабостью и извѣной“.

— Вотъ такъ-то лучше! Да! еще нужно приписать:

„Вамъ, можетъ быть, не безынтересно узнать, что фрейлейль Ванда Мауершнекъ помолвлена сегодня съ г. Вовистой. Бравосчетаніе произойдетъ на-дняхъ въ Румпенгеймѣ“.

Баскецеру удалось опустить письмо до отхода почты.

— Ну, завтра эта храбрая дамочка можетъ быть уже здѣсь, — сказалъ онъ себѣ, — а я постараюсь попридержать этого взбѣленившагося дурака, покуда онъ не поступитъ въ домашнюю клинику!

Какъ бы только избѣжать столкновенія съ той, что на верху? Эта баба — настоящій сатана. Не завидую я Бовистѣ! Да еще этого шололаднаго дракона, тетушку, дадутъ ему на придачу!

Возвращаясь въ гостинницу, онъ наткнулся въ дверяхъ на маленькую, рыженькую даму.

— Ахъ, г-нъ докторъ, не видали-ли вы моего мужа?—спросила она плаксивымъ тономъ.

— Директора Зауерампфера?—сказалъ Баскецеръ, приподнявъ плечу.—Бъ сожалѣнью, не видалъ. Но я всего нѣсколько часовъ, какъ прїѣхалъ сюда.

— Я все утро ищу его, — сказала г-жа Зауерампферъ, видимо сильно озабоченная.—Онъ писалъ мнѣ такіа грустныя письма, что я тотчасъ же причалась сюда, но не нашла его ни въ кургаузѣ, ни въ паркѣ, и никто не знаетъ, гдѣ онъ.

— Такъ поимемъ вмѣстѣ, — услужливо вызвался Баскецеръ.— Я тоже ищу здѣсь д-ра Брауна, вотъ мы и пойдемъ вмѣстѣ ловить нашихъ ученыхъ господъ.

— Доктора Брауна?—повторила директорша съ явнымъ ужасомъ.—Этого ужаснаго человѣка, обѣжавшаго съ фрейлиной?

— Не вѣрьте слетнямъ, — строго замѣтилъ докторъ.—Фрейлина же помянута съ Бовистой. На-дняхъ и свадьба.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вѣдь вотъ какъ нынче всѣ изолгались!

— Это все наша мерзкая печать виновата, — съ достоинствомъ замѣтилъ лейбъ-медикъ.

Между тѣмъ Сигмундъ, убѣгая отъ грубыхъ распросовъ Баскецера, шагаль наудачу по лѣсу. Недоставало еще, чтобы этотъ голытый медвѣдь расковыривалъ его душевныя раны своими неуклюжими лапами. И безъ того уже онъ чувствуетъ себя униженнымъ, опозореннымъ, уничтоженнымъ нравственно. Какія воспоминанія поставилъ онъ теперь между собою и своею женой? Развѣ нуждался онъ въ ея письмѣ, чтобы убѣдиться въ ея невинности? Когда разсѣлся первый чадъ его страсти къ Вандѣ, онъ и самъ

сказалъ себѣ, что ироническое „да“ его жены могло относиться только къ тому визиту ея къ Геннетауеру, когда она звала его на помощь къ мужу. И зачѣмъ она не дала ему умереть тогда! Не было бы въ его жизни этого праздно убитаго года; не было бы этихъ тяжелыхъ, непоправимыхъ ошибокъ! Въ ту пору онъ падалъ въ бездну, какъ олень, преслѣдуемый сворой собакъ, теперь же его толкаетъ къ смерти грызущій червь раскаянн.

Немного погодя, онъ очутился на краю ущелья, которое спускается отъ замка къ ваннамъ и потомъ вдоль свѣтлаго горнаго ручья, который то бѣжалъ по камнямъ желкой струей, то падалъ каскадами, выдалбливая въ гранитѣ глубокіе водоемы. Сигмундъ надѣялся, что который нибудь изъ этихъ водоемовъ окажется достаточно глубокимъ, чтобы скрыть его остовъ, когда онъ спрыгнетъ съ утеса и разобьетъ свою пылающую голову. Онъ бѣжалъ впередъ, не переводя духа. Его уже издали манило тѣнистое мѣстечко, поросшее ольхой, гдѣ стояла тихая, глубокая вода, отражавшая берегъ. Если онъ спрыгнетъ вонъ съ того мѣста на торчащія внизу високія сказы, то достигнетъ своей цѣли не тѣмъ, такъ другимъ путемъ. Онъ подошелъ къ краю и заглянулъ внизъ. Какъ манить къ вѣчному покою эта чистая горная вода! Какъ разница — спрыгнетъ-ли онъ въ нее съ доски, какъ дѣлалъ сотни разъ купальскіе, или съ этого утеса, чтобы найти себѣ вѣчный покой въ прохладѣ воды? „Кто неспособенъ покончить съ рази, — говорилъ онъ себѣ, — тотъ, какъ датскій принцъ, никогда не достигнетъ цѣли. Спасибо Васкеперу! Онъ далъ мнѣ толчокъ, и я буду внизу прежде чѣмъ Гамлетъ вновь оживетъ во мнѣ“.

Онъ уже искалъ глазами тропинки, по которой можно было бы взобраться на высоту, какъ вдругъ вниманіе его было привлечено тихими стонами.

Прислушавшись, онъ ясно различилъ болѣзненный стонъ, доносившійся изъ ближнихъ кустовъ. Сигмундъ вздрогнулъ. Не зайти-ли его кто нибудь? Не угадалъ-ли его нащупаніе? Стонъ

повторился. Сигмундъ пошелъ къ тому мѣсту, откуда долетали стоны, и увидѣлъ лежащую въ тростникѣхъ темную фигуру. Голова лежала на камнѣ, а тѣло увязло въ береговомъ болотѣ. Сигмундъ наклонился и различилъ пожилого мужчину въ темномъ платьѣ, съ лысымъ лбомъ. Очевидно, онъ упалъ въ воду наверху и былъ снесенъ сюда и выброшенъ на берегъ водопадомъ. Это неожиданное зрѣлище заставило Сигмунда забыть о своихъ намѣреніяхъ. Онъ острадательно перетащилъ стонущаго и окоченѣвшаго отъ холода старика на сухое мѣсто, приподнял его туловище и прилепилъ къ утесу. Мокрыя, слипшіеся волосы длинными прядями свѣшивались съ головы. Незнакомецъ открылъ глаза и взглянулъ на своего спасителя съ явною ненавистью. Тутъ только Браунъ узналъ въ немъ директора румпенгеймской гимназіи.

— Г-нъ Зауерамиферъ!—съ изумленіемъ воскликнулъ онъ.— Какъ вы себя чувствуете?

Старый ученый дико посмотрѣлъ на него и пробормоталъ:

— Вы же довели меня до могилы, а теперь мѣшаете умереть. Изъ груди его слова вырвался тяжелый, болѣзненный стонъ.

„Пожѣшался онъ, должно быть“,—подумалъ Сигмундъ. Старикъ глядѣлъ на него все тѣмъ же мрачнымъ взглядомъ.

— Вѣроятно, вы упали въ воду, когда ботаницировали, — сказалъ Браунъ, чтобы помочь ему связать свои мысли.

Но директора сердито покачалъ головой.

— Понятно, что вамъ хочется объяснить дѣло просто, — сказалъ онъ.— Все люди таковы: вонзая ножъ въ сердце и уйдуть какъ ни въ чемъ не бывало. Вы забыли, что вы со мною сдѣлали.

— Блянусь, что я даже не подозреваю, что чѣмъ нибудь оскорбилъ васъ! — вскричалъ Браунъ. — Васъ обманули.

— Обманули! Но сами-ли вы, въ моеѣ собственномъ кабинетѣ, кричали мнѣ: „Поглядите на себя въ зеркало! Поглядите въ зеркало!“ Вотъ, сударь, я и послѣдовалъ вашему коварному совѣту! Когда я замѣтилъ, что нервонасласенни глауматся надо

мною, я взглядывалъ въ зеркало и мнѣ открывалось съ ужасающею ясностью, почему весь классъ презираетъ меня. Когда я чувствовалъ, что жена моя не любитъ меня, что дѣти мои не уважаютъ меня, я взглядывалъ въ зеркало. Когда всё мои попытки добиться положенія въ обществѣ разбивались о неудачи, когда знакомые не отделились на мои приглашенія или обходили меня своимъ, мнѣ довольно было взглянуть на себя въ зеркало, чтобы ясно понять причину всего этого. Но великодушно-ли было съ моей стороны напоминать мнѣ о томъ, чего я не могъ измѣнить!

Браунъ хотѣлъ объяснить ему, что онъ совершенно перетолковалъ его слова, но директоръ повелительнымъ жестомъ велѣлъ ему молчать.

— Разъ, въ субботу,—продолжалъ онъ глухимъ голосомъ,— моя бѣдная жена, *заева pupa virgo*, комнату которой собирались мнѣ, перенесла въ мой кабинетъ свое большое туалетное зеркало и поставила его напротивъ моего стѣнного. До тѣхъ поръ я видѣлъ себя только спереди, а теперь пошло иначе. Какъ бы я ни повернулся, всюду я видѣлъ себя со всѣхъ сторонъ, отъ лица черепа до плоскихъ ногъ. Тутъ только я увидѣлъ, до какой степени я безобразенъ, и понялъ причину всѣхъ затрудненій, встрѣчавшихся мнѣ на моемъ жизненномъ пути. Я не могъ скрывать отъ себя долбе, что я не что иное, какъ пугало, отъ которого люди съ отвращеніемъ отскакиваютъ, какъ отъ жабы. Какъ скоро я увидѣлъ себя и съ задней стороны, всё мои иллюзіи разсѣялись. Съ подобною наружностью борьба за существованіе можетъ быть только напрасной, безнадежной мукой. Нужно помончить съ нею,—сказалъ я себѣ.

— Но подумайте же, какое горе вы подготовляете вашей семьѣ!

— Моей семьѣ!—съ раздраженіемъ вскричалъ Зауерманферъ.— Она-то и доканала меня. Я вѣжко любилъ моихъ дѣтей и принесть для нихъ много жертвъ. Я воображалъ, что и они тоже любятъ меня, но наконецъ убѣдился, что заблуждался. Открытіе

это причинило мнѣ такое горе, что я сталъ желать смерти. Ко всему этому присоединилось и еще одно несчастное обстоятельство, сдѣлавшее для меня домъ мой настоящимъ адомъ: это помѣшательство моей жены, побуждающее ее противорѣчить каждому моему слову. Что ни сказалъ бы я, у нея на все одинъ отвѣтъ: „Ахъ, милый мой, ты ошибаешься“. Не могу вамъ выразить, какъ это раздражаетъ меня. Я совершенно не въ состояніи переносить это. Недавно я заболѣлъ сильнымъ приступомъ хронической болѣзни желудка. Вы воображаете, что мои дѣти навѣщали меня? И не думали. Они сидѣли въ смежной комнатѣ, бѣгали по корридору, не снѣмъ, но къ большому отцу и не заглядывали. Ни одинъ ни заглянулъ—ни мальчикъ, ни дѣвочка.

— Зачѣмъ же вы не позвали ихъ, когда они сидѣли въ смежной комнатѣ?—спросилъ Сигмундъ, улыбаясь.

— Я хотѣлъ испятать ихъ любовью, милостивый государь, а не послушаніе, — съ горечью возразилъ директоръ. — Но они не выдержали испятанія. Они не любятъ меня. Я ждалъ день, ждалъ два, — ни одинъ не вошелъ. Антипатія, которую внушаетъ моя наружность, пересиливала и въ дѣтахъ моихъ память о жертвахъ, которыя я принесъ для нихъ. Тогда для меня все стало ясно. Жена ненавидитъ меня, а дѣти ко мнѣ равнодушны,—сказалъ я себѣ.—Уйду я, — никто и не пожалѣетъ. Напротивъ, всѣмъ станетъ легче. Вотъ я и рѣшился принести для нихъ эту послѣднюю жертву. И принесъ бы, да ны все дѣло испортили послѣ того, какъ вы же такъ жестоко открыли мнѣ глаза.

Несчастный говорилъ полупонимомъ, запинаясь, какъ бы самъ съ собою, и, кончивъ, уставился глазами въ пространство.

— Вы навѣрное заблуждаетесь,—сказалъ Сигмундъ, тронутый горемъ бѣднаго ипохондрика, не смотря на комизмъ его разсказа. — Ваше испятаніе ничего не доказываетъ. Дѣти, какъ мотыльки, любятъ свѣтъ. Мудрено-ли, что ихъ устрашала темная комната больного? Вамъ не слѣдовало принимать этого къ сердцу.

Маленькій директоръ грустно покачалъ головой, говоря: — Нѣтъ, не пытайтесь обмануть меня. Я пригрѣлъ холодныхъ змѣй на моемъ горячемъ сердцѣ. Дѣти мои не любятъ меня. Да и гдѣ было имъ выучиться любить своего отца? Съ тѣхъ поръ, какъ пробудилось ихъ дѣтское сознаніе, они видѣли только, что мать ихъ ведетъ со мною постоянную борьбу, словно съ какимъ-то злымъ началомъ въ домѣ. Всѣ мои требованія считались преувеличенными; изъ-за меня будто бы не уживалась въ домѣ прислуга; я во всему придирался, всѣмъ былъ недоволенъ. Могли-ли послѣ этого бѣдная малютка глядѣть на меня иначе, какъ на злого духа, который отравляетъ жизнь ихъ матери и имъ самимъ? Какія жертвы ни приносилъ бы я, они все-таки глядѣли на меня глазами моей жены, — глазами, которыми и самъ я глажу теперь на себя. Я часто говорилъ себѣ: когда порвутся всѣ нити, — я повѣшусь. Я не воображалъ, что смерть дается съ такимъ трудомъ.

Онъ вздохнулъ и замолчалъ. Сигмундъ также молчалъ, не зная, что сказать. „Быть можетъ, — размышлялъ онъ, — бѣдникъ и не ошибается. Какое счастье, однако, что не всѣ мы такъ хорошо знаемъ истинныя чувства нашихъ близкихъ, какъ этотъ ассириецъ инокондріецъ!“ Онъ подумалъ объ Анжеликѣ и дѣтяхъ.

Однако, наскучившій жизнью педагогъ чувствовалъ потребность высказаться и продолжалъ, не дожидаясь возраженій:

— Быть можетъ, вы укажете мнѣ на любовь моихъ учениковъ, для которыхъ я жертвовалъ и временами моимъ, и здоровьемъ.

Но Сигмундъ былъ далекъ отъ такого утѣшенія, зная, что у этого школьнаго тирана въ концѣ каждаго учебнаго года выбивались стекла въ квартирѣ.

— Я самъ въ минуты слабости мечталъ о признательности молодежи, — продолжалъ директоръ. — Но вотъ — на будущей недѣлѣ будетъ ровно два года тому — оставилъ я однажды въ классѣ моего Сисега рго Глассо. Вечеромъ, когда сторожъ принесъ мнѣ его, я увидѣлъ, что дерзкая рука нависала на оборотѣ послѣдняго

листа слѣдующую загадку: „Первое кисло, второе кисло и цѣлое кисло“¹. Я узналъ почеркъ: это писалъ одинъ изъ моихъ любимыхъ учениковъ. Холодная неблагодарность этого юноши такъ огорчила меня, что я заплакалъ. Я позвалъ его къ себѣ и потребовалъ отъ него отчета. Онъ вытался отвертѣться, увѣряя, будто не знаетъ, что книга принадлежитъ мнѣ, и будто загадка означаетъ: Weinessig (винный уксусъ); но я прекрасно понималъ, что оно означаетъ мое несчастное имя. Я отпустилъ негодня безъ наказанія и только сказалъ ему: „Когда ученики твои будутъ глумиться надъ тобой, когда дѣти твои будутъ презирать тебя, а жена обманывать, тогда вспомни, что ты заслужилъ это, обидѣвъ старика, который не сдѣлалъ тебѣ ничего, кромѣ добра!“ Онъ ушелъ събѣсъ.

Сигмундъ молчалъ, не зная, что сказать въ утѣшеніе бѣдняка. Въ немъ проснулось сознаніе собственнаго несчастія и онъ снова погрузился въ свои мрачныя думы. Двое самоубійцъ молча сидѣли рядомъ, и Сигмунду невольно пришло на умъ, какъ различны бываютъ причины, заставляющія людей искать смерти. Наконецъ, онъ сказалъ:

— Любезный директоръ, совершенно здоровые люди бываютъ только въ учебникахъ, а совершенно счастливыя семьи—только въ романахъ. Нужно брать людей такими, какъ они есть. Недавно наше курортное общество поспорило о томъ, кто дастъ мнѣ самое трудное порученіе. Кто-то предложилъ, чтобы я принесъ три волоса Висмарка, а одна дама сказала: „Ступайте и не возвращайтесь, пока не добудете вѣнчальнаго кольца человека, вполне довольнаго своимъ бракомъ“.— „Слишкомъ долго пришлось бы искать“,—отвѣтилъ я и вручилъ ей премію. Такъ утѣштесь, не одинъ вы терпите. И наконецъ у васъ есть хорошее и полезное дѣло.

¹ Sauer—уксусъ, Amberg—шапель.

— У меня есть дѣло!— вскричалъ Зауерампферъ.— Развѣ вы не слыхали о новомъ министерскомъ указѣ, которымъ весь мой методъ признанъ напраснымъ мученіемъ юношества?

Сигмундъ покачалъ головой. Директоръ вдругъ вскочилъ на ноги и, пылая гнѣвомъ, побѣжалъ впередъ. Браунъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы свести его на дорогу, по которой онъ продолжалъ идти, сильно жестикулируя и крича:

— Постоянное возвращеніе къ этимологiи путаетъ дѣтей,— пишутъ эти люди.— Сравнительное изученіе языковъ вредитъ твердому знанію формъ каждаго въ отдѣльности. Греческое письмо излишне. Для чего же я живу? Вся моя жизнь представляется мнѣ теперь какимъ-то донкихотствомъ. Все, за что я боролся, лежитъ въ развалинахъ. Ахъ! Зачѣмъ вы не оставили меня лежать? Теперь все уже было бы кончено. Мнѣ такъ скверно!— прибавилъ онъ со вздохомъ.

Сигмундъ съ ужасомъ замѣтилъ, что старикъ сильно поблѣднѣлъ. Вся краска сошла съ его лица и казалось, что онъ сейчасъ упадетъ. Воспоминаніе о министерскомъ указѣ доканало его. Браунъ безпомощно оглядѣлся и увидѣлъ, что они дошли до крайняго дома деревни. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Зауерампферъ, словно мертвый, опустился на руки своего спутника, отворилось окно и миссъ Жозефина жалостливо спросила:

— Что съ этимъ бѣднымъ господиномъ? Отчего онъ весь мокрый?

— Само небо послало васъ, фрейлейнъ Жозефина,— сказалъ обрадованный Сигмундъ;— этотъ господинъ—пріятель Васкецера. Помогите ему.

— Подождите; мы внесемъ его сюда,— съ готовностью отозвалась миссъ Жозефина.— Надо ему согрѣться, тогда онъ оправится.

Она нитомъ сбѣжала съ лѣстницы и съ помощью этой сильной и ловкой акробатки Сигмундъ внесъ Зауерампфера въ крестьянскій домъ. Въ коннатѣ была жарко натопленная печь.

— Это для нашего ребеночка, — пояснила Жозефина. — Клаасъ! — позвала она стараго крестьянина, — принеси сухую рубаху.

Положивъ стараго педагога у печки, она безъ обиняковъ раздѣла его, переѣвнула ему мокрое бѣлье на сухое и, какъ ребенка, перенесла его въ смежную комнату.

— Съ нимъ просто обморокъ, — сказала она. — Клаасъ, принеси свой киршвассеръ.

Она натерла имъ больному виски. Старикъ тотчасъ пришелъ въ себя и съ признательностью кивнулъ ухаживавшей за нимъ женщицѣ.

— Нужно напоить его горячимъ краснымъ виномъ, — сказала Жозефина Брауну, — а побѣгу въ кухню и сварю винный супъ, а вы побудьте здѣсь и кликните меня, если ребенокъ заплачетъ.

Сигмундъ только теперь замѣтилъ, что въ ногахъ постели стоитъ люлька съ маленькою дѣвочкой, которую онъ видѣлъ однажды на рукахъ у Ванды. Малютка успѣла съ тѣхъ поръ подрости и свѣтлая дѣтская головка видѣлась во всей своей чистотѣ на грубыхъ красныхъ и синихъ подушкахъ. Сигмундъ задумчиво стоялъ передъ спящимъ ребенкомъ. „Вѣдное дитя! — думалъ онъ. — Не слишкомъ-ли хорошъ матеріалъ, потребляемый нашей грязной жизнью? Мы вступаемъ въ нее ангелами, и какъ скоро дѣлается она изъ насъ демоновъ“.

Немного погодя, Жозефина вернулась съ виннымъ супомъ, который она съ добродушнымъ терпѣніемъ стала вливать ложкой въ ротъ больного. Она не спрашивала, что съ нимъ случилось, для нея довольно было знать, что онъ нуждается въ ея помощи. Согревшись, старикъ ожилъ, но чувствовалъ большую слабость.

— Г-нъ Браунъ, — сказалъ онъ томнымъ голосомъ, — если я умру, то отыщите въ моемъ письменномъ столѣ латинскую надгробную надпись, которую я приготовилъ для себя. Только наблюдайте, чтобы она была написана совершенно точно по моимъ палеогра-

фическимъ правиламъ и чтобы каждое слово было отдѣлено отъ другого точкой на половинѣ вышины буквъ. Вы понимаете меня?

Браунъ обѣщалъ все исполнить въ точности. Немного погодя, онъ попросилъ, чтобы ему дали заснуть. Уже стемнѣло и о возвращеніи съ больнымъ въ гостиницу нечего было и помышлять. Рѣшено было, что Жозефина переночуетъ съ малюткой въ мезонинѣ, чтобы ребенокъ не беспокоилъ больного, а Сигмундъ примостится какъ нибудь на лежанкѣ.

Зауерампферъ вскорѣ крѣпко заснулъ, да и на Сигмунда усталость оказала свое дѣйствіе, не смотря на неудобное ложе. Когда онъ проснулся, былъ уже бѣлый день. Онъ оглядѣлся, не понимая, гдѣ онъ находился, и удивлялся, что онъ не въ гостиницѣ съ Вандой, голосъ которой ему, однако, только что слышался.

Проснувшись совсѣмъ и протеревъ глаза, онъ понялъ, что его разбудилъ разговоръ радомъ въ кухнѣ. Голосъ Жозефины говорилъ:

— Если вы, сударыня, не оставите ребенка у себя, а передадите его другимъ, то лучше оставьте его у меня. Я возрошу его и воспитаю хорошо уже по тому одному, что мнѣ его принесъ г-дъ Васкецеръ. Вѣдь я не спрашиваю, чей ребенокъ. Онъ мой теперь, а мнѣ никто не колетъ мнѣ глазъ, такъ какъ всѣ знаютъ, что я ходила съ комедіантами по ярмаркамъ.

— Но ребенокъ не можетъ здѣсь оставаться, — возразилъ рѣзкій голосъ Ванды. — Его придется помѣстить въ институтъ для того, чтобы отецъ могъ признать его...

— Ну, вотъ еще! — возразила Жозефина. — Пока малютка не вырастетъ, ей будетъ лучше у меня, чѣмъ въ институтѣ. Посмотрите, какая она здоровенькая! Правда, сокровище мое?

Браунъ услышалъ звуки крѣпкихъ поцѣлуевъ Жозефины. Ванда, повидимому, размышляла.

— И вы не потребуете ничего, кромѣ той суммы, которая до

сихъ поръ выдавалась вамъ на содержаніе ребенка?—спросила она наконецъ.

— Я и даромъ буду содержать его, если хотите,—отвѣтила Жозефина.—Если малютѣ понадобится чтонибудь, что я не въ состояніи ей доставить, тогда я обращусь къ г. Басеенеру.

— Хорошо; я буду посылать вамъ деньги черезъ него, какъ дѣлала до сихъ поръ, но подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вы молчали.

— Конечно,—отвѣтила миссъ Жозефина съ легкимъ отгѣнкомъ неудовольствія.—Ужъ если я говорю всѣмъ, что это мой ребенокъ, то чего же болѣе?

— Хорошо,—холодно сказала Ванда.—Такъ берегите же его. Прощайте.

Сигмундъ слышалъ, какъ Жозефина проводила гостью до двери и потомъ, когда шаги ея затихли вдали, съ негодованіемъ вскричала:

— Еще учить беречь! А самой лишь бы отъ сраму избавиться! Ей и не понять, что за счастье имѣть такое сокровище. Ужъ эти городскія! Такія всѣ дрянныя, да глухія!

Браунъ едва вѣрилъ своимъ ушамъ. Подозрѣнія его оправдались вполне. Ванда грубо обманула его и этимъ развязала его отъ всѣхъ обѣщаній, которыя онъ давалъ ей въ чаду страсти. Онъ съ облегченнымъ сердцемъ вскочилъ съ лежанки и сталъ обдумывать свое положеніе. Сознаніе безконечной доброты Анжелики разлило въ его душѣ отрадное чувство успокоенія. Онъ почти весело пошелъ въ комнату къ своему товарищу по судьбѣ. Старый педагогъ крѣпко и мирно спалъ; лицо его приняло свой обычный цвѣтъ и имѣло теперь мягкое и спокойное выраженіе.

— Совсе онъ не такъ дурень,—съ улыбкой сказалъ Сигмундъ.—Его обезображиваютъ напряженное выраженіе, рѣзкія морщины, свидѣтельствующія объ его постоянной озабоченности. Ему слѣдуетъ только взять на полгода отпускъ, да поѣхать отдохнуть въ Итали

со своею рыжею подругой, и всё его конфликты разрѣшатся. Впрочемъ, лучше поѣхать ему одному. Вѣдь для его подруги нѣтъ большаго удовольствія, какъ перечить ему—это весь Румпенгеймъ знаетъ,—а старикъ, какъ видно, терпѣть этого не можетъ. Лучшія изъ женъ не умѣютъ иногда обращаться съ нами,—чортъ разберетъ, почему это.

Полчаса спустя, элегантный Сигмундъ Браунъ, папа Зауерамферъ въ своемъ высушенномъ и вычищенномъ костюмѣ и миссъ Жозефина сидѣли за ароматичнымъ кофе, приготовленнымъ этой неустрашимой дѣвицей, и всё трое весело шутили и смѣялись. Жозефина послала деревенскаго парня отыскать шляпу директора, которая сушилась теперь передъ очагомъ. Никто ничего не зналъ, кромѣ того, что близорукій директоръ, ботанизируя, упалъ въ воду и сильно простудился. Когда взошло солнце и на улицѣ стало тепло и свѣтло, двое гостей съ чувствомъ распростлались съ доброй канатной плясуней, которая наотрѣвъ отказалась отъ всякаго вознагражденія и обѣщала посѣтить ихъ въ Румпенгеймъ. Она крѣпко пожала имъ на прощанье руки.

Приближаясь къ кургаузу, Браунъ уже издали увидѣлъ Баскепера, который кивалъ головой и дѣлалъ знаки. Позади его шли двѣ дамы, въ одной изъ которыхъ Сигмундъ узналъ г-жу Зауерамферъ, тогда какъ другая была заслонена тучнымъ тѣломъ Баскепера. Сигмундъ весело подхватилъ смущеннаго директора подъ руку и пихнулъ его къ женѣ. Въ то же мгновеніе Баскеперъ посторонился и Браунъ увидѣлъ передъ собою Анжелику. Онъ ошвиѣлъ.

— Какъ ты добра, Мари, что ищешь меня!—послышался тронутый голосъ Зауерамфера.

Тѣмъ временемъ Анжелика подошла къ мужу и серьезно сказала:

— Г-нъ Баскеперъ написалъ мнѣ, что здоровье твое поправилось, и я пріѣхала за тобою, такъ какъ дѣти скучаютъ по

тебѣ. Пора тебѣ возвратиться къ твоимъ родительскимъ обязанностямъ.

— Ты—мой ангелъ-хранитель,—прошепталъ Сигмундъ.

— Желала быть имъ,—сухо отвѣтила жена.—Однако, поди же, поздоровайся со всѣми.

Браунъ пожалъ руку Вексцера и рыженькой директоршѣ, уже начавшей журить своего мужа за его вмятый костюмъ, и это исполненіе долга учтивости помогло ему пережить тяжелую минуту. Рѣшено было, что все общество пообѣдаетъ вмѣстѣ въ Влизигенштейнѣ, и затѣмъ вернется по домамъ.

— Тебѣ слѣдовало бы всюду со мною ѣздить,—нѣжно сказалъ Зауерампферъ своей женѣ.

Но та рѣшительно возразила:

— Ошибаетесь, милый мой. Тебѣ гораздо удобнѣе ѣздить одному, и мнѣ также.

Часъ отхода омнибуса наступилъ прежде, чѣмъ соединившіяся четы успѣли объясниться другъ съ другомъ глазъ-на-глазъ, да Анжелика, видимо, и не искала случая для этого. Для нея было достаточно того, что Сигмундъ возвращается къ своимъ обязанностямъ, мораль же изъ случившагося она предоставляла выводить ему самому. Зауерампферъ былъ уже снова раздраженъ постоянными противорѣчіями своей жены, ушедшей наконецъ укладывать вещи своего мужа. Съ тою же цѣлью и Сигмундъ пошелъ въ комнаты, которыя онъ занималъ вмѣстѣ съ Вандой. Онъ нашелъ ихъ пустыми. Оставленная ему коротенькая записка, очевидно, была написана еще наканунѣ вечеромъ. Ванда писала, что вчерашнее раздраженіе его показало ей, какъ онъ тоскуетъ по своей семьѣ. Она не хочетъ мѣшать его счастью и дружески прощается съ нимъ прежде чѣмъ возвратиться къ своей теткѣ.

Онъ злобно умихнулся и разорвалъ письмо на мелкіе кусочки.

Въ омнибусѣ обѣ четы нашли Вексцера въ оживленномъ разговорѣ съ кучеромъ. Мальпость пришелъ изъ города пустынь, такъ

какъ въ Рунненгеймѣ, по слову бучера, вспыхнула настоящая революція. Пассажиры окаменѣли отъ страха. Кучеръ рассказывалъ, что рабочіе бумажной фабрики Шлейхмалера бросили работу, рабочіе машиннаго завода послѣдовали ихъ примѣру, и вся эта толпа, соединившись съ каменщиками, остающимися безъ работы, напѣревалась атаковать госпиталь и напѣснить жида, выправнаго миліонъ изъ кассы.

Браунъ и Зауеррампферъ, сѣвшіе послѣдними, съ удивленіемъ вслушались въ эти разсказы. Когда экипажъ тронулся, между пассажирами завязался оживленный разговоръ; одна Анжелика сидѣла блѣдная и молчаливая. Она сказала, что возмущается за дѣтей, оставленныхъ подъ охраной одной служанки.

— Что они толкуютъ о Геннегауерѣ?—спросила директорша.— Съ чего взялась нелѣпная мысль обвинять его въ кражѣ денегъ!

Тутъ Баскецеръ разсказалъ все, что ему было извѣстно о возникновеніи этихъ превратныхъ слуховъ. Пассажиры вниательно слушали.

— Невинность его не поможетъ ему,—съ горечью вставила Анжелика,—если честные господа, въ родѣ Врѣлла и Шнидта, не возстановятъ его репутаціи.

Баскецеръ почувствовалъ укоръ и угрюмо пожалъ плечами.

— Вольно же ему было всёхъ вооружать противъ себя, — сказалъ онъ.

Послѣдовала долгая пауза. Наконецъ, директорша со вздохомъ произнесла:

— Что такое жизнь?—донъ уменьшенныхъ.

— Это слишкомъ мягко,—возразилъ Браунъ.—Жизнь — это адъ, въ которомъ каждый изъ насъ демонъ для другого.

Зауеррампферъ грустно покачалъ головой и мягко сказалъ:

— Адъ только для злыхъ людей, но не рай и для тѣхъ, кто стремится къ добру. Моя жизнь, напримѣръ, была долгой болѣзнию и поэтому я вижу въ ней одну горе.

— А вы какъ полагаете?—обратился Баскецерь къ Анжелигѣ, задумчиво глядѣвшей въ окно. Она разсѣянно взглянула на во-прошавшаго и тихо отвѣтила:

— Что такое жизнь?—задача.

— Именно такъ,—подтвердилъ докторъ.—И презанимательная задача, если смотрѣть на нее съ надлежащей стороны. Посмотрите, какъ работаетъ эта лѣсопиля; какъ неутомимо вертеться ея колеса этотъ весело-пѣвнщійся ручей! Вѣдь для этого стоило только превратить, посредствомъ искусно приложеннаго рычага, круго-вратное движеніе колеса въ прямое движеніе. То же самое и въ жизни. Она не требуетъ никакого особеннаго напряженія. Ловко приспособленный рычагъ—вотъ и все.

— Кривой рычагъ,—иронически замѣтилъ Сигизмундъ.—Довко приспособлять его увѣютъ только подлцы.

— Всѣ мы не всегда ходимъ прямыми путями,—спокойно возразилъ Баскецерь;—поэтому я отучилъ себя судить другихъ и сжигать еретиковъ. Не хочу, чтобы мнѣ пришлось краснѣть, какъ гдѣ-тогда Сигизмунду.

Браунъ вспыхнулъ.

— Понятно, что я говорю объ императорѣ Сигизмундѣ,—иронически пояснилъ Баскецерь, но тотчасъ прекратилъ словопреніе, замѣтивъ, какъ тяжело дѣйствуетъ оно на Анжелику.

Остальная часть пути прошла въ молчаніи.

Б. Ротманнъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ ХРОНИКИ МѢСТЕЧКА ЧЕРАШНИ.

1.

Это былъ одинъ изъ тѣхъ уголковъ «черты», гдѣ старое медленно вымирало, а новое еще медленнѣе нарождалось.

Не смотря на то, что на разстояніи ста верстъ въ окружности были города и веси, гдѣ умственная жизнь кипѣла ключомъ, гдѣ всякое даже литературное явленіе производило толки и волненіе умовъ, гдѣ чутко отзывались на свѣтлыя и темныя стороны нашей жизни,—нашъ уголокъ можно было считать какъ бы отрѣзаннымъ отъ всего міра. Умственное движеніе обыватели его считали заразой, проведеніе жаданной дороги—гибелью и разореніемъ, такъ какъ, благодаря ей, главный трактъ, прорѣзывавшій ихъ мѣстечко, пришелъ въ упадокъ, благосостояніе уменьшилось, жизнь заглохла...

Лѣтосчисленіе имѣло своимъ исходнымъ пунктомъ время послѣдней «шрейфы»—пожара. И хотя съ того времени прошло уже больше десяти лѣтъ, но она принесла съ собою столько несчастій, столько непоправимо-загубленныхъ благосостояній, что всѣ событія приурочивались къ этой эрѣ... Это было общее лѣтосчисленіе, понятное для всякаго обывателя. Но, кромѣ того, каждый обыватель въ свою очередь имѣлъ свое, такъ сказать, семейное лѣтосчисленіе, которое, однако, вращалось вокругъ все того же памятнаго и незабвеннаго событія. Это было время отстройки сгорѣвшаго дома, лавки, время волненій и борьбы съ «экономіей», со «скарбомъ», такъ какъ мѣстечко было на чиншевой землѣ и владѣлецъ мѣстечка, пользуясь тѣмъ же событіемъ, «поприжалъ немножечко» обывателей. Но это все болѣе

и болѣе отодвигалось въ семейной хроникѣ на задній планъ, выступали на сцену свадьба любимаго сына или дочери, рожденіе долго ожидаемаго «кадиша», пребываніе великаго падика, къ которому онъ обращался съ мольбой и—деньгами, она—со слезами и тоже не съ пустыми руками, умолая о предстательствѣ предъ Господомъ Богомъ, дабы Онъ даровалъ имъ сына, который упоминалъ бы ихъ въ своихъ молитвахъ, дабы память о нихъ не стерлась съ лица земли, когда они будутъ на томъ свѣтѣ...

Ни волненія, ни зыби... Трогательное единомысліе царствовало въ умахъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ относительно общаго теченія жизни. Всѣ одинаково вставали рано, отправлялись *въ свою молельню*, потомъ принимались за обычные занятія. Вечеромъ, хотя уже и не всѣ, отправлялись опять въ синагогу, опять молились и, помолившись, говорили о злобахъ дня; наговорившись досыта, отправлялись ужинать и ложились спать—мирно, или со вспышками у семейнаго очага.

Подчеркивая фразу «въ свою молельню», я хотѣлъ этимъ указать на партійность, господствующую даже въ незначительныхъ углахъ. Всѣ, казалось, были согласны въ томъ, что ложась и вставая надо славословить Творца, дающаго и охраняющаго вашу жизнь, ниспосылающаго намъ и радости, и горести, и бесконечно къ намъ, грѣшнымъ, милосердаго, но тѣмъ не менѣе никогда не могли допустить мысли даже о томъ, чтббы возможно было сообще, безъ различія состояній, слить свои мольбы и славословить Всевышняго. «Baalabatim» — люди, живущіе торговыми и денежными оборотами—не допускали возможности имѣть единеніе съ презираемымъ ими «цехомъ», т. е. ремесленниками. Но на этомъ ихъ единомысліи кончалась и начиналась еще болѣе существенная разница въ воззрѣніяхъ отдѣльныхъ группъ, не допускающихъ, исключаящихъ даже возможность какого бы то ни было единенія. Одна группа—и самая значительная — была твердо и непреклонно вѣрующая въ «макаровскаго падика», не признающая другихъ, считающая ихъ и послѣдователей ихъ осужденными на «геенну огненную»; другая также слѣпо вѣрила и не менѣе твердо въ «сандегрьевскаго падика» и, будучи послѣдовательна, была убѣжде-

на, что не ей, а первой не имѣть «вѣчнаго спасенія» въ лучшей жизни. Были и другія группы, но настолько незначительныя, что во враждѣ означенныхъ двухъ группъ онѣ играли едва замѣтную роль. А вражда была непримиримая!..

Видѣннымъ и осязательнымъ образомъ вражда выражалась въ томъ, что вмѣсто того, чтобы украсить незначительное мѣстечко одной синагогой, приличной, они устроили сначала двѣ—одну для «баалабатимъ», а другую—для «цеха». Потомъ, когда ровнь партійная среди баалабатимъ выяснилась въ рѣзкихъ очертаніяхъ, уже для этихъ послѣднихъ возникли двѣ синагоги—одна съ преобладаніемъ макаровскихъ хасидовъ, а другая съ сандегирьевскими; маленькія группы другихъ хасидовъ то присоединялись къ одной изъ главныхъ группъ, то выдѣлялись въ отдѣльные «миньонимъ». Такимъ образомъ въ описываемое время были уже три большихъ синагоги и нѣсколько молельнъ..

И жили они мирно бокъ-о-бокъ, разнообразя мертвящую скуку синагогальными передрягами изъ-за выбора «габая»—старосты, изъ-за рудадъ своего «хазана»—кантора, изъ-за «мафтиръ» и «шлиши»¹, — мало-ли изъ-за чего добрые люди не имѣютъ передрягъ! Но соръ изъ избы не выносили, а театромъ военныхъ дѣйствій оставался свой «бейсь-гамедришь».

Но распри въ отдѣльныхъ группахъ прекращались, и онѣ стояли во всеоружіи при явленіяхъ общественной жизни, затрагивающихъ интересы всѣхъ, какъ; на примѣръ, выборы такъ называемаго казеннаго раввина, духовнаго раввина, сборщика податей съ его помощникомъ, рѣзника и тому подобныхъ функціонеровъ общины. И борьба была тогда не на животь, а на смерть.

Но пора выяснитъ силы и значеніе доминирующихъ партій. Большинство баалабатимъ были «макаровцами», какъ потому, что макаровскій падикъ дѣйствительно былъ великій чудодѣй—такъ и потому, что Макаровъ, находясь въ предѣлахъ «черты» и государства, давалъ возможность пилигримамъ все болѣе и болѣе убѣждаться въ этомъ и убѣдить другихъ, между тѣмъ какъ

¹ Названія отдѣловъ, которые читаются изъ святокъ Торы и къ чтенію которыхъ приглашаются наивболѣе почетные прихожане.

Сандегирье, находясь за предѣлами «черты» и государства, не представляло этикъ удобствъ. Кроме того съ Макаровымъ представлялась возможность имѣть постоянныя и непрерывныя сношенія посредствомъ «габоимъ», собиравшихъ дань для макаровскаго двора не менѣе раза въ годъ, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ—и болѣе. Наконецъ, бывали такія свѣтлыя мгновенія, когда самъ «падикъ» или по меньшей мѣрѣ сынъ его и на слѣдникъ удостоивали посѣщеніемъ нашъ уголокъ.

Хотя эти свѣтлыя мгновенія, вслѣдствіе интригъ «махиноишниковъ», «апикорсимъ», «мешимудовъ»¹ большихъ городовъ, представляли все большую и большую трудность и бывали очень рѣдки, но оставляли за то тѣмъ большее очарованіе. И роскошались тогда старъ и младъ, богатый и бѣдный, въ пользу адвоката и предстателя передъ Господомъ Богомъ.

Грѣшно было бы не отмѣтить того факта, что при макаровскомъ дворѣ сквозь пальцы смотрѣли на нѣкоторыя вольности адептовъ, т. е. не обращали вниманія на то, что у нѣкоторыхъ платье и пейсы были не узаконенной обычаемъ формы и длины, что они стали немного обучать своихъ дѣтей по русски и по нѣмецки, даже интересовались еврейскими газетами!.. И это было весьма политично при той распушенности нравовъ, которая допустила возможность отпаденія столькихъ невинныхъ овецекъ!...

Сандегирьевцы, ничтожные по количеству, такъ какъ глава ихъ проживалъ въ Австріи и, слѣдовательно, не всякому былъ доступенъ, были сильны тѣмъ, что главный адептъ его, ребъ Авремеле, былъ первый богачъ въ мѣстечкѣ и самъ происходилъ изъ семьи раввиновъ. Последнее увеличивало почтеніе къ нему всѣхъ круговъ, а первое давало ему возможность имѣть вѣрныхъ и непоколебимыхъ адептовъ его сеуты въ лицѣ родственниковъ, служащихъ и другихъ зависимыхъ отъ его воли лицъ, такъ какъ это являлось *conditio sine qua non* пользования его милостями.

А цехъ, презираемый всѣми, имѣлъ свои воззрѣнія на этотъ вопросъ. Онъ относился къ нему индифферентно, полагая, въ

¹ Еретиновъ, отступниковъ и т. п.

своемъ невѣжествѣ, что всякій мужъ святой заслуживаетъ почитанія; онъ не понималъ какъ можно сказать о чужомъ «цадикѣ», что онъ оселъ, въ то время, какъ передъ своимъ чулки не на четверенкахъ ползаешь и считаешь «хилуль-гашемъ»¹ упомянуть имя его всуе; онъ не понималъ фанатическаго признанія только одного *своею* «ребѣ», тѣмъ болѣе, что всякому отлично извѣстно, что, помимо явныхъ «цадикимъ», имѣется еще цѣлыхъ «ламадъ-вовъ» — 36, правда, тайныхъ, никому не вѣдомыхъ, принимающихъ самую неказистую вѣщность и являющихся въ лицѣ водовоза, трубочиста, банщика и тому подобныхъ людей низкихъ профессій, но въ которыхъ тѣмъ не менѣе вся сила, въ нихъ залогъ процвѣтанія нашей вѣры. Если же мы, относясь непочтительно къ какому нибудь водовозу, рискуемъ учинить «хилуль-гашемъ», такъ какъ подъ его неказистой и грубой оболочкой можетъ скрываться «ламадъ-вовникъ», то тѣмъ паче грѣшно относиться съ пренебреженіемъ къ святымъ мужамъ, святость которыхъ осознательна, такъ сказать, для всякаго даже не вооруженнаго глаза.

И «цехъ» былъ презираемъ всѣми хасидскими толками именно потому, что не могъ подняться до идеи, что «одинъ Богъ на небѣ и одинъ цадикъ на землѣ», а остальные цадикимъ ему въ подметки не годятся; не могъ понять того, что только его одного надо хвалить, а другихъ хулить, и простираетъ свое невѣжество до того, что готовъ былъ воздавать почести самому несчастному и непопулярному среди нихъ «цадику», даже вовсе не признанному никѣмъ, какъ мы это увидимъ впоследствии.

А эти «шнаyderлахъ» и «шустерлахъ»² были такъ же тверды въ своей вѣрѣ, какъ и презиравшіе ихъ «баалабатимъ».

II.

Въ этомъ оркестрѣ, какъ читатель уже вѣрно самъ сообразилъ изъ всего вышележеннаго, первую скрипку играли «макаровскіе». И духовный раввинъ, и «хазанъ» даже «цеховой» синагоги,

¹ Оскорбленіе имени Бога.

² Портняжи и сапожники.

сборщикъ податей и его помощникъ, рѣзники и даже «шамосимъ» (служки).—были изъ ихъ партіи. И весьма понятно: въ демократическихъ государствахъ всѣ должности, вплоть до швейцара, замѣщаются своими людьми, ибо только единомысліе даетъ крѣпость и устойчивость всякому правительству, а для этого и требуется однородность состава.

Въ хроникѣ мѣстечка Черашни особенную роль всегда играли сборщикъ податей и его помощникъ.

Они изображали собою нѣчто въ родѣ шерифовъ графства, творя судъ и расправу въ предѣлахъ своей компетенціи, являясь исполнителями предначертаній какъ властей предержавныхъ, такъ и «баалабатимъ», сѣвшихъ на шею плебсу въ силу одного лишь обычая.

Для всѣхъ жителей мѣстечка ребъ Мордхе являлся чуть-ли не первымъ человѣкомъ, хотя по части «ихиса»—происхожденія—любой могъ бы съ нимъ поспорить; съ нимъ, какъ съ сборщикомъ, приходилось сталкиваться всякому и по самымъ разнообразнымъ поводамъ. Онъ выискивалъ подати и принималъ дѣятельное участіе въ раскладкѣ ихъ; безъ его удостовѣренія нельзя было получить паспорта; онъ ставилъ «постой», и потому могъ напакостить, поставивъ пару солдатъ въ ваше и безъ того тѣсное помѣщеніе, или же и осчастливить—рекомендуя вашъ нѣ къ чему негодный сарай для цейггауза, и т. п.

Расположеніе его не трудно было заслужить, и на это смотрѣли сквозь пальцы, такъ какъ всякій понималъ, что, трудясь для общаго блага, онъ долженъ же имѣть способъ «кормленія». Никто не зналъ, какъ велики были его доходы, и завистники,—а у кого ихъ нѣтъ!—напирали на то, что они значительны, ибо откуда же появился у него послѣ пожара такой громадный домъ, крытый черепицей, а не соломой, какъ у многихъ другихъ. Правда, защитники его указывали на то, что жена его ведетъ торговлю, но завистники пожимали только плечами.

—Какая-де теперь торговля, когда проклятая желѣзная дорога отрѣзала насъ отъ всего міра, когда мы сами трудимся вкупѣ со своими женами и еле перебиваемся!

Дѣла у ребъ Мордхе было по горло, а по временамъ и за-

божь также не мало: съ одной стороны—военное начальство, которое шутить не любитъ, а съ другой—и не со всякимъ обывателемъ можно поступить какъ задумается. Онъ дѣлаетъ изъ кожи, чтобы угодить первому, а по отношенію ко вторымъ поставилъ себѣ правиломъ держать ухо востро только тамъ, гдѣ представлялась опасность.

Но были и текуція обязанности, поглощавшія все его вниманіе... Такъ, напр., «бааль-таксе»—содержатель коробочнаго сбора—сталъ замѣчать, что въ мѣстечко привезется контрабандное мясо, и рѣшительно заявилъ, что если это безобразіе не будетъ прекращено, то онъ перестанетъ давать тѣ деньги, которыми онъ даетъ въ пользу общества помимо назначенныхъ съ торговъ...

Нѣчто подобное случилось и съ откупомъ по продажѣ свѣчей и дрожжей, доходъ съ котораго также шелъ на благотворительныя учрежденія.

Одна копѣчка на фунтъ мяса, на фунтъ свѣчей, на фунтъ дрожжей—для кого особенно замѣтна? «Этъ! Кому Богъ пошлетъ десять коп. на фунтикъ мяса, тому Онъ же пошлетъ и еще копѣчку»,—разсуждаютъ въ мѣстечкахъ «черты». А изъ этихъ копѣчекъ выростутъ разныя благотворительныя заведенія. Но какъ собрать эти копѣчки? Какъ устроить, чтобы онѣ не застряли въ карманахъ тѣхъ, для которыхъ онѣ вовсе не предназначены? И вотъ съ содержателя коробочнаго сбора получается ежегодно извѣстная сумма и ему предоставляется право наложить эту копѣчку. Каждый еврей кушаетъ въ субботу «халу» (бѣлый хлѣбъ), а для этого нужны дрожжи; всякая еврейка каждую пятницу «благословляетъ свѣчи» и для этого употребляетъ ихъ соотвѣтственно количеству членовъ семьи—и эта отрасль торговли изымается изъ гражданскаго оборота и за извѣстную же ежегодную плату передается одному лицу.

Но «бааль-таксе» думаетъ, что Богъ милостивъ, и вмѣсто одной копѣчки на фунтъ мяса накладываетъ двѣ—три копѣчки... Такъ же думаетъ и продавецъ свѣчей и дрожжей. А обыватели недоумѣваютъ: «Ну, если бааль-таксе жирѣетъ, то это не удивительно: онъ употребляетъ много мяса и самаго лучшаго; но почему продавецъ шабашковыхъ свѣчей и дрож-

жей такой гладкій и лоснящійся? Неужто шабашковыя свѣчи и дрожжи также содержатъ въ себѣ столь питательные элементы?»

Но недоумѣніе обывателя превосходитъ всякое вѣроятіе, когда онъ замѣчаетъ, что эти копѣечки таютъ какъ-то въ рукахъ тѣхъ, которые должны употребить ихъ на «бикеръ-хойлемъ», «гекденъ», который стоитъ покосившійся, съ обвалившейся штукатуркой, на кладбищенскую ограду, окончательно развалившуюся, такъ что свиньи безпрепятственно гуляютъ тамъ, оскверняя «святое мѣсто». Заправилы ждуть какого нибудь благоприятнаго случая, въ родѣ смерти какого нибудь богача, чтобы содрать съ наслѣдниковъ на заборъ, но богачи не умираютъ, а съ бѣднаго что возьмешь? Слава Богу, что на «тахрихмъ» (саванъ) у него найдется и не нужно прибѣгать къ общественной благотворительности.

И бѣдный обыватель ропщетъ, а ловкій человѣкъ идетъ на встрѣчу его протесту. И вотъ является «контрабандное» мясо, «контрабандныя» свѣчи, «контрабандныя» дрожжи.

Монополисты волнуются.

Волнуется и сборщикъ ребъ Мордхе: это грозитъ и его благополучію, и монополисты въ ясныхъ выраженіяхъ указываютъ ему на это обстоятельство.

Теперь для него открылась новая забота: найти корни и нити этого гибельнаго заговора.

И съ этого времени онъ не знаетъ покоя. По отношенію къ мясу вопросъ упрощался тѣмъ, что вообще за цѣлую недѣлю его мало употребляли,—такъ какъ бѣдность была поразительная, и не только богачей, но и людей состоятельныхъ можно было по пальцамъ перечесть, — но съ приближеніемъ субботы, въ среду и четвергъ, эта отрасль торговли шла бойко и приходилось держать ухо востро.

И люстриновый сюртукъ ребъ Мордхе, само собою разумѣется—длинный, развѣвался по всей обширной площади; онъ бѣгалъ быстро, размахивая руками, усовѣщая и угрожая карами небесными и земными нарушителямъ божескихъ и человѣческихъ законовъ. Понюхивая табачокъ на ходу, онъ изрыгалъ проклятія, а добродушные обыватели, потѣшаясь надъ

нимъ, на всякое чиханье посылали ему пожеланія здравствовать. Положеніе его было самое отчаянное; онъ не зналъ, какъ держать себя: благодарить-ли за добрыя пожеланія, или разразиться проклятіями за ехидную внимательность.

Но мясо, какъ предметъ подлежащій порчѣ, привозилось хоть въ опредѣленные только дни; совсѣмъ не то было со свѣчами и дрожжами: ихъ могли привозить и въ воскресенье, и въ понедѣльникъ, и во всѣ прочіе дни. И онъ каждый день былъ на-сторожѣ, словослова Творца міра, что Онъ отдыхаетъ въ день седьмой, иначе ему, ребъ Мордхе, вовсе отдыха бы не было.

Что эта контрабандная торговля существовала, для него не могло быть сомнѣнія. Но такъ какъ обыскивать каждаго отдѣльно не было возможности да и пользы, ибо всякій могъ заявить, что это куплено въ надлежащемъ мѣстѣ, то вся суть заключалась въ томъ, чтобы уловить тотъ моментъ, когда товаръ привозится и не успѣлъ еще разойтись по рукамъ. Но добрые обыватели были на этотъ счетъ весьма изобрѣтательны и постоянно умѣли навести его на ложный слѣдъ, и онъ, конечно, оставался въ дуракахъ.

Въ такихъ случаяхъ обыватели переживали самыя свѣтлыя мгновенія своей жизни и были настолько жестоки, что не находили для него другого утѣшенія, какъ то, что слава Богу, что общественная баня не такой продуктъ, чтобы его подъ сурдинкой привозить изъ окрестностей.

Но и вообще путь ребъ Мордхе былъ усѣянъ терніями...

Уже 20 лѣтъ онъ неусыпно работалъ на общее благо, а между тѣмъ при выборахъ онъ каждый разъ переживалъ тѣ моменты общественнаго дѣятели, тяжелые и оскорбительные, когда видишь, что труды твои не оцѣнены, что ты вызвалъ ожесточеніе людей легкомысленныхъ, жаждущихъ переменъ; онъ долженъ былъ терпѣть, когда эти «лайдаки», «шкучимъ»¹, не смѣвшіе въ обыкновенное время рта разинуть, разбирали его по косточкамъ, желая только одного — спихнуть его и

¹ Шалован.

сѣсть на его мѣсто. На благоразуміе въ концѣ концовъ одерживало верхъ—и онъ оставался.

Но надо было со скрежетомъ зубовнымъ подмасливать всякую букашку.

Но если дѣятельность ребъ Мордхе, нѣсколько суетливая и шумливая, была пріятна однимъ и непріятна другимъ, то относительно его помощника ребъ Лейзера нельзя было этого сказать. Начать съ того, что если ребъ Мордхе дѣйствовал наугадъ и едва умѣлъ подписывать свою фамилію, ребъ Лейзеръ зналъ—что дозволено, что нѣтъ, и не только могъ подписать свою фамилію, но могъ даже красивымъ писарскимъ почеркомъ написать любой документъ въ предѣлахъ своей компетенціи, начиная словами: «Симъ удостовѣряю»... и кончая: «въ чемъ подписомъ и приложеніемъ печати удостовѣряю... сборщикъ или за сборщика такой-то». Онъ былъ гордъ сознаниемъ своей необходимости и скромно размышлялъ наединѣ съ собою, что могъ бы отличнѣйшимъ образомъ соединить въ себѣ обѣ должности. И нѣтъ сомнѣній, что для блага общества это было бы полезнѣе, а о себѣ онъ не заботился! Но твердо вѣруя, что языкъ данъ для того, чтобы скрывать свои мысли, онъ постоянно горой стоялъ за ребъ Мордхе при всѣхъ обстоятельствахъ жизни. И ребъ Мордхе, отлично понимая это, видѣлъ въ немъ достойнаго своего преемника. Нѣтъ ничего ужаснѣе для общественнаго дѣятеля, когда онъ на склонѣ дней своихъ видитъ, что создаваемое долгими неуспынными трудами должно погибнуть вслѣдствіе отсутствія достойнаго преемника плодотворной своей дѣятельности. Но ребъ Мордхе могъ съ спокойною совѣстью сказать: мое дѣло не умретъ вмѣстѣ со мною!

Но такъ какъ эта должность, какъ выборная, не подлежитъ законной преемственности, то ребъ Лейзеръ угодливіею всегдѣ старался заслужить расположеніе всѣхъ партій.

III.

Въ области религіозныхъ вѣрованій въ м. Черашнѣ, за исключеніемъ указанныхъ нами, незначительныхъ по существу уклоненій, царствовало единодушіе: всѣ одинаково вѣрили въ

благодать Всевышняго, возсылали горячія молитвы къ Нему о прощеніи вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній, о дарованіи «парносе» (пронитанія) и спокойствія въ сей и въ будущей жизни. Указанныя же нами уклоненія, строго говоря,—не религиознаго свойства: не касаясь догмы, для всѣхъ одинаковой, а какъ личное и свободное возвращеніе того или другого обывателя на святость того или другого мужа, эти уклоненія касались только известнаго круга лицъ заинтересованныхъ и выражались въ известномъ почитаніи своего «цадика», пренебреженіи къ другому и сожалѣніи къ ослѣпленнымъ... Если же страсти доводили иногда до ожесточенной борьбы, то это являлось слѣдствіемъ коллизій интересовъ, вытекающихъ изъ совершенно другихъ побужденій.

Но дѣла «общественныя», охватывая интересы всѣхъ, вызвали постоянныя столкновенія; борьба шла глухая и непрерывная, и, смотря по затронутымъ интересамъ, то выступали отдѣльныя лица, то цѣлыя группы, причемъ общественныя симпатіи и антипатіи смѣшивались и перекрещивались съ псевдорелигиозными.

И если общественныя дѣла охватывали интересы всѣхъ, то нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ внѣшняго представительства въ лицѣ сборщиковъ, являющихся отвѣтственными предъ властями предержащими и обществомъ, должны были существовать и представители этого общества, ибо известно, что поголовное участіе въ дѣлахъ общины перешло уже въ область исторіи. И они существовали не по выбору и даже не по обычаю, а въ лицѣ тѣхъ, кто взялъ палку.

Въ Черанинѣ они существовали въ лицѣ именитыхъ «хозяевъ», не принадлежавшихъ къ «цеху»—во 1-хъ, людей богобоязненныхъ—во 2-хъ, и имѣющихъ все-какіе достатки—въ 3-хъ. Естественнымъ ихъ главой былъ упомянутый уже нами первый богачъ ребъ Авремеле, и по весьма понятнымъ причинамъ: онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ, и притомъ у кого же какъ не у него безопаснѣе могли храниться общественныя суммы? Уваженіе основывалось на томъ, что едва-ли всѣ съ нимъ близко были знакомы, жилъ онъ вдали отъ мелкихъ интересовъ другихъ и могъ слыть за умнаго и почтеннаго человѣка; вѣр-

ность сохранности суммъ обеспечивалась тѣмъ, что всѣ капиталы всего мѣстечка, купно съ общественными, едва-ли превышали его личные, и не бывало еще примѣра, чтобы положенныя у него деньги, въ качествѣ-ли «наданъ» для дочери или сына, въ качествѣ-ли обезпеченія исполненія третейскаго суда, часто практикуемаго въ дѣлахъ торговыхъ и семейныхъ,—не были выданы своевременно и согласно условіягъ.

Но ребѣ Авремеле чуждался суетоки и держался въ сторонѣ, а главные заправилы, «die feinste baalatim»¹, или, какъ въ народѣ ихъ называли, «die feine reichlach»², частью изъ подражанія, частью вслѣдствіе заботъ собственныхъ и отсутствія инициативы, также держались въ сторонѣ, выстуная только энергично въ вопросахъ принципиальнаго свойства, а фактическими и востоянными радѣтелями общественнаго блага являлись тѣ, которые ожидали непосредственной для себя выгоды.

Какъ во всемъ мѣрѣ, и тутъ механика была довольно простая: «die feinste baalatim» собирались въ «асифу» — сходку, обсуждали общественныя нужды и изыскивали средства къ ихъ удовлетворенію; источникомъ являлась пресловутая копѣчка, которая, какъ мы видѣли выше, имѣла замѣчательныя свойства: расширяться и подниматься въ курсовой цѣнѣ во время поступленія отъ обывателя-потребителя къ поставщику-монополисту; сжиматься и падать въ цѣнѣ при поступленіи въ общественную кассу, и совершенно раставать въ рукахъ радѣтелей общественнаго блага.

Въ былое время эта копѣчка имѣла точныя предѣлы: доходъ съ свѣчей и дрожжей шелъ въ пользу духовнаго раввина и его помощника — «даіона», если таковой существовалъ; вокругъ мясной «коробки» кормились рѣзники — ловкіе люди вообще, знающіе, гдѣ раки зимуютъ, а объѣденіе оставлялись для «гекдена» и т. п. благотворительныхъ учреждений; подспорьемъ къ нему являлся доходъ съ общественной бани. Но съ ростомъ общественнаго организма потребности увеличились, расходы также и, само собою разумѣется, приходы.

¹ Почтеннѣйшіе домохозяева.

² Свидѣныя брашна.

Что обыкновенно бываетъ съ отдѣльнымъ человѣкомъ, то бываетъ и съ обществомъ: пока человѣкъ бѣденъ, онъ остороженъ, онъ двадцать разъ заглянетъ въ кошелекъ прежде чѣмъ рѣшится приторговаться къ чему нибудь; если онъ рѣшился на чрезвычайную трату, то будетъ собирать копѣйку за копѣйкой, и будетъ хранить ихъ неприкосновенными при какихъ бы то ни было трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Нужды нѣтъ, что вы его станете уговаривать, что не все-ли равно—взять сегодня изъ неприкосновеннаго капитала рублькъ на текущіе расходы, а потомъ пополнить текущими приходами, онъ будетъ твердъ и непоколебимъ и будетъ вамъ твердить: «все это я прекрасно понимаю, но подальше отъ грѣха!»—и будетъ изворачиваться, занимать, но держать крѣпко неприкосновенный капиталъ.

Но картина совершенно намѣняется, когда этотъ человѣкъ разбогатѣетъ: прежнія чрезвычайныя траты превращаются въ текуція, оборотъ ускоряется, нѣтъ дѣленія кассы на текуція и чрезвычайныя траты, есть довѣріе къ себѣ, касса становится единственной и изъ нея удовлетворяются одинаково всѣ потребности.

По этой же причинѣ, въ бывшее доброе время каждый специальный приходъ предназначался на специальный же расходъ,—и отчетность была самая примитивная: если доходъ со свѣчей идетъ въ пользу духовнаго раввина и онъ всѣ деньги сполна получалъ, то все правильно и очевидно для всякаго. Но съ расширеніемъ потребностей оказалась несоразмѣрность въ доходахъ и расходахъ, такъ какъ нѣкоторые превышали требуемую сумму, а другіе были значительно ниже. Такъ какъ съ расширеніемъ потребностей увеличились и доходы, то рѣшено было устроить общую кассу для удовлетворенія нарастающихъ потребностей: было бы безуміемъ защищать такое положеніе вещей, чтобы нѣкоторыя статьи пополнялись всецѣло и чтобы послѣ этого нарасталъ еще никому ненужный сберегательный фондъ, въ то время, когда другія статьи даже и отчасти выполненны быть не могутъ.

И благодѣтельное вліяніе этой перемѣны сказалось если не въ умѣ всѣхъ, то въ умѣ ребъ Мордхе и другихъ исполнителей общественной воли. Теперь вся механика заключалась въ

тогда только, чтобы, по вступленіи суммъ къ ребѣ Авремеле, получить ихъ оттуда подѣ благовиднымъ предлогомъ. А ребѣ Авремеле былъ настолько доверчивъ и даже непроходимо глупъ, какъ знали между собою только тѣ, кому сіе вѣдать надлежало, что это и не представляло особыхъ затрудненій. Заполучивъ суммы, приходилось тратить ихъ одновременно по всѣмъ статьямъ, не упуская ни одной... и ловить рыбу въ мутной водичкѣ.

Это было настолько цѣлесообразно, что ребѣ Мордхе боялся и новшествъ, и поворота къ старому порядку. Это былъ status quo, шатаніе котораго производило на него такой же, если не болѣе, панической страхъ, какъ и толки, что вотъ-вотъ устроятъ въ нашемъ углѣ мѣщанскую управу. Последняго онъ особенно боялся, и по многимъ причинамъ: прежде всего онъ опасался, что его лучший другъ и помощникъ ребѣ Лейзеръ, какъ грамотѣй, займетъ мѣсто помощника старосты; за сими было много другихъ опасеній при новомъ режимѣ—и онъ не могъ слышать объ этомъ безъ содроганія. А добродушные люди эксплуатировали его страхъ: весельчаки и шутники не находили лучшаго удовольствія, какъ остановить его во время самаго яростнаго преслѣдованія контрабандныхъ свѣчей, дрожжей и мяса, и сообщить, что сегодня они узнали изъ достойнаго источника, что мѣщанская управа у насъ будетъ непременно и въ ближайшемъ будущемъ. И это производило магическое дѣйствіе: руки р. Мордхе опускались, онъ забывалъ свой долгъ и, съ ожесточеніемъ нюхая табакъ, разспрашивалъ о подробностяхъ.

А шутникъ радовался и прибавлялъ съ притворнымъ безпокойствомъ:

— А вы, кажется, слѣпили куда-то? Не задерживаю-ли я васъ?

— Ничего, ничего! Такъ маешься съ этими разбойниками день-деньской,—прибавлялъ онъ, разумѣя неусыпную свою дѣятельность въ пользу общаго блага.

Въ мѣстечкѣ былъ извѣстный всѣмъ Фаликъ, который добывалъ себѣ пропитаніе тѣмъ, что занимался отчасти извозомъ, а раза два въ недѣлю завѣзжалъ въ уѣздный городъ съ разными порученіями черашневскихъ обывателей, за что они по-

сильно его вознаграждали. Къ нему-то обращался ребъ Мордхе, давалъ ему немножко на смазку, какъ онъ говаривалъ, и тотъ, при всей кажущейся глузости, былъ настолько уменъ, что, привозя, съ одной стороны, вѣсти весьма утѣшительнаго свойства, съ другой стороны—умѣлъ ихъ облекать въ такую форму, изъ которой явствовало, что смазка—самая чудесная и полезная вещь для отдаленія грядущей бѣды. И ребъ Мордхе шелъ на встрѣчу съ радостью.

Но если, съ одной стороны, путь ребъ Мордхе былъ усѣянъ терніями, то съ другой—были у него и радостные моменты: когда онъ появлялся домой и видѣлъ своихъ въ полномъ довольствѣ, добытомъ его неуспынными трудами, ласкалъ дѣтей, внучать—онъ мнилъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

А въ субботу, когда онъ забывалъ всѣ тревоженія жизни, сидѣлъ, окруженный сыномъ съ его домочадцами и зятемъ съ его домочадцами, и распѣвалъ «змиресъ»¹ съ хоромъ нисходящихъ его потомковъ—онъ не видѣлъ равнаго себѣ въ свѣтѣ. Большой столъ, на которомъ стояли двѣ пары серебряныхъ и четыре пары мѣдныхъ подсвѣчниковъ, ломился подъ яствами; кругомъ сидѣло все семейство, и тихо, и чинно ѣли. Этикетъ требовалъ, чтобы кушали не торопясь, и всѣ, памятуя это, преподнеся ложку ко рту, клали ее возлѣ себя и, послѣ нѣкотораго перерыва, опускали ее опять въ общее блюдо.

Впечатлѣніе получалось торжественное; пустыхъ разговоровъ также не полагалось.

IV.

Если сдѣлать надлежащій выводъ изъ указаннаго выше расширенія общиннаго бюджета, то можно было бы предположить, что соотвѣтственно этому и увеличились достатки обывателей. Но это предположеніе было бы ошибочное. Мѣстечко Черашня переживало тотъ переломъ, когда, послѣ ряда свѣтлыхъ дней изобилія, начинаешь чувствовать, что благосостояніе

¹ Затрапезная суббота и ѣстия.

надаеть, готово даже совсѣмъ исчезнуть, но не хватаетъ мужества сознаться въ этомъ ни себѣ, ни другимъ, а живешь на широкую ногу, поддерживая свой престижъ и съ ужасомъ взирая на грядущее будущее.

Въ былое время, когда Черашни была проѣзжимъ трактомъ, она хотя и не пользовалась особеннымъ благополучіемъ, но по крайней мѣрѣ отдѣльныя личности знали лучшія времена. Бѣдная сутолока по проѣзжей дорогѣ кое-что доставляла обывателямъ. Въ округѣ—важные помѣщики, не то, что теперь; въ самомъ мѣстечкѣ католическій монастырь, отъ него самого кое-что перешадало, но еще больше—благодаря ему, такъ какъ онъ привлекалъ массу прѣѣзжающихъ; кромѣ того споконъ вѣковъ квартировалъ и полкъ.

А теперь? Пановъ и монастырь дымомъ унесло, даже полкъ перемѣстили: стоялъ, стоялъ полкъ на мѣстѣ и все было удобно—и квартиры, и довольствіе для вѣйска, и все прочее, а теперь оказалось, что ни то, ни другое не годится. А навѣстно, что бѣда одна не ходитъ: провели желѣзную дорогу, ходили кругомъ да около Черашни, намѣряли, судили, радили,—и провели ее на нѣсколько миль отъ мѣстечка.

И настала тишь и гладь, но отнюдь не Божья благодать. И вспоминали обыватели доброе старое время, когда руки были заняты до того, что некогда было носъ утереть, ноги—до того, что некогда было присѣсть.

Надо замѣтить, что общій, внѣшній, такъ сказать, фонъ не могъ дать представленія поверхностному наблюдателю о той разбѣдающей бѣдности, которая царствовала внутри.

Вѣѣзжая въ мѣстечко, особенно при хорошей погодѣ, поражаешься сравнительно новыми постройками; тутъ и тамъ мелькаютъ даже каменные дома и лавки; но это только на первый взглядъ, какъ бываетъ обыкновенно, когда вѣѣзжаешь въ центръ мѣстечка, нѣкогда клокотавшій жизнью и движеніемъ. Но если судьба забросила тебя въ мѣстечко на нѣкоторое время, если погода измѣнилась и вся эта пыль превратилась въ густую кашу грязи, если тебѣ придется заглянуть за предѣлы парадной улицы,—ты убѣдишься, какъ трудно судить по первому взгляду!

А если ты знаешь обывателей, то съумѣешь прочесть на лицахъ ихъ злополучную судьбу.

Какъ ни бѣдно, даже нищенски жили ремесленники, но на пропитаніе насущное можно еще было надѣяться, такъ какъ безъ платья, безъ обуви и тому подобнаго принадлежностей не проживешь и дня; но что было дѣлать тѣмъ, которые жили до сихъ поръ отъ проѣзжага потребителя, отъ продажи сѣна, овса, булки, обѣда, комнаты и другихъ, сопряженныхъ съ передвиженіемъ надобностей? Лавочекъ было больше, чѣмъ требовалось, и обыватель тоже былъ тощій: зайдетъ, закупить на 10 коп. чаю и сахару, перцу на $\frac{1}{2}$ коп. и на столько же гостинцевъ разъ въ столѣтіе.

Но если многіе ходили какъ тѣни, не зная чѣмъ прожить сегодня и боясь думать о завтрашнемъ днѣ, то изъ этого еще не слѣдуетъ заключить, что всюду царствовало уныніе.

Человѣкъ—выносливое животное и имѣетъ къ тому еще способность отрѣшиться отъ міра дѣйствительности... и эти праздные поневолѣ люди, собравшись вокругъ ихъ торговыхъ помѣщеній, говорили о чемъ только хотите: и о мѣстныхъ злобахъ, и о политикѣ, вели ученые споры и даже рассказывали анекдоты и вышучивали другъ друга, или сообща—когонибудь. Вотъ и теперь они стоятъ и слушаютъ въ сотый разъ комбинаціи мѣстнаго политика о будущей картѣ Европы—комбинаціи, можетъ быть, не менѣе основательныя, чѣмъ тѣ, которыя появляются во многихъ большихъ газетахъ и брошюрахъ.

— Что австріакъ можетъ?—закончилъ онъ энергично, держа въ рукахъ какой-то газетный листъ,—финансы его въ самомъ скверномъ состояніи, войско его!..—онъ сдѣлалъ такой презрительный жестъ, что всякому понятно было, что плюнуть—да и только.—Пруссакъ,—продолжалъ онъ,—и могъ бы чтонибудь сдѣлать, да тутъ ему постоянно Франція подъ бокъ: чуть онъ двинется, она его и прихлопнетъ! Англія? да она пальцемъ не шевельнетъ, если тутъ у нея нѣтъ *своихъ* интересовъ. А тутъ ихъ быть не можетъ!

Въ это время компанія, которой уже надобно эти комбинаціи, замѣтила Дувидъ-Пейсаха, перваго портного мѣстечка, быстро шагавшаго по площади. Онъ среди своихъ пользовался

особеннымъ уваженіемъ за глубокое знаніе дѣла, а среди обывателей—за честность и за то, что не бралъ «штеръ»¹, а оставшіеся куски всегда отдавалъ заказчику. Но за всѣмъ тѣмъ онъ былъ человѣкъ недалекій и теоретическій разговоръ съ нимъ, отъ котораго онъ никогда не уклонялся, могъ развлечь и не такую праздную компанію.

— А, ребъ Дувидъ-Пейсахъ!—завязалъ съ нимъ разговоръ одинъ изъ компаніи,—куда это вы спѣшите? Кажется, у насъ никого не женятъ въ эту субботу, и заказовъ у васъ не по горло.

— Куда я спѣшу? — повторилъ онъ вопросъ съ удивленіемъ.—Развѣ вы не знаете?

— Что, что?—обратились всѣ съ любопытствомъ.

— Ребъ Велвелъ пріѣхалъ! — сообщилъ онъ торжественно.

— Кто, кто?—переспросили нѣкоторые.

— Ребъ Велвеле-буць, вѣроятно,—отозвался одинъ.

— А!—переглянулись они значительно.

Дувидъ-Пейсахъ посмотрѣлъ на дерзкаго съ несвойственной ему строгостью, а на остальныхъ съ укоризной.

— Не берите грѣха на душу! Вы мнѣ скажете, чѣмъ онъ, этотъ портной, отличается отъ всѣхъ прочихъ? Но вы отлично знаете, что есть избранники божьи,—а онъ именно такой. Онъ «verborgener zadik»², изъ «ламедъ-вувниковъ»,—прибавилъ онъ таинственно.

Онъ бы еще долго разсуждалъ на эту тему, но подошедшій еще раньше подмастерье его Лице остановилъ его:

— Пойдемте, хозяинъ! Зачѣмъ вы толкуете съ этими «фляскедринами», съ «людьми»?³ Я досталъ и рыбу, и мясо, и «халу». Пойдите! Сура-Двоси ждетъ насъ, и уже поздно.

Но кто былъ ребъ Велвелъ, почитаемый нѣкоторыми и обываемый «буцемъ» другими—что означаетъ идиотъ, глупецъ, растрепъ? Онъ былъ удивительный въ своемъ родѣ субъектъ и

¹ Дозволенное; какъ техническій терминъ у портняхъ: остатки матерій, которые они позволятъ себѣ присваивать.

² Тайный чудодѣй.

³ Презрительное названіе не-ремесленниковъ.

ставилъ втупикъ многихъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ въ губернскомъ городѣ N. жилъ портняжка изъ весьма плехихъ—Велвель-буцъ. Онъ былъ очень набоженъ, держался вдаль отъ своихъ товарищей, глупо ухмылялся на ихъ вопросы и въ общемъ весьма смахивалъ на юродиваго. И вотъ этотъ-то Велвеле-буцъ какъ-то вдругъ самъ убѣдился и, главное, успѣлъ убѣдить другихъ, что онъ тайный праведникъ, словомъ—«ламедь-вувникъ». Люди сначала посмѣивались надъ этимъ, и онъ, убѣдившись горькимъ опытомъ, что трудно быть пророкомъ на своей родинѣ, исчезъ куда-то. Прошло нѣсколько лѣтъ. Слухи о немъ появлялись издалека, многіе продолжали смѣяться, но нѣкоторые стали припоминать факты изъ его жизни, которые убѣдили ихъ и должны были убѣдить всѣхъ зрячихъ и способныхъ честно мыслить, что тутъ дѣло не совсѣмъ просто... И Велвеле-буцъ, попавъ случайно въ N., имѣлъ удовольствіе убѣдиться, что рано или поздно и даже на родинѣ своей пророки признаются. И это преисполнило его сердце восторгомъ и вѣрою въ благость Провидѣнія. И игла его была заброшена, а утюгомъ жена его колола грецкіе орѣхи, до которыхъ она была большая охотница. И Велвеле-буцъ разѣзжалъ изъ края въ край, удивляя всѣхъ, особенно свою братью ремесленниковъ, праведнымъ житіемъ и даромъ предвидѣнія, испѣляя болѣзни и безплодіе....

И неудавительно, что Дувидъ-Пейсахъ суетился, изъ силъ выбивался устроить такую субботу для нежданнаго, но дорогого гостя, чтобы небу было жарко. Затрудненіе заключалось въ томъ, что дорогой гость пріѣхалъ въ четвергъ и поздно ночью, когда по обыкновенію уже все и всѣмъ было заготовлено на субботу, и на рынокѣ вслѣдствіе этого уже не было никакого предложенія. Вотъ почему и нужно было содѣйствіе расторопнаго Липе.

О Липе стоитъ сказать пару словъ. Это былъ человѣкъ живой, подвижной, балагуръ и не безъ талантовъ: онъ прекрасно пѣлъ за работой, и репертуаръ его былъ довольно обширный, начиная руладами въ разное время слышанныхъ въ синагогѣ отъ канторовъ и кончая мотивами русскихъ и особенно еврейскихъ оперетокъ и пѣсенъ; онъ бойко отшлысывалъ и, не

смотря на то, что носилъ презрительное прозвище Липине Смаркъ, былъ въ своемъ кругу желаннымъ гостемъ и събутыльникомъ. Побывавъ нѣкоторое время въ Одессѣ, онъ даже относился съ нѣкоторымъ скептицизмомъ ко всѣмъ этимъ «забонамъ», какъ онъ называлъ особенно ретивыхъ ортодоксовъ, и питалъ полное презрѣнiе и ненависть къ «юлдамъ» (не-ремесленникамъ). И онъ имѣлъ къ тому полное основанiе. Дѣло въ томъ, что во время устроеннаго въ макаровской синагогѣ для прѣзжавшаго сына макаровскаго цадика «шаланъ-сиде» (третья субботняя трапеза), его, Липе, эти юлды не только не допустили даже къ третьему столу отъ «него», цадика самого, и безцеремонно оттолкнули, но еще вдобавокъ, когда стали раздавать «шираимъ»—остатки отъ трапезы цадика, и онъ, Липе, движимый, надо полагать, чувствомъ общаго остервенѣнiя, обуйившаго всѣхъ, желавшихъ хоть косточку, хоть крошку облюдовать святой трапезы, бросился вмѣстѣ съ другими—онъ былъ прямо даже осмѣянъ. Съ досады онъ побѣжалъ въ знакомый паннокъ и, охмѣлѣвши, возвратился къ мѣсту своего позора и сталъ распѣвать зазорныя пѣсенки о цадикахъ, за что ребъ Мордхе собственноручно далъ ему двѣ пощечины.

И Липе поклялся при случаѣ отомстить всѣмъ этимъ «юлдамъ» и «фляскедригерамъ». И вотъ теперь случай представился, и какой еще удобный. Прѣехалъ какой ни на есть, а все-таки «ребе», и эти «юлды» безпремѣнно захотятъ, какъ и онъ въ свое время на «Макаровскаго», поглядѣть на него, а онъ, Липе, теперь будетъ ихъ бросать, какъ галушекъ, изъ своей синагоги. Вотъ почему его усердiе по приему р. Велвеля не имѣло предѣловъ.

V.

Настала суббота. Макаровская синагога была въ разстоянiи двухъ картофельныхъ выстрѣловъ отъ большой, или иначе именуемой «цеховой» синагоги, ибо какъ тамъ ни толкуй, а фактъ неоспоримый, что ремесленный и вообще трудящiйся классъ представляетъ внушительное большинство евреевъ въ «чертѣ»;

несому неудивительно, что синагога ремесленниковъ была самая большая.

На площади «цеховой» синагоги появилась цѣлая картинная галерея всевозможныхъ типовъ.

Прошелъ торжественно и ребъ Мордхе съ своими домочадцами, и Исеръ «сейферъ», обладавшій замѣчательнымъ талантомъ извлекать божественные звуки изъ бараньяго рога, и не имѣвшій соперниковъ во всемъ округѣ. Пробалансировалъ и ребъ Гойаль-Бейлисъ по всей площади, опасаясь встрѣчи съ приставомъ и урядникомъ, шедшими другу другу на встрѣчу: онъ находился подъ влiяніемъ еще того ужаснаго закона, когда «штраймлахъ» и «жиинцесъ» должны были быть безжалостно изгнаны изъ обихода и замѣнены нѣмецкимъ платьемъ. Длинный, сухощавый, съ остроконечной бородой и характернымъ носомъ, въ длинномъ атласномъ сюртукѣ до самыхъ пятъ, съ головой, покрытой мѣховою шапкой «штраймелъ», изъ-за которой торчавшая ермолка доходила до самой шеи,—онъ въ нѣмомъ ужасѣ балансировалъ по площади, вызывая улыбку не только у служителей закона, но и у нѣкоторыхъ «свободомыслящихъ» въ бархатныхъ и шелковыхъ шапкахъ. Пронимнулъ и Мейше Суре-Ривесъ, будущій богатъ и скряга, въ зафаленномъ «халатѣ», вѣчно суетящійся и производящій на сторонняго впечатлѣніе нищаго, при видѣ котораго невольно руки опускаются въ карманъ. Да мало-ли еще кто?

Но Дувидъ-Пейсахъ былъ выше всякаго описанія, когда онъ ходилъ сбоку ребъ Велвеле. «А нистеръ¹, а цадикъ!—размышлялъ онъ чуть-ли не вслухъ,—и такъ просто въ обращеніи и не побрезгалъ убогимъ моимъ домомъ!» Онъ былъ на седьмомъ небѣ,—а выше этого, извѣстно, ничего нѣтъ!—а ребъ Велвеле, опустивъ очи долу, не обращалъ вниманія на любопытные взгляды, которыми его обстрѣливали и «свои», и «чужіе».

Первое отдѣленіе молитвы «шахрисъ» прошло безъ всякаго приключенія, но во время перерыва, когда происходитъ чтеніе Торы, произошли событія, чреватые гибельными послѣдствіями, и мы не считаемъ себя въ правѣ скрыть ихъ отъ читателя.

¹ Тайный праведникъ.

Когда настала перерывъ «ойснемель», при вынутіи Торы изъ кивота, люди вышли немного освѣжиться на синагогальный дворъ; тамъ, разумѣется, только и было разговоровъ, что о злобѣ дня, о пріѣзжемъ ребе. И, представьте, преобладающее мнѣніе было таково, что Велвеле-буцъ такой же портняжка, какъ и все прочіе, что и формулировалъ Мейше Суре-Ривесъ:

— Портняжка—какъ портняжка, не болѣе и не менѣе!

И этимъ дѣло бы кончилось, но Хаимъ-Ице, извѣстный всѣмъ своимъ свободомысліемъ, любитель всѣхъ древне-аврейскихъ газетъ, почитатель Смоленскаго и прочихъ «махпмейниковъ», безбожниковъ, пишущій тайкомъ въ проклятый «Гамеллицъ»!—о! они отлично это знаютъ и напрасно онъ только прикидывается!—вотъ этотъ Хаимъ-Ице сказалъ крылатое слово, отъ котораго и мы съ вами содрогнулись бы.

— Раббойсай!—началъ онъ съ едва замѣтной усмѣшкой,—этого дѣла такъ легко разрѣшить нельзя. Одно изъ двухъ: или поклоненіе кому бы то ни было есть грѣхъ вообще, и мнѣ кажется, что, по точной сущности нашей святой вѣры, это и есть самый настоящій грѣхъ; или же, если допустить, что люди не ангелы, и точное уразумѣніе сущности для нихъ недоступно, тогда другое дѣло! Вы выслушайте только меня! «Der iker»—основаніе нашей вѣры, что Богъ одинъ, что мы должны слѣдовать его заповѣдямъ, не ожидая награды, но крайней мѣрѣ въ сей жизни. И казалось бы, что разъ человѣкъ выполняетъ то, къ чему обязываютъ его долгъ и совѣсть, онъ не заслуживаетъ ни уваженія, ни паче возмездія... Но люди такъ слабы, они невольно подчиняются обаянію исполнителя того, что кажется имъ невыполнимымъ, что это меня ничуть не удивляетъ.

— Что ты «аникойресъ»,—прервалъ его Мейше Суре-Ривесъ,—это мы уже давно знаемъ, но такихъ словъ, призваться, я и отъ тебя не ожидаю!

— Что ты оселъ,—отпарировалъ Хаимъ-Ице,—это видно по твоимъ длиннымъ ушамъ, что «лингъ имъ леберъ»¹ висать у тебя на носу, оттого, что ты лучше двадцать разъ въ день умрешь съ голоду прежде, чѣмъ дашь своей Ентѣ 5 ко-

¹ Легкія и печень.

пѣкъ на обѣдъ, что изъ твоего халата когда нибудь вытопять цѣлую бочку сала,—это очевидно для всякаго. Но чтобы ты понималъ еще кое-что, хотъ, на примѣръ, «аликойресъ»-ли я, или нѣтъ, и говорю-ли я то, что ты могъ бы ожидать, или нѣтъ,—это для меня загадка. Ты, который понимаетъ во всемъ томъ, чему тебя учили, какъ пѣтухъ въ «bnei-udidim»¹, который больше ворочалъ указательнымъ пальцемъ, чѣмъ мозгами!..

Хаимъ-Ице остановился: онъ зналъ, что произвелъ надеждающее впечатлѣніе. И неудивительно: глубокой и тонкой знатокъ Талмуда, остроумный собесѣдникъ и спорщикъ, онъ раздѣлялъ общее презрѣніе къ «Мейше амъ-гарацу», скрагъ, нахалу, и зналъ, чѣмъ можно ему глотку заткнуть. Затѣмъ онъ продолжалъ:

— Эти люди вѣрятъ, что есть «ламедъ-вувъ» скрытыхъ «падикимъ», и вы скажете мнѣ: если они скрытые, то отчего же тамъ и сямъ появляются явные? «Но на вопросъ есть отвѣтъ». Число—36 неизмѣнное и если появляется одинъ лишній, то одинъ изъ прежнихъ имѣетъ право и даже обязанъ объявиться въ настоящемъ свѣтѣ. А такъ какъ извѣстно, что до этого момента они обыкновенно скрываются подъ невзрачной оболочкой, то меня не удивило бы, если бы и нашъ Мейше Суре-Ривесъ въ одно прекрасное утро оказался бы такимъ. А ужъ хуже его, раббойсай, видѣли-ли вы во всемъ мірѣ?

До чего бы они договорились, не трудно предвидѣть, но на дворѣ большой синагоги произошли событія, которыя привлекли туда всеобщее вниманіе.

Пока бородачи тутъ судили да радили, подростки пошли посмотреть «dem schneiderschen geb'n»—портняжскаго ребѣ, и вести себя, должно быть, такъ высокомерно, что Лине счелъ нужнымъ внушить имъ достоподобное уваженіе, отпустивъ каждому по легкому подзатыльнику, а сыну ребѣ Мордхе онъ далъ сугубую тренку и небрежно бросилъ своимъ товарищамъ и подросткамъ изъ цеха:

¹ Наканунъ Суднаго дня читается молитва, начинающаяся словами «bnei odim», причѣмъ держать надъ головой пѣтуха,—и отсюда эта поговорка.

— «Хевре!»¹ внушите-ка имъ, какъ нужно вести себя въ большой синагогѣ и даже на дворѣ ея....

И ребята показали, на что они способны.

— Такъ ихъ «юлдовъ», «фляскедритесь»! — подзадаривалъ Липе.

Но тутъ влетѣлъ, какъ бомба, ребъ Мордхе; онъ размахивалъ руками, изображая вѣтряную мельницу; ермолка его съехала набокъ; лицо его пылало: онъ былъ и страшень, и прекрасень вмѣстѣ съ тѣмъ.

— «Рейшисъ-хохмо»², — началъ онъ, и двѣ пощечины, доставшіяся Липе, своимъ звономъ оглушили нападающихъ и привели ихъ къ порядку.

— Съ тобою, «лайдакъ», «хайтель»³, я еще поговорю! — прибавилъ ребъ Мордхе, направляясь къ цеховой толпѣ, чтобы окончательно расвѣять ее.

Липе былъ ошеломленъ, искры полетѣли изъ глазъ, и онъ, что называется, «увидѣлъ сразу Краковъ и Лембергъ». Но когда ребъ Мордхе обратился снова къ нему, чтобы «поговорить», онъ уже овладѣлъ собою и, не дожидаясь вступленія ребъ Мордхе, началъ прехладнокровно, но передразнивая его:

— «Рейшисъ-хохмо», — и отпустилъ двѣ пощечины самому ребъ Мордхе, о которыхъ безпристрастные эксперты могли только сказать: «sei seinen wert Geld», — что онъ чего нибудь да стоитъ. Аппетитъ у Липе разошелся: онъ билъ его и за то, что онъ когда-то сдалъ его брата въ солдаты, и за то, что онъ обижалъ его мать, бѣдную вдову, и его, Липе, самого, приговаривая:

— Поговоришь со мною? Я съ тобою поговорю, «хашыръ», «кровопійца», «цвѣякъ», «разбойникъ»!

Что сталося бы съ ребъ Мордхе, если бы Дувидъ-Пейсахъ не пришелъ ему на помощь, трудно даже и придумать.

Все это было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ, но матеріалу

¹ Ребята.

² Начало премудрости, въ общезнѣтн: „прежде всего“.

³ Портяжка.

для разговоровъ добродушнымъ обывателямъ хватило на цѣлый день.

— По настоящему, — сказала одинъ шутникъ, — когда съ офицера сдирають погоны, его съ мѣста долой!

— Ну, знаешь... это того...—началь другой.

— Какое тамъ того!—прервалъ его третій,—и за дѣло, говорю тебѣ, поколотили! Развѣ ты не слышалъ, какъ онъ говорилъ, что это «хилуль гашемъ», оскорбленіе имени Божія, вознись съ этимъ портяжкой. Да простить меня Богъ за эти рѣчи,—прибавилъ онъ скороговоркой, — и это онъ говорилъ о ребѣ Велвеле!

— Онъ это говорилъ?—спросили всѣ угрожающимъ тономъ,—мы ему покажемъ!

— Онъ это говорилъ и прибавилъ, что ребѣ Іоси, нашъ раввинъ, такъ же думаетъ.

— И ему тоже не одобровать!

Что изъ всего этого вышло, читатель узнаетъ изъ послѣдующихъ главъ.

Б. Ферберъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ СКАЗАНИЙ.

ЛОЖЬ И ВЪТЕРЬ.

(Ялкутъ, Ноѣ).

Богда Господь рѣшилъ излить
На грѣшный міръ потопа воды
И въ ихъ пучинахъ потопить
Царей и царства и народы,
Чтобъ жизнь въ грядущемъ возродить
Для новыхъ, лучшихъ поколѣній,—
Онъ повелѣлъ, отъ всѣхъ твореній
По парѣ выбратьъ, пріютить
Подъ чудодѣйственною сѣнью
Ковчега жизни и спасенья.

И вотъ, со всѣхъ сторонъ идутъ,
Летать, ползуть, толпясь предъ Ноємъ,
За стаей стая, рой за роемъ,
Спѣша въ спасительный пріютъ.
Велѣнью вышему послушный,
Пришелъ и рой духовъ воздушный—
Безплотныхъ селя души людской,
Рожденныхъ творческимъ сознаньемъ.

Пришли: Раскаянье четой
 Со скорбнымъ, грустнымъ Покаяньемъ,
 Безсилъ съ Праздностью больной,
 Съ Любовью Дружба, Злоба съ Местью,
 Со Страхомъ Робость, Рабство съ Лестью,
 Съ Повсемъ Миръ, Печаль съ Тоской,
 Надежда съ Вѣромъ святой.

Межъ нихъ,—преданье повѣствуетъ,—
 Пришла и Ложь. Гибла, стройна,
 Тихонько крадется она,
 Кукушкой пестрою кукуетъ,
 Пугавымъ сусликомъ свистить,
 Юлить и прачется, и внемлетъ,
 Всѣ виды, образы приѣмлетъ—
 Въ ковчегъ пробраться наровитъ.
 Но ей пройти не удается:
 Ее замѣтилъ зоркій взглядъ,—
 И голосъ Ноя раздается:
 — „Ты съ кѣмъ? Одна? Ступай назадъ!
 Ищи себѣ достойной пары
 И ты избѣгнешь Божьей кары“...

Ушла, печальна, смущена,
 И Вѣтеръ встрѣтила она.

— „Ты-ль это, милая сестрица,
 И такъ печальна! Что съ тобой?
 Бывало, вольная какъ птица,

Пестра какъ бабочка, — порой
 Ты и меня летишь быстрѣ,
 Въ толпѣ нарядныхъ Неблицъ,
 Твоихъ любимыхъ сестрицъ,
 Одеждой сказочной пестрѣя,
 Легка и вѣрадчива всегда“...

— „Ахъ, братецъ милый мой, бѣда!

Вшла у Ноя:

„О, конечно, —

Онъ говорить, — я радъ сердечно
 Тебя принять, но ты должна
 Сюда явиться не одна,
 А съ кѣмъ нибудь приличной парой“.
 Любезный другъ, пріятель старинъ,
 Пойдемъ со мною... Услужи!“

И отвѣчаетъ Вѣтеръ Лжи:

— „Ты знаешь, мнѣ просторъ воздушный
 Открыть кругомъ; мой легкій бѣгъ
 Препградъ не знаетъ, и ковчегъ
 Не нуженъ мнѣ, глухой и душной.
 Но я, пожалуй, такъ и быть,
 Готовъ подругѣ услужить,
 Готовъ съ тобою поселиться,
 Но за спасеніе свое
 Ты что въ награду дашь мнѣ?“

— „Все!

О, все, что приобрѣсть случится

Среди доврчивныхъ людей
 Миѣ, вѣрной данницѣ твоей,
 Моимъ искусствомъ и стараньемъ,
 Твоимъ да станетъ достояньемъ!“ ...

Съ тѣхъ поръ, что Ложь ни соберетъ,
 Свободный Вѣтеръ унесетъ.

Бываютъ дни, бываютъ годы—
 Она обильно жатву жнетъ,
 Воздвигнетъ каменные своды,
 Врата желѣзомъ окуетъ;
 Эмблемъ таинственныхъ узору
 И заклинаній грозный рядъ
 Покроютъ крѣпкіе затворы
 Ея незыблемыхъ громадъ;
 Но Вѣтеръ вольный—жизни гений,
 Свободы вѣстникъ, прилетитъ,
 Огнь неприступныхъ укрѣпленій
 Врата и цѣпи сокрушитъ,
 Обломки попоранной твердныи
 Развѣетъ мощью неземной,
 Какъ грезы сна, какъ прахъ пустыни,
 Какъ дымъ костра въ глуши степной...

С. Фругъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

IV¹.

Такова ужъ, знать, природа человѣка, что мы по большей части пребываемъ въ самообольщеніи на счетъ дѣйствительно присущихъ намъ недостатковъ и въ то же время охотно каемся въ грѣхахъ, отъ котораго мы совершенно свободны. Это вѣрно какъ относительно пороковъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ. Словомъ, старинное изреченіе Талмуда, гласящее: «Всѣ ошибки видитъ человѣкъ, только не свои собственныя», — ежедневно находитъ себѣ новое подтвержденіе въ жизни и вѣчно неизмѣнной человѣческой натурѣ. У насъ, евреевъ, наиболѣе ярко эта истина обнаруживается въ теченіе еврейскаго мѣсяца Элула — мѣсяца покаянія и самобичеванія, — и не только въ жизни личности, но и въ сферѣ общественныхъ отношеній. Большинство нашихъ единовѣрцевъ-галичанъ изъ мелкихъ городишекъ до сихъ поръ весьма консервативны и тверды въ правой вѣрѣ. Они соблюдаютъ малѣйшій обрядъ, съ щепетильной совѣстливостью исполняютъ предписанія каждаго обычая, никогда не пропускаютъ, чтобы не пойти утромъ или вечеромъ на молитву, моютъ руки предъ ѣдой и молятся по уставу послѣ каждой трапезы, — короче: ни въ чемъ, ни въ чемъ за годъ не провинятся противъ религиозныхъ формальностей, хотя родъ излюбленныхъ занятій и образъ жизни ихъ, привнаться надо, не всегда клонятся къ чести еврейскаго имени. И вотъ наступаетъ мѣсяць Элуль — мѣсяць исповѣди и покаянія, и призывный звукъ «шофера» раздается изъ синагоги. «Звучить-ли когда труба въ городѣ, — и чтобы народъ не содрогался?» — спрашиваетъ пророкъ. И дѣйствительно, слыша эти звуки, масса наша чувствуетъ трепетъ сердечный, пони-

¹ См. „Восходъ“, кн. IX.
Восходъ, кн. 11.

маеть, что пора серьезно смотрѣть на прожитый годъ и смягчить грѣхи прошлаго сознаниемъ и рѣшимостью исправиться. Можно бы предполагать, пожалуй, что тутъ-то и примутся за упорядоченіе своего образа жизни, подумаютъ о занятіяхъ, достойныхъ большаго уваженія, возьмутся за воспитаніе подрастающаго поколѣнія. Какъ бы не такъ! Станутъ наши евреи размышлять объ искорененіи этакіхъ пороковъ, когда они даже не существуютъ для нихъ? Но за то они измыслятъ для себя цѣлую груду другихъ небывалыхъ прегрѣшеній и примутся съ удивительнымъ рвеніемъ за ихъ устраненіе. Вотъ, напр., евреи открываютъ, что въ минувшемъ году слишкомъ мало молились или недостаточно ревностно совершали умовенія, посѣщали синагогу, словомъ—все такіе грѣхи, которые надо во что бы ни стало и поскорѣе исправить. Такимъ образомъ, въ то время, какъ ранѣе они по часу проводили на молитвѣ въ школѣ, теперь они еще до восхода солнца туда устремляются и остаются тамъ нѣсколько часовъ подъ рядъ; вмѣсто того, чтобы по прежнему прочитывать только часть псалмовъ, теперь ежедневно повторяются всѣ псалмы и безъ всякихъ пропусковъ; ранѣе довольствовались только умовеніемъ рукъ,—теперь что ни день бѣгутъ въ «микву», чтобы омытъ всю свою грѣховную плоть. А дѣйствительные пороки—тѣ остаются въ прежнемъ видѣ, ибо кто видитъ ихъ, кто сознаетъ ихъ, кто знаетъ, что такія вещи вообще принадлежать къ разряду грѣховъ, кто, наконецъ, желаетъ это знать?!

Подобную же картину представляетъ теперь и общественная жизнь. Для иллюстраціи расскажу кое-что о сосѣднемъ съ нами городѣ Стрыѣ. При сравнительно небольшомъ количествѣ еврейскихъ обывателей, Стрый, рядомъ съ синагогой, специально такъ и называемой «die Schül» и вмѣщающей свыше 2,000 человекъ, имѣетъ еще три большія синагоги, двѣнадцать «клаузовъ» для разныхъ хасидскихъ толковъ и приличное число молеленъ; словомъ, немало заботъ приложено къ тому, чтобы ни одинъ еврей не приходилъ въ отчаяніе, когда почувствуетъ потребность исполнить религіозный долгъ свой. Но за то мѣстная больница, напр.,—такъ называемый «гекдишъ»,—словно сирота предоставленъ своей собственной печальной участи. Не найдете того старожилы, который припомнилъ бы, что когда нибудь какой нибудь больной оставилъ эту больницу ранѣе чѣмъ скончался. Основной же контин-

гентъ населенія этого «гекдиша» доставляютъ воспитанники мѣстной «талмудъ-торы». Въ этомъ послѣднемъ заведеніи, при большомъ недостаткѣ въ свѣтѣ, не соблюдается ни одного предписанія гигиены, и такимъ образомъ воспитанникъ послѣ двухъ—трехъ-недѣльнаго пребыванія въ немъ уже совершенно готовъ къ переводу въ вышереченную больницу для дальнѣйшаго передвиженія по назначенію.

При такомъ положеніи дѣлъ приблизился и мѣсяць Элуль, мѣсяць покаянный, мѣсяць предостерегающихъ призывовъ «шофера», потрясающихъ сердца человѣковъ, и, естественно, трепетомъ объаты и души главарей общины: они съ сокрушеннымъ духомъ каются въ грѣхахъ и принимаютъ за ихъ исправленіе. Вы—чего добраго—подумаете, что начато было прямо съ еврейской больницы и талмудъ-торы. Сохрани Богъ! Углубившись въ созерцаніе своей совѣсти, старѣйшины Стрыйскаго Израиля обрѣли вдругъ въ душѣ другой и страшный грѣхъ. Имъ стало внезапно до очевидности ясно, что синагоги, вмѣщающей 2,000 прихожанъ, трехъ большихъ школъ, двѣнадцати «клаузовъ» и многихъ молеленъ ужасно какъ мало для потребностей набожной общины. И вотъ изъ общественныхъ суммъ берется три тысячи гульденовъ и обращаются эти гульдены на спѣшную достройку до наступленія праздникова жидаецовскаго клауза, дабы благочестивые послѣдователи жидаецовскаго святителя могли во время предстоящихъ великихъ празднествъ предпринять свою поѣздку на небеса экстреннымъ, специально для нихъ заказаннымъ поѣздомъ.

И у насъ въ Львовѣ, которому, казалось бы, въ качествѣ метрополіи слѣдовало бы быть образцомъ для всей Галиціи. тоже, къ сожалѣнію, не чувствуется недостатка въ подобныхъ иллюстраціяхъ подобнаго рокового ослѣпленія. Что касается воспитанія дѣтей, то правду слѣдуетъ сказать,—каждый отецъ прилагаетъ заботы къ тому, чтобы на дому обучить своего сына Вибліи; но общинная школа, коей поставлены совсѣмъ инныя задачи и требованія, нуждается въ коренномъ преобразованіи. Преподаваніе общихъ элементарныхъ свѣдѣній, этой подпочвы всякаго дальнѣйшаго образованія, поставлено весьма неудовлетворительно. Точно также и на этическую сторону религіи не обращено ровно никакого вниманія, и ребенокъ понятія не имѣетъ ни о еврейской исторіи, ни о литературѣ. Но вотъ наступилъ новый учебный годъ и представители нашей

общины вострепетали, внявъ гласу—не «шофера», правда,—а членовъ общины, которые въ болѣе грозной формѣ начинаютъ заявлять, что еврейскія училища, въ виду существованія общихъ школъ—затѣя совершенно, дескать, праздная, — такъ зачѣмъ же ихъ облагаютъ все болѣшими налогами въ пользу этого дѣла. Господа представители, пробужденные этими голосами отъ сна праведныхъ, въ которомъ они пребывали круглый годъ, вдругъ рьяно набросились на реорганизацію училищъ въ духѣ болѣе лестномъ для оказавшихся столь чувствительными плательщиковъ.

Здѣсь навѣрное подумаютъ, что они измѣнили къ лучшему методу преподаванія, обратили особое вниманіе на исторію, литературу и этику еврейства. Напрасно!—Просто назначили невѣроятное число часовъ для изученія сухой древне-еврейской грамоты, а для дѣйствительнаго закона вѣры отвели едва одинъ какой нибудь часокъ въ недѣлю, да и то преподаютъ этотъ предметъ по польски, дабы ребенокъ, принесшій съ собою изъ дому одинъ только свой жаргонъ, ужъ рѣшительно ничего не понималъ. И къ чему, впрочемъ? Законъ Божій читается вѣдь не для дѣтей и господъ представителей еврейской общины, а для «Gazeta Narodowa», «Kujer'a», съ тѣмъ, чтобы этимъ и прочимъ крикунамъ показаться съ лучшей стороны. «Смотрите, дескать, — вотъ гдѣ мы, колонизаторы! Мы въ нашихъ училищахъ даже катехизисъ по польски учимъ, и религія наша ходитъ въ конфедераткѣ!» А для плательщиковъ — другая заманка: древне-еврейскій языкъ! Что и преподаваніе святаго языка только призрачно, что не диво встрѣтить въ четвертомъ, скажемъ, классѣ ученика по познаніямъ въ Библии годнаго развѣ для перваго и для котораго поэтому занятіе программными предметами — одно потерянное время, — и это въ сущности не велика бѣда. Еврейскій языкъ предназначается вѣдь опять-таки не для дѣтей вовсе, а для ихъ родителей, которыхъ надо держать въ спасительномъ заблужденіи, будто языкъ этотъ съ особенной старательностью культивируется среди ихъ потомства.

И впрямъ, подобныя средства обольщенія въ данную минуту—дѣло первой необходимости. Шутка-ли? Вѣдь выборы не за горами и кому же изъ господъ старѣйшинъ охота рисковать своимъ курульнымъ кресломъ. Вотъ и надежить посему за-

искривать благорасположеніе массы, а главное—при всякомъ шагѣ слѣдуетъ не терять изъ виду принципа утилитарности.

Эта-то самая утилитарность, — мы видѣли, — руководила нашими главарями и при объявленіи конкурса на должность львовскаго проповѣдника, когда знаніе польскаго языка было выдвинуто на степень исключительнаго требованія отъ всякаго соискателя. И дѣйствительно, почему бы и выборамъ раввина не стать, при случаѣ, постаментомъ для добрыхъ людей, искренно стремящихся къ почету и должностямъ?—Поелику проповѣдникъ ищется вовсе не для блага народа, а ради удобствъ господъ заправиль, то, разумѣется, кѣмъ инымъ ему надлежитъ быть—какъ не полякомъ чистѣйшей воды? Жаль только, что добрыя намѣренія этихъ милыхъ господъ ихъ же довели до позора, когда на практикѣ оказалось во-очію, что, не смотря на всѣ поиски, ни за что не хочеть найтись такой раввинъ, который въ состояніи былъ бы говорить съ амвона по польски. Нужно еще сфабриковать этотъ товарищъ, а для сего заняться первоначально устройствомъ подходящей фабрики—раввинской семинаріи съ преподаваніемъ на польскомъ языкѣ. Ну, а если пока не находится польскаго проповѣдника, то и вовсе не нужно намъ проповѣдника—утилитарности ради. Теперь просто рѣшили больше о конкурсѣ не публиковать. Теперь разсужденія подтасовываются уже вотъ какъ: «и къ чему, — говорятъ, — намъ вообще изъ-за проповѣдника отягощать общество, когда мы давно стали выше потребности въ такихъ вещахъ». Словомъ—господа представители разсуждаютъ нынѣ, какъ видите, совершенно какъ тотъ еврей-разнощикъ, который внезапно бросилъ кругъ сыра, который долго носилъ на плечахъ, и на вопросъ, почему онъ не подыметъ его, отвѣчалъ каждому одно и то же: «Пока,—говорилъ онъ,—червячки еще были малы, я вынужденъ былъ ихъ таскать на себѣ; а теперь сыръ весь, слава Богу, сгнилъ, и червячки, ставши большими, взрослыми червями, не имѣютъ болѣе надобности, чтобы ихъ носили».

Изъ среды мѣстныхъ дѣятелей смерть недавно вырвала одного, можно сказать—лучшаго, благороднѣйшаго и наиболѣе способнаго изъ представителей львовской общины. Я говорю о д-рѣ Манзевѣ, о которомъ не разъ упоминалось уже въ моихъ предыдущихъ «письмахъ». За этой личностью числятся заслуги не только по отношенію къ одной львовской общинѣ. Всѣ почтенныя, истинно-гуманныя учрежденія Галиціи обязаны сво-

имъ происхожденіемъ его инициативѣ. Онъ былъ творцомъ львовскаго общиннаго статута, принятаго затѣмъ правительствомъ въ образецъ для всего края. Онъ былъ также учредителемъ кружка «Schomer Israhel», коего президентомъ онъ состоялъ до дня своей кончины. Лучшія и вліятельнѣйшія статьи въ органѣ этого союза, по названію «Israelit», въ теченіи двадцати лѣтъ его существованія, почти всѣ принадлежали перу д-ра Манзея. Еще когда я писалъ мое письмо, появившееся въ августовской книжкѣ «Восхода»,—письмо, гдѣ я коснулся послѣдняго произведенія Манзея («Exactes Judenthum»), онъ находился въ періодѣ полного развитія своей благотворной дѣятельности, и никто изъ насъ не могъ еще и подозрѣвать, что скоро смерть вырветъ его изъ нашей среды. Съ универсальными познаніями и свѣтлымъ умомъ—въ немъ сочетались всѣ лучшія и прекраснѣйшія качества, которыя и выдвинули его въ истинные представители еврейства. Въ обществѣ это былъ милѣйшій и скромнѣйшій собесѣдникъ, и всегда и повсюду онъ становился центромъ каждаго кружка. Онъ былъ покровителемъ и поощрителемъ всякаго восходящаго таланта; въ качествѣ адвоката онъ извѣстенъ былъ за безкорыстнаго защитника вдовъ и сиротъ, а какъ представитель общины онъ представлялъ собою оплотъ противъ всѣхъ такъ называемыхъ утилитарныхъ стремленій. Это былъ злѣйшій врагъ всего заносчиваго и честолюбиваго. Въ д-рѣ Манзеѣ Львовъ и вся Галиція потеряли неоцѣнимую силу, сохранившіеся плоды которой еще долго будутъ вліять благотворно на нашу бытъ. Его увлекательное и сокрушительное слово держало въ страхѣ Божіемъ всѣхъ любителей разныхъ негласныхъ происковъ. Къ сожалѣнію, старый оппортунизмъ уже вновь смѣлѣе начинаетъ поднимать голову и все громче становится въ рядахъ нашихъ «націоналистовъ» бранный кличъ: «Мы поляки прежде всего!»

Эта навязчивость и страсть кидаться въ объятія тѣмъ, которые насъ же отъ себя отталкиваютъ, поразительна и противна простому чувству чловѣческаго достоинства. И чего добились такимъ поведеніемъ? Какъ польскіе братья относятся къ евреямъ, навязывающимся имъ со своимъ братствомъ, прекрасно иллюстрируется тѣмъ положеніемъ, которое заняли галиційскія газеты относительно знаменательнаго инцидента съ фельдфебелемъ Данкомъ. Читателемъ «Восхода», вѣроятно, уже извѣстно, что въ Вѣнѣ на-дняхъ нѣкій бравый фельдфебель

Денкъ далъ пощечину на улицѣ одному старику-еврею безъ всякаго повода съ его стороны. Самъ Денкъ потомъ оправдывался тѣмъ, что онъ на этомъ еврей выместилъ прегрѣшеніе другого еврея, оскорбившаго его. И такъ, дѣло шло о пощечинахъ, возвращенныхъ по чужому адресу; но благородный воинъ, какъ онъ самъ сознавался, получивъ оныя, рѣшилъ отдать свой долгъ первому попавшемуся еврею и потому не считаетъ себя виновнымъ по отношенію къ побитому имъ старику, такъ какъ не его вовсе имѣлъ въ виду, а того еврея, отъ котораго самъ получилъ затрещину. Но этотъ мотивъ солдата кажется недостаточнымъ журналу «Gazeta Narodowa»; она пробуетъ объяснить дѣло по своему. Евреи, дескать, — философствуютъ газета, — всюду суются и любой изъ нихъ своими поступками и манерами побуждаетъ всякаго встрѣчнаго поступить съ нимъ подобно тому фельдфебелю и слѣдовать его методѣ. — И такимъ-то господамъ наши оппортионисты не перестаютъ мяукать свое приторное «kocham, kocham!»...

Подъ влияніемъ антисемитизма все болѣе и болѣе расширяющаго свои предѣлы, и чернымъ воронамъ тоже вдругъ показалось, что они почуяли трупный запахъ, и вотъ рѣшено не упустить столь подходящаго случая къ наживѣ. За послѣдніе мѣсяцы проявились здѣсь три католическихъ миссіонера и исподоволь принялись закидывать сѣти, чтобы наловить рыбки въ мутной водѣ. Средство, къ которому они прежде всего прибѣгли, дѣйствительно весьма оригинально, но при всемъ томъ, однако, осталось безъ всякихъ результатовъ. Католическіе патеры вздумали-было издавать газетку на еврейскомъ языкѣ подъ названіемъ «Eidis le Isgael», которая по плану и должна была служить для нихъ мѣняльной лавочкой, въ которой они надѣялись обдѣлывать свои дѣлишки по религіознымъ векселямъ. Смѣшно было видѣть, какъ эта черная стая затѣяла что-то въ родѣ мистической игры въ своемъ листкѣ. Газетка редактировалась въ тонѣ благочестиваго еврейства со всевозможными цитатами изъ Зогара и Мидраша и вела рѣчь, полную ипокритскихъ восхваленій великой миссіи іудаизма; такъ ходили кругомъ да около этого предмета до тѣхъ поръ, пока въ концѣ концовъ не пришлось вывести, что подъ тѣмъ іудаизмомъ надлежитъ разумѣть католическое ученіе. Но всѣми этими коварными подходами ничего ровно не добились и ни одинъ еврей не выказалъ наклонности попасться на эту удочку.

Пришлося убираться по добру-по-здорову и послѣ менѣе даже трехмѣсячнаго существованія газетка приказала долго жить. Тогда, не долго думая, пустили въ ходъ другую машину. Разставили тѣ старинныя, испытанныя силки, которыми иные скворцы позволяютъ себя улавливать, именно деньги, деньги и опять-таки деньги. Но наивно было бы предполагать, что новая метода доставила много дичи. Попался одинъ только гусь—нѣкій печальной извѣстности Фрилингъ. Да и этотъ-то ужъ и прежде скривился, ранѣе чѣмъ еще вздумали сдѣлать изъ него крючокъ для новой удочки. Фрилингъ этотъ — польскій журналистъ, уже цѣлые годы состоящій въ лакеяхъ у антисемитизма, и въ качествѣ такового занимался инсинуаціями и пробавлялся игривыми статейками противъ своихъ единовѣрцевъ. Насколько онъ съумѣлъ приобрести уваженіе своихъ польскихъ коллегъ, — лучше всего видно по тому, какъ печать встрѣтила его переходъ въ лоно римской церкви. Одна мѣстная газета, коснувшись этого факта, между прочимъ сообщала, что будто бы евреи по всѣмъ синагогамъ служили благодарственные молебны по поводу того, что Господь избавилъ ихъ отъ сообщества этого гнуснаго человѣка. И въ самомъ дѣлѣ,—говорилось далѣе,—евреи потеряли, наконецъ, то, что нашли христіане,—развращеннаго, безхарактернаго, жалкаго человѣка,—не болѣе. Вотъ какъ привѣтствовали вступленіе г. Фрилинга въ новую церковь. Но господамъ католическимъ миссіонерамъ и то на руку; теперь они во-очію могутъ доказать, что не даромъ получаютъ многотысячное жалованіе отъ миссіонерскаго общества: одна душонка попалась-таки въ ихъ сѣти.

Въ то время какъ сухіе сучья отпадаютъ отъ стараго ствола и базарныя завыванія антисемитизма становятся все громче и громче,—нельзя не отмѣтить съ особеннымъ удовольствіемъ и появленіе многихъ дружественныхъ сообщеній о евреяхъ и еврействѣ, пробивающихся какъ лучи сквозь тучи, заволакивающія наше небо. На первомъ планѣ—новое роскошное изданіе, предпринятое Захеръ-Мазохомъ, подъ названіемъ «Еврейская жизнь». Предъ нами три выпуска этого журнала. Въ этомъ трудѣ своемъ талантливый рассказчикъ и замѣчательный художникъ Захеръ-Мазохъ предпринялъ цѣлый рядъ очерковъ и рассказовъ, имѣющихъ цѣлью характеристику житья-бытья еврея подъ всѣми широтами, во всѣхъ странахъ.

Съ одинаковымъ знаніемъ и психологическимъ чутьемъ трактуетъ онъ о бытѣ еврея польскаго, равно какъ и о жизни еврея во Франціи, Англіи, Италіи и на дальнемъ Востокѣ. Онъ ведетъ насъ къ домашнему очагу, гдѣ человѣкъ проявляется такъ какъ онъ есть, во всей своей правдивости и неподдѣльности. Съ удивительной живостью очерчиваетъ онъ читателю жизнь и стремленія еврейства, компануетъ съ поразительнымъ мастерствомъ картину ихъ внутренняго, духовнаго міра,—и вы чувствуете себя охваченнымъ и побужденнымъ чарами этого несравненнаго изложенія. Какая масса прекрасныхъ жанровыхъ картинокъ! Вотъ предъ вами еврей, любвеобильный супругъ и отецъ; вотъ еврей-земледѣлецъ, осмысленнымъ, ревностнымъ трудомъ низводящій благословеніе Божіе на свою кровлю; вотъ храбрый солдатъ, украшенный орденами за доблестное служеніе на полѣ брани царю и отечеству. Словомъ, онъ живописуетъ намъ еврея во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, причемъ не обходятся молчаніемъ и пороки, привитые ему столѣтіями горя и страданія; но это дѣлается такъ, какъ можетъ дѣлать вѣрный другъ, полный участія и озабоченный главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы указать пути къ исправленію недостатковъ. При всемъ обиліи очерковъ еврейскаго гетто, эта книга все же оставляетъ ихъ всѣ за собою, уже по тому одному, что изобилуетъ матеріалами и блестяще многосторонностью. Захеръ-Мазохъ вводитъ насъ во всѣ слои общества, въ лачуги нищеты и въ палаты богачей. Соответственно драгоценному содержанію этого труда, и внѣшній видъ его отличается роскошью и изяществомъ, какъ рѣдко какое изданіе. Извѣстные парижскіе художники заняты иллюстрированіемъ этой книги, и рисунки ихъ еще болѣе оживляютъ ея содержаніе.

Я долженъ отдать отчетъ и о другой новой книгѣ, весьма распространенной и въ еврейской средѣ, и въ христіанскихъ кругахъ. Называется она «Mahnruf an Christen und Juden» и авторомъ ея является филантропъ-христіанинъ. Авторъ, правда, утаилъ свою фамилію, но, по извѣстіямъ «Sonn und Montags-Zeitung», это—представитель высшаго круга вѣнскаго общества и скрывается онъ пока только, съ намѣреніемъ издать въ скоромъ времени новую брошюру подъ полнымъ именемъ. Свою книжку авторъ начинаетъ слѣдующими словами: «Я сѣдой старикъ, истинный христіанинъ и вѣрный

слуга государства. Жизненные соки мои оскудѣли, здоровье мое надломлено и скоро уже я отдамъ послѣдній долгъ природѣ. Но духъ мой пользуется еще юношеской свѣжестью и чувства мои не оступѣли. Память моя проникаетъ въ прошедшее на огромное расстояние; до наполеоновскихъ войнъ простирается мой взглядъ. Предъ моимъ взоромъ стоятъ еще корсиканскій завоеватель, вѣнчавшій и развѣнчивавшій королей. Я видѣлъ, какъ міры возникали и міры падали, какъ государи съ вершины земной мощи нисходили въ область равенства и свободы, и какъ новые цари вступали на переходящіе престолы. Я видѣлъ какъ палъ во прахъ заматерѣлый деспотизмъ и какъ либерализмъ подъ лучами цивилизаціи далъ почки, развившіяся въ цвѣты, благоуханіемъ коихъ я имѣлъ еще счастье наслаждаться. Ахъ! Тогда мы еще и подозревать не могли, что въ тѣхъ цвѣтахъ гнѣздятся черви, которымъ суждено много лѣтъ спустя изгрызть и попортить плоды — братство и единеніе всѣхъ сыновъ человѣческихъ, что уцѣлѣвшіе отъ червей лепестки будутъ сорваны жестокимъ ураганомъ и что вмѣсто нихъ выглянуть наружу шипы и терніи — распря и человѣконенавистничество. Мы не подозрѣвали, что либерализмъ уступить мѣсто нынѣшнему антисемитизму, который и насъ задѣнетъ».

Очертивъ нѣсколькими мѣтками штрихами печальное явленіе антисемитизма, «этой бацилы въ членахъ общества», авторъ переходитъ къ противорѣчіямъ, рѣзко обнаружившимся въ наше время, и продолжаетъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Если нынѣ великодушіе и милосердіе христіанъ возросли въ такой степени, что и животныя поставлены подъ защиту гуманности, — какъ же это случилось, что они терпятъ въ своей средѣ союзъ, поставившій себѣ цѣлью преслѣдованіе, гоненіе, лишеніе правъ и даже уничтоженіе своихъ ближнихъ и ведущій свое дѣло позорнымъ, противнымъ всякому человѣколюбію способомъ!?»

Предпріятіе разрушить основы общества — что собственно и есть конечная цѣль антисемитовъ — кажется автору и суетнымъ, и достойнымъ смѣха, «ибо, — продолжаетъ онъ, — будутъ-ли люди способны пошатнуть живую пирамиду, восходящую выше временъ, воздвигающуюся по всему міру на фундаментъ природы? Пирамида эта вопреки всѣмъ бурямъ и потрясеніямъ устояла нетронутою и о нее притупился острый

зубъ самаго времени, причинившаго паденіе сотенъ сильнѣйшихъ націй. Народъ, проливавшій въ разные вѣка несчетные потоки крови за одно единственное, трудно взвѣшиваемое слово «Есходъ», идущій въ огонь за Священное Писаніе, — такой народъ непобѣдимъ, непреодолимъ, а потому и вѣченъ!»

Авторъ затѣмъ углубляется въ анализъ антисемитизма въ слѣдующихъ весьма характерныхъ выраженіяхъ: «Что такое антисемитизмъ, — спрашиваетъ онъ, — и въ чемъ правоспособность его адептовъ? Чтобы стать антисемитомъ, отнюдь не нужно сдать послѣдовательнаго государственнаго экзамена по философіи, психологіи, гомилетикѣ, риторикѣ и исторіи, даже не по простому письму и чтенію; за то требуется выдержать испытаніе по совершенно инымъ предметамъ; антисемиту надлежитъ:

1) умѣть совершенно игнорировать принципы и исторію христіанства;

2) носить въ себѣ отъ рожденія зародыши нетерпимости;

3) посѣщать неизмѣнно всѣ тѣ собранія, гдѣ антисемитское евангеліе проповѣдуется наиболѣе горластыми крикунами, гдѣ читается курсъ «анатоміи» организма еврейства, гдѣ держатся совѣты о томъ, слѣдуетъ-ли евреевъ «вѣшать или обезглавливать», гдѣ, наконецъ, обсуждается лучшій способъ предстоящаго дѣлажа еврейской собственности;

4) читать всѣ изрыгающія отраву антисемитскія газеты, исключительно наполненныя юдофобіей, преслѣдованіемъ, враждой и инсинуаціями, которыя, еслибъ только не боялись высказывать все, что думаютъ, не постѣснились бы сдѣлать выводъ о необходимости совершеннаго уничтоженія цѣлаго народа;

5) лаять на всякаго проходящаго еврея, и ежели возможно, то и искушать его.

«Вотъ когда успѣшно пройдеши испытанія по всѣмъ вышеотмѣченнымъ предметамъ, покажешь свое умѣніе кричать, срамить, лгать, доносить, обвинять, пьянствовать и драться, тогда ты вполнѣ созрѣлъ, тогда ты становишься настоящимъ антихристіанскимъ античеловѣкомъ!»

Этому всему авторъ противопоставляетъ въ мѣткой характеристикѣ еврейскія добродѣтели, которыя могутъ послужить образцомъ и для христіанскаго міра.

«Но и антисемитизмъ, — продолжаетъ анонимный сочинитель, — имѣетъ свои задачи, подобно тому какъ все вообще на

свѣтъ имѣеть свое назначеніе. Все должно служить общему левому цѣли. Антисемитизмъ нуждается въ еврействѣ, а еврейство—въ антисемитизмѣ. Ибо быть антисемитомъ—это своего рода наслажденіе. Разъ приобрѣлъ право отрекаться отъ такового, — ты сдѣлался по крайней мѣрѣ «нѣчто», о чемъ свѣтъ услышитъ, печать потолкуетъ и судья поразмыслитъ. Притомъ станешь вѣдь и дѣйствительнымъ членомъ какой-нибудь кабака, учрежденнаго на деньги антисемитскаго кандидата въ парламентъ.—Евреи опять-таки нуждаются въ антисемитизмѣ, ибо безъ него національная идея, особенность еврейской народности, пожалуй, исподоволь бы заглохла. Антисемитизмъ—часы-будильникъ, подымающій народъ Израиля отъ восемнадцативѣкового сна и будящій въ немъ національный духъ».

Напомнивъ и евреямъ, что имъ не слѣдуетъ забывать объ ихъ назначеніи, и указавъ имъ въ мягкихъ выраженіяхъ на нѣкоторые недостатки, въ возникновеніи коихъ они, впрочемъ, не повинны, авторъ заканчиваетъ свой «Mahnruf» слѣдующими вдохновенными словами:

«Нѣтъ! Израиль не погибнетъ! Какъ невозможно, чтобы ядро, которымъ выстрѣлили въ небо, достигло своей цѣли, какъ немыслимо остановить порывъ вѣтра, исчерпать океанъ,—такъ абсолютно-невозможно вырвать изъ почвы исторіи родъ людской, посѣянный на ней Богомъ и природой. Антисемитизмъ какъ туманъ разсѣется подъ лучомъ вѣчно-прогрессирующей человѣчности и исчезнетъ подобно сновидѣнію»...

Можетъ быть, даже это пророчество и не замедлитъ совершиться и доброе начало наконецъ возьметъ верхъ надъ злымъ; можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ скоро исполнится то, о чемъ гласитъ прекрасная молитва Израиля въ праздничные дни мѣсяца Элула: «И всѣ люди заключатъ великій союзъ и преклонятся предъ благомъ любви и правды»...

Нельзя отрицать, что тамъ и сямъ уже проявляются даже навѣстные симптомы близкаго паденія антисемитизма. Императоръ Францъ-Иосифъ неоднократно недвусмысленнымъ образомъ выражалъ свое осужденіе антисемитизма. «Я не терплю расовой вражды въ моей странѣ»,—гласитъ золотыя слова, недавно имъ произнесенныя. И то обстоятельство, что онъ отклонилъ аудіенцію, испрошенную у него антисемитской депутатомъ, болѣе чѣмъ ясно свидѣтельствуетъ о томъ, какая меръ-

ость въ его глазахъ ихъ поведеніе. Равнымъ образомъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на высочайшее милостивое выраженіе монаршаго расположенія къ нашимъ единовѣрцамъ, на слова, сказанныя императоромъ евреямъ въ Вердейнѣ. Вотъ слово-въ-слово его рѣчь: «Я благосклонно принимаю ваши привѣтствія и искренно желаю, чтобы ваши единовѣрцы и ваши религіозныя учрежденія счастливо пользовались бы всѣмъ благополучіемъ и довольствомъ, какія только могутъ доставить вамъ защита закона и моя неизмѣнная благосклонность».

Все это такъ, но пока, однако, выходки антисемитизма становятся все безумнѣе; онъ дѣлаетъ отчаянныя возлинные прыжки, какъ будто чувствуетъ, что часъ его близокъ. Анти-семитизмъ брызжетъ ядомъ и пѣной не только на евреевъ, онъ обладаетъ ими и всѣхъ, кто когда нибудь, теперь или въ прошедшее время, осмѣлился замолвить доброе слово о евреѣ. Не такъ еще давно литературный паяцъ въ клобука по имени Севастьянъ Брунеръ напечаталъ въ газетѣ «Volksblatt» статью подъ заглавіемъ «Lessingiasis und Nathanologie». Въ статьѣ этой онъ какъ бѣшеная собака накидывается на Нестора нѣмецкой литературы, герольда царства духа, Эфраима Лессинга. Разумѣется, при сей okazji дѣло не обошлось и безъ Мендельсона. «Мендельсонъ,—сказано тамъ между прочимъ,—удостоивалъ своею дружбой только тѣхъ христіанъ, которые приобрѣли извѣстность ненавистію къ христіанству». О самомъ Лессингѣ говорится вотъ что: «Его талмудическая вражда къ христіанству проходить сквозь всю его жизнь и всѣ его сочиненія—не какъ красная нить, а скорѣе какъ грязная веревка. Жизнь Лессинга,—говорится далѣе,—была цѣпью денежныхъ затрудненій и *«изъ-за денежныхъ затрудненій онъ былъ вѣчно готовъ ко лжи и лицемерію»*. Отъ своего перваго сочиненія «Еврей» до закончившаго его жизнь «Натана» онъ состоялъ на жалованіи у еврейства».

Понятно, что субъектъ, такъ отзывающійся о Лессингѣ, и клевета не стоитъ, но мы не можемъ лишить читателей нашихъ «писемъ» удовольствія ознакомиться съ подлиннымъ заключеніемъ бруннеровской стряпни, «полной истинно-нѣмецкихъ чувствъ». Вотъ оно.

«Станутъ-ли тысячи обмакивающихъ перо въ чернила «егудимъ» трястись, подобно пляшущимъ дервишамъ, вокругъ да около нашей манеры или безманерности въ обсужденіи

Лессинга; будутъ-ли они плеваться и глумиться, шумѣть и стучать, шикать и презрительно смѣяться, проклинать и угрожать, гнѣть о своемъ неудовольствіи и гнѣвъ во всѣхъ тонахъ; станутъ-ли гнусить, визжать или попробуютъ сорвать душу въ псалмахъ, полныхъ проклятій, или, наконецъ, сочтутъ-ли болѣе удобнымъ молча проглотить ими же вынужденныя нападки, сообразуясь съ современнымъ настроеніемъ пробужденныхъ ото сна «гоимъ», — это все равно: имъ не удастся болѣе овладѣть приближающимся потокомъ, ни своими штучками и закрючками, ни своимъ награбленнымъ и наворованнымъ золотомъ, ни своими попытками замазать глаза народу. Пискъ и визгъ *подложной исторіи литературы* замолчитъ, когда басисовы ноты фактовъ будутъ взяты при помощи педали міровой исторіи. «Натановская» лавка ликвидируетъ дѣла; кафтанъ и тюбанъ проданы. *Мазъ терпимости*, которою сто лѣтъ натирали глухихъ «гоимъ», уже обнаружила свое вредное вліяніе на организмъ христіанскаго общества; комедія досмотрѣна до конца, начинается послѣдній актъ и господа тайные антрепренеры пусть скажутъ спасибо, если ихъ только ошिकाють».

Мы же скажемъ придурковатому Севастьяну Бруннеру словами Лессинга: «Близко новое благовѣщеніе!» — то благовѣщеніе, на которое намекается въ «Натанѣ», по которому религіозность станетъ существенной частью всякой религіи, и хорошіе поступки будутъ значить болѣе, чѣмъ своеобразныя фантазіи; тогда всѣ конфликты сами собою разрѣшатся, ибо всѣ вѣры признають другъ друга членами одной семьи.

Veritas.

Львовъ, 20 сентября 1890 г.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ОБЪ ОДНОЙ СТАРОЙ КНИГѢ.

Judztwo. Napisał Edward Żukowsky.

Краковъ. Изданіе автора.

Намъ случайно попалась изданная уже нѣсколько времени тому назадъ въ Краковѣ довольно объемистая книга г. Жуковскаго, озаглавленная «Judztwo». Книга эта, разумѣется, исключительно посвящена «исслѣдованію» еврейскаго вопроса и въ свое время польская пресса не обошла ее молчаніемъ.

Въ предисловіи къ этой книгѣ читаемъ: «Еврейскій вопросъ есть одинъ изъ животрепещущихъ вопросовъ, о которомъ идутъ оживленные споры въ газетахъ, салонахъ и дворцахъ. И пресса, нѣбующая притязаніе на компетентность во всѣхъ общественныхъ и политическихъ вопросахъ, часто казалась и его. Но тѣмъ не менѣе вопросъ этотъ не повинулся ни на шагъ впередъ и виситъ еще свинцовою тучею надъ головами. Читая и прислушиваясь,—говоритъ далѣе авторъ,—я пришелъ къ убѣжденію, что общество вообще не знаетъ, что и кто такой еврей; вотъ что меня побудило къ написанію настоящей книги, посредствомъ которой надѣюсь навести благомыслящихъ людей на путь, на которомъ надлежащимъ исслѣдованіемъ возможно будетъ выискнуть въ суть предмета, а затѣмъ, изучивъ его всесторонне, выразить о немъ свое настоящее мнѣніе.

«Чтобы не блуждать въ своихъ мнѣніяхъ, выводахъ и заключеніяхъ—однаго только путь: приступить къ исслѣдованію умомъ, свободнымъ отъ предвзятыхъ мнѣній и готовымъ всегда бросить свои привязанности и провикнуться убѣжденіемъ на основаніи доказанной правды. Ибо правда—это единственно-наивысшая міровая святыня и она неминуемо способствуетъ возвышенію достоинства человѣческаго существа и доставленію ему счастья».

Прочитавъ это, вы что-то легче вздымаете; вотъ, думается, среди пустыни фанатизма, предвзятыхъ мнѣній и наугадъ постановленныхъ заключеній вы наткнулись, наконецъ, на свѣже-бьющій рудникъ точнаго изслѣдованія и здраваго критическаго анализа. Но и здѣсь, какъ обыкновенно, тотчасъ же послѣдовало разочарованіе. Авторъ въ предисловіи продолжаетъ:

«Много еще осталось для изслѣдованія въ области исторіи еврейской религіи; особенно надо изучать Талмудъ — это произведение, всегда недоступное вслѣдствіе своего большого объема и поэтому скрытое отъ глазъ изслѣдователя. Все-таки нашлись и на этомъ попрощѣ такіе свѣтлые и искренніе труженики, какъ, напр., проф. Роллингъ, отличный знатокъ еврейскаго княжнаго языка (sic), который съумѣлъ бросить надлежащій свѣтъ на характеръ и содержаніе еврейскихъ священныхъ книгъ. Я поэтому воспользуюсь тѣмъ, что уже стало доступнымъ для науки».

И вотъ гдѣ кроется критическое изслѣдованіе—въ ссылкахъ на пресловутаго и судомъ избличеннаго въ подлогѣ памфлетиста Роллинга! Разумѣется, что послѣ этихъ словъ намъ уже ясенъ пунктъ отправленія г. Жуковскаго; но Тургеневъ, пародируя афоризмъ Гете, сказалъ:

„Wenn du den Feind willst verstehen
„Musst in Feindes Lande gehen“.

И такъ, отправившись въ край врага, въ эту отлично намъ знакомую область фантастическихъ вымысловъ и всевозможныхъ абсурдовъ, и поспотримъ на источники, откуда г. Жуковскій черпалъ свои свѣдѣнія,—изъ нашей-ли богословской литературы, или изъ своего собственнаго воображенія.

Г-нъ Жуковскій раздѣляетъ исторію евреевъ на три эпохи: эпоху до ливанскаго плѣна, продолжавшуюся, согласно его мнѣнію, отъ Авраама до вавилонскаго плѣна; эпоху Торы — отъ возвращенія изъ вавилонскаго плѣна до покоренія римскому государству; эпоху же Талмуда онъ считаетъ отъ начала послѣдней діаспоры и вплоть до настоящаго времени.

Въ описаніи первой эпохи г-нъ Жуковскій категорически утверждаетъ, что до вавилонскаго плѣна идея единобожія не была даже еще въ зародышѣ. Употребляя все искусство своего пера, чтобы представить въ черныхъ краскахъ «самолюбнаго и жестокаго Іегову», покровительствующаго только одному избранному народу, авторъ говоритъ, что только ожесточенная борьба пророковъ, отъ Самуила до Ездры включительно, способствовала къ тому

чтобы Иегова побѣдилъ всѣ другія божества, обещающія больше счастья, свободы и лучшей жизненной повѣи. Прежде о-богъ «страшнаго Иеговы» нирно уживались и другія божества азыческаго міра, которыхъ евреи всегда платили дань глубокаго благоговѣнія; такое положеніе дѣлъ продолжалось бы и долѣе, еслибы не то случайное стеченіе обстоятельствъ, что Дарій, царь персидскій, несомнѣнно преклонявшійся предъ величіемъ истиннаго Иеговы, разрѣшилъ строить новый храмъ въ Иерусалимѣ специально для Иеговы, и что Эздра получилъ абсолютную власть надъ Палестиною. Авторъ весьма сожалѣетъ объ этомъ и выражаетъ гипотезу, что «быть можетъ, еслибы не одуряющій еврейскій апокалиптизмъ, еслибы не эта таинственность, которою окружали евреи понятія о Иеговѣ,—религія опиралась бы о положенія стоической философіи, и европейскіе народы не должны были бы столько вѣковъ приносить кровавыя жертвы. Европа должна бы до монотенизма, но тогда понятіе это не было бы заимствовано отъ жидовъ».

Понимаю, что читатель въ недоумѣніи: вѣдь принципъ единобожія, — спроситъ онъ,—этотъ краеугольный камень нашей религіи, былъ еще провозглашенъ на Синаѣ, передъ тѣмъ, какъ еврейскій народъ выступилъ на историческую арену съ своимъ государственнымъ устройствомъ? Но прошу не забѣгать впередъ; авторъ дастъ намъ подробное объясненіе своихъ словъ въ описаніи второй эпохи—эпохи «Торы».

«Въ исходѣ вавилонскаго плѣна,—говоритъ авторъ,—подъ персидскимъ владычествомъ изъ среды поэтовъ и пророковъ вышелъ человѣкъ—великанъ, не пустой мечтатель, а законодатель и неутомимый труженикъ въ дѣлѣ организаціи іудейства и изолированія его отъ человѣчества. Онъ-то и написалъ великое законодательно-религіозное произведеніе, которое и составляетъ собою всеобнимающую эпопею жизни еврейства. Собралъ всѣ письменныя и устные традиціи и народныя легенды израильскаго народа, Эздра наложилъ ихъ во своему и отъ имени Моисея обнародовалъ законодательно-религіозный статутъ подъ названіемъ «Торы», гдѣ Иегова выступаетъ лично и дѣлаетъ свою божественную волю, воплощенную въ статьяхъ, ниспосланныхъ своему избранному народу. Такимъ образомъ образовалось Моисеево Пятикнижіе, фундаментъ еврейской, а затѣмъ христіанской и магометанской религій. Эздра при написаніи этого произведенія, а затѣмъ при основаніи теократически-олигархической еврейской республики руководился однимъ чувствомъ, которымъ былъ проникнутъ до мозга костей: чувствомъ глубочайшей ненависти ко всему остальному человѣчеству. По этому своему ша-

блону онъ устроилъ и синадріонъ, который былъ исполнительною властью всѣхъ ужо-національныхъ предначертаній Эздры».

Здѣсь авторъ находитъ объясненіе возникновенія двойного Божественнаго откровенія, письменнаго и устнаго (לפי לוחם ופיפי, דלפי פיפי), и продолжаетъ:

«Эзра съ синадріономъ въ силу обстоятельствъ должны были играть двучинную роль: открыто и во всеуслышаніе они показывали свою смиренную покорность господствующему персидскому государству; а тайно предъ Израилемъ они проповѣдывали о правахъ, о свободѣ и о томъ, какъ зависимость евреевъ противна Богу-Іеговѣ. Исходя изъ этой точки, они вели догматъ двойного Божественнаго откровенія: письменнаго и устнаго. Первое было проповѣдуемо народу, а второе тщательно укрывалось отъ зоркаго государственнаго ока и сохранилось лишь въ памяти ученыхъ и благочестивыхъ софаринъ и перушинъ. Вавилонскій характеръ въ теченіе 20-ти вѣковъ выработался подъ вліяніемъ этого двойного образа дѣйствій и до сихъ поръ еще можно узнать его отпечатокъ. По вѣщному виду они—патріоты пріютившаго ихъ края и охотно подчиняются господствующимъ государственнымъ законамъ; но внутри—признаютъ одно лишь Божественное право, дошедшее до нихъ по преданію».

Авторъ переходитъ затѣмъ къ эпохѣ Талмуда и тутъ заявляетъ, что однимъ изъ главныхъ обстоятельствъ, приведшихъ его къ убѣжденію, что Талмудъ—безконечная и безалаберная болтовня, это—то, что во всей обширной еврейской богословской литературѣ нѣтъ ни одного произведенія, которое занялось бы обобщеніемъ разбросанныхъ по талмудическому корпусу תורה ו מ—тезисовъ, положеній и инѣй. Это ему и доказало всю бессистематичность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и несостоятельность всей талмудической діалектики.

Изложивъ вкратцѣ взгляды г. Жуковскаго на главнѣйшія событія установленныя имъ эпохъ еврейской исторіи, посмотримъ теперь, насколько авторъ дѣйствительно руководился холоднымъ разумомъ, свободнымъ отъ оковъ господствующихъ предрассудковъ. Мы коснемся лишь главнѣйшихъ его положеній, служащихъ ему исходною точкою для его «оригинальныхъ» выводовъ и заключеній.

При описаніи первой эпохи политеизма авторъ утверждаетъ, что «идеи монотеизма не было и въ зародышѣ» до выхода изъ вавилонскаго плѣна. Это инѣе, такъ категорически высказанное авторомъ, лишено, конечно, всякаго основанія. Разумѣется, что тутъ никто не можетъ сослаться на другіе

историческія памятники, кровь нашего Ветхаго Завета; черная же свѣдѣнія изъ этой «книги книгъ», мы узнаемъ, что первымъ человѣкомъ, признавшимъ «единобожіе», былъ нашъ патриархъ Авраамъ. Затѣмъ этотъ новосозданный принципъ перешелъ наслѣдственнымъ образомъ къ его потомству. Но до Моисея это понятіе было лишь достоинствѣмъ единицъ, стоявшимъ своимъ развитіемъ неизвѣрно выше общаго уровня; Моисей же смесъ этотъ принципъ «на землю» и сдѣлалъ его демократическимъ, провозгудя его предъ народамъ и запрещаая ему всякое воплощеніе Божества. Вотъ что мы узнаемъ, обращаясь къ книгѣ, которая есть первый историческій памятникъ человѣчества и къ которому обращались и до сихъ поръ обращаются историки. Но разъ г. Жуковскій приписываетъ эту Тору Эадръ, всѣ эти наши доказательства для него не существуютъ и лишены всякаго «raison d'être».

Посмотримъ же, что именно повело автора къ такому самобытному взгляду и на какихъ именно фактическихъ данныхъ онъ основалъ свое мнѣніе? Авторъ говоритъ, что до Эадры языческія божества Астарта и Молохъ съ успѣхомъ соперничали съ Яговой, и народъ былъ болѣе склоненъ къ язычеству, на что въ изобиліи находятъ свидѣтельства почти у всѣхъ пророковъ: слѣдовательно, о понятіи единобожія не было и помину. Не весьма любопытно узнать, можно-ли привести въ доказательство совершеннаго отсутствія идеи то, что она не проникла въ вѣдра даннаго общества и не усвоивалась *естемъ* его слоями? Отнюдь нѣтъ. Французскому народу и на мысль не пришло роптать противъ тогдашняго абсолютнаго режима въ то время, когда энциклопедисты тѣломъ и душою были преданы своимъ возвышеннымъ идеямъ о равенствѣ, братствѣ и свободѣ и всѣ были охвачены тѣмъ движеніемъ, которое лишь полѣвка спустя обнаружилось въ народѣ и повело его къ извѣстнымъ, столь знаменательнымъ событіямъ. Точно такъ же и здѣсь: было бы абсурдомъ утверждать, что народъ, который испоконъ вѣковъ привыкъ къ множеству разнородныхъ, конкретныхъ божествъ, представлявшихъ ему въ видѣ дерева, камня и т. д., въ одно прекрасное утро бросилъ эти понятія и сталъ воспринимчивымъ къ идеѣ о единствѣ и абсолютномъ началѣ, управляющемъ миромъ. Разумѣется, что прошло много времени, прежде чѣмъ это понятіе привилось къ народу и хорошо имъ усвоилось, такъ что оно было въ состояніи вытѣснить всѣ другія господствующія доголѣ понятія; это обычный процессъ, который неизменно переживается всѣми новыми идеями, прежде чѣмъ онѣ завоевывають себѣ право гражданства въ данномъ народѣ или обществѣ.

Такимъ образомъ одно изъ главнѣйшихъ положеній г-на Жуковского, именно что единобожіе было введено Эздрю, лишено всякаго основанія и не имѣетъ тѣни правдоподобія; оно можетъ лишь быть допусваемо людьми, приступающими къ изслѣдованію съ предвзятыми взглядами, но оно никакъ не устоитъ противъ здоровой и безпристрастной критики. Но рассмотримъ дальнѣйшіе его основные тезисы.

Въ отдѣлѣ о «Торѣ» авторъ приписываетъ колоссальное величіе Эздрѣ и утверждаетъ, что онъ составилъ намъ Ветхий Заветъ, въ который вчертакъ весь законодательно-религиозный культъ еврейства. Здѣсь г. Жумскій поставилъ дѣятельность Эздры въ такіа обширныя рамки, въ которыя не пытался еще поставить его ни одинъ богословъ или историкъ еврейской религіи; всѣ единогласно утверждаютъ на основаніи многихъ данныхъ въ Талмудѣ и собственной книгѣ Эздры, что послѣдній былъ великимъ реформаторомъ еврейской религіи, но никакъ не основателемъ ея.

Разувѣтся, что авторъ не имѣетъ за собою никакихъ данныхъ и что это гипотеза—безъ всякихъ аргументовъ; но высказавъ напередъ, что идея единобожіа не существовала до возвращенія изъ вавилонскаго плѣна и тогда была пропагандируема Эздрю, авторъ, послѣдовательный въ своихъ ошибкахъ, принужденъ сказать, что онъ-то написалъ Ветхий Заветъ и, быть можетъ, первый называетъ его законодателемъ и основателемъ религіи. Понятно, что, съ отверженіемъ перваго положенія автора, вытекающіе изъ него выводы уже не нуждаются въ опроверженіи и сами свидѣтельствуютъ о своей несостоятельности.

Если изъ предыдущихъ мнѣній г-на Жуковского можемъ вывести заключение, что онъ совершенно произвольно играетъ извѣстными историческими данными, то дальнѣйшіе его взгляды выдаютъ его чрезвычайную скудость познаній въ еврейскомъ богословіи. Именно авторъ, доискиваясь талмудическаго источника, утверждаетъ, что Талмудъ, т. е. устное ученіе, было одновременно основано съ «Торой» или съ «письменнымъ ученіемъ» и что весь Талмудъ есть продуктъ двуличія евреевъ; онъ былъ всегда укрытъ отъ власти, между тѣмъ какъ открыто евреи исповѣдывали одну лишь Тору.

Каждому мало-мальски посвященному въ еврейское богословіе горю извѣстно, что всѣ положенія Талмуда непосредственно истекаютъ изъ предписаній и законовъ «Торы» и что эти выводы основываются на 13-ти глубоко обдуманыхъ логическихъ правилахъ *титу ш'лу титу* какъ сказать, анализъ, аналогія и т. д. Талмудъ же не возникъ съ разъ вав-

редъ установленными программю и цѣлю, а выработался въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ при разныхъ обстоятельствахъ мѣста и времени. Но все это совершенно игнорируется г-нъ Жуковскій.

Вотъ плоды обученія у г-на Роллинга!

При описаніи эпохи Талмуда авторъ утверждаетъ, что недостатокъ въ еврейской богословской литературѣ книгъ, занимающихся обобщеніемъ Талмуда, привелъ его къ убѣжденію, что весь Талмудъ ничего не стоитъ. Такой пробѣлъ въ нашей богословской литературѣ существуетъ только въ воображеніи г-на Жуковскаго. Достаточно указать на прекрасное произведеніе Маймонида «*מגן עמוּנוּת מלכות ישראל*» съ комментаріями Рамбана и Дліюна, гдѣ показывается во всей своей силѣ его способность широкаго обобщенія, — чтобы доказать незнаніе автора. Но и кромѣ этого, еврейская богословская литература изобилуетъ произведеніями, посвященными исключительно обобщенію Талмуда и тракующими только объ общій правлѣхъ.

Таковы всѣ три главнѣйшіе тезисы Жуковскаго. За ними слѣдуетъ цѣлая вторая часть его произведенія, гдѣ авторъ теряетъ въ мелочахъ и даетъ волю своей безграничной ненависти къ евреямъ, съ обычными искаженіемъ историческихъ фактовъ и напастываніемъ всевозможныхъ негнностей. Для характеристики достаточно будетъ только отиѣтить, что авторъ, посвящая довольно обширное мѣсто описанію еврейскихъ праздниковъ, между прочимъ, на стр. 176 пишетъ: «седьмой день мѣсяца Нисавъ предназначенъ талмудистами *на приотовленіе христіанской крови для оръсмоковъ* и для исполненія другихъ ритуаловъ». Затѣмъ, онъ на цѣлыхъ 10 страницахъ описываетъ атрибуты приготовленія крови и приводитъ изъ польской исторіи факты, подтверждающіе его мнѣвіе.

Въ виду такихъ положеній, книга, вышедшая изъ-подъ пера г. Жуковскаго, по существу своему идентичная со многими появившимися въ послѣдніе годы подобными же памфлетами противъ еврейства, не нуждалась бы, конечно, въ разборѣ. Но авторъ въ данномъ случаѣ сталъ подъ знамя безпристрастія и безтенденціознаго критическаго изслѣдованія, и вдобавокъ придаетъ своему произведенію научный отиѣнокъ, приводя множество цитатъ изъ нашихъ богословскихъ книгъ. Польскій читатель, при всей своей добросовѣстности, усташитъ передъ арсеналомъ доводовъ и цитатъ всевѣдущаго изслѣдователя и, при невозможности для него провѣрить ихъ, повѣрять г. Жуковскому, и, можете себѣ представить—какое понятіе возымѣть о еврействѣ и его религіи. Онъ, не имѣя никакого понятія о исторіи нашей религіи, не замѣтитъ той фанатической къ намъ ненависти и

той-сгоуансе à rebours, которыя проходятъ красною нитью въ каждой изъ его разсужденій. На эту мысль навела меня и рецензія, появившаяся въ газетѣ «Prawda»—органѣ, отличающемся безпристрастіемъ и трезвымъ взглядомъ на вещи. Рецензентъ только критикуетъ тамъ, гдѣ дѣло касается области общечеловѣческой; но еврейскій культъ—это для критика геркулесовы столбы, за которые онъ не смѣетъ перейти. Эти сѣмена, заминствовавшая у Роллинга, легко могутъ найти себѣ здѣсь благодарную почву и уменьшить то уваженіе, которое евреи успѣли стяжать для своей религіи тѣми своими поступками, которые основаны на этическихъ и божественныхъ ея началахъ.

Н. Ш—скій.

БИБЛЮГРАФІЯ.

Константинъ Львовъ. Стихотворенія. С.-Петербургъ, 1890 г.

Книга г. Льдова состоитъ изъ восьми отдѣловъ, послѣдній изъ которыхъ носитъ заглавіе «На библейскія темы». Не входя въ оцѣнку всѣхъ помѣщенныхъ въ сборникѣ стихотвореній, между которыми, — замѣтить мимоходомъ, — встрѣчаются очень нилыя вещицы, остановимся на группѣ пьесъ, озаглавленныхъ «На библейскія темы».

Заглавіе этого отдѣла, по вашему мнѣнію, не вполне соответствуетъ его содержанію или, вѣрнѣе, соответствуетъ содержанію лишь нѣкоторыхъ изъ помѣщенныхъ въ немъ стихотвореній. Изъ девяти пьесъ упомянутой группы на библейскія темы написаны лишь шесть вещей (не касаясь пьесы «Изъ Евангелія отъ Іоанна»), остальные же двѣ пьесы, и самыя крупныя по размаху, представляютъ прямой и полный переводъ двухъ самостоятельныхъ номеровъ библейскаго каталога: «Книги пророка Іоны» и «Книги Руфъ». Это, въ сущности незначительное обстоятельство нѣбегъ интересъ въ виду того, что полныхъ переводовъ цѣлымъ библейскимъ миромъ въ русской литературѣ до сихъ поръ не существовало, и молодому поэту принадлежитъ починъ въ этомъ отношеніи.

Вѣстѣ съ тѣмъ, однако, слѣдуетъ замѣтить, что взятая на себя г. Льдовымъ симпатичная задача давать русской читающей публикѣ полные переводы хотя бы только нѣкоторыхъ произведеній библейской литературы налагаетъ на него и одну не совсѣмъ легкую обязанность. Мы говоримъ о необходимости для поэта знакомства съ библейскимъ языкомъ, дабы онъ могъ дѣлать свои переводы непосредственно съ древне-еврейскаго подлинника.

Необходимость знакомства съ языкомъ Библии подтверждается слѣдующимъ соображеніемъ.

Библейскій сюжетъ въ современной литературѣ можетъ имѣть тройное

значеніе: какъ памятникъ теологико-философскаго міросозерцанія одной изъ величайшихъ эпохъ культурной древности; какъ матеріалъ бытовой, въ болѣе характерныхъ, типическихъ его чертахъ; наконецъ, какъ образцы литературно-художественнаго творчества народа, поэтическія сокровища котораго легли въ основу ритуала большинства народовъ и до сихъ поръ сохранили свою неувядаемую, безсмертную красоту.

Нѣтъ сомнѣній, что съ любимъ теологическимъ ученіемъ, любую философскою системою можно ознакомиться и безъ знанія языка оригинала и пользуясь для этой цѣли переводами, если только послѣдніе точно и полностью передаютъ *смыслъ* подлинника. Но произведеніе, въ которомъ изображена цѣлая *бытовая* картина, цѣлый очеркъ жизни и нравовъ народа глубокой древности—въ связи съ образцами литературно-художественнаго творчества такого, —такое произведеніе, —говоримъ мы, —неизбѣжно должно значительно потускнѣть и вообще потерять во многихъ отношеніяхъ даже подъ перомъ лучшаго переводчика. Не слѣдуетъ забывать, что въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ о переводѣ съ одного изъ семитическихъ языковъ, отличающихся большою разнообразностью характернѣйшихъ, типическихъ особенностей. Тѣмъ болѣе, слѣдовательно, является рискованнымъ переводъ, сдѣланный не непосредственно съ подлинника, а съ другого перевода, хотя бы переводчикъ ограничивался только переложеніемъ въ русскіе стихи русскаго же прозаическаго перевода давней библейской эпохи.

Что касается г. Льдова, то, не взирая на безусловныя и крупныя достоинства его стихотворнаго перевода двухъ упомянутыхъ библейскихъ поэмъ, мы не можемъ, однако, не замѣтить, что работы его выиграли бы значительно во многихъ отношеніяхъ при знакомствѣ его съ древне-еврейскимъ языкомъ и переводѣ непосредственно съ библейскаго подлинника. Даровитый и симпатичный поэтъ, со свойственной ему чуткостью, уловилъ общій духъ библейскаго поэтическаго творчества, поскольку русскіе переводы Библии, и даже самые патентованные изъ нихъ, могли ему содѣйствовать въ этомъ отношеніи. Но въ томъ-то и бѣда, что, при всей возможной снисходительности, мы затрудняемся сказать, чтобы, изучая Библию, какъ произведеніе литературно-художественное, даже по душому изъ русскихъ ея переводовъ, можно было бы получить вѣрное и полное поватіе о богатѣйшихъ типическихъ особенностяхъ этой книги.

Для примѣра обратимся къ переводу «Книги пророка Іоны».

„И было отъ Господа слово къ Ionѣ:
 — „Иди, проповѣду! Челю премоля,
 Какъ смоченный колосъ, надеть Ниневія, —
 Ея змодѣнья дошли до Мени!“
 Iона смутился, Iона трепещеть
 И въ Фарсиѣ бѣжить отъ Господня лица.
 Вадмается парусъ, колеблется мачта,
 Корабль, содрогаясь, несетъ бѣглеца, —
 Несеть отъ Iону въ широкое море,
 Но тѣсенъ пророку безбрежный просторъ“...

И далѣе:

„И вынулъ жребій пророка Ionн...
 И спрашивать стали Ionу тогда:
 — „Скажи намъ, куда ты идешь и откуда
 И чѣмъ занимался въ родимой землѣ?
 И кто въ этой бурѣ нежданной виновенъ,
 Чей грѣхъ тяготѣеть на всемъ кораблѣ?“
 — „Я родомъ еврей, — нмъ отвѣтилъ Iона, —
 И чту всемогущаго Бога-Творца,
 Создавшаго сушу и бурное море, —
 И въ Фарсиѣ бѣгу отъ Господня лица!“
 И люди воскликнули въ страхѣ великомъ:
 — „Зачѣмъ это сдѣлалъ ты, жалкій бѣглець?“...

Цитированныя мѣста изъ первой главы поэмы, не смотря на нѣкоторыя мелочи, нарушающія дословную точность перевода ¹, прекрасно передаютъ общій духъ и колоритъ подлинника. Но уже въ первой строкѣ второй главы можно видѣть, насколько важно знаніе языка библейскаго оригинала.

Въ подлинникѣ сказано дословно слѣдующее:

«И назначилъ (или опредѣлилъ) Господь *рыбу большой* (огромной, чудовищной) проглотить Ionу; и *пробыла* Iона во чревѣ рыбы три дня и три ночи».

Составляющіе стихи у г. Льдова гласятъ:

„И повелѣлъ киту большому
 Господь Ionу проглотить
 И трое сутокъ невредимо
 Его во чревѣ *сохранить*“.

¹ Г. Льдовъ напрасно пренебрегъ такими малыми образцами, какъ, напр., въ главѣ, въ стихѣ XVI.

Не говоря уже о томъ, что выраженіе «большой китъ» само по себѣ звучитъ количнымъ плеоназмомъ, оно прямо-таки ошибочно. Слово «го-дойлѣ» въ данномъ случаѣ означаетъ не «большой», а «великій, грандіозный», или, вѣрнѣе—«чудовищный», точно также какъ выраженіе «Нам'oj-gojs Hagdojlim» въ I главѣ «Бытія» переводится не «большія свѣтила», а «селикія свѣтила». Переводчикъ взялъ слово «китъ» не какъ переводъ словъ dag-godol (большая рыба), а какъ ихъ синонимъ. Китъ не имѣлъ на древне-еврейскомъ языкѣ опредѣленнаго названія, и библейскому автору поневолѣ пришлось прибѣгнуть къ описательной формѣ выраженія. Но разъ взято слово «китъ», то въ прилагательномъ «большой» нѣтъ болѣе надобности. Весьма возможно, что въ томъ прозаическомъ переводѣ Библии, которымъ пользовался нашъ поэтъ, дѣйствительно значится «большой китъ», но это не исправляетъ дѣла. Нельзя одобрить также и вторую половину приведеннаго четверостишія. Въ текстѣ повѣствуется, что Господь повелѣлъ киту проглотить Іону; и *сробилъ* Іона во чревѣ кита три дня и три ночи, по истеченіи которыхъ пророкъ сталъ молить Бога.. и т. д. По версія же г-на Льдова выходитъ, будто Богъ прямо приказалъ морскому чудовищу держать пророка во чревѣ своемъ трое сутокъ, да къ тому еще «невредимо», т. е. киту поручено было дѣло, рѣшительно невозможное для него въ силу простыхъ естественныхъ законовъ. Конечно, для кита и это было бы возможно, если бы того дѣйствительно требовалъ отъ него Господь Богъ; но милосердый Творецъ, пекущійся о всякой твари, ничего подобнаго отъ кита не требовалъ,—и грѣхъ въ этомъ дѣлѣ падаетъ цѣликомъ на г-на Льдова.

Черезъ нѣсколько строчекъ, на той же страницѣ, встрѣчается другая неточность:

„Я погрузился въ сердце моря“.

Въ подлинникѣ сказано: «bilwaw jamim»; слово «lew» дѣйствительно означаетъ «сердце», слово «jam»—море. Но выраженіе bilwaw jamim, тѣмъ не менѣе, переводится не «въ сердце моря», а «въ глубину морскую». Слово «lew» въ сочетаніи съ словомъ «море» (Иезекииль, 27, 4, Исходъ, 15, 8, и проч.), какъ равно то же слово съ словомъ schomaim, т. е. небо (Второзаконіе, 4, 11)—означаетъ «глубину», «нѣдра». Выразеніе *сердце моря*, какъ и *сердце неба*, слишкомъ ходучьно, слишкомъ колично звучитъ даже въ переводѣ съ произведенія восточной поэзіи.

Прекрасно передавъ г. Льдовымъ эпизодъ изъ Книги Царствъ (кн. IV,

гл. 4), гдѣ разсказано о «чудѣ съ елеемъ», совершенномъ величественнымъ библейскимъ правоучителемъ Елисеємъ. Стихотвореніе это г. Льдовъ заключаетъ четверостишіемъ:

„Въ конѣ капли зѣри есть, елеи въ томѣ не мелятъ,
Разлейте лишь его—и совершится чудо...
Нешчерпаема конница Вожьихъ благъ
И нѣтъ конца струѣ Господняго сосуда“.

Удачными можно назвать, въ общемъ, стихотворенія «Мертвое поле», сюжетъ для котораго взятъ изъ книги пророка Іезекіиля (гл. 37, 1—15), и «Вожій снотокъ»—изъ той же книги, гл. II. Во второмъ стихотвореніи, однако, намъ кажется непонятнымъ первое четверостишіе:

„Я видѣлъ Господа. Отверзлись небеса, —
И слава Божія очамъ моимъ предстала:
Живое облако подѣ сводами изъ кристалла,
Четыре зрѣчиха колеса“...

Что это за *сводъ изъ кристалла* и за *зрѣчія колеса*? Если поэтъ, не ограничиваясь передачей *смысла* пророческаго видѣнія, имѣлъ нацѣреніе воспроизвести *обстановку*, при которой оно происходило, то подчеркнутыя двѣ строки не дадутъ о ней никакого представленія. Среди такъ называемыхъ «большихъ пророковъ» категоріи Исаія I и II и Іереміа, отличающихся богатой и блестящей яркостью поэтической фантазіи, пророкъ Іезекіиль занимаетъ первое мѣсто въ этомъ именно отношеніи. Пророчества его вообще представляютъ собою дѣйствительно рядъ «видѣній», «пророческихъ сновъ», изобилующихъ крайней фантастичностью. Взятое же г. Льдовымъ «видѣніе» посѣтило пророка на берегу одной изъ вавилонскихъ рѣкъ, т. е. «въ изгнаніи», и въ соответствующей главѣ возбужденное до крайности, при такихъ обстоятельствахъ, воображеніе пророка рисуетъ намъ, или, вѣрнѣе, силится нарисовать «*славу Господню*», т. е. не болѣе, не менѣе какъ *престолъ* Всевышняго. Получается *реальное* представленіе, находящееся, однако, внѣ всякой зависимости отъ условій времени, пространства, взаимодѣйствія силъ, словомъ—стоящее внѣ всякихъ правилъ и законовъ міра физическихъ явленій. Затѣмъ прибѣгалъ пророкъ къ *такимъ* приемамъ при изложеніи своихъ вѣщаній относительно фактовъ и событій социальнаго-политическаго характера, есть-ли это его недостатокъ или, наоборотъ, является хорошо расчитаннымъ, цѣлесообразнымъ эффектомъ ораторскаго свойства,—это вопросъ посторонній, который

не здѣсь нѣсто разбирать. Мы не говоримъ, что легко передать въ переводѣ всю сумму этихъ крайне фантастическихъ, поражающихъ своей грандіозностью и чудовищностью картинъ и образовъ, какими изобилуетъ соответствующая глава Іезекиіа. Но если г. Льдовъ хотѣлъ дать о нихъ хотя отдаленное представленіе, онъ не долженъ былъ ограничиться приведенными двумя строчками. Скорѣе слѣдовало бы въ первыхъ же строчкахъ отиѣтить, что видѣніе посѣтило пророка во время перваго плѣвенія вавилонскаго, которому и онъ подвергся вмѣстѣ съ «избранными» израильскаго народа. Это уже одно дало бы хотя нѣкоторое представленіе объ «обстановкѣ» повѣствованія,—а это очень важно.

Менѣе удачными намъ кажутся стихотворенія: «Изъ притчей Соломоновыхъ», «Изъ пророка Амоса» и «Суета суетъ». Но за то прекрасна во многихъ отношеніяхъ поэма «Руѣ».

„Въ тѣ дни, когда карши судьи,
Въ избранной Господомъ странѣ
Случился голодъ. Въ Іудеѣ
Стеналъ народъ. Египтелехъ¹
Вѣжалъ, скорба, изъ Внолеема
На Моавитскіа поля.
Подруга вѣрная въ печали,
Пошла за мужемъ Ноеминь
И съ ней два сына“...

Какая ясная и милая простота повѣствованія!

Далѣе: Ноеминь овдовѣла, овдовѣли и ея снохи.

„И вотъ, услышавъ, что Всевышній
Родныя села посѣтилъ
И далъ имъ хлѣбъ, она обратно
Въ отчизну дальнюю пошла“.

Пошли за нею и снохи. Она стала умолять ихъ возвратиться къ сво-

¹ Если бы г. Льдовъ былъ знакомъ съ библейскимъ языкомъ, онъ не рѣшилъ бы себѣ поставить удареніе на послѣднемъ слогѣ этого имени. „Египтелехъ“ состоитъ изъ двухъ словъ: „Эли“ (Богъ мой) и „телехъ“ (царь мой); слово „телехъ“ имѣетъ удареніе на первомъ слогѣ и сохраняетъ это удареніе и въ сочетаніи со словомъ „Эли“. Имя же это съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ звучитъ такъ же комично, какъ, напр., имена „Николай“ съ удареніемъ на „о“ или „Константинъ“ съ удареніемъ на „а“.

нить роднымъ. Одна изъ нихъ, Орфа, простилась съ Ноеминью и возвратилась на свою родину. Не захотѣла послѣдовать ея примѣру вторая сестра, Руевъ. На увѣщанія Ноемини она говоритъ:

— „О, Ноеминь! Какъ мать родная,
 Меня любила ты,—и вотъ,
 Тебѣ-ль покину въ день печали,
 Въ годину скорби и нужды?
 Клянуса, всюду за тобою
 Я стану слѣдовать—и жить,
 Гдѣ будешь ты!.. Моимъ народомъ
 Отнынѣ станеть твой народъ,
 И Богомъ—Богъ, который вземлетъ
 Твои стезяныя и молебныя...
 Клянуса Господомъ Всесильнымъ,
 Гдѣ ты умрешь—и я умру,
 И предадутъ мой прахъ долины,
 Гдѣ будешь ты погребена...
 Одна лишь смерть рукой холодной
 Меня съ тобою разлучитъ!“...

Какая трогательная любовь, сколько теплоты и обаянія въ этой прямодушной и искренней привязанности. Ноеминь — еврейка, Руевъ — моавитянка; между израильтянами и моавитянами издавна существовала сильная племенная и національная вражда. Но другъ этихъ женщинъ примирило общее горе, общая сиротливость и безпомощность, и—смотрите—какое прочное и благородное чувство ихъ связуетъ.

„... И Руевъ сказала Ноемини:
 — „Пойду я на поле, къ жнецамъ,
 И буду подбирать колосья,
 Идя смиренно по слѣдамъ
 Меня притязаннаго незлобно“...

Вотъ въ какой формѣ выражалась «помощь бѣднымъ» въ эпоху библейской древности, и врядъ-ли *эта* форма благотворительности уступитъ, въ отношеніи цѣлесообразности, вышешніи институтамъ, преслѣдующимъ ту же цѣль... Вообще въ поэзі «Руевъ» читатель найдетъ много и поучительнаго, и интереснаго, и г. Львовъ очень удачно избралъ для перевода именно эту поэму.

Не дѣлая *подробнаю* разбора книгъ г. Льдова, мы ограничимся написаннымъ. Г. Льдовъ еще молодъ, а въ Библии найдется много матеріала для критической обработки, и мы надѣемся, что молодой, даровитый поэтъ не ограничится уже сдѣланнымъ, но дастъ намъ еще неоднократно случай побесѣдовать о его работахъ съ нашими читателями.

С. Г.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

- I. ПОДЪ ГНЕТОМЪ ВРЕМЕНИ. Хроника XIII вѣка о лангедокскихъ еретикахъ, извлеченная изъ архивовъ Книжныхъ Червяковъ (Продолженіе). Н. А. Рубакина. 3
- II. О ЧЕРТѢ ОСѢДЛОСТИ. О происхожденіи и современномъ значеніи этого установленія съ точки зрѣнія русскаго человѣка (Продолженіе). Руссаго. 31
- III. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. На основаніи первоначальныхъ источниковъ печатныхъ, и рукописныхъ (Продолженіе). С. М. Дубнова. 43
- IV. ИСУСЪ НАВИНЪ. Разсказъ изъ библейской эпохи. Георга Эберса. (Продолженіе). Перев. С. О. Дятровскаго. 72
- V. ИЗЪ «КНИГИ СУДЕЙ». Стихотвореніе. Г. Н--сона. 112
- VI. ВЪ ДУХѢ ВРЕМЕНИ. Романъ (Продолженіе). Б. Ротманна. . . . 114
- VII. ИЗЪ ХРОНИКИ МѢСТЕЧКА ЧЕРАШНИ. Б. Фербера. 164
- VIII. ИЗЪ ТАЛМУДИЧЕСКИХЪ СКАЗАНІЙ. Дождь и Вѣтеръ. Стихотвореніе. С. Г. Фруга. 189
- IX. РУКОВОДСТВО КЪ РУССКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ О ЕВРЕЯХЪ. (Особое приложеніе къ «Восходу»). М. И. Мыша.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

- X. ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦИИ. (Продолженіе). Veritas. 1

XI. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕТОПИСЬ: ОВЪ ОДНОЙ СТАРОЙ КНИГѢ. *Judstwo*.
Napisal Edward Żukowsky. Краковъ. Изданіе автора. И. Ш—скаго. 15

XII. ВИДНОГРАФІЯ: *Константинъ Льдовъ. Стихотворенія. С.-Пе-*
тербургъ, 1890 г. С. Г. 25

этотъ законъ въ томъ смыслѣ, что разсматриваемыя нижніе чины не пользуются правомъ питейной торговли не только въ качествѣ содержателей питейныхъ заведеній, но и въ качествѣ находящихся въ нихъ прикащиковъ, такъ какъ слово торговля, по смыслу торговаго устава, означаетъ не только дѣйствія самого капиталиста, производящаго промыслы и обмѣнъ однихъ предметовъ на другіе, но и занятіе лицъ, содѣйствующихъ своими личными способностями и трудами производству торговли и промысловъ. къ послѣднему же разряду торговыхъ дѣятелей относятся, между прочими лицами, и торговые прикащики и сидѣльцы (ст. 56 полож. о пошл. за право торг.). Слѣдовательно, лишая отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ чиновъ права на торговлю питеями внѣ мѣстъ, дозволенныхъ вообще для осѣдности евреевъ, законъ имѣлъ въ виду не однихъ только содержателей заведеній, но и прикащиковъ или сидѣльцевъ ихъ. Иначе цѣль закона не была бы достигнута, потому что, по ст. 54 полож. о пошл., прикащики управляютъ торговыми дѣлами своего хозяина. Изъ этого, говоритъ пр. сен., видно, что виновность еврея, находящагося въ прикащикахъ въ питейномъ заведеніи, одинакова съ виновностью еврея, занимающагося торговлею питеями самостоятельно внѣ мѣстъ, дозволенныхъ для такой торговли евреямъ, а потому они и должны подлежать одинаковой отвѣтственности по ст. 1171 улож. о нак. (рѣш. гр. касс. деп. 1876 г. № 156). Эта же практика подтверждена и позднѣйшимъ рѣшеніемъ угл. касс. деп., отъ 7-го февраля 1889 г., по дѣлу Зафрана, коимъ признано, что еврей (отставной нижній чинъ), изблеченный въ производствѣ питейной торговли въ мѣстности, лежащей внѣ общей черты еврейской осѣдности, подлежитъ отвѣтственности по ст. 1171 улож. о нак. съ высылкою при этомъ на жительство въ черту общей еврейской осѣдности, хотя бы такой еврей и пользовался правомъ повсемѣстнаго жительства внѣ черты еврейской осѣдности, такъ какъ установленная 1171 ст. улож. о нак.— высылка должна быть принимается единообразно ко всѣмъ нарушителямъ означеннаго закона. Причемъ запрещеніе питейной торговли распространяется и на содержаніе внѣ черты еврейской осѣдности трактирныхъ заведеній съ продажей крѣпкихъ напитковъ (отз. деп. торг. и ман. 14-го іюня 1885 г. № 5183).

§ 169. Что касается права отставныхъ нижнихъ чиновъ и членовъ ихъ семействъ, пользующихся правомъ повсемѣстнаго жительства, приобретать недвижимую собственность внѣ черты еврейской осѣдности, то право это не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, въ виду ст. 959 т. IX изд. 1876 г.,

по которой евреи въ чертѣ общей ихъ осѣдлости, равно какъ всадѣ, гдѣ дозволено имъ постоянное пребываніе, могутъ приобретать недвижимую собственность всякаго рода, кромѣ ивѣній населенныхъ. По этому вопросу пришлось высказаться и прав. сенату, по межовому департаменту, въ рѣшеніи по дѣлу купеческаго сына (сына отставнаго солдата) Гительмана. Прав. сенатъ, на основаніи положенія 25-го іюня 1867 г., нашелъ, что отставнымъ и безсрочно-отпускнымъ нижнимъ чинамъ изъ евреевъ даровано право избрать себѣ постоянное мѣстожителство въ предѣлахъ всей Имперіи. Слѣдовательно, къ этимъ чинамъ должна вполнѣ примѣняться 959 ст. т. IX зак. о сост., изд. 1876 г., и за ними должно быть признано право на приобретение недвижимой собственности всякаго рода, кромѣ ивѣній населенныхъ, владѣніе конии евреевъ вообще запрещается (773 ст. и прил. къ ней 1 ч. X т., по прод. 1876 г.). Что же касается вопроса о томъ, распространяется-ли право приобретать недвижимую собственность (кромѣ населенныхъ ивѣній) внѣ черты общей осѣдлости евреевъ и ихъ дѣтей безсрочно-отпускныхъ и отставныхъ нижнихъ чиновъ изъ евреевъ, то этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ зависимости отъ того, дозволено-ли по закону дѣтямъ нижнихъ чиновъ изъ евреевъ право постоянного пребыванія внѣ черты общей осѣдлости евреевъ, если отцомъ ихъ избранъ постояннымъ мѣстомъ пребыванія городъ или селеніе внѣ черты общей осѣдлости евреевъ.

Изъ приложенныхъ къ ст. 522 (прил. 3) т. IX зак. о сост., изд. 1876 г., правилъ о припискѣ къ податнымъ состояніямъ солдатскихъ и матросскихъ дѣтей (ст. 1) видно, что солдатскія и матросскія дѣти обязаны приписаться къ городскимъ или сельскимъ податнымъ обществамъ, а далѣе, въ ст. 3, постановлено, что въ причисленіи означенныхъ лицъ къ податнымъ сословіямъ надлежитъ руководствоваться правилами, въ ст. 522—529 зак. о сост. постановленными. А такъ какъ, по силѣ 525 ст., приписка съ раздробленіемъ семействъ, хотя бы на одну и со стороны самихъ обществъ изъявлено было согласіе, не дозволяется, кромѣ того случая, когда лица одного семейства, по роду ремесла и промысловъ своихъ, живутъ отдѣльно, т. е. ивѣютъ постоянное пребываніе въ разныхъ другъ съ другомъ губерніяхъ, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что безсрочно-отпускные и отставные нижніе чины изъ евреевъ, избравшіе себѣ постоянное мѣсто пребыванія внѣ черты общей осѣдлости евреевъ, не только въ правѣ, но обязаны приписывать членовъ своихъ семействъ къ тому городскому или сельскому обществу, къ которому сами приписаны, за исключе-

нїемъ случая, указаннаго въ 525 ст. А изъ сего вытекаетъ, что дѣти беспрочно-отпускныхъ и отставныхъ чиновъ изъ евреевъ, нибюція мѣстопребываніе внѣ черты общей осѣдлости евреевъ, вслѣдствіе приписки ихъ отцами къ сельскому или городскому обществу внѣ этой черты, къ которому приписаны сіи послѣдніе, нибютъ на точномъ основаніи 959 ст. т. IX зак. о сост., изд. 1876 г., право пріобрѣтать въ мѣстѣ постоянного ихъ пребыванія недвижимую собственность, кромѣ нѣмнѣй населенныхъ. (Ук. пр. сен., по межев. деп., 20-го февраля 1886 г.).

§ 170. Изъ всего изложеннаго въ настоящей главѣ видно, что, въ отношеніи права повсемѣтнаго въ Имперіи жительства, практика дѣлаетъ различіе между нижними чинами: а) поступившими на службу на основаніи прежде дѣйствовавшаго рекрутскаго устава, и б) принятыми на службу по уставу 1 января 1874 г. За первыми, а равно ихъ женами и дѣтьми, признается право на повсемѣстное жительство и право торговли, промысловъ и пріобрѣтенія недвижимости, тогда какъ за вторыми отнимаются эти права, если они не пользуются таковыми самостоятельно, независимо отъ военной службы. Между тѣмъ нѣтъ законнаго, справедливаго и разумнаго основанія дѣлать такое различіе между означенными категоріями нижнихъ чиновъ, ибо: а) запрещеніе нижнимъ чинамъ изъ евреевъ селиться внѣ черты еврейской осѣдлости отиѣнено было закономъ 25 іюня 1867 г. и новымъ закономъ не восстановлено; б) тѣ и другіе нижніе чины одинаково служатъ и служили Царю и Отечеству, причѣмъ болѣе продолжительные сроки-прежней военной службы не могутъ сами по себѣ служить основаніемъ для такого различія, тѣмъ болѣе, что во время изданія закона 25 іюня 1867 г. сроки военной службы уже были значительно сокращены; и, наконецъ, в) принудительное удаленіе окончившихъ срокъ службы нижнихъ чиновъ евреевъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они служили, въ черту еврейской осѣдлости, съ которой они порвали связи, наноситъ имъ нравственное униженіе и матеріальное разстройство, что не можетъ, конечно, внушить евреямъ добрыхъ чувствъ къ военной службѣ.

ГЛАВА XIV.

Право жительства евреевъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ внѣ черты еврейской осѣдлости.

§ 171. Независимо отъ права *повсемѣтнаго* въ Имперіи жительства указанныхъ выше отдѣльныхъ категорій евреевъ по купеческому, ремеслен-

ному, образовательному и служебному цензу, въ Россіи нѣются нѣкоторыя лежащія внѣ черты общей еврейской осѣдности губерній, области и города, гдѣ евреи, хотя и не обладающіе указаннымъ цензозомъ, имѣютъ право жительства, или вслѣдствіе долговременнаго тамъ водворенія, или вслѣдствіе завоеванія края съ населеніемъ, въ составѣ котораго находились евреи, или вслѣдствіе близкаго расположенія даннаго города отъ общей черты еврейской осѣдности, или, наконецъ, вслѣдствіе соображеній о нераздробляемости семействъ.

Но, независимо отъ основаннаго на законѣ права жительства, 3-го апрѣля 1880 г., за № 30, министромъ внутреннихъ дѣлъ было предложено губернаторамъ не прибѣгать къ высылкѣ изъ вѣренныхъ имъ губерній тѣхъ жившихъ въ нихъ евреевъ, которые окажутся не имѣющими права на жительство внѣ черты еврейской осѣдности. Распоряженіе это было вызвано тѣмъ обстоятельствомъ, что, благодаря исключительно недостаточному надзору со стороны административныхъ властей за прибывающими изъ мѣстъ осѣдности во внутреннія губерніи евреями, многіе изъ нихъ успѣли не только поселиться въ мѣстностяхъ, въ которыхъ они проживать права не имѣютъ, но и вступить въ такія преимышленные предпріятія, уничтоженіе которыхъ повлекло бы за собою полное разореніе весьма значительнаго числа лицъ, какъ изъ числа самихъ евреевъ, такъ и изъ числа мѣстныхъ жителей, не принадлежащихъ къ этой національности. Въ виду этого, министерство вн. дѣлъ не могло не принять мѣръ къ тому, чтобъ оградить интересы частныхъ лицъ, невинныхъ въ допущеніи неправильнаго поселенія евреевъ, но въ то же время оно такимъ распоряженіемъ достаточно ясно указывало мѣстнымъ властямъ на необходимость принять мѣры къ прекращенію подобнаго безпорядка на будущее время. Между тѣмъ изъ поступающихъ въ министерство вн. дѣлъ свѣдѣній оказывается, что мѣстныя власти въ нѣкоторыхъ изъ губерній или не руководствуются совсѣмъ изложеннымъ въ указанномъ выше циркулярѣ распоряженіемъ и высылаютъ изъ губерній евреевъ, поселившихся до 3-го апрѣля 1880 г., или, наоборотъ, ссылаясь на означенный циркуляръ, дозволяютъ вновь селиться евреямъ, не имѣющимъ на это по закону никакого права. Въ виду такихъ свѣдѣній, м-во вн. дѣлъ сочло необходимымъ обратить вниманіе губернаторовъ на то, что, по соображеніямъ, изложеннымъ выше, имъ не слѣдуетъ своей властью высылать изъ губерній тѣхъ евреевъ, которые поселились въ ней до изданія циркуляра министерства вн. дѣлъ отъ 3-го апрѣля 1880 года и проживаютъ въ нихъ

по узаконеннымъ видамъ на жительство, и что затѣмъ на губернаторахъ лежитъ обязанность принять всѣ мѣры въ тому, чтобъ отнюдь не дозволялось жительство во вѣрренныхъ управленію ихъ губерніяхъ тѣмъ вновь прибывшимъ евреямъ, которые на это по закону не имѣютъ права (цирк. мин. вн. дѣлъ 21-го іюня 1882 г. № 1656).

И такъ, недостаточный надзоръ со стороны администраціи и интересы частныхъ лицъ, невинныхъ въ допущеніи неправильнаго поселенія евреевъ, послужили основаніемъ къ недопущенію высылки евреевъ властью самихъ губернаторовъ изъ мѣстъ, находящихся внѣ черты еврейской осѣдлости, что, однакоже, не препятствуетъ высылкѣ евреевъ съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, если они по своему поведенію окажутся нетерпимыми въ мѣстахъ своего поселенія.

Впрочемъ, означенный циркуляръ, какъ мѣра административная, не гарантируетъ евреевъ отъ послѣдствій, сопряженныхъ съ проживаніемъ ихъ не на законномъ основаніи внѣ черты еврейской осѣдлости, какъ мы видѣли выше по дѣлу Животинскаго (§ 159), гдѣ сенатъ нашель, что нарушеніе закона не можетъ быть покрываемо разрѣшеніемъ какой бы то ни было административной власти, а потому сенатъ призналъ правильнымъ призывеніе къ Животинскому ст. 1171 улож. о нак., не смотря на то, что онъ имѣлъ отъ харьковской полиціи разрѣшеніе на проживаніе и торговлю въ Харьковѣ, сославшейся при этомъ на означенный циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ.

Такъ какъ о правѣ жительства евреевъ въ области Войска Донскаго мы уже говорили выше (§ 105), то въ настоящей главѣ мы разсмотримъ право жительства ихъ: 1) въ Курляндіи и г. Ригѣ; 2) въ г. Севастополѣ; 3) въ г. Киевѣ; 4) на Кавказѣ; 5) въ Туркестанѣ и 6) въ Сибири.

§ 172. Говоря о тѣхъ евреяхъ, которымъ предоставлено право постоянного жительства въ только что перечисленныхъ мѣстностяхъ внѣ общей черты еврейской осѣдлости, нельзя не коснуться вопроса о томъ, даетъ-ли это право такимъ евреямъ преимущественно проживать и въ другихъ губерніяхъ, лежащихъ внѣ черты еврейской осѣдлости. Этотъ вопросъ наврядъ-ли можетъ быть разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, такъ какъ право евреевъ на повсемѣстное жительство по нашимъ законамъ не подразумевается, а должно быть положительно выражено. Это вытекаетъ, съ одной стороны, изъ существованія дозволенія евреямъ проживать въ опредѣленныхъ губерніяхъ, какъ находящихся въ общей чертѣ еврейской осѣдлости, такъ и внѣ оной, а съ другой—изъ наличности нѣкоторыхъ законополо-

женій, дарованихъ извѣстнымъ категоріямъ евреевъ право повсемѣстнаго жительства въ Россіи. Стадо быть, когда правительство находило нужнымъ снять съ тѣхъ или другихъ евреевъ существующія ограниченія относительно права жительства, оно издавало по этому предмету соответственные законоположенія. Поэтому и евреи, пользующіеся правомъ осѣдности въ Курляндіи, Ригѣ, Севастополѣ, Кіевѣ, на Кавказѣ, въ Туркестанскомъ краѣ и Сибири, могутъ проживать повсемѣстно въ Имперіи лишь тогда, если они подходятъ подъ категоріи лицъ, которымъ предоставлено право повсемѣстнаго жительства.

I. Право жительства евреевъ въ Курляндіи и г. Ригѣ.

§ 178. Изъ Высочайше утв. 14-го марта 1799 г. доклада сената о дозволеніи евреямъ имѣть жительство въ Курляндской губ. видно, что до этого времени евреи жили въ Курляндіи болѣе 200 лѣтъ. Но когда сенату потребовались свѣдѣнія о томъ, къ какому роду людей причислены курляндскіе евреи, сколько, какими они обложены податями и на какомъ основаніи они имѣютъ тамъ пребываніе, то курляндское губернское правленіе донесло, что евреи въ Курляндіи никогда *закономъ образомъ* терпимы не были. По замѣчанію означеннаго правленія, евреи въ городѣ Гагенпотѣ пользуются, правда, съ давнихъ временъ правомъ гражданства, но всегда почитались и почитаются за *окрашившихся*. Поэтому они, во имѣніи губ. правленія, ни въ какой родъ жизни записаны быть не могутъ.

Сенатъ посматрѣлъ, однако, на дѣло иначе. Онъ нашелъ, что такъ какъ евреи пребывали въ Курляндіи болѣе 200 лѣтъ, то и нельзя почитать ихъ *окрашившимися*, а тѣмъ менѣе лишать ихъ столь древняго жилища, когда и въ нѣкоторыхъ другихъ російскихъ губерніяхъ пребываніе ихъ не запрещается. Вслѣдствіе этого сенатъ предписалъ губерн. правленію, сообразуясь съ мѣстными обстоятельствами и законами, представить свое мнѣніе: на какомъ основаніи оставить евреевъ въ Курляндіи, какъ для пользы общей, такъ и ихъ собственной; въ какой родъ жизни записывать ихъ и какія принять мѣры къ вѣрнѣйшему выясненію съ нихъ податей и другихъ повинностей. Вслѣдствіе этого, губерн. правленіе представило сенату планъ такого рода: всѣхъ евреевъ, живущихъ въ Курляндіи и Пильтенскомъ округѣ и имѣющихъ недвижимое имѣніе, соединить въ одно общество, съ тѣмъ, чтобы они обязались другъ за друга платить ежегодныя подати и чтобы избранные между ними старшины одни

могли рѣшить, кто имѣлъ и впредь достоинъ быть въ этомъ обществѣ. Затѣмъ всѣхъ ихъ приписать къ г. Газенпоту, гдѣ они пользовались тогда правомъ гражданства, а въ другихъ городахъ запретить имъ всякое гражданское ремесло. Вышедшимъ же изъ другихъ мѣстъ къ Курляндскую губернію евреямъ велѣть возвратиться въ другія ихъ жилища, исключая тѣхъ, которые представляютъ надежное поручительство въ исправномъ платѣжѣ до будущей ревизіи податей.

Изъ этого нельзя не видѣть, что въ сущности планъ губернскаго правленія клонился къ удаленію евреевъ изъ Курляндіи, ибо разъ осуществилось бы предположеніе губ. правленія о воспрещеніи имъ всякаго ремесла въ городахъ Курляндской губ., кромя Газенпота, то имъ, очевидно, за неимѣніемъ средствъ существованія, пришлось бы или умереть съ голоду или удалиться изъ Курляндіи.

Сенатъ уразумѣлъ это хитросплетеніе губернскаго правленія и не принялъ его плана. Онъ прежде всего остановился на томъ, что въ узаконеніяхъ прежнихъ владѣтелей Курляндіи ничего не было постановлено о евреяхъ, исключая даннаго имъ гражданства въ г. Газенпотѣ; затѣмъ сенатъ принялъ въ уваженіе долговременное, болѣе 200 лѣтъ продолжавшееся жительство евреевъ въ Курляндіи, а также и то, что изгнаніе ихъ изъ столь древнихъ жилищъ будетъ сопряжено съ неизбѣжными для нихъ притѣсненіями. По этимъ основаніямъ сенатъ нашелъ возможнымъ дозволить евреямъ жительство въ Курляндской губ. А чтобы поселеніе ихъ обратилось въ пользу казны и общества, онъ, по примѣру тѣхъ губерній, въ которыхъ терпимость ихъ узаконена, постановилъ нѣкоторыя правила, которыя получили Высочайшее утвержденіе 14-го марта 1799 г.

Правилами этими положеніе евреевъ въ Курляндіи узаконено было на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) имъ разрѣшено было отправлять мѣщанскіе и купеческіе промыслы на основаніи городского положенія, съ запискою въ мѣщанство и купечество, но съ платжею двойныхъ податей; 2) живущимъ въ селеніяхъ велѣно непремѣнно явиться въ города объявить свои промыслы, приписаться къ обществу и получать паспорта для свободнаго пребыванія и упражненія въ промыслахъ и работахъ; 3) евреямъ дозволено было учредить въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ кагалы, для заведыванія богослуженіемъ и религиозными обрядами, строить синагоги и имѣть свои бойни и кладбища; 4) въ дѣлахъ судебныхъ велѣно было вѣдаться имъ въ магистратахъ, ратушахъ и другихъ, по принад-

лежности, судать, и 5) запрещено было закрѣплять евреевъ за кѣль либо ¹.

§ 174. Таково было юридическое положеніе евреевъ до 1829 г. Но признанное за ними въ 1799 г. право на торговлю и промыслы въ Курляндіи не давало покоя мѣстнымъ ремесленникамъ и купцамъ изъ христіанъ. Изъ сенатскаго указа 24-го мая 1829 г. видно, что вслѣдствіе представленія министра финансовъ, по всеподданнѣйшей просьбѣ купечества и ремесленниковъ г. Митавы, объ ограниченіи въ этомъ городѣ числа евреевъ приписанными въ 1797 г. къ нему семействами, поручено было мѣстному генералъ-губернатору представить *планъ объ уменьшеніи* въ Курляндіи и Лифляндіи числа евреевъ. Вслѣдствіе этого генералъ-губернаторъ въ отношеніи Лифляндіи объяснилъ, что онъ не признаетъ нужнымъ принятіе новыхъ мѣръ къ уменьшенію евреевъ въ этой губерніи, такъ какъ они живутъ только въ Ригѣ и Шлокѣ, и кромѣ Шлока ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не бываютъ записаны и изъ другихъ губерній приписываемы быть не могутъ. Въ отношеніи же Курляндской губ. генералъ-губернаторъ, согласно съ мнѣніемъ курляндскаго губернскаго правленія, считавшаго нужнымъ обратить вниманіе не только на уменьшеніе числа записанныхъ евреевъ, но и на прекращеніе умноженія ихъ посредствомъ новой приписки, полагалъ *ссылать въ Сибирь на поселеніе:* а) евреевъ, не имѣющихъ никакой опредѣленной промышленности, ведущихъ жизнь не постоянную, занимающихся факторствомъ и разноскою товаровъ; б) евреевъ, оказывающихся неправильно записанными или исключенными изъ окладовъ, если они не представляютъ отъ общества одной изъ тѣхъ губерній, въ конѣ еврейскъ позволено постоянное пребываніе, надлежащихъ о согласіи на принятіе ихъ свидѣтельствъ. Оставить же въ край, по мнѣнію генералъ-губернатора, слѣдовало бы только евреевъ, состоящихъ въ гильдіи, имѣющихъ дома, занимающихся рукодѣліями и находящихся въ дѣйствительномъ служеніи.

Указанный планъ уменьшенія евреевъ былъ переданъ для дальнѣйшей разработки въ еврейскій комитетъ. Послѣдній, находя, что при самомъ учрежденіи еврейскаго комитета въ число обязанностей было именно поставлено, чтобы онъ имѣлъ въ виду мѣры къ уменьшенію евреевъ вообще въ государствѣ и въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они еще не слишкомъ умножились; что комитетъ въ правлахъ для новаго устава о ев-

¹ П. П. С. З., т. XXV, № 18889.

режь не упустилъ изъ виду подобныхъ мѣръ, возможныхъ къ исполненію, согласно съ мнѣніемъ курляндскаго губернскаго начальства, проектировалъ слѣдующія мѣры: 1) признавать жителями Курляндіи тѣхъ только евреевъ, которые по послѣдней переписи, по поданнымъ объ нихъ сказкамъ, записаны въ курляндской казенной палатѣ; 2) каждому семейству изъ такихъ евреевъ получить изъ магистрата того города, къ которому оно приписано, свидѣтельство о правѣ на осѣдлость въ Курляндской губ.; 3) запретить евреямъ переходъ для осѣдлости изъ другихъ губерній въ Курляндію; 4) евреевъ, разъ переселившихся въ другую губернію изъ Курляндской, лишитъ права возвратиться когда либо назадъ для осѣдлости; 5) женитьба иногороднаго еврея на еврейкѣ изъ семейства курляндскаго не должна служить ему правомъ селиться въ Курляндію; 6) еврейка изъ семейства курляндскаго, вышедшая замужъ за еврея другой губерніи, слѣдуя за нимъ, теряетъ право жить въ Курляндію; 7) евреевъ, не записанныхъ вышеозначеннымъ образомъ при послѣдней ревизіи въ Курляндію и неимѣющихъ установленнаго свидѣтельства, не признавать жителями ея. Эти евреи должны выѣхать: иностранцы—за границу, польскіе—въ Царство Польское, русскіе подданные—въ тѣ города и мѣстечки, къ которымъ по ревизскимъ сказкамъ принадлежали; 8) евреи, которые нигдѣ не записаны и объявили себя въ Курляндію прописанными послѣ манифеста 22 августа 1826 г., должны приписаться, на основаніи указа 28 февраля 1819 г., въ одной изъ открытыхъ евреямъ для постоянного пребыванія губерній къ тѣмъ обществамъ, къ которымъ кто изъ нихъ окажется по родству принадлежащимъ; 9) тѣмъ изъ прописныхъ, которые въ другихъ губерніяхъ не имѣютъ родства, дать шестимѣсячный срокъ для присоединенія общества, которое бы согласилось принять ихъ; 10) если бы въ числѣ этихъ евреевъ оказались такіе, которые имѣютъ недвижимую собственность, то предоставить имъ продать ее въ двухгодичный срокъ, подъ угрозой въ противномъ случаѣ продать ихъ собственность съ публичнаго торга; 11) если до срока, назначеннаго для присоединенія новаго общества, будетъ объявленъ наборъ, то отдавать преимущественно этихъ евреевъ въ рекруты; 12) если евреи по 8 и 9 пп. правилъ, въ теченіи назначеннаго имъ срока, не примутъ себя новаго общества, то способныхъ изъ нихъ отдать въ военную службу, а неспособныхъ ссылатъ въ Сибирь на поселеніе; 13) всѣхъ евреевъ, необъявившихъ о себѣ послѣ манифеста 22 августа 1826 г. и нигдѣ не записанныхъ, считать прописными, и способныхъ изъ нихъ отдавать въ военную службу, а неспособ-

ных сослать въ Сибирь на поселеніе. Эти мѣры получили Высочайшее утвержденіе 24 мая 1829 года¹.

§ 175. *Жительство евреевъ въ посады Шлока и г. Риги*, Лифляндской губ.

Въ царствованіе императрицы Екатерины II, жительствовавшіе въ Митавѣ еврейскіе купцы обратились съ прошеніемъ о запискѣ ихъ въ русскіе купечество посада Шлока съ платежомъ узаконеннаго процента съ капитала. Императрица не нашла пренятствія къ удовлетворенію этого ходатайства, мотивировавъ свое разрѣшеніе тѣмъ, что «когда мы указомъ нашимъ позволили всѣмъ иностранцамъ безъ различія народа и закона записываться въ мѣщанство и купечество сего посада, равно какъ и другіе городовъ, на кои сіе простирается, и пользоваться выгодами, правами и свободою въ отправленіи торговъ, промысловъ и ремеселъ, кои вообще купечеству и мѣщанству русскіимъ по узаконеніямъ нашимъ присвоены, то и ничто не пренятствуетъ удовлетворить требованіе понужденныхъ еврейскихъ купцовъ»².

§ 176. Что же касается г. Риги, то здѣсь евреи терпѣли сильныя стѣсненія даже во временномъ пребываніи. Когда послѣдовалъ указъ императрицы Елисаветы Петровны отъ 2-го декабря 1742 г. о высылкѣ всѣхъ жидовъ изъ Россіи и невпускѣ ихъ на будущее время, то высшія мѣстныя Лифляндской губерніи власти и рижскій магистратъ ходатайствовали предъ центральнымъ правительствомъ объ отиѣнѣ этого распоряженія, указывая на то, что «положеніе тамошняго мѣста (г. Риги), яко пограничнаго и торговаго города, такожъ натура тамошнихъ торговъ такихъ обстоятельствъ суть, что жидамъ за торговыми промыслами пріѣзжать и отъѣзжать безъ ущерба Императорскаго Величества интереса и разоренія торгующаго мѣщанства не весьма запрещено быть не можетъ»³. Означенное ходатайство, впрочемъ, не помогло, такъ какъ императрица стояла на томъ, что отъ враговъ Христовыхъ она не желаетъ интересной прибыли. Императрица Екатерина II позволила евреямъ пріѣзжать въ Ригу для торговли, съ тѣмъ, однако, чтобы они, по пріѣздѣ въ этотъ городъ, являлись къ содержанию постоялаго «*жидовскаго двора*» и стояли на назначенной отъ него квартирѣ, подъ опасеніемъ наказанія за ослушаніе. На происходившія отъ

¹ В. П. С. З., т. IV, № 2884.

² Имен. указъ 4 февраля 1785 г. (В. П. С. З., т. XXII, № 16146).

³ В. П. С. З., т. XI, № 8840.

этого стѣсненія бѣлорусскіе евреи жаловались правительствующему сенату, который нашелъ, что такъ какъ главнѣйшая жалоба евреевъ заключалась въ томъ, что, по случаю большого количества наѣзжающихъ въ Ригу евреевъ для торговли и помѣщаемыхъ въ одною домѣ, бываетъ иногда такая тѣснота, что оттого и жизнь подвергается нерѣдко великой опасности, то на такіе случаи нажѣстническое правленіе обязано, въ отвращеніе могущихъ произойти отъ того какихъ либо претѣсненій, предписать кому слѣдуетъ о назначеніи и другія домовъ, сколько ихъ для удобнаго помѣщенія потребно будетъ¹.

Но, независимо отъ прѣзжихъ евреевъ, въ Ригѣ находились на жительство и мѣстные евреи. Такъ, изъ Высочайше утвержд. 11-го декабря 1797 г. доклада сената о назначеніи жалованья опредѣленнымъ въ рижскую цензуру двумъ евреямъ для разсматриванія ввозимыхъ въ Россію на еврейскомъ языкѣ книгъ видно, что эти евреи (Гекиль и Леви) были рижскіе жители². Далѣе, изъ приведеннаго выше сенатскаго указа отъ 24-го мая 1829 г. видно, что въ Лифляндіи евреи жили въ м. Шлокѣ и Ригѣ. Въ виду этого въ положеніи о евреяхъ 13-го апрѣля 1835 г. и сказано, что евреямъ дозволяется постоянное жительство въ г. Ригѣ и посадѣ Шлокѣ, именно тѣмъ евреямъ, которые до изданія положенія были тамъ записаны по ревизіи съ семействами ихъ³. Въ 1841 г., при разсмотрѣніи свода мѣстныхъ остзейскихъ законовъ, возникъ вопросъ относительно правъ состоянія жительствовавшихъ въ Ригѣ евреевъ. По предварительномъ разсмотрѣніи этого вопроса въ еврейскомъ комитетѣ, государственномъ совѣтѣ Высочайше утвержд. 17-го декабря 1841 г. мнѣніемъ положилъ: 1) тѣмъ изъ евреевъ, кои дѣйствительно имѣли донныѣ, т. е. до 17-го декабря 1841 г., постоянное въ Ригѣ пребываніе, дозволить приписаться къ сему городу и остаться въ ономъ на жительство, не пользуясь, однако, ни правомъ гражданства, ни правомъ пріобрѣтенія недвижимой собственности; 2) переходъ вновь на жительство евреевъ не только изъ другихъ губерній, но и изъ посада Шлока, отнынѣ впредь рѣшительно воспротитъ; 3) оставленныхъ, по силѣ настоящаго положенія, въ Ригѣ евреевъ обязать носить нѣмецкое платье, и 4) опредѣленіе правъ евреевъ

¹ П. П. С. З., т. XXII, № 16671.

² П. П. С. З., т. XXIV, № 18265.

³ В. П. С. З., т. X, № 8054, § 4.

по производству въ Ригѣ торговли отнести къ окончательному разрѣшенію общаго о рижской коммерціи вопроса ¹.

§ 177. Въ виду изложеннаго въ дѣйствующемъ законодательствѣ относительно жительства евреевъ въ острѣйскихъ губерніяхъ имѣется слѣдующее правило: въ Курляндской губ., а равно въ посады Шлюкъ, Лифляндской губ., постоянное жительство разрѣшается тѣмъ только евреямъ, кои тамъ записаны по ревизіи до 13-го апрѣля 1835 г.; переселеніе же туда евреевъ изъ другихъ губерній воспрещается. Изъ поселенныхъ въ посады Шлюкъ евреевъ тѣ только могутъ быть допускаемы къ постоянному жительству въ г. Ригѣ, кои дѣйствительно имѣли въ ономъ постоянное пребываніе до 17-го декабря 1841 года; переходъ же ихъ на жительство въ Ригу не только изъ другихъ губерній, но и изъ посада Шлюка, воспрещается (ст. 17, п. VI, уст. о пасп., по прод. 1886 г.).

Разумѣется, что изложенныя только что ограниченія не касаются тѣхъ евреевъ, которые, въ силу особыхъ узаконеній, рассмотрѣнныхъ нами выше, имѣютъ право на повсемѣстное жительство въ Имперіи.

Что же касается торговыхъ и промышленныхъ правъ евреевъ, приписанныхъ къ г. Ригѣ, то дѣйствующее законодательство постановляетъ по этому предмету, что эти права опредѣляются общими о евреяхъ постановленіями. Рижскіе евреи, хотя и не пользуются въ г. Ригѣ правомъ гражданства, могутъ, однакожь, пріобрѣтать въ г. Ригѣ и предѣльныхъ его недвижимую собственность, заниматься мелочною торговлею и другими мѣщанскими промыслами, также записываться въ гильдейское купечество и вступать въ должности купеческихъ прикащиковъ и сидѣльцевъ, на одинаковыхъ съ евреями другихъ губерній правилахъ. Въ случаѣ желанія заниматься ремеслами они могутъ, съ разрѣшенія главнаго мѣстнаго начальства, образовать особый сложный цехъ, или же вступать въ существующіе въ г. Ригѣ малые цехи (т. IX зак. о сост., прилож. къ ст. 974 (прим. 2), п. 8, по прод. 1887 г.).

II. Право жительства евреевъ въ гг. Николаевѣ и Севастополѣ.

§ 178. 20-го ноября 1829 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ о выселеніи евреевъ изъ гг. Николаева и Севастополя. Этотъ указъ начинается такъ: «Находя неудобнымъ и вреднымъ пребываніе неслужащихъ евреевъ

¹ В. П. С. З., т. XVI, № 15126.

въ гг. Севастополѣ и Николаевѣ, повелѣваемъ на счетъ поселившихся въ сихъ городахъ евреевъ постановить слѣдующія мѣры». Последнiя заключались въ томъ, что евреи, кромѣ карантинныхъ, не должны имѣть въ означенныхъ городахъ ни постоянного пребывания, ни заведенiй для отправленiя своей вѣры, равно имъ воспрещалось приписываться къ мѣстнымъ городскимъ обществамъ. Далѣе, осѣдлые въ гг. Севастополѣ и Николаевѣ евреи подлежали выводу изъ этихъ поселенiй, съ обязанностью продать свою недвижимую собственность въ теченiе двухъ лѣтъ. Засишь, евреямъ хотя и дозволялось по надобностямъ своимъ прiѣзжать въ Николаевъ и Севастополь временно, но не иначе, какъ на точномъ основанiи правилъ, изданныхъ для временнаго прiѣзда евреевъ въ города Россiи ¹.

Повидиному, эти мѣры не согласовались съ интересами какъ казны, такъ и мѣстныхъ обывателей. Уже въ 1830 г. николаевскiй и севастопольскiй военный губернаторъ, согласно съ заключенiемъ общаго присутствiя городской полицiи, магистрата и городской думы, сдѣлалъ представленiе министру внутреннихъ дѣлъ, указывая, между прочимъ, на то, что евреи, состоявшiе въ контрактныхъ отношенiяхъ съ казною, съ удаленiемъ изъ означенныхъ городовъ будутъ лишены возможности выполнять свои обязательства; что евреи, кониъ въ одноиъ Николаевѣ числилось 1,115 душъ мужского пола, до тѣхъ поръ участвовали, наравнѣ съ прочими обывателями, въ отбыванiи воинскаго поста, которымъ городъ крайне обремененъ, а также въ содержанiи городовыхъ присутственныхъ мѣстъ, квартирной комиссiи и въ другихъ повинностяхъ; съ переселенiемъ же евреевъ тяжести эти упадутъ на однихъ обывателей христiанскаго закона, которые выполнять ихъ едва будутъ въ состоянiи. Кромѣ того, указывалось, что г. Николаевъ лишится всѣхъ почти ремесленниковъ своихъ, какъ-то: портныхъ, сапожниковъ и проч., такъ какъ «этими ремеслами и другими художествами наиболѣе занимаются евреи». Далѣе, указывалось, что предположенная въ одно время продажа многихъ еврейскихъ недвижимыхъ имуществъ повлечетъ за собою величайшiе убытки и даже совершенное разоренiе.

Указанное представленiе, а равно представленiе того же военнаго губернатора въ 1832 г., въ которомъ онъ убѣдительно ходатайствовалъ объ отсрочкѣ переселенiя евреевъ, имѣло своимъ послѣдствiемъ то, что отсрочка была дана сначала на два, а потомъ еще на одинъ годъ, и затѣмъ

¹ В. П. С. З., т. IV, № 3286.

евреи были выселены ¹ изъ городовъ Николаева и Севастополя. Вслѣдствіе чего эти города лишились торговаго и ремесленнаго сословія, что слѣдуетъ заключать изъ указа отъ 7-го января 1838 г., которымъ дарованы были разныя льготы купцамъ и ремесленникамъ изъ христіанъ въ видахъ привлеченія ихъ въ эти города ².

Но эти льготы, должно полагать, не имѣли желаннаго дѣйствія, ибо 29 іюня 1859 г. послѣдовало Высочайшее утв. имѣніе государственнаго совѣта о дозволеніи евреямъ-купцамъ всѣхъ трехъ гильдій водворенія и торговли въ гг. Николаевѣ и Севастополѣ.

§ 179. Въ силу этого закона, первые три пункта котораго составляютъ теперь п. V ст. 17 уст. о пасп., по прод. 1886 г., въ означенныхъ двухъ городахъ евреямъ почетнымъ гражданамъ—потомственнымъ и личнымъ, производящимъ торговлю съ запиской въ гильдіи, и купцамъ всѣхъ трехъ гильдій ³ даруется право водворенія, промысловъ, торговли, подрядовъ и приобрѣтенія недвижной собственности на общихъ основаніяхъ, установленныхъ въ мѣстахъ, для постоянного жительства евреевъ опредѣленныхъ, но безъ распространенія на нихъ существующихъ въ означенныхъ городахъ льготъ. Это право не распространяется на евреевъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ, судомъ или надзоромъ полиціи, равно какъ и на тѣхъ, кои опорочены судебнымъ приговоромъ или оставлены по суду въ подозрѣніи. Переселяющіеся въ вышеозначенные города евреи могутъ переходить туда съ членами своихъ семействъ, въ одноѣ съ ними капиталѣ (нынѣ—свидѣтельствѣ) записанными. Евреямъ, переходящимъ въ купечество этихъ городовъ, дозволяется имѣть необходимое число прикащиковъ, конторщиковъ и сидѣльцевъ изъ евреевъ же, по собственному ихъ въ томъ усмотрѣнію, соотвѣственно кругу и свойству производимой торговли и промышленности, съ соблюденіемъ въ отношеніи означенныхъ людей правилъ, постановленныхъ о прикащикахъ, и съ тѣмъ притомъ, чтобы они, по управленію или наблюденію за подрядами, поставками и всякаго рода предпріятіями, отнюдь не употребляли тамъ, кромя своихъ прикащиковъ, стороннихъ евреевъ. Независимо отъ этого, для постоянныхъ домашнихъ услугъ дозволяется имѣть купцамъ первой и второй гильдій четырехъ, а третьей гильдіи—двухъ обоаго пола служителей изъ евреевъ на

¹ В. П. С. З., т. V, № 3703; т. VII, № 5484.

² В. П. С. З., т. XIII, № 10864.

³ Въ настоящее время существуютъ только двѣ гильдіи.

каждое семейство. Относительно же прикащиковъ, конторщиковъ, сидѣльцовъ и домашней прислуги наблюдается, чтобы они также, какъ поставлено о самихъ хозяевахъ, не состояли подъ слѣдствіемъ, судомъ или надзоромъ полиціи и не были опорочены судебнымъ приговоромъ или оставлены по суду въ подозрѣніи.

§ 180. Далѣе, въ законѣ 29 іюня 1859 г. содержатся правила относительно временного пріѣзда евреевъ въ гг. Николаевъ и Севастополь. Именно, иногороднымъ евреямъ—фабрикантамъ, заводчикамъ и купцамъ всѣхъ гильдій дозволяется пріѣзжать въ гг. Николаевъ и Севастополь на ярмарки для производства торговли на общемъ основаніи и вступать по означеннымъ городамъ въ подряды, поставки и откупа, отнюдь не употребляя по управленію или наблюденію за оными, крокъ своихъ прикащиковъ, стороннихъ евреевъ. Въ отношеніи же нужныхъ имъ прикащиковъ, конторщиковъ и сидѣльцовъ они обязаны руководствоваться вышеизложенными условіями; домашнихъ же слугъ дозволено нѣтъ купцамъ 1-й и 2-й гильдій—двухъ, а купцамъ 3-й гильдій—одного.

Далѣе, молодымъ евреямъ дозволено пріѣзжать въ гг. Николаевъ и Севастополь, какъ для усовершенствованія въ ремеслахъ, такъ и для обученія ремесламъ, а равно фабричному и заводскому производству, по формальнымъ на то условіямъ съ мастерами, фабрикантами и заводчиками.

Наконецъ, всѣмъ евреямъ—окрестнымъ жителямъ какъ Николаева и Севастополя, такъ и другихъ городовъ, въ чертѣ оѣздности евреевъ находящихся, дозволено пріѣзжать въ Николаевъ и Севастополь въ обыкновенные торговые и базарные дни, для производства тамъ торговли, на общемъ основаніи, всякаго рода припасами, также сельскими произведеніями, рукодѣліями и издѣліями и всякими предметами торговли, свободной для всѣхъ состояній въ государствѣ ¹.

Такимъ образомъ, право водворенія, промысловъ и проч. въ гг. Николаевъ и Севастополь въ 1859 г. было даровано лишь почетнымъ гражданамъ, производящимъ торговлю съ запискою въ гильдіи, и купцамъ всѣхъ гильдій. Но засимъ 28 октября 1860 г., по положенію комитета объ устройствѣ евреевъ, Высочайше разрѣшено было отставнымъ нижнимъ чинамъ изъ евреевъ постоянное въ г. Николаевѣ жительство, съ дозволенія мѣстнаго морского начальства ², а Высоч. утв. 29 іюня 1861 г.

¹ П. С. З., т. XXXIV, № 34691.

² В. П. С. З., т. XXXV, № 36264.

положеніемъ того же комитета дозволено евреямъ-иностранцамъ заниматься въ городахъ Николаевѣ и Севастополѣ производствомъ ремеслъ, какъ на правахъ иногородныхъ лицъ, такъ и съ правомъ водворенія въ оныхъ ¹. Вслѣдствіе этихъ измѣненій г. Николаевъ долженъ былъ отутиться въ числѣ мѣстностей, гдѣ евреямъ вообще дозволено имѣть жительство. И дѣйствительно, Высоч. утв. 24 марта 1866 г. мѣніемъ госуд. совѣта о дозволеніи евреямъ-иностранцамъ имѣть жительство и постоянную осѣдность въ г. Николаевѣ постановлено, между прочимъ, п. 2 ст. 17 т. XIV устава о паспортахъ—исключить ².

§ 181. Правила о водвореніи евреевъ въ гг. Николаевѣ и Севастополѣ изложены, по прод. 1866 г. къ уставу о паспортахъ, въ п. V ст. 17. И такъ какъ въ этихъ правилахъ произведены нѣкоторыя редакціонныя измѣненія на основаніи указаннаго мѣнія госуд. совѣта отъ 24 марта 1866 г., то мы считаемъ нужнымъ изложить ихъ здѣсь согласно тексту этого п. V ст. 17 уст. о пасп., по прод. 1866 года.

Пунетъ этотъ гласитъ: Въ городахъ Николаевѣ и Севастополѣ евреямъ-купцамъ дозволено водвореніе на основаніи слѣдующихъ правилъ: 1) евреямъ почетнымъ граждавамъ, потомственнымъ и личнымъ, производящимъ торговлю съ запискою въ гильдіи, и купцамъ обнѣтъ гильдіи даруются право водворенія, промысловъ, торговли, подрядовъ и приобрѣтенія недвижимой собственности въ гг. Николаевѣ и Севастополѣ, на общихъ основаніяхъ, установленныхъ въ мѣстахъ, для постоянного жительства евреевъ опредѣленныхъ. Право сіе не распространяется на евреевъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ, судомъ или надзоромъ полиціи, равно какъ и на тѣхъ, кои опорочены судебнымъ приговоромъ, или оставлены по суду въ подозрѣніи; 2) переселяющіеся въ г. Севастополь евреи могутъ переходить туда съ членами своихъ семействъ, въ одномъ съ ними свидѣтельствѣ записанными; 3) евреямъ, переходящимъ въ купечество г. Севастополя, дозволяется имѣть необходимое число прикащиковъ, конторщиковъ и сидѣльцевъ изъ евреевъ же, по собственному ихъ въ томъ усмотрѣнію, соотвѣтственно кругу и свойству производимой торговли и промышленности, съ соблюденіемъ въ отношеніи означенныхъ людей правилъ, постановленныхъ въ уставѣ торговыхъ, и съ тѣмъ притомъ, чтобы

¹ В. П. С. З., т. XXXVI, № 37080.

² Въ этомъ пунктѣ сказано, что евреямъ дозволяется постоянное жительство въ губ. Херсонской, *кроме г. Николаева*.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ВОСХОДЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

Издаваемый А. Е. Ландау.

Декабрь.

С.- ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-Литографія А. Е. Ландау. Площадь Большого Театра, 2.

1890.

ПОДЪ ГНЕТОМЪ ВРЕМЕНИ.

ХРОНИКА XIII ВѢКА О ЛАНГЕДОКСКИХЪ ЕРЕТИКАХЪ, ИЗВЛЕЧЕННАЯ ИЗЪ АРХИВОВЪ КНИЖНЫМЪ ЧЕРВЯКОМЪ.

(Окончаніе) ¹.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Увы! прошли вѣка, народы миновали,
И въ свой чередъ, нѣдъ по ихъ слѣдамъ,
Читаемъ мы прошедшаго сержалъ,
Но ихъ уроки безплодны намъ.
Стезекъ темною ошибокъ и страданій,
Какъ въ старину, проходитъ родъ людской
И жизнь дѣтей полна безумныхъ подражаній
Дѣлаемъ предковъ, спящихъ подъ землей.
Барбье. „Прогрессъ“.

Прошло десять лѣтъ. Наступилъ 1263 годъ.

Эти десять лѣтъ прошли не безплодно: старые устои средневѣкового строя все болѣе и болѣе разрушались; созидались новые.

Папство, достигшее своего высшаго развитія при Иннокентіи III, вскорѣ послѣ его смерти уже клонилось къ упадку. Правда, оно по прежнему гордилось своимъ могуществомъ, но для многихъ было очевидно, что въ это могущество народы вѣрили все меньше и меньше. Всѣ видѣли, что крестовые походы не удались. Значить, Римъ не такъ близокъ къ небу, какъ онъ говоритъ. Когда же папы заявили, что неудача крестовыхъ походовъ — наказаніе за грѣхи христіанъ, тогда глаза мыслящихъ людей обратились на Римъ и стали слѣдить за его собственнымъ поведеніемъ.

¹ См. „Восходъ“, кн. IX, X и XI.

Католическій міръ мало-по-малу сталъ разочаровываться въ Римъ, — чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Ни одинъ годъ, ни одинъ день, ни одинъ часъ не проходили для народнаго сознанія безслѣдно... Одни смѣялись надъ Римомъ и расшѣвали:

Nisi det pecuniam
Roma totum negat,
Qui plus dat pecuniam
Melius allegat.

Трубадуръ Монтаньягу писалъ: «Если послушать ихъ, такъ они не хотятъ ничего, а если посмотрѣть на нихъ, такъ берутъ все». Англійскій поэтъ Манъ острилъ: «Паперъ продаетъ всю Троицу за полкопѣйки, а у папы сердце лежитъ больше къ серебрянымъ маркамъ, чѣмъ къ евангелисту Марку»¹. Другіе искали «новой вѣры». Сколько ни старались преемники Петра направить вниманіе вѣрныхъ католиковъ на загробную жизнь, а себѣ оставить господство въ этой, — съ такимъ радѣломъ народы мирились все хуже и хуже. Движеніе проявилось въ разныхъ странахъ. Во Фландріи и Франціи секта богочеловѣковъ учила, что папа — антихристъ, что можно спастись безъ посредничества клира и святыхъ, слившись душою съ Богомъ. Появилось и быстро распространилось «Вѣчное Евангеліе», написанное калабрійскимъ монахомъ, который доказывалъ, что настаетъ воплощеніе св. Духа во всамъ и что св. Духъ уничтожитъ католичество съ папой-антихристомъ. Амальрихъ Бернскій проповѣдывалъ «Вѣчное Евангеліе» въ самомъ Парижѣ. Въ Нидерландахъ и Германіи распространялась секта братьевъ и сестеръ Свободнаго Духа и бегиновъ и бегинокъ. Университеты были переполнены людьми, неудержимо стремившимися къ образованію. Этого стремленія никто не могъ остановить, хотя многіе хотѣли. Ученіе Аверросса преподавалось профессорами съ высоты кафедръ. Здѣсь и тамъ появлялись сочиненія, стремившіяся показать истинное значеніе папы. Въ Германіи миннезенгеръ Фогельвейде пѣлъ: «Долго-ли будешь спать, Небесный Отецъ. Хранитель твоей сокровищницы, папа—воръ; твои пастыри—волки, жрущіе овецъ;

¹ Трачевскій. Op. cit.

твое судьи—атаманы разбойниковъ и убійць». Но впереди другихъ въ этомъ отношеніи стояли провансальскіе трубадуры. Они пѣли: «Всѣ пороки идутъ изъ Рима, этого царства золота: приглашаемъ всѣхъ христіанъ уничтожить эту червоточину. Они слывуть пастырями, но на дѣлѣ это убійцы. Чѣмъ выше кто стоитъ, тѣмъ хуже; чѣмъ меньше въ нихъ правды, тѣмъ больше ихъ ложь; чѣмъ меньше знанія, тѣмъ больше коварства; милосердія у нихъ нѣтъ совершенно. Никто еще не возставалъ такъ противъ Бога, какъ эти паперы возстаютъ съ древняго времени»¹. «Я не дерзну рассказать о томъ, что они дерзаютъ дѣлать. Знатность не въ породѣ, а въ добротѣ сердца и храбрости»².

Жестокости, совершенныя надъ альбигойцами, не заставили трубадуровъ замолчать³ и никого не убѣдили въ непогрѣшимости папы. Онѣ только усилили негодованіе противъ Рима. Провансальскіе еретики были принесены въ жертву; жертва эта была кровавая, но она не пропала безслѣдно: пятно альбигойской крови до сего дня не смыто съ латеранскаго дворца—жилища папы... Папамъ вѣрили все меньше и меньше.

Между тѣмъ, возвышалась власть французскихъ королей. Но и имъ какъ-то плохо вѣрили. Какъ знать, лучшее-ли будущее судила эта власть французскому народу? Феодалы искося смотрѣли на французскаго короля; горожане и виланы относились въ нему дружелюбно: они не успѣли еще его узнать...

Старый городъ Безьеръ росъ, цвѣлъ и, повидимому, благодушествовалъ. Что нужды, что инквизиція и чиновники Луи IX всячески старались удѣлить частичку его благоденствія и

¹ Li clerc si fan pastor
E son ancizedor
Aissi cum son major
Son ab mens de valor
Et ab mais de fallor...

и т. д. сирвента Пьера Кардинала. Ист. всеобщ. лит. Шерра, т. I, 189.

² Трачевскій. Op. cit. 235. Осекичъ. Ист. ср. в. Т. I.

³ Трубадуры замолкли подъ продолжительнымъ давленіемъ режима французскихъ королей, а мысли, которыя они высказывали въ своихъ пѣсняхъ, приняли другую форму и нашли другіе способы проявленія. См. Op. cit. Кольбъ, Дрѣвнѣе и др.

на свою долю? Жители иногда будировали, выказывали свое недовольство, но, впрочемъ, дѣлали все, что имъ слѣдовало дѣлать по ихъ званію.

Послѣ пожара въ доминиканскомъ монастырѣ, многіе вздохнули съ облегченіемъ: «Слава Богу! Погибъ ненавистный трибуналь!» Но никто не пытался протестовать и тѣмъ болѣе сопротивляться, когда трибуналь былъ возстановленъ. Правда, старый архивъ инквизиціи сгорѣлъ, но въ десять лѣтъ успѣлъ накопиться новый; правда, пожаръ захватилъ добрую половину монастыря, но послѣ пожара папа, убѣжденный въ несомнѣнной пользѣ святѣйшаго трибунала для истинной вѣры, предложилъ виконту Тренсеваль возобновить разрушенное огнемъ зданіе еще въ большихъ размѣрахъ. Тренсеваль хотя и никакъ не могъ усвоить доводовъ папы, тѣмъ не менѣе исполнилъ его предложеніе, и на нужды постройки собралъ необходимыя средства съ буржуа, вилановъ и евреевъ. Тѣ и другіе, и третьи платили и тѣмъ доказывали свое усердіе къ дѣламъ вѣры. Такимъ образомъ монастырь, какъ фениксъ, возникъ изъ пепла еще въ болѣе величественномъ видѣ. Зала засѣданій трибунала была расширена; зала пытокъ—тоже, и къ тому же снабжена новѣйшими «усовершенствованными» орудіями. Тюрмы были тоже усовершенствованы, въ томъ смыслѣ, что стали наводить большій ужасъ.

Пожаръ 1252 года произвелъ на жителей глубокое впечатлѣніе. Событіе это заключало въ себѣ что-то таинственное. Отчего загорѣлся монастырь? Какъ могли убѣжать узники? Куда исчезъ главный инквизиторъ? Одни говорили, что онъ сгорѣлъ въ своей кельѣ, «*homagium diabolo fecit et male finivit*»; другіе доказывали, что Антуанъ не погибъ, а скрылся намеренно, освободивъ предварительно заключенныхъ, кромѣ одного Мюре, который, какъ заклятый еретикъ, не избѣжалъ пытки и костра. Дѣйствительно, нѣкоторые изъ освобожденныхъ снова попали въ руки инквизиціи и ихъ пытали до тѣхъ поръ, пока тѣ не признались, что освободилъ ихъ не братъ Антуанъ, а самъ дьяволъ—заклятый врагъ инквизиціи. За такое предосудительное знакомство они были наказаны «безъ пролитія крови». Такъ и осталось невыясненнымъ, куда исчезъ Антуанъ.

Впрочемъ, на мѣсто исчезнувшаго инквизитора нашлся новый, хотя и не такой милостивый, какъ Антуанъ. Засѣданія трибунала почти не прекращались. Не прекращались и пытки, а казни стали даже чаще. Словомъ, все шло по старому.

Но вотъ что достойно вниманія. Казалось, все обстояло благополучно, между тѣмъ существующимъ положеніемъ вещей новый инквизиторъ не былъ доволенъ.

Въ обширной залѣ монастыря доминиканцевъ, предназначенной служить для монастырской трапезы, сидѣли три чело-вѣка. Это были папскій легатъ Клодъ, чиновникъ короля французскаго—«*bon roy Louis*»—де-Ланси и главный инквизиторъ братъ Августинъ. Они не торопясь пили прекрасное провансальское вино изъ серебряныхъ кубковъ и рассуждали о текущихъ дѣлахъ.

— Да, мессиръ,—говорилъ инквизиторъ.— Положеніе вещей не такъ прекрасно, какъ мы того бы желали. Обольщать себя иллюзіями было бы смѣшно. Незамѣтно, чтобы благія намѣренія его святѣйшества папы и его величества короля достигли своей цѣли. Ересь не уничтожается, а растетъ. Она во Франціи, Англіи, Богеміи, Фландріи, Арагоніи, Наваррѣ,—ведѣ. И мы, призванные на борьбу съ нею, сколько ни стараемся, ничего не можемъ подѣлать. Насъ здѣсь не любятъ. Каждый день я имѣю случай наблюдать, какое отвращеніе возбуждаетъ и въ дворянствѣ, и въ горожанамъ наша почтенная работа. Удивительное непониманіе душеполезныхъ стремленій святого престола!

— Васъ это очень печалитъ, святой отецъ? — спросилъ насмѣшливо де-Ланси.

— Не меньше, чѣмъ васъ, мессиръ. Припомните слова его святѣйшества: «Государство не имѣетъ болѣе опасныхъ утѣснителей, чѣмъ еретики».

— Ну, про меня этого не говорите. Признаюсь, я даже не понимаю вашей печали. Васъ вѣдь слушаютъ?

— Еще бы! Большинство слушаетъ...

— Такъ чего же вамъ больше надо?

— Да,—заговорилъ въ свою очередь папскій легатъ,—чего

же вамъ еще надо? Вѣдь вы имѣете полную возможность вести души ко спасенію.

— Души? Не слишкомъ-ли вы обольщаетесь, достопочтенный отецъ? Въ томъ-то и дѣло, что мы, инквизиторы, положительно сдѣлались пастырями тѣлесъ, а не душъ. А пастырями душъ становятся тѣ,—еретики. Насъ слушаютъ, намъ повинуются, а имъ вѣрятъ. Ересь Аверроэса становится владычицей міра. Святой престолъ издалъ противъ нея въ семь лѣтъ сорокъ буллъ,—и какой же ихъ результатъ? ¹.

— Весьма понятно,—сказалъ де-Ланси.—Вы спорите, разсуждаете. Возьмите прежде всего за правило не спорить и не разсуждать съ этими негодяями. Добрый король Луи не даромъ воскликнулъ: «Только ученѣйшій богословъ можетъ спорить съ евреемъ о вѣрѣ, а рыцарь долженъ защищать вѣру мечомъ, вонзая его въ тѣло богохульника насколько влѣзетъ» ². Это очень мудрое изреченіе, святой отецъ, оно достойно не только нашего вниманія, но и вашего. Вотъ епископъ реймскій сжегъ сто восемьдесятъ трехъ еретиковъ заразъ, безъ разсужденій ³.

— Повторяю вамъ, мессиръ, что насъ слушаютъ, а имъ вѣрятъ, что бы они тамъ ни говорили. Не дальше какъ вчера наши служители привели ко мнѣ нѣкоего Грегуара Санберо, и у него найдена вотъ эта книга. Не угодно-ли полюбопытствовать?

Братъ Августинъ подошелъ къ ящику чернаго дерева и досталъ оттуда внушительныхъ размѣровъ фоліантъ. На первой страницѣ фоліанта было написано.

«Достоверная и несомнѣнная исторія дѣяній и злодѣяній Филиппа-Августа, убійцы и клятвеннореступника, и римскаго первосвященника Иннокентія III, злодѣя, незорившаго Бога и мерзостнаго людей. По достовернымъ разсказамъ очевидцевъ и хроникамъ, и по собственному свидѣтельству написалъ Авраамъ Бенъ Хариси, докторъ изъ Безьера»⁴

— А не угодно-ли полюбоваться, что пишетъ этотъ изувѣръ? Этотъ еврей ведумалъ⁵ глумиться надъ словами покойнаго папы Иннокентія III, который писалъ: «мы не простые

¹ Трачевскій. Op. cit., 256. ² Ibid. ³ Драперъ. II, 65.

смертные, мы занимаемъ на землѣ мѣсто Бога»¹. А здѣсь онъ дерзаетъ опровергать нашего высокочтимаго Оому Аквината, на двадцати листахъ старается доказать, что «мечъ есть зло», и цѣлую книгу пишетъ о томъ, чтобы выставить передъ людьми пороки Рима. О, какая дерзость! Сказано: «не осуждай». Вѣдь Хамъ былъ проклятъ за то, что не хотѣлъ скрыть наготы своего отца. Прочтите вотъ это.

Де-Ланси наклонился надъ рукописью, написанной на пергаментѣ угловатыми буквами, и сталъ читать.

Въ указанномъ мѣстѣ рукописи стояло слѣдующее:

«Священники сдѣлались инквизиторами поступковъ. Я не за то порицаю ихъ, что они судятъ, но за то, что они властвуютъ по своимъ капризамъ. Пусть они сокрушаютъ заблужденія, но безъ злобы, одною силою убѣжденія; пусть они съ добротою приводятъ къ истинѣ тѣхъ, которые отклонились отъ вѣры; пусть они даруютъ милость и пощаду кающимся, дабы виновныхъ и невинныхъ не сдѣлать одинаково несчастными»².

Де-Ланси прихлебнулъ изъ стакана. Легать съ сокрушеніемъ покачалъ головою.

— А вотъ еще, позвольте прочесть: «Французы съ каждымъ часомъ приносили въ Провансъ свои обычаи, свою привычку уважать только тѣхъ, кто можетъ вдоволь попить и поѣсть и презирать бѣдняковъ. Они стремятся богатѣть и ничего не даютъ; ихъ правители—торгаши. Они возвышаютъ взмѣнниковъ и унижаютъ честныхъ людей. Да есть-ли нынче кто одинъ человекъ, который не думалъ бы только о своемъ желудкѣ? Только такіе, кто думаетъ объ одномъ желудкѣ,—и счастливы. А тотъ, кто любитъ справедливость, негодуетъ противъ дурного, будетъ опозоренъ»³...

— А отчего бы и не думать о желудкѣ?—улыбаясь спросилъ

¹ Древеръ. II, 62.

² Этотъ отрывокъ принадлежитъ Монтаньягу, жившему въ XIII в. Осокинъ, II, 1, стр. 201.

³ Слова Пьера Кардинала (въ XIII в.). Fauriel. Hist. de la poésie provenc. II, 219. Эти отрывки, по нашему мнѣнію, прекрасно характеризуютъ оппозицію того времени.

де-Ланси, прихлебывая изъ своего стакана. Не о томъ-ли учать древніе мудрецы заслуженной извѣстности, напримѣръ, Эпикуръ?..

— Эти беспокойные люди предъявляютъ къ человѣку положительно недѣльныя и неисполнимыя требованія.

— Да,—продолжалъ инквизиторъ,—все это такъ, а между тѣмъ книгой Хариси зачитываются. Къ счастью, она такъ велика, а переписка дорого стоитъ. Но каковъ этотъ Авраамъ?! Нѣтъ сомнѣнія, этотъ жидъ дурно кончитъ. Положительно, нужно имѣть извращенный рассудокъ, чтобы считать несправедливыми самыя обыденныя явленія. У этого жиды все несправедливо: власть папы—несправедлива, и bon гоу Louis несправедливъ, и бароны его тоже.

— Это извращенный рассудокъ. Но дѣло въ томъ, что такой не одинъ. Полюбуйтесь, у меня цѣлый ящикъ подобныхъ богомерзкихъ сочиненій, отобранныхъ отъ еретиковъ. Всѣ они, при случаѣ, будутъ сожжены рукою палача, какъ сожжены Талмудъ въ Парижѣ.

— Гм.!—крякнулъ де-Ланси.—Ваше преподобіе, надѣюсь, вѣрите, что я—наискреннѣйшій католикъ?

— О, несомнѣнно.

— Не соблаговолите-ли одолжить на нѣсколько недѣль эту книгу мнѣ? Быть можетъ, она задѣла и меня, а я терпѣть не могу, когда меня ругаютъ, а я не знаю.

— Да, благородный рыцарь, то-то и печально, что какойнибудь Авраамъ васъ ругаетъ, другіе знаютъ, а вы не знаете.

— Ха, ха, ха! Много-ли благоразумныхъ людей повѣрятъ этимъ блуднымъ сынамъ вѣка? Церковь ихъ проклинаетъ, мы ихъ жжете вмѣстѣ съ ихъ твореніями на кострахъ, а мы—мы вамъ содѣйствуемъ!..

— Да, а между тѣмъ—вѣрять. Всѣ вѣрять,—и старые, и молодые. Вчера, во время процессіи, какой-то юнецъ во всю глотку запѣлъ пѣсню нечестиваго Кардиналя, вотъ эту: «Французы и монахи считаютъ честью зло; они лишь мраку служатъ; бѣда имъ, гдѣ свѣтло. Спаси насъ, правый Боже, отъ этихъ чернецовъ. Вѣдь все, что намъ досталось отъ дѣдовъ и отцовъ, они отъ насъ отняли.... Друзья! Довольно спать: не словемъ, а

дѣлами ихъ нужно убѣждать»¹. И такія пѣсни поются мальчишками и взрослыми. На устахъ у всѣхъ только и слышишь имя Леона Дюмуленъ. Полюбопытствуйте, какую онъ пѣсню сочинилъ.

Братъ Августинъ вынулъ изъ ящика пергаментъ, на которомъ была написана уже извѣстная сирвента Леона.

— Эта пѣсня гуляетъ по всему Провансу и Лангедоку, достопочтенный отецъ... Ну, попадись мнѣ этотъ молодчикъ, который мутитъ вѣрныхъ католиковъ своими пѣснями,—я зналъ бы, какъ съ нимъ раздѣлаться. Но онъ шатается по всѣмъ странамъ и поетъ на одну и ту же нотку.

Де-Ланси и папскій легатъ молчали. Первый по прежнему прилебывалъ вино; на лицѣ второго появилось выраженіе лицемѣрнаго сокрушенія. Главный инквизиторъ все больше и больше горячился.

— Достопочтенный отецъ! — воскликнулъ онъ. — Покажите мнѣ способъ вырѣзать, выцарапать, выскоблить эту ересь изъ мозговъ тупоумной толпы! И изъ книгъ, и изъ пѣсень, и дьяволь одинъ знаетъ—откуда, на народъ и на насъ надвигается эта масса еретическихъ мыслей. Она надвигается какъ потокъ, какъ морской приливъ. Остановите же ее, уничтожьте... Нѣтъ,—не останавливается! То, что десять лѣтъ тому назадъ мы считали ересью, теперь мы, мы сами ересью не считаемъ. Объясните же пожалуйста, почему мы не считаемъ? Гдѣ тѣ щели въ нашей душѣ, въ которыя въ насъ, въ самихъ насъ прокрадывается дьяволъ? Мессиръ, это меня печалитъ до глубины души. Вѣрьте, мы сами становимся еретиками. Братья нашего ордена отваживаются писать, что «въ природѣ должно изучать не то, какъ Творецъ творитъ чудеса, а какъ живетъ она по своимъ естественнымъ причинамъ»². Въ парижскомъ университетѣ профессора учатъ, что «ничего нельзя знать изъ-за знанія теологій», что «католическая религія мѣшаетъ чему либо научиться», «рѣчи католическихъ теологовъ основаны на басняхъ»³.

¹ Вольный переводъ пѣсни Пьера Кардинала, помѣщенной у Fauriel, Hist. de la poésie prov. I, 439.

² Слова доминиканца Альберта Великаго.

³ Ланге. Исторія материализма. I, 172. Maywald. Zweifache Wahrheit, etc.

Тезисомъ для преній парижскій университетъ выставляетъ такое положеніе: «Одни философы—мудрецы»¹. Наконецъ,—ужасъ, поворъ! Увѣряютъ, что гнусная книга «О трехъ обманщикахъ» написана самимъ императоромъ Фридрихомъ. Ужъ если императоръ считаетъ основателей трехъ религій обманщиками, — значить міру приходитъ конецъ: ересь одолѣла самихъ искоренителей ереси...

— Но, святой отецъ,—вкрадчивымъ голосомъ сказалъ легатъ,—вамъ не безъизвѣстно, что парижскіе профессора осуждены; императоръ Фридрихъ былъ отлученъ и умеръ отлученнымъ.... Его святѣйшество стоитъ по прежнему на-стражѣ истинной вѣры.

— Достопочтенный отецъ! — продолжалъ инквизиторъ. — Осуждены—не значить уничтожены; эти лже-ученія ходятъ, бѣгаютъ, ползаютъ, летаютъ, рѣютъ.... Ужасъ, ужасъ! Какъ же спастись отъ ереси? Какъ ее гнать изъ себя и другихъ?

— Еще повторяю,—по прежнему вкрадчивымъ голосомъ, но не безъ авторитетности возразилъ легатъ:—зло не такъ сильно. Вы просто ошибаетесь: эти еретики идутъ не противъ насъ, а противъ нашихъ, нашихъ... (легатъ замаялся) *несовершенствъ*. Увы, мы не безгрѣшны, такъ какъ безъ грѣха одинъ Богъ... Мы это знаемъ, знаемъ... Неужели же не знаемъ! Но вѣдь еретики еще грѣшнѣе... Да и не въ томъ совсѣмъ вопросъ...

Легатъ сдѣлалъ добрый глотокъ вина и продолжалъ:

— Чтобы изгнать ересь изъ своей души, прежде всего слушайте и исполняйте безусловно всѣ повелѣнія и предписанія святого престола. Чтобы изгнать ересь изъ нашего духовнаго стада,—у васъ есть статуты *ad haereticos* и благородная помощь господина де-Ланси...

— Вотъ мы завтра испытаемъ—дѣйствительны-ли эти средства. Завтра намъ, кажется, предстоитъ разбирать дѣло Антуана. Вотъ негодяй! Представьте себѣ, достопочтенный отецъ, это—старикъ лѣтъ шестидесяти, сгорбленный, сѣдой, лохматый. Онъ напялил на свои костлявыя плечи власяницу и ходитъ изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, и всюду проповѣ-

¹ Трачевскій, Ор. cit., 235.

дуетъ, что близокъ часъ, когда придетъ на землю какое-то Добро, какая-то Истина и еще что-то извѣстное ему одному; что св. папа—страшно молвить,—антихристъ; что вѣрующіе должны читать одно Евангеліе, а изъ святыхъ отобрать лишь то, что истинно. И знаете-ли, какія нелѣпицы онъ признаетъ истиной? Вчера мы ему дѣлали допросъ. Этотъ каналья допустилъ себя до жаровни, а твердилъ свое. «Правда-ли, спрашиваю я его, что ты возбуждаешь вилановъ противъ бароновъ?»— «Я,—отвѣчалъ старикъ,—говорю лишь то, что и святые отцы, а св. Іоаннъ Златоустъ говорить: «слово «мое» отъ дьявола, потому что Господь создалъ все для всѣхъ»; а св. Амвросій говорить, что «земля была дана въ общую собственность богатымъ и бѣднымъ. Почему же вы, богатые, присваиваете себѣ однимъ право собственности?»¹

— Какое превратное толкованіе святыхъ отцовъ,—сказалъ легатъ;—не Амвросій-ли говорить, что «рабство—даръ Божій», и не Іоаннъ-ли Златоустъ утверждаетъ, что апостоль «для того оставилъ существованіе рабства, чтобы показать людямъ преимуществва свободы»?²

— Да, но его не разубѣдишь. И вотъ еще что. Противъ инквизиціи этотъ фанатикъ озлобленъ до невѣроятности. Уже какъ онъ ее ни называетъ! Очевидно, это послѣдователь еретика Вальдевія. Вотъ книжка, которую отобрали при арестѣ этого челоуѣка. Вы, вѣроятно, знаете ее. Это *Nobla Leuçon*,—любимая книга вальденцевъ. Не угодно-ли посмотрѣть, какую злую ересь она проповѣдуетъ.

Братъ Августинъ раскрылъ книгу и началъ читать слѣдующее, написанное стихами на провансальскомъ языкѣ:

«Пастыри церковные не должны убивать и проклинать лучшихъ людей и оставлять жить въ мірѣ злыхъ и обманщиковъ. Этимъ доказывается только то, что они—пастыри недобрые, что они любятъ овецъ только для того, чтобы стричь ихъ. Но Писаніе гласитъ,—да и видѣть теперь можно веадѣ,—что есть добрые люди, которые не хотятъ ни злорѣчить, ни клясться,

¹ Напомяни читателю, что въ средніе вѣка земля не принадлежала крѣпостнымъ; собственниками земли были феодалы. Жене. Ист. госуд. наукъ. I.

² Aug. Quest. in Exod. LXXVII.

ни лгать, ни любодѣйствовать, ни убивать, ни красть, ни мстить своимъ врагамъ. Это-то и есть вальденцы, за это-то ихъ и влекутъ на казнь. Тѣ злые пастыри совершаютъ много грѣховъ; за сто, за двѣсти, за триста лиръ они даютъ разрѣшеніе, а довѣрчивая паства не знаетъ, что этимъ впадаетъ въ смертный грѣхъ... Ибо истинные пастыри должны проповѣдывать народу и непрестанно внушать ему божественное ученіе»¹.

— Удивительное тупоуміе у этихъ фанатиковъ,—сказалъ де-Ланси.—И чего проще понять, что истина давнымъ-давно извѣстна,—стоитъ только навести въ Римѣ справку, что считать за истину.

Легать язвительно улыбнулся и съ разстановкой произнесъ:

— Благородный рыцарь разсуждаетъ благоразумнѣе, чѣмъ его покойный сюзеренъ Филиппъ-Августъ, который, сколько я помню, восклицалъ: «Счастливъ Саладинъ! Надъ нимъ нѣтъ папы! Мнѣ очень хочется обратиться въ магометанство!»².

Де-Ланси поморщился, услышавъ неслестное обвиненіе покойнаго короля.

— О, я этому не удивляюсь,—продолжалъ легать.—Нынѣшніе французскіе короли стремятся встать ближе къ дьяволу, чѣмъ къ папѣ.

Святой отецъ намекалъ этими словами на тѣ холодныя отношенія, которыя уже начинались въ тѣ времена между французскими королями и Римомъ и кончились въ концѣ концовъ авиньонскимъ плѣненіемъ папъ. Лицо де-Ланси еще болѣе перекосилось.

— Не совсѣмъ такъ, достопочтенный отецъ,—сказалъ онъ.—Его святѣйшество, заботясь о нашемъ спасеніи, всегда стоялъ между королемъ и дьяволомъ, значить—еще ближе къ послѣд- нему, чѣмъ мой сюзеренъ.

Легать сжалъ свои тонкія губы. Де-Ланси продолжалъ:

— О, я не хочу сказать, что Римъ грѣшенъ: вѣдь онъ же раздаетъ индульгенціи своимъ и чужимъ грѣхамъ.

¹ Zeger. Hist. des églises évangéliques de Piémont. Осокня, I, 1, 135—6.

² Дреперъ, II, 147.

— Ересь!—воскликнулъ главный инквизиторъ.—Ересь! Я говорилъ, мы сами становимся еретиками.

— Sacerdotes a regibus honorandi sunt, non judicandi ¹,—авторитетно сказалъ легатъ и, чтобы замѣть неловкость, прибавилъ:—И такъ, завтра вы будете судить еретика Антуана.

— Завтра вы его передадите намъ, а мы отправимъ на костеръ этого слугу дьявола, Антуана,—сказалъ де-Ланси.

— И вы сдѣлаете доброе дѣло,—подтвердилъ главный инквизиторъ.—Этотъ негодяй на всѣхъ перекресткахъ кричалъ слова, направленные противъ французскихъ королей. Они записаны въ протоколѣ. Вотъ эти слова...

И братъ Августинъ прочелъ небольшую выдержку изъ протокола. Услышавъ эти слова, папскій легатъ раскрылъ съ удивленіемъ глаза. Ученый человѣкъ прекрасно зналъ, кому они принадлежать.

Это были слова одного изъ столповъ папства — папы Григорія VII ².

— Ха, ха, ха!—засмѣялся де-Ланси.—Очевидно, этотъ Антуанъ не знакомъ съ логикой. Онъ не понимаетъ дѣйствительности. Завтра мы ему на немъ самомъ объяснимъ всѣ фигуры непреложнаго силлогизма: barbara, celarent, ferio, bamalip ³.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Другъ мой, братъ мой, усталый,
страдающій братъ!
Кто бѣ ты ни былъ, не давай душой!
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омтой елезамъ землей.
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И сочтется невинная кровь, —
Вѣрь, настанетъ пора — и погибнетъ
Ваалъ,
И вернется на землю любовь.

Надсонъ.

Этотъ еретикъ Антуанъ былъ никто иной, какъ бывшій

¹ Не судить священниковъ должны короли, а почитать.

² Письмо Григорія VII къ Герману, епископу Мецкому. Mausi. T. XX, ep. Greg. VII; I, IV; ep. II et I, VIII, ep. XXI.

³ Названіе фигуръ силлогизма.

инквизиторъ-доминиканецъ, авторъ нѣсколькихъ ученыхъ сочиненій въ католическомъ духѣ. Послѣ десятилѣтнихъ странствованій по Испаніи, Франціи, Германіи, Богеміи, Италіи, онъ снова возвратился въ Лангедокъ.

Здѣсь онъ хотѣлъ умереть. Онъ чувствовалъ, что приближился часъ его конечнаго искупленія.

Его прошлое кануло въ вѣчность въ тотъ моментъ, когда онъ, вмѣстѣ съ Авраамомъ бенъ Хариси, Леономъ и трупомъ несчастной Дины, отплыли на легкомъ галіотѣ отъ береговъ Франціи. Нѣтъ, справедливѣе было бы сказать, что прошлое его было тяжелымъ бременемъ, которое онъ несъ съ собою, которое не могло кануть въ вѣчность, которое давило его...

Всѣ трое были придавлены горемъ. Но общее горе не могло соединить Антуана съ Леономъ и Авраамомъ, такъ какъ между нимъ и ими лежалъ трупъ Дины, который навсегда ихъ раздѣлилъ. Во все время переѣзда Антуанъ плакалъ, молился и упорно молчалъ. Онъ избѣгалъ отвѣчать на ихъ вопросы о томъ, что побудило Дину на самоубійство. Да и они сами избѣгали говорить объ этомъ.

Антуанъ понималъ, что онъ только случайный спутникъ на ихъ кораблѣ; по приѣздѣ въ Испанію они должны разстаться.

Онъ не могъ оставаться вмѣстѣ съ ними. И они, узнавъ всю истину, не пожелаютъ остаться съ нимъ.

Антуанъ ни минуты не думалъ скрывать отъ нихъ истину. Онъ только ожидалъ того момента, когда тѣло Дины, и вмѣстѣ съ нимъ его первая и послѣдняя любовь, будетъ предано землѣ.

Это было въ небольшой деревушкѣ близъ Гибралтара. Три изгнанника только что пришли съ похоронъ. Былъ прекрасный іюльскій вечеръ, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, когда человѣкъ невольно чувствуетъ приливъ жизни, жажду дѣятельности.

Но у всѣхъ троиxъ смерть царила въ душѣ.

Антуанъ заговорилъ первый.

— Старикъ, — сказалъ онъ Аврааму. — Я теперь долженъ проститься съ тобою и Леономъ.

Докторъ и трубадуръ были удивлены его словами.

— Да, — продолжалъ Антуанъ, — проститься! Мы не можемъ

быть вмѣстѣ; вы не можете быть со мною. Я отравлю тотъ воздухъ, которымъ вы дышите.

— Другъ, братъ,—ласково обратился къ нему Леонъ. Онъ не понималъ, что побуждаетъ Антуана такъ выражаться. — Брось твое намѣреніе. Затѣмъ намъ разставаться, если всѣмъ намъ троицъ предстоитъ одно общее дѣло?

— Да,—всталъ Авраамъ,—общее, великое дѣло. Такое великое дѣло, что каждымъ бойцомъ слѣдуетъ дорожить. Не за насъ—всѣ. Насъ немного. А вездѣ ложь, мракъ.

— Вы говорите правду. Да, мы всѣ станемъ дѣлать это великое дѣло. Оно, именно оно будетъ соединять насъ вездѣ и всегда. Но я не въ силахъ быть съ вами... Страдальческій образъ Дины разъединилъ насъ, а общее дѣло теперь не можетъ удержать насъ вмѣстѣ. Наша цѣль одна, но судьба не пожелала, чтобы я шелъ къ цѣли тою же дорогой, какъ и вы...

Ни Леонъ, ни Авраамъ не понимали, причемъ тутъ несчастная Дина. Тогда Антуанъ рассказалъ имъ все безъ утайки, всю свою жизнь, исковерканную, изломанную, жизнь католическаго монаха; рассказалъ со всѣми подробностями, какъ пробудилась въ немъ жажда жизни, какъ эта жажда выразилась въ чувствѣ любви, а это чувство сосредоточилось на свѣтлой личности Дины. Онъ и теперь дорожить этимъ святымъ чувствомъ, что же въ немъ дурного? Какъ же не придти было этому чувству? Какъ ему не усиливаться? И оно возросло, и въ томъ, что онъ не нашелъ въ себѣ достаточно силъ побѣдить это чувство,—въ томъ его вина. Онъ виноватъ. Онъ не хочетъ оправдываться, что и онъ человѣкъ. Да, человѣкъ! Положимъ, что во всѣхъ людяхъ кипятъ и бушуютъ тѣ или иныя чувства. Но это не оправданіе. Онъ виноватъ. Онъ думалъ заупряманьемъ, силою сдѣлать то, что вгдѣ дѣйствія силы. Но духъ выше насилія, и святое чувство повергло его въ бездну зла. Впрочемъ, не въ этомъ одномъ его вина. Онъ не долженъ былъ соглашаться на должность главнаго инквизитора. Эта должность дала ему средство исполнить и довершить гнусный замыселъ, который кончился смертью Дины...

Антуанъ упалъ на колѣни, плакалъ и просилъ прощенія у

Леона и Авраама. Плакалъ и Леонъ; у Авраама, убитаго горемъ, на глазахъ тоже блестяли слезы.

Признаніе Антуана было для нихъ большой неожиданностью. Они объясняли себѣ смерть Дины иначе. Правда, они были увѣрены, что подъ сводами тюрьмы произошло нѣчто ужасное, что заставило Дину рѣшиться на самоубійство. Назвать по имени это *нѣчто* не рѣшался ни Авраамъ, ни Леонъ. Они догадывались, что кто либо изъ инквизиторовъ повиненъ въ смерти Дины, но они и не думали, что этотъ инквизиторъ былъ Антуанъ...

Старикъ оправился первый и, поднимая Антуана, сказалъ:
— Полно, монахъ! Я вижу твою горе и твои слезы раскаянія. Ты говоришь правду: истинный виновникъ смерти моей Дины—ты. И ты сознаешь свою вину, каешься. Въ законѣ сказано: «Богъ видитъ слезы грѣшника!» Моли о прощеніи Бога. Предъ Нимъ искупай свою вину. А я—я тебя прощаю... Дина, сѣдлая моя, дорогая Дина, я тебя больше не увижу!.. «Когда бы потоки слезъ равнялись съ моимъ горемъ, то на землѣ не было бы сухого мѣста!»¹

И онъ заплакалъ горькими слезами.

Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ.

— Ты виноватъ,—продолжалъ, нѣсколько оправившись, старикъ.—Но не ты одинъ. Виноватъ и папа Иннокентій, и Доминикъ, кто учредилъ инквизицію. Развѣ онъ не зналъ, что на свѣтѣ нѣтъ совершенныхъ людей? Развѣ онъ не зналъ, что пороки человѣчества,—нѣтъ, даже не пороки, а и лучшія чувства человѣка то же, что растенія,—на одной почвѣ они заглухнутъ, на другой расцвѣтутъ роскошнымъ цвѣтомъ. Зачѣмъ же онъ создавалъ ту почву, которая даетъ развиваться, воспитываетъ эти пороки и дѣлаетъ вредоносными лучшія наши чувства? Если хорошій человѣкъ на мѣстѣ инквизитора не можетъ не творить зла, то что же сказать про дурныхъ людей, а имя имъ легионъ? Ты говоришь: «я долженъ былъ отказаться»... Если бы отказался ты, развѣ не согласился бы другой, третій?

¹ Изъ стихотворенія Іегуды аль-Харизи. См. Erste Masamen des Charik. Berl. 1848 г.

Ты уйдешь отъ грѣха, — но этимъ грѣхъ не уничтожится, — его будутъ совершать другіе... А людямъ несчастнымъ, гонимымъ людямъ отъ того не легче, что ты остался безгрѣшенъ, а грѣшать другіе; имъ не легче, кто совершаетъ зло, — Антуанъ или кто другой... Плачь, Антуанъ, плачь, ты великій грѣшникъ! Но еще больше тебя грѣшенъ папа, вызвавшій къ жизни и благословившій ненавистный, несправедливый трибуналъ...

Авраамъ и въ эту тяжелую минуту не переставалъ быть философомъ. Но въ Леонѣ сказался человѣкъ чувства.

— Слушай, Антуанъ, — сказалъ онъ. — Богъ тебѣ судья. Я вижу твою горе и прощаю тебѣ. Но ты правъ. Мы должны разстаться. Мнѣ тяжело будетъ оставаться съ тобою. Пойдемъ къ одной цѣли, но только разными путями. Твой видъ будетъ мнѣ напоминать ее. Нѣтъ, я не могу жить съ тобою...

Всѣ трое обнялись на прощанье и разстались.

Авраамъ бѣгъ Хариси поѣхалъ въ Кордову, гдѣ усиленно принялся за свои научные историческіе и философскіе труды.

Леонъ вскинулъ на плечи свою арфу и при первомъ удобномъ случаѣ переправился въ Италію, а затѣмъ въ Германію, и тамъ пѣлъ свои пѣсни, преисполненныя ненавистью ко всему тому, что носило на себѣ печать мрака, насилія, лжи, и преисполненныя любовью къ истинѣ, справедливости, добру, красотѣ, свободѣ... Въ эти пѣсни онъ вливалъ то, что передумалъ и почувствовалъ въ своей личной жизни. Теперь его личная жизнь была разбита его великимъ, безысходнымъ горемъ; Леонъ, сколько было въ немъ силъ, отрѣшился отъ самого себя и потонулъ въ волнахъ горя общаго, страданія міроваго...

Наконецъ, Антуанъ, сбросивъ навсегда свою рясу, поселился въ Гренадѣ, зарылся въ книги, читалъ, размышлялъ и черезъ два года вышелъ изъ своего скромнаго убѣжища совершенно инымъ человѣкомъ. Онъ основательно позналъ ученость арабовъ, особенно Аверроэса и Альгазели, этихъ провозвѣстниковъ будущаго, и остатки средневѣковья въ его міровоззрѣніи — пали. Изъ этой внутренней работы онъ вышелъ болѣе бодрымъ и цѣльнымъ, чѣмъ прежде. Въ исканіи истины онъ хоть отчасти заглушилъ свое горе. Мысль оживила его, подняла его духъ и

направила его на подвигъ долгой, мучительно-напряженной проповѣди.

Онъ, не зная вальденцевъ, уже сталъ вальденцемъ.

Онъ облачился во власяницу, взялъ посохъ и понесъ свои идеи изъ страны въ страну, отъ народа къ народу.

Для всѣхъ народовъ истина одна, справедливость—тоже...

Восемь лѣтъ странствованій, полныхъ гоненій, отравленныхъ безцѣльною злобой и бессмысленною клеветой темныхъ людей, казались Антуану еще недостаточнымъ подвигомъ, недостаточнымъ искупленіемъ его вины. Онъ жаждалъ подвига еще большаго,—онъ жаждалъ смерти...

Мы сказали уже, что привлекло его въ родной городъ. Послѣ двухъ—трехъ проповѣдей, страстныхъ, могучихъ, проникнутыхъ гордымъ сознаніемъ истины и собственной правоты, полныхъ ѣдкаго обличенія и безграничнаго прямодушія, Антуанъ былъ схваченъ инквизиціей и очутился въ тюрьмѣ.

Онъ зналъ, что его ожидаютъ. Но что нужды? Вѣдь этого то онъ и желалъ...

Насталъ день суда. Въ обширной залѣ доминиканскаго монастыря собрались инквизиторы и разсѣлись на широкой скамьѣ, за длиннымъ столомъ. На нихъ были бѣлые сутаны и черные плащи съ капюшонами. Вмѣсто поясовъ они были подвязаны веревкой. Рядомъ съ инквизиторомъ помѣстился безъерскій епископъ въ парадной одеждѣ, за нимъ—нѣсколько челоуѣкъ священниковъ и наконецъ десять черныхъ офицеровъ трибунала. На особомъ креслѣ помѣщался секретарь.

Главный инквизиторъ далъ знакъ ввести подсудимаго. Стражники въ стальныхъ каскахъ, съ алебардами, ввели Антуана.

Это былъ сѣдой, сгорбленный старикъ, смуглый, обросшій волосами, полуодѣтый, съ мрачнымъ, рѣшительнымъ взглядомъ. Никто не далъ бы ему тѣхъ сороча лѣтъ, которыя онъ только и прожилъ на свѣтѣ, и никто не призналъ бы въ немъ доминиканца Антуана.

Ему прочли обвиненіе. Антуанъ обвинялся въ ереси и знакомствѣ съ дьяволомъ.

— Признаешь-ли ты себя виновнымъ?—спросили Антуана.

— Не признаю,—мрачно отвѣчалъ тотъ.

Тогда инквизиторъ, по особой инструкціи *ad haereticos*, началъ испытывать подсудимаго.

На всѣ его вопросы Антуанъ отвѣчалъ такъ, что инквизиторы только ужасались и крестились.

Затѣмъ у него спросили:

— Нѣтъ-ли у тебя личныхъ враговъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Антуанъ, — враги мои тѣ, кто враги истины.

— Кто же эти враги?

— Это вы, всѣ вы, съ вашимъ трибуналомъ, вашими учрежденіями, съ вашимъ первосвященникомъ, сидящимъ въ Римѣ. Враги мои—и ваши разсужденія, то, что вы выдаете за истину, а что на самомъ дѣлѣ ложь, клевета, обманъ!..

— Ужасъ!—воскликнулъ братъ Августинъ.

— Ужасно,—поддакнулъ де-Ланси,—но, чортъ возьми, хорошо и сильно сказано!..

— Что же мы вамъ сдѣлали, что вы насъ такъ не любите?—продолжалъ спрашивать инквизиторъ.

— Развѣ не сказано въ Писаніи, — спросилъ другой монахъ:—«Возлюби ближняго»? И не кроткимъ-ли обѣщано царство небесное?

— Вы слуги дьявола! Вы губите то лучшее, свѣтлое, что Господь Богъ далъ людямъ! Сколько вы крови пролили? Сколько жизней загубили? Сколько добра не проявилось въ мірѣ по вашей винѣ?

— Замолчи! Замолчи! Богохульникъ! — закричали на него монахи.

— Да знаете-ли вы, что всѣ ваши папы съ ихъ мрачными идеалами, всѣ могущественные бароны и владѣльцы не стоятъ единой жизни, загубленной вами во имя ихъ!.. Хотя бы за самое святое дѣло проливалась кровь, она не угодна Богу. Да-а!—Голосъ Антуана задрожалъ, сдѣлался какимъ-то хриплымъ.—О, какъ много нужно страдать, чтобы искупить одну загубленную жизнь! А вы ихъ загубили тысячи!.. Мірѣ не искупить своей вины, не искупить, не искупить!..

Антуанъ поднялъ руку къ небу, задрожалъ. Онъ задыхался. Его глаза заблестѣли.

— Замолчи! Не сквернословь!—закричалъ на него главный инквизиторъ.—Зажать ему ротъ!

Нѣсколько служителей и солдатъ подбѣжали къ Антуану. Но онъ сильнымъ движеніемъ вырвался изъ ихъ рукъ и отскочилъ въ сторону.

— И ваше время пройдетъ!—закричалъ онъ.—Вы будете раздавлены какъ гадины. Найдутся люди, которые будутъ васъ искоренять, уничтожать, сдѣлаютъ ненавистными всѣмъ, всѣмъ... Слово истины сдѣлаетъ васъ ненавистными міру! А! Значитъ, вы боитесь слабыхъ, если ихъ жгете и гоните!.. Бойтесь ихъ, бойтесь: у нихъ слово истины!.. Помните пожаръ, который былъ десять лѣтъ назадъ?... Это мое дѣло!.. Мое!

Стража намѣревалась уже вторично наброситься на Антуана, но, услышавъ послѣднія его слова, главный инквизиторъ сдѣлалъ ей знакъ остановиться.

Антуанъ продолжалъ:

— Я—ничто. Я—червякъ. Я что могу сдѣлать? Объ этомъ спросите тѣхъ, кто слушалъ мои проповѣди. Найдите въ ихъ душахъ то, что я вложилъ въ нихъ. Выскребите изъ нихъ то, что я вложилъ туда... Глупые люди! Еще не найдено той силы, которая можетъ искоренить истину!

— Бѣсноватый!—проговорилъ папскій легать.

— Дуракъ!—сказалъ де-Ланси.

— Подсудимый,—обратился къ обвиняемому главный инквизиторъ,—вы сдѣлали такія важныя показанія, что мы должны допросить васъ обстоятельнѣе!

По знаку доминиканца, къ Антуану подошли служители инквизиціи и стражники и повели его въ комнату пытокъ.

Намъ нѣтъ необходимости описывать тѣ звѣрства, которыя продолжались надъ человѣкомъ во имя великой христіанской идеи. Привычка покрывать злодѣянія высокими именами и оправдывать ихъ благородными идеями свойственна людямъ всѣхъ временъ и всѣхъ странъ. Пытка продолжалась три часа. Виновнаго испытывали на дыбѣ, водой, огнемъ. Разломанный, съ вывихнутыми руками, обожженный весь въ крови, Антуанъ

былъ снова принесенъ въ залу суда, чтобы выслушать свой приговоръ.

Онъ признался въ томъ, что выпустилъ на свободу заключенныхъ, потому что *Sanctum Officium* — гнусное, несправедливое учрежденіе. Онъ обвинилъ себя въ поджогѣ монастыря: принимая на себя чужой грѣхъ, онъ жаждалъ искупить нечеловѣческими страданіями свой собственный.

Больше отъ него ничего не добились. Именъ Авраама или Дины бенъ Хариси и Леона Дюмулена на судѣ произнесено не было, и въ архивахъ инквизиціи. въ дѣлѣ «вальденца Антуана» они не упоминаются ни разу.

Вина Антуана была найдена столь великою, что судъ затруднялся, къ какого рода казни его приговорить.

По совѣщаніи съ легатомъ и де-Ланси, братъ Августинъ постановилъ, а другіе инквизиторы подтвердили—«наказать еретика Антуана милостиво, безъ пролитія крови», но, принимая во вниманіе его великую вину, пылающій костеръ замѣнить *медленнымъ огнемъ*.

Правосудіе нашло виновника загадочному преступленію, совершившемуся десять лѣтъ назадъ, и удовлетворилось...

Никто не защищалъ Антуана. Непрошенныхъ защитниковъ не нашлось, а официальной защиты въ судѣ инквизиціи не полагалось. Булла папы Григорія IX запрещала свѣтскимъ судьямъ, адвокатамъ, нотаріусамъ—оказывать какую либо защиту подсудимымъ подъ опасеніемъ лишенія должностей¹.

Антуанъ хладнокровно выслушалъ свой приговоръ и до послѣдней минуты смерти былъ спокоенъ. Старикъ жаждалъ поскорѣе умереть.

Между тѣмъ главный инквизиторъ волновался.

— Дуракъ! Негодяй! Съумасшедшій, — въ какомъ-то безотрадномъ ослобленіи говорилъ онъ.—И такихъ-то людей становится съ каждымъ годомъ все больше и больше! Нѣтъ, положительно надо ходатайствовать предъ его святѣйшествомъ о расширеніи правъ нашего трибунала!..

Въ этотъ самый моментъ, какъ бы въ насмѣшку надъ поч-

¹ Осокинъ. Ор. cit. II, 1, 244.

теннымъ доминиканцемъ, подъ самымъ окномъ его кельи раздавалась пѣсня.

Молодой, свѣжій голосъ пѣлъ:

„Что жъ вы спите, сны новыя!
Встаньте, храбрые бойцы!
Ужъ давно для васъ терновые
Приготовлены вѣнцы!“...

Антуанъ-проповѣдникъ былъ сожженъ живымъ на медленномъ огнѣ въ Безьерѣ 12 іюля 1263 года, въ папство Урбана IV и царствованіе короля Людовика IX.

Имя его забыто потомствомъ.

Николай Рубакинъ.

Мартъ 1890 г. Стрѣльна.

ИСУСЪ НАВИНЪ.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ВИБЛЕЙСКОЙ ЭПОХИ.

Георга Эбера.

(Окончаніе).

ГЛАВА XXV¹.

Все ближе и ближе придвигались путники, и многіе изъ молодыхъ воиновъ успѣли имъ на встрѣчу.

Но это уже не была та ливущая масса, которая подхватывала хвалебный гимнъ Миріамъ. Нѣтъ, медленно, съ понижшими головами поднимались они на гору. Имъ предстояло теперь взбираться по крутой сторонѣ перешейка, и какъ вздыхали при этомъ носильщики, какъ жалобно стонали женщины и дѣти, и какія дикія проклятія изрыгали возчики, погонявшіе воловъ по узкой, крутой тропинкѣ, какъ охрипли голоса истомившихся людей, когда они подпирали плечами повозки, чтобы облегчать тяжесть животнымъ!

Точно разбитое войско казались Іисусу всѣ эти тысячи, которыя еще нѣсколько дней назадъ съ такой благодарностью воспріяли милосердіе Божіе за чудесное ихъ спасеніе.

Но путь, пройденный ими съ тѣхъ поръ, начиная отъ послѣдней остановкѣ у морской гавани, былъ настолько дикъ, безводенъ и тяжелъ, въ особенности для нихъ, выросшихъ

¹ См. „Восходъ“, кн. XI.

въ плодородныхъ равнинахъ Нижняго Египта, что онъ дѣйствительно могъ возбуждать страхъ и ужасъ.

Путь этотъ велъ въ голую каменистую пустыню, и взоръ ихъ, привыкшій къ тучной зелени, повсюду встрѣчалъ то скливающую обнаженную степь.

Съ тѣхъ поръ какъ они оставили ворота крѣпости Баба, они, въ равнинѣ того же имени и въ дальнѣйшемъ странствованіи по Синайской пустынѣ, находили лишь однѣ скалистыя и крутоподнимающіяся мѣстности. Высокая гора, точно носящая на себѣ отпечатокъ смерти, въ черныхъ и мрачныхъ очертаніяхъ поднималась надъ темно-красными уступами, и эти послѣдніе казались путникамъ какими-то страшными произведеніями человѣческихъ рукъ, такъ какъ взору открывались почти равномѣрные промежутки между нагроможденными одна на другой скалами; можно было подумать, что гигантскіе помощники, руки которыхъ работали здѣсь на службѣ у великаго строителя мірозданія, теперь отозваны прежде чѣмъ они окончили свое дѣло, скрытое въ этой пустынѣ отъ всякаго испытующаго глаза, непредрасположенное служить какому либо живому существу. Сѣрые и темнокрасныя массы гранита и булыжника поднимались по краямъ дороги, а въ покрывавшемъ ее пескѣ валялись цѣлыя вучи мелкихъ красныхъ порфировыхъ обломковъ и черныхъ какъ уголь точно молотами разбитыхъ камней, похожихъ на руду, изъ которой выплавливали мѣдь. Зеленоватая, пестрая скалистая масса самой странной формы окружали тѣсныя, окаймленныя горами, высокія равнины, граничащія между собою. Идущая въ гору дорога проходила между ними, и часто путниковъ, пробиравшихся по этимъ котловинамъ, обуялъ страхъ, что въ концѣ концовъ эта скалистая масса заставитъ ихъ вернуться назадъ. Тогда поднимались стоны

и жалобы; но скоро показался выходъ, ведущій въ новую скалистую равнину.

При выступленіи изъ гавани имъ часто попадались тернистыя акаціи каучука и душистая степная трава, охотно пожираемая животными; но чѣмъ дальше подвигалось шествіе по скалистой пустынѣ, тѣмъ суше и жгучѣе становился песокъ и наконецъ человѣческой глазъ тщетно искалъ какихъ либо кореньевъ и деревьевъ.

Въ Элимѣ путники имѣли еще прѣсные источники и тѣнистыя пальмы, а у морского берега—наполненныя систерны; но уже въ лагерѣ у Синайской пустыни не нашли ничего, чѣмъ можно было бы утолить жажду, а въ полдень жгло такъ, какъ будто легіонъ жестокихъ демоновъ отрѣзалъ тѣнь отъ скалистыхъ стѣнъ; въ этихъ котловинахъ все горѣло, и нигдѣ нельзя было найти защиты отъ жгучаго солнца.

Еще въ лагерѣ весь запасъ воды былъ розданъ людямъ и животнымъ, и когда поутру выступили въ путь, не было уже ни одной капли, чтобы утолить возрастающую жажду.

Тутъ прежнее маловѣрное недовольство и упрямство снова овладѣло толпой. Проклятія противъ Моисея и старѣйшинъ, выведшихъ ихъ изъ богатаго водой Египта въ эту знойную пустыню, не имѣли конца; но когда народъ достигъ наконецъ перешейка, то въ горлѣ у всѣхъ такъ пересохло, что они уже не въ состояніи были громко выкрикивать свои жалобы.

Гонцы стараго Нуна, Эфраима и Хура уже сообщили приближающимся, что молодые воины одержали побѣду и освободили Осію и другихъ плѣнныхъ; но апатія ихъ была такъ ~~медленна~~ медленна, что и эта радостная вѣсть мало измѣнила настроеніе и вызвала лишь легкую улыбку на обросшихъ губахъ мужчинъ или быстрый огонекъ въ потухшемъ блескѣ томныхъ женскихъ глазъ.

Даже Мириамъ вмѣстѣ съ блѣдной Мылкой держалась

близъ своихъ провожатыхъ и не думала, по своему обыкновенію, воззвать къ женщинамъ, чтобы благодарить Всевшняго.

Рувимъ, мужъ находящейся подъ ея защитой Милки, который все еще опасался разочарованія и потому не могъ предаваться вновь возникавшей въ его груди надеждѣ, былъ человѣкъ молчаливый и тихій, и первый гонецъ не могъ сообщить—находится-ли онъ также въ числѣ освобожденныхъ. Тѣмъ не менѣе Милкой овладѣло необычайное волненіе, и когда Мириамъ приказала ей быть терпѣливой, она спѣшила отъ одной подруги къ другой, заглядывая ихъ разспросами. Но когда она ни у одной изъ нихъ не могла добиться извѣстія объ исчезнувшемъ любимомъ мужѣ, она громко зарыдала и снова побѣжала къ пророцицѣ. Но и у этой послѣдней она не могла найти утѣщенія; Мириамъ, которой предстояло привѣтствовать мужа какъ побѣдителя и увидѣть спасеннымъ друга своего дѣтства, стояла тоскующая и сосредоточенная въ самой себѣ и, повидимому, находилась подъ какимъ-то угнетающимъ душу бременемъ.

Моисей, какъ только узналъ, что нападеніе удалось и Осія освобожденъ, тотчасъ удался изъ среды народа, ибо до него дошло извѣстіе, что воинственные амалекитяне, обитавшіе въ оазисѣ у подножія Синайской горы, уже вооружались, чтобы воспрепятствовать путникамъ проходить черезъ свою обильную водой и пальмами землю. Онъ вмѣстѣ съ нѣсколькими избранными прямо черезъ горы направился на развѣдки. Онъ рассчитывалъ снова соединиться со своими при оазисѣ въ долинѣ между Амусомъ и Рафидимомъ.

Абиданъ, начальникъ колѣна Веніамина, точно также какъ и Хуръ и Нунъ, предводители колѣнъ Іуды и Эфраима, по возвращеніи изъ рудниковъ должны были между тѣмъ замѣстить его и провожавшихъ его лицъ.

Когда народъ приближался къ поднимающемуся вверхъ перешейку, ему на встрѣчу приближались Хуръ съ другими освобожденными; но впереди всѣхъ ихъ спѣшилъ молодой Рувимъ, мужъ Милки. Она же узнала уже его, когда онъ быстро спускался съ горы, и съ своей стороны, не смотря на запрещеніе Мириамъ, также спѣшила ему на встрѣчу до самой середины колѣна Симеонова, шедшаго впереди ея колѣна.

Тамъ трогательная сцена этой встрѣчи вселила радость не въ одну уставшую душу, и когда они, плотно держась другъ за друга, приблизились къ Мириамъ, то послѣдняя, взглянувъ въ лицо своей, ожидаемой ею подруги, подумала, что совершилось какое-то чудо, ибо блѣдная лилія превратилась вдругъ въ блестящую розу. Вдобавокъ, губы, которыя она прежде застычиво и лишь очень рѣдко раскрывала для какойнибудь просьбы или отвѣта, были теперь въ непрерывномъ движеніи, ибо много-много она имѣла разспрашивать, многое-много она хотѣла узнать отъ молчаливаго возлюбленнаго, такъ страшно изстрадавшагося!

Да, это была красивая, счастливая парочка! А ей самой казалось, что она находится не среди голыхъ утесовъ, на всохшихъ стезяхъ пустыни, а среди покрытой весенними цвѣтами нивы, гдѣ журчатъ ручейки и поютъ птички.

И на Мириамъ, которая сдѣлала все, чтобы поддерживать больную, зрѣлище ихъ счастья дѣйствовало благотворно. Но вскорѣ съ ея лица исчезъ всякій слѣдъ радостнаго сочувствія, и въ то время какъ Рувимъ и Милка, точно окрыленные, едва касались почвы пустыни, она шла впереди съ поникшею головою, обремененная тяжкою думой о томъ, что она сама виновата, что для нея самой часъ этотъ не принесъ такого же счастья.

Она сказала себѣ, что принесла очень тяжелую, но удобную Богу жертву, отказавшись слѣдовать голосу своего

сердца. Но тѣмъ не менѣе изъ головы ея не выходила умирающая египтянка, отказавшая ей въ правѣ причислиться къ тѣмъ, которые любятъ Осію, и умершая такою молодою изъ любви къ нему.

Она же, Мириамъ, жила; она умертвила самня горячія желанія души своей; долгъ запрещалъ ей включать въ свои страстныя думы того, который стоитъ тамъ наверху, преданнаго своему народу и Богу отцовъ своихъ, этого свободного, превосходнаго мужа, въ будущемъ, быть можетъ, предводителя израильскаго воинства,—если Моисей такъ повелитъ,—и, послѣ Моисея, перваго и величайшаго изъ всѣхъ евреевъ, и тѣмъ не менѣе для нея потеряннаго, потеряннаго навѣки.

Если бы она въ ту роковую ночь послѣдовала голосу своего женскаго сердца, а не требованіямъ своего призванія, которое ставило ее такъ высоко надъ всѣми другими женщинами, онъ уже давно держалъ бы ее теперь въ своихъ объятіяхъ, какъ тихій Рувимъ свою бѣдную, слабую, а теперь столь богатую и бодро шагающую впередъ Милку.

Какія мысли!

Въ самыя глубокіе тайники своего сердца она должна загнать ихъ и тамъ заглушить. Для нея уже было грѣшно то, что она такъ страстно думаетъ о свиданіи съ другимъ! И она желала поскорѣ видѣть около себя своего супруга, который долженъ быть ея спасителемъ отъ нея самой и отъ преступныхъ вождельнѣй этихъ жестокихъ минутъ.

Князь колѣна Іудина—Хуръ былъ ея мужъ, а не бывшій египтянинъ, освобожденный ваторжникомъ.

Что же было ей до ефраимита, которому она отказала, и—навсегда!

Почему ей можетъ быть досадно, что освобожденный не спѣшитъ ей на встрѣчу? Почему она втайнѣ питаетъ глупую

надежду, что серьезная обязанность удерживаетъ его тамъ наверху.

Она уже едва видѣла и слышала то, что происходитъ вокругъ нея, и только благодарственное привѣтствіе, которымъ Милка встрѣтила Хура, дало ей понять, что ея супругъ уже близокъ отъ нея.

Уже издали онъ махалъ ей рукою, но онъ приближался одинъ, безъ Осин или Иисуса, все равно какъ называется теперь освобожденный. И то обстоятельство, что это было ей досадно, что это кололо ея сердце, возстановляло ее противъ самой себя. Вѣдь она уважала и цѣнила своего пожилого мужа и ей вѣдь не трудно привѣтливо встрѣтить его.

Радостно и искренно отвѣтилъ онъ на ея привѣтствіе, но когда она указала ему на вновь соединившуюся чету и хвалила его какъ побѣдителя и освободителя Рувима и столь многихъ заключенныхъ, онъ открыто и прямо заявилъ, что эта хвала принадлежитъ не ему, но „Иисусу“, котораго она сама, именемъ Всевышняго, призывала быть предводителемъ Господняго воинства.

Тутъ она поблѣднѣла, и хотя дорога круто вела въ гору, она все же устремилась впередъ, осыпая своего супруга необузданными вопросами. Но когда она узнала, что тотъ наверху, вмѣстѣ съ отцомъ своимъ и молодыми воинами, отдыхаетъ за виномъ и что Хуръ далъ ему обѣтъ добровольно уступить, когда Моисей передастъ ему предводительство надъ войскомъ, — сросшіяся подъ высокимъ челомъ брови ея мрачно стянулись и она суровымъ голосомъ воскликнула: „Ты мой господинъ, и мнѣ не пристойно противорѣчить тебѣ даже и тогда, когда ты такъ забываешь твою собственную жену, что отступаешь предъ тѣмъ, который нѣкогда смѣлъ поднимать на нее глаза свои“.

Хуръ стремительно прервалъ ее и сказалъ: „Онъ тебя

больше не знаетъ, и если бы я согласился дать тебѣ разводное письмо, то онъ все-таки не сталъ бы стремиться къ обладанію тобою“.

— Нѣтъ?—спросила она съ вынужденной улыбкой.—И ты, вѣроятно, благодаренъ ему за эту вѣсть?

— Онъ посвятилъ себя тѣломъ и душой благу народа, и отказался поэтому отъ любви женщины,—возразилъ Хуръ.

Но она воскликнула:

— Отказаться легко тамъ, гдѣ вождѣнія не принесли бы ничего другого, кромѣ новаго отказа и позора. Не ему, который въ минуту величайшей опасности искалъ помощи у египтянъ, нѣтъ, тебѣ одному, который привелъ народъ къ первой побѣдѣ у цитадели близъ Сузота и которому самъ Господь чрезъ раба своего Моисея передалъ начальство надъ войскомъ,—только тебѣ принадлежитъ и теперь предводительство надъ нимъ!

Хуръ беспокойнымъ взоромъ посмотрѣлъ на свою жену, къ которой онъ уже въ пожилыхъ лѣтахъ возгорѣлъ passionate любовью. И когда онъ увидѣлъ ея пылающія щеки и волнующуюся грудь, то онъ не зналъ, приписать-ли это усиліямъ, вызваннымъ крутою дорогой, или же страстному честолюбію ея высокоподнимающейся души, переносимому ею теперь и на него, ея супруга и повелителя.

Что она цѣнила его настолько болѣе, чѣмъ молодого героя, возвращенія котораго онъ опасался, — это было ему пріятно слышать; но онъ посѣдѣлъ уже, всегда строго исполняя долгъ свой, и то, что онъ считалъ справедливымъ,—отъ этого онъ уже не отступалъ. Подругѣ его юности, которую онъ схоронилъ нѣсколько лѣтъ назадъ, малѣйшій намекъ его былъ уже приказаніемъ, и точно также онъ и со стороны Миріамъ не встрѣчалъ до сихъ поръ никакого прогнорѣчія. Что Исусъ наилучшимъ образомъ былъ подготов-

ленъ для предводительства народнымъ войскомъ — въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и потому онъ съ порывистымъ дыханіемъ—ибо и для него путь въ гору былъ очень тяжелъ — произнесъ: „Твое высочайшее мнѣніе обо мнѣ дѣлаетъ мнѣ честь и радуетъ меня, но хотя Моисей и старѣйшины передали мнѣ предводительство, то ты все же должна помнить обѣтъ, данный мною въ Сукоѣ. Онъ навсегда останется въ моей памяти и я не отступлю отъ него“.

Миріамъ съ досадою посмотрѣла въ сторону и не говорила уже больше, пока они не достигли горы.

Тамъ побѣдоносные молодые воины громко привѣтствовали всѣхъ ея приближающихся присныхъ. Радость свиданія, отбитые у непріятеля припасы и питье, хотя только и въ небольшомъ размѣрѣ розданные наиболѣе нуждавшимся въ немъ, подняли упавшій духъ усталыхъ путниковъ, а томившіеся жаждой сократили время отдыха на высотѣ перешейка, чтобы скорѣе достигнуть Дофки. Они узнали отъ Иисуса, что найдутъ тамъ не только засыпанные систерны, но и скрытый ключъ, о существованіи котораго втайнѣ сообщилъ ему бывшій начальникъ колодниковъ.

Теперь дорога вела подъ гору. „Спѣши!“—вотъ лозунгъ истомившагося путника, приближающагося къ колодцу, и такимъ образомъ и израильтяне вскорѣ послѣ захода солнца достигли тюрбовныхъ рудниковъ, гдѣ они разбили лагерь вокругъ холма, на которомъ раньше высились разрушенная крѣпость и соженные дофкійскіе провіантскіе склады.

Источникъ, скрытый въ посвященной богинѣ Гаторѣ рощѣ акацій, вскорѣ былъ найденъ. Вскорѣ костры загорѣлись одинъ за другимъ. Малодушныя сердца, предавшіяся было отчаянію въ Синайской пустынѣ, снова преисполнились жаждою жизни, надеждою, благодарностью и вѣрой. Прекрасныя акаціи, правда, были вырублены, чтобы облег-

чить доступъ къ источнику, котораго освѣжающія воды произвели это чудесное превращеніе.

На высотѣ перешейки Исусъ и Мириамъ только мѣлкомъ могли привѣтствовать другъ друга. Но здѣсь, въ лагерѣ, они могли сойтись на болѣе продолжительное время.

Было уже поздно, такъ какъ старѣйшины долго совѣщались между собою относительно мѣръ на случай внезапнаго нападенія амалекитянъ.

Исусъ явился среди нихъ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ. Со всѣхъ сторонъ радостно привѣтствовали наследника всѣми почитаемаго старика-князя, и совѣтъ его образовать авангардъ изъ молодыхъ воиновъ и аррьергардъ изъ болѣе пожилыхъ и въ то время разослать нѣсколько отборныхъ отрядовъ для развѣдокъ—охотно былъ принять всѣми.

Онъ могъ со спокойною совѣстью сказать себѣ, что онъ знакомъ со всѣми тѣмъ, что необходимо для предводительства большимъ войскомъ и защиты его. Самъ Господь призвалъ его быть главнымъ начальникомъ войска, и Моисей утвердилъ его въ этомъ званіи, пославъ ему напоминаніе, чтобы онъ былъ храбръ и непоколебимъ. И Хуръ, который теперь считался предводителемъ, намѣренъ былъ передать ему главное начальство надъ войскомъ. И слово этого человека было непоколебимое, хотя онъ и не успѣлъ осуществить его въ собраніи старѣйшинъ. Во всякомъ случаѣ съ Исусомъ совѣщались въ такомъ тонѣ, какъ будто онъ уже теперь занимаетъ постъ главнаго военачальника, да и самъ онъ чувствовалъ уже себя таковымъ.

Послѣ того, какъ совѣщаніе старѣйшинъ окончилось, Хуръ, не смотря на поздній часъ, попросилъ Исуса проводить его къ его палатѣ, что тотъ и исполнилъ, такъ какъ ему хотѣлось поговорить съ Мириамъ. Въ присутствіи ея

мужа онъ хотѣлъ показать ей, что онъ нашелъ тотъ путь, на который она ему такъ усердно указывала.

Предъ женою чужого умолкала нѣжная склонность всякаго израильянина. Что онъ больше не добивается обладанія ею, — это она, жена Хура, уже должна была знать. Самъ онъ, даже въ самыхъ сокровенныхъ своихъ думахъ, уже не помышлялъ болѣе объ этомъ.

Онъ сознавалъ, что она великая, царственная женщина; но его обдавало холодомъ, когда онъ думалъ объ этомъ величїи. Да и ея поступки представили ее ему въ новомъ свѣтѣ. Когда она на вершинѣ перешейка едва привѣтствовала его холодною улыбкой, то онъ пришелъ къ убѣжденію, что они другъ другу совершенно чужды. И это чувство отчужденности должно было еще болѣе увеличиться у пылающаго востра предъ внушительною палаткой военачальника, гдѣ онъ снова встрѣтился съ нею.

Освобожденный Рувимъ и ея Милка уже давно оставили Мириамъ и, въ одинокомъ ожиданїи, этой послѣдней приходило въ голову много такого, что она хотѣла дать почувствовать тому, кому она позволила столь многое, что это теперь ей даже кажется грѣхомъ.

Обыкновенно легче всего человѣкъ сердится на того, противъ кого онъ чувствуетъ себя виновнымъ, а женщина считаетъ даръ своей любви столь великимъ и драгоценнымъ, что она и отъ отвергнутаго ею требуетъ, чтобы онъ никогда не переставалъ вспоминать ее съ благодарностью. Иисусъ же хвасталъ, что онъ больше не стремится къ обладанію той женщиной, къ которой онъ нѣкогда пылалъ жгучею страстью и которую онъ когда-то держалъ въ своихъ объятїяхъ, — не стремится къ обладанію ею, даже если бы ему это было предоставлено. И онъ это доказалъ на дѣлѣ: онъ

не пошелъ къ ней на встрѣчу, а праздно ожидалъ ея приближенія.

Теперь, наконецъ, онъ является, но вмѣстѣ съ ея мужемъ, который готовъ былъ уступить ему предводительство.

Но пока она еще существуетъ, чтобы открытымъ ономъ бодрствовать надъ своимъ слишкомъ великодушнымъ супругомъ.

Пожилой человѣкъ, съ которымъ она связала свою судьбу и искренная преданность котораго ее сильно трогала, не долженъ уступить главенство, принадлежащее ему по праву. Оно должно быть охраняемо имъ для себя уже потому, что ей противно было быть женою человѣка, который уже не можетъ претендовать на первое мѣсто послѣ ея братьевъ.

Въ такомъ досадномъ, оскорбленномъ и раздраженномъ состояніи никогда еще не чувствовала себя эта обожаемая женщина, вѣрившая въ свое пророческое призваніе. Она сама не признавалась въ этомъ, но все-таки она чувствовала, что ненависть, которую Моисей внушилъ ей къ египтянамъ и которая теперь стала безпредметною, требуетъ себѣ новой мишени и теперь направляется противъ того единственнаго человѣка, котораго она когда-то любила.

Но и искренняя женщина можетъ казаться любезною въ тѣмъ, которыхъ она не презираетъ, и Мириамъ, хотя сильно покрасѣла при видѣ человѣка, поцѣлуй котораго она когда-то возвратила, все-таки приняла его дружелюбно и съ участливыми вопросами.

Но при этомъ она, однако, называла его прежнимъ именемъ—Осіей, и когда онъ замѣтилъ, что это дѣлается нарочно, то спросилъ ее, забыла-ли она, что это она сама повелѣла ему, какъ призванному Богомъ, носить имя „Исусъ“.

Лицо Мириамъ приняло болѣе рѣзкое выраженіе и она отбѣтила, что память ея не ослабѣла, но что она возвращаетъ ее къ

тому времени, о которомъ она хотѣла бы лучше забыть. Вѣдь онъ же самъ отказался отъ того имени, которое далъ ему Господь, ибо предпочелъ милость египтянъ той помощи, которую обѣщалъ ему Господь. Поэтому она, по прежней привычкѣ, будетъ называть его „Осія“.

Такой враждебности честный воинъ не ожидалъ; но онъ остался довольно хладнокровнымъ и спокойно отвѣтилъ, что онъ рѣдко дастъ ей случай называть его тѣмъ или другимъ именемъ. Тѣ, которые благоволятъ къ нему, тѣ охотно называютъ его Иисусомъ.

Мириамъ замѣтила на это, что и она охотно будетъ называть его этимъ именемъ, если мужъ ея позволитъ и онъ самъ будетъ на этомъ настаивать, ибо имя—это то же, что платье. Совсѣмъ другое дѣло, когда рѣчь идетъ о званіяхъ и постахъ.

И когда Иисусъ на это сталъ увѣрять ее въ томъ, что онъ и теперь вѣритъ, что это самъ Господь черезъ нее, Его пророчицу, призвалъ его предводительствовать народнымъ войскомъ и что онъ никому, кромѣ Моисея, не предоставитъ права лишить его этого поста, то Хуръ согласился съ нимъ и подалъ ему руку.

Тутъ Мириамъ отбросила всякую сдержанность, къ которой она себя до тѣхъ поръ принуждала, и заговорила вызывающимъ тономъ:

— И относительно этого я иного мнѣнія. Ты уклонялся отъ призыва Всевышняго. Развѣ ты можешь отрицать это? И когда Вездѣсущій увидѣлъ тебя у ногъ фараона вмѣсто того, чтобы стоять во главѣ твоего народа, то Онъ лишилъ тебя того сана, который Онъ довѣрилъ тебѣ. Какъ могущественнѣйшій изъ всѣхъ военачальниковъ, Онъ повелѣлъ бурѣ и волнамъ—и онѣ поглотили врага. Таковъ-то былъ конецъ тѣхъ, которыхъ ты считалъ своими друзьями до тѣхъ

поръ, пока ихъ тяжкія цѣпи показали тебѣ, какія чувства они питаютъ къ тебѣ и къ твоимъ. Я же въ это время прославляла милость Всевышняго и народъ цѣль мой гимни вмѣстѣ со мною. И въ тотъ же день Господь, вмѣсто тебя, призвалъ другого въ предводители воинства израильскаго, а этотъ другой—ты вѣдь знаешь это—мой мужъ. И если Хуръ никогда и не обучался военному искусству, то за то Господь руководствуетъ имъ, и кто же, какъ не Онъ, доставляетъ побѣду? Мой мужъ—повторяю тебѣ еще разъ—онъ одинъ главный предводитель войска, и если онъ въ избытѣ великодушія забылъ объ этомъ, то онъ все же твердо будетъ держаться своего званія, когда онъ вспомнитъ, чья рука выбрала его для этого, и я, жена его, поднимаю свой голосъ и напоминаю ему объ этомъ.

Исусъ собрался уйти, чтобы такимъ образомъ положить конецъ этому неприятному спору; но Хуръ удерживалъ его и, полный негодованія по поводу вмѣшательства его жены въ дѣла мужчинъ, увѣрялъ его, что онъ остается при своемъ обѣтѣ. „Недружелюбныя слова женщины,—сказалъ онъ,—развѣваетъ вѣтеръ. Одинъ только Моисей можетъ разъяснить, кого Іегова избралъ полководцемъ“.

И при этихъ словахъ Хуръ строго, съ достоинствомъ и какъ бы предостерегая ее, посмотрѣлъ на свою жену. Это, повидимому, достигло своей цѣли. Миріамъ то блѣднѣла, то краснѣла, и тоже стала удерживать гостя, какъ бы желая поправить свою выходку, и дрожащею рукою приглашала его подойти поближе.

— Еще одно я должна сказать тебѣ,—начала она дрожащимъ голосомъ,—для того, чтобы ты не истолковалъ ложно мои слова. Я называю нашимъ другомъ всякаго, кто предается народному дѣлу, а съ какимъ самопожертвованіемъ ты готовъ это сдѣлать — объ этомъ я уже знаю отъ

Хура. Твое довѣріе къ милости фараона было причиною того, что мы разстались, а поэтому я умѣю цѣнить твой серьезный и рѣшительный разрывъ съ египтянами; но я придаю еще больше значенія твоему великому подвигу съ тѣхъ поръ, какъ я узнала, что не одна только долготѣтная привычка, а еще и другія узы связывали тебя съ врагомъ.

— Это еще что за рѣчи?—прервалъ ее Иисусъ, убѣжденный въ томъ, что она готова пустить въ него новую стрѣлу. Но она не обратила никакого вниманія на его слова и съ рѣзкимъ выраженіемъ глазъ, совершенно противорѣчившимъ ея хладнокровной рѣчи, равнодушно продолжала:

— Послѣ того, какъ мы волею Божьей спасены были отъ непріятеля, море выкинуло на берегъ женщину таковой красоты, какую намъ рѣдко удастся видѣть. Я перевязала ей рану, нанесенную ей одной израильянокъ, и она исповѣдывалась, что она полна любви къ тебѣ и, умирая, она вспоминала только тебя, какъ бумиръ своего сердца.

Возмущенный до глубины души, Иисусъ воскликнулъ:

— Жена Хура, если то, что ты говоришь,—дѣйствительная правда, то значить отецъ мой обманулъ меня, такъ какъ онъ мнѣ передалъ, что эта несчастная свою послѣднюю исповѣдь высказала лишь въ присутствіи тѣхъ, которые меня любятъ, но не предъ тобою. И она хорошо сдѣлала, что избѣгала твоего присутствія, такъ какъ ты никогда не пошла бы ее.

На лицѣ Мириамъ появилась многозначительная улыбка, но онъ нисколько не смутился ею и продолжалъ:

— Умъ твой, безъ сомнѣнія, въ десять разъ острѣе ума, которымъ владѣла эта страдалница. Но въ твоемъ сердцѣ, которое было открыто Всевышнему, нѣтъ мѣста любви. Не испытавъ послѣдней, сердце это будетъ старѣть и перестанетъ биться. И не смотря на твои огненные взоры,

я говорю тебѣ: ты болѣе, чѣмъ женщина, ты—пророчица; я же не могу хвастать такимъ высокимъ даромъ. Я не болѣе какъ простой человѣкъ, которому скорѣе приличествуетъ работа мечомъ, чѣмъ проникновеніе въ грядущее. И тѣмъ не менѣе я предвижу, что произойдетъ. Ненависть, которую ты возгорѣлась ко мнѣ, ты ее будешь питать въ себѣ. Ты ее съумѣешь привить и сердцу твоего супруга и постоянно и ревностно возбуждать ее въ немъ. И я знаю также—почему! Жгучее честолюбіе, пожирающее тебя, не можетъ переносить, чтобы ты была женою того, кто долженъ уступить другому первенство. Ты отказываешься называть меня тѣмъ именемъ, которымъ я тебѣ же обязанъ. Но если ненависть и гордость не заглушили въ тебѣ то единственное чувство, которое еще соединяетъ насъ,—именно любовь къ нашему народу,—то настанетъ еще день, когда ты добровольно приблизишься ко мнѣ и будешь звать меня „Исусомъ“, нигдѣмъ къ тому не побуждаемая и отъ полноты сердца.

Затѣмъ онъ короткимъ движеніемъ руки поклонился Мириамъ и ея мужу и исчезъ въ темнотѣ ночи.

Хуръ проводилъ его мрачнымъ взоромъ и не могъ говорить ни слова, пока шаги повдигаго гостя не замолкли въ спящемъ лагерѣ. Но тутъ съ трудомъ удерживаемый гнѣвъ серьезнаго мужа, до тѣхъ поръ съ нѣжнымъ удивленіемъ взиравшаго на свою молодую супругу, прорвался наружу съ страшною силой.

Двумя широкими шагами онъ приблизился къ ней, которая была еще блѣднѣе его и какъ потерянная смотрѣла въ огонь. Голосъ его потерялъ свой пріятный металлическій тонъ, и рѣзко и скрипуче звучали слова его:

— Я имѣлъ храбрость добиваться руки дѣвы, которая мнила себя стоящей ближе къ Богу, чѣмъ всѣ прочія, а теперь она заставляетъ меня казнить за эту дерзость.

— Казнитья?—вырвалось изъ ея поблѣвшихъ устъ, и вызывающій взглядъ ея черныхъ глазъ точно обжегъ его своимъ пламенемъ.

Но онъ нисколько не смутился этимъ; онъ взялъ ея руку, но такъ крѣпко, что она чуть не вскрикнула отъ боли, и тѣмъ же тономъ продолжалъ:

— Да, ты заставляешь меня казнитья! Стыдъ и срамъ мнѣ, если я позволю, чтобы позорная сцена, подобно только что произошедшей, когда либо повторилась...

Она хотѣла освободить свою руку изъ его руки, но онъ не отпустилъ ее и продолжалъ:

— Я просилъ твоей руки для того, чтобы ты сдѣлалась гордостью моего дома. Я думалъ посвятить славу и вотъ—пожинаю позоръ. Есть-ли что нибудь болѣе позорное для мужа, чѣмъ жена, которая школить его, которая держаетъ враждебными рѣчами оскорблять сердце друга, забывая даже долгъ гостепримства? Женѣ—не такой, какъ ты, а смиренной и правдивой, которая смотрѣла бы на прошлую жизнь своего супруга, а не задавалась бы мыслью, какъ бы увеличить его славу, съ тѣмъ, чтобы самой въ ней участвовать, — такой женѣ мнѣ не нужно было бы нашептывать, что Хуръ, что человекъ, который считается твоимъ супругомъ, въ теченіе своей долгой жизни уже достаточно пользовался славой и почетомъ, чтобы уступить другому часть ихъ, нисколько не роняя при этомъ своего достоинства. Не тотъ въ глазахъ Иеговы считается достойнѣйшимъ, кто считается первымъ въ командованіи войскомъ, а тотъ кто наиболѣе выдается своимъ самопожертвованіемъ на благо народу. Высоко хочешь ты стоять, призванной Богомъ хочешь ты быть? Я тебѣ не запрещаю это пока ты не забываешь того, чего требуетъ долгъ твой, какъ жены. Конечно, ты обязана и любить меня, ибо ты погля-

лась мнѣ въ этомъ въ день нашего вѣнчанія. Но человѣческое сердце можетъ дать только то, чѣмъ оно обладаетъ, а Иисусъ правъ, когда говоритъ, что твоей холодной душѣ чуждо чувство любви, теплое чувство любви, согревающее и другихъ.

И съ этими словами онъ повернулся и исчезъ въ темнотѣ палатки. Миріамъ же осталась у огня, и блескъ пламени то и дѣло освѣщалъ ея красивое, но сильно поблѣднѣвшее лицо.

Она крѣпко стиснула зубы, скрестила руки на волнующейся груди и устремила взоръ въ ту сторону, куда исчезъ мужъ ея.

Въ полномъ сознаниіи своего достоинства, съ величественной и внушающей уваженіе осанкой, настоящей княжеской предводитель свой колѣна, стоялъ предъ нею ея сѣдѣющій супругъ. Каждое его слово было для нея ударомъ копья въ сердце. Сила истины придавала этимъ словамъ потрясающее дѣйствіе, и Миріамъ, какъ въ зеркалѣ, увидѣла этотъ образъ, который привелъ ее въ ужасъ.

Ее что-то подталкивало поспѣшить за нимъ и выпросить у него обратно ту любовь, которою онъ, — она въ своемъ одиночествѣ благодарно чувствовала это, — до тѣхъ поръ окружалъ ее.

Она чувствовала, что въ состояніи платить взаимностью за его драгоценный даръ, и она страстно и искренно жаждала услышать изъ устъ его доброе, прощающее слово.

Подобно засѣянному полю, подвергшемуся дѣйствію засухи — такимъ завядшимъ, изсохшимъ, окладѣвшимъ показалось ей ея собственное сердце, а между тѣмъ когда-то и внутри его все зеленѣло и цвѣло.

Она вспомнила поле въ Гошенѣ, которое, принеши богатую жатву, стало потомъ сухимъ и твердымъ, ноа снова

не явились воды Нила, чтобы снова смягчить его и дать возможность поднять воспринятыхъ сѣмена. То же было и съ ея сердцемъ, только она, Миріамъ, кинула въ огонь сожрѣвающее сѣмя и преступною рукой возвела плотину между оплодотворяющимъ иломъ и изсохшимъ полемъ.

Но еще не поздно.

Она же знала, что въ одномъ отношеніи онъ былъ не правъ,—что она женщина, какъ и всѣ прочія, и также способна съ кипущею страстью предаваться любимому человеку. Отъ нея одной зависѣло дать ему сознать это въ ея объятіяхъ.

Но теперь онъ, конечно, въ правѣ считать ее жесткой и безчувственной, ибо тамъ, гдѣ обыкновенно расцвѣтаетъ любовь, тамъ теперь пробивался лишь горькій источникъ, губящій все, что къ нему прикоснется.

Было-ли это местию сердца, горячія желанія котораго она столь мужественно въ себѣ убила?

Господь не хотѣлъ принять ея тяжелой жертвы; въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Его величіе уже не являлось ей болѣе въ столь возвышающихъ душу видѣніяхъ, и она едва-ли уже имѣла право считаться Его пророчицей. Эта жертва умекла ее, правдивую и честную, на ложный путь и обрекла ее, всегда наслаждающуюся въ сознаніи своей правоты невозмутимымъ внутреннимъ миромъ, на мучительное безпокойство. Для нея, нѣкогда столь много ожидавшей, со времени этого великаго и столь рокового подвига, уже не цвѣло ничего, къ чему она бы чувствовала неодолимое стремленіе. Она, которая не знала никакой женщины, предъ которой должна была уступить въ чемъ нибудь, со стыдомъ должна была опустить глаза предъ бѣдною, умирающею египтянкой. Она была благосклонна ко всѣмъ, кто былъ одного съ нею происхожденія и кто былъ преданъ святому дѣлу ея народа,

а тутъ она одного изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ оскорбила своею горечью и враждебностью. Жена послѣдняго рабочаго умѣла вѣрнѣе привязать къ себѣ мужа, который любилъ ее,—она же преступнымъ образомъ отчуждала отъ себя своего супруга.

Ища защиты, она приблизилась къ его очагу, но наша въ немъ гораздо больше, чѣмъ она могла ожидать, и его великодушiе и любовь были какъ бальзамъ для ея больной души. Онъ хотя и не могъ возратить ей, что она потеряла, но все же это было для нея благодѣтельное вознагражденiе.

Да, онъ теперь уже не считаетъ ее способною питать какое либо вѣжное чувство, а между тѣмъ какъ нужна ей любовь, чтобы жить, и, чтобы возратить себѣ снова его любовь, никакая жертва не казалась ей слишкомъ трудною. Но гордость была также необходимымъ условiемъ ея существованiя, и какъ только она намѣревалась смиренно открыть мужу свое сердце, въ ней явилось опасенiе, что она этимъ унижится. И она осталась на мѣстѣ, какъ вкопанная, пока горѣвшiя у ея ногъ дрова не погасли и она очутилась въ темнотѣ.

Странная тоска овладѣла ею.

Двѣ летучiя мыши, кружившияся у огня, теперь быстро пролетѣли мимо нея, какъ привидѣнiя. Все, все толкало ее въ палатку, къ нему, къ мужу, и она стремительно вошла въ освѣщенное лампой просторное помѣщенiе. Но оно было пусто, и рабыня, встрѣтившая ее, сообщила ей, что Хуръ до выступленiя въ походъ останется у своего сына и своего внука.

При этомъ извѣстiи сердце ея овладѣло глубокое горе и, пристыженная и безпомощная, какъ никогда еще въ жизни, она легла на свое ложе.

Нѣсколько часовъ спустя, въ лагерь били отбой, и когда

при мерцаніи утренней зари мужъ ея съ короткимъ привѣт-
ствиемъ вошелъ въ палатку, гордость ея снова ожила и она
отвѣтила на его поклонъ съ холодною воздержностью. Въдъ
онъ явился не одинъ; съ нимъ былъ сынъ его Ури.

Вдобавокъ онъ смотрѣлъ серьезнѣе обыкновеннаго. При-
чиною тому было то, что старѣйшины изъ колѣна Іудина
раннимъ утромъ собрались и настоятельно требовали отъ
него, чтобы онъ не передавалъ начальства надъ войскомъ
человѣку, принадлежащему въ другому колѣну.

Это было для него неожиданно. Онъ сказалъ имъ, что
это зависитъ отъ рѣшенія Моисея, и желаніе, чтобы рѣше-
ніе это было не въ его пользу, еще усилилось въ немъ,
когда самоувѣренный взглядъ его молодой жены снова взвол-
новалъ его душу.

XXVI.

На слѣдующій день, рано утромъ, народъ, отдохнувъ и
воспрянувъ духомъ, продолжалъ свой путь; но маленькій ис-
точникъ совсѣмъ изсякъ. Такимъ образомъ, взять съ собою
запасовъ воды не удалось, но путники легко примирились
съ этимъ, въ надеждѣ найти въ Алуфѣ другой источникъ.

Солнце взошло на чистомъ небѣ въ лучезарномъ величїи
и свѣтъ его пролилъ въ сердца людей возбуждающую силу.
Утесы и желтый песокъ дороги сіяли подобно синему куполу
неба. Въ чистомъ, легкомъ, живительномъ воздухѣ пустыни,
напоенномъ ночью прохладой, грудь дышала легко и пу-
тники съ удовольствіемъ продолжали свое шествіе.

Мужчины обнаруживали большую самонадѣянность; глаза
женщинъ блистѣли радостью, какъ они давно уже не блис-
тѣли, такъ какъ Богъ еще разъ доказалъ своему народу,
что Онъ не покинулъ его, и родители съ гордостью взирали

на своихъ сыновей, одолѣвшихъ врага. Представители большей части колѣнъ привѣтствовали въ своемъ кругу возвращеніе человѣка, котораго считали давно погибшимъ, и всѣ старались загладить чѣмъ нибудь зло, претерпѣнное имъ на страшной каторгѣ. Не одни ефраимиты, но и всѣ радовались возвращенію Іисуса, какъ всѣ, кромѣ племени Іудина, называли теперь прежняго Осію, помня утѣшительное обѣтованіе, связанное съ именемъ Іисуса.

Юноши, разсѣявшіе подъ его начальствомъ египтянъ, рассказывали своимъ близкимъ что за человѣкъ сынъ Навина, и какъ онъ умѣетъ все предусмотрѣть и каждого поставить на надлежащее мѣсто. Стоитъ ему взглянуть на человѣка, чтобы возгнать въ немъ боевой пылъ. Одинъ бранный влилъ его обращалъ въ бѣгство враговъ.

Но и у всякаго, кто говорилъ о старикѣ Навинѣ и объ его храбрости внука, блестяли глаза. Колѣну Ефраимову, притязанія котораго многихъ раздражали, охотно уступалось на этомъ пути передовое мѣсто. Одно колѣно Іудино роптало и жаловалось. Правда, оно имѣло причину быть недовольнымъ. Предводитель его Хуръ и его молодая жена шли, словно удрученные тяжелымъ бременемъ. Кто заговаривалъ съ ними, тотъ рассказывалъ, что не выбралъ для этого другое время.

Покуда солнце бросало восые лучи, у подошвы песчаниковыхъ скалъ, пересѣкавшихъ или окаймлявшихъ дорогу, еще можно было находить немного тѣни, и когда сыновья Кора заплѣли пѣсню, то всѣ, старъ и младъ, присоединились къ нимъ. Веселѣе всѣхъ и отъ полноты благодарнаго сердца плѣли Милва, которая не была теперь такъ блѣдна, какъ прежде, и ея освобожденный, счастливый мужъ.

Дѣти собирали золотистыя яблоки колоквины, осыпавшіяся съ высохшихъ вьющихся растеній, словно упавшія съ

неба, и приносили ихъ родителямъ. Но яблоки были горьки какъ желчь, и одинъ угрюмый старецъ изъ племени Зевулонова, сберегавшій ихъ твердую скорлупу, чтобы хранить въ ней разныя мази, замѣтилъ: „Такъ будетъ и съ нынѣшнимъ днемъ: пока онъ еще радуется наши взоры, но какъ скоро солнце поднимется выше, а у насъ не будетъ воды, мы ощутиимъ его горечь“.

Предсказаніе его слишкомъ скоро оправдалось. Когда дорога съ песчаниковою почвы пошла въ гору то по отлогостямъ, то по крутизнамъ, подобнымъ стѣнамъ изъ краснаго кирпича или изъ сѣраго булыжника,—зной сталъ усиливаться съ часу на часъ, по мѣрѣ того, какъ поднималось солнце. Никогда еще каленныя стрѣлы его не поражали такъ безпощадно обнаженныя головы и затылки путниковъ, какъ въ этотъ день.

Гдѣ старецъ, гдѣ юноша падалъ подъ палящимъ лучомъ или, шатаясь и лихорадочно дрожа какъ опьяненный, подносили руку ко лбу и шель, поддерживаемый близкими. У женщинъ и мужчинъ потрескавшаяся отъ жары кожа слѣзала съ лица и рукъ. У всѣхъ пересохла гортань и языкъ, исчезла бодрость и опало пробудившееся-было мужество. Скотина шла, свѣсивъ голову и еле волоча ноги, или упрямо ложилась на землю и не вставала, пока бичъ постуха не принуждалъ ее собрать остатки силъ.

Въ полдень народу былъ данъ отдыхъ, но тамъ, гдѣ слѣдали привалъ, не было ни малѣйшаго тѣнистаго уголка. Люди, растянувшись на землѣ подъ огненными полуденными лучами, находили, вмѣсто отдыха, только новыя муки. Измученные, они сами пожелали продолжать путь, чтобы добраться поскорѣе до Альскаго источника.

До сихъ поръ жара обыкновенно спадала послѣ того, какъ солнце, поднявшись до зенита на безоблачномъ небѣ

пустыни, начинало склоняться къ западу, и еще до наступленія сумерекъ легкое дуновение вѣтерка освѣжало головы людей. Но въ этотъ день полуденный зной палилъ каменитый ландшафтъ въ продолженіе долгихъ часовъ, пока наконецъ съ запада, со стороны моря, не повѣяло прохладой. Въ это время передовой отрядъ, высланный по совѣту Исуса, остановился, заставивъ остановиться и всю колонну.

Мужчины, женщины и дѣти устремили глаза на одну точку и въ ту же сторону направились всѣ руки, ручки, посохи и востыли. Удивительное, невиданное зрѣлище приковало къ одному мѣсту всѣ глаза.

Изъ пересохшихъ, усталыхъ, долго молчавшихъ устъ вылетѣлъ крикъ удивленія и восторга, поватившійся по рядамъ отъ одного колѣна къ другому, вплоть до прокаженныхъ, шедшихъ въ концѣ колонны, и до замыкавшаго ее отряда. Каждый толкалъ соседа и называлъ всѣмъ извѣстное имя,—имя священной горы, съ которой Госнодь обѣщавъ Моисею свести народъ его въ обширную и счастливую страну, текущую млекою и медомъ.

Каждый изъ этихъ усталыхъ путниковъ зналъ безъ словъ, что глаза его впервые видятъ въ этой гранитной громадѣ гору Хоревъ съ ея священной вершиной Синаемъ. Если кака нибудь гора могла служить престоломъ всемогущаго Бога ихъ праотцевъ—то только эта!

Казалось, самая гора пылала теперь подобно неопаленой купинѣ, изъ которой слышался гласъ, вѣщавшій избраннику Бога. Высоко и величаво возносился семизубчатый вѣнецъ, господствуя надъ окрестными долами и высотами, и какъ громадный рубинъ горѣлъ въ заревѣ неба передъ глазами израильскаго народа.

Подобнаго зрѣлища еще не видывали человѣческіе глаза. Солнце спускалось за гору все ниже и ниже, словно уходя

на покой въ лежащее за нею море. Плающій рубинъ превратился въ темный аметистъ и наконецъ принялъ синій цвѣтъ фіалки; но взоры всѣхъ оставались прикованными къ этому священному мѣсту. Когда дневное свѣтло скрылось совершенно и только отблескъ его золотилъ еще края вытянувагося по небу облака, глаза всѣхъ открылись еще шире: кто-то изъ колѣна Веняминова, потрясенный величьемъ зрѣлища, увидѣлъ въ этомъ облакѣ влекущуюся по небу, отороченную золотомъ, мантию Іеговы, и тѣ, кому овъ указалъ на это, повѣрили ему и раздѣляли его благоговѣнный восторгъ.

Великое зрѣлище заставило на время забыть жажду и усталость, но вскорѣ подъемъ духа смѣнился глубокою обезкураженностью. Съ наступленіемъ ночи, когда, послѣ короткаго перехода, странники достигли Алуса, оказалось, что хозяйничавшее тамъ кочевое племя, передъ тѣмъ какъ саяться наканунѣ съ кочевья, завалило пескомъ и камнями и безъ того тощій ручей.

Все, что было въ запасѣ годнаго для питья, было истреблено еще до прибытія въ Дофу, а истощенный рудниковый ручей не позволилъ пополнить ни одного мѣха. Отъ жажды у путниковъ не только пересохла глотка, но и начинало горѣть нутро. Пересохшая гортань отказывалась принимать сухую пищу, въ которой не было недостатка. Куда ни обращался глазъ, нигдѣ не находилъ овъ утѣшенія; всюду слухъ и зрѣніе встрѣчали только такія явленія, которыя будили жалость и возмущали душу. Здѣсь слышались вѣи и проклятія, тамъ жалобы и стоны; иные предавались тупому отчаянію, другіе, дѣти которыхъ съ плачемъ просили пить, дрались за ключокъ земли, гдѣ они надѣялись добыть хотя нѣсколько капель воды. Къ тому еще и скотина такъ жалобно блеяла, что у пастуховъ словно ножъ ворочался въ сердцѣ.

Лишь немногіе разбили шатры. Ночь была теплая, да и всѣ сѣвшии продолжать путь. Въ нѣсколькихъ часахъ отсюда путниковъ обѣщаль встрѣтить Моисей, а онъ одинъ могъ помочь имъ. Онъ былъ обязанъ спасти отъ гибели людей и животныхъ.

Если Богъ, посулившій Своему народу такія блага, дастъ ему вмѣсто того погибнуть въ пустынѣ со всѣми своими домочадцами,—то значить человѣкъ, котораго Онъ далъ ему въ руководителя, не болѣе, какъ обманщикъ, а Богъ, могущество и милосердіе Котораго этотъ человѣкъ постоянно прославлялъ, коварнѣе и безсильнѣе тѣхъ идоловъ съ человѣчными и звѣринными головами, которымъ они молились въ Египтѣ.

Между укорами и проклятіями слышались даже угрозы. Когда вернувшійся Ааронъ показался народу и пытался уговоривать его, ему грозили кулаками.

Миріамъ, повинуваясь запрещенію своего мужа, также должна была отказаться отъ попытокъ утѣшать женщинъ послѣ того, какъ одна изъ матерей, у высохшей груди которой умиралъ голодный младенецъ, подняла камень, чтобы пустить имъ въ утѣшительницу, а другія женщины готовы были послѣдовать ея примѣру.

Стараго Навина и его сына слушали охотнѣе. Оба были согласны въ томъ, что Исусъ долженъ будетъ бороться, на какой бы постъ ни поставилъ его Моисей; Хуръ самъ повелъ его въ войнамъ, которые радостно привѣтствовали его.

Какъ старикъ, такъ и молодой сынъ его сумѣли укрѣпить въ нихъ довѣріе. Они рассказывали мужчинамъ о богатомъ источникѣ Амалекитскомъ оазисѣ, до котораго было уже недалеко, и указывали имъ на оружіе, бывшее въ ихъ рукахъ, которымъ снабдилъ ихъ самъ Богъ.

Исусъ увѣрялъ ихъ, что они много превосходятъ чи-

сленной силой воинственныхъ кочевниковъ пустыни, и если молодежь будетъ вести себя такъ же храбро, какъ она вела себя при мѣдныхъ рудникахъ и въ Дофикъ, то съ Божьей помощью побѣда останется за ихъ народомъ.

Послѣ полуночи Иисусъ, посоветовавшись со старѣйшинами, велѣлъ трубить въ рога, чтобы собрать всѣхъ способныхъ носить оружіе. Подъ яснымъ, звѣзднымъ небомъ онъ сдѣлалъ имъ смотръ, раздѣлилъ ихъ на отряды, назначилъ каждому отряду опытныхъ начальниковъ и внушилъ имъ значеніе лозунговъ, которыхъ они должны были слушаться.

Люди, измороженные жаждой, шли вяло, однако, новая дѣятельность, къ которой призывалъ ихъ храбрый вождь, и надежда на побѣду и драгоценнѣйшую изъ добычъ, — участокъ земли у подошвы священной горы, изобилующей источниками и пальмами, — чудодѣйственно подкрѣпили ихъ силы.

Между ними находился Ефраимъ, воодушевлявшій всѣхъ своею неистощимою бодростью. Когда же бывший полководецъ, уже доказавшій, что Всевышній считаетъ его достойнымъ своей помощи, обѣщаемой самымъ именемъ его, сталъ внушать своимъ воинамъ довѣріе къ всемогуществу Божию, слова его подѣйствовали совсѣмъ иначе, чѣмъ слова Аарона, увѣщанія котораго они привыкли слышать каждый день со времени выступления.

Едва умоляла рѣчь Иисуса, какъ изъ многихъ юныхъ устъ, томимыхъ жаждой, раздавался восторженный кликъ: „ Слава полководцу! Ты нашъ вождь! Ни за кѣмъ, кромѣ тебя, не пойдемъ мы!“ Тогда онъ твердо и рѣшительно объявилъ имъ, что онъ потребуетъ отъ нихъ безусловнаго повиновенія, какое и самъ готовъ оказывать, и охотно встанеть въ послѣдніе ряды, если ему повелитъ это Моисей.

Звѣзды еще ярко сіяли на безоблачномъ небѣ, когда затрубили бычачьи рога, призывавшіе народъ къ выступленію. Передовой отрядъ уже былъ высланъ, чтобы предупредить Моисея о положеніи дѣлъ среди его народа, и по окончаніи ученья Ефраимъ послѣдовалъ за гонцами. Въ дальнѣйшемъ пути Иисусъ старался вести своихъ воиновъ тѣсною колонной, какъ будто теперь уже слѣдовало ожидать нападенія. При этомъ онъ пользовался каждой минутой, чтобы готовить своихъ солдатъ и начальниковъ къ предстоящему военному дѣлу, наблюдать за ними и плотнѣе смыкать ихъ ряды. Такимъ образомъ онъ поддерживалъ въ нихъ бодрость и бдительность, пока не померкли звѣзды.

Въ рядахъ воиновъ лишь изрѣдка слышалось противорѣчіе или жалоба, но тѣмъ громче раздавались проклятія, ропотъ и угрозы тѣхъ, кто не носилъ оружія. Еще до зари изъ пересохшихъ устъ мужчинъ, падавшихъ отъ усталости и идѣвшихъ муки женщинъ и дѣтей, началъ все громче и громче раздаваться крикъ: „Идемъ на Моисея! Побьемъ его камнями, гдѣ бы мы ни нашли его!“

Многіе, съ проклятіями и пылающими глазами, уже поднимали съ земли камни, и негодованіе толпы дошло до такой дикой ярости, что Хуръ созвалъ на совѣтъ наиболѣе благонадежныхъ изъ старѣйшихъ и потомъ, взявъ съ собою воиновъ изъ воѣвн Іудина, опередилъ колонну, чтобы встрѣтить Моисея и, въ крайнемъ случаѣ, защитить его противъ мятежниковъ вооруженною рукою. Иисусу было поручено сдерживать толпы, которыя съ угрозами и бранью направили на воиновъ.

Когда взошло солнце и съ неба полились ослѣпительные лучи, шествіе народа представило картину жалкихъ, еле двигающихся и шатающихся людей. Даже у солдатъ подкашивались ноги и только когда мятежники пытались прор-

ваться впередъ, войны исполняли свою обязанность и отъсняли ихъ мечами и копьями.

По обѣимъ сторонамъ долины, по которой проходили путники, стѣнами выселись гранитныя горы, въ которыхъ щедро разсыпанныя кварцовыя частицы сверкали подъ косыми лучами солнца. Къ полудню нужно было снова ожидать убійственного звоя между этими, мѣстами тѣсно сближавшимися, обнаженными каменными стѣнами; но пока въ воздухѣ еще ощущалась утренняя свѣжесть. Здѣсь по крайней мѣрѣ скотъ находилъ себѣ немного корма, такъ какъ встрѣчалось немало кустовъ сочнаго и душистаго веоарата¹ и пастухи, связъ съ себя тунны, наполняли ихъ этимъ растеніемъ и, не смотря на собственное изнеможеніе, держали передъ мордами своихъ голодныхъ любимцевъ.

Такимъ образомъ колонна протащила еще около часа, какъ вдругъ въ головѣ ея раздался радостный крикъ, пробѣжавшій по всѣмъ рядамъ до самыхъ послѣднихъ волоннъ аррьергарда. Никто не зналъ, что случилось, но каждый понималъ, что это могло быть не что иное, какъ находка свѣжей воды.

Вернувшійся Ефраимъ подтвердилъ радостную вѣсть и нужно было видѣть, какъ она подѣйствовала на изнеможенный народъ! Всѣ выпрямились и ускорили шагъ, словно уже насытившись благодатной влагой. Отряды боевой силы не преграждали болѣе дороги и радостно привѣтствовали тѣснившійся мимо нихъ народъ. Но вскорѣ потокъ людей остановился, наткнувшись на передовые ряды, уже пришедшіе къ обѣтованному мѣсту и образовавшіе твердыню непреодолимѣе всякихъ стѣнъ и рововъ. Колонна рассыпалась въ стороны, запрудивъ всю долину. Появились, наконецъ, мужчины и

¹ *Cantolima fragrantissima.*

женщины съ радостными лицами и съ полными кувшинами или ведрами воды на головахъ и въ рукахъ. Они весело дѣлали знави друзьямъ, ободряли ихъ криками и пробирались сквозь толпу къ своимъ близкимъ; но у многихъ силой вырывали ихъ сокровище, прежде чѣмъ они успѣвали добраться до цѣли.

Иисусъ со своимъ войскомъ также проложилъ себѣ дорогу къ живительному источнику, чтобы поддержать порядокъ между алчными черпателями воды. Однако, пришлось еще потерпѣть, покуда сильные сыны колѣна Іудина, съ которыми Хуръ опередилъ остальныхъ, рубили толстые стволы терновой акаціи и наскоро дѣлали изъ нихъ рычаги, чтобы сдвинуть огромныя глыбы камня и разчистить путь къ источнику, струившемуся изъ многихъ расщелинъ скалистой горы.

Вначалѣ источникъ терялся въ грудѣ мшистыхъ гранитныхъ глыбъ, а, вытекая изъ нея, всасывался землей; но теперь удалось уже устроить родъ бассейна, въ который стекала драгоценная влага и который могъ служить водопоемъ для скота. Тѣ, кому удалось уже наполнить свои кувшины, перехватывали воду, пропускаемую черезъ наскоро выросшшую плотину. Теперь же люди, приставленные сторожами у работъ, отступили назадъ, чтобы дать время водѣ набраться въ новый, обширный бассейнъ, который сталъ быстро наполняться.

Потерпѣть еще немного было легко въ виду этого дара небесъ, такъ долго и бурно призывавшагося. Кладъ былъ открытъ, оставалось только охранять его. Ни малѣйшаго ропота, ни малѣйшаго выраженія неудовольствія не слышалось болѣе въ толпѣ; многіе смотрѣли съ пристыженныхъ и присмирѣвшимъ видомъ на эту новую благодѣть Всевышняго. Вдали слышались громкіе радостные крики и говоръ, но

святой мужъ, знавшій, какъ никто другой, всё горы и долины, пастбища и ручьи страны Хореба и даровавшій израильскому народу новое, великое благо, удалился въ ближнее ущелье, какъ бы причесаясь отъ выраженій благодарности и восторга, все болѣе и болѣе охватывавшаго толпу; глубоко потрясенная душа его нуждалась въ успокоеніи и желала сосредоточиться въ самой себѣ.

Освѣщенная и возрожденная въ жизни толпа, переполненная пламенной признательности къ Творцу, благоговѣнно пѣла гимнъ. Никогда еще израильскій народъ не подходилъ къ своему привалу съ такою радостною надеждою и вѣрой въ будущее, какъ въ этотъ день.

Шатры раскидывались съ пѣснями, шутками и ободрительными возгласами, и лагерь быстро, словно волшебствомъ, выросъ изъ земли. Глаза молодыхъ воиновъ блестя отъ отвагой и не одно животное истекало кровью къ предстоящей трапезѣ, которая должна была быть настоящимъ праздничнымъ пиромъ. Матери, устроивъ свое хозяйство, вели своихъ дѣтей къ источнику, чтобы показать имъ мѣсто, гдѣ жезлъ Моисея указалъ людямъ сочащуюся изъ гранитныхъ расщелинъ воду. Вокругъ этого мѣста, гдѣ Іегова явилъ своему народу такую неизреченную благость, стояли также многіе изъ мужчинъ съ воздѣтыми къ небу глазами и руками, и между ними находилось немало бывшихъ мятежниковъ, уже поднимавшихъ камни, чтобы побить ими пророка. Теперь никто не сомнѣвался, что на этомъ мѣстѣ совершилось новое, великое чудо.

Старики внушали молодымъ, чтобы они всегда помнили этотъ день и этотъ источникъ, а одна старуха вронила водою лбы своихъ внучатъ, вѣря, что эта вода послужитъ для нихъ благословеніемъ и защитой. Всѣ были преисполнены надежды, признательности и теплой вѣры въ будущее, за-

глушившихъ даже страхъ передъ воинственными сынами Амалека. Кто же можетъ повредить тѣмъ, кого охраняетъ благодать такого всемогущаго защитника?

Въ одномъ только изъ шатровъ, и въ самомъ пышномъ, — въ шатръ вождя Іудина колѣна, радость отсутствовала. Мириамъ, молча раздѣлившая трапезу съ мужчинами, воодушевленными признательностью къ Богу, и узнавшая потомъ отъ Рувима, мужа Милки, что Моисей, изъ всѣхъ старѣйшинъ, избралъ полководцемъ Іисуса, сидѣла одна между своими женщинами. Она слышала также, что мужъ ея Хуръ съ радостью изъявилъ готовность предоставить начальство надъ войскомъ сыну Навина.

На этотъ разъ пророчица не присоединялась къ хвалебнымъ гимнамъ народа и, когда Милка и другія женщины звали ее пойти съ ними къ источнику, она велѣла имъ идти безъ нея. Она ждала своего мужа и желала одна привѣтствовать его; ей нужно было показать ему, что она ждетъ его прощенія. Но онъ не возвращался. Когда разошелся совѣтъ старѣйшинъ, Хуръ сталъ помогать новому полководцу устранивать полки, исполняя это въ качествѣ помощника и подчиненнаго того самого Осин, который былъ обязанъ Мириамъ своимъ призваніемъ и своимъ именемъ Іисуса.

Вернувшіяся служанки ея взяли за прялки, но Мириамъ не любила этой нязкой работы; она сидѣла, сложа руки, и глядѣла въ пространство. Праздникъ часу медленно тянулся для нея. Она чувствовала въ это время, что рѣшеніе ея смириться передъ мужемъ все слабѣетъ и слабѣетъ. Ей хотѣлось молиться о ниспосланіи ей силы смириться передъ тѣмъ, кто былъ ея господиномъ, но пророчица, привыкшая такъ горячо молиться, не находила теперь надлежащихъ словъ для молитвы. Лишь только она начинала сосредоточиваться въ себѣ и возвышаться духомъ,

какъ ей мѣшала каждая новая вѣсть, приходившая изъ стана, и усиливала ея неудовольствіе. Наконецъ, наступилъ вечеръ и къ Мириамъ явился гонецъ съ наказомъ не ждать мужчинъ въ ужины, который уже давно былъ готовъ. Хуръ со своимъ сыномъ и внукомъ приняли приглашеніе Навина и Иисуса.

Мириамъ съ трудомъ сдержала слезы, но это были слезы гнѣва и оскорбленнаго женскаго достоинства, а не огорченія и тоски.

Въ часы вечерней смѣны часовыхъ мимо шатра ея проходили воины, и изъ каждаго отряда доносились до нея крики въ честь Иисуса. Когда слышались слова „сильный и крѣпкій!“ она знала, что они относятся къ тому, кто былъ когда-то дорогъ ей и кого теперь она ненавидѣла, въ чемъ она сознавалась себѣ. Одни только воины ея колѣна почтили хвалебнымъ кликомъ ея мужа. Такъ-то отблагодарили его за великодушіе, съ которымъ онъ сложилъ съ себя, въ пользу младшаго, достоинство, которое по праву должно было принадлежать одному ему! Мысль объ униженіи мужа какъ ножомъ рѣзала сердце Мириамъ, и ей было тѣмъ больнѣе, что Хуръ оставлялъ ее, новобрачную, одну.

Ужинъ передъ шатромъ ефраимитовъ длился долго. Передъ полночью Мириамъ отпустила своихъ служанокъ и легла, но съ тѣмъ, чтобы дожидаться возвращенія мужа и сознаться ему во всемъ, что ее огорчало и возмущало, а также и въ цѣли своихъ стремленій. Она полагала, что при такой душевной боли ей легко будетъ отогнать сонъ, но усталость и волненія послѣднихъ дней и ночей взяли свое, и среди молитвы о ниспосланіи ей смиренія и любви ея господина Мириамъ уснула. Во время первой утренней смѣны, когда только что начало свѣтать, Мириамъ была разбужена звуками трубъ, возвѣщавшими о близкой опасности.

Она съ испугомъ вскочила и, взглянувъ на ложе своего мужа, увидѣла, что оно пусто. Но оно было занято ночью и на песчаномъ полу—маты разстилались только въ жиломъ покоѣ шатра—Мириамъ увидѣла возлѣ своей постели слѣды ногъ Хура. Онъ стоялъ возлѣ нея и, быть можетъ, глядѣлъ ей въ лицо, желая, чтобы она проснулась. Такъ оно и было; старая рабыня сообщила ей это безъ всякихъ разспросовъ. Разбудивъ Хура, она видѣла, какъ онъ поднесъ осторожно свѣточъ къ лицу жены и долго потомъ стоялъ наклонившись надъ нею, какъ бы желая поцѣловать ее.

Вѣсть эта такъ обрадовала одинокую женщину, что она измѣнила своей обычной сдержанности и прикоснулась устами къ сморщенному лбу маленькой, согбенной старухи, служившей еще ея родителямъ. Она велѣла проворно причесать свои волосы, надѣла свѣтло-голубую нарядную туннику, подаренную ей Хуромъ, и побѣжала проститься съ нимъ. Войско уже строилось, начинали снимать шатры, и Мириамъ долго тщетно искала своего мужа. Наконецъ, она увидѣла его, но онъ былъ занятъ серьезнымъ разговоромъ съ Исусомъ. При видѣ послѣдняго, по жиламъ пророчицы пробѣжалъ холодъ и она не могла принудить себя приблизиться къ нимъ.

ГЛАВА XXVII.

Предстояло серьезное дѣло. Лазутчики донесли, что къ амалекитянамъ присоединились и другія кочевья племена. Израильское войско, правда, вдвое превосходило ихъ числомъ, но могли-ли тягаться воины Исуса въ боевомъ дѣлѣ съ воинственнымъ, привыкшимъ къ набѣгамъ врагомъ.

Онъ шелъ съ юга, отъ оазиса у подошвы священной горы, которая искони служила родиной этого племени, его

кормилицей, его излюбленнымъ мѣстомъ, за которое стоило пролить свою кровь до послѣдней капли.

Иисусъ, признанный какъ Моисеемъ, такъ и всѣмъ народомъ—вождемъ еврейскаго войска, вывелъ свои новоставленные полки на самое широкое мѣсто долины, чтобы имѣть возможность лучше воспользоваться ихъ численнымъ превосходствомъ. Станъ онъ приказалъ снять и перенести на сѣверный конецъ предназначенной служить боевымъ полемъ равнины Раевидимъ, въ тѣснину, которую было легче защищать. Начальство надъ отрядомъ, оставленнымъ для защиты стана, онъ ввѣрилъ своему бдительному отцу. Моисея и другихъ старѣйшихъ вождей онъ хотѣлъ оставить въ хорошо защищенномъ лагерѣ, но великій пророкъ не согласился на это и взошелъ, вмѣстѣ съ Хуромъ и Аарономъ, на высокую гранитную скалу, съ которой можно было обозрѣвать поле сраженія. Такимъ образомъ, онъ былъ видѣнъ, съ двумя своими товарищами, всему войску, которое знало, что избранныкъ Божій не перестанетъ молиться о дарованіи ему защиты и побѣды. Но и каждый рядовой въ рати, каждый старикъ или женщина въ лагерѣ сердцемъ находили путь къ Богу своихъ праотцевъ въ этотъ грозный часъ, и военный кличъ Иисуса: „Во имя Іеговы!“ возносилъ сердца воиновъ къ Подателю побѣдъ и напоминалъ робкимъ и неопытнымъ, что ни одинъ шагъ не можетъ быть сдѣланъ, ни одинъ ударъ не можетъ быть нанесенъ безъ воли Промысла.

Загремѣли еврейскіе трубы и рога, все громче и громче оглашая равнину; амалекитяне вступали на поле, гдѣ долженъ былъ завязаться бой. Позиція была выбрана странно. Ни одинъ опытный полководецъ не выбралъ бы таковой добровольно, такъ какъ она была заперта съ обѣихъ сторонъ высочайшими и крутыми гранитными стѣнами. Въ случаѣ

побѣды врага, стану грозила неминуемая гибель, и всѣ средства, какими располагаетъ военное искусство, предстояло развернуть на самомъ тѣсномъ пространствѣ. Обойти врага съ тыла или неожиданно напасть на него съ фланга не представлялось здѣсь никакой возможности; но полководецъ воспользовался и скалами, разставивъ на умѣренныхъ высотахъ искусныхъ стрѣлковъ и пращниковъ и объяснивъ имъ, по какому знаку они должны будутъ вмѣшаться въ бой.

Съ перваго же взгляда Иисусъ понялъ, что онъ не преувеличивалъ силы врага. Передовой отрядъ его, открывшій бой, состоялъ изъ смуглыхъ, бородатыхъ людей, съ рѣзкими, мужественными чертами лица и съ черными глазами, горѣвшими ненавистью и отвагой. Всѣ они, подобно своему сѣдобородому, покрытому рубцами вождю, были сухощавы и гибки и ловко владѣли своими мѣдными серповидными мечами, кривыми, заостренными и тяжелыми деревянными тарчами и копьями, украшенными подъ остриемъ пучками верблюжьей шерсти. Громко, яростно, неустрашимо звучалъ боевой кличъ этихъ крѣпкихъ людей, для которыхъ дѣло шло, въ случаѣ пораженія, о потерѣ своей драгоценнѣйшей собственности.

Первый натискъ былъ встрѣченъ и отраженъ Иисусомъ во главѣ отряда, вооруженнаго большими египетскими щитами и копьями. Евреи, вдохновляемые своимъ храбрымъ вождемъ, держались довольно долго, тѣмъ болѣе, что узкій проходъ на боевое поле мѣшалъ неприятелю развернуть свои силы. Но когда вражеская пѣхота, отступивъ, выкусила на неприятеля конницу на верблюдахъ, видъ этихъ большихъ, странныхъ животныхъ, извѣстныхъ имъ только по рассказамъ, на многихъ навелъ панической страхъ. Съ громкимъ крикомъ ужаса побросали нѣкоторые свои щиты и побѣжали, а въ разстроенные ряды врѣзались всадники на

верблюдахъ и принялись бить направо и налѣво своими тяжелыми заостренными тарчанами. Тутъ непривычные къ боямъ пастухи стали думать только о спасеніи своей головы, и многіе обратились въ бѣгство, объятые паникой, въ особенности когда глаза ихъ встрѣчались съ пылающимъ взоромъ, или слухъ поражался рѣзкимъ, страшнымъ визгомъ разсвирѣпѣвшихъ амалекитскихъ женщинъ, которыя также участвовали въ дѣлѣ, чтобы вдохновлять мужествомъ своихъ мужей и устрашать врага. Держась лѣвою рукой за ремни, висѣвшіе у сѣделъ, онѣ волочились за горбатыми животными, куда бы тѣхъ ни направляли. Казалось, ненависть закалила эти слабыя женскія сердца противъ всякаго страха смерти, жалости или стыдливости. Адскій крикъ этихъ мергеръ дѣйствительно заставлялъ содрогаться даже храбрыхъ изъ евреевъ.

Но полководецъ, замѣтивъ, что рать его поколебалась, тотчасъ рѣшился извлечь выгоду изъ этой неудачи. Онъ велѣлъ своему войску отступить еще далѣе и открыть неприятелю входъ въ долину, рассчитывая пустить въ дѣло большую часть своихъ силъ когда на неприятеля можно будетъ напасть съ фронта и съ обоихъ фланговъ. Тогда и вращники со стрѣлками могли принять участіе въ борьбѣ.

Ефраимъ съ храбрѣйшими изъ его товарищей, окружавшими его въ качествѣ вѣстовыхъ, были посланы на сѣверный край долины и къ начальникамъ стрѣлковъ, чтобы сообщить имъ намѣренія главнокомандующаго и привязъ о выступленіи. Молодые пастухи, притые и легкіе какъ газели, проворно заняли свои мѣста, и послѣдствія не замедлили доказать, что полководецъ распорядился умно. Едва достигли амалекитяне средины долины, какъ неприятель началъ на нихъ со всѣхъ сторонъ и многіе изъ ихъ храбрыхъ борцовъ, лонившіеся впередъ потрясая копьемъ или

мечомъ, падали на песокъ, сраженные острой стрѣлой или круглымъ камнемъ мѣткого пращника.

Моисей съ Аарономъ и Хуромъ продолжали стоять на утѣсѣ, господствовавшемъ надъ полемъ сраженія, за которымъ пророкъ внимательно слѣдилъ. Посѣдѣлый въ дѣлахъ мира, онъ тѣмъ не менѣе душою и сердцемъ участвовалъ въ этой борьбѣ. Ни одно движеніе, ни одинъ поднятій и опустившійся мечъ друга или врага—не ускользали отъ его глазъ. Но когда начался натискъ и еврейскій полководецъ предусмотрительно впустилъ врага въ средину своей рати, Хуръ вскричалъ, обращаясь къ сѣдовласому пророку: «Не ошибся высокій умъ твоей сестры, а моей жены! Сынъ Навина не оправдалъ призванія Всевышняго. Что это за полководецъ! Врагъ, котораго мы превосходимъ силами, безпрепятственно проникаетъ въ самое сердце нашей рати. Какъ воды Чермнаго моря, разступившіяся по повелѣнію Бога, разступаются наши поля и, какъ видно, дѣлаютъ это по приказанію полководца“.

— Чтобы поглотить амалекитянъ, какъ поглотило море египтянъ,—отвѣтилъ на это Моисей и, воздвѣвъ руки къ небу, воскликнулъ:

— Снизойди къ народу Твоему, Іегова, въ этой новой бѣдѣ! Закали руку и изощри глазъ избраннаго Тобою быть мечомъ Твоимъ! Даруй ему помощь, которую Ты обѣщалъ ему, переименовавъ его изъ Осія въ Іаисуса! Если же Тебѣ не угодно болѣе, чтобы онъ, доказавшій твердость и силу, подобающія Твоему полководцу, руководилъ въ бою нашею ратью, то встань Ты самъ во главѣ ея съ сонмами небесными и помоги ей разбить враговъ Твоего народа!

Такъ молился святой мужъ, воздвѣвая руки къ небу и неустанно взывая къ Богу, воля Котораго руководила его собственною, и вскорѣ Ааронъ радостно возвѣстилъ ему, что

евреи сильно тѣснятъ непріятеля и что мужество ихъ проявляется повсюду. Иисусъ всюду поспѣваетъ и непріятельскія полчища замѣтно рѣдѣютъ, тогда какъ евреи какъ будто возрастаютъ въ числѣ. Хуръ подтвердилъ эти слова, прибавивъ, что сынъ Навина выказалъ геройскую неустрашимость и неутомимую ревность. Онъ только что разрубилъ сѣкирою самага свирѣпаго изъ амалекитскихъ вождей.

Моисей глубоко вздохнулъ, опустилъ руки и снова сталъ напряженно слѣдить за ходомъ битвы, кипѣвшей и бушевавшей у его ногъ. Тѣмъ временемъ солнце достигло зенита и лило на борющихся палящія лучи. Сѣрая гранитная стѣна долины навалались все сильнѣе, и у всѣхъ трехъ человѣкъ, глядѣвшихъ съ утеса, катился потъ по пылающему челу. Какъ тяжело должно быть борющимся подъ этими знойными полуденными лучами. Какъ должны были горѣть раны у сраженныхъ, лежавшихъ въ пескѣ! Моисею такъ живо чувствовалось все это, словно всѣ страданія онъ испытывалъ самъ; непоколебимо-твердая душа его была въ то же время полна состраданія. Онъ всѣмъ сердцемъ любилъ своихъ соплеменниковъ, для которыхъ онъ жилъ и ратовалъ, за которыхъ молился и думалъ, какъ отецъ за свое дѣтище. Онъ болѣлъ ихъ ранами, но сердце его билось гордою радостью, когда тѣ самые люди, которые передъ тѣмъ возмутили его своею трусливою податливостью, доказывали теперь, что они умѣютъ защищаться и нападать, и когда одна молодая ватага за другою, съ громкимъ крикомъ: „Во имя Іеговы!“ бросалась на врага.

Въ гордомъ и мужественномъ образѣ Иисуса Моисей видѣлъ потомковъ своего народа такими, какими онъ желалъ и представлялъ ихъ себѣ, и не сомнѣвался болѣе, что самъ Богъ предназначилъ сына Навина въ полководцы. Никогда еще

большіе, властные глаза его не блестяли такъ, какъ въ эти часы.

Но что это?

Изъ устъ Аарона также вылетѣлъ крикъ испуга, а Хуръ, съ ужасомъ поднявшись, напряженно глядѣлъ на сѣверъ. Съ той стороны, гдѣ находился еврейскій станъ, раздавались новые боевые клики и къ нимъ примѣшивались громкіе, жалобные вопли, не только мужскихъ, но, какъ казалось, также женскихъ и дѣтскихъ голосовъ.

Неприятель напалъ на лагерь. Одинъ отрядъ амалекитянь еще задолго до начала боя отдѣлился отъ своихъ полчищъ и одному ему извѣстными горными тропинками нашелъ дорогу къ еврейскому лагерю.

Хуръ вспомнилъ о своей молодой женѣ; Аарону мисленно представилась его вѣрная хозяйка Элишеба, его дѣти и внуки, и оба обратили взоры на Моисея съ безмолвной мольбой отпустить ихъ, чтобы они могли летѣть на помощь къ тѣмъ, которые были для нихъ дороже всего на свѣтѣ. Но строгій вождь не внялъ этой мольбѣ и не отпустилъ ихъ. Онъ поднялся съ мѣста, выпрямился и, воздвѣвъ руки къ небу, снова вознесся сердцемъ къ Богу въ горячей молитвѣ.

Время шло и онъ молился все съ большимъ и большимъ жаромъ, такъ какъ дѣло, выигранное-было его народомъ, казалось снова проиграннымъ. Каждый новый взглядъ на поле сраженія, каждая новая вѣсть, которую сообщали ему его товарищи послѣ тѣхъ минутъ, въ которыя душа его, возносясь къ Богу, дѣлалась глуха и слѣпа къ тому, что происходило у его ногъ, усиливали бремя его заботъ.

Иисусъ отступилъ съ поля битвы съ сильнымъ отрядомъ, въ которомъ находились Бецалель, внукъ Хура, Охोलіавъ, любимый его товарищъ, молодой Ефранмъ и Рувимъ,

мужъ Милки. Хуръ слѣдилъ за ними глазами, всѣмъ сердцемъ благословляя ихъ, такъ какъ они навѣрно вышли изъ боя, чтобы спасти лагерь. Онъ напряженно вслушивался въ крики, доносимые вѣтромъ со стороны шатровъ, словно можно было угадать съ какаго разстоянія доносятся эти отрывистые вопли и стоны.

Старый Навинъ далъ храбрый отпоръ напавшимъ на станъ амалекитянамъ, но убѣдившись, что оставленный ему отрядъ не въ силахъ противустоять врагу, онъ послалъ къ полководцу просить подкрѣпленія. Иисусъ, поручивъ руководство главными силами Нахесану, второму вождю колѣна Іудина, и отличившемуся осторожностью и храбростью сыну Хура, Ури, уже летѣлъ съ отборнымъ отрядомъ на помощь къ отцу.

Онъ не потерялъ ни одной минуты, и тѣмъ не менѣе исходъ борьбы былъ уже рѣшенъ, когда онъ приблизился къ лагерю. Амалекитяне прорѣзали ряды воиновъ его отца, отрѣзали его отъ нихъ и набросились на лагерь. Полководецъ прежде всего высвободилъ изъ рукъ враговъ храбраго старца, послѣ чего бросился вытѣснять дѣтей пустыни изъ шатровъ. Но это стоило жаркой схватки. Люди сцѣпились въ рукопашную и еврейскій вождь, не имѣя возможности быть разомъ во многихъ мѣстахъ, былъ вынужденъ предоставить своимъ помощникамъ распоряжаться по собственному усмотрѣнiю въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.

Съ крикомъ „Во имя Іеговы!“ бросился онъ въ шатру Хура, первому, куда вторгнулся непріятель и гдѣ кипѣлъ самый жаркій бой. У входа, уже заваленнаго трупами, амалекитяне яростно дрались съ толпою евреевъ. Изнутри шатра доносились дикіе крики и вопли. Иисусъ быстро перескочилъ порогъ и глазамъ его представилась картина, заставившая содрогнуться даже его безстрашное сердце. На

лѣвой сторонѣ обширнаго шатра катались по залитымъ кровью матамъ борющіеся евреи и амалекитяне; направо Іисусъ увидѣлъ Мириамъ съ нѣкоторыми изъ ея служанокъ, у которыхъ были связаны руки. Мужчины намѣревались увести съ собою Мириамъ, какъ драгоценную добычу; но одна изъ амалекитскихъ женщинъ, распаленная ненавистью, ревностью и жаждой мести, пыталась съечь иноплеменныхъ женщинъ и, сорвавъ съ головы Мириамъ покрывало, махала имъ надъ угольями въ очагѣ и раздувала пламя.

Обширный, закрытый покой былъ полонъ страшнаго шума въ ту минуту, когда Іисусъ вбѣжалъ въ него. Въ одномъ мѣстѣ кричали и топотали дерущіеся мужчины; въ другомъ—голосили служанки пророчицы, которыя, завидѣвъ приближающуюся помощь, криками привывали ее. Госпожа ихъ, мертвенно блѣдная, стояла на колѣняхъ передъ тѣмъ изъ амалекитскихъ вождей, жена котораго грозила съечь ее. Мириамъ глядѣла на явившагося спасителя, какъ смотреть на призракъ, выросшій изъ-подъ земли, и всѣ подробности того, что за тѣмъ послѣдовало, врѣзались въ ея память, какъ рядъ кровавыхъ, страшныхъ, безсвязныхъ, но незабвенно чудныхъ картинъ. Уже самый амалекитскій вождь, который связалъ ее, представлялъ собою дивный образъ героя. Какъ орелъ на его горахъ, былъ хорошъ этотъ очень смуглый воинъ, съ орлинымъ, смѣлымъ носомъ, съ черной бородой и огненными глазами. Но теперь ему предстояло потягаться съ другимъ,—съ тѣмъ, кто былъ когда-то дорогъ сердцу Мириамъ. Она и прежде часто сравнивала его со львомъ, но никогда еще не находила въ немъ такого сходства съ царемъ пустыни, какъ въ эту минуту. Оба противника обладали страшной силой и никто не могъ бы предсказать, который изъ нихъ одолѣетъ другого. И ей предстояло смотрѣть на ихъ смертельную борьбу, такъ какъ пылкій смѣлъ

пустыни уже испустилъ боевой кличъ и ринулся на острого еврея.

Всякому ребенку извѣстно, что жизнь прекращается, когда сердце хотя на минуту перестаетъ биться; а между тѣмъ Мириамъ чувствовала, что сердце ея замерло словно окаменѣлое въ ту минуту, когда казалось, что орелъ одолеваетъ льва; уже сверкнулъ занесенный ножъ и она увидѣла кровь, брызнувшую изъ плеча еврея. Но застывшее-было сердце снова стало биться и быстрее тѣмъ когда либо, ибо вдругъ воинъ, сражавшійся тутъ съ храбростью льва, въ которому она только что еще питала страшную ненависть, снова и какимъ-то чудомъ сдѣлался другомъ ея юности. Торжествующая любовь побѣдоносно, подъ звуки трубъ и кимваловъ, вступила снова въ ея сердце и наполнила царившую въ немъ пустоту. Все, что раздѣляло ее съ этимъ человѣкомъ, было разомъ позабыто и похоронено, и никогда еще Всевышній не призвался такъ горячо, какъ въ той короткой молитвѣ за него, въ которую она вложила въ эту минуту всю свою душу. И эта горячая молитва была услышана: орелъ палъ съ распростертыми крыльями, побѣжденный силой льва.

У Мириамъ потемнѣло въ глазахъ и она какъ сквозь сонъ почувствовала какъ Ефрамъ перерѣзалъ веревки, связывавшія ея руки. Вскорѣ, однако, она пришла въ себя и увидѣла у ногъ своихъ истекающее кровью тѣло непріятельскаго вождя, а на другомъ концѣ—тѣла убитыхъ и раненыхъ амалевитянъ и евреевъ, въ числѣ которыхъ было много рабовъ ея мужа. Между павшими высились побѣдоносные воины ея племени, въ томъ числѣ и величавый станъ старца Навина, который перевязывалъ рану Иисуса. Мириамъ почувствовала, что это должна была бы сдѣлать она, а не кто другой, и со стыдомъ и жгучей болью вспомнилось ей все, чѣмъ согрѣшила она передъ этимъ человѣкомъ. Она не

знала, какъ загладить причиненное ему зло, чѣмъ отблагодарить его. Сердце ея переполнилось желаніемъ услышать изъ его устъ слово примиренія, и она на волѣнахъ подползла къ нему по окровавленному полу. Но краснорѣчивыя уста пророчицы, какъ парализованныя, не находили словъ для выраженія ея чувствъ. Вдругъ изъ стѣсненной груди ея вырвался громкій, умоляющій крикъ: „О, Иисусъ, Иисусъ! велика моя вина передъ тобою и вся жизнь моя пойдетъ на то, чтобы загладить ее! Не презирай только моей благодарности! Не отвергай ее и прости меня, если можешь!“

Болѣе она ничего не была въ силахъ сказать. Но тутъ— и это также навсегда вѣдалось въ ея памяти—она почувствовала сильную руку, мягко поднявшую ее съ пола какъ мать поднимаетъ ребенка, и услышала кроткія, дружескія слова, сулившія ей полное прощеніе. Онъ протянулъ ей свою правую руку и пожатіе ея удостовѣрило ее, что она прощена.

Она еще чувствовала нѣкоторое время эту руку въ своей, пока онъ увѣрялъ ее, что изъ ея устъ имя Иисуса звучитъ для него пріятнѣе, чѣмъ изъ чьихъ либо другихъ. Когда онъ отвернулся отъ нея и, съ боевымъ кличемъ: „Во имя Іеговы!“ ушелъ изъ шатра, ей долго еще слышался его звучный голосъ и восторженные влики воинновъ, отвѣчавшіе на его призывъ. Наконецъ, вокругъ нея все стихло и она сознавала только, что никогда еще не плакала такими горючими слезами, какъ въ этотъ часъ. Въ то же время она дала два торжественныхъ обѣта своему Богу, избравшему ее своею пророчицей.

Вокругъ обонхъ, кого касались эти обѣты, кипѣлъ въ это время шумъ битвы. Одинъ изъ нихъ, по выходѣ изъ спасеннаго лагеря, снова ввелъ въ дѣло своихъ борцовъ; другой, стоя возлѣ народнаго вождя, глядѣлъ на битву, все

пуще и пуще разговаршюся у его ногъ. Иисусъ нашель свои полки въ большой опасности; въ одномъ мѣстѣ они отступали, въ другомъ—лишь слабо противустояли натиску воевниковъ. Съ своей стороны и Хуръ слѣдилъ за боемъ съ удвоенною и возрастающею заботой; въ ставѣ находились его жена и внукъ, а внизу, у ногъ его, подвергался смертельной опасности его сынъ. Родительское сердце его сжималось, когда онъ видѣлъ, что Ури отступаетъ; когда же тотъ снова выдался на врага и прорывалъ его ряды искуснымъ натискомъ, сердце Хура радостно билось и у него готовъ былъ сорваться одобрителный крикъ. Но могло-ли человѣческое ухо отличить чей нибудь голосъ въ этомъ хаосѣ военныхъ кликовъ, звона и стука оружія, визга женщинъ, стога равенихъ, отвратительнаго крика верблюдовъ, грома трубъ и роговъ?

Передніе ряды амалекитскаго войска уже клиномъ врѣзались въ задніе отряды евреевъ. Если бы преслѣдователямъ удалось проложить себѣ этимъ спесобомъ дорогу и соединиться съ отрядомъ, осаждавшимъ лагерь, то дѣло евреевъ было бы проиграно и гибель израильскаго народа была бы рѣшена, такъ какъ у южнаго входа въ долину еще стояли свѣжія полчища амалекитянъ, не участвовавшія въ бою и долженствовавшія въ крайнемъ случаѣ защищать оазисъ. Но тутъ случилась новая неожиданность.

Кочевники уже такъ далеко проникли впередъ, что снаряды стрѣльцовъ и пращниковъ не достигали ихъ болѣе и, чтобы не оставлять стрѣлковъ въ бездѣйствіи, нужно было вразвѣть ихъ на поле. Хуръ давно уже хотѣлъ закричать смну, чтобы онъ пустилъ ихъ въ дѣло; но вдругъ онъ увидѣлъ юношу, бѣжавшаго со стороны лагеря, дѣико, какъ горная коза, карабкалась по утесамъ. Добравшись до перваго ряда стрѣльцовъ, онъ сталъ что-то говорить имъ, дѣлая

знаки другимъ, которые передавали ихъ слѣдующимъ, и наконецъ все спустились въ долину и стали карабкаться на западную кручу. Добравшись до нѣкоторой высоты, они вдругъ все исчезли, словно проглоченные каменною стѣной. Юноша, за вторымъ слѣдовали стрѣлки и пращники, былъ Ефраимъ. Темная тѣнь на кручѣ, поглотившая отрядъ, очевидно была ущельемъ, по которому Ефраимъ повелъ стрѣлковъ на выручку лагеря. Такъ полагалъ не одинъ Хуръ, но и Ааронъ, причѣмъ первый снова началъ сомнѣваться въ призваніи Іисуса къ руководству военною силою, такъ какъ всякое ослабленіе главнаго боевого корпуса, вѣреннаго начальству сына Хура и его товарища Нахлона, могло нагубить дѣло, не смотря на успѣшную защиту лагеря.

Борьба въ послѣднемъ длилась уже цѣлыя часы и все это время Моисей не переставалъ молиться съ воздѣтими къ небу руками. Но когда амалейтѣе прорвали еврейскіе ряды, народный вождь еще громче началъ призывать Всевышняго. Наконецъ истощенныя силы изгибли ему, колѣна подогнулись, руки бесцельно опустились. Но порывъ души его не ослабѣвалъ и сердце оставалось твердымъ въ своемъ рѣшеніи не отставать отъ Того, Кто рѣшаетъ судьбы битвъ. Великій мужъ не желалъ бездѣйствовать во время этой борьбы, и оружіемъ его была молитва. Какъ дитя, не отстающее отъ матери, пока она не дастъ того, чего оно безкорыстно просить для своихъ братьевъ, взывалъ онъ ко Всемогущему Богу, бывшему до сихъ поръ отцомъ его народу и чудомъ спасавшему его въ самыхъ грозныхъ опасностяхъ. Но тѣло его истощалось; онъ подовалъ своихъ спутниковъ, велѣлъ имъ подкатить къ нему камень и сѣсть на него, чтобы воззвѣстись къ Творцу съ новыми молитвами. Изнеможенные члены отказывались служить, но душа повиновалась и пламенно взывала къ Вершителю судебъ. Однако, руки все болѣе слабѣли и на-

конецъ опустились какъ подъ тяжестью свинца, хотя Моисей привыкъ воздѣвать ихъ къ небу во время горячей молитвы. Товарищи его знали это и имъ казалось, что всякій разъ, какъ руки пророка опускались, сыны Амалека дѣлали новый успѣхъ. Поэтому спутники Моисея усердно поддерживали его подъ локти, одинъ съ правой, а другой съ лѣвой стороны; такимъ образомъ, хотя этотъ мощный мужъ не могъ уже внятно произносить слова, хотя богатырское тѣло его шаталось и ему не разъ казалось, что гора, на которой онъ стоитъ, и долина, и вся земля вертятся передъ его глазами, однако, руки его оставались воздѣтыми къ небесамъ. Ни на минуту не переставалъ онъ взывать къ Богу, и вдругъ со стороны стана раздался громкій побѣдный кликъ, эхомъ прокатившійся по каменнымъ кручамъ вокругъ долины.

Иисусъ снова появился на боевомъ полѣ и, ставъ во главѣ своихъ полковъ, съ несокрушимой силой ринулся на врага. Съ этой минуты борьба приняла новый видъ. Правда, исходъ ея все еще колебался, и Моисей не переставалъ молиться, опираясь на своихъ товарищей, но наконецъ рѣшилась и послѣдняя, отчаянная борьба! Ряды амалекитянъ поколебались, спутались и обратились въ беспорядочное бѣгство къ южному выходу изъ долины, чрезъ который они вошли. Но и тамъ слышались клики; тысячи голосовъ кричали: „Во имя Іеговы!“ — „Побѣда, побѣда!“

Тутъ святой мужъ снялъ руки съ плечъ товарищей и съ новою, какъ бы чудомъ вернувшеюся въ нему силой свободно и высоко воздѣлъ ихъ въ небу, воскликнувъ:

— Благодарю тебя, Боже, Творецъ мой, Іегова-Заступникъ!
Народъ мой спасенъ!

Послѣднія силы его истощились и у него потемнѣло въ глазахъ. Однако, немного погодя онъ снова открылъ глаза.

и увидѣлъ, какъ Ефрамъ, во главѣ стрѣлковъ и пращниковъ, напалъ на полчище амалекитянъ, стоявшее у южнаго выхода, между тѣмъ какъ Иисусъ продолжалъ оттѣснять къ этому выходу главный корпусъ врага. Полководецъ вывѣдалъ у плѣнныхъ о существованіи ущелья, которымъ люди, искусные въ лазаньи по горамъ, могли пройти къ южному концу долины, и велѣлъ Ефраиму со стрѣлками и пращниками обойти врага этимъ ущельемъ и напасть съ тыла на его послѣднія, еще державшіяся силы.

Тѣснимые съ двухъ сторонъ, разстроенные и обезкураженные амалекитяне прекратили бой и тутъ оказалось, какъ умѣютъ пользоваться своими ногами сыны пустыни. По знаку своего вождя, они перекололи своихъ верблюдовъ и побѣжали съ легкостью перьевъ, подхваченныхъ вѣтромъ. Подобно ящерицамъ карабкались они на четверенькахъ по неприступнымъ кручамъ, или ускользали въ ущелье, открытое Иисусу плѣнными рабами.

XXVIII.

Большая часть амалекитянъ пала или лежала на погнѣннанная, и еврейскому полководцу было извѣстно, что присоединившіяся къ нимъ другія кочевыя племена покинули, по своему обыкновенію, побѣжденных и вернулись въ свои оазисы. Однако, все же было вѣроятно, что отчаяніе придастъ мужество бѣжавшимъ и они не отдадутъ евреямъ безъ боя свой оазисъ. Усталость людей не позволила Иисусу преслѣдовать бѣглецовъ, да и собственное его желѣзное тѣло было сломлено трудами послѣднихъ дней и вдобавокъ истощено потерей крови изъ нѣсколькихъ ранъ.

Къ тому же солнце, едва взошедшее когда завязался бой, уже заходило, а пробиваться въ оазисъ въ темнотѣ было риско-

ванно. Оставалось дать отдыхъ доразсвѣта храброму еврейскому воинству и полководцу его. Вокругъ него все ликовало, всѣ лица сіяли гордымъ сознаниемъ побѣды, и когда войска, еле волоча ноги, проходили мимо своего вождя, отпустившаго ихъ къ семьямъ, то изъ cadaго отряда раздавался въ честь его такой громкій и дружный кликъ, словно всѣ уже и забыли объ усталости, подъ бременемъ которой они за минуту передъ тѣмъ падали. „Слава Иисусу! Слава побѣдителя!“—отзывалось еще эхо въ горахъ послѣ того, какъ уже прошелъ послѣдній отрядъ. Но еще громче звучалъ въ сердцахъ Иисуса отголосокъ тѣхъ словъ, въ которыхъ благодарилъ его Моисей:

„Силенъ и крѣпокъ, какъ истинный мечъ Всевышняго, былъ ты во время борьбы. Покуда народъ нашъ опирается на тебя и на Иегову-Заступника, намъ нечего бояться никакихъ противниковъ!“—У Иисуса еще горѣлъ на челѣ потѣлуй великаго пророка, который передъ всѣмъ народомъ прижалъ его къ своей груди, и нелегко ему было совладать съ волнениемъ, оставленнымъ въ душѣ его концомъ этого богатаго событіями дня. Желаніе разобраться въ своихъ чувствахъ прежде чѣмъ присоединиться къ ликующему народу и встрѣтиться со своимъ отцомъ, игравшимъ роль во всѣхъ великихъ впечатлѣніяхъ этого дня, удерживала его на полѣ битвы. Оно представляло теперь картину ужаса и страданія, такъ какъ кромѣ Иисуса на немъ оставались только тѣ, кого удерживали тяжелыя раны или смерть. Вороны, всю дорогу слѣдовавшіе за странствующимъ народомъ, носились надъ трупами и уже спускались на приготовленный для нихъ обильный пиръ. Запахъ крови привлекъ изъ окрестныхъ горъ и скалистыхъ норъ хищныхъ животныхъ; ревъ и алчный вой ихъ слышались со всѣхъ сторонъ.

Съ наступленіемъ темноты, по упитанному кровью полю

замелькали огоньки, съ которыми рабы и тѣ, кто не дождался своихъ близкихъ, отдѣляли друзей отъ враговъ, равныхъ отъ мертвыхъ. Къ карканью воронъ и къ вою голодныхъ шакаловъ, гяенъ, лисицъ и пантеръ нерѣдко примѣшивался тяжкій стонъ раненаго. Но ужасы поля битвы были привычны Иисусу и не дѣйствовали на него. Онъ глядѣлъ, прислонившись къ утесу, на тѣ самыя звѣзды, которыя сіяли надъ нимъ въ лагерѣ подъ Танисомъ, когда въ душѣ его происходила тяжелая борьба передъ самымъ важнымъ рѣшеніемъ въ его жизни. Съ тѣхъ поръ прошелъ всего одинъ мѣсяцъ, но въ это короткое время во всей его внутренней и внѣшней жизни успѣлъ произойти неслыханный переломъ. Все то, что въ ту ночь, передъ шатромъ, въ которомъ лежалъ въ лихорадкѣ Ефраимъ, казалось ему великимъ, славнымъ, достойнымъ напряженія всѣхъ силъ,—представлялось ему теперь пустымъ и ничтожнымъ. Что ему въ этихъ отличіяхъ и почестяхъ, которыми могла возвеличить и обогатить его прихоть капризнаго и слабого монарха? Что ему въ этой стройной и обученной арміи, къ полководцамъ которой онъ съ такою гордостью причислялъ себя? Онъ едва вѣрилъ теперь, что было время, когда высшею цѣлью его стремленій была возможность командовать полчищами египтянъ, и когда онъ могъ цѣнить титулы и стачія, раздаваемые людьми, которыхъ онъ большею частью не уважалъ.

Отъ египтянъ онъ ожидалъ всего, отъ своего же народа—ничего. Еще не далѣе какъ въ ту ночь, передъ шатромъ, масса его соплеменниковъ казалась ему противной, какъ жалкая толпа рабовъ, отупѣвшая въ унижительномъ трудѣ. Даже на выдающихся изъ евреевъ онъ всиралъ свисока, такъ какъ они были пастухи и уже за одно это презирались египтянами, чувства которыхъ онъ раздѣлялъ.

Правда, и отецъ его также былъ владѣльцемъ стада; но его онъ всегда уважалъ, не смотря на его низкое положеніе,— уважалъ потому, что все существо этого дивнаго старца и его пылая, свѣжая душа всякому внушали уваженіе и любовь, а тѣмъ болѣе ему—его благодарному сыну. Родство свое съ нимъ онъ всегда охотно признавалъ, но вообще старался держать себя среди своихъ товарищей по оружію такимъ образомъ, чтобы заставить ихъ забыть его еврейское происхожденіе и во всѣхъ отношеніяхъ считать его своимъ. Онъ похвалялся тѣмъ, что прабабка его Осенатъ, жена Іосифа, была египтянка.

А теперь? Онъ проучилъ бы всякаго, кто назвалъ бы его въ уверѣ считающимъ, и то, что мѣсяць тому назадъ онъ считалъ стыдомъ, который нужно скрывать, теперь,—при свѣтѣ тѣхъ же самыхъ звѣздъ, которыя свѣтили тогда надъ его головой, — наполняло его радостною гордостью. Какое торжество—сознавать себя тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ! Пронзая дѣятельность его въ качествѣ египетскаго полководца казалась ему теперь непрерывною ложью, постоянной измѣной своему знамени. Уже одно сознаніе, что кончилось это недостойное отреченіе отъ своего племени, наполняло его радостью. Съ какою благоговѣйною признательностью сознавалъ онъ свое родство съ избраннымъ народомъ,—съ народомъ, каждый членъ котораго, даже самый послѣдній, даже малое дитя,—съ молитвой восдѣваетъ руи въ Богу, котораго лучшіе умы между египтянами окружаютъ тайной, считая свой народъ слишкомъ тупымъ и умственно-убогимъ, чтобы понимать Его и устоять передъ Его величіемъ!

И этотъ единый Богъ, передъ котораго ничто вся нестрая толпа египетскихъ боговъ, избралъ его, сына Навина, изъ тысячъ другихъ людей—быть поборникомъ и защитникомъ избрannaго народа, и назвалъ его именемъ, которое

служить рудательствомъ въ Божьей помощи! повиноваться велѣніямъ Бога и посвятить свою плоть и кровь защитѣ соплеменнаго народа,—какая еще можетъ быть высшая цѣль у человѣка? И черные глаза Иисуса горѣли и блестяли при этой мысли. Казалось, сердце его не въ силахъ вмѣстить въ себѣ всей любви, съ которой онъ желалъ заглядить передъ братьями все то, чѣмъ онъ прегрѣшилъ передъ ними въ прежніе годы.

Правда, онъ потерялъ чудную, благородную женщину, которую надѣялся обладать. Она принадлежитъ другому; но это не омрачало его вдохновенно-радостнаго чувства. Онъ пересталъ желать обладанія этой женщиной, хотя образъ ея всегда хранилъ въ своей душѣ. Теперь онъ думалъ о ней со спокойною признательностью, и охотно сознавалъ, что новая жизнь началась для него съ той знаменательной ночи, когда Мириамъ показала ему примѣромъ, что для Бога и народа своего нужно жертвовать всѣмъ, даже и самыми дорогимъ.

То зло, которое сдѣлала ему пророчица, совершенно негладилось изъ его памяти; онъ имѣлъ обвиненіе забывать то, что прощалъ, и помнить только то, чѣмъ былъ ей обязанъ. Она, какъ высокое и роскошное дерево, растущее на рубежѣ между двумя враждебными странами, стояла на рубежѣ между его прежней и новой жизнью, и хотя любовь между ними была погребена, но все же они должны были всю жизнь идти рука въ руку въ единой цѣли, единымъ путемъ.

Онъ еще разъ оглянулся назадъ на пройденный путь, и не могъ не сознаться себѣ, что, подѣ его руководствомъ, изъ жалкихъ рабовъ вышли въ короткое время храбріе воины. Они уже выучились добровольно повиноваться въ боевомъ дѣлѣ и высоко держать голову послѣ побѣды. Послѣ

каждой новой удаче дѣло пойдетъ все лучше и лучше. Уже и теперь ему кажется не только желательнымъ, но и вполне достижимымъ завоевать съ ними новое отечество, которое они могли бы полюбить, и гдѣ, при свободѣ и благосостояніи, изъ нихъ могли бы выйти хорошіе граждане, какими онъ желалъ бы ихъ сдѣлать.

Въ безлунную ночь, среди страшнаго поля битвы, въ душѣ его было свѣтло и радостно. „За Бога и мой народъ!“ — тихо вскричалъ онъ и съ благодарнымъ взглядомъ на звѣздное небо удалился съ этой нивы смерти, какъ триумфаторъ, ступающій по пальмовымъ вѣтвямъ и цвѣтамъ, которыми признательный народъ усыпалъ его побѣдный путь.

Эпилогъ.

Въ станѣ Иисусъ нашелъ всѣхъ въ радостномъ возбужденіи. Передъ шатрами горѣли костры, окруженные веселыми группами людей, и немало животныхъ были зарѣзано въ этотъ вечеръ, частью въ видѣ благодарственной жертвы, частью для праздничнаго ужина. Куда бы ни показался Иисусъ, всюду встрѣчали его привѣтственные клики, но отца своего онъ не находилъ. Старикъ принялъ приглашеніе Хура. и только придя къ шатру послѣдняго, полководецъ увидѣлъ своего отца, который обнялъ его, сіяя счастьемъ и благодарностью. Миріамъ и мужъ ея также встрѣтили запоздаваго гостя съ отраднымъ для него радушіемъ; Хуръ съ искреннимъ дружелюбіемъ протянулъ ему руку, а жена его почтительно склонила голову и радостный взоръ ея блестѣлъ признательностью.

Прежде чѣмъ гость сѣлъ, Хуръ знакомъ отозвалъ его въ сторону, велѣлъ рабу раздѣлить на двѣ части только что убитаго теленка и, указавъ на него Иисусу, сказалъ: „Великую услугу оказалъ ты, сынъ Навина, нашему народу и мнѣ, и

всей моей жизни будетъ мало, чтобы отблагодарить тебя за то, что ты сдѣлалъ для меня и для моей жены. Если ты можешь забыть тѣ горькія слова, которыя нарушили въ Дофѣ миръ между нами—а ты говоришь, что уже забылъ ихъ—то будемъ считаться отнынѣ братьями-союзниками и дѣлить радость и горе, нужду и опасности. Постъ полководца отнынѣ принадлежитъ тебѣ, Иисусъ, и никому другому, и это радуется весь народъ, а прежде всѣхъ меня и мою жену. Если ты раздѣляешь мое желаніе замануть съ тобою братскій союзъ, то пройдемъ, по обычаю праотцевъ, между двумя половинами этого убитаго животнаго“.

Иисусъ охотно послѣдовалъ приглашенію. Миріамъ первая горячо присоединилась къ громкому одобрителному крику, поднятому старымъ Навиномъ, такъ какъ она-то и внушила своему мужу мысль этого союза, послѣ того, какъ, смирившись передъ своимъ господиномъ, она возвратила себѣ его любовь. То и другое далось ей легко, такъ какъ оба обѣта, которые она дала себѣ послѣ того, какъ сынъ Навина—котораго она охотно звала теперь Иисусомъ—исторгъ ее изъ рукъ врага, были уже близки къ исполненію и она уже чувствовала, что дала ихъ въ счастливый часъ.

Родившееся въ ней желаніе быть такою же женой, какъ и всѣ жены, придавало всему ея существу какою-то несвойственную ей мягкость и это закрѣпляло за нею любовь ея мужа, котораго она вполне оцѣнила въ тѣ горькіе дни, когда сердце его было закрыто для нея.

Въ тотъ самый часъ, когда Хуръ съ Иисусомъ заключили братскій союзъ, сошлась и еще одна вѣрная чета, которую раздѣляли до той минуты священныя обязанности. Когда друзья еще ужинали передъ шатромъ Хура, явились трое людей изъ народа, желавшіе поговорить со своимъ господиномъ, Навиномъ. Это были старая отпущенница, оставшая-

ся въ Танисѣ, дочь ея Гогла и женихъ послѣдней—Ассиръ, съ которымъ дѣвушка разсталась, чтобы ходить за своими родителями. Отецъ ея, старый Эліавъ, вскорѣ послѣ того умеръ и мать съ дочерью послѣдовали за своимъ народомъ, преодолювъ всевозможныя тягости. Старуха ѣхала на ослѣ своего мужа.

Навинъ радушно встрѣтилъ этихъ вѣрныхъ людей и отдалъ Гоглу въ жены Ассиру. Такимъ образомъ многіе благословляли этотъ кровавый день, которому суждено, было, однако завершиться рѣзкимъ диссонансомъ. Въ станѣ повсюду горѣли костры и вездѣ было шумно, а во все время странствованія евреевъ ни одинъ вечеръ не проходилъ безъ ссоръ и кровопролитной драки. Бывали раненые и даже убитые въ возмездіе за какую нибудь обиду, или за присвоеніе чужой собственности, или за нарушеніе принятаго обязательства. Трудно бывало въ подобныхъ случаяхъ возстановлять тишину и привлекать къ отвѣту виновнаго, такъ какъ упорные нѣкого не хотѣли признавать надъ собою судьей. Кто считалъ себя обиженнымъ, тотъ подбиралъ себѣ товарищей и съ ихъ помощью пытался возстановить свое право грубою силой.

Въ этотъ праздничный вечеръ Хуръ и гость его вначалѣ не обращали вниманія на шумъ, къ которому они уже привыкли. Но когда по сосѣдству съ ними къ дикимъ врикамъ присоединилось яркое пламя, вожди, опасаясь за безопасность лагера, поднялись съ мѣстью, чтобы положить конецъ безобразію. Вскорѣ имъ пришлось быть свидѣтелями зрѣлища, отъ котораго одни пришли въ ужасъ и негодованіе, а другіе были глубоко огорчены.

Радость побѣды опьянила народъ. Находившаяся среди евреевъ толпа финикіянь, желая выразить свою благодарность божеству и живо помня жестокіе обряды своей ро-

дины, разложила большой костеръ и уже готова была бросить въ него нѣсколькихъ плѣнныхъ амалекитянъ, какъ наиболѣе угодную жертву Молоху.

Тутъ же рядомъ израильтяне выставили на высомомъ шестѣ глиняное изображеніе египетскаго бога Сета, вынесенное изъ Египта однимъ изъ его еврейскихъ поклонниковъ, вѣрившаго, что идолъ этотъ можетъ оказать защиту ему и его семьѣ. Сотни людей съ пѣснями плясали вокругъ идола. Благоговѣніе и воодушевленіе ихъ не могло бы быть сильнѣе, если бы они сошлись для принесенія должной благодарности Богу своихъ праотцевъ. Ааронъ, тотчасъ по возвращеніи въ лагерь, созвалъ народъ на благодарственное богослуженіе и молитвы; однако, у многихъ потребность, по старому обычаю, молиться идолу была такъ сильна, что при одномъ видѣ глинянаго кумира они пали на колѣни и забыли истиннаго Бога.

При видѣ служителей Молоха, уже связывавшихъ свои жертвы, чтобы бросить ихъ въ огонь, Иисусъ вскипѣлъ гнѣвомъ, а такъ какъ изувѣры не хотѣли ему повиноваться, то онъ велѣлъ трубить въ рога, чтобы созвать своихъ молодыхъ воиновъ, слѣпо повиновавшихся ему и не жаловавшихъ чужеземцевъ. Съ ихъ помощью онъ безъ кровопролитія загналъ финикіянъ въ ихъ лагерь.

Въ то же время евреи послушались увѣщаній стараго Навина, Хура и Нахдона и прекратили свое грѣховное идолопоклонство, вдвойнѣ преступное по своей неблагодарности. Впрочемъ, и между ними нашлись многіе, которые готовы были возмутиться, когда пылкій старикъ разбилъ ихъ кумиръ, и если бы не любовь къ его сыну и внуку и не уваженіе къ его сѣдымъ волосамъ, то противъ него поднялась бы не одна рука.

Моисей удалился въ уединеніе, какъ онъ дѣлалъ послѣ

всякой великой опасности, отъ которой благодѣть Всевышняго спасала его народъ, и у Мириамъ наворачивались слезы, когда она думала, въ какое горе повергнетъ ея великаго брата извѣстiе объ этомъ отпаденiи евреевъ отъ истиннаго Бога и о такой черной неблагодарности ихъ. Омрачилъ этотъ случай и радостную самонадѣянность Иисуса. Безъ сна лежалъ онъ на матъ въ шатрѣ своего отца и размышлялъ о случившемся. Воинственная душа его вдохновлялась мыслью, что жизнь людей и всего творенiя должна подчиняться единой, всемогущей, непогрѣшимой волѣ, которой все живущее обязано неуклоннымъ повиновениемъ. Каждый взглядъ на природу и жизнь убѣждалъ его въ томъ, что все зависитъ отъ этой единой, безконечно великой и всецѣльной воли, по знаку которой все поднимается, направляется и отходить на покой.

Для него, полководца небольшой силы, Богъ его былъ величайшимъ и дальновиднѣйшимъ изъ полководцевъ, единственнымъ, всегда увѣреннымъ въ побѣдѣ. Каково же было преступленiе—оскорблять такого властелина и отплачивать ему измѣной за его благодѣянiя! И однако, народъ на его глазахъ совершилъ это неслыханное преступленiе, и теперь, припоминая событiя, заставившия его вмѣшаться, Иисусъ задавалъ себѣ вопросы: какъ защитить народъ отъ гнѣва Всевышняго? какъ открыть глаза слѣпой толпѣ на дивное величiе Бога, расширяющее сердце и умъ? Но отвѣта онъ не находилъ и сознавалъ свою полную беспомощность передъ разнузданностью и произволомъ, царившими въ его станѣ и грозившими гибелью народу.

Воиновъ своихъ ему удалось привести въ повиновение. Когда раздавался звукъ роговъ и онъ во всеоружii становился передъ ихъ рядами, воля его подчиняла себѣ ихъ упорство. Не можетъ же быть, чтобы не было средства и въ

мирное время, при обычномъ теченіи вседневной жизни, сдерживать людей въ должныхъ границахъ, какими обезпечено въ Египтѣ существованіе даже послѣднихъ и слабѣйшихъ изъ гражданъ и ограждено отъ произвола сильныхъ и буйныхъ.

Мысли эти не дали ему заснуть вплоть до утра и лишь только потухли звѣзды, какъ онъ вскочилъ и велѣлъ трубить сборъ. Какъ и наканунѣ, всѣ его новосформированные отряды собрались немедленно и безпрекословно. Онъ повелъ ихъ по тѣсной горной долинѣ, и воины молча шли около часа въ темнотѣ, наслаждаясь освѣжающею предразсвѣтною прохладой. Наконецъ на востокѣ показалась сѣрая полоса, небо стало свѣтлѣть, и солнце, въ пышныхъ лучахъ утренней зари, взошло торжественно и величаво надъ колоссальнымъ хребтомъ священной горы. Темныя очертанія ея утесовъ и разсѣлинъ отчетливо и ясно виднѣлись путникамъ; надъ семизубчатою вершиной парила пара орловъ, широкія крылья которыхъ мерцали въ золотистыхъ лучахъ юнаго дня. Какъ и на пути къ Агусу толпа остановилась, охваченная благоговѣйнымъ восторгомъ, и всѣ, отъ перваго до послѣдняго, воздѣли руки въ благоговѣйной молитвѣ.

Все это подняло духъ воиновъ и они продолжали путь, весело переключаясь всякій разъ, когда мимо нихъ пролетали съ громкимъ щебетомъ хорошенькія, темныя птички, предвѣстницы близкой воды. Едва прошли евреи съ полчаса, какъ увидѣли сине-зеленые кусты тамаринда и высокія пальмы, а наконецъ послышался и отраднѣйшій изъ всѣхъ звуковъ для уха путника въ пустынѣ: ропотъ близкаго ручья. Звукъ этотъ ободрялъ душу, а величественная картина ближней Синайской горы, вершина которой, уходящая въ небеса и повитая теперь голубоватымъ туманомъ, наполняла

благоговѣйнымъ восторгомъ сердца людей, выросшихъ на плоскихъ равнинахъ Гошева.

Осторожно подвигались они впередъ, опасаясь засады со стороны ущѣльвннхъ амалехитянъ. Но врага нигдѣ не было видно и единственными слѣдами его мести были разрушенныя жилища, срубленныя чудныя пальмовыя деревья и опустошенныя сады. Евреямъ оставалось только убирать съ дороги стройные стволы съ развѣсистыми коронами, чтобы расчистить дорогу для народа. Когда и этотъ трудъ былъ оконченъ, Иисусъ поднялся по каменистому ущелью, ведущему къ источнику, на первый уступъ горы, чтобы обозрѣть окрестность и узнать, не скрывается-ли гдѣ нибудь неприятель. По крутой тропѣ между красными гранитными скалами съ сѣроватыми жилами дюрита, онъ добрался до нагорной плоскости, господствовавшей надъ оазисомъ и поросшей по берегамъ свѣтлаго ручья зелеными кустами и нѣжными горными цвѣтами, украшавшими каменистую пустыню.

Здѣсь онъ намѣревался отдохнуть, но, оглядѣвшись, замѣтилъ подъ тѣнью нависшаго утеса высокую человеческую фигуру. Это былъ Моисей. Погруженный въ свои мысли, онъ забылъ объ окружающемъ и не замѣтилъ приближенія Иисуса, который съ своей стороны не посмѣлъ тревожить святого мужа и терпѣливо ждалъ, пока бородастая голова не поднялась и не кивнула ему съ дружелюбнымъ достоинствомъ.

Они стали вмѣстѣ обозрѣвать оазисъ и пустынные каменистыя плоскогорья, разстилавшіяся у ихъ ногъ. Вдали виднѣлась частица Чермнаго моря, омывавшаго западный склонъ своими сверкающими смарагдовыми волнами. Мужи бесѣдовали о своемъ народѣ и о величии и всемогуществѣ Господа, приведшаго ихъ въ эти мѣста такимъ чудеснымъ образомъ. Взглянувъ на сѣверъ, они усмотрѣли необозримый

потокъ странствующаго народа, извивавшійся длинною лентой по гористой долинѣ, медленно подвигался къ оазису.

Тогда Иисусъ открылъ пророку свою душу, довѣривъ ему тѣ вопросы, которые занимали его въ послѣднюю бессонную ночь и на которые онъ не находилъ отвѣта. Моисей вслушалъ его терпѣливо и отвѣчалъ глубокимъ, отрывистымъ голосомъ:

— Распущенность въ лагерѣ—да, она портитъ народъ. Но Господь далъ намъ власть обуздывать ее. Горе тому, кто противится этой власти! Она высока какъ эта гора и несокрушима какъ этотъ твердый камень; непокорные должны почувствовать ее!

И остановилась на этомъ грозная рѣчь Моисея.

Но послѣ продолжительной паузы, въ теченіе которой оба молча смотрѣли въ даль, Иисусъ рѣшился прервать молчаніе и спросилъ:

— И какъ называется эта сила?

Бородатые уста святого мужа раскрылись и твердымъ и громкимъ голосомъ произнесли:

— *Законъ!*—и онъ посохомъ указалъ на вершину горы.

Затѣмъ онъ поклонился Иисусу и оставилъ его; Иисусъ же продолжалъ осматривать мѣстность и на желтой почвѣ долины онъ замѣтилъ темныя, впадъ и впередъ двигающіяся тѣни. Это были остатки разбитыхъ амалекитянъ, искавшихъ себѣ новаго пристанища.

Еще нѣкоторое время онъ смотрѣлъ имъ вслѣдъ и когда убѣдился, что они удаляются отъ оазиса, онъ задумчиво спустился въ долину.

„*Законъ!*“—все снова и снова повторялъ онъ себѣ мысленно.

Конецъ.

Перев. С. Дѣгиревскій.

ИЗЪ ХРОНИКИ МѢСТЕЧКА ЧЕРАШНИ.

(Окончаніе).

VI¹.

Ребъ Велвеле уѣхаль, унося благословенія тѣхъ, которыми доставиль нѣсколько свѣтлыхъ мгновеній. Правда, это обошлось имъ не дешево, но ничто даромъ не дается. Если смотрѣть здраво на вещи, то не все ли равно, какъ исцѣлиться,—отъ леченія или напештыванія. Всѣ знаютъ, что народъ въ массѣ довольно разуменъ, чтобы понять ту простую вещь, что въ мѣрѣ не все абсолютно изслѣдовано настолько, чтобы сказать, что это, дескать, средство самое вѣрное и другого нѣтъ,—почему онъ и пробуетъ всякія средства. Кто нибудь боленъ безнадежно, какъ ему кажется, онъ обращается къ доктору; докторъ не помогаетъ, онъ обращается къ цадику, этотъ не помогаетъ, онъ обращается къ татарину-знахарю. Иногда порядокъ мѣняется. Ну, вотъ и ребъ Велвеле принесъ своимъ адептамъ утѣшеніе и нѣкоторыя свѣтлыя мгновенія. Но его пребываніе въ Черашнѣ оставило по себѣ и другіе слѣды, менѣе утѣшительнаго характера.

Событія, описанныя нами въ предыдущей главѣ, не могли, разумѣется, остаться безъ знаменательныхъ послѣдствій. Произошло нѣчто необычайное: человекъ, ворочавшій, особенно въ бывшее время, судьбами многихъ,—человекъ, котораго если не всѣ любили, то многіе побаивались, былъ публично униженъ, грубо оскорбленъ, и кѣмъ?—Липине Смаркомъ, ничтожнымъ портняжкой! Хотя почтенный р. Мордхе, правда, позволилъ

¹ См. „Восходъ“, кн. XI.

себѣ нѣчто такое, что только по старому судопроизводству допускалось, но тѣмъ не менѣе всѣ были согласны въ томъ, что Липине учинилъ нѣчто, что выдѣляетъ его изъ толпы...

Но если многіе не одобряли, даже порицали Липе, то нашлись и такіе, особенно изъ цеха, которые радовались, что Мордхе получилъ достоюжное за его богохульные рѣчи.

Ребъ Мордхе пришелъ домой въ самомъ мрачномъ настроеніи духа. Вся семья чувствовала, что ожидается «пустынная суббота». Всѣ ходили на цыпочкаль, избѣгали разговоровъ и унимали дѣтвору, не понимавшую той глубокой обиды, которая была нанесена всему ихъ дому. Тихо сѣли за столъ и, не смотря на то, что кугель, какъ да грѣхъ, оказался пригорѣлымъ, ребъ Мордхе остался равнодушнымъ: не разсердился, какъ иногда случалось, и не заговорилъ тѣмъ паче въ томъ добродушномъ тонѣ, который онъ употреблялъ у семейнаго очага.

— «Поусердствовалъ немного ангелъ»¹.

Послѣ обѣда онъ, по обыкновенію, пошелъ отдохнуть; но не спалось ему: онъ размышлялъ о нанесенной ему обидѣ. «И кѣмъ?» — вздохнулъ онъ съ горечью. Местъ самая ужасная носилась въ его головѣ, онъ жаждалъ упиться его кровью, но какъ?! Онъ зналъ лучшія времена, когда такого «шейгеца», «лайдака», можно было проучить такъ, чтобы и другимъ не повадно было. Можно было продержатъ его въ колодкахъ, при помощи начальства сдать въ рекруты безъ зачета. Теперь что за начальство, даже срамъ! Хлопотъ съ нимъ не меньше, чѣмъ съ прежнимъ, а помощи никакой: ни уваженія, ни защиты!

Онъ переворачивался съ боку на бокъ, но привычка взяла свое и онъ заснулъ, хотя и тревожнымъ сномъ.

Липе, въ свою очередь, переживалъ не свѣтлыя мгновенія. За подъемомъ духа, послѣдовавшимъ послѣ «горячей бани», заданной ребъ Мордхе, за одобреніемъ своихъ и снисходительнымъ отношеніемъ чужихъ, поддерживавшихъ въ немъ этотъ подъемъ, послѣдовала реакція съ того момента, когда Дувидъ-

¹ Есть повѣрье, что удача или неудача кушанья, приготовляемаго съ пятницы на субботу и остающагося въ закрытой печкѣ, зависитъ отъ ангела, завідующаго этимъ дѣломъ.

Пейсахъ далъ ему строгій выговоръ, а ребъ Лейзеръ-законникъ съ своей обычной ласковостью сказалъ ему:

— Ай, ай, Линине! Что ты надѣлалъ! Вѣдь ребъ Мордхе должностное лицо и тебя могутъ строго судить за это. Не хорошо, не хорошо!

— Извѣстное дѣло! — храбрился Липе: — вы всегда на его сторонѣ.

— Ну, вотъ спроси хоть писаря или нотаріуса нашего.

Писарь стоялъ тутъ же и презрительно смотрѣлъ на этихъ невѣждъ. Это былъ тинъ законника, выросшаго на почвѣ выучки у старшаго, у котораго онъ получилъ образованіе по части географіи и «права». Онъ былъ строгъ и поклонникъ порядка и дисциплины, серьезенъ, не любилъ шутокъ, почему его слово и было вѣско.

Но на этотъ разъ, потому-ли, что «нешомо-есеиро»¹, обрѣтающаяся въ каждомъ іудеѣ въ день субботній, настраивала его благодушно, по другимъ-ли причинамъ,—онъ дозволилъ себѣ шутку и процѣдилъ серьезнымъ тономъ:

— Да, братецъ, это того-съ... пахнетъ не хорошо. Онъ, безъ сомнѣнія, хотя и выборное, но все же должностное лицо, и при исполненіи своихъ прямыхъ обязанностей. Пожалуй, и дальше мирового пойдетъ,—прибавилъ онъ съ усмѣшкой.

За обѣдомъ никто Липе не безпокоилъ, такъ какъ ребъ Вайвеле отгѣснилъ на задній планъ и не такія дѣла. Но когда онъ вышелъ гулять послѣ обѣда, его обуяла безпричинная тоска. Онъ бродилъ безъ цѣли и забрелъ къ ребъ Лейзеру. Ребъ Лейзеръ содержалъ шинокъ, но не вино привлекало его теперь туда, какъ и другихъ, особенно въ субботу, а квасъ, который по-истинѣ былъ превосходенъ, и кромѣ того онъ рассчитывалъ найти пана Савицкаго, который былъ тамъ завсегдаемъ и писалъ тамъ же прошенія и давалъ совѣты. Панъ Савицкій зналъ когда-то лучшія времена, когда служилъ въ полицейскомъ управленіи, потомъ волостнымъ писаремъ и наконецъ сталъ правой рукой станового пристава, гдѣ звѣзда его и померкла. У нихъ вышли недоразумѣнія, становой ему отказалъ,

¹ Лишняя дума.

дѣла его пошли плохо, онъ сталъ попивать, сталъ писать доносы на становаго, на волостного писаря, на другихъ, совсѣмъ закрутился, но былъ чрезвычайно остроуменъ, зналъ крестьянъ и евреевъ, говорилъ по малороссійски, немного по еврейски, но хорошо зналъ характерныя слова. Мѣстною хроникой интересовался и зналъ уже о происшедшемъ. Онъ сидѣлъ довольно уныло: день выдался очень плохой, и панъ Савицкій былъ почти трезвъ.

— А, Липине,—оживился онъ,—чортъ гостя привнесъ! Ай-вай, що ты зробивъ, сынъ мій, Липине Смаркъ, самого ребѣ Мордхе по мордїи смазавъ, лайдакъ ты! — прибавилъ онъ почти нѣжно.—Ходы суды, распылюю тобі жыдовску твою морду!

Липине уклонился отъ объятій.

— Ну, чортъ съ тобой: не хочешь—не треба!

— Панъ Савицкій, маю до васъ діло. Сігодня мы съ ребѣ Мордхе трошке подралысь: винъ мни давъ въ морду, я ему.

— И добре зробивъ!

— Почекайте, панъ Савицкій! Теперь люди кажутъ, що кепско діло, що винъ должностное лицо.

— Ай-вай, Липине! и ты уже носъ опуствивъ на квинту.

— Якъ же вы скажете, панъ Савицкій?

— А то скажу, що ты, дурень, якъ есть дурень,⁴ и еще кравецъ! Хиба ты не знаешь, що безъ вспырки утожить не можно.

— Панъ Савицкій, хиба вы не знаете, що сегодня шабанъ, що у меня грошей нема?

— Що ты морочышь голову! Кажы правду: не хочешь. Не бысь! Твоо Дувидъ-Пейсаха нема, Лейзерко спытъ; пошугай, може завалылся гроши. Хиба я тебе не знаю, Липине Смаркъ! А на слыбидку также безъ грошей ходышь? А! що ты скажешь?

Липе колебался; наконецъ онъ, повидимому, рѣшился, отпра- вился въ смежную комнату для переговоровъ, и въ резуль- татѣ пани Лейзеровна вышла и приказала крестьянкѣ, сидѣв- шей по субботамъ за стойкой вмѣсто нея, отпустить Липе что

онъ прикажетъ. Липине приказалъ дать пану Савицкому пивъ-кварты горілки и закуски, а себѣ бутылку квасу.

— А ты не выпьешь?—предложилъ панъ Савицкій.

— Не, панъ Савицкій, голова болытъ.

— Ну, якъ хочешь!

Панъ Савицкій пилъ съ наслажденіемъ и закусывалъ въ обѣ щеки. Наконецъ онъ заговорилъ:

— Ты и дурень, и разумный! Разумный ты, що якъ тоби дали въ морду, ты далъ назадъ, а дурень, що слушаешь, що брешутъ. Должностное лицо! Мердхе пархатый — должностное лицо! Вачывъ ты должностное лицо въ ермолякѣ! А?... Не, не бачывъ, разумная ты голова. Ты разумный, що до мене прійшовъ. Винъ тоби въ морду захавъ, ты ему, и иды собі на слѣбѣду!

— И мни ничего не буде? — спросилъ Липе съ тревогой.

— Якъ то, ничего!

Липе заволновался.

— Не бысь, дурень! А буде тоби то, що еще пивъ-кварты поставышь.

Липе повеселѣлъ.

— Знаете, панъ Савицкій! Я и наливки дамъ, и выпью зъ вами, тылько кажыть мни всю правду, якъ передъ Богомъ.

— И скажу, ей-же-ей! Ставь наливки, Липине «шейгець», «лайдакъ»! Ставь, коханный!—и онъ полѣзъ цѣловаться, и на этотъ разъ Липе не удалось улизнуть.

Наливка была подана.

— Ты и «шейгець» и «лайдакъ»,—началъ снова панъ Савицкій, и теперь уже на русскомъ языкѣ, къ которому онъ всегда прибѣгалъ, когда говорилъ серьезно, — и старшихъ не уважаешь, но я тебя люблю, люблю тебя за то, что, когда тебѣ разъ дали въ морду, ты сдалъ двадцать разъ. Ты думаешь, я пьянъ? Нѣтъ, Липине! Я знаю, что говорю, не бойся, Липине, я не обманщикъ, а также «темпераменту горющего» и бывалъ въ передѣлкахъ. И видишь, до чего я дорвался... Свинья я, а не человекъ! Но я не мошенникъ! Видитъ Богъ, не мошенникъ! За правду пострадалъ, какъ Богъ святы, за правду!—и онъ заплакалъ пьяными, но горючими слезами.

— Що вы, панъ Савицкій! Богъ зъ вами! Выпьете лучше!

— И то, выпьемъ, добрый чоловікъ! И слухай, що я тобі скажу: ни быся никого и ничего! Ребъ Мордхе такіѣ же жьдъ, якъ ты, тылько съ ермолкой и пейсами. Брепешъ Лейзерко, что онъ должностное лицо, брепешъ и твой писарь, що онъ при исполненіи обязанностей былъ, всі брепешутъ, а що ты его побывъ, то я жъ тобі вже казавъ, що добре зробишь, а може винъ подасть до мирового, то начхать на него: винъ тобі въ морду давъ, ты ему, мировой разумный чоловікъ, подмахнешъ «за взаимностью обидъ считать по суду оправданнымъ». Ветъ тобі и весь сказъ!

И долго они трактовали на эту тему, пока панъ Савицкій не заснулъ, а Липе вышелъ на улицу. Онъ ходилъ побѣдителемъ, шапку на бекрень и посвистывая, къ великому соблазну обывателей, которые уже поднялись съ послѣобѣденнаго отдыха и въ легкихъ костюмахъ сидѣли у своихъ хоромъ, угощаясь вареными бобами или полуцивая сѣмячки.

— Шарлатанъ, безстыдникъ,—говорили они между собою.

И въ этотъ, и въ слѣдующіе дни только разговоръ и было, что о ребъ Мордхе и Липине Смаркъ. Первый совсѣмъ исчезъ съ горизонта. «Онъ стыдится какъ воръ,—говорили между собою его недоброжелатели,—такъ его и надо! У него руки слишкомъ чешутся и слишкомъ много себя позволяютъ». А Липе выросъ въ глазахъ многихъ, даже у Дувидъ-Пейсаха, такъ какъ онъ отлично понялъ положеніе и старался окрасить свой поступокъ не характеромъ личной отместки, а заступничествомъ за прдерзвостно оскорбленнаго ребъ Велвеле, что, какъ увидишь впоследствии, весьма чувствительнымъ образомъ отразилось на судьбѣ ребъ Мордхе.

Пока Липе чувствовалъ себя очень хорошо и за работой оглашалъ воздухъ заворными пѣснями.

Такъ прошло около трехъ недѣль. Но въ одно прекрасное утро Липе вручили повѣстку отъ мирового. Онъ немножко онѣшилъ и тотчасъ же побѣжалъ къ пану Савицкому.

— Що зъ тобою, хлопецъ?

— Бачете, повістка! А вы казали, що ничего не буде; якъ же такъ, панъ Савицкій!—произнесъ Липе съ укоризной.

— Великъ до неба, а дурень якъ треба! — отпарироваль панъ Савицкій;—ставъ пивъ-кварти, а не хочешъ, убирайся до бѣса!

Липе помялся и поставилъ-таки. Послѣ интимной бесѣды, въ родѣ уже нами описанной, онъ почти успокоился, тѣмъ болѣе, что панъ Савицкій вызвался идти за него въ качествѣ повѣреннаго. Осталось только позаботиться о его костюмѣ.

— Иды, дурень, и не быся ничего! Добрый ты хлопецъ и любовь ты мнѣ. А съ ребъ Мордхе маю старый рахунокъ. Слухай, Липине!—прибавилъ онъ вдругъ и ехидная улыбка озарила его лицо;—разумный ты хлопецъ, хочешъ, зробимъ такъ, щобъ и ты трохе за рѣшеткой бувъ, но съ тѣмъ, щобъ ребъ Мордхе также.

— Що мнѣ за корысть! Це выйде, якъ люды кажутъ: «собѣ оба очи вынуть, щобъ другому одно».

— Дурень и есть дурень! Що тобѣ, кравцу, якъ посыдышь трохе, а ребъ Мордхе срамъ и якій еще срамъ! Подумай тылько!

Не мало труда стоило пану Савицкому убѣдить Липе, но въ концѣ концовъ онъ его убѣдилъ, и онъ ушелъ еще болѣе удовлетвореннымъ, чѣмъ въ первый разъ.

Насталъ день разбирательства. Мѣста въ камерѣ брались съ бою. Панъ Савицкій пообчистился, принарядился, былъ треввъ, приличенъ какъ въ самые свѣтлые дни своей жизни, и велъ дѣло съ опытностью стараго сутяги. Онъ не отрицалъ, что Липе побилъ Мордхе, но не отпускалъ свидѣтеля, пока тотъ въ живыхъ выраженіяхъ не подтвердилъ, что ребъ Мордхе первый далъ двѣ пощечины. Но этого мало: онъ добивался свидѣтельскими же показаніями доказать и доказать, что сцена побойща произошла въ публичномъ мѣстѣ. Всѣ свидѣтели подтвердили это, не зная, какую медвѣжью услугу они оказываютъ ребъ Мордхе.

Мировой судья вынесъ рѣшеніе: за взаимностью обидѣ, Липе по суду оправданъ по обвиненію въ нанесеніи оскорбленія словомъ и дѣйствіемъ и насиліи; но за нарушеніе общественной

тишины въ публичномъ мѣстѣ и Липе, и ребъ Мордхе подвергнутся аресту на 4 дня.

Такого пассажи никто не ожидалъ, а меньше всёхъ самъ ребъ Мордхе. Онъ изъявилъ неудовольствіе, и пану Савицкому пришлось еще поѣхать въ съѣздъ, гдѣ онъ еще съ большою увѣренностью и успѣхомъ провелъ это дѣло. Липе долженъ былъ убѣдиться, что не только водка и наливки, но и старый рахунекъ съ ребъ Мордхе руководятъ паномъ Савицкимъ, и если 4 дня, проведенные имъ подъ арестомъ, и не были особенно пріятны, то во сто, въ тысячу кратъ они были хуже и горше для ребъ Мордхе. И Липе считалъ пана Савицкаго лучшимъ своимъ другомъ.

VII.

До этого рѣшенія ребъ Мордхе могъ надѣяться,—и нашлись такіе, которые его въ этомъ убѣждали,—что правда восторжествуетъ, что не поставятъ же его на одну доску съ какимъ нибудь портняжкой, что споконъ вѣку такого «шейгаца» называли по мордѣ люди, подобные ему, ребъ Мордхе, и тотъ не смѣлъ пикнуть, а если осмѣливался, то его гнули въ бараній рогъ; но теперь р. Мордхе овладѣло страшное отчаяніе.

Случалось ему и прежде посидѣть, и безъ суда и расправы, по мановенію начальства, равниѣваннаго или имъ самимъ, или даже другими; но на то начальство и поставлено, чтобы гнуть; но быть осрамленнымъ какимъ нибудь Липине Смаркъ—это ужасно, это не слыхано!

Понятно, что его прежняя энергія ослабла до того, что суетливыя его движенія въ области преслѣдованія контрабанды казались смѣшными ему самому. Ребъ Лейзеръ, никогда не помогавшій ему въ этомъ отношеніи, и теперь отклонилъ отъ себя его просьбу объ этомъ, по разнымъ причинамъ, хотя весьма основательнымъ, но непонятнымъ для ребъ Мордхе.

Ребъ Мордхе между тѣмъ все ниже и ниже падалъ подъ бременемъ постигшаго его повора; вдобавокъ всё теперь стали обвинять его въ разныхъ безтактностяхъ.

Прежде всего его обвиняли въ томъ, что онъ затѣялъ драку; потомъ, что онъ судился съ этимъ ничтожнымъ человекомъ;

что изъ-за него, какъ говорили «die feinste baalabatim», во время разбирательства выплыли нѣкоторые некрасивые факты и было между прочимъ даже упомянуто паномъ Савицкимъ всеу имя падики; что онъ вообще много воли даетъ рукамъ и языку. Какъ будто они только теперь узнали объ этомъ! Но самое худшее предстояло впереди.

Въ одну изъ ближайшихъ субботъ у ребъ Авремеле былъ «шалашь-сиде», на которое были приглашены нѣкоторые изъ сандегирьевцевъ. Бесѣда была оживленная и затянулась надолго, такъ что зажгли свѣчи и ребъ Авремеле, сдѣлавъ «гавдоле», пригласилъ всѣхъ на «мелаве-малку»¹. Онъ былъ вообще хорошо и нѣсколько торжественно настроенъ, что всѣ могли замѣтить еще во время «гавдоле».

Жена ребъ Авремеле, Брайне, твердо вѣруя, что въ пятницу, послѣ благословенія свѣчей, тотчасъ же выпускаютъ грѣшниковъ изъ ада въ рай, а въ субботу, послѣ «гавдоле», тотчасъ же водворяютъ ихъ обратно въ адъ, какъ женщина милосердная, спѣшила въ пятницу какъ можно раньше зажечь свѣчи, а въ субботу вечеромъ какъ можно позже; такимъ образомъ, благодаря ей и ей подобнымъ, грѣшники каждую пятницу и субботу выгадывали пару часовъ райскихъ наслажденій.

Медленно зажигались свѣчи и еще медленнѣе приносилось вино, «гавдоле-лихтъ» и «одесь»². Вся семья была въ сборѣ, чтобы послушать «гавдоле». Медленно ребъ Авремеле наливалъ бокаль, еще медленнѣе, возведя очи горѣ, произносилъ онъ молитву, которую всѣ слушали въ благоговѣйномъ молчаніи. Любимый ребенокъ держалъ «гавдоле». Эта свѣча, скрученная изъ нѣсколькихъ, окрашенныхъ въ разные цвѣта восковыхъ свѣчей, — будила всегда интересъ въ малышахъ. Окончивъ молитву, онъ говорилъ: «a gite woch, a viele woch»!³

И смотря по тому, какъ эта фраза произносилась, домашніе знали, какъ вести себя: если это было сказано въ торжественно-суровомъ тонѣ, то чужіе знали, что имъ лучше уда-

¹ Проводи принцессы, т. е. субботы—особая трапеза у набожныхъ евреевъ.

² Пузырекъ съ душистыми корнями, который нюхаютъ при исходахъ субботы.

³ Желаю доброй недѣли, обильной недѣли.

литься, а домашніе, повторяя «а gite woch, а viele woch», скромно удалялись и разиѣщались по своимъ угламъ; если же это было произнесено съ живостью, то эта живость сообщалась всѣмъ, потому что знали, что вечеръ будетъ радостный, и выражали это шумнымъ восторгомъ.

Такъ было и теперь. Такъ какъ о возвышенныхъ предметахъ говорили за «шалашъ-сидесомъ», то теперь говорили о мірскихъ дѣлахъ, между прочимъ и о мѣстныхъ злобахъ.

Молчалъ только одинъ ребеъ Іоине, главный бухгалтеръ ребеъ Авремеле; онъ былъ задумчивъ и выжидалъ, повидимому, удобнаго момента.

Дѣло въ томъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ сандегирьевцы потерпѣли неудачу, которая отодвинула ихъ на задній планъ, давъ понять всѣмъ, и въ особенности имъ самимъ, что, не смотря на покровительство ребеъ Авремеле, они не пользуются никакимъ влияніемъ. Умеръ раввинъ и сандегирьевцы, отчасти изъ желанія угодить ребеъ Авремеле, отчасти-таки въслѣдствіе дѣйствительныхъ достоинствъ кандидата, изъ кожи лѣзли, чтобы провести въ раввины любимаго племянника ребеъ Авремеле — Яковъ-Мейшеле. Яковъ-Мейшеле послѣ холеры, похитившей обоихъ его родителей, остался круглымъ сиротою, но съ независимымъ состояніемъ, а его дядя не нашелъ ничего лучшаго, какъ посвятить его всецѣло изученію святой Торы и Талмуда. Мальчикъ подавалъ блестящія надежды и дѣйствительно оправдалъ ихъ. Съ годами его слава росла, у него уже были свои дѣти, а онъ не переставалъ воздѣлывать талмудическую ниву. Онъ былъ уважаемъ всѣми, но въ особенности сандегирьевцами.

Понятно, что они изъ кожи лѣзли, чтобы поставить его раввиномъ. И имъ какъ будто бы и не возражали, но въ концѣ концовъ, когда изъ Макарова прибылъ новый раввинъ ребеъ Іоисифъ, они должны были убѣдиться, что молчаніе — не всегда знакъ согласія, и что ихъ считали настолько ничтожными, что не говорили имъ ни да, ни нѣтъ, не спорили съ ними и вообще не считали вовсе достойными борьбы. Они покорились съ болью въ сердцѣ, но, какъ обыкновенно бываетъ, считали виновникомъ всего ребеъ Іоисифа и стали зорко слѣдить за нимъ.

Ребъ Іойсифъ былъ человекъ набожный, преданный своему дѣлу, но не изъ такихъ людей, которые понимаютъ существо отношеній: онъ не понималъ, откуда эта неприязнь, эти даже подчасъ оскорбительныя выходки.

Яковъ-Мейшеле, какъ онъ ни жаждалъ быть раввиномъ, — о гонорарѣ онъ, конечно, не думалъ, — держался какъ будто въ сторонѣ, ограничиваясь только скромными, хотя и весьма ядовитыми замѣчаніями на счетъ учености ребъ Іойсифа.

И если случалось, что курица проглотила булавку или кухарка по разсѣянности брызнула каплей молока въ супъ, то можно было предсказать, что по этому казусу будутъ два рѣшенія: одно р. Іойсифа и другое — противоположное — Яковъ-Мейшеле.

Но явнымъ выразителемъ этой глухой борьбы былъ упомянутый нами бухгалтеръ р. Іойне. Ребъ Іойне считался первымъ человекомъ у сандегирьевцевъ, и они имѣли на то глубокія основанія. Его постоянно избирали посредникомъ или третейскимъ судьей, къ которому евреи часто прибѣгаютъ, когда дѣло не можетъ быть поставлено на строго-юридическую почву, а совѣсть не дозволяетъ быть судьей въ собственномъ дѣлѣ. И ребъ Іойне въ такихъ случаяхъ твердо держалъ знамя правосудія. Руководствовался онъ отчасти началами талмудическаго права, но всего болѣе обычаемъ и житейскимъ опытомъ; и тутъ-то сказывался его умъ: онъ былъ мастеромъ распутывать самыя сложныя дѣла не хуже любого doctor'a juris.

И вотъ онъ теперь сидѣлъ и слушалъ, пока разговоръ опять не перешелъ на обычную тему о «невѣжествѣ» ребъ Іойсифа.

— Слушайте, что я вамъ скажу! — началъ онъ вдругъ. — Насталъ моментъ дѣйствовать, и дѣйствовать безотлагательно.

Всѣ посмотрѣли на него вопросительно.

— Всѣ мы знаемъ, и хоть въ глаза скажу ребъ Яковъ-Мейше, что такого раввина хоть бы въ большой городъ; мы сдѣлали попытку и не удалось, но надо снова попытаться.

— Не надо, не надо! — сказала нѣсколько сурово ребъ Авре-меле. — Не желаютъ, и не надо, Богъ съ ними!

— Извините меня за мои слова, — заговорилъ снова ребъ Іойне. — Я, конечно, не Богъ-вѣсть какой «ламданъ», но отличить

бѣлое отъ чернаго я могу. Я думаю поэтому, что мои соображенія не будутъ лишнія.

— Я тебя понимаю, а также и твою преданность ко мнѣ, но нельзя же людей заставить сдѣлать то, чего они не желаютъ.

— Боже меня упаси! Но я, напротивъ, думаю, что и большинство это теперь пожелаетъ. Ужъ очень сердятся на ребъ Іойсифа за его непочтительные отзывы ꙗ Велвеле-буцѣ, какъ нѣкоторые его называютъ, и положеніе его теперь довольно шаткое. Мордхе-сборщикъ послѣ извѣстныхъ событій также потерялъ теперь всякую власть; надъ нимъ просто смѣются и въ глаза и за глаза, и дошло уже до того, что доходъ со свѣчей и дрожжей, который идетъ на содержаніе раввина, близокъ къ уничтоженію: содержатель пересталъ платить и ребъ Іойсифу придется сидѣть безъ жалованья...

— Ну, что же изъ этого?

— Какъ? — изумился Іойне, — и вы еще не поняли моей мысли? Нужно поддержать это положеніе и наше дѣло выгорить.

— Нѣтъ!—сказалъ ребъ Авремеле тихо,—мой племянникъ, хотя онъ и здѣсь сидитъ, прямо скажу—достоинъ быть раввиномъ и, слава Богу, въ жалованъ не нуждается, но онъ никому не навязывался, а тѣмъ паче онъ не станетъ кого либо лишать хлѣба.

— Разумѣется!..

Ребъ Іойне, поощряемый молчавшимъ Яковъ-Мейшеле, намѣревался продолжать разговоръ въ томъ же духѣ, но тутъ стали накрывать на столъ и разговоръ прекратился.

Но ребъ Іойне не былъ изъ тѣхъ людей, которые оставляютъ разъ начатое дѣло. Послѣ трапезы онъ опять заговорилъ о томъ же, но, не встрѣтивъ особеннаго сочувствія, такъ какъ гости были убѣждены, что ребъ Авремеле противъ этого, рѣшился дѣйствовать на собственный страхъ, тѣмъ болѣе, что это не представляло особеннаго риска какъ при удачѣ, такъ даже и при неудачѣ: въ первомъ случаѣ благодарности Яковъ-Мейшеле и Авремеле не было бы конца, а во второмъ— можно будетъ напирать на безпредѣльную преданность семьѣ...

Ребъ Іойне былъ тонкій дипломатъ, онъ понималъ, что теперешнія событія могутъ быть чреваты надлежащими послѣд-

ствіями, если ихъ направить въ надлежащую сторону. И это не трудно было бы сдѣлать, если бы эти дураки хотѣли познать его. Тутъ нужна быстрота, энергія, иначе ребъ Мордка, поверженный въ прахъ сегодня, завтра снова можетъ воспрянуть, а съ нимъ дѣло плохо: онъ крѣпко стоитъ за status quo и не поддается ни на какія ухищренія. Самое главное, поэтому, теперь устранить ребъ Мордку. И случай для этого какъ нельзя болѣе удобный. Скоро выборы—и не при совсѣмъ благоприятныхъ для ребъ Мордки условіяхъ. Достояннымъ его преемникомъ, конечно, будетъ ребъ Лейзеръ, но надо, чтобы послѣдній былъ этимъ обязанъ сандегирьевцамъ, чтобы ребъ Лейзеръ это понималъ, и надо также узнать, насколько онъ готовъ содѣйствовать ихъ видамъ. И ребъ Гойне сталъ дѣйствовать въ этомъ направленіи.

На слѣдующій день онъ сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ «въ подвалѣ»,—такъ назывался винный складъ ребъ Авреме-ле,—книга лежала передъ нимъ и онъ расхвѣнно чинилъ перья...

Было одиннадцать часовъ утра. Складъ былъ снаружи закрытъ по случаю воскресенья; въ это время онъ имѣлъ обыкновение сводить счеты, но теперь онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ ребъ Лейзера. Наконецъ тотъ явился.

— Доброе утро, р. Лейзеръ! Что это вы такъ запоздали?

— Да такъ, задержали меня. А что?

— Да такъ, ничего! Какъ дѣла?

— Плохи!—отвѣтилъ со вздохомъ Лейзеръ.

— Что такъ, ребъ Лейзеръ! Вамъ жаловаться не на что: я жена ваша «эйпесь-хамль» (славная, дѣятельная женщина), работаетъ и зарабатываетъ, и вы не спите.

— Спать-то не спимъ, да толку мало!

— Ну, что вы тамъ «небиха» (жалкаго) разыгрываете!

— Помилуйте, что вы говорите! Жена трудится чрезъ силу, недобдаетъ, не досыпаетъ; одинъ патентъ чего стоитъ! А придирки со всѣхъ сторонъ: и акцизникъ тебя беспокоитъ, и полицію—правъ-ли, виновать, а ублажить надо, а дѣло-то не очень блестящее—однихъ долговъ и самыхъ безнадежныхъ-то сколько! Не давай, скажете мнѣ; но это невозможно: я не дамъ, другой дастъ. А расходы какіе? Дѣти на возрастъ, надо

прилично одѣть, обувь, женить и не какъ нибудь. Всѣ думаютъ, что у насъ денегъ куры не клюютъ!

Ребъ Іойне слушалъ и понюкивалъ табачокъ.

— Да, да! Выходить, какъ рассказываютъ о «сидихъ»¹: она жалуется, что торгуетъ себѣ въ убытокъ, а когда ей предлагають вопросъ: зачѣмъ же торговать? А съ чего я жить буду?— спрашиваетъ она въ свою очередь.

Ребъ Іойне улыбнулся и ребъ Лейзеръ также.

— Нѣтъ, ребъ Іойне, вы ошибаетесь, какъ и всѣ другіе: тружусь-то я много, и исполняю сверхъ того обязанности «общественнаго писаря», а сметана достается одному ребъ Мордхе.

— А что бы вамъ себѣ взять сметану? Вѣдь скоро выборы.

— Что вы говорите? Ребъ Мордхе всѣми уважаемъ...

— Уже и всѣми: найдется и пара—другая, которая уже особенно и не уважаетъ ребъ Мордхе и очень даже желала бы видѣть васъ на его мѣстѣ.

— И что вы выдумываете!

— И ребъ Авремеле еще наканунѣ сказалъ: «что за человекъ этотъ Мордхе? — плуть, шумиха, бестолковый!» — А про васъ, напротивъ: «это человекъ толковый, «а gesezter Mensch»². Повѣрьте моему слову, я ничего не выдумываю!

— Да, да!—сказалъ ребъ Лейзеръ съ горечью,—это всегда такъ передъ выборами, а потомъ его «цехъ» выбираетъ, и теперь выберетъ, помяните мое слово!

— Ну, и сдѣлайте такъ, чтобы его не выбрали.

— Что же я-то могу?

— А многое, если только меня послушаете. Прежде всего, мы будемъ стараться за васъ, а вы сами тоже не вѣжайте.

— Помяните мое слово, что «цехъ» его выберетъ, и ваша помощь не поможетъ. А уже я отказываюсь: рискованно!

— Оставьте политику! У васъ есть свои виды, у меня свои, но въ одномъ мы согласны, что жалаемъ васъ вмѣсто Мордхе.

— Я этого не говорю. и моихъ видовъ вы не знаете!

¹ Торговка съ лотка.

² Солидный человекъ.

— Да, да, это правда! Вы человѣкъ осторожный, я это знаю. Но въ прятки играть намъ не резонъ, и я вамъ скажу напрямикъ. Я и всѣ наши будемъ дѣйствовать за васъ; съ цехомъ вамъ тоже не придется имѣть дѣла, отъ васъ только требуется, чтобы вы остались въ сторонѣ и не хлопотали за ребъ Мордхе, какъ вы обыкновенно дѣлаете. Взаимнъ этого отъ васъ желаютъ, чтобы вы содѣйствовали тому, чтобы на мѣсто ребъ Йойсифа у насъ былъ бы Яковъ-Мейшеле. Поняли?

Ребъ Лейзеръ молчалъ. Ему эта комбинація очень даже понравилась, но помятуя, что «и стѣны имѣютъ уши», онъ колебался высказаться вслухъ, и когда ребъ Йойне повторилъ вопросъ, онъ кивнулъ только головой въ знакъ согласія.

— О, да! Вы человѣкъ ужъ очень осторожный! Но помните, мы васъ возведемъ, если будете на нашей сторонѣ, и низведемъ, если будете противъ насъ!

Друзья потяжковали и разошлись довольные другъ другомъ.

Ребъ Лейзеръ ехидно улыбался, выходя изъ подвала. «Возведемъ и низведемъ! Хитеръ ты больно! Возведешь-ли еще? А возведешь, посмотримъ—какъ низведешь. Оно, конечно, при настоящемъ положеніи вещей не надо ссориться ни съ кѣмъ, а послѣ—посмотримъ!»

Ребъ Йойне повелъ кампанію довольно искусно, уразумѣвъ скоро, какъ надо дѣйствовать на всякаго обывателя: если онъ принадлежитъ къ цеху, надо напирать на инцидентъ съ ребъ Велвеле, разсыпаться въ удивленіяхъ ему и о продерзости ребъ Мордхе, и какъ бы мимоходомъ—ребъ Йойсифа; если же онъ принадлежалъ къ мелкому классу торговцевъ, вновь народившихся, по ту сторону рѣки, послѣ пожара,—напирать на монопольную продажу свѣчей и дрожжей, которая, помимо дороговизны, представляла много неудобствъ, такъ какъ приходилось отправляться въ «городъ», какъ они называли «старое мѣстечко». Какъ бы невзначай, можно было бросить: если бы тогда выбрали Яковъ-Мейшеле,—который въ жаловань не нуждается,—этихъ неудобствъ не было бы».

Пропаганда его была обширная, такъ какъ этотъ людъ по разнымъ дѣламъ толкался у него въ «подвалъ».

Многіе изъ сандегирьевцевъ, относившіеся сначала равно-

душно, принялись также горячо за дѣло. Оно пошло настолько удачно, что ни «багалъ-таксы», ни продавецъ свѣчей и дрежей не внесли ни копѣйки, и ребъ Йойсифъ, уже второй мѣсяць не получавшій жалованья, сталъ уже терять надежду получить его когда бы то ни было. Онъ вообще недоумѣвалъ, какъ это случилось, и, склонясь надъ пожелтѣвшимъ фоліантомъ, размышлялъ о горькой долѣ пастыря во Израилѣ.

VIII.

Всѣ чувствовали, что въ Черашнѣ готовится *супр д' état*, и объ этомъ только и было разговору среди всѣхъ слоевъ населенія. Одинъ только ребъ Мордхе не придавалъ этому никакого значенія. Онъ прозорливостью никогда не отличался и если держался такъ долго, то единственно потому, что въ то блаженное время требовались люди энергичные, не останавливающиеся передъ мелочами, дающие въ зубы кому слѣдуетъ, преклоняющіеся также передъ кѣмъ слѣдуетъ. За послѣднее время онъ даже какъ будто приободрился и сталъ входить снова въ свою прежнюю роль.

Довольство разливалось по его лицу, когда онъ послѣ обѣда посасывалъ свою трубочку.

Въ Черашнѣ обѣдаютъ отъ 12 до 1 ч. Было еще довольно рано, и онъ нигуда не спѣшилъ сегодня. Онъ уже собирался прилечь немного, какъ вошелъ ребъ Йоси-Веръ, житель новаго мѣстечка. Одѣтъ онъ былъ крайне бѣдно и на всей его фигурѣ лежала печать какой-то пришибленности.

— Что скажешь?—обратился онъ къ нему.

— Доброе утро, ребъ Мордхе!—Это прежде всего. Я пришелъ просить васъ выслать паспортъ моему сыну; онъ уже три недѣли назадъ вамъ деньги прислалъ. Тамъ теперь очень строго: ни единого дня безъ паспорта прожить нельзя.

— Тоже хватъ!—прервалъ его ребъ Мордхе.—Деньги прислалъ!—И онъ презрительно пожалъ плечами.—За десять карбованцевъ присылай ему паспортъ на три года. Я и свидѣтельства на полученіе паспорта за эти деньги не дамъ.

— А сколько же по вашему слѣдовало бы?

— А по моему, если онъ хочетъ на одинъ годъ, то давай еще три рубля на мелочи и бланкъ; а Фалику за то, что онъ привезетъ изъ уѣзда, тоже что нибудь дашь, не безъ того... и ребъ Лейзеру за то, что онъ напишетъ удостовѣреніе, тоже чт нибудь дашь: вѣдь онъ не долженъ даромъ на васъ работать. А хочешь на 3 года,—давай еще 25. Не обидно будетъ!

— Побойтесь вы Бога! Такіе-ли наши достатки! Я въ концѣ разорентъ,—сказаль р. Иоси-Веръ съ дрожью въ голосѣ,—и долженъ былъ допустить, чтобы единственный мой сынъ, за 4 р. въ недѣлю, валялся Богъ вѣсть гдѣ и у кого... съ женою и дѣтками...

— Не имѣешь денегъ, такъ и не проси на три года!

— Я еще дамъ 5 руб. — я Богъ съ вами! Последнія кровныя деньги.

— Невозможно!

Ребъ Мордхе вообще терпѣть не могъ, чтобы обыватель Черашни вышелъ бы изъ его власти на слишкомъ продолжительное время, а обыватель всячески къ этому стремился...

— Отчего же? Паспортъ много-много обойдется рублей въ 5—6, а остальные вамъ.

— Остальные вамъ!—передразнилъ его р. Мордхе.—А пода-ти, а свѣчной, а земскій сборъ, мало-ли что,—кто заплатитъ?

— Не дурачьте меня, ребъ Мордхе! Знаемъ мы, кто заплатить,—сказаль онъ уже съ азартомъ,—во всякомъ случаѣ не ты: что попало въ твои лапы, уже не увидитъ «die lichte Schein»—свѣтъ Божій.

— Такъ ты еще ругаться! — ребъ Мордхе разовирѣгилъ и даже приподнялся.—Такъ я жъ тебѣ покажу! Потребую я сюда твоего сына по этапу, да, да! По этапу, пускай прогуляется для расчета съ обществомъ. На немъ и такъ недонкии есть, и паспорта не дамъ. Не дамъ!—кричалъ онъ уже.

Иоси-Веръ поблѣднѣлъ. Было время, когда и онъ былъ «a feiner-baalhabos», когда и передъ нимъ р. Мордхе имѣлъ «derechsten»—уваженіе, а теперь!.. Въ немъ закипѣло все нутро.

— Мордхе!—заговорилъ онъ въ сердцахъ.—«Ты былъ пархомъ и остаешься пархомъ!» И чего ты такъ раскорохорился! Бога въ тебѣ нѣтъ: стоишь уже одной ногою въ могилѣ, до-

живаешь послѣдніе дни и безобразничаешь! «Полно тебѣ упиваться еврейскою кровью!» Да, да! полно тебѣ упиваться кровью нашей! И на тебя настанетъ день суда! Посмотришь какъ тебя провалимъ! И «книши» Лейзера не помогутъ тебѣ! «Помогутъ тебѣ какъ мертвецъ банки!»

— Да уйдешь-ли ты отъ меня!—загремѣлъ ребъ Мордхе.

— Потише, Мордхе-живны! Было время, когда я съ тобою и разговаривать не хотѣлъ, а теперь ты даже осмѣливаешься тыкать мнѣ. Но погоди ты у меня! Послѣднюю подушку заложу и поѣду къ исправнику, авось онъ меня припомнитъ. И тутъ, при выборахъ, сослужу тебѣ: можетъ быть, у того, другого, почище тебя, я еще не потеряю уваженія. «Есть еще Богъ на небѣ!» Припомнишь ты меня!

Онъ вышелъ, съ ожесточеніемъ хлопнувъ дверью.

По дорогѣ онъ зашелъ къ ребъ Йойне и, самою обою разумѣется, лучшаго слушателя онъ не могъ найти.

Черезъ часъ уже все мѣстечко знало объ этомъ и, конечно, не безъ нѣкоторыхъ уже дополненій; негодованію не было предѣла. Ребъ Йоси-Беръ лѣтъ 12 тому назадъ считался самымъ почтеннымъ обывателемъ; въ макаровской синагогѣ онъ занималъ первое мѣсто у «восточной стѣны»; когда какая нибудь «алиэ» достигала необычайной цѣны вслѣдствіе конкуренціи, она оставалась за нимъ; въ дѣлахъ благотворительности онъ былъ первымъ человекомъ; въ субботу и праздники онъ бралъ съ собою изъ синагоги то одного, то двухъ «оркниш»¹ къ своему столу; а когда полкъ стоялъ, то у него одинъ изъ еврейскихъ солдатъ уже былъ постояннымъ постояльцемъ; передъ Пасхой онъ не щадилъ ни труда, ни денегъ для собиранія «муось-хитимъ» на опрѣсноки и другіе принасы для бѣдныхъ.

Пожаръ истребилъ почти все, а проведеніе желѣзной дороги измѣнило настолько торговлю хлѣбомъ, которую онъ велъ, что онъ все ниже и ниже падалъ. Вліяніемъ онъ уже не пользовался и не добивался его, но какъ народъ неблагоклонне смотреть на «aufgekimpnen gwir» — выскочку, такъ еще въ большей мѣрѣ онъ проявляетъ жалость къ «ubgekimpnen gwir» — захудалому,

¹ Бѣдныхъ принасахъ.

и уваженіе, особенно къ такому, который не зазнавался,—а ребѣ Іоси-Верѣ никогда не зазнавался,—остается постояннымъ, и всякая обида, наносимая ему, вызываетъ тѣмъ большее негодованіе. Въ данномъ случаѣ негодованіе у противниковъ р. Мордхе выразилось во фразѣ: «это предъ смертью!», а у его сторонниковъ: «съ ума онъ сошелъ!»

Но ребѣ Мордхе ничего этого знать не хотѣлъ, и черезъ два часа послѣ этой исторіи онъ уже на всѣхъ парусахъ летѣлъ на новое мѣстечко на крыльяхъ усердія къ общему благу. Не останавливаясь ни на минуту, онъ прошелъ мимо кучки площадныхъ ораторовъ, которые не могли не интересоваться его даже въ обыкновенное время,—прошелъ мимо содержателя свѣчной коробки, который дѣлалъ ему знаки, приглашая его.

— Знаю, знаю!—говорилъ р. Мордхе.

Мѣстечко Чвращни, прорѣзываемое небольшой рѣчкой, заключало въ себѣ главное, или такъ называемое «старое мѣстечко»—по одной сторонѣ рѣки, и по другой нѣчто въ родѣ выселка—«новое мѣстечко». Между жителями того и другого была существенная разница, хотя жители «новаго мѣстечка» старались во всемъ подражать жителямъ стараго. Въ общемъ они чувствовали свою зависимость отъ «стараго мѣстечка», и все необходимое, въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ, они могли получить не иначе, какъ пройдя плотину.

Не смотря на то, что разстояніе между ними было не болѣе версты, обыватели крайне неохотно выбирались на тотъ берегъ. И если старое мѣстечко, вслѣдствіе сравнительнаго обилія каменныхъ домовъ, нѣсколько походило на заштатный городокъ, то новое мѣстечко болѣе походило на большое село.

Намъ бы завело слишкомъ далеко, если бы мы хотѣли подробно очертить глубокую разницу между «метрополіей» и «колоніей»; достаточно сказать, что жители новаго мѣстечка почти не пользовались въ дѣлахъ общественныхъ правомъ голоса, хотя и несли всѣ тяготы по сбору съ мяса, свѣчей и дрожжей. За то, несвязанные никакими традиціями, болѣе предприимчивые и вдали отъ зоркаго глаза р. Мордхе, они первые сбросили съ себя иго этихъ тягостей и стали пользоваться контрабанднымъ мясомъ и пр., сначала сами, а потомъ стали снабжать

ими и метрополию. Антрапренеромъ этого дѣла являлся Мееръ Долгоносъ, при усердномъ содѣйствіи своихъ домохозяевъ и непростительномъ поустительствѣ обывателей.

Ни для кого не тайна, что тѣ, кому о чемъ либо вѣдать надлежитъ, узнаютъ это позже всѣхъ... И р. Мордхе только случайно узналъ источникъ всѣхъ его тиштныхъ поисковъ...

Семейство Долгоносовъ—таково было ихъ прозвище вслѣдствіе обладанія каждымъ изъ нихъ носомъ болѣе или менѣе выразительныхъ размѣровъ—было чрезвычайно милое. Родоначальникъ его, памятуя заповѣдь: «плодитесь и множитесь», выполнилъ ее съ похвальною точностью и передалъ это свойство своимъ нисходящимъ, а для крѣпости семейнаго союза объединилъ ихъ общностью интересовъ. Работали всѣ въ потѣ лица, пускаясь на самыя рискованныя предпріятія. Жена ребъ Меера съ подростками смотрѣла за заѣзжимъ домогъ; самъ Мееръ съ шестью женатыми сыновьями старались изъ всего извлекать копейку, и все-таки еле-еле перебивались. Последнее становилось понятнымъ, когда во время какого нибудь торжественнаго случая все милое семейство сходилось вмѣстѣ,—они жили радѣльно, хотя и вблизи другъ отъ друга,—это было цѣлое войско! И это войско стояло во всеоружіи, когда обижали какого нибудь члена, и каждый набѣгалъ съ ними столкновенія. Одинъ р. Мордхе отличался неустрашимостью до того, что, когда въ мѣстечкѣ квартировалъ полкъ, онъ имъ на цѣлыхъ 8 мѣсяцевъ поставилъ солдатъ въ двухъ комнатахъ заѣзжаго дома.

Заѣзжій домъ р. Меера, какъ и всѣ заѣзжіе дома въ еврейскихъ мѣстечкахъ, занимая извѣстную площадь, имѣлъ съ фронта громадныя ворота; дворъ въ видѣ сарая служилъ какъ бы продолженіемъ дому, и все это было покрыто сплошной крышей; съ задней стороны были такія же ворота какъ съ фронта, и въѣздъ и выѣздъ не могли обойтись безъ помощи хозяина.

Сегодня, какъ и всегда, заднія ворота были закрыты, а переднія полуотворены, и люди копошились въ полумракѣ вокругъ воеа, на которомъ воссѣдалъ рыжій еврей.

Мееръ, въ одномъ бѣльѣ, въ длинномъ лапсердакѣ, съ ермошкой на головѣ, отдавая приказанія домохозяевамъ, таскавшимъ съ воеа разныя кульки, то и дѣло поглядывалъ на ворота.

— А знаете, ребъ Мендель!—обратился онъ къ рыжему,— не хорошо вы сдѣлали, что прѣехали днемъ, не равенъ часъ...

— Эка важность! Равнѣ я одинъ забѣжаю къ вамъ? При томъ вѣдь и вамъ Шимонъ¹ говорилъ, что это ничего...

— И чего ты боишься? — подтвердилъ стоявшій тутъ же Шимонъ,— до насъ-ли ему теперь,—онъ подразумѣвалъ р. Мордхе.— У него и безъ того много хлопотъ. А узнаеть, чортъ съ нимъ!

— Ага!—выпалилъ ребъ Мордхе,—я давно де васъ добираюсь. Чуяло мое сердце, что это дѣло рукъ вашихъ. Наплачетесь у меня... Покажу я вамъ!.. Будете помнить!

Ребъ Мееръ поблѣднѣлъ. Тѣ, которые стояли съ кульками, остановились; остальные домочадцы выскочили на крикъ. Въ воротахъ появились и нѣкоторые изъ сосѣдей.

Только одинъ рыжій Мендель не замѣнилъ своей позы. Ребъ Мордхе подошелъ къ нему.

— А тебя, рыжего дьявола, я отучу ѣздить къ намъ!

— А кто винъ, той пуриць, що кричить тутъ? Це не енаралъ-губернаторъ Черашни?—сказалъ Мендель, ткнувъ самымъ обиднымъ образомъ въ сторону р. Мордхе.

— Ты не отдѣлаешься шутками, рыжій чортъ! «Малагі веп апиді», «ганіф», «колбоіііс»! ¹ — гремѣлъ уже ребъ Мордхе: — шепну-ка я словцо становому и покажетъ онъ тебѣ!

— Смилуйтесь, пане ласковий!—началъ Мендель, комически едернувъ норыжѣлую шапчонку,—хѣба я паспорта не маю?

Онъ обвелъ присутствующихъ екиднымъ взглядомъ. Всѣ расхохотались, даже ребъ Мееръ улыбнулся.

— Ты чего хохочешъ?—набросился на него Мордхе, вида, что съ рыжимъ ничего не подѣлаешь,—нахохочешся еще у меня!..

— Идите себѣ, р. Мордхе, туда, откуда пришли,—выступилъ Шимонъ,—я не страцайте. Намъ нечего бояться: отецъ старый человекъ и мухи боится, а мы ничего незаконнаго не дѣлаемъ.

— Съ тобой не разговариваютъ, «кундесъ», — отрѣзалъ ребъ Мордхе.—А будешь слушать своихъ «пкунцимъ» ²,—обратился онъ къ ребъ Мееру,—они тебя до Сибири доведутъ.

¹ Незаконнорожденный, воръ, бездѣланкъ.

² Шалонай; негодныхъ мальчишекъ.

— «Шкудимъ»!—разсердился Мееръ,—ты съ ума сошелъ Мордхе! Хочешь меня вывести изъ терпѣнія. Какіе они «шкудимъ»!

— Ну, твоихъ графчиковъ,—огрызнулся Мордхе.—Разумный человѣкъ! А можешь ты продавать то, что не позволено! А!

— Кѣмъ не дозволено?—спросилъ Шимонъ.

— А это не твое дѣло: не съ тобою и говорить.

— Кѣмъ не дозволено? Отвѣчай на вопросъ!—выступилъ Мееръ.

— Что ты, недавно уродился, что-ли? Не знаешь развѣ, куда доходы идутъ? Раввину, на «гекдешъ», мало-ли на что!

— И въ дырявый карманъ Мордхе,—прибавилъ Шимонъ.

Ребъ Мордхе заколыхался, руки зачесались и готовы были исполнить старое назначеніе, но Шимонъ легко устранилъ ихъ, такъ, что у ребъ Мордхе пальцы хрустнули.

— Такъ помни же!—сказалъ ребъ Мордхе Мееру,—ты все это допускаешь и за все отвѣтишь. Ты и тогда, когда я солдатъ поставилъ, думалъ быть фанаберей, а что вѣнзъ?

— И глупъ я былъ, что допустилъ это и не хлопоталъ, гдѣ слѣдовало. Ты много воли себѣ берешь, забываешь, что другія времена настали, что мы скоро отъ тебя и вовсе избавимся.

— Это еще увидимъ!

— И раньше, чѣмъ ты ожидаешь!

— А пока что, дай-ка посмотрѣть, что у тебя на воѣ-то?

— Что ты мнѣ за ревизоръ?

— А вотъ я тебѣ покажу!

Онъ двинулся къ воу, но Мендель его грубо оттолкнулъ.

— По правдѣ, можно подумать, что онъ тутъ у васъ енараль-губернаторъ,—обратился онъ къ Шимону;— что ты съ нимъ въ разсужденія пускаешься? Убери остальное, не задерживай меня, а ему наклади въ шею!

Тутъ произошло маленькое замѣшательство. Выгрузка пошла быстрая. За темнотою-ли, по другимъ-ли причинамъ, семейство Долгоносовъ, забывъ страхъ Вожій, обошлось довольно непочтительно съ ребъ Мордхе. Когда заднія ворота заскрипѣли и Мендель выѣзжалъ, ребъ Мордхе очутился у переднихъ, подталкиваемый нѣсколькими дюжими руками.

На улицѣ къ нему подошелъ Иоси-Беръ.

— Богъ справедливъ и справедливъ Его суды!—прововгласилъ онъ торжественно:—ты меня обидѣлъ и всѣхъ обижалъ. Видишь, какъ добрые люди стоятъ и радуются твоей «шариле»¹. И не то будетъ! Съ сумой еще пойдешь, кровопийца!

Ребъ Мордхе посмотрѣлъ на него разсѣянно и быстро пошелъ по направленію къ старому мѣстечку.

Все это было дѣло рукъ Иоси-Бера и ребъ Іойне. Узнавъ отъ Иоси-Бера, что пріѣхалъ Мендель, р. Іойне рѣшилъ направить туда Мордхе, въ вѣрномъ расчетѣ, что отъ этихъ головорѣзовъ, какъ ихъ считали въ мѣстечкѣ, сборщикъ не уйдетъ безъ рукоприкладства.

Расчетъ этотъ оправдался настолько блистательно, что Иоси-Беръ не могъ удержаться отъ того, чтобы не высказать это р. Мордхе и полетѣть къ р. Іойне съ этой радостною вѣстью.

— У васъ голова министра!—было первое его слово.

Ребъ Іойне пожалъ плечами, какъ будто это вовсе не составляло для него тайны... И Иоси-Беръ, смакуя каждое слово, рассказывалъ все по порядку.

Черезъ часъ все мѣстечко, до Липе включительно, знало больше, чѣмъ произошло на самомъ дѣлѣ съ р. Мордхе.

— А, вы слышали уже!—было первое слово черашнинскихъ обывателей при встрѣчѣ другъ съ другомъ.

IX.

Приближался день выборовъ. Партіи за и противъ Мордхе работали усердно, подготавливая своихъ. Самъ ребъ Мордхе изъ кожи лѣвъ, подмываемый желаніемъ свести счеты со всѣми обидчиками. А ихъ уже порядкомъ набралось. Въ прежнее время вывозилъ цехъ, не безъ того, что ихъ надо было угостить богѣе или менѣе порядочно, но за то за ними—какъ за каменной стѣной: они политики не знаютъ, исполнишь обязательство, угостишь—и они тебѣ поставятъ голоса, какъ пару сапогъ. «Теперь не то, они сердятся за своего Велвеле-буца,—и

¹ Бадъ.

дернуть же меня чортъ обмолвиться! — думалъ онъ, — и тебѣ играть въ политику!»

И дѣйствительно они играли въ политику и не безъ участія ребѣ Іойне, который до того искусно игралъ за кулисами, что даже самые заинтересованные не могли угадать направляющей руки. Не даромъ же у него была голова министра!

Наконецъ насталъ этотъ давно ожидаемый день! Уже въ поддень чувствовалось небывалое оживленіе: съ новаго мѣстечка стали появляться избиратели; цехъ побросалъ свои работы, оставивъ дома только учениковъ. У р. Лейзера было биткомъ набито, въ подвалѣ ребѣ Іойне тоже; еще въ одной харчевнѣ пили и ѣли—кто въ Бога вѣруетъ и охотникъ выпить и закусить на чужой счетъ. Главнымъ образомъ поили и кормили у ребѣ Лейзера, такъ какъ споконъ вѣка ребѣ Мордхе поручалъ угощать «своимъ голоса» ребѣ Лейзеру; что было и теперь, но ребѣ Лейзеръ признавалъ за благо угощать и «своихъ»; у ребѣ Іойне была частная кормежка пріятелей; другіе претенденты въ свою очередь угощали въ другомъ мѣстѣ. Но находились и такіе, которые успѣвали угоститься гдѣ только можно было. Само собою разумѣется, что угощались не именитые граждане, а цеховые и другія мелкія сошки. Новкіе люди успѣвали выпить нѣсколько рюмокъ, закусить «книшемъ», а при благоприятныхъ обстоятельствахъ—еще однимъ, или кускомъ жаренаго гуся, — и веселой гурьбой направлялись къ большой синагогѣ, гдѣ уже засѣдали «die feinste baal-abatim».

Въ этотъ же моментъ и лавочкики, оставивъ свою торговлю на попоченіе женѣ, направлялись туда же.

— И чего ты тамъ копаешься!—кричалъ черезъ всю площадь длинновязый Нахемій, торговецъ желѣзомъ, своему закладному другу Нафтуле-бакалейщику, — выгѣдай ужъ изъ своей норы!

Нафтуле выскочилъ, обтирая рукавомъ засаленный ротъ и бороду и бормоча молитву послѣ сытныхъ варениковъ.

И друзья шли другъ другу на встрѣчу.

— «Jüdische schikirim!»—еврейскіе пьяницы!—ткнулъ Нахемій пальцемъ по направленію къ веселой гурьбѣ, — навѣро

вышли двѣ, много три рюмки, а гляди—и козырьки чуть не на затылкѣ. А какъ ты думаешь, выберутъ Мордхе?

— А кто его знаетъ?—гнѣвно отвѣтилъ Нафтуле,—можетъ, и выберутъ, какъ и въ прежніе годы бывало...

— Ну, не думаю! А вотъ сейчасъ и узнаемъ!

— Ребъ Гецель, — обратился онъ къ одному, у котораго козырекъ уже былъ у самаго затылка, — выберутъ Мордхе?

— Ни, ни!—замахалъ Гецель,—и не думайте!

— Что такъ, не угощаль васъ, или мало?

— И, и! — подмигнулъ онъ лукаво, — такого дня еще не было сколько Черашни стоитъ, и такъ никогда не угощали.

— А много было выпито?

— И не спрашивайте! И не припомню!

— А рюмки три выпили?

— Бе!—раскохотался Гецель.—Три рюмки! Это въ былое время, но не сегодня.

— Кто угощаль?

— И чортъ ихъ знаетъ! И Мордхе, и Лейзеръ, и еще кто-то, а выберемъ не Мордхе, какъ Богъ святъ, не его...

— А кого же?—допытывался Некемій.

— А нельзя еще сказать: узнаете послѣ!

Они вошли въ синагогу.

Народъ собирался медленно. У «балмемера» уже стояли заправки, приготавливая все къ выборамъ. Тутъ были и Ханмъ-Ице и Мейше Суре-Ривесъ въ засаленномъ халатѣ, и Долгоносы, ребъ Йоси-Беръ, Дувидъ-Пейсахъ и даже Липине. Тутъ же толпились нѣкоторые изъ той породы людей, которые, не имѣя вліянія на ходъ дѣла, все-таки норовятъ быть на первомъ мѣстѣ, на виду, изъ желанія-ли показать другимъ, что они не послѣднія спицы, или просто изъ любопытства.

Поставили импровизованныя урны и за отсутствіемъ шаровъ рѣшено было, что орѣшки означаютъ избирательные голоса, а горохъ—неизбирательные.

Всѣ болѣе или менѣе заинтересованные приближились къ «балмемеру»: Мордхе, Лейзеръ, Йойне, Йоси-Беръ и другіе.

Были провозглашены баллотируемые кандидаты: ребъ Мордхе, ребъ Лейзеръ и еще два—три имени.

Но при имени ребъ Мордхе произошло смятеніе.

— Не желаемъ, не желаемъ!—раздались голоса изъ заднихъ рядовъ, сначала одинокіе, а потомъ все болѣе и болѣе поддерживаемые, превратившіеся въ гулъ.— Не желаемъ, не желаемъ!

Ребъ Мордхе поблѣднѣлъ. Ребъ Іойне обращался тщетно съ мольбой выслушать его. Голоса не унимались, а желавшіе ихъ унять своимъ усерднымъ: «ни!» производили еще большій шумъ. Наконецъ ребъ Іойне кое-какъ удалось добиться слова.

— Вы не желаете ребъ Мордхе?—спросилъ онъ.

— Не желаемъ, не желаемъ!—раздались тѣ же голоса.

— Шш-аа! шшш-ыны! — раздавалось съ другой стороны, а одинъ, положивъ на «безмеръ» фоліантъ, ударилъ по немъ съ силою, на какую былъ только способенъ.

— Слушайте, раббойсай, и не перебивайте,—продолжалъ ребъ Іойне;—не желаете ребъ Мордхе,—подчеркнулъ онъ,—такъ шумѣтъ нечего: вотъ мы его выбираемъ, а кто не хочетъ... его воля! На то и выборы...

— Не желаемъ, не желаемъ! Онъ подъ судомъ былъ!—раздавалось solo охмѣлѣвшаго Гецеля. Но и онъ вскорѣ успокоился.

Избиратели потянулись подавать голоса, и тутъ тоже не обошлось безъ маленькаго недоразумѣнія. Избиратель относился довольно индифферентно—не все-ли равно Мордхе, Бурихъ, Зурихъ—такъ и просвѣчивалось черезъ его лѣвивыя движенія, но для заправить это было, вонечно, не все равно и они скоро стали выражать безнокойство; дошло даже до того, что ребъ Іойне прямо сталъ указывать избирательный ящикъ ребъ Лейзера и чуть-ли не направлять туда руки.

Ребъ Мордхе не утерпѣлъ.

— Ребъ Іойне, что вы дѣлаете?

Ребъ Іойне посмотрѣлъ на него съ наивностью ребенка и оставилъ этотъ приѣмъ, тѣмъ болѣе, что пошли нѣкоторые, которые отлично знали свои обязанности; но когда пьяный Гецель чуть не закатилъ избирательнаго шара Мордхе, противъ котораго онъ такъ еще недавно такъ неистово оралъ, Іойне не

утерялъ и повторилъ свой маневръ. Гецель улынулся пьяною улыбкой и хотѣлъ уже положить куда слѣдуетъ, но ребъ Мордхе и его сторонники закричали въ одинъ голосъ:

— Опять! Ребъ Йойне, мы попросимъ васъ уйти отсюда!

Поднялся невообразимый шумъ. Ребъ Йойне только пожалъ плечами, какъ бы призывая всѣхъ въ свидѣтели, что къ нему придираются. Гецель стоялъ въ выжидательной позѣ и смотрѣлъ на всѣхъ осоловѣлыми глазами.

— Шна!—сказалъ ребъ Йойне и, когда нѣсколько утихло, обратился къ Гецелю:—Ты кого избираешь?

— Ребъ Лейзера, да живетъ онъ сто двадцать лѣтъ «mit a Mittwoch»!¹

— Видите,—сказалъ ребъ Йойне торжествуя.

— А вы почему это знали?—приступили къ ребъ Йойне сторонники ребъ Мордхе.

— Что вы, ослѣпли и оглохли сегодня?!—разсердился ребъ Йойне, — развѣ вы не видѣли и не слышали, что онъ громче всѣхъ кричалъ: «не жалаемъ, не жалаемъ!»

Гецель между тѣмъ положилъ въ надлежащее мѣсто свой оружь и въ пьяномъ экстазѣ снова воскликнулъ:

— Ура, ребъ Лейзеръ! Да живетъ онъ сто двадцать лѣтъ «mit a Mittwoch»!

Цеху очень понравилась эта шутка и нѣкоторые сказали:

— Гецель, какой ты недобрый! Почему не сто двадцать лѣтъ и zwei, drei Mittwoch?

— Никакъ невозможно: больше ста двадцати лѣтъ никто не можетъ жить,—сказалъ Гецель съ серьезностью пьянаго чело-вѣка.—Такъ и быть! Пускай онъ умретъ въ мѣсяцѣ Нисанѣ и попадетъ прямо въ рай! А какіе у него славные «книши», хевре!—прибавилъ онъ съ умилениемъ.

Дружный смѣхъ, усиливавшійся все болѣе и болѣе, оттѣснилъ окончательно инцидентъ съ ребъ Йойне, но онъ, какъ разумный чело-вѣкъ, понялъ, что надо избѣгать повторенія, тѣмъ болѣе, что съ удовольствіемъ замѣтилъ, что Иоси-Веръ, при сильномъ содѣйствіи Липине, не зѣваетъ и даетъ надлежащія на-

¹ И еще лишнюю среду.

ставленія. То же дѣлали и другіе. Когда подошли Долгоносы, ребъ Мордхе отвернулся, а ребъ Іойне и Лейзеръ потирали руки отъ удовольствія: шутка-ли, семь вѣрныхъ голосовъ и въ какомъ направленіи—нечего было сомнѣваться. Въ бухгалтерской головѣ ребъ Іойне, который отлично запоминалъ и соображалъ, Мордхе погибъ безвозвратно. Ребъ Мордхе ждалъ конца съ тоской, съ мрачнымъ предчувствіемъ, а ребъ Лейзеръ—съ сердечнымъ волненіемъ, предшествующимъ успѣгу.

Имъ и не долго пришлось выжидать: приступили къ счету голосовъ и въ результатѣ получилось, что ребъ Мордхе провалялся, а на мѣсто его избранъ ребъ Лейзеръ.

— Ну, что? Правду я сказалъ!—воскликнулъ Нехемій, выходя изъ синагоги.

— Да, Іойне—голова!—согласился Нафтуле. — Но погоди, ребъ Мордхе такъ легко не сдастся!

— Пх! — прыснулъ Нехемій, — ты все вѣринь въ своего Мордхе! Конечно, его пѣсенка спѣта.

— А что, р. Гецель, не по домамъ-ли?—обратился къ нему Липе.

— Ни, ни! и не думай! Такой славный день, такого дня давно не было въ Черашивѣ. Ребъ Лейзеръ! Ребъ Лейзеръ!—обратился онъ къ выходящему Лейзеру: — съ васъ магарычъ.

— Иди, выспись, милый человекъ!—сказалъ ребъ Лейзеръ мягко,—мало ты выпилъ сегодня?

— И что вы, ребъ Лейзеръ!—сказалъ Гецель обидчиво,—что же, я пьянъ по вашему мнѣнію? Пьянъ я? «Жевре-пидель»¹,—обратился онъ къ расходившейся толгѣ.

— У тебя больше отъ духоты голову вскружило, чѣмъ отъ выпитаго сегодня,—сказалъ Нехемій.

— Истина!—подхватилъ Гецель,—видите, р. Лейзеръ, мы для васъ до хрипоты старались, надо же горко прополоснать!

— Ну и колощи его гдѣ хочешь. Я и не иду домой таверь.

— Пустяки, ребъ Лейзеръ! Мы сегодня васъ уважили и вы насъ уважьте! А мы за васъ и всегда рады стараться. «Приде юда до воза»—кажутъ люди. А что не идете сами домой, тоже пустяки! Скажите только какойнибудь знакъ женѣ вашей.

¹ Такъ называется известная часть цеха

— А много васъ?

— Я, Липе и еще два—три человѣка: всѣ уже разошлись.

— Ну, Богъ съ вами!

И онъ далъ «знакъ».

— Живите сто двадцать лѣтъ «in zwei Mittwochen!» — воскликнулъ Гецель въ припадкѣ великодушія и отправился со своими по направленію къ шинку Лейзера.

— Хорошо ты поступилъ со мною, славно! — укоризненно сказала ребъ Лейзеру подошедшій къ нему ребъ Мордхе.

— А чѣмъ я-то виновать?

— Если ты другъ мнѣ, ты долженъ былъ стараться... ты долженъ отказаться и теперь.

— Вы съ ума сошли!—сорвалось у ребъ Лейзера.

— А, такъ-то ты! Такъ я жъ тебѣ покажу!

— Пока только я одинъ могу кое-что о васъ рассказать, а вы обо мнѣ, что вы расскажете? Отказаться!—онъ даже расхотѣлся,—какъ будто это вамъ поможетъ. А кромѣ сего... это воля общества, меня избрали и я не откажусь!

— Хорошо же! Припомнишь ты меня!

И друзья разстались врагами.

Оживленіе продолжалось до самаго вечера. Цехъ забросилъ свои работы: все равно ужъ день былъ испорченъ и работъ тоже не было по горло. Лавочники стояли на площади и болтали о злобѣ дня. Черезъ часъ послѣ выборовъ Гецель напрасно пытался, по предложенію лавочниковъ, пройти по одной доскѣ, не спотыкаясь; его тщетныя усилія сохранить равновѣсіе, его уморительныя гримасы приводили въ восторгъ зрителей, и Липине съ трудомъ увлекъ его домой.

Между «минхой» и «мааривъ»¹ волненіе умовъ отчасти улеглось и мѣстные хроникеры и репортеры рассказывали забавныя событія этого, давно уже небывалаго дня.

Ночью всѣ спали мирно. Не совсѣмъ спокойно спали только три человѣка: р. Мордхе, р. Лейзеръ и р. Йине.

¹ Вечерней и ночной молитвой.

X.

Мордхе сдѣлалъ нѣсколько тщетныхъ попытокъ уничтожить выборы, въ которыхъ мѣстные юристы нашли кое-какія упу-щенія, но это ни къ чему не повело.

Гойне считалъ сверженіе Мордхе только прелюдіей къ про-веденію завѣтной своей мечты — замѣны р. Гойсефа племян-никомъ р. Авремеле. Онъ еще съ большимъ усердіемъ приня-ся за свою главную работу и ижгълъ полное основаніе рассчиты-вать на содѣйствіе р. Лейзера.

Лейзеръ медлилъ, отговариваясь тѣмъ, что, пока Мордхе интригуетъ и его, Лейзера, положеніе еще не окрѣпло, онъ ничего предпринять не можетъ.

Тѣмъ же средствомъ онъ отговаривался, когда макаровцы, дѣйствительные заправилы мѣстечка, стали требовать отъ него прекращенія такого положенія вещей, при которомъ рав-нинѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ не получалъ жалованья.

Но интриги ребъ Мордхе перешли уже въ область исторіи, а ребъ Лейзеръ все медлилъ. Человѣкъ рѣшительный и прямой раскрылъ бы свои карты, но Лейзеръ былъ не таковъ: угождать нашимъ и вашимъ сдѣлалось его второй натурой, онъ никогда не бросался очертя голову, дѣйствовалъ разсчитанно и какъ бы пассивно, т. е. не предпринималъ ничего лично отъ себя пока не успѣвалъ сдѣлать такъ, чтобы другіе, имъ же подго-товленные, не прониклись его планомъ настолько, чтобы имъ казалось, что онъ дѣйствуетъ по ихъ порученію.

Между тѣмъ, въ начавшихъ тогда выходить еврейскихъ и русско-еврейскихъ газетахъ появились одна за другой двѣ хлест-кія корреспонденціи, въ которыхъ описывались черашинскіе беспорядки и индифферентизмъ мѣстныхъ заправилъ... Коррес-pondенціи произвели чрезвычайное впечатлѣніе. Цѣлый день ихъ читали и перечитывали на мѣстномъ форумѣ. коммента-ріямъ не было конца: угадывали кто эти X. N. и Z. Въ мѣ-стечкѣ было всего два—три экземпляра, и хотя всѣ уже знали наизусть содержаніе корреспонденцій, но всякій хотѣлъ видѣть

во-очію, что пишутъ о нихъ и ихъ мѣстечкѣ, о которыхъ еще не обмолвились никогда ни единымъ словечкомъ...

Когда любопытство было нѣсколько удовлетворено, появилась задача: кто эти «шкуцимъ»? Иначе, какъ «шейгацъ», «лайдакъ» какой нибудь не станетъ же писать корреспонденціи и особенно въ такомъ тонѣ! Относительно еврейской корреспонденціи были разногласія: кто говорилъ, что это никто иной, какъ Ханимъ-Ице; кто говорилъ—Бйликъ. Но относительно русской корреспонденціи было единогласно рѣшено, что это никто иной, какъ провѣзкій землемѣръ, который возмущалъ всѣхъ своей бритой мордой и котораго не иначе называли, какъ «die treifene Ziere»¹.

Газеты въ Черашнѣ получаютъ въ четвергъ, такъ что матеріалу хватило до субботы.

Нашлись и такіе, которые, признавъ всю гнусность корреспонденціи, тѣмъ не менѣ признали невозможнымъ терпѣть долѣе описываемое въ нихъ положеніе вещей, и вслѣдствіе этого рѣшено было въ субботу вечеромъ созвать «асифу».

«Асифа»—сходка—была назначена у мѣстнаго домохозяина, весьма уважаемаго человѣка, ребъ Зальмана.

Нечего говорить, что собрались почти всѣ видныя лица, съ которыми мы уже встрѣчались; но затесались и такіе, безъ которыхъ отлично можно было бы обойтись; явились также «бааль-таксы» и содержатель коробки свѣчной и дрожжевой.

— Раббойсай! — началъ ребъ Зальманъ: — васъ смущаетъ, что насъ описали, но это пустяки! Стоитъ-ли обращать вниманіе на то, что пишутъ эти безбожники? А важно то, что скажутъ люди о насъ! «Всякому кажется, что у другого свѣтитса» — говорить пословица. Всѣ думаютъ—и это было не безосновательно въ доброе старое время,—что наше мѣстечко богатое. Что скажутъ о насъ, когда мы своему раввину на двѣмъ—не можемъ или не хотимъ, не стануть же разбирать!—пяти рублей въ недѣлю? Что скажетъ о насъ нашъ святой цадикъ, когда узнаетъ, что раввинъ, присланный намъ имъ самимъ, умираетъ съ голоду? Подумайте!

¹ Трефная фазіономія.

— Это стыдъ и срамъ!—заговорили нѣкоторые.

— А вы, ребъ Лейзеръ! — продолжалъ ребъ Зальманъ: — объясните намъ, какъ это могло у насъ случиться?

Ребъ Лейзеръ возразилъ своимъ тихимъ голосомъ:

— Объ этомъ слѣдовало бы спросить р. Мордхе; это при немъ началось.

— Мордхе здѣсь нѣтъ, но я думаю, что и вы кое-что знаете.

— Вы хорошо знаете, что ребъ Мордхе не любитъ, чтобы вмѣшивались въ его дѣла. Я имѣлъ своего дѣла довольно и исполнялъ его исправно, насколько оно меня касалось,—отвѣтять Лейзеръ съ скромнымъ достоинствомъ.

— Р. Лейзеръ! Вы какъ будто обижаетесь, но мы васъ ни въ чемъ не обвиняемъ; намъ нужно только уяснить себѣ дѣло.

— Это лучше могутъ объяснить р. Елкуне и р. Ицхокъ: они перестали платить, и у насъ денегъ нѣтъ, — указалъ онъ на содержателя коробки и продавца свѣчей и дрожжей.

Ребъ Елкуне, содержатель мясной коробки, высокой толстякъ, съ рысьими глазками, шумно заерзалъ на своемъ стулѣ и, не дожидаясь приглашенія, заговорилъ сердито:

— Они хотятъ меня разорить! И такъ еле концы съ концами сводишь, и еще плати лишнее. Заготавливаешь мясо сколько слѣдуетъ, а навезутъ невѣдомо откуда, и хоть выбрось... А въ другой разъ думаешь: чортъ съ ними!.. и заготовишь меньше, гляди—и не привезли, спрашиваютъ—и нѣтъ! Съ году въ годъ все хуже и хуже. Чистое разореніе!

Ребъ Гоине между тѣмъ рассказалъ любимый свой анекдотъ о торговкѣ и всѣ, поглядывая на ребъ Елкуне, улыбались, а менѣе воздержные даже громко смѣялись.

— Вотъ имъ смѣшно, — продолжалъ ребъ Елкуне уже меланхолически, — думаютъ, что я лопатами деньги загребаю. Я бы и не сталъ объясняться: коробка мною взята съ торговъ, и я плачу по положенію, а что я обязался особо платить обществу,—это моя воля, во первыхъ, а во вторыхъ,—не для того же я это дѣлаю, чтобы всякій безпрепятственно могъ привозить мясо и чтобы у меня не было защиты! Это ребенокъ пойметъ!

— Много ты платишь!—запумѣли недовольные «бааль-таксой»,—только и знаешь, что увеличивать цѣну на мясо.

— Браки!—воскликнулъ ребъ Елкуне и даже покраснѣлъ и, обратившись къ ребъ Зальману, уже болѣе спокойно сказалъ:—ребъ Зальманъ! Вы человекъ разсудительный, торговый, вы меня поймете. Вникните только! Я взялъ коробку, плачу деньги, долженъ доставлять мясо на все мѣстечко. По-видимому, прекрасное дѣло! Но, вникните только! Я купилъ прекраснаго быка и заплатилъ хорошія деньги; если онъ оказался «кошеръ», то ничего, убытку нѣтъ, а если онъ «трейфъ», то приходится продавать христіанамъ и дешево, хотя большею частью случается, что это мясо самое лучшее. Хорошо было, когда полкъ стоялъ: каждый день нужно было порядочное количество мяса, а когда его нѣтъ теперь? А что мнѣ дѣлать въ постъ, когда христіане почти не употребляютъ мяса? Куда его дѣвать? А много-ли евреи наши употребляютъ мяса? На семейство въ 5—6 человекъ берутъ $\frac{1}{2}$ фунта, много фунтъ, а богачи—2-3 фунта, а много-ли ихъ?

— А вотъ попробуй, откажись!—заговорили снова его недоброжелатели,—авось, найдутся и другіе на твое мѣсто.

— И шею ломаютъ!—возразилъ онъ энергично.

— А вотъ теперь и не постъ, а лучше и не подступись къ мясу! Шутка-ли, 51 коп. око.

— А сколько теперь быкъ или даже корова чахлая стоятъ!

— Знаемъ, знаемъ! Тоже «небиха» разыгрываетъ.

— Какъ же вы рѣшаете? — прервалъ ребъ Зальманъ.

— Когда будетъ тихо и спокойно, по прежнему, тогда я отъ своего слова не откажусь. Благодареніе Богу, никто не скажетъ, что я не «честный еврей»; мнѣ тоже больно, что нашъ уважаемый раввинъ не получаетъ жалованья, но почему же мнѣ разоряться преимущественно передъ другими?

Ребъ Ицкокъ, монополистъ свѣчей и дрожжей, тоже толстякъ, большой любитель поѣсть, но не большой охотникъ до рѣчей, выразился короче:

— И я скажу, какъ ребъ Елкуне: пусть все будетъ по прежнему, и я отъ своего слова не откажусь. Я построилъ свѣчной заводъ, самъ и дрожжи дѣлаю, людямъ плачу. Чистое разореніе! Не доѣдаешь, не досыпаешь...

— Несчастный! Душа у него уже на кончикѣ носа!—вадохнулъ одинъ путникъ.

Всѣ разсмѣялись, а ребѣ Ицхокъ умолекъ.

— Если такъ,—сказалъ ребѣ Зальманъ,—то вина больше на нашей, чѣмъ на ихъ сторонѣ. А обижайтесь, или нѣтъ, ребѣ Лейзеръ! тутъ немало и вашей вины.

— Чѣмъ я-то виноватъ? Всею виною эти проклятые Долгоносы. Самъ ребѣ Мордхе ничего не могъ сдѣлать съ ними. А ужъ его-ли не боялись?

— А по моему мнѣнію,—сказалъ съ обычной своей усмѣшкой Хаимъ-Ице:—въ подобныхъ обстоятельствахъ лучше всего придерживаться пословицы: «поставьте вора у дверей».

— То-есть, какъ это?—спросилъ ребѣ Зальманъ.

— Передать Долгоносамъ,—пояснилъ Хаимъ-Ице,—продажу свѣчей и дрожжей, обвязать ихъ, съ одной стороны, не привозить мяса, а, съ другой—платить то, что платитъ р. Ицхокъ...

— А я-то какъ? — воскликнулъ ребѣ Ицхокъ съ несвойственнымъ ему оживленіемъ.

— Все равно, вѣдь вы докладываете и разоряетесь.

— А съ заводомъ что я сдѣлаю? Вы хотите погубить меня!

— Долгоносы его купятъ у васъ.

— Не желаю я имѣть дѣла съ этими разбойниками!

— И мы не желаемъ ходить на «новое мѣстечко», — воскликнулъ Мейше Суре-Ривесъ.

Его поддержали и другіе.

— Что касается тебя, — обратился Хаимъ-Ице къ Мейше Суре-Ривесъ съ презрительной усмѣшкой, — то за свои 4 гроша «ты не боленъ сходить, гдѣ черный перецъ растеть!» Да, да, Мейшене! За свои 4 гроша можешь сходить и на новое мѣстечко. Но для васъ, раббойсай, Долгоносъ и здѣсь устроить лавку. Спросите ребѣ Ицхока, развѣ это не выгодно? А!

Ребѣ Ицхокъ пыталъ и смотрѣлъ на него съ ненавистью, но не сказалъ ни слова. Всѣ смотрѣли на него съ улыбкой.

— Это ты написалъ корреспонденцію, «kofbenik!» — вывалилъ вдругъ Мейше Суре-Ривесъ.

Хаимъ-Ице пожалъ только презрительно плечами.

— Правда, это ты написалъ?—приступили къ нему нѣкоторые, больше изъ любопытства.

— А развѣ это неправда?!—воскликнулъ Ханмъ-Ице вмѣсто отвѣта.—Развѣ не стыдъ и позоръ, что нашъ раввинъ, которому не стыдно было бы быть раввиномъ въ большомъ городѣ, не то что въ нашемъ паршивомъ мѣстечкѣ, чуть не умираетъ съ голоду потому только, что находятся людишки, которымъ выгодно ловить рыбу въ мутной водѣ! Тоже! *Rachmonim vnei gashmuniim!* (милосердыя дѣти милосердыхъ). Денегъ нѣтъ! денегъ нѣтъ! На чорта, на дьявола есть!..

Последнія слова его подняли цѣлую бурю. Всѣ знали, что Ханмъ-Ице немножко «аркоигес»¹. Хотя онъ и исполняетъ всѣ обряды и даже по наружности ничѣмъ не отличается, но къ падику онъ уже не вадилъ нѣсколько лѣтъ и часто посмѣивался даже надъ другими, а теперь какъ разъ «габоимъ» собирали для падика обыкновенную жатву...

— Что ты хотѣлъ этимъ сказать?—раздались гровные голоса.

— Видите, каковъ онъ!—воскликнулъ Мейше Суре-Ривесъ и съ торжествомъ подскочилъ къ нему.—Говори, говори яснѣе! Ханмъ-Ице отстранилъ его съ гадливостью.

— Для всякихъ пѣвочекъ есть у васъ деньги, а для истиннопочтенныхъ людей нѣтъ,—отвѣтилъ онъ уклончиво.

— Это слово было и въ корреспонденціи «*der treifene mogde!*» — воскликнулъ Мейше Суре-Ривесъ и обвелъ собраніе взглядомъ, дышавшимъ негодованіемъ за то, что они не растерзаютъ этого человѣка.

— Объяснись, Ханмъ-Ице!—послышалось опять.

— Вотъ лошади!—воскликнулъ Ханмъ-Ице страшнымъ голосомъ.—Что вамъ, палецъ надо положить въ ротъ! Я бы убоился теперь это сдѣлать: въ вашемъ положеніи опасно... откусите! Развѣ ребъ Мордхе плохо ѣлъ за это время? Развѣ ребъ Елкуне потерялъ обычное свое веселое расположеніе духа? Развѣ ребъ Ицхокъ безъ аппетита ѣлъ вареники? Развѣ ребъ Лейзеръ, ни въ чемъ никогда не виноватый, плохо ѣлъ и спалъ? А?! Отвѣчайте на эти вопросы!

¹ Вольнодумецъ.

Всѣ молчали. У нихъ отлегло отъ сердца: значить, онъ не думалъ о святомъ падикѣ, когда говорилъ о чортѣ, дьяволѣ и пиввахъ. Не унимался только Мейше Суре-Ривесъ, который готовъ былъ «утопить его въ ложкѣ воды».

— Ты не все сказала, ты хитеръ, изворачиваешься!

Хаимъ-Ице оттолкнулъ его отъ себя съ энергіей, которая оказалась бы роковой для Мейшене, если бы его не подхватили близъ-стоявшіе.

— Уберите отъ меня эту «злыдню!»—воскликнулъ Хаимъ-Ице:—я за себя не ручаюсь! Да, раббойсай, я не все еще сказала! Вы не отвѣчаете на мои вопросы, и я самъ отвѣчу. Нѣтъ! Они спали и ѣли еще съ большимъ аппетитомъ. А вы сами не ѣли-ли мяса, не употребляли-ли свѣчей и дрожжей? Благодареніе Богу, да! А платили-ли меньше? Нѣтъ. Почему же люди, которые недостойны «топить печку» у раби Йойсифа, у васъ и сыты, и обуты, а ребъ Йойсифъ,—этотъ воистину праведный мужъ,—не знаетъ, чѣмъ онъ проживетъ завтра? А! почему это? И вы спокойно подносите ложку ко рту, когда знаете, что есть человекъ, достойнѣйшій, который этого сдѣлать не можетъ! Вотъ вамъ и объясненія!

— А согласятся-ли Долгоносы?—замѣтилъ одинъ.

— Я думаю, что да. А если нѣтъ, то не лучше-ли намъ, чтобы мясо было дешевле, чтобы свѣчи и дрожжи продавали кто хочетъ, а мы сами уплатимъ нашему почтенному раввину жалованье, — и повѣрьте, что намъ обойдется дешевле, чѣмъ теперь, когда мы разоряемъ только понапрасну почтеннаго ребъ Елкуне и достопочтеннаго ребъ Ицхока. Они намъ спасибо скажутъ!

Вмѣсто спасибо Елкуне и особенно Ицхокъ бросили на него такіе молніеносныя взгляды, что если бы взгляды вообще способны были убивать, Хаимъ-Ице упалъ бы на мѣстѣ.

Обыватели задумались, не понявъ вполне этой комбинаціи. Обыватель страхъ какъ не любитъ явныхъ поборовъ, а съ косвенными онъ легче мирится. Это—во первыхъ. Во вторыхъ, обыватель всегда предпочитаетъ старое, уже испытанное средство новому, неизвѣстному, предполагая, не безъ нѣкоторыхъ основаній, что новое можетъ оказаться для него хуже въ умѣ-

ныхъ рукахъ, которыми земля наша никогда не оскудѣваетъ. Этимъ объясняется то индифферентное отношеніе обывателя къ собственнымъ интересамъ, которое поражаетъ, даже возмущаетъ, но которое является неизбѣжнымъ при фатальной его увѣренности, что, какъ ни обезпечь себя, найдутся ловкачи, которые обойдутъ и окрутятъ тебя.

Ребъ Іойне счелъ этотъ моментъ самымъ удобнымъ для себя и заговорилъ:

— А не лучше-ли будетъ такъ: ребъ Іойсифъ весьма почтенный и уважаемый человекъ и всегда можетъ достать мѣсто; его вездѣ съ радостью возьмутъ и больше жалованья дадутъ. Развѣ можетъ онъ жить съ семействомъ на 5 р. въ недѣлю?

— Къ чему эти слова?—воскликнули нѣкоторые.

— А къ тому, что если у насъ не могутъ платить и 5 р. въ недѣлю, то не слѣдуетъ ему оставаться, а намъ его держать.

— Кажется, вы благочестивый еврей, а говорите такія слова! Какъ это безъ раввина?—сказалъ р. Зальманъ съ укоромъ.

— Зачѣмъ безъ раввина! За кого вы меня принимаете! Развѣ нельзя имѣть раввина, чтобы онъ жалованья не получалъ? Развѣ Яковъ-Мейшеле былъ бы плохимъ раввиномъ? А вашего жалованья ему не нужно.

— Вотъ что!—воскликнули почти всѣ.

— Тэ, тэ, тэ! — воскликнулъ Хаимъ-Ице, — вотъ оно что! Теперь понятно, почему ребъ Авремеле отказывался вмѣшаться въ это дѣло, почему онъ отказывался ссудить общество деньгами, пока буря пройдетъ. Этого прежде за нимъ не было. Тутъ ужъ голова ребъ Іойне и Яковъ-Мейшеле. Теперь я и не боюсь положить палецъ вамъ въ ротъ: не откусите...

— Отчего вамъ не нравится мое предложеніе? — спросилъ ребъ Іойне.

— Еще не было того, чтобы мы лишили когонибудь хлѣба, — сказалъ ребъ Зальманъ сурово, — хоть бы для твоего Яковъ-Мейшеле. Притомъ же намъ не нужно, чтобы намъ служили безъ жалованья... слава Богу, не дошло еще до этого! И плохой слугитель, даже Божій, безъ жалованья!

— Объ этомъ и говорить нечего! — согласились почти всѣ.

Но ребъ Іойне былъ не изъ такихъ, которые теряютъ надежду, и онъ началъ снова:

— Вы не поняли. Боже меня упаси, чтобы я сказала что нибудь противъ нашего раввина. Напротивъ, дѣлая свое предложеніе, я имѣла исключительно въ виду его благо и благо общества. Ему жалованья не платятъ, ему худо,—естественно, что ему лучше найти такое мѣсто, гдѣ бы ему платили. А это ему, при его всѣмъ извѣстной учености и праведной жизни, вовсе не трудно. Общество не платитъ жалованья, значитъ, оно не въ состояніи, для него это обременительно,—и оно можетъ прибавить себя отъ этого бремени. Согласенъ съ вами, что плохой служитель, даже Божій, безъ жалованья, но, предлагая вамъ Яковъ-Мейшеле, я говорю: воля ваша, хотите—назначьте ему жалованье, но замѣйте, ему можете платить сколько и когда заблагоразсудится.

— Позвольте мнѣ, ребъ Іойне!—прервалъ его Хаимъ-Ице,—рассказать вамъ анекдотъ... вѣдь вы сами очень любите анекдоты. Въ одномъ маленькомъ мѣстечкѣ былъ раввинъ непреходимо глухой,—и это бываетъ!—и жители послѣ долгихъ колебаній и усилій рѣшились отказать ему; объявили ему объ этомъ, значитъ—отказали и уже ждали другого. Въ послѣднюю субботу этотъ мудрый раввинъ подошелъ къ «белмемеру» и сказалъ во всеуслышаніе: «Если вы хотите, чтобы я у васъ остался, то прибавьте мнѣ жалованья!» Разумѣется, ему отвѣтили дружнымъ смѣхомъ.

Ребъ Іойне закусила губу. Хотя всѣ почти знали этотъ анекдотъ, но смѣхъ, и весьма дружный, поднялся раньше, чѣмъ Хаимъ-Ице кончилъ.

— Видите, ребъ Іойне!—продолжалъ Хаимъ-Ице:—только изъ уваженія къ ребъ Авремеке вамъ не прыснули въ лицо, когда вы предложили никому не угоднаго Яковъ-Мейшеле, а вы утѣшаете насъ тѣмъ, что, если это непременно требуется, то онъ готовъ и жалованье получать! Вы съѣли Мордхе, на здоровье вамъ! Но съ р. Іойсефомъ не шутите, подавитесь!

— Ты не очень-то забывайся,—вспылилъ ребъ Іойне.

Онъ не могъ сказать больше ни одного слова. Все его зданіе, построенное такъ искусно, рухнуло безвозвратно.

— Напрасно только вы меня укоряли!—шепнулъ ему ребъ Лейзеръ:—вы видите, что я тутъ ни причемъ.

Ребъ Йойне посмотрѣлъ на него сердито и ругнулъ не со всѣмъ мягкимъ словомъ.

Было уже довольно поздно и, по обыкновенію, собраніе разошлось ничего не рѣшивъ, но вынесло убѣжденіе, что во что бы то ни стало надо прекратить это положеніе дѣлъ.

Разговорамъ не было конца: говорили и на площади, и въ синагогѣ, и въ общественной банѣ. Было много мѣткихъ замѣчаній, но тѣ, кому личные интересы не давали покою ни днемъ, ни ночью, успѣли все-таки убѣдить всѣхъ, что лучше прежняго порядка никому не выдумать. И, какъ всегда, благоразуміе и опытъ вѣковъ одержали верхъ. Настало опять трогательное единеніе и доброе согласіе: Елкуне снова сталъ платить деньги и пересталъ жаловаться на плохія времена; Ицкокъ ѣлъ съ прекраснымъ аппетитомъ варенники и также платилъ по прежнему. И все это только потому, что, когда всѣ познали благотворность единенія, нашли управу и на Долгоносовъ и прекратили всѣ ихъ безобразія и беззаконія!..

Ребъ Лейзеру сначала какъ будто бы было и неловко, такъ какъ, по наущенію проклятаго Хаимъ-Ице и ему подобныхъ, стали считать каждую общественную копѣечку. «Вотъ гдѣ онъ у меня сидитъ! — указывалъ на свое горло ребъ Лейзеръ, жалуюсь на его несправедливья и крайне обидныя придирки. — Лежатъ какъ собака на снѣгѣ: ни мнѣ, ни тебѣ!»—думалъ о немъ ребъ Лейзеръ, когда Хаимъ-Ице интересовался знать куда дѣваются остатки послѣ уплаты жалованья раввину.

Но ребъ Лейзеръ былъ человекъ терпѣливый и искалъ новыхъ путей. И нашелъ!.. Всѣ были удивлены той лихорадочною дѣятельностью, которую ребъ Лейзеръ проявилъ въ пользу общаго блага. И то нужно исправить, и это починить,—указывалъ онъ всѣмъ. И большую синагогу не мѣшало ремонтировать и выкрасить, и макаровскую, и «гекдешъ», и заборъ у кладбища. Гдѣ же денегъ-то взять? Нужно только согласіе общества и необходимыя формальности, и тогда не трудно вы-

хлопотать изъ остатковъ коробочнаго сбора тысячку—другую! Не смотря на протестующіе голоса, явилось и согласіе, и необходимыя формальности были продѣланы. Ребъ Лейзеръ ожаль. Онъ два-три раза съѣздилъ въ уѣздъ и въ губернію—и этихъ остатковъ какъ не бывало!

Когда дѣло подвинулось довольно успѣшно, онъ, памятуя, что ковать желѣзо нужно пока оно горячо, принялся строить и чинить до получения ожидаемой суммы; и это было необходимо, такъ какъ благоприятное время всякихъ построекъ и починокъ было бы пропущено!

Пока что, нужныя деньги онъ отчасти давалъ изъ собственнаго кармана, но еще больше задолжалъ у другихъ.

Когда деньги были получены, все уже сіяло благолѣпіемъ и хотя за обществомъ остался незначительный долгъ, но нельзя было не быть благодарнымъ: очень ужъ запущены были общественныя зданія! И благодарность обывателей пустила глубокіе корни! Когда черезъ два года общественныя зданія пришли еще въ большій упадокъ и запущеніе, а домъ ребъ Лейзера, наново выштукатуренный и покрытый блестящей черепицей, за то сіялъ небывалымъ блескомъ, то благодарные обыватели почти единогласно выбрали р. Лейзера помощникомъ назначеннаго тогда въ Черашнѣ мѣщанскаго старосты,—высшая должность, возможная для еврея въ мѣщанской управѣ.

Общественныя заслуги всегда получаютъ должную и справедливую оцѣнку!..

В. Ферберъ.

ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА

НА ОСНОВАНІИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ИСТОЧНИКОВЪ, ПЕЧАТНЫХЪ И
РУКОПИСНЫХЪ.

IX. Хасидизмъ украинскій ¹.

Б.

Внуки Бешта: *Эфраимъ Судилковскій* и *Борухъ Тульчинскій* или *Меджибовскій*.— Легенда объ ихъ рожденіи.—Скромная карьера Эфраима.—Его жанга: культъ Бешта, жалобы на пороки новаго поколѣнія хасидовъ, патриархальность воззрѣній автора; его сношенія. — Нерасположеніе Эфраима къ роли практическаго цадика. — Противоположныя наклонности его брата Боруха. — Борухъ въ Тульчинѣ и затѣмъ въ Меджибовѣ, на престолѣ Бешта. — Его пышный дворъ, свита и придворный штатъ; его властолюбіе и ссоры съ другими цадиками. — Его выдающія личныя заслуги.—Портретъ Боруха на основаніи позднѣйшихъ преданій.—*Авраамъ Малахъ*, сынъ Бера изъ Межирича: его затворническая жизнь и его произведеніе.

Левъ-Ицхокъ Бердичевскій и Нохумъ Чернебыльскій были, въ послѣдней четверти XVIII вѣка, главными вождями хасидской секты въ Украинѣ. Оба они дѣйствовали въ качествѣ непосредственныхъ учениковъ Бера изъ Межирича, отца всѣхъ первыхъ великихъ цадиковъ. Но, какъ уже сказано выше, въ Украинѣ въ ту же эпоху выступали въ роли цадиковъ и потомки самого основателя хасидизма—Израиля Бешта. О нихъ-то и слѣдуетъ теперь разсказать.

Изъ потомковъ Бешта выдвинулись въ 1780-хъ годахъ два внука его, сыновья единственной его дочери Адели, *Моисей-Хаимъ-Эфраимъ Судилковскій* и *Борухъ Тульчинскій*. Объ ихъ рожденіи хасидская легенда разсказываетъ слѣдующее. Мать

¹ См. „Восходъ“, кн. XI.

ихъ, Адель, была въ теченіе многихъ лѣтъ безплодна. Однажды, въ праздникъ *Симхасъ-Тора*, когда веселая хасидская компанія пировала и плясала въ домѣ Бешта, у одного бѣднаго хасида, особенно усердствовавшего въ пляскѣ, лопнулъ сапогъ. Бѣднякъ очень огорчился, ибо не могъ вслѣдствіе этого продолжать «священную пляску». При этой сценѣ присутствовала дочь Бешта, «великая праведница» Адель. Видя смущеніе и огорченіе бѣднаго хасида, она сказала ему: «Объщай мнѣ, что въ будущемъ году я рожу сына—и я тебѣ сейчас дамъ пару хорошихъ сапогъ!» Хасидъ обѣщалъ и получилъ тотчасъ сапоги, такъ какъ у Адели была обувная торговля. Спустя годъ Адель дѣйствительно родила и даже не одного, а двухъ сыновей-близнецовъ, названныхъ нами выше¹.

Внуки Бешта, Эфраимъ и Ворухъ, родились въ Меджибожѣ, приблизительно лѣтъ за 10—12 до смерти своего дѣда. Въ послѣдніе годы его жизни они были еще въ отроческомъ возрастѣ и, слѣдовательно, «учениками» Бешта въ полномъ смыслѣ слова ихъ нельзя назвать. Но, съ другой стороны, они были болѣе, чѣмъ учениками: они были *питомцами* основателя хасидизма, питомцами того экзальтированного меджибожскаго кружка, изъ котораго вышли первые апостолы этого ученія. Близость къ Бешту и постоянное пребываніе въ его кружкѣ въ томъ возрастѣ, когда впечатлительность и воспримчивость всего сильнѣе, должны были имѣть рѣшительное вліяніе на умы юныхъ отрочковъ. Они съ ранняго дѣтства сроднились съ духомъ хасидизма и менѣе другихъ нуждались въ школьной догматикѣ. Впослѣдствіи, по смерти своего дѣда, они дополнили свое теоретическое богословское образованіе падъ руководствомъ его преемниковъ и апостоловъ. Не отличаясь особенно выдающимися умственными качествами, внуки Бешта тѣмъ не менѣе

¹ *Восхожденія Бешта*, 31 в. Въ этомъ источникѣ рассказъ относится къ рожденію одного только Воруха; но изъ другихъ источниковъ оказывается, что братья были близнецами (נ"ן ע"ז"ל ע"ז 12 א). Есть, впрочемъ, и другія предположенія. См. „Воспоминанія“ Готлобера въ указ. мѣстѣ, стр. 312. Забѣлательно, что хасидская легенда, приводя этотъ курьезъ, упустила изъ виду, что имъ повсюду обидѣ чести Бешта, который не могъ помочь родной дочери своей въ то время, какъ своими чудесами всѣмъ помогалъ.

играли видную роль въ хасидскихъ кружкахъ въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія. Но вслѣдствіе различія характеровъ обоихъ братьевъ роли ихъ были различны: одинъ, Эфраимъ, былъ по преимуществу цадикомъ-теоретикомъ, скромнымъ проповѣдникомъ и писателемъ; другой, Борухъ, былъ цадикомъ-практикомъ, общественнымъ дѣятелемъ и администраторомъ.

Биографію Эфраима можно изложить въ нѣсколькихъ словахъ. Проведя всю молодость въ Подоліи, преимущественно въ Меджибожѣ, онъ уже въ зрѣломъ возрастѣ переселился въ Волынь и занялъ тамъ мѣсто пастыря или проповѣдника въ м. Судилковѣ (отъ котораго получилъ и свое прозваніе). Въ Судилковѣ онъ жилъ въ 1780-хъ годахъ, но въ это же время часто бывалъ и на родинѣ, въ Меджибожѣ ¹. О послѣднихъ годахъ его жизни мы не имѣемъ свѣдѣній. Умеръ онъ, повидимому, въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія, около 1799 г. ².

Эфраимъ Судилковскій, по всему судя, не былъ практическимъ цадикомъ, не творилъ чудесъ, не исцѣлялъ, не давалъ совѣтовъ за деньги и вообще не служилъ предметомъ поклоненія темной массы. Это былъ, повидимому, человекъ тихаго и скромнаго нрава, книжный «мудрецъ», предпочитавшій созерцательную жизнь, уединеніе и сосредоточенность мыслей шумной кружковской жизни и великолѣпію цадикскаго «двора». Вся его дѣятельность выражалась въ проповѣдяхъ и въ писаніи библейскихъ комментаріевъ въ мистическомъ духѣ. Ревностно записывалъ онъ все, что самъ слышалъ отъ Бешта въ дѣтствѣ, или что наблюдалъ въ его поведеніи. Проповѣди его были собственно объясненіями и толкованіями на изреченія его дѣда. Собранныя и изданныя послѣ смерти Эфраима его сыномъ, эти проповѣди и писанія составили значительный по объему томъ, извѣстный подъ именемъ «Знамя стана Эфраимскаго» ³.

¹ См. въ концѣ его книги сѣмъ п'арс 527, гдѣ имѣются нѣкоторыя хронологическія данныя, а также стр. 62 и 94.

² Изъ одобреній къ названному его сочиненію видно, что въ 1803 г. Эфраима уже нѣсколько лѣтъ не было въ живыхъ.

³ Сѣмъ п'арс 527 напечатанный впервые лишь въ 1810 г., въ Корецѣ, съ одобреній величайшихъ тогдашнихъ цадиковъ: Леви-Ицхока Бердичевскаго, Ираиля Козеницкаго, Якова-Ицхока Люблинскаго и др. Передъ нами—новое Юзефовское изданіе 1883 г.

менное ему поколѣніе гораздо бѣднѣе духомъ, нежели предшествовавшее, дѣдовское поколѣніе. «При жизни дѣда моего, — говоритъ онъ, — міръ стоялъ на болѣе высокой ступени и настроеніе людей было тогда воввышениѣе, чѣмъ въ настоящее время»¹. «Современники дѣда моего не молились о личныхъ своихъ нуждахъ, а только о нуждахъ Божества», т. е. о томъ, чтобы Безконечный Свѣтъ ярче сіялъ людямъ, чтобы всѣ могли познать Его и заслуженно пользоваться Его благами. Прежнюю искренность и самобытность замѣняетъ часто лицемѣріе и подражательность. «Дожь вовобладала въ мірѣ. Всякій стремится къ высокому положенію, приличествующему лишь немногимъ, истинно совершеннымъ въ вѣрѣ мужамъ. Стараются подражать внѣшнимъ приѣмамъ праведниковъ. Кто нибудь видитъ, что цадикъ одѣвается въ субботу въ бѣлое платье или надѣваетъ молитвенную ризу во время вечерней молитвы, въ канунъ субботы, и говоритъ: сдѣлаю то же и я, и буду подобенъ ему»². «Образовалась партія лицемѣровъ, которые по внѣшнему виду кажутся праведниками, но въ концѣ концовъ обличаются и падаютъ съ высоты своего мнимаго величія. Они одно говорятъ устами, а другое скрываютъ въ сердцѣ. Они подражаютъ дѣламъ истинныхъ цадиковъ, и говорятъ: они (цадики) носятъ бѣлое платье — и мы будемъ носить; они воснаменяются въ молитвѣ и хлопаютъ руками въ наступленіи — и мы это сдѣлаемъ. И все это дѣлается большею частью только для пріобрѣтенія славы и достиженія власти надъ городами и общинами». Бывали и случаи безкорыстной, наивной, но тѣмъ болѣе смѣшной подражательности. Такъ, авторъ рассказываетъ объ одномъ хасидѣ, который, посѣтивъ однажды знаменитаго цадика Нахмана (изъ Городенка?) и увидѣвъ, что тотъ сидитъ и пьетъ кофе въ полномъ молитвенномъ облаченіи, пошелъ домой и сталъ дѣлать то же, воображая, что этимъ достигается святость. По свидѣтельству автора, такое наивное обезьянчанье было не въ рѣдкость въ его время. Всѣ эти обличенія современности, исходящія изъ устъ че-

¹ Тамъ же, стр. 125.

² Тамъ же, стр. 11, 32, 156 и 111.
Восходъ, кн. 12.

ловѣка незлобиваго и мягкаго по своему характеру, имѣютъ большое историческое значеніе. Они относятся, очевидно, къ хасидской сектѣ, въ которой авторъ, будучи самъ однимъ изъ вождей ея, не устранился отгнѣтить бросавшіеся въ глаза недостатки. Знаменателенъ тотъ фактъ, что уже второе поколѣніе хасидовъ, выступившее на сцену поколѣнію Бешта, заслужило отъ внука послѣдняго упреки въ измелчаніи умовъ, въ лицемѣри, ханжествѣ и пустой подражательности... Указывая, съ одной стороны, на зародившуюся въ хасидской средѣ порчу, эти обличенія вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о правдивости и благородствѣ стремленій того, кто не убоился громко и ясно ихъ высказывать въ публичныхъ проповѣдяхъ.

О высокихъ стремленіяхъ Эфраима (не всегда, можетъ быть, осуществлявшихся на дѣлѣ) свидѣтельствуютъ и многія другія мѣста въ его книгѣ. Онъ старается по мѣрѣ возможности воскресить первоначальный духъ хасидскаго ученія съ его искренностью и простотою. Правда, онъ и самъ не чуждъ нѣкоторыхъ увлеченій своего времени и даже главнаго изъ нихъ—культу цадиковъ; но тѣмъ не менѣе и здѣсь замѣчается стремленіе автора къ упрощенію этого культа, къ одухотворенію его высшею идеей. Ссылаясь на извѣстныя изреченія своего дѣда, Бера изъ Межирича и Яковъ-Іосифа Когена, устанавливающія хасидскую іерархію, онъ всегда приводитъ эти изреченія въ связь съ основными началами хасидизма и доказываетъ, что почитаніе цадиковъ есть лишь средство для осуществленія этихъ началъ, а не цѣль сама по себѣ. Цѣль существованія цадика—служить живымъ примѣромъ религіозности и нравственности для массы, воодушевлять простыхъ людей искрою вѣры, утѣшать ихъ въ скорби и врачевать ихъ душевныя раны. «Когда праведникъ воспламеняется желаніемъ приблизиться къ Богу, тогда весь Израиль тянется за нимъ по тому же направленію». «Отъ мудрецовъ, сподвижниковъ дѣда моего, я унаслѣдовалъ великую истину, что людямъ, стоящимъ во главѣ народа, дана власть очищать души израильскія, занятанныя тиною грѣховъ, и что отъ нихъ зависитъ сущность покаянія». «Всякія восхожденія (т. е. религіозныя усовершенствованія) человѣка могутъ совершаться не иначе, какъ черезъ посредство праведниковъ дав-

наго поколѣнія, причѣмъ имѣются два способа: однихъ праведниковъ поднимаетъ своею молитвою и ученіемъ, а другихъ—простою будничною бесѣдою и занимательными разсказами. Второй способъ, при всей своей кажущейся простотѣ, гораздо выше перваго и, какъ передалъ мнѣ покойный дѣдъ, не всякій цадикъ удостоивается постичь его». Къ этому послѣднему способу слѣдуетъ прибѣгать главнымъ образомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣешь дѣло съ простолюдинами, нерасположенными къ отвлеченнымъ разсужденіямъ. «Часто бываетъ, что цадикъ сидитъ между людьми и разговариваетъ съ ними о равныхъ обыденныхъ дѣлахъ или разсказываетъ имъ сказки. Постороннимъ зрителямъ такія бесѣды могутъ казаться правдою болтовней, а между тѣмъ цадикъ во время этихъ бесѣдъ погруженъ въ мысль о Богѣ, и рѣчи его даже о матеріальныхъ вещахъ полны сокровеннаго смысла и святости... Да и во всѣхъ обыкновенныхъ разсказахъ, которые другіе передаютъ цадикъ, и въ обыкновенныхъ разговорахъ онъ, цадикъ, всегда открываетъ затаенный высшій смыслъ. Такъ, напримеръ, я слышалъ отъ покойнаго дѣда моего, что даже пѣсни, называемыя *Lieder*, которыя поютъ народы земли (не-евреи, малороссы), заключаютъ въ себѣ чувства любви и благоговѣнія, вдохновляющія человѣка свыше и только выражающіяся въ низшихъ формахъ... Избранныя натуры усматриваютъ во всѣхъ вещахъ высшія начала и черезъ это сами возвышаются душою!» Но не только рѣчи цадика душеспасительны, одна близость къ цадикъ уже благотворно дѣйствуетъ на вѣрующихъ. Подобно тому, какъ человѣкъ, простоявшій нѣкоторое время въ лавкѣ благоуханныхъ косметическихъ товаровъ, уходя, выноситъ оттуда благоуханіе, которымъ пропиталось его платье помимо его воли, такъ и простолюдинъ, пребывающій въ обществѣ цадика, уноситъ съ собою въ душѣ кое-что изъ его святости. Относительно общественнаго положенія цадиковъ авторъ высказываетъ тѣ же мысли, которыя до него высказалъ апостолъ Бенгта—Яковъ-Иосифъ Коганъ. «Цадикъ—это голова народа, а прочіе люди составляютъ туловище его. Когда голова спитъ, т. е. когда цадикъ избавленъ отъ заботъ житейскихъ, тогда и все тѣло здорово и бодро, т. е. весь народъ духовно благоден-

ствуетъ». Отсюда слѣдуетъ, что вѣрующіе должны заботиться о спокойствіи своихъ душеспасителей, т. е. обезпечить ихъ матеріально, и кромѣ того не должны обременять ихъ веденіемъ дѣлъ общественныхъ, ибо этимъ могутъ нарушать ихъ благоговѣнную сосредоточенность¹. Тутъ уже авторъ сходитъ на «практическую» почву, хотя и практицизмъ его очень умѣренный и во всякомъ случаѣ не доходитъ до того грубаго корыстолюбія и торгашеской алчности, какія выказало по этому поводу большинство коллегъ и современниковъ Эфраима.

Неизбѣжная въ хасидскихъ сочиненіяхъ антитеза между «учеными» (раввинами) и цадиками проводится и въ сочиненіи Бештова внука. Авторъ жалуется на тѣхъ, которые «преполагаютъ право свое» книжнымъ знаніемъ ради внѣшнихъ выгодъ и хвастовства ученостью и презираютъ праведниковъ, читающихъ мало, но гораздо больше выносящихъ изъ своего чтенія. «Принято уже говорить, — замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — что «ломдимъ» (ученые, законовѣды) много изучаютъ, а хасиды вовсе ничего не изучаютъ; но вѣрно лишь то, что ученые, чѣмъ больше они изучаютъ, тѣмъ больше воображаютъ себя всезнающими и хвастаютъ своимъ многознаніемъ; хасиды же, чѣмъ больше изучаютъ, тѣмъ смиреннѣе ведутъ себя и тѣмъ сильнѣе сознаютъ свое незнаніе». Жалуются на цадиковъ, что они не преподаютъ народу Талмуда, но цадики большою частью находятся въ такомъ восторженномъ состояніи духа, въ такомъ глубокомъ созерцаніи Божества, что все это ученое законовѣдѣніе кажется имъ чѣмъ-то мелочнымъ, холоднымъ, требующимъ сѣуженія и ограниченія мысли, свободно витающей въ небесныхъ пространствахъ... Да и само свойство Талмуда съ его сухими рассужденіями, законоположеніями и обрядами таково, что онъ не можетъ согрѣвать душу, не приводитъ въ состояніе экстаза, т. е. не приближаетъ человѣка къ Богу, а это заставляетъ хасидовъ обращать больше вниманія на другія, болѣе существенныя стороны вѣры и заниматься «ученіемъ» лишь рѣдко, въ минуты особеннаго расположенія.

Вообще вѣрный основному хасидскому принципу, авторъ

¹ См. стр. 6, 12, 16, 77, 80, 91, 100, 164, 174 и 198.

всегда ставить чувство выше ума, внутреннее сознание выше внѣшняго знанія. Вѣра, по его мнѣнію, должна обуздывать знаніе, ибо «бываютъ люди очень много знающіе и тѣмъ не менѣе совершающіе всякія пакости». Умъ долженъ состоять на службѣ у вѣры, иначе онъ вреденъ. Отсюда вытекаетъ, что свѣтскія знанія губельны для человѣка вѣрующаго. Любовь къ такимъ знаніямъ есть незаконная страсть, своего рода умственный развратъ. Подобно чувственнымъ удовольствіямъ, они мгновенны и скоропреходящи; вдобавокъ они несовершенны и конечны. Единственная законная наука для вѣрующаго — это мистическое богословіе, наука о Вѣзконечномъ и о Первоначальной Причинѣ, и то лишь постольку, поскольку эта наука ведетъ къ непосредственному богопознанію, поелику она дѣйствуетъ больше на чувство, нежели на умъ, больше грѣетъ, чѣмъ свѣтитъ ¹.

Голосъ восторженнаго мистика и мечтателя слышится въ этихъ рѣчахъ. Да и отъ всей книги Эфраима вѣетъ какою-то тихою экзальтаціей и задушевною мечтательностью. Авторъ увлекаетъ васъ въ таинственный сумракъ вѣры, въ царство фантазій, тѣней и чудныхъ видѣній. Здѣсь красуются лучезарные образы Бешта и его первыхъ сподвижниковъ, — образы, съ которыми для автора связаны завѣтные воспоминанія дѣтства и первые восторги юности. Онъ мысленно живетъ съ этими дорогими ему священными тѣнями, и часто даже сходять онѣ къ нему въ ночныхъ видѣніяхъ... Нѣкоторыя такія «сновидѣнія» (לחזון), благоговѣнно записанныя Эфраимомъ, найдены были въ его бумагахъ послѣ смерти и помѣщены въ приложеніи къ «Знамени стана Ефрамскаго». Авторъ, твердо вѣруя, что «и сны отъ Бога бываютъ», совершенно серьезно относится къ нимъ и часто добросовѣстно отмѣчаетъ, гдѣ именно и когда имѣлъ онъ то или другое сновидѣніе. Въ біографическомъ, а еще болѣе въ бытовомъ отношеніи эти замѣтки въ высшей степени характерны. Вотъ нѣсколько образчиковъ. «Въ ночь на поведѣльникъ, раздѣла Пинхаса, 541 года (1781 года), видѣлъ я во снѣ покойнаго дѣда моего, и я сталъ близко къ нему, лицомъ къ лицу, и онъ обнялъ меня обѣими руками

¹ Тамъ же, стр. 14, 20, 29, 40, 53, 88, 125 и др.

и сказалъ мнѣ: «Твоя природа и моя прославятся въ мірѣ: меня будутъ восхвалять въ качествѣ чудодѣя, а тебя — въ качествѣ служителя Божія, учителя и проповѣдника». — «Мнѣ снилось, будто я соединился съ покойнымъ дѣдомъ моимъ и будто онъ очень ласкалъ и цѣловалъ меня». — «Въ праздникъ Сукотъ я видѣлъ почившаго дѣда моего. Онъ меня благословлялъ. И затѣмъ просилъ я его научить меня мудрости, и онъ отвѣчалъ мнѣ, что для этого времени впереди еще много, ибо мнѣ долго суждено жить, и обѣщалъ впоследствии сообщить мнѣ тайны, скрытыя въ буквахъ алфавита». — «Я видѣлъ во снѣ рабби Менделя изъ Палестины (Менделя Витебскаго), который гостилъ у меня вмѣстѣ съ другими прѣзжими изъ Заслава и изъ Россіи (Бѣлоруссіи). По окончаніи трапезы я предложилъ р. Менделю чашу для благословенія, но прежде чѣмъ взять въ руки чашу, онъ сталъ распѣвать стихи Пѣсни Пѣсней, не съ начала, а съ середины, и на каждый стихъ говорилъ толкованія, конкъ я не могъ слышать, такъ какъ они были произнесены скороговоркою. Послѣ этого онъ выскочилъ изъ-за стола, сталъ посреди комнаты и принялся плясать и кружиться, изъ всѣхъ силъ, а затѣмъ онъ повелъ меня въ другую маленькую горницу и тамъ вмѣстѣ со мною восторженно плясалъ въ священномъ наступленіи»... «Мнѣ снилось въ 1780 году, что мнѣ сбрили волосы на головѣ; это значитъ, что я прославлюсь»¹.

Эти сны нѣсколько напоминаютъ собою «Видѣнія» знаменитаго палестинскаго каббалиста XVI в. Хаима Витала (ה"חיים ויטאל); но тамъ фантазія грандіознѣе и богаче, и сами сновидѣнія искусственнѣе, ближе къ галлюцинаціямъ, чѣмъ здѣсь. Сны Эфраима Судилковскаго — простые, скромные, безкитостные, какъ и сама личность сновидца. Между ними и снами Витала та же разница, что между сердечнымъ мистицизмомъ хасидовъ и превыспреннимъ, головнымъ мистицизмомъ каббалистовъ... Простота, задушевность, мечтательность, не чуждая суевѣрія, глубокое, всю душу проникающее смиреніе — вотъ главные нравственныя свойства природы Эфраима, наследственно перешедшія къ нему отъ его славнаго дѣда. Конечно, ему недоста-

¹ Тамъ же, стр. 177—178.

вало другихъ отличительныхъ качествъ Бешта—оригинальности и извѣстнаго рода глубокомыслія, духовнаго творчества, умѣнія воспламенять сердца своею проповѣдью. Этимъ объясняется, почему Эфраимъ, не смотря на свое высокое происхожденіе, занималъ лишь второстепенное мѣсто среди вождей хасидской секты и не прославился ни въ роли пропагатора или главы школы, ни въ роли практическаго цадика: для первой роли ему недоставало выдающихся умственныхъ качествъ; для второй—нравственныхъ качествъ... отрицательныхъ, недоставало тщеславія, властолюбія и извѣстной степени криводушія.

Совершенно инымъ характеромъ отличались личность и дѣятельность второго внука Бешта—*Боруха Тульчинскаго* или *Меджибожскаго*. Въ этомъ человѣкѣ, при отсутствіи особенно выдающихся качествъ ума, дружно сочетались всѣ названныя сейчасъ отрицательныя нравственныя качества. Вслѣдствіе этого и карьера его сложилась совершенно иначе, чѣмъ карьера брата его, Эфраима Судилковскаго.

Въ теченіе слишкомъ тридцати лѣтъ (1780—1810 г.) Борухъ игралъ роль крупнѣйшаго практическаго цадика въ Подоліи и первосвященника всѣхъ подольскихъ хасидовъ ¹. Онъ жилъ сначала въ подольскомъ м. Тульчинѣ, а затѣмъ переселился въ свой родной городъ Меджибожь—бывшую резиденцію Бешта. Умственное образованіе его было крайне ограниченное. Въ отрочествѣ онъ былъ баловнемъ меджибожскаго хасидскаго кружка, гдѣ его дѣдъ былъ кумиромъ, но изъ этого кружка онъ вынесъ не глубокое пониманіе сути хасидскаго ученія, а только любовь къ внѣшней, церемоніальной сторонѣ этого ученія. Въ шумной, восторженной молитвѣ, въ бѣшеной экзальтаціи, въ полномъ вытѣсненіи разума чувствомъ и въ догматѣ самодержавія цадиковъ полагалъ онъ всю сущность хасидизма ². О необычайной страстности и чудачествахъ Боруха рассказываютъ удивительныя вещи.

¹ Годъ его смерти можно опредѣлить лишь приблизительно. Достоверно вѣдомо только, что въ 1809 г., когда умеръ Левъ-Ицхокъ Бердичевскій, Борухъ былъ еще въ живыхъ. См. т. VII ч. 76, стр. 25.

² См. „Воспоминанія“ Готлобера, въ томъ же т. 1880 г., стр. 312.

Молился онъ неистово, до наступленія и потери самочувствія. Любимымъ его чтеніемъ была Соломонова *Пѣснь Пѣсней*. Въ этомъ страстномъ диерамбѣ любви (который преданіемъ понимается аллегорически—въ смыслѣ мистической, духовной любви къ Богу) находилъ онъ исходъ своей кипучей религиозной страсти, и въ лирическихъ монологахъ чудной *Пѣсни* наливалъ онъ восторги души, равнейшей къ небу. Легенда рассказываетъ, что въ такія минуты Ворухъ казался весь какъ бы охваченнымъ огнемъ: лицо пылало, тѣло дрожало какъ въ лихорадкѣ, и голосъ потрясалъ слушателей до глубины души. Многіе изъ окружавшихъ цадика не выдерживали такого зрѣлища и падали въ обморокъ, или заблаговременно удалялись, чуя близость грозы ¹. Этотъ шумный экстазъ вызывался въ Ворухѣ, повидимому, не столько глубокимъ внутреннимъ чувствомъ, сколько внѣшними, механическими или физическими приѣмами; онъ зажигался не изнутри, а извнѣ. Но на окружающую, на слѣпо вѣрующую толпу эта блестящая шумиха производила самое сильное впечатлѣніе: она оглушала, возбуждала нервы и дѣйствовала заразительно. Ворухъ прослылъ «святѣмъ», «ангеломъ во плоти»; говорили, что въ него переселилась душа царя Соломона (чѣмъ объясняли его страстный восторгъ при чтеніи Пѣсни Соломоновой), приписывали ему чудотворную силу и прославляли имя его по всей Подоліи ². Эту славу значительно увеличивало высокое въ глазахъ хасидовъ происхожденіе Воруха—и такимъ образомъ внукъ Вешта сталъ однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ цадиковъ, любимѣйшимъ идоломъ хасидской секты.

Роль цадика Ворухъ исполнялъ очень ловко и умѣло, съ тою виртуозностью, которая выработалась лишь въ позднѣйшее время, но въ концѣ прошлаго вѣка была еще въ рѣдкость. Въ первые годы своего «царствованія» онъ разтѣзжалъ по разнымъ городамъ Подоліи, собирая въ изобиліи деньги и подарки съ многочисленныхъ своихъ приверженцевъ. Его вездѣ принимали съ восторгомъ; богатые и знатные люди до-

¹ См. лѣтъ 77, стр. 23, и рассказъ галиційскаго цадика Гурна Зелчовскаго въ кн. вѣтъ 18, стр. 18—17.

² Тамъ же, стр. 24—25.

бывались его благосклонности; толпа искала у него чудесъ и «спасенія». Доходы его были громадны. Выѣзжалъ онъ въ великолѣпныхъ каретахъ, въ сопровожденіи большой свиты и дворни. «Дворъ» его въ Меджибожѣ отличался особенною пышностью. Тамъ постоянно шли шумные пиры, веселыя попойки и пляски, постоянно гудѣла толпа восторженныхъ хасидовъ, которые въ такихъ вакханаліяхъ, освящаемыхъ присутствіемъ великаго цадика, видѣли какой-то мистическій религиозный культъ. «Дворъ» Боруха напоминалъ отчасти дворы владѣтельныхъ особъ, польскихъ магнатовъ и вельможъ. Рассказываютъ даже, что цадикъ имѣлъ при себѣ придворнаго шута; на немъ лежала обязанность развлекать по временамъ своего господина и его компанію. Этого шута звали *Гиршелемъ изъ Острополя*. Гиршель былъ человекъ себѣ на умѣ, хитрый и пронырливый малый. Онъ насковъ видѣлъ своего патрона и умѣлъ подлаживаться къ нему. Когда нужно было, онъ прикидывался скоморохомъ, выдѣлывалъ разные забавныя штуки и развешивалъ цадика, который часто бывалъ не въ духѣ или сердился. Иногда же Гиршель исполнялъ роль юродиваго и съ улыбкою, съ шутками и прибаутками высказывалъ своему господину самыя горькія истины, упрекалъ его за разгульный образъ жизни, за корыстолюбіе, криводушіе и т. п. Обыкновенно это сходило ему съ рукъ, такъ какъ шутъ выбиралъ для такихъ рѣчей удобныя минуты, когда цадикъ бывалъ навеселѣ, подъ хмѣлькомъ. Но наконецъ шутъ поплатился за свою смѣлость. Однажды, когда при многолюдномъ собраніи Гиршель принялся за свои шутливыя обличенія, цадикъ, задѣтый за живое, также шутя приказалъ своимъ приближеннымъ вывести шута и скатить его съ высокой лѣстницы. Сильно охмѣлѣвшіе хасиды не замедлили исполнить приказаніе своего начальника. Бѣднякъ получилъ при паденіи сильныя ушибы, сталъ хворать и наконецъ умеръ¹. По этому разсказу можно судить приблизительно, какіе нравы господствовали при «дворѣ» меджибожскаго цадика.

¹ *Воспоминанія* Готлобера. Авторъ утверждаетъ, что въ народѣ до сихъ поръ еще ходятъ анекдоты о полонгахъ Гиршеля, о его шуткахъ и вопляхъ.

Но Борухъ не довольствовался самодержавною властью въ одной только Подолии. Властолюбіе его искало болѣе широкой арены. Будучи внукомъ Бешта и живя въ священномъ городѣ хасидизма, онъ возмнилъ, что ему подобаешь быть верховнымъ главою надъ всею хасидскою сектою и надъ всѣми цадиками. Онъ, повидимому, домогался роли Бера изъ Межирича. Конечно, верховенство было уже невозможно въ концѣ прошлаго столѣтія, когда децентрализація хасидской іерархіи уже рѣзко обозначилась и шла все болѣе усиливаясь, благодаря новымъ внѣшнимъ условіямъ, въ родѣ раздѣловъ Польши, распаденія хасидской секты на фракціи и т. п. Но эти препятствія не остановили властолюбиваго Боруха, а еще болѣе раздражали его. Стоило какому нибудь цадикѣ возвыситься и приобрести популярность, чтобы уже тѣмъ самымъ нажать себѣ въ Борухѣ отчаяннаго врага. Онъ имѣлъ постоянныя столкновенія съ современными ему цадиками, и особенно враждовалъ съ двумя крупнѣйшими представителями тогдашняго духовенства: съ главою украинскихъ хасидовъ Леви-Ицхокомъ Бердичевскимъ и съ великимъ вождемъ литовско-бѣлорусскихъ хасидовъ Зальманомъ Лядыйскимъ¹.

А между тѣмъ, какъ уже сказано, личные заслуги Боруха нисколько не соответствовали его безмѣрному властолюбію. Онъ не имѣлъ рѣшительно никакихъ интеллектуальныхъ дарованій, по крайней мѣрѣ ни въ чемъ таковыхъ не проявилъ. Онъ ничего не писалъ по догматикѣ хасидизма, и изъ проповѣдей его сохранились лишь нѣкоторые незначительные отрывки, записанные не самимъ цадикомъ, а нѣкоторыми изъ его усердныхъ поклонниковъ и обнародованные лишь спустя долгое время послѣ его смерти². Подлинность этихъ отрывковъ нельзя считать вполне доказанной. Еще болѣе апокрифично происхожденіе опубликованнаго недавно собранія изреченій Боруха и

¹ חסידות תורה, стр. 25. „Воспоминанія“ Готлобера, стр. 313 и сл., תולדות חסידות, стр. 78 и сл. Споры эти относятся къ позднѣйшему времени, и мы въ своемъ мѣстѣ расскажем о нихъ подробно.

² Отрывки изъ проповѣдей Боруха Меджибожскаго напечатаны впервые только въ 1851 г., въ видѣ предложенія къ книгѣ Авраама Малаха חסידות תורה (стр. 99—116 въ лежащемъ передъ нами варшавскомъ изданіи 1883 г.).

преданій о немъ, найденныхъ будто бы въ одной старинной рукописи ¹. Однако, нѣкоторые изъ этихъ таинственныхъ реликвій, если даже дошли до насъ не въ совершенно точномъ видѣ, довольно характерны и часто рисуютъ нравственный обликъ Боруха въ вѣрныхъ, новидимому, чертахъ. Если въ этихъ изреченіяхъ слова не принадлежатъ Боруху, то *духъ* его, вѣроятно, сохранился въ нихъ въ большей или меньшей степени. Что же касается преданій, то они, помимо вопроса объ ихъ достовѣрности, просто интересны какъ народныя сказанія, какъ ясные отголоски дѣйствительныхъ явленій. Вотъ въ общихъ чертахъ портретъ Боруха на основаніи этихъ преданій.

Въ ранней юности, —говоритъ легенда, —Борухъ уже приобрѣлъ любовь и уваженіе главнѣйшихъ сподвижниковъ своего дѣда. Беръ изъ Межирича называлъ отрока «феноменомъ», а Пинхасъ Корецкій, будучи въ преклонныхъ лѣтахъ, почтительно вставалъ съ мѣста при видѣ юнца, прорицая его будущую великую роль ². Надо, однако, думать, что въ болѣе зрѣломъ возрастѣ избалованный внучекъ Бешта не оправдалъ этихъ ожиданій. По крайней мѣрѣ мы не слышимъ восторженныхъ отзывовъ о немъ отъ позднѣйшихъ современниковъ и оверстниковъ; но за то онъ самъ восхваляетъ себя, и подчасъ весьма неумѣренно. Такъ, онъ говоритъ о себѣ: «Для моей души ничего нѣтъ скрытаго и всѣ тайны богословія открыты мнѣ». «Еслибъ я узналъ, что нарушилъ въ жизни хоть одну талмудическую заповѣдь, я бы не захотѣлъ жить». Однажды, въ полупраздничный день 15-го швата, Борухъ, будучи въ веселомъ настроеніи, рассказывалъ своимъ приближеннымъ видѣнный имъ наканунѣ сонъ. За длиннымъ столомъ возсѣдали во царствіи небесномъ великіе праведники всѣхъ временъ; председательствовалъ древній каббалнотъ рабби Симонъ бенъ-Юханн, авторъ священнаго «Зогара».

¹ מכתב מכתוב, т. е. *Лучезарный факелъ*: собраніе изреченій рабби Боруха изъ Межибожа, внука Бештова, и чудесныхъ рассказовъ о его подвигахъ. Издано впервые во Львовѣ, въ 1880 г., а вторично — въ Петроковѣ, въ 1889 г., въ дополненномъ видѣ. Издатель, вѣкій Нахманъ изъ Бара, снабдилъ книгу рекомендаціями извѣстныхъ современнахъ падиговъ (Садогурскаго, Гусятинскаго и т. п.), свидѣтельствующихъ о подлинности книги.

² Назв. кн., стр. 49 сл. (2-го изданія).

И сталъ рабби Симонъ читать присутствующимъ правоученія, и даже разъ воскликнулъ: развѣ вы такъ служите великому и страшному Богу, какъ служить подобаетъ?! «И я,—разсказываетъ Борухъ,—побѣднѣлъ отъ страха. Тогда рабби Симонъ бенъ-Иохан всталъ и, приблизившись ко мнѣ, стоявшему въ концѣ стола, дружески похлопалъ меня по плечу и сказалъ: «Воруха-сердце, не теби подразумѣваю я, ибо ты—современный челоутокъ!»¹. Это самохвальство нисколько не мѣшало Боруху приписывать себѣ качество прямо противоположное—скромность. Однажды онъ такъ выразился: «Если въ мірѣ тысяча скромныхъ людей, то я одинъ изъ нихъ; если же ихъ всего двое, то я одинъ изъ этихъ двухъ»². Превознося себя, Борухъ вмѣстѣ съ тѣмъ хулитъ своихъ коллегъ, т. е. конкурентовъ. «Однажды говорилъ онъ о знаменитыхъ своихъ современникахъ и гнѣвался на нихъ чрезвычайно, и утверждалъ, что они облакаются въ неподобающія имъ ризы, что имъ не къ лицу поучать народъ въ духѣ Каббалы и молиться сосредоточенно». «Однажды сидѣлъ онъ (Борухъ) за столомъ въ присутствіи многихъ надиковъ. И сталъ онъ поносить и унижать праведниковъ, умершихъ уже за сто лѣтъ передъ тѣмъ. И удивились всѣ присутствовавшіе»³. Эта рѣзвость въ отмывахъ о другихъ и чрезмѣрная самонадѣянность должны были нажить Боруху много враговъ. Это подтверждается и хасидскимъ преданіемъ. «Когда онъ уѣхалъ изъ Тульчина, онъ сильно сердился на своихъ противниковъ и опасался, что они за него будутъ наказаны свыше». «Злые люди» иногда приходили къ нему, чтобы «смѣяться надъ нимъ»⁴. Въ сохранившемся письмѣ Боруха къ извѣстному Менделю Витебскому, посланномъ изъ Тульчина, но неизвѣстно когда, встрѣчаются нѣкоторые любопытныя свѣдѣнія объ общественныхъ отношеніяхъ Боруха. Послѣдній извѣщаетъ, что съ самаго пріѣзда въ Тульчинъ онъ обремененъ безчисленными заботами о своей паствѣ, которая

¹ Ibid., стр. 43 и 47. Послѣднія слова приведены на разговорномъ еврейскомъ языкѣ.

² Ibid., стр. 43.

³ Ibid., стр. 48 и 38.

⁴ Ibid., стр. 22 и 46.

не перестаетъ обращаться къ нему «и за большимъ, и за малымъ», что онъ не можетъ отказывать просителямъ, хотя чувствуетъ свою немощь въ подобныхъ дѣлахъ; жалуется на свое здоровье и молитъ Бога спасти его «отъ зависти ученыхъ» и т. д. ¹. Это было, повидимому, въ самомъ началѣ карьеры Боруха; но въ послѣдствіи онъ вышелъ въ свою роль цадика, не стѣснялся общіемъ «просителей», хорошо вознаграждавшихъ за трудъ, и самъ сталъ завистникомъ и интриганомъ. Живя въ Тульчинѣ, Борухъ часто совершалъ поѣздки въ Меджибожъ для поклоненія гробу Вешта ². Съ братомъ, Эфраимомъ Судилковскимъ, онъ видѣлся лишь нарѣдка; возможно, что и не совоёмъ ладилъ съ нимъ.

Изреченія Боруха рѣдко отличаются оригинальностью; но въ нѣкоторыхъ онъ самъ какъ бы неволью характеризуетъ себя довольно мѣтко. Къ нему часто обращались съ просьбою читать какую нибудь проповѣдь или поученіе экспромтомъ; но онъ подъ разными предлогами отклонялъ такія просьбы, сознавая ограниченность своего ума. Однажды въ отвѣтъ на такую просьбу, высказанную Пинхасомъ Корецкимъ, Борухъ отвѣтилъ слѣдующимъ стихомъ изъ «Пѣсни Пѣсней»: «Сестра у насъ мала и сосцовъ нѣтъ у нея; что же станемъ дѣлать съ сестрою нашей, когда будетъ говорено о ней?» Стихъ этотъ, по мнѣнію Боруха, можно толковать аллегорически, понимая подъ словомъ «сестра» мудрость человѣческую (согласно пословицѣ Соломоновой: «Скажи мудрости: ты—моя сестра»), и тогда приведенный стихъ значить: «Мудрости у насъ мало, а сосать ей неоткуда, т. е. не отъ кого учиться; что же мы станемъ дѣлать съ нашей мудростью, когда мы всю ее выскажемъ? Вѣдь тогда намъ ничего не останется!» ³. Остроуміе — плоское, но характерное. Запасъ «мудрости» дѣйствительно былъ у Боруха не великъ, и онъ естественно долженъ былъ экономно расходовать его. Любовь къ книгамъ, къ мышленію, къ уединенію—не была ему свойственна. Уединеніе онъ даже осуждалъ, какъ нѣчто грѣховное. «Иной,—говоритъ онъ,—сидитъ но цѣлымъ

¹ Ibid., стр. 52—53. . .

² Ibid., стр. 48.

³ Ibid., стр. 9.

днямъ вваперти въ своей комнатѣ и постоянно учится, и не выходитъ на улицу, чтобы разговаривать съ людьми: такой человѣкъ называется нечестивымъ, ибо сказано: «Не будь нечестивцемъ про себя!» (*Аבותъ*, гл. II), т. е. не сдѣлайся нечестивымъ черезъ то, что ты всегда живешь съ самимъ собою». Нужно всегда быть въ веселомъ настроеніи, такъ какъ «грусть портитъ даже человѣку въ дѣлѣ заработка»¹. Эти заветы самъ Борухъ, какъ извѣстно, ревностно соблюдалъ: жилъ весело, учился мало, постоянно находился въ пріятномъ обществѣ и «въ дѣлѣ заработка» не былъ отъ этого въ накладѣ...

Вообще Борухъ представляетъ собою первообразъ позднѣйшаго *украинскаго* цадика, со всѣми непривлекательными, отталкивающими чертами этого типа. Это — знаменательный историческій фактъ. Внукъ Бешта, воссѣдавшій на престолѣ своего славнаго дѣда, въ его резиденціи, воплощалъ уже собою грядущее вырожденіе хасидизма. На мѣстѣ смиреннаго и честнаго плебея, бевкорыстно проповѣдывавшаго людямъ свое возвышенное вѣроученіе, сидѣлъ гордый духовный сановникъ, торговавшій своею наружною святостью, стремившійся только къ власти, почестямъ и богатству, вопреки заповѣдямъ этого самаго вѣроученія, котораго онъ является официальнымъ представителемъ. И это былъ родной внукъ основателя хасидизма! Какая глубокая иронія исторіи!..

Былъ въ то время на Украинѣ еще одинъ человѣкъ, который съ не меньшимъ правомъ, чѣмъ внукъ Бешта, могъ претендовать на роль верховнаго цадика. То былъ *Абраамъ Малахъ*, сынъ Бештова преемника и перваго верховника, Вера изъ Межирича. Но этотъ человѣкъ и не желалъ, и не умѣлъ пользоваться выгодами своего происхожденія, и всю свою жизнь провелъ тихо, уединенно, вдали отъ шумныхъ хасидежскихъ кружковъ и отъ торжища практическаго цадикства.

Это была загадочная натура, существо не отъ міра сего. Современники прозвали Авраама *Амеломъ* («Малахъ») за его

¹ Ibid., стр. 12 и 16.

святую жизнь и отчужденность отъ свѣта. При жизни своего знаменитаго отца и среди членовъ замѣчательнаго межиричскаго кружка, Авраамъ былъ какъ-то непримѣтенъ и ничѣмъ себя не заявилъ. Повидимому, онъ уже въ юномъ возрастѣ обнаружилъ затворническія наклонности и неспособность къ практической дѣятельности. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что Беръ не только не передалъ ему, какъ единственному сыну, верховной власти надъ хасидами, но даже не сумѣлъ его пристроить гдѣ либо въ качествѣ обыкновеннаго падики. Послѣ смерти Бера мы видимъ Авраама въ м. Ганиполь, гдѣ онъ живетъ совершеннымъ отшельникомъ, занимается «тайною мудростью» и слыветъ святымъ, недоступнымъ для простыхъ смертныхъ. Въ этомъ уединеніи посѣщали его только нѣкоторые избранные падики, изъ которыхъ самыми близкими къ нему были Зальманъ Лядыйскій и Нохумъ Чернобыльскій. Первый былъ его закадычнымъ другомъ и товарищемъ еще со школьной скамьи въ Межиричѣ и, по смерти Бера, долгое время занимался съ нимъ изученіемъ Талмуда и Каббалы; второй былъ, повидимому, практическимъ совѣтчикомъ Авраама, котораго былъ многими старше и, конечно, опытнѣе. Этотъ Нохумъ выхлопоталъ Аврааму мѣсто проповѣдника въ м. Фастовѣ (Кіев. губ.). Но и тутъ, не смотря на свое официальное положеніе, Авраамъ жилъ въ строгомъ уединеніи и никого изъ народа къ себѣ не допускалъ. Онъ весь погрузился въ изученіе мистическихъ книгъ и въ соверпаніе выснихъ міровъ. Его отталкивала земная жизнь съ ея суетою; онъ рвался къ небу. Да и не долго приходилось ему томиться въ сей юдоли плача. Проживъ всего нѣсколько лѣтъ въ Фастовѣ, онъ тихо скончался, повидимому, не въ пожиломъ еще возрастѣ (приблизительно въ 1780-хъ годахъ) ¹. «И ходилъ Енохъ предъ Богомъ; и не стало его, потому что Богъ взялъ его» (Бытіе, V, 24),— вотъ, можетъ быть, самая вѣрная характеристика этой загадочной, неземной природы, для которой—

¹ Нѣкоторыя черты жизни Авраама Малаха разбросаны въ сочиненіяхъ: חסידות, т. 12 и 13; חסידות גדולה, стр. 29; „Воспоминанія“ Готлобера и въ хасидскихъ апокрифахъ.

... „Звукомъ небесъ замѣнить не могли
Скучныя пѣсни земли“.

Авраамъ Малахъ оставилъ послѣ себя небольшую рукопись, которая долгое время хранилась у его наследниковъ и издана была впервые лишь въ 1851 г. ¹. Это сочиненіе наполнено отвлеченными каббалистическими разсужденіями о космогоніи, о десяти «сефиряхъ», объ эманации и т. п. Изрѣдка попадаются чисто-хасидскія разсужденія. Характерными для личности и возрѣній автора являются два мѣста въ его книгѣ. Въ одномъ мѣстѣ, въ началѣ предисловія, авторъ жалуется на то, что «истинная мудрость, называемая Каббалю, въ наше время, за грѣхи наши великіе, весьма затемнилась и приняла образъ матеріалистическій, грубо-чувственный», между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ она представляетъ собою тончайшую религіозную метафизику. «Да и не только Каббала, — продолжаетъ сѣтовать авторъ, — но и возвышенное хасидское ученіе, открытое намъ недавно великими учителями для спасенія душъ нашихъ, стало въ послѣднее время пониматься превратно и такъ же все болѣе и болѣе матеріализируется» ². Въ этихъ словахъ нельзя не видѣть протеста благородной и чистой души противъ начавшагося вырожденія хасидизма, противъ безобразнаго пьянаго разгула во имя «служенія Богу» и противъ грубаго идолопоклонства, выравившагося въ культѣ цадиковъ. Въ другомъ мѣстѣ авторъ, различая два разряда цадиковъ — практиковъ и теоретиковъ, — говоритъ слѣдующее относительно послѣдняго разряда: «Бываетъ иногда цадикъ возвышенный духомъ, который не можетъ руководить людьми своего поко-

¹ Она напечатана въ Черновцахъ, подъ заглавіемъ «Талмудъ» («Милость Аврааму»), съ одобренія автора, знаменитаго Израиля Ружинскаго. Подлинная рукопись, хранившаяся у послѣдняго, затерялась, какъ видно изъ одобренія, во время суматохи, предшествовавшей гонанію Израиля изъ Россіи. Книга напечатана по списку съ оригинала, найденному издателемъ у другого потомка Авраамъ, Аарона Черновильскаго. Второе изданіе вышло въ Варшавѣ, въ 1883 г. Въмѣстѣ съ сочиненіемъ Авраамъ Малаха, въ видѣ приложений, напечатаны отрывки изъ проповѣдей вилестинскаго цадика Авраамъ Калексера и Воруха Меджибожскаго, а также малкіе отрывки изъ писемъ нѣкоторыхъ другихъ цадиковъ.

² «Талмудъ», стр. 3.

лѣнія, потому что это поколѣніе не понимаетъ его и не постигаетъ его великой миссіи... Подобно царю Саулу, который на цѣлую голову былъ выше всего народа, этотъ цадикъ выше всѣхъ современниковъ своихъ и до того погруженъ въ созерцаніе божественной мудрости, что не можетъ спуститься на низшія ступени, дабы поднять стоящихъ тамъ людей»¹. Такимъ именно цадикомъ былъ самъ Авраамъ, который въ этихъ словахъ бессознательно, можетъ быть, очертилъ собственный свой характеръ. Онъ былъ исключительно религіознымъ мыслителемъ и созерцателемъ-мистикомъ, и поэтому не могъ быть ни «руководителемъ», ни «практическимъ» цадикомъ.

Совершенно противоположными свойствами отличалось его потомство, которому еще предстояло играть выдающуюся роль въ исторіи хасидизма. Уже родной сынъ Авраама измѣнилъ правиламъ своего отца. *Шаломъ изъ Погребница* (такъ звали этого сына) велъ уже образъ жизни завятаго цадика и, подобно Воруху Меджибожскому, имѣлъ свой «дворъ» и свои обширныя владѣнія. Изъ сыновей Шалома во второй четверти XIX в. прославился *Израиль Ружинскій*, извѣстный своею безграничною властью надъ юго-западными хасидами и своею трагическою участью подъ конецъ жизни, когда, гонимый русскимъ правительствомъ, онъ вынужденъ былъ перенести свою резиденцію изъ Украйны въ Галицію (ок. 1850 г.). Вообще династія Бера изъ Межирича всегда занимала видное мѣсто среди прочихъ цадикскихъ династій и прославилась больше всего своею практическою, административною дѣятельностью. Единственнымъ исключеніемъ въ этомъ отношеніи былъ охарактеризованный нами сейчасъ сынъ основателя династии, Авраамъ «Ангель»,—этотъ загадочный Енохъ хасидизма, который не былъ рожденъ для суеты земной и заблаговременно былъ «взятъ на небо».

С. Дубновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹ Тамъ же, стр. 14.
Восходъ, кн. 12.

ВЪ ДУХЪ ВРЕМЕНИ.

РОМАНЪ.

(Окончаніе).

—
XVII¹.

Когда омнибусъ съ пессимистическою компаніей вѣхалъ на ухабистую мостовую города Румпенгейма, пассажиры тотчасъ убѣдились, что рассказы ихъ возницы не были преувеличены. Рабочіе бумажной фабрики Шлейхмюллера дѣйствительно прекратили работу, и во многихъ другихъ заведеніяхъ ожидалось то же самое. Но, по странному случаю, неудовольствіе всѣхъ этихъ людей было направлено не противъ ихъ опустѣлыхъ фабрикъ, а противъ госпиталя, который они видимо снова собирались атаковать.

Пристройка къ госпиталю была готова и щегольской видъ ея выштукатуренныхъ стѣнъ и глядѣвшихъ на улицу свѣтлыхъ оконъ казался слонявшимся безъ дѣла нѣмецкимъ рабочимъ насмѣшкою надъ ихъ нуждой. Имъ хотѣлось разнести по камню эти стѣны, такъ чисто и хорошо выведенныя безъ ихъ содѣйствія. Не для однихъ рабочихъ, но и для худшихъ элементовъ изъ бургерства, подстрекавшихъ чернь, еврей во главѣ госпиталя былъ бѣльмоу на глазу; а разъ имя его было замѣшано въ подлогѣ, враги его утверждали, что онъ былъ въ заговорѣ съ агентомъ, продававшимъ фальшивыя облигаціи.

¹ См. „Восходъ“, кн. XI.

Уже въ предшествовавшую ночь въ городѣ были шумные безпорядки. Подростки изъ уличной черни цѣлый вечеръ ходили по улицамъ, распѣвая: „Жиль-быль жидъ по имени Исаакъ“ — и отъ времени до времени въ пустынныхъ и темныхъ улицахъ раздавалось страшное: „Гепъ, гепъ, гепъ!“ Въ кабакахъ вплоть до утра происходило пьянство и грѣшли ругательства. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, полицейскій комиссаръ посоветовалъ директору госпиталя уѣхать на нѣсколько дней изъ города, покуда общественное мнѣніе не успокоится.

— Уѣзжайте сами, если хотите, — насмѣшливо отвѣтилъ еврей, — или переодѣнитесь въ гражданское платье, чтобы лучше скрыться; а я останусь на моемъ посту.

— Однако, для вашихъ паціентовъ было бы гораздо полезнѣе, если бы вы оставили вашъ постъ, — съ досадой возразилъ комиссаръ. — При такомъ страхѣ и тревогахъ они не могутъ поправиться.

— Это правда, — холодно сказалъ Геннегауеръ, — и такъ какъ полиція не можетъ или не хочетъ подавить безпорядковъ, то я отравилъ по домамъ всѣхъ больныхъ, которые могли вставать. Тѣ немногіе, которые остаются, скрыты въ заднемъ флигелѣ. Я сдѣлалъ все, что предписывалъ мнѣ мой служебный долгъ; теперь дѣло за вами.

Сказавъ это, тайный совѣтникъ Геннегауеръ отпустилъ полицейскаго вразумительнымъ движеніемъ руки. Тотъ ушелъ, проклиная сквозь зубы жидовъ.

День прошелъ сравнительно спокойно, но, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, подъ вечеръ, когда пошатавшіеся рабочіе начали расходиться изъ мастерскихъ, шумъ возобновился. Когда omnibusъ въѣзжалъ въ городскія ворота, на улицахъ уже раздавалось пѣніе „И-и-исаакъ“ — и густыя толпы черни тянулись къ госпиталю, ворота котораго охранялись военнымъ постомъ.

— Какъ подумаешь, что одинъ какой нибудь еврей, въ родѣ этого Геннегауера, способенъ перевернуть вверхъ дномъ такое

мирное гнѣздо, какъ нашъ Румпенгейтъ, — замѣтилъ Сигмундъ, глядя въ окно на проходящія толпы. — Съ тѣхъ поръ, какъ началъ хозяйничать здѣсь этотъ семитъ, все пошло вверхъ ногами.

— Чѣмъ же виноватъ Геннегауеръ, что рабочіе бумажной фабрики прекратили работу? — съ горечью, почти съ презрѣніемъ спросила Анжелика.

Сигмундъ ничего не отвѣтилъ, но Васкецеръ промолчалъ:

— Самое лучшее, что могъ бы сдѣлать Геннегауеръ, это какъ можно скорѣе уѣхать изъ Румпенгейма. Всѣми этими удовольствіями мы обязаны ему. Онъ первый возмутилъ здѣшній народъ безцеремоннымъ увольненіемъ каменщиковъ, и съ тѣхъ поръ мы не знаемъ покоя.

— Я могу съ своей стороны подтвердить это, — виѣшался Зауерампферъ съ значительной миной. — Съ перваго же дня госпиталянаго бунта, какъ принято называть эти безпорядки, сталъ повсюду замѣчаться духъ мятежа и неповорности, распространившійся и на учащуюся молодежь. Даже мальчишки-гимназисты сдѣлались болѣе дерзкими и стали выбивать по ночамъ стекла у своихъ учителей.

— Да, мы могли бы объ этомъ поразсказать, — подтвердила рыжая директорша.

„Вѣдннй другъ! — подумала Анжелика, — ты виноватъ даже въ томъ, что ученики выбиваютъ стекла у директора гимназій“.

Все общество въ омнибусѣ съ живостью поддержало инѣше Васкецера, что присутствіе Геннегауера въ Румпенгейтѣ стало невозможнымъ, и что всякій, кто желаетъ ему добра, долженъ совѣтовать ему уѣхать изъ этого города:

Бъ счастію, шальность остановился въ это время близъ квартиры Брауна, и Анжелика съ мужемъ вышли изъ него, иначе молодая женщина не удержалась бы отъ возраженій, что въ ея положеніи было бы неблагодарно. Молча вышла она изъ экипажа, простившись со своими спутниками со всюю любезностью, какъ у

позволяло ея настроеніе духа. Баскецеру она нерѣшительно протянула руку. Она сознавала себя обязанной ему, но не могла простить ему его отношеній къ Геннегауеру, которому онъ былъ всѣмъ обязанъ.

Браунъ съ покровительственнымъ видомъ потрясъ руку старому гофрату, котораго спасъ отъ смерти, и ободрительно похлопавъ его по плечу, сказалъ съ значительнымъ кивкомъ:

— *Perfer et obdura!*

Самъ онъ казался вполне довольнымъ собою. Съ Баскецеромъ онъ, вѣроятно, не простился бы безъ новаго объѣма колкостями, еслибы въ эту минуту не выбѣжали изъ дома дѣти, бурно кинушіяся въ объятія къ матери. Отцу же, съ которымъ они такъ давно не видались, они только робко протянули руку. Намеки служанки и частыя слезы матери навели ихъ молодые умы на заключеніе, что отецъ ихъ сдѣлалъ что-то нехорошее. Они считали его виноватымъ въ томъ, что всѣ дѣвочки оставили ихъ, что они не живутъ болѣе въ чудесномъ саду дяди Геннегауера и что послѣдній уже болѣе не приходитъ къ нимъ, хотя, встрѣчаясь на улицѣ, всегда ласково разговариваетъ съ ними.

Съ совершенно различными чувствами вошли супруги въ свое старое жилище, гдѣ началась ихъ жизнь въ Румпенгеймѣ. Большіе, свѣтлые глаза Анжелики вопросительно и серьезно остановились на разгоряченномъ лицѣ Сигмунда, когда они вошли въ эти покои; но онъ не былъ расположенъ высказываться. Онъ думалъ въ эту минуту не о тяжелыхъ обидахъ, которыя онъ нанесъ своей женѣ, а объ оскорбительномъ тонѣ, который позволялъ себѣ Баскецеръ въ обращеніи съ нимъ наканунѣ и въ этотъ день.

Замѣтивъ, что мужъ дѣлаетъ видъ, какъ будто ничего не извѣстилось со времени его отъѣзда, Анжелика тихо спросила его, доволенъ-ли онъ квартирой.

— Мнѣ все равно, — отвѣтилъ онъ, — лишь бы жиды перестали у меня хозяйничать. Ты видишь, что эти люди на все

оказываютъ разлагающее дѣйствіе. Я надѣюсь, что у насъ съ тобою теперь все пойдетъ по старому, какъ было прежде, чѣмъ этотъ еврей втерся къ намъ.

Въ такомъ способу заглаживать свою вину Анжелика была совсѣмъ не приготовлена. Стало быть, въ концѣ концовъ виноватой оказывается она. Анжелика растерялась отъ этого новаго оскорбленія и со слезами на глазахъ ушла къ дѣтямъ.

Сигмундъ набросился на газеты, чтобы узнать новости дня. Само собою разумѣется, что газеты были полны наусылкѣ на Геннегауера. Онъ навлекъ всѣ бѣды на Румпенгеймъ; онъ первый нарушилъ добрыя отношенія между рабочими и нанимателями; онъ, увольненіемъ служащихъ при госпиталѣ, поколебалъ административный строй и далъ случай мошеннику учинить обманъ, какого еще не бывало въ лѣтописяхъ Румпенгейма.

„Другъ Народа“, въ заключеніе патетической статьи, говорилъ: „Не разъяснено еще, тождественъ-ли тотъ Геннегауеръ, что ибѣялъ въ Гамбургѣ русскія облигаціи, съ намиъ г. Геннегауеромъ. Многіе, конечно, могутъ называться этимъ именемъ, однако, надо признаться, что мы вполне достаточно 'насладились присутствіемъ нашего Геннегауера“.

Когда Анжелика вернулась, чтобы накрыть ужинъ, Сигмундъ съ притворно-равнодушной миной указалъ ей на статью Шмидта. Молодая женщина неохотно взяла газету и то только потому, что ей бросилось въ глаза имя Геннегауера.

— Это еще что за новая ложь? — вскричала она съ негодованіемъ. — Геннегауеръ ибѣялъ украденные билеты?

— Почему ибѣ знать, что это? Я все время отсутствовалъ, — отвѣтилъ Сигмундъ. — Вотъ я найду теперь и посмотрю, что тамъ дѣлается... и чѣмъ можно помочь, — поправился онъ, встрѣтивъ грустный взглядъ жены. Онъ протянулъ ей руку и прибавилъ:

— Не жди меня къ ужину. Неизвѣстно, долго-ли продлится этотъ шумъ.

Анжелика проводила его долгимъ, печальнымъ взглядомъ. Такъ вотъ какимъ онъ возвращается изъ той ямы, изъ которой она его извлекала? Ни одного часа не побылъ онъ съ нею и съ дѣтми. Съ тяжкимъ сердцемъ съла она къ окну, тщетно борясь противъ горечи, поднимавшейся въ ея душѣ. Какая же будущность ждетъ ее, если Сигмундъ такъ легко относится къ своей винѣ? Что ручается ей, что за одною невѣрностью не послѣдуетъ другая?

Но она не хотѣла думать объ этомъ и провела рукою по лбу, чтобы отогнать эти грязныя мысли.

— Пойду къ дѣтямъ, — сказала она себѣ. — Ихъ, по крайней мѣрѣ, никто не отниметь у меня.

Прижавъ дѣтей къ своему сердцу, она стала рассказывать имъ объ ихъ дѣдушкѣ и бабушкѣ, къ которымъ всѣмъ имъ такъ хотѣлось бы уѣхать, а уѣхать нельзя, и о своей собственной молодости; и въ этихъ разсказахъ душа ея нашла себѣ миръ и почерпнула твердость для дальнѣйшихъ испытаній.

Сигмундъ, который въ сущности боялся только оставаться глазъ-на-глазъ со своею женою, безцѣльно бродилъ нѣкоторое время по улицамъ среди шумной черни, прислушиваясь къ ругательствамъ и угрозамъ разнузданной толпы. Наконецъ все это опротивѣло ему и онъ зашелъ въ „Красную Ванню“. Зала была переполнена народомъ и Сигмундъ увидѣлъ за однимъ изъ столовъ Васцера, Врема и Шмидта. Не находя другого свободнаго мѣста, онъ присѣлъ къ этому неприятному трилистнику и тотчасъ обратился къ двумъ журналистамъ, говоря:

— Нахорошо вы дѣлаете, что мутите людей вашими статьями вмѣсто того, чтобы стараться успокоить умы пока еще не поздно.

— Что дѣлать? Намъ не оставляютъ выбора, — отвѣтилъ Шмидтъ, по обыкновенію уминая себѣ руки. — Наберники наши объявили, что они смѣшаютъ прифѣть и бросятъ работу, если мы не примемъ сторону рабочихъ. Я не чувствую никакой охоты

жертвовать собой за Геннегауера, да и вы тоже, — прибавилъ онъ язвительно.

Сигмундъ закурилъ губы, принужденный проглотить эту дерзость послѣ того какъ онъ, по своей безхарактерности, самъ далъ поводъ клеветникамъ нарѣчь честь его жены.

— Конрадъ! Конрадъ! — закричалъ въ эту минуту Васкцеръ сухою, какъ скелеть, челоуѣку съ мрачными лицомъ.

Сигмундъ вспомнилъ, что онъ уже видѣлъ этого челоуѣка на Троицномъ лугу въ обществѣ Васкцера, который разсказалъ ему послѣдствіи его пространную біографію.

Конрадъ угрюмо повернулъ свое костлявое лицо въ сторону маленькаго доктора и окинулъ его компанію мрачными взглядомъ. Однако, отъ протянутой ему Васкцеромъ кружки нива онъ не отказался.

— А, кто былъ правъ? — сказалъ послѣдній. — Не говорите-ли я, что Шлейхмайеръ ликвидируетъ свои дѣла какъ скоро у него останется работа?

— Я предупреждалъ рабочихъ и большинство изъ нихъ не хотѣло вступать въ стачку, — отозвался Конрадъ. — Они требовали только прекращенія ночной работы. Но контора отвѣчала, что водная сила дѣйствуетъ день и ночь и нужно ею пользоваться; что паровой котель долженъ кипѣть день и ночь, и проценты на капиталъ также должны возрастать день и ночь, а поэтому наши требованія ребячески глупы и невыполнимы. Отказъ этотъ взорвалъ нашихъ людей, крикуны одержали верхъ, и тѣ изъ рабочихъ, которые хотѣли продолжать работу, были выгнаны съ фабрики и оставлены безъ всякой поддержки. Конторѣ не трудно было бы договориться съ наиболѣе миролюбивыми изъ нашихъ людей, но она только ждала предлога, чтобы закрыть фабрику.

— Я знаю изъ достовѣрнаго источника, что эта старая лисица Шлейхмайеръ собирается удирать, — шепнулъ Васкцеръ рабочему. — У него земля горитъ подъ ногами въ этомъ городѣ.

Граверъ подозрительно поглядѣлъ на него изъ своихъ глубокихъ орбитъ.

— Почему вы это знаете?—спросилъ онъ.

— Онъ просилъ меня прописать ему леченіе на водахъ,—отвѣтилъ докторъ.—А я, напротивъ, посоветовалъ ему спокойно оставаться на мѣстѣ.

Конрадъ замолчалъ и, казалось, углубился въ самого себя. Потомъ онъ угрюмо кивнулъ Баскоцеру и потерялся въ толпѣ.

— Бухлеръ освобожденъ!—крикнулъ изъ сада сидѣвшій въ комнатѣ чей-то грубый голосъ.—Народъ несетъ его домой на плечахъ!

— Какъ, Кассиръ освобожденъ!—воскликнулъ Шнидтъ.—Ну, значить, виновенъ Геннегауеръ! Пойдемте смотрѣть, какъ будутъ арестовывать жида!

Вся толпа изъ комнаты хлынула къ дверямъ и черезъ нѣсколько минутъ зала опустѣла.

Браунъ остался съ немногими другими и слышалъ, какъ въ сосѣдней улицѣ кричали: „Да здравствуетъ Бухлеръ!“ Въ грун-вахъ шли оживленные толпы. Рассказывали, что невиновность Кассира вполне доказана и самъ прокуроръ освободилъ его частью тому назадъ, обѣщавъ ему полное восстановление его чести.

Чудное звѣздное небо глядѣло на улицы городка, слабо освѣщенныя фонарями, и октябрьская ночь окутывала безпокойный людъ своею прохладною, темною вуалью. Но лишь немногіе счастливицы спали въ эту ночь въ Румпенгеймѣ.

Въ верхнемъ этажѣ госпиталя сидѣлъ въ своемъ креслѣ Геннегауеръ и читалъ письмо изъ Гамбурга. Отъ времени до времени онъ перебиралъ рукою нѣсколько фотографическихъ карточекъ. Положивъ письмо, онъ принялся дѣлательно писать донесеніе прокурору о томъ, что персоналъ Ганзейскаго банка въ Гамбургѣ несомнѣнно призналъ въ прилагаемой фотографіи за № 5 то лицо,

которое въ августѣ гнѣвало въ означенномъ банкѣ русскія облигаціи, выдавая себя за Геннегауера.

Пока директоръ писалъ, съ улицъ доносился по временамъ крикъ „Исаакъ!“ и вслѣдъ затѣмъ слышалось движеніе караульнаго поста у воротъ и торопливый топотъ ногъ въ смежной улицѣ. Иногда раздавалась громкая перебранка между кестомъ и рабочими, отгоняемыми отъ госпиталя. Потомъ все на время стихало, пока издали снова не доносился задорный: „Гепъ! гепъ!“ или „Исаакъ!“

Директоръ прерывалъ свою работу, гнѣвно покачивалъ головой и устремлялъ къ окну ирачный и грустный взоръ. Кончивъ писать, онъ положилъ перо и сказалъ себѣ:

— Ну, теперь г. прокуроръ волей-неволей долженъ будетъ изловить вора. Лишь бы разъяснилось это дѣло, тогда меня уже ничто не удержитъ здѣсь. Тогда, Агасееръ, отправляйся снова въ путь!

Онъ углубился въ спинку кресла и сталъ прислушиваться къ отдаленнымъ крикамъ черни и къ иррнымъ шагамъ часовыхъ подъ окнами.

Въ жилищѣ Брауна также не все спали въ эту ночь. Сигмундъ вернулся изъ „Красной Башни“ слишкомъ возбужденный разговорами и уличнымъ шумомъ, чтобы заснуть. Онъ лежалъ, втянувшись на подушечкѣ, и легко воспламеняющійся мозгъ его работалъ, обдумывая планы, клонящіеся ко благу рабочихъ.

„И въ это жалкое гнѣздо, — размышлялъ онъ, — начинаютъ уже проникать потоки исторической жизни. Обездоленные поднимаются, — а развѣ я не принадлежу къ ихъ числу? Вѣдь и я боролся и бился напрасно, и меня раздавилъ своею пятою жгучій законъ капитала. Будь я милліонеромъ, имѣй я средства продолжать свое образованіе вмѣсто того, чтобы влачить жизнь въ качествѣ домашняго учителя; давай я вечера, на которые собиравались бы вліятельныя лица; будь у меня въ рукахъ деньги

на то, чтобы поддерживать вліятельныя газеты и подкупать ихъ сотрудниковъ, и на то, чтобы объѣзжать европейскія бібліотеки и отыскивать въ нихъ кладн науки.—я былъ бы великимъ Брауномъ, гениальнымъ Брауномъ, „нашимъ“ Брауномъ, а не оставшимъ пасторомъ, недоучившимся журналистомъ и авантюристомъ, какъ теперь. Но трепещите, деснеты, кровосійцы! Я еще покажу вамъ себя. Я пройду на плечахъ обездоленныхъ въ представительное собраніе. Берегитесь, месье блезна!“

И онъ вертѣлся на мягкихъ подушкахъ, сочиня громозбсныя тирады, которыми онъ будетъ разить враговъ съ трибуны и въ печати. Онъ собирався перевернуть новую страницу своей жизни, и уже напередъ видѣлъ ее исписанною достопамятными дѣлами.

Не спалось и Анжеликѣ. Долго прождавъ мужа, она легла поздно и въ то время, какъ сонъ ъѣзалъ отъ ея глазъ, ей пришла въ голову одна мысль, отъ которой она не могла болѣе отвязаться. Она случайно вспомнила въ этотъ день, что буря, поднавшавшая противъ Геннегауера, находится въ связи съ крупнымъ обманомъ, жертвою котораго и ея семья была въ числѣ прочихъ. Вначалѣ изъ неточныхъ объясненій Сигмунда она заключала, что госпитальная касса просто-на-просто обокрадена, и только въ этотъ вечеръ узнала отъ своей хозяйки, что воръ подложилъ вмѣсто настоящихъ кредитныхъ билетовъ фальшивые. Когда она размышляла, въ тишинѣ ночи, объ этомъ обстоятельстве, ей вдругъ словно молнія мелькнула мысль, что воръ—Шлейхмайеръ.

До сихъ поръ она относилась ко всему этому дѣлу довольно равнодушно. У нея было слишкомъ много своего собственнаго горя и своей собственной борьбы съ клеветой, чтобы изыскивать виновниковъ обмана, отъ котораго, правда, пострадала чуть-ли не каждая семья въ городѣ. Но теперь, узнавъ ближе обстоятельства дѣла, она какъ бы по вдохновенію угадала, что хранилось у Шлейхмайера въ томъ таинственномъ подвалѣ, опускную дверь котораго она видѣла весной, когда съ такимъ рискомъ проникла въ

секретное отдѣленіе его склада: это должны были быть или фальшивыя русскія облигаціи или краденныя, настоящія.

Эта мысль лишила ее сна и волновала до такой степени, что она наконецъ встала, чтобы написать Геннегауеру. Но прислушавшись, спитъ-ли Сигмундъ, она услышала въ отворенную дверь ровное дыханіе своихъ дѣтей и мгновенно вспомнила клятву, которую она дала Шлейхмайеру: она поклялась ему жизнью своихъ дѣтей никому не говорить о томъ, что она видѣла въ его складѣ. Какъ парализованная, осталась она сидѣть на своей постелѣ. Она не могла сдѣлать употребленія изъ своего открытія: она связала себя словомъ. Неужели же она пожертвуетъ честию друга? Неужели потернть, чтобы арестованный кассиръ подвергся незаслуженному наказанію? Нѣтъ, нельзя ради вынужденной клятвы допускать величайшей несправедливости. Нужно какъ можно скорѣе разузнать, какая судьба ожидаетъ бѣднаго старика Вюклера. Если его не освободятъ безъ ея вѣнательства, то она обязана вѣстаться вопреки всякимъ клятвамъ. Богъ не принимаетъ такихъ клятвъ.

Она долго еще лежала, волнуемая этими неотступными мыслями, и волненіе это было тѣмъ мучительнѣе, что она должна была лежать смирно, такъ какъ не хотѣла показывать безпокойно вчерашнему Сигмунду, что и она также не спитъ.

Былъ и еще одинъ домъ, отъ котораго сонъ бѣжалъ. Это былъ домъ бывшаго бухгалтера, такъ комфортабельно и щегольски обставленный своимъ владѣльцемъ изъ доставшейся ему доли добычи. Владѣлецъ провелъ этотъ вечеръ въ „Красной Башнѣ“, среди своихъ обычныхъ собутыльниковъ, и какъ человѣкъ, увѣренный въ своей правотѣ, храбро помогалъ ругать Геннегауера. Однако, во временахъ разсѣянное выраженіе лица и частое миганіе вѣкъ будили подозрѣніе, что онъ чувствуетъ себя не совсѣмъ въ безопасности. Въ числѣ посѣтителей находился и тотъ регистраторъ, который получилъ передъ тѣмъ головоломку за излишнюю болтли-

вость. Это не помѣшало ему, однако, повторить на разпросы свой рассказъ о томъ, какъ, согласно официальному заявленію изъ Гамбурга, лицо, иѣвившее тамъ украденныя русскія облигаціи, назвалось Геннегауеромъ, и какъ подозрѣніе, павшее на директора госпиталя, было разсѣяно посылкой его фотографіи. Во время этого разсказа у бухгалтера что-то сдавило горло и онъ съ трудомъ допилъ свой стаканъ пива. Послѣ этого онъ сейчасъ же ушелъ, озабоченный разсказомъ о фотографіи. Онъ сознавалъ, что у него, бухгалтера, не совсѣмъ обычная, мошенническая физиономія. Что, если кому нибудь придетъ въ голову послать въ Гамбургъ его фотографію:—узнають-ли его тамъ?

Занятый этою мыслью, онъ тотчасъ по приходѣ домой открылъ альбомъ, лежавшій въ гостиной, — и окаменѣлъ. Пустое мѣсто рядомъ съ толстою, добродушною физиономіею его жены, какъ молнія, рѣзнуло его глаза. Карточка его исчезла. Онъ немедленно допросилъ жену, дочь, служанку — не брали-ли кто изъ нихъ фотографіи, но никто и не думалъ брать. Жена видѣла ее на ея мѣстѣ еще въ началѣ этой недѣли и не могла понять, отчего такое ничтожное обстоятельство, какъ пронажа фотографической карточки, приводитъ ея мужа въ такую тревогу. Но бухгалтеръ угадалъ инстинктомъ нечистой совѣсти — зачѣмъ приходалъ къ нему тотъ посятитель, который, дожидаясь въ его гостиной, вдругъ исчезъ. Поздно ночью жена еще слышала, какъ онъ всюду искалъ и рылся, а улегшись наконецъ, онъ еще долго вертелся и тяжело вздыхалъ. Проснувшись поутру, она увидѣла его сидящимъ на постелѣ. Онъ жаловался, что во всю ночь не могъ сомкнуть глазъ.

Такую же бессонную ночь провелъ и всѣми уважаемый гражданинъ Шлейхмайеръ. Было уже далеко за полночь, а онъ еще не ложился, и какъ грѣшная душа, не находящая себѣ покоя, бродилъ взадъ и впередъ по своей пустынной конторѣ. И какъ онъ измѣнился, какой жалкій былъ у него видъ! Остерстинная улыбка сошла съ его гладко-выбритого подбородка; лицо приняло

злое, подозрительное выраженіе, глаза безнокойно бѣгали въ глубокнхъ орбитахъ, осѣненныхъ мохнатыми бровями.

Ненного погода, кто-то тихо постучался. Книгопродавецъ вздрогнулъ и осторожно подошелъ къ двери. Когда онъ отворилъ ее, въ комнату вошелъ Конрадъ. Оба молча простояли другъ противъ друга, Шлейхмайеръ—съ боязливымъ, грустнымъ, почти приниженнымъ видомъ; рабочій—съ выраженіемъ ирачной подозрительности и холодной ненависти на изрытомъ морщинами лицѣ.

— Зачѣмъ вы пришли сюда такъ поздно? — подозрительно спросилъ книгопродавецъ, предосторожно вставъ такимъ образомъ, что его отдѣлялъ отъ посетителя круглый столъ.

Костлявыя челюсти Конрада искривлялись язвительною усмѣшкой.

— Я слышалъ, что вы уѣзжаете и спѣшилъ проститься съ вами, — отвѣтилъ онъ насмѣшливо.

Шлейхмайеръ слегка передернулъ плечами.

— Вы получили мое письмо?—грубо спросилъ Конрадъ.

— Да, Конрадъ, — отвѣтилъ книгопродавецъ мягкимъ тономъ, — но я нахожу ваши требованія чрезвѣчными. Я не виноватъ, что ваша работа была такъ плоха, что ее нельзя было сбыть. Вамъ извѣстно, что нашъ компаньонъ чуть-было не попался въ Гамбургъ, служившемъ до сихъ поръ самымъ удобнымъ мѣстомъ для такихъ дѣлъ. А изъ того, что удалось сбыть, вы уже получили условленную долю.

— Изъ госпитальныхъ денегъ я ничего не получилъ, — возразилъ Конрадъ угрожающимъ тономъ.

— Но для этого дѣла я совѣмъ не нуждался въ вашей помощи. Я могъ бы подложить въ пертфали и бѣлую бумагу.

— Которая была бы отворята при первомъ же случаѣ, — возразилъ Конрадъ. — У насъ были основательныя причины предпочесть эту работу. Благодаря ей, обманъ протерпѣлся цѣлые полгода.

— То-есть, до тѣхъ поръ, пока не пришлось отрывать кусо-

новъ. Еслибы банкъ разиѣнялъ ихъ, вы получили бы вашу долю. Чѣмъ же я виноватъ, что банкъ не принялъ ихъ?

— О тѣхъ купонахъ и рѣчи нѣтъ. Вѣдь настоящія-то деньги вы разиѣняли въ Гамбургѣ черезъ бухгалтера.

— За это я долженъ заплатить бухгалтеру, а не вамъ.

— Это ваше послѣднее слово?

— Не знаю, чего вы еще хотите, — отвѣтилъ книгопродавецъ неувѣреннымъ тономъ. — Вы получили пятнадцать тысячъ чистоганомъ.

— Этого мало, чтобы эмигрировать, — пробурчалъ Конрадъ.

— У васъ есть еще домъ, — напомнилъ книгопродавецъ усеконтактельнымъ тономъ.

— Но онъ заложенъ у васъ, — иронически возразилъ Конрадъ.

— Я уже говорилъ вамъ, что пришлю вамъ квитанцію на этотъ залогъ лишь только выберусь благополучно за границу.

— Такъ я вамъ и повѣрилъ! Отчего вы не дасте ее мнѣ теперь?

— Долженъ же я обезпечить себя чѣмъ нибудь противъ васъ.

— Но не сами-ли вы десять разъ доказывали мнѣ, что я вдвое долѣе просижу въ спиритальномъ домѣ за изготовленіе досокъ для фальшивыхъ бумагъ, чѣмъ вы за распространеніе послѣднихъ? — Какого же вамъ нужно еще обезпеченія? — Выдайте мнѣ квитанцію въ полученіи залоговой суммы и прибавьте къ ней десять тысячъ марокъ, или... вѣдь вы знаете, что я не люблю шутить, — добавилъ Конрадъ, приближаясь къ своему собесѣднику.

Шлейхмайеръ вздрогнулъ и со вздохомъ пошелъ въ смежную комнату, гдѣ у него былъ желѣзный шкафъ. Онъ предосторожно заперъ за собою дверь, чтобы граверъ не попалъ на него сади. Немного погодя, онъ вернулся, держа въ рукѣ толстую пачку ассигнацій и листъ бумаги. Это было залоговое свидѣтельство на домикъ Конрада. Затѣмъ, держась какъ можно далѣе отъ гравера, онъ написалъ квитанцію въ полученіи залоговой суммы и сказалъ, проглатывая ее Конраду:

— Если вы теперь же предъявите эту квитанцію нотаріусу, то черезъ 24 часа васъ арестуютъ. Всякій, естественно, спроситъ: откуда могла взаться у васъ именно теперь такая сумма, чтобы выкупить дождь? Вы не знаете, какъ подозрительно теперь всё настроены. И ниѣмъ сотни доказательствъ, что и за мною слѣдятъ. Если вы не хотите провести остатокъ жизни въ смиренномъ дождѣ, то переждите по крайней мѣрѣ пока умы не успокоятся.

— Мнѣ все равно. Я хочу только обезпечить себя съ вашей стороны,—отвѣтилъ рабочій, беря бумагу.

— Стало быть, теперь вы довольны?—сказалъ Шлейхмайеръ тономъ просьбы.

Конрадъ язвительно засмѣялся и направился къ двери.

Книгопролавецъ, блѣдный отъ страха, поглядывалъ ему вслѣдъ и потеръ рукою около сердца, которое въ послѣднее время постоянно мучительно щемило. „Не зналъ я, какъ это тяжело!—подумалъ онъ.—Зналъ бы, такъ ни за что не пустился бы на такіа дѣла. Вѣдь ужъ какъ ясно намекалъ я Васкецеру, чтобы онъ предписалъ мнѣ отъ болѣзни сердца пѣздку въ Италію или во Францію! Такъ нѣтъ! „Оставайся въ странѣ и трудись честно“,—отвѣчаетъ онъ съ какой-то ехидной улыбочкой! И что это, право? Въ каждомъ словѣ слышится мнѣ намекъ, чувствуется опасность. И фабрика-то все еще не продана. Нельзя и ухлать, не возбудить подозрѣній. А въ сущности, что я выигралъ? Не получилъ даже того, за что рассчитывалъ“.

Онъ опустился въ кресло и углубился въ свои мрачныя размышленія, спрашивая себя, что дѣлать, чтобы выйти изъ своего мучительнаго положенія.

Между тѣмъ Конрадъ, съ улыбкой на устахъ, вышелъ изъ дома, проскользнулъ какъ тѣнь около стѣнъ и поворнулъ въ узкій проулокъ, пролегавшій посади княжнаго склада. Въ проулкѣ было совсѣмъ темно; свѣтили только звѣзды. Конрадъ свѣрилъ

шагами протяженію стѣны склада. Дойдя до конца ея, онъ повернулъ назадъ и сталъ измѣрять съ противоположной стороны.

— Вѣрно!—сказалъ онъ себѣ.—Его нора здѣсь. Я не ошибусь.

Однако, онъ еще разъ вымѣрилъ стѣну съ обоихъ концовъ.

— Это приходится какъ разъ противъ домишка прачки,—продолжалъ онъ разсуждать.—Но она цѣлый день занята въ прачешной. А все-таки лучше сдѣлать, что нужно, теперь же.

Онъ присѣлъ на землю возлѣ стѣны, вырвалъ нѣсколько камней изъ рыхлой мостовой и прорылъ рукою небольшую яму подъ стѣну. Затѣмъ онъ досталъ свой ножъ, чтобы съ помощью его отковырять одну плиту отъ старой стѣны склада. Прорывъ такимъ образомъ довольно глубокую нишу, онъ искусно замаскировалъ мусоромъ слѣды своего труда и сказалъ себѣ съ довольнымъ видомъ. „Ну, остальное завтра, когда жена съ дѣтьми будутъ въ безопасности. Не будешь ты болѣе устраивать стачекъ, старій плутъ! Кто насъ предастъ—того и мы предаемъ. Вѣдайся теперь съ прокуроромъ“.

Онъ гордо выпрямился и осторожными шагами вышелъ изъ проулка. Пройдя въ свою тѣсную квартирку, онъ улегся спать между обѣдными кроватями своихъ дѣтей, но сонъ бѣжалъ отъ его злыхъ и безпокойныхъ глазъ, какъ и отъ многихъ другихъ въ эту ночь.

Всѣ они въ одинъ и тотъ же часъ призывали бога сна, отгоняющаго заботы: Браунъ и Анжелика, Геннегауеръ и бухгалтеръ, Шлейхмайеръ и Конрадъ,—всѣ молили о снѣ, но сонъ не приходилъ. И только тогда уже, когда на востоцѣ забрежжилъ свѣтъ, закрылись голубиные глаза Анжелики, и лихорадочные, полу-безумные глаза ея мужа, и темныя, арабскія очи Геннегауера. И Тотъ, Кто равно посылаетъ дождь и добрымъ, и злымъ, и Чье солнце равно свѣтитъ и праведникамъ и грѣшникамъ, смежилъ наконецъ и воровскіе глаза трехъ заговорщиковъ,—бить можетъ, съ тѣмъ, чтобы ктонибудь изъ нихъ проснулся поутру дру-

гнѣть человѣкомъ, неспособнымъ даже понять, какъ могъ онъ выкануть дѣлать то, что онъ дѣлалъ.

XVIII.

Проснувшись на слѣдующее утро, Анжелика немало удивилась найдя своего мужа уже за работой. Онъ стоялъ у окна совсѣмъ одѣтый и дѣлательно писалъ что-то въ своей памятной книгѣ, борюча вполголоса фразы изъ своей будущей рѣчи къ народу. Многоиспытанная женщина не знала чѣмъ объяснить себѣ это необычное трудолюбіе своего лѣниваго мужа, пока не пришла газета „Другъ Народа“, въ которой колоссальными буквами возвѣщалось о предстоявшей въ этотъ вечеръ сходкѣ рабочихъ въ большой садовой залѣ гостиницы „Красной Башни“. При видѣ этого объявленія у Анжелики болѣзненно сжалось сердце. Такъ вот та новая дѣлательность, которую избралъ себѣ ея мужъ для поддержанія своей семьи! Молодая женщина съ минуту размышляла, не поговорить-ли ей съ нимъ объ этомъ, не представить-ли ему свое стѣсненное положеніе, чтобы усовестить его; но затѣмъ беззадежно покачала головой. „Быть можетъ, онъ испытаетъ неудачу со своей рѣчью и тогда охотѣе выслушаетъ меня. Но вѣдь дѣлать онъ все-таки не станетъ ничего путнаго“, — съ горечью сказала она себѣ.

Въ раздумьи причесавъ свои густые, волнистые волосы, она надѣла шляпку и пальто, и отправилась въ бѣльеваго магазинъ, чтобы попросить себѣ работы, надѣясь добывать этимъ способомъ хотя по нѣскольку талеровъ въ мѣсяцъ, такъ какъ объ урокахъ теперь нечего было и думать. Какая же добродѣтельная семья пустила бы ее теперь къ себѣ или стала бы посылать къ ней свое дитя?

За столомъ Сигмундъ былъ возбужденъ и разсѣянъ. Онъ торопливо поѣлъ и тотчасъ ушелъ опять въ свой кабинетъ, чтобы продолжать набрасывать свою рѣчь. Къ вечеру онъ сталъ спой-

нѣе: очевидно, онъ былъ увѣренъ въ успѣхѣхъ своей рѣчи. Онъ ѣлъ съ аппетитомъ, шутилъ съ дѣтьми и сдѣлалъ честь бутылкѣ. Анжелика была блѣдна и разстроена; глаза ея, нагруженные тонкимъ питьемъ, были красны. Браунъ съ невольнымъ участіемъ поглядѣлъ на это нѣжное личико съ тонкими чертами, и сказалъ:

— Теперь все переѣмнится. До сихъ поръ я просилъ, клянчелъ, а теперь буду грозить и гремѣть. Посмотримъ, не окажется ли это средство болѣе дѣйствительнымъ.

— Я что-то не усматриваю, — спокойно возразила Анжелика, — какимъ образомъ твое участіе въ общественныхъ дѣлахъ можетъ доставить намъ хлѣбъ.

— Но я понялъ наконецъ, — съ досадою вскричалъ Сигмундъ, — что нужно требовать себѣ должнаго; нужно доказать, что мы умѣемъ и вредить. Не вѣкъ же давать топтать себя ногами. Надо заставить сдѣлать что нибудь и для насъ. Довольно я ждалъ, чтобы на меня упалъ лучъ милости кого нибудь изъ власть имущихъ! Я самъ буду теперь испускать лучи, и такіе, которые разятъ. Ручаюсь тебѣ, что это подѣйствуетъ.

Анжелика снова усѣлась за свою работу и кротко сказала:

— Не предпринимай ничего насильственного. Ты слишкомъ горячъ для политической дѣятельности. Пожалуй, попадешь въ бѣду.

— Ты никогда не соглашаешься со мною, — съ досадою возразилъ мужъ. — Вотъ и на этотъ разъ ты испортишь мое настроеніе духа въ послѣднюю минуту. На этотъ счетъ ты всегда была мастерицей.

Онъ всталъ, одѣлся, положилъ въ карманъ ключъ отъ наружной двери и ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись.

Въ дверяхъ разнощикъ сунулъ ему въ руки листокъ „Государственнаго Указателя“. Сигмундъ пробѣжалъ глазами первую страничку съ официальными извѣстіями, и съ иронической усмѣшкой сунулъ листокъ въ карманъ. Онъ слѣлалъ длинную прогулку по лѣсу, чтобы еще разъ обдумать свою рѣчь, и было уже темно,

когда онъ пришелъ въ „Красную Башню“. Зала была переполнена, народъ стоялъ даже въ саду. Браунъ тщетно пытался продраться сквозь толпу. Кто-то изъ рабочихъ читалъ въ залѣ резолюціи, строго порицавшія измѣнническій образъ дѣйствій правленія бумажной фабрики.

— Это обѣщаетъ быть интереснымъ,— сказалъ Сигмундъ и сталъ протискиваться обратно въ садъ. Онъ зналъ дорогу въ гостиницу обходомъ со двора, откуда можно было попасть въ залу черезъ дверь, находившуюся позади ораторской трибуны и президентскаго стола. Быстро обойдя домъ и пробѣжавъ бѣгомъ всколько корридоровъ и пустыхъ комнатъ, онъ вошелъ въ залу и остановился позади жокаковъ сходаки. У самой двери, въ которую онъ вошелъ, стояла долговая фигура, закутанная въ темную шинель; это былъ полицейскій комиссаръ, наблюдавшій за сходкой. Онъ, казалось, удивился, увидѣвъ Брауна, но ничего не сказалъ и только плотнѣе запахнулъ свою темную шинель.

На трибунѣ стоялъ все тотъ же молодой рабочій и его тяжеловѣсная, запинаящаяся, но энергическая рѣчь производила видное впечатлѣніе. За столомъ, между членами комитета рабочаго союза засѣдалъ Ваксцеръ, уже много лѣтъ числившійся членомъ этого комитета. Всѣмъ этимъ господамъ было какъ будто не совѣсьмъ ловко. Они чувствовали, что [поводья выскльзнули изъ ихъ рукъ и что нужно—или обрѣзать ихъ между собою и лошадыми, закусившими удила, или же дать имъ тапцать себя туда, куда они вовсе не желали идти. Въ одномъ углу сидѣли Брюль со Шмидтомъ и набрасывали замѣтки для своихъ газетъ.

— И такъ,—закключилъ ораторъ,—я утверждаю, что Шлейхмайеръ втихомолку поощрялъ рабочихъ къ стачкѣ, желая ликвидировать свои дѣла. Чтобы не производить себѣ въ убытокъ, онъ выкинулъ насъ на улицу. Вступивъ въ стачку, мы сдѣлались жертвами коварнаго обмана. Помощь этому теперь уже нельзя и намъ остается только зарубить себѣ на носу этотъ новыи урокъ.

Молодой человекъ съѣхалъ съ трибуны, на которую тотчасъ вошелъ Васкецерь.

— Друзья мои,—началъ онъ не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ,—разоблаченія, сдѣланныя здѣсь вашимъ товарищомъ, я дѣлалъ многимъ изъ васъ еще до стачки, но вы не хотѣли меня слушать.— По залѣ пробѣжалъ ропотъ и на галлерей послышались свистки и марканье.—Я понимаю ваше негодованіе,—продолжалъ ораторъ.—Съ вами поступили гнусно. Вамъ нарочно напентывали: „Прекратите работу; правленіе уступить“, — а въ правленіи тотъ же совѣтникъ говорилъ: „Вотъ теперь самый удобный случай прекратить производство, чтобы не производить себѣ въ убытокъ. Теперь на насъ не надетъ никакихъ обязательствъ по случаю безработицы, такъ какъ рабочіе сами прекратили работу“. Менѣе чѣмъ кто либо склоненъ я оправдывать двуличность этихъ людей.

— На всѣлицу собакъ!—крикнулъ кто-то съ галлерей.

Фигура, какъ тѣнь стоявшая возле двери, сдѣлала шагъ впередъ и, поднявъ голову, кристально поглядѣла на группу, изъ которой раздавался этотъ крикъ.

— Я предостерегалъ васъ,—продолжалъ Васкецерь,—но вожаки ваши не послушались меня. Совѣтую вамъ хотя теперь послушаться голоса вашихъ истинныхъ друзей.—Отвѣтомъ былъ громкій свѣкъ на галлерей.—Ничто не можетъ быть противнѣе вашимъ интересамъ, какъ продолженіе этихъ шумныхъ безпорядковъ.

— Ага!—раздалось сверху.

— Въ городѣ нѣтъся гарнизонъ, а если это окажется недостаточно, то вызовутъ изъ крѣпости полкъ. Если изъ потерѣ работы вы желаете еще присоединить потерю вашихъ здоровыхъ членовъ, то для этого вамъ стоитъ только послушаться тѣхъ, кто шумитъ тамъ наверху.

Оратору не дали продолжать. Въ залѣ поднялся такой шумъ смѣшанныхъ криковъ, свистковъ, рева, что Васкецерь призналъ

сопротивленіе непреодолимнѣе и, пожавъ плечами, вернулся на свое мѣсто. За столомъ комитета царствовала полная растерянность; президентъ дѣлалъ членамъ безпомощные знаки. Полицейскій комисаръ подошелъ къ нему съ предостереженіемъ, но президентъ возразилъ:

— При такомъ возбужденіи умовъ я не могу закрыть сходку, иначе скандалъ выйдетъ изъ всякихъ границъ. Нужно дать говорить хотя одному еще оратору.

Тутъ, къ общему изумленію, на трибуну взбѣжалъ Сигмундъ Браунъ. Стройная фигура его изящно высилась надъ эстрадой. Откинувъ назадъ свои бѣлокурные волосы, онъ заложилъ одну руку за спину, а другою оперся на барьеръ трибуны въ позѣ дуэлянта, готоваго стрѣлять. Краска волненія заливала правильныя черты его лица, блестящіе глаза возбужденно скльзили по шумной толпѣ; на губахъ играла проницательная усмѣшка. Театральныи жестомъ досталъ онъ изъ грудного кармана листовъ газеты. Толпа притихла. Браунъ помахалъ этимъ листкомъ, давая понять, что онъ нагѣранъ прочесть въ немъ новость. Въ залѣ возстановилась полная тишина.

— Друзья мои, — началъ Сигмундъ свѣжимъ, веселымъ голосомъ, — васъ удивляетъ, что нашъ суровый трибунъ Баскочеръ вдругъ заигралъ на дудкѣ мира и зачислился въ разрядъ удовлетворенныхъ послѣ того какъ онъ такъ часто и такъ долго гремѣлъ съ этой эстрады противъ буржуазіи. Я могу помочь вамъ разрѣшить эту загадку.

Онъ развернулъ передъ толпой „Государственный Указатель“.

— Браунъ! — яростно вскричалъ Баскочеръ со своего мѣста.

— Видно вамъ? — саркастически спросилъ Браунъ.

— Прочтите! — крикнули съ галлерей.

— Хорошо, я прочту: „Его свѣтлость ландграфъ всеинности-вѣйше пожаловалъ своего лейбъ-медика, доктора медицины Баскочера, за особня заслуги, чиномъ гофрата“.

— Слушайте!.. слушайте!—раздалось въ залѣ среди свистковъ и ругательства.

— Стало быть,—продолжалъ Браунъ,—загадка, отчего нашъ рунненгоймскій левъ Баскенцерь вдругъ зарычалъ такъ кротою, объясняется просто: онъ пожалованъ гофратомъ за особыя заслуги передъ ландграфомъ. Мы же съ вами, любезные друзья, не гофраты и не желаемъ быть ими. Мы остаемся тѣмъ же, чѣмъ были вчера и третьего дня, и передъ нами все тотъ же вопросъ: чѣмъ мы будемъ жить? Занимаемся-ли мы ручнымъ трудомъ, какъ вы, или головнымъ, какъ я и другіе изъ присутствующихъ здѣсь,—это все равно. У всѣхъ насъ есть желудокъ и когда онъ спрашиваетъ насъ—буду-ли я наконецъ сытъ?—то, какъ вы думаете, что мы должны ему отвѣчать? Я полагаю—вотъ что: ни мы, ни дѣти наши не будемъ сыты до тѣхъ поръ, пока съ неба не посыплются, вмѣсто дождя, картофель, а вмѣсто снѣга—колбасы; да и тогда полиція, пожалуй, запретъ улицы военными постами, куда полноправные землевладѣльцы не подберутъ всего. Гофратъ Баскенцерь, конечно, и тогда будетъ наставлять насъ въ терпѣніи и воздержаніи; но знайте, голодающіе братья мои, что такое положеніе дѣлъ не можетъ долѣе продолжаться! Довольно мы ждали справедливости! Возьмемъ теперь ея дѣло въ свои руки!

При этихъ словахъ Браунъ трагически поднялъ кулакъ, хотя онъ самъ не сумѣлъ бы объяснить, что собственно онъ подразумѣвалъ подъ этой смѣлой тирадой. Но отъ объясненій онъ былъ избавленъ, такъ какъ полицейскій комиссаръ, до сихъ поръ неподвижно слушавшій, выступилъ и громко провозгласилъ:

— Именемъ закона, объявляю собраніе закрытымъ! Ваше имя и званіе?—обратился онъ къ Сигмунду.

— Д-ръ Браунъ,—отвѣтилъ тотъ съ усмѣшкой.

— Вы можете уходить. Но если вы произнесете еще хоть одно слово съ этой трибуны, то я буду вынужденъ арестовать васъ. О вашей возмутительной рѣчи я долженъ донести прокурору.

Собрание начало безпорядочно расходиться. На пути Брауна слышались голоса: Bravo, докторъ!

— Вотъ что называется кстати сказать словечко!—замѣтилъ Брюль, между тѣмъ какъ многіе, совсѣмъ незнакомые люди пожинали Сигмунду руку.

На слѣдующее утро Анжелика съ удивленіемъ нашла своего мужа въ возбужденномъ и очень общительномъ настроеніи. Онъ говорилъ, что твердо рѣшился продолжать до конца борьбу съ кровопійцами, притѣснителями и предателями народа, въ родѣ Шлейхайдера и Геннегауера, хотя бы дѣло дошло до ножа.

— Давно-ли Геннегауръ попалъ въ число кровопійцъ?—сухо спросила Анжелика.

— А кто далъ ему право требовать отъ рабочаго десяти-часовой работы? Отчего угнетенные должны вѣчно обтесывать вер-пицы и не въ правѣ ни пѣть, ни болтать, чтобы забыться въ своей горькой долѣ? Этого можетъ требовать только жидъ и аристократъ въ родѣ твоего боготворимаго Геннегауера.

Ему стало, однако, неловко педъ взглядомъ жены, устремлен-нымъ на него поверхъ ея рубодѣля. Взглядъ этотъ, казался, го-ворилъ: „Не ты-ли корчишь аристократа въ твоихъ свѣтло-сѣ-рыхъ перчаткахъ и брилліантовыхъ запонкахъ, въ то время какъ жена твоя работаетъ за тебя? Или, можетъ быть, взглядъ этотъ хотѣлъ сказать: „Если я боготворю Геннегауера, то вѣспомни—кого ты боготворишь“.

Но Анжелика снова склонилась надъ своей работой и считала крестикъ. Молчаніе ея привело Сигмунда въ неловкость; онъ всталъ шляпу, закурилъ сигару и вышелъ изъ дома, чтобы отдаться на вольномъ воздухѣ своимъ мечтамъ о томъ, какъ онъ освободитъ и осчастливитъ народъ,—мечтамъ, у которыхъ холодный взглядъ его жены, неспособной понимать его, всегда подрѣзывалъ крылья.

Вродя по улицамъ безъ опредѣленной цѣли, онъ сравнивалъ себя—начать-ли ему своя политическую дѣятельность въ одной изъ

выходящихъ уже газетъ, или же самому выпускать отдѣльные листки, въ которыхъ жгучіе социальныя вопросы обсуждались бы тѣмъ скатымъ, сильнѣмъ и страстнымъ слономъ, какии онъ умѣетъ говорить. Не возмуща-ли рабочіе типографія Шлейхмайера печатать для него безвозмездно эти листки, которые будутъ клониться къ ихъ же пользѣ; во всякомъ случаѣ, распространять ихъ было бы всего удобнѣе черезъ этихъ рабочихъ. Занятый этими мыслями, онъ машинально направлялся къ той улицѣ, гдѣ находилась типографія Шлейхмайера. Проходя мимо итѣйнаго заведения, находившагося по сосѣдству съ типографіей, Браунъ увидѣлъ въ окно гравера Конрада, сидѣвшаго за рюмкой коньяку. Это былъ именно тотъ человѣкъ, котораго ему было нужно. Конрадъ зналъ типографское дѣло, имѣлъ понятіе о расходахъ на печатанію и добавокъ служилъ когда-то разнощикомъ газетъ. Если ктонибудь могъ дать разумный совѣтъ въ этомъ случаѣ, то это Конрадъ. И Браунъ вошелъ въ грязное и чадное заведеніе, пользовавшееся, какъ ему было извѣстно, незавидною репутаціей.

— Коньяку, фрейлейнъ!—крикнулъ онъ стоявшей за прилавкомъ дѣвцѣ и подошелъ къ Конраду. Тотъ надовѣрчиво поглядѣлъ на него.—Оживленный былъ вечеръ вчера,—обратился Браунъ къ граверу, который инстинктивно отодвинулся отъ него.—Вы ужасаете!—дружески прибавилъ онъ, указавъ на дорожную сумку, которую Конрадъ положилъ возлѣ себя.

Тотъ бросилъ на него сердитый взглядъ.

— А вы теперь, должно быть, при полиціи служите, герръ докторъ!—насмѣшливо спросилъ онъ.—Только напрасно трудитесь! Я не боюсь, отъ меня немного выведаете.

— Слыла вы ошля? Развѣ я похожъ на шіона?

— Ну, если вы не шіонъ, то тѣмъ лучше. Только вы не очень-то доверяете друзьямъ народа въ шегельскихъ пальто и братскихъ рукавъ безъ мозолей.

Съ этими словами онъ всталъ, взялъ свою сумку и ушелъ.

Браунъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ. Такое начало его агитаторской дѣятельности не обѣщало большого успѣха. „Если эти люди, — сказалъ онъ себѣ, — не способны отличать своихъ лучшихъ друзей, то имъ трудно помочь. Впрочемъ, этотъ мрачный человѣкъ съ фізіономіей скелета очевидно брюзгливаго нрава. Есть между рабочими и болѣе доступные.

Допивъ свою рюмку, Сигмундъ нашелъ, что ему нечего болѣе дѣлать въ этомъ кабакѣ, тѣмъ болѣе, что дѣвница за прилавкомъ видимо приписывала его присутствіе чарамъ своей красоты. Онъ рассчиталъ, что лучше ему прямо отравиться въ типографію Шлейхмайера и вызвать тамъ кого нибудь изъ наборщиковъ. Они хотя и не применили къ стачкѣ, но порядокъ и дисциплина были нарушены и между ними, и Сигмундъ полагалъ, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, ему удастся достигнуть чего нибудь съ этой стороны.

Онъ шелъ по улицѣ медленными шагами — вѣдь его не ждало никакого дѣла — и спрашивалъ себя, не удастся-ли ему увидѣть стараго сторожа, или знакомаго по книгѣ Вухтемана фактора. „Листовъ, защищающій интересы рабочихъ, — повторялъ онъ себѣ, — типографщики, конечно, станутъ печатать безвозмездно, и въ январѣ, когда рабочіе уже будутъ знать меня, я выступлю ихъ кандидатомъ на выборахъ“. Мысль эта наэлектризовала его и онъ взялъ кратчайшій путь черезъ проулокъ, въ концѣ котораго, какъ онъ помнилъ, находился книжный складъ Шлейхмайера. Завернувъ за уголъ, онъ вдругъ снова увидѣлъ передъ собою Конрада, но занятіе, за которымъ онъ засталъ его, было до того странно, что Браунъ невольно остановился. Конрадъ, присѣвъ на корточки, возился съ канимъ-то желтымъ суркомъ, въ которому онъ что-то прилаживалъ. Сигмундъ инстинктивно скривился въ ближайшія ворота и сталъ наблюдать за подозрительной работой гравера. Вниманіе его усилилось, когда онъ замѣтилъ, что Конрадъ вынулъ у самой стѣны два камня мостовой и опустилъ въ яму какой-то загадочный предметъ, послѣ чего, заложивъ отверстие,

отошелъ отъ яны. Сигмундъ видѣлъ еще, какъ онъ зажегъ спичку и, тщательно прикрывая пламя рукой, снова присѣлъ на корточки. Вдругъ Конрадъ вскопчилъ на ноги и крупными шагами побѣжалъ вдоль узкаго проулка. Въ свою очередь поспѣшилъ и Сигмундъ выйти изъ своей засады, опасаясь, что взрывъ застигнетъ его, или же что его схватятъ, какъ виновнаго въ немъ. Но въ эту минуту онъ съ ужасомъ увидѣлъ въ окнѣ небольшого домишка, стоявшаго какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ была проведена мина, двухъ дѣтей, которыя весело барабанили въ стекла и, прижавшись къ нимъ носками, съ любопытствомъ слѣдили за голубоватымъ дымкомъ, медленно приближавшемся къ темной стѣнѣ. Мальчикъ, вѣроятно, самъ уже помогавшій устраивать фейерверки, съ воодушевленіемъ объяснялъ своей сестрицѣ удивительное дѣйствіе такихъ снарядовъ. Зрѣлище это заставило Брауна вернуться. Въ немъ проснулась лучшая сторона его природы. Негодяя Шлейхмайера онъ не сталъ бы спасать отъ испуга и убытковъ, но невинныхъ ребятъ нужно было спасти.

Разсчитывая затоптать горящій фитиль, Браунъ въ нѣсколько скачковъ подбѣжалъ къ нему. Но было уже поздно: земля дрогнула подъ его ногами, что-то нырнуло его въ стѣнѣ— и онъ лишился чувствъ.

Странный трескъ и густой столбъ пыли напугали всю окрестность. Стоявшіе на окнѣ дѣти были только сброшены на полъ, но не потерпѣли никакого вреда и съ озадаченными видами глядѣли на разбитыя стекла и на темное облако, заволокшее окно. Браунъ защитилъ ихъ отъ бомбы своимъ тѣломъ. Но стѣна домишка треснула и крыша его грохнула обрушиться. Большая часть склада Шлейхмайера превратилась въ груды развалинъ.

Нѣсколько минутъ на мѣстѣ катастрофы, окутанномъ облакомъ пыли, царилъ глубокая тишина; вслѣдъ затѣмъ улица огласилась дикими криками. Вскочившіе наборщики типографіи стояли ошеломленные вокругъ развалинъ. Раздался свистокъ горо-

доваго, призывавшаго подкрѣпленіе. Первымъ явился на мѣсто полицейскій комиссаръ, отогнавшій рабочихъ, чтобы составить протоколъ и начать слѣдствіе по нетронутымъ слѣдамъ. Рабочіе видимо сами желали этого и помогали оттѣснять толпу. Вскорѣ вса руппенгейская полиція собралась на мѣстѣ катастрофы.

Насупротивъ мѣста, гдѣ произошелъ взрывъ, лежалъ у стѣн какой-то темный предметъ, почти совсѣмъ засыпанный мусоромъ. Глазъ полицейскаго комиссара различилъ въ немъ человѣка.

— Сюда!—крикнулъ онъ!—Здѣсь лежитъ засыпанный. Откапывайте! Онъ живъ еще. Несите его въ госпиталь. Вонъ стоитъ фіакръ. Везите медленно.

Тѣло пострадавшаго казалось невредимымъ, но голова его безсильно свѣшивалась. Толпа боязливо разступалась, давая дорогу умирающему.—„Да это тотъ докторъ, котораго хотѣли арестовать вчера на сходѣ,—замѣтилъ кто-то изъ рабочихъ.—Можетъ быть, онъ самъ и подожигъ бомбу“.

Толпа съ жалостью глядѣла на красиваго молодого раненаго и съ готовностью давала дорогу несущимъ его. Тѣмъ временемъ полиція продолжала раскопку. Изъ-подъ камней и мусора неказались книги. Полицейскій комиссаръ поднялъ одинъ оторванный листокъ, потомъ съ озадаченнымъ видомъ поднялъ другой и перевернулъ:— „А! чтожь тебя! Вѣдь вахмистръ-то былъ правъ! Онъ уже нѣсколько нѣсидцевъ тому назадъ говорилъ, что здѣсь должна быть тайная машина. Но кто бы могъ подумать!“

Поднявъ съ земли еще одну книгу, комиссаръ увидѣлъ лежащій подъ нею круглый металлическій штемпель. Онъ поднялъ и его и, рассматривая, все ближе и ближе подносилъ къ лицу, какъ бы не вѣря своимъ глазамъ. Вдругъ лицо его вспыхнуло: находка была необычайная. Это былъ штемпель фальшивыхъ пятимарковыхъ ассигнацій, уже съ годъ какъ появившихся въ обращеніи и подрывавшихъ торговлю и кредитъ. Въ эту минуту

сквозь толпу зрителей и полицейскихъ протискался къ мѣсту катастрофы Шлейхмайеръ.

— Что это значитъ? Меня не пускаютъ къ моему дому! — кричалъ онъ, кипитаясь. — Вѣдь здѣсь лежитъ моя собственность! Никто не въ правѣ рыться въ ней кромѣ меня. Г. комисарь, — кричалъ онъ, задыхаясь, — уведите вашихъ людей! Я предпочитаю прибрать мою собственность съ помощью моихъ собственныхъ рабочихъ.

— Вѣрю, г. Шлейхмайеръ, вѣрю, — иронически отозвался комисарь, тяжело опуская руку на плечо маленькаго человѣчка, — но пока я васъ арестую!

— Милостивый государь! — вскричалъ типографчикъ, поблѣднѣвъ.

— Подобныя вещицы изъ вашей собственности вамъ, конечно, было бы пріятнѣе прибрать съ помощью своихъ людей, — со смѣхомъ сказалъ комисарь, поднося найденный штмпель къ лицу арестованнаго. Колѣни Шлейхмайера подогнулись, какъ подкоженныя. — Ну-съ, придумали-ли вы объясненіе? — шутялъ полицейскій. — Ваша-ли это собственность?

Шлейхмайеръ обвелъ вокругъ блуждающими глазами. Онъ увидѣлъ разбросанными запрещенныя брошюры, которыми онъ печаталъ изъ алчности; увидѣлъ обломки шкатулки, въ которой хранились остатки фальшивыхъ облигацій; увидѣлъ подъ камнемъ рѣзныя доски. — Все погибло! — простоналъ онъ, теряя всею наглость.

По знаку полицейскаго комисара, двое городовыхъ подхватили книгопродавца подъ руки и повели сквозь толпу въ ближайшій полицейскій участокъ, гдѣ съ него должны были снять первый допросъ. Едва целкнулъ замокъ его намерн, какъ въ соудню привели другого геста — сѣдого бухгалтера, втораго впрокуроръ велѣлъ задержать по полученіи заявленія Геннегауера.

Волнующаяся толпа народа продолжала глядѣть на мѣсто катастрофы и на разоблаченный очагъ долготѣтныхъ обмановъ, когда туда прибѣжалъ Брюль, запыхавшійся какъ любопытный школь-

никъ. Ему нужно было написать на мѣстѣ отчетъ о происшествіи. Вскорѣ послѣ него явился и Шмидтъ; онъ заповѣдалъ на этотъ разъ, но за то привелъ съ собою рисовальщика, работавшаго для „Иллюстрированнаго Міра“. Тотъ держалъ подъ локтемъ большую папку съ картами, на которыхъ были заранѣе нарисованы передніе планы кораблекрушеній, взрывовъ, торжественныхъ процесій и т. п. Планъ № 2 оказался вполне подходящимъ къ данному случаю и опытный художникъ бѣгло набросалъ на немъ страшныя развалины вѣшняго склада, крутящіяся въ облакахъ взрыва предметы и надъ всѣмъ этимъ величественную пирамиду колокольни св. Якова, долженствовавшую придать картинѣ несомнѣнно мѣстный характеръ. Правда, что изъ-за чрезмѣрно крупныхъ размѣровъ фасада типографія Шлейхмайера приняла размѣры замка Катценбурга, но тѣмъ сильнѣе должно было быть впечатлѣніе на читателей.

Когда рисовальщикъ углубился въ свою работу, Шмидтъ бѣжалъ по всѣмъ городскимъ фотографіямъ, чтобы добыть портреты четы Шлейхмайера, д-ра Брауна, а равно и виды достопримѣчательныхъ мѣстъ Румпенгейма, и только собравъ все это, пошелъ отдохнуть въ „Красную Башню“. Прежде еще чѣмъ зашло солнце надъ мѣстомъ катастрофы, графическое изображеніе ея уже легло съ почтовымъ походомъ въ Лейпцигъ. Покуда рисунки переводились на камень, герръ Шмидтъ сушилъ публикѣ подробную исторію гнуснаго мошенничества, отъ котораго пострадало въ городѣ столько трудолюбивыхъ семействъ, и патетическое описаніе помаравшей негодаевъ катастрофы. Настроивъ себя на этотъ разъ на высоко-нравственный ладъ, Шмидтъ далъ себѣ слово серьезно вступить въ борьбу съ деморализаціей.

XIX.

Когда Сигмундъ Браунъ очнулся въ госпиталѣ, то увидѣлъ у своей груди чью-то голову. Онъ узналъ Гемнегауера, вилу-

шевавшего удари его сердца. Больной слышалъ, какъ докторъ тихо сказалъ Анжеликъ: „У него уже нѣсколько разъ вдрагивали вѣки; должно быть, онъ приходитъ въ себя“.

Геннегауеръ выпрямился и раненый ясно слышалъ слѣдующія слова: „Заднія ребра переломлены и повредили легкія, да и всѣ вообще внутренніе органы сильно потрясены. Нужно положить его иначе“.

Больной только теперь ощутилъ острую боль въ спинѣ и услышалъ свое хрипящее дыханіе; но вѣкъ онъ не могъ поднять, хотя слышалъ малѣйшій шорохъ въ комнатѣ. Онъ зналъ, что позади него стоитъ Анжелика и плачетъ. Теперь она, всхлипывая, спрашивала: „Вы думаете, что это онъ подложилъ бомбу?“

Сигмундъ понялъ, что Геннегауеръ только пожалъ плечами въ отвѣтъ. Мысль, что его считаютъ уголовнымъ преступникомъ, какъ молнія блеснула въ смутномъ сознаніи раненаго; кровь бросилась ему въ голову и онъ произнесъ несколько могъ громче: „Это сдѣлалъ граверъ Конрадъ. Я хотѣлъ потушить фитиль, когда произошелъ взрывъ“.

— Слава Богу, Сигмундъ!—рыдая проговорила Анжелика и онъ почувствовалъ ея губы на своемъ лбу.

— У окна, насупротивъ, стояли дѣти, я хотѣлъ ихъ спасти,—пролепеталъ Сигмундъ и умолкъ.

Геннегауеръ видѣлъ, что онъ блѣднѣетъ.

— Кровозливіе,—проговорилъ онъ.—Лежи смирно, Сигмундъ! Ради твоей жизни, не шевелись!

Вѣки больного опустились и онъ снова впалъ въ безпамятство. Геннегауеръ не отходилъ отъ него и употреблялъ всѣ средства, чтобы поддержать жизнь человѣка, стоявшаго между нимъ и его счастьемъ. Раненому стало какъ будто легче; ночь онъ провелъ сравнительно спокойно и поутру Анжелика сходила домой навѣстить дѣтей, послѣ чего опять вернулась къ болѣзненному одру своего мужа.

Такъ прошло много дней. Геннегауеръ сдѣлалъ все, что было въ человѣческихъ силахъ, для сохраненія жизни нужу Анжелики, и, подобно ей самой, переносилъ съ неистощимыиъ терпѣнїемъ всѣ капризы больного. Однажды вечеромъ, когда багряные лучи заката ударили въ гардины, наступила развязка.

— Благодарю тебя, Геннегауеръ, благодарю, Анжелика! Напрасно вы бьетесь со мною! Да и лучше, что такъ. Уже нѣсколько лѣтъ я ничего такъ не желаю, какъ небытія. У меня нѣтъ силъ къ борьбѣ за существованіе. Я никогда не могъ бы быть счастливымъ и сдѣлать счастливыми другихъ. Будьте же счастливы хоть вы. Вы заслужили это—передо мною заслужили.—Онъ вѣжно погладилъ руку Анжелики.—Благодарю тебя, моя вѣрная жена. Геннегауеръ, не покидай ее и дѣтей.

— Молчи, Сигмундъ, молчи!—внушительно сказалъ врачъ.

— Замолю, —прошептала больной.—Улягусь и буду слушать, какъ поютъ ангелы.

Онъ съ трудомъ повернулъ голову въ стѣнѣ. Немного погодя, Геннегауеръ наклонился къ нему: Сигмундъ заснулъ навѣки. Анжелика приблизилась и глядѣла съ глубокимъ горемъ на спокойное, идеально-прекрасное лицо жертвенца. Она молча закрыла его полуоткрытые глаза, сѣла возлѣ постели и прилонила голову къ подушкѣ. Геннегауеръ понялъ, что она желаетъ остаться одною и ушелъ въ палату къ своимъ больнымъ.

Многочисленная толпа собралась, на третій день послѣ этого событія, у воротъ госпиталя, чтобы проводить тѣло Сигмунда Брауна въ его послѣднее убѣжище. Спасенные имъ дѣти показывали, что какой-то блѣдный человѣкъ съ темной бородой зажгъ свурокъ и убѣжалъ; а потѣлъ прибѣжалъ какой-то господинъ, знакомъ велѣлъ имъ сойти съ окна и сталъ тушить свурокъ. Но вдругъ его отбросило и когда они послѣ того пришли въ себя, то увидѣли, что они сидятъ на полу, комната полна пили и дыма и всѣ стекла выбиты.

Разсказъ дѣтей вполне подтвердилъ слова Брауна и всѣ обстоятельства выяснились къ чести покойнаго. Всѣ жалѣли молодого человѣка, похищеннаго смертью въ полномъ разцвѣтѣ силъ и красоты, которая и за гробомъ сохранила свое обаяніе, а послѣднее его доброе дѣло бросило хороший свѣтъ и на его прошлую жизнь. Всюминали его гуманнѣйшій характеръ, его всегдашнюю готовность помочь, его впечатлительную, отзывчивую натуру. Рассказывали черты изъ его жизни, похожія на его послѣдній поступокъ, между прочимъ и наказаніе дерзкихъ кальнеровъ въ Визитгенштейнѣ; о другихъ же, менѣе свѣтлыхъ эпизодахъ умалчивали съ выразительною улыбкой.

Но еще большій эффектъ, чѣмъ взрывъ въ книжномъ складѣ, произвело въ городѣ уличеніе Шлейхмайера. На значительное состояніе его былъ немедленно наложенъ себестръ, причемъ для госпиталя явилась возможность получить обратно весь свой капиталъ, такъ какъ притязанія его шли прежде другихъ. При этомъ и въ общественномъ мнѣніи Румпенгейма произошелъ полный переворотъ: всѣ осуждали теперь безпечность административнаго совѣта и предсѣдателя его пастора Грауса, всегда служившаго правой рукой Шлейхмайера. Осуждались и двѣ румпенгеймскія газеты, подстрекательствамъ которыхъ приписывались въ значительной мѣрѣ безпорядки между рабочими.

Когда дѣло приняло такой оборотъ, г. Шмидтъ поспѣшилъ заявить въ энергической передовицѣ, что „Другъ Народа“ непричастенъ грѣхамъ другихъ газетъ, такъ какъ онъ никогда не подстрекалъ къ безпорядкамъ. Но и „Указатель“, въ лицѣ Брюлля, умылъ себѣ руки, хотя онъ изо дня въ день подстрекалъ рабочихъ. Это привело къ тому, что сначала сдѣшались между собою газеты, а потомъ и редакторы ихъ.

Катастрофа въ книжномъ складѣ какъ бы очистила воздухъ въ городѣ. Наиболѣе дурные элементы поспѣшили покинуть его изъ боязни быть запутанными въ слѣдствіе; остальные брали ра-

боту, гдѣ только находили ее. Бонрада не удалось изловить, онъ успѣлъ сбѣжать со своею семьей въ Америку.

Немало способствовало успокоенію умовъ и то обстоятельство, что Геннегауеръ заявилъ о своемъ рѣшеніи принять полученное имъ приглашеніе въ столицу имперіи, такъ какъ онъ не желалъ управлять госпиталемъ подъ попечительствомъ двора. Въ душѣ добрые румпенгейскіе граждане были очень рады этому, но призывъ еврея на высокій постъ въ Берлинъ импонировалъ имъ и поэтому на похоронахъ Брауна, когда Геннегауеръ явился отдать послѣдній долгъ другу, онъ всюду встрѣчалъ почтительные поклонны и величайшую предупредительность. Совсѣмъ другой приемъ былъ сдѣланъ пастору Граусу.

— Будь у него хотя капля такта,— замѣтилъ позади него одинъ изъ несшихъ гробъ,—онъ прислалъ бы вмѣсто себя виверіа. Вѣдь всѣ помнятъ, какъ онъ чернилъ покойнаго при жизни.

— А вонъ, поглядите, и Брюль здѣсь,—отозвался другой;— и чуть-ли даже не плачетъ этотъ крокодилъ.

Въ эту минуту явился Шмидтъ, какъ всегда, съ лучезарной улыбкой и, подойдя къ гробу элегантною поступью, возложилъ на него лавровый вѣнокъ отъ газеты „Другъ Народа“, которую Браунъ когда-то редактировалъ. Когда траурный кортежъ двинулся въ путь, пастору Граусу пришлось идти одному. За нимъ слѣдовали Геннегауеръ съ директоромъ гимназіи, какъ высшія оффиціальныя лица изъ присутствующихъ. Маленькій Зауераниферъ былъ совсѣмъ пришибленъ. Онъ, при каждой брошенной на полъ сличкѣ подозрѣвавшій, что его хотятъ смечь, почти погибался вследствие взрыва, случившагося такъ близко отъ его жилища.

— Счастье еще, что взлетѣлъ всего одинъ домъ и не убило цѣлой дюжины людей!—говорилъ онъ Геннегауеру.—Этотъ испугъ докавалъ меня. Сегодня я подаю въ отставку. Не могу я жить въ такомъ городѣ, гдѣ даже жизнь человѣческая не въ безопас-

ности. Не говорите только объ этомъ моей женѣ. Она ни за что не позволила бы мнѣ сдѣлать это.

Геннегауеръ пропускалъ эту болтовню мимо ушей. Кортёжъ проходилъ въ это время мимо дома Анжелики, которая, въ траурныхъ платьяхъ, стояла съ дѣтми у окна. У нея и теперь никого не было, кромя хозяйки и г-жи Зауерампферъ, никогда не вѣрившей клеветамъ на нее. Правда, эта дама имѣла привычку противорѣчить всему, что ни говорилось при ней.

Когда кортежъ прошелъ, Анжелика съ признательностью пожала руку обѣимъ женщинамъ и попросила оставить ее съ дѣтми; она хотѣла рассказать имъ объ ихъ отцѣ, о томъ, какими онъ былъ веселымъ и красивымъ, когда она выходила за него замужъ. Старухи матерински поцѣловали ее и удалились; Анжелика съла съ дѣтми въ полутемной комнатѣ и стала рассказывать имъ о добромъ старомъ времени, когда она жила въ домѣ своихъ родителей, а впоследствии съ мужемъ въ Лаубгеймѣ. Черезъ часъ кто-то тихо постучался и Анжелика узнала въ вошедшемъ Геннегауера. Дѣти радостно бросились на шею къ своему другу. Геннегауеръ, тронутый этимъ выраженіемъ ихъ привязанности къ нему, нѣжно погладилъ ихъ русые головки и тихо сказалъ:

— Не понимаютъ они, бѣдняжки, своей потери!

Онъ сълъ и Анжелика тутъ только замѣтила его измученный и разстроенный видъ. Онъ былъ блѣденъ какъ человекъ, послѣ долгой болѣзни принявшій какое нибудь тяжелое рѣшеніе.

— Простите,—началъ онъ,—что я вторгаюсь сюда противъ вашей воли, но я пришелъ проститься. Я уѣзжаю въ отпускъ и вернусь сюда лишь затѣмъ, чтобы сдать мою должность.

— Вы отказываетесь отъ борьбы? Хорошо-ли это, любезный другъ?—спросила Анжелика своимъ мягкимъ, задушевымъ голосомъ.

Еврей пожалъ плечами.

— Пока оставалась надежда сохранить госпиталь для его прямыхъ цѣлей, я считалъ своимъ долгомъ не оставлять его,—

груство отвѣтилъ онъ.—Но административный совѣтъ просилъ ландграфа принять это учрежденіе въ свое завѣдываніе и назначить для этого своего комиссара. Даже попечительство ландграфини предположено возстановить послѣ того, какъ она вызвалась построить на свой счетъ госпитальную церковь, всегда бывшую ея любимой мечтой. Что же мнѣ остается дѣлать здѣсь? Тратить свои силы въ мелочной борьбѣ, тогда какъ въ другомъ мѣстѣ я могу примѣнять ихъ безъ всякихъ стѣсненій? Этого я вовсе не обязанъ. Въ Берлинѣ я могу принести болѣе пользы, поэтому и ѣду туда.

— Вамъ ближе знать, что лучше,—мягко отвѣтила Анжелика.— Но полезны-ли для вашего внутренняго удовлетворенія эти постоянныя перемѣны? Вы не разъ жаловались, что у васъ нѣтъ родины, а вотъ едва прошелъ годъ, какъ вы снова сами беретесь за свой странническій посохъ.

— Ужъ такова судьба евреевъ,—грустно отвѣтилъ Геннегауеръ.—Нашему народу еще въ колыбели пѣлась пѣсня о вѣчномъ странствованіи, и куда бы мы ни поставили свою ногу, нигдѣ она не пускаетъ корней. Повѣрьте, что я остался бы здѣсь охотно, но вѣдь я вѣчно былъ бы бѣльмомъ на глазу, яблкомъ раздора для жителей этого гѣбада. Какъ бы ни былъ я способенъ приносить пользу, но здѣсь я буду только вредить уже по тому одному, что я еврей. Стало быть—дальше, дальше, въ другія мѣста, въ другой городъ! Въ ту ночь, когда я прикрывалъ больныхъ моихъ тѣломъ отъ каменьевъ, кидаемыхъ извергами въ палаты,—въ ту ночь я почувалъ ясно, что проклятіе, татѣющее надъ нашимъ племенемъ, лежитъ и на мнѣ, и жалая помогать людямъ, я приношу имъ только вредъ. Мнѣ стало ясно тогда, что и я составляю часть того Вѣчнаго Жыда, котораго каждое поколѣніе преслѣдуетъ на свой манеръ, такъ что ему ничего болѣе не остается, какъ желать разстаться съ жизнью, чтобы найти вѣчное забвеніе. Онъ желалъ бы отдохнуть, но вѣковое проклятіе кричитъ ему:

„Далѣе, Агасееръ, далѣе!“ Для васъ это бредъ больного воображенія, но мнѣ даже въ грезахъ ясно представляется, что я — часть этого Вѣчнаго Жыда.

Анжелика молчала, устремивъ на него грустный взглядъ. Даже дѣти смотрѣли съ участіемъ на его блѣдное, скорбное лицо. Генвегауеръ горько усмѣхнулся и, скрестивъ на груди руки, продолжалъ, какъ бы разговаривая самъ съ собою:

— Да, вѣдь это все тѣ же люди, только имена у нихъ другія. Вѣдь это меня залепкивали въ гетто; меня съ крикомъ „гець! гець!“ преслѣдовали крестоносцы; меня выслѣживали кровожадные испанскіе сыщики и гоняли изъ страны въ страну! Я тотъ Агасееръ, который дерзнулъ любить то, что они ненавидятъ, и ненавидѣть то, что они любятъ; и за это я лишень пристанища на землѣ до конца міра. Тогда только наступитъ для меня свобода.

Голосъ его постепенно стихалъ и наконецъ замолкъ. Анжелика также молчала. Ей было тяжело видѣть выраженіе глубокой, страстной ненависти, котораго она никогда еще не видала до сихъ поръ на его лицѣ. Наконецъ она сказала мягкимъ, участливымъ тономъ:

— Простите, если мой вопросъ оскорбитъ васъ: отчего же вы не устраните преграду, которая для васъ не имѣетъ болѣе смысла?

Яркая краска залила блѣдное лицо еврея.

— Я часто спрашивалъ себя, — отвѣтилъ онъ, — дозволительно-ли человѣку уходить изъ-подъ той звѣзды, подъ которой онъ рожденъ? Вѣдь она и для меня была когда-то родною — звѣздой Іакова. Въ молодости такой шагъ могъ бы быть выгоденъ для меня, но я былъ въ ту пору членомъ семьи, которую оскорбиле бы мое отреченіе. Покуда меня связывали узы родства съ народомъ моихъ предковъ, я считалъ недостойнымъ себя порывать эти узы ради матеріальныхъ выгодъ. Вѣдь и я получалъ, благодаря этому родству, такое наслѣдство нравственной силы, добродѣтелей, онит-

ности и мудрости, о какомъ постороннiе не имѣють и понятiя. Однако, не отрицаю, что со смертью моихъ родителей эти родственныя узы ослабѣли. Теперь я одинокъ на свѣтѣ. Много лѣтъ уже я проживаю въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ евреевъ, по крайней мѣрѣ нѣтъ такихъ, какъ я, и ничто свойственное обособленной жизни моего племени не шевелится болѣе въ моей душѣ. Но тѣмъ не менѣе во мнѣ есть что-то мѣшающее мнѣ отречься отъ него. Много видѣлъ я вѣнкрестовъ въ моей жизни, и всѣ они остаются жидами для своихъ новыхъ единовѣрцевъ; бремя презрѣнiя тяготѣеть на нихъ вдвойнѣ, потому что ихъ презирають обѣ стороны. Чему же помогло ихъ отреченiе? Они вступили въ общину, съ которой не имѣють никакой внутренней связи. Они порвали сердечное родство со своимъ племенемъ и остаются отчужденными отъ своихъ новыхъ братьевъ. Изъ нихъ вышли люди, ни во что не вѣрующiе, надо всемъ глумящiеся. Духовно лишенные родины, они становятся опасными для всякаго общественнаго порядка, потому что они не связаны съ ничѣмъ ни любовью, ни долгомъ. Ожесточенные противъ обѣихъ сторонъ, они всему составляютъ оппозицію, во всемъ ищутъ слабую сторону, все критикуютъ, платя ненавистью за ненависть, насмѣшкой за насмѣшку. Они дѣлаются вдвойнѣ исчадiями ада, какъ сказали бы ваши пасторы. Они стараются перещеголять своихъ христіанскихъ братьевъ въ насмѣшкахъ надъ евреями, хотя знаютъ, что христіане по прежнему считаютъ ихъ жидами и только глубже презирають ихъ за эти насмѣшки. Стыдно не евреемъ быть, а стыдно отречься отъ своей національности. Зачѣмъ же я сталъ бы дѣлать шагъ, который не устранилъ бы передо мною никакихъ затрудненiй?

— Но не сами-ли вы сказали, что лично вы ни съ кѣмъ не связаны. Перейдите же къ намъ, — возразила Анжелика.

— Къ вамъ! — повторилъ онъ съ горькой усмѣшкой. — Да, было время, когда я вѣрилъ, что могу къ вамъ перейти. Но это была одна мечта. Когда она разсѣялась, я не ощутилъ въ себѣ ника-

кого желанія отторгаться отъ общины, которая меня не изгоняетъ, чтобы присоединиться къ той, которая меня не манитъ. Я рѣшился, подобно Спинозѣ, жить для долга и оставаться, какъ и онъ, одиночникомъ.

— Живите же для насъ,—сказала Анжелика, обнявъ своихъ дѣтей и съ чувствомъ глядя на него, и она протянула ему руку, которую онъ, глубоко взволнованный, поднесъ къ своимъ губамъ.

Нѣсколько минутъ въ комнатѣ царил торжественная тишина, и даже дѣти чувствовали, что въ эти минуты рѣшается что-то важное. Они жалась къ матери, не сводя широко раскрытыхъ глазъ съ дяди Геннегауера и словно допытываясь отчего онъ такой блѣдный и серьезный и такъ не покожь на самого себя.

— Когда же вы ѣдете?—спросила наконецъ Анжелика, взглянувъ ему въ глаза серьезнымъ и доверчивымъ взглядомъ.

— Сначала я долженъ узнать ваши планы,—отвѣтилъ онъ.— Вѣдь Сигмундъ назначилъ меня опекуномъ этихъ плутишекъ.

— Я написала мнѣ родителямъ, что останусь здѣсь до Рождества, а потомъ приѣду къ нимъ въ деревню, гдѣ зимнимъ гостямъ всегда очень рады.

— Могу я сопровождать васъ тогда?—спросилъ Геннегауеръ съ умоляющимъ взглядомъ.

— Я буду васъ ждать къ тому времени,—отвѣтила Анжелика, вставая.—Ну, а теперь поѣжайте съ Богомъ.

Она протянула руку и онъ простился съ нею, съ глубокимъ чувствомъ заглянувъ въ ея заплаканные глаза. Дѣти проводили его до воротъ, гдѣ онъ съ пещелуями расстался съ ними.

XX.

Остававшіяся до Рождества мѣсяцы Анжелика провела тихо и мирно, чувствуя себя счастливой въ обществѣ своихъ малютокъ, не смотря на всѣ нережитыя испытанія. Письма Геннегауера не на-

рушали ея душевнаго покоя. Онъ считалъ дѣломъ рѣшеннымъ, что она будетъ принадлежать ему, и помнилъ, что теперь, при переломѣ въ ея жизни, мысли ея должны преимущественно углубляться въ прошлое, не наставлялъ и не торопилъ ее.

Зима простирала свой бѣлый покровъ надъ городомъ Румпенгеймомъ, предавшимся своимъ обычнымъ удовольствіямъ. Лигушки въ болотѣ румпенгеймской журналистики продолжали квакать изо дня въ день свою старую пѣсню. Въ театрѣ возобновились спектакли, во тонкое художественное чутье румпенгеймцевъ нашло, что Николаусъ фонъ-Бовишта уже не прежній великій Николо. Память замѣтно измѣнила ему и онъ видимо не трудился болѣе попрежнему надъ своими ролями. Рассказывали, что его отвлекаютъ отъ этого семейныя неспрѣятности. Однажды онъ съказался больнымъ на довольно продолжительное время и когда вновь явился на сценѣ, то всѣ бинокли устремились на него и въ ложахъ шопотомъ передавали, что слѣды болѣзни еще замѣтны на его щекѣ.

Между супругами поселился разладъ вслѣдствіе того, что г-ль фонъ-Бовишта предъявилъ фальшивыя облигаціи своей жены для обмѣна на настоящія, при ликвидациі дѣлъ Шлейхмайера. Въ денежныя дѣлахъ великій артистъ не любилъ шутить; жена же его ничего знать не хотѣла. Она по прежнему блуждала на придворныхъ балахъ и стала красивѣе чѣмъ когда либо.

Но на румпенгеймскомъ небѣ взошла новая комета, задѣлавшая всѣ обывательскія семьи своимъ хвостомъ. Это былъ одинъ корреспондентъ „Друга Народа“, не шадившій ни крупныхъ, ни мелкихъ лицъ. Тайны семейныя, супружескія, административныя, государственныя,—все разоблачалось имъ въ яркомъ свѣтѣ. Консistorія, санитарная коллегія, учебное попечительство, чиновники, власти, даже самый ландграфскій домъ,—все давало пищу его безошадному перу. Добрый городъ Румпенгеймъ принесть въ неопределенное смятеніе. Каждый вечеръ передъ типографіей „Друга Народа“ толпились народъ и номера газеты брались съ боя. Какъ

дній номеръ вызывалъ семейные раздоры, ссоры между друзьями, разладъ партій. Братья расходились навѣкъ, родственники, встрѣчаясь на улицѣ, не кланялись другъ другу; почтальоны кричѣли подъ тяжестью оскорбительныхъ анонимныхъ писемъ; почтаментъ былъ заваленъ возвращенными нераспечатанными пакетами.

Наконецъ виновникъ всѣхъ этихъ ужасовъ былъ открытъ въ пасторскомъ домѣ; это былъ двадцати-лѣтній викарій старшаго пастора Грауса. Само собою разумѣется, что консисторія тотчасъ же уволила этого неадекватнаго надежды имени отъ службъ рунпенгеймской церкви. Не тотъ не остался отъ этого въ проигрышѣ: какъ журналисту, снискавшему собою громкую извѣстность, ему тотчасъ была предложена редакция одной очень популярной газеты. Онъ спекуляризировался съ поразительною быстротою и очень скоро сдѣлался однимъ изъ корифеевъ журнальнаго міра. Такъ какъ юный Катонъ могъ получать матеріалы для своихъ статей только отъ пастора Грауса и его достойной супруги, благочестивые языки которыхъ всѣми признавались за весьма опасное орудіе, то и старшему пастору посоветовали искать собою другого мѣста, тѣмъ болѣе, что слѣдствіемъ по дѣлу Шлейхмайера были обнаружены грубыя нарушенія долга со стороны г. Грауса. Такого „совѣта“ нельзя было не принять, и пастору предстояло удалиться на покой.

Однимъ, и послѣ всего этого у добраго герцога Рунпенгейма не было недостатка въ сильныхъ ощущеніяхъ. Господа Брюль и Шиндтъ старались и по удаленіи безпокойнаго викарія поддерживать огонькъ. Если же журналисты притихали, то рунпенгеймцы съ неудовольствіемъ говорили: „ничего нѣтъ интереснаго въ газетахъ“.

Одна Анжелика была такъ ожесточена,—по выраженію ея хозяйки,—что послѣ смерти Сигмунда изгнала всѣ газеты изъ своего дома и довольствовалась чтеніемъ дѣтямъ книгъ для юношества, вышедшихъ въ первыя десятилѣтія этого вѣка и проникнутыхъ гуманнимъ духомъ того времени, когда газета еще не играла никакой роли. Въ душѣ ея и въ домѣ возстановился безмятежный

миръ, и разцвѣтнія розы на щёкахъ ея свидѣтельствовали о надеждѣ на свѣтлую будущность. Она была слышкомъ научена жизнью, чтобы рассчитывать на непрерывный рядъ безоблачныхъ дней, но была увѣрена, что найдетъ въ Геннегауерѣ кетиннаго отца своихъ дѣтямъ и что возлѣ него для ея способностей откроется достойная дѣятельность.

Ландграфиня, которой снова было предложеноatronать надъ госпиталемъ, еще никого не назначила на должность директора, а поручила только временно исправленіе этой должности Баскецеру. Она поступила такъ изъ тонкаго расчета, чтобы обезпечить себя отъ противодѣйствія со стороны временнаго директора въ тѣхъ реформахъ, въ которыя она не замедлила приступить. При такихъ условіяхъ, Баскецеръ нашелъ свое положеніе далеко не такимъ пріятнымъ, какии онъ рисовалъ его себѣ въ своихъ мечтахъ. Ландграфиня оказалась хитрѣе, чѣмъ онъ предполагалъ, и сдѣлала, наперекоръ ему, достигнуть своихъ цѣлей. „И дури бываетъ хитри“, говорилъ себѣ Баскецеръ и поворачался, чтобы не портить своихъ отношеній ко двору. Однако, положеніе его было очень нелезко. Въ тотъ день, когда въ домѣ г-жи Браунъ праздновался пріѣздъ давно ожидаемаго друга, Баскецеръ ходилъ по своимъ палатамъ въ самомъ дурномъ настроеніи духа. Ни одно изъ его предписаній не было выполнено, но дѣяконисса, которая должна была отвѣчать за эту немедлительность, слушала въ своей комнатѣ проповѣдь пастора Грауса. Дверь въ эту комнату была только притворена и Баскецеръ могъ слышать до слова назиданія почтеннаго пастора. — „О, друзья мои, — говорилъ онъ елеинимъ тономъ, — вы больны, то-есть, брениая илюъ ваша ослабѣла, ей недостаеъ здоровья, свѣжести, унругости иищиъ, быстрого кровообращенія, всѣхъ тѣхъ условій хорошаго самочувствія, по которыиъ человекъ узнаеъ, что земная оболочка его здорова. Вотъ я и пришаъ въ вамъ, чтобы пресвѣтить васъ истиной, такъ какъ истина, друзья мои, не для однихъ здоровыхъ, но и для больныхъ“.

— Проклятая шарманка!—пробормоталъ Баскяперъ, толкнувъ ногою дверь.—Послѣ такого начала нечего ждать конца; онъ будетъ говорить покуда горло не надорветъ.

Онъ грубо позвалъ дежурную старшую сестру для обхода больныхъ. Діаконисса, въ чепцѣ съ огромными крыльями, стояла позади его, выслушивая съ величаво-небрежной миной его предписанія. Это была старая женщина, отъ которой вѣяло какою-то безстыжною скромностью и наглымъ смиреніемъ.

— Этому больному нужно дать пива, чтобы укрѣпить нервы,—угрюмо сказалъ докторъ.

— Ахъ, пиво—такая гадость!—съ отвращеніемъ произнесла сестра.

— Васъ никто не проситъ пить его, — проворчалъ врачъ, переходя къ слѣдующей кровати.—Хорошо-ли вы спали?—спросилъ онъ паціента, молодого человѣка.

— Ахъ! эта исторія съ насторомъ такъ взволновала меня!—отвѣтилъ тотъ.—Гдѣ же мнѣ взять теперь его книгу?

— Какую книгу?

— Да вотъ евангелической пасторъ далъ моему сосѣду книгу „Христовъ садъ“ и я попросилъ ее у него почитать. И вдругъ въ то время, когда я читалъ, ко мнѣ подошелъ канцелярь. Вѣдь я католикъ. Увидѣвъ, что я читаю, онъ началъ страшно браниться и кричать, что католиковъ обращаютъ въ госпиталѣ въ еретиковъ, а потому вырвалъ у меня книгу и унесъ ее. Мы смѣялись, но потомъ пришелъ евангелической пасторъ и, услыжавъ, что тутъ произошло, потребовалъ, чтобы я позаботился о томъ, чтобы книга была возвращена ему непремѣнно.

Баскяперъ, раздосадованный этимъ случаемъ, стоялъ и размышлялъ, что ему дѣлать. Вѣдь онъ долженъ былъ ладить какъ съ редакторомъ „Сіона“, такъ и съ „Церковной Газетой“.

— Проклятая исторія!—проворчалъ онъ.—Зачѣмъ вы позволяете католикамъ читать евангелическія книги?

— Вѣдь вы же запретили мнѣ говорить съ католиками о религіи, — звѣтливо отвѣтила діакоинисса.

— Ничего болѣе не остается, какъ опять раздѣлать больныхъ по вѣроисповѣданіямъ, — сердито замѣтилъ докторъ. — Дѣлать ничего, пускай у насъ будутъ опять католическій и евангелическій тифи, католическія и евангелическія сидѣлки; а ужъ евреевъ придется совсѣмъ не принимать... Только напрасно время тратится...

Исправляющій должность директора съ недовольнымъ видомъ ушелъ изъ палаты. Сестра же повернулась къ первому больному, обращеніе котораго она взяла въ свои руки, и сказала:

— Если вы почитаете еще часовъ „Райскій Садъ“, то я принесу вамъ въ одиннадцать часовъ яичнаго супу съ булочками.

Больной съ готовностью согласился.

— Старшій пасторъ говоритъ, что вамъ нужны не столько лекарства, сколько педагогическія средства, — прибавила сестра и, считая свои обязанности исполненными, сѣла къ окну.

— А пиво-то она мнѣ не приноситъ, — испугнулъ ближайшій къ двери больной своему сосѣду.

— А знаете-ли, что они со мною сдѣлали третьего дня? — сказалъ сосѣдъ. — Мнѣ должны были дѣлать операцію. Уже и захлороформировали меня, и я думалъ, что они хотятъ меня убить, заставляя вдыхать этотъ ядовитый газъ. Вѣдь надыхавшись имъ, человѣкъ совсѣмъ какъ мертвый дѣлается. Очнувшись, я думалъ, что уже все кончено и спросилъ — удалась-ли операція. Но ассистентъ мнѣ на это отвѣчаетъ: „Гм! вамъ, любезный, не повезло. Только что мы хотѣли приступить къ операціи, какъ сторожъ прибѣжалъ сказать, что пріѣхала ландграфиня, и намъ пришлось отложить ее“. И вотъ теперь я долженъ буду опять дышать этимъ хлороформомъ.

— Ахъ, если бы Генвегауеръ вернулся сюда! — со вздохомъ сказалъ первый. — Показалъ бы онъ имъ дорогу! Эй, сестра! — позвалъ онъ. — Могу я получить теперь мое пиво?

- Въ госпиталѣ пива не пьютъ, — отвѣтила діаконалиса.
- Но гофратъ приказалъ дать нѣтъ, — настаивалъ паціентъ.
- Если вы почитаете часокъ „Духовную Арфу“, то вѣчеромъ, передъ сномъ, получите стаканъ пива, — былъ отвѣтъ.
- Нѣтъ, дайте сейчасъ, иначе я пожалуюсь гофрату.
- Пускай же тебя черти жарятъ въ аду, поганый еретикъ! — злобно сказала сестра, дернула звонокъ и велѣла подать пива. „Только не баварскаго“, а здѣшняго, — прибавила она съ не совсѣмъ христіанскимъ выраженіемъ лица.

Тѣмъ временемъ Васкецеръ улаживалъ столкновение между протестантскимъ пасторомъ и католическимъ капелланомъ. Послѣдній принималъ его очень грубо и объявилъ, что ханжи, хозяйничавшіе въ госпиталѣ, мучаютъ католическихъ умирающихъ вымогательствами завѣщать что нибудь на постройку церкви. Но католикамъ нужны деньги на поминаніе ихъ душъ, и они не въ правѣ давать ихъ на постройку еретической церкви, замыслиаемою ландграфиней. Капелланъ грозился донести епископу, если этихъ безобразій не будетъ положенъ предѣлъ. Васкецеру пришлось употребить все свое краснорѣчіе для отклоненія подобнаго конфликта, который могъ бы сильно пошатнуть его положеніе. Онъ зналъ, что въ случаѣ жалобы епископа ландграфъ не задумался бы пожертвовать своимъ лейбъ-медикомъ. Онъ успокоилъ задорнаго молодого капеллана увѣреніемъ, что ландграфиня положительно обѣщала построить церковь на собственные средства.

Вернувшись, онъ увидѣлъ старую Мауершнекъ, направлявшуюся къ женскому отдѣленію съ порученіемъ отъ ландграфини.

— Тамъ она! — крикнулъ ей Васкецеръ, надѣясь остановить ее этой угрозой, къ которой онъ уже не разъ прибѣгалъ, чтобы обезпечить покой по крайней мѣрѣ трудно-больныхъ.

— Я привела себя ея, — сухо отвѣтила она, величественно продолжая свой путь.

— Но вы можете заразить другихъ, — вскричалъ Васкецеръ,

у котораго начинала разливаться желчь.—Нужно подумать о болѣе молодыхъ лицахъ, чѣмъ ваше.

— Я никого не заражу,—съ достоинствомъ отвѣтила баронесса.— Къ тому же у меня есть порученіе и къ вамъ. Васъ приглашаютъ явиться сегодня въ четыре часа во дворецъ со всѣми членами правленія, чтобы принять пожертвованіе ея свѣтлости на построеніе церкви.

Баскецеръ кивнулъ головой съ довольнымъ видомъ.

— Дѣло-то налаживается скорѣе, чѣмъ я ожидалъ, — замѣтилъ онъ.— Мы можемъ еще дать полежать капиталу, чтобы на немъ выросли проценты.

Мауеринекъ загадочно улыбнулась и направилась къ двери, отъ входа въ которую удерживалъ ее директоръ.

Въ назначенный часъ Баскецеръ, въ бѣломъ галстухѣ и бѣлыхъ перчаткахъ, явился во дворецъ въ сопровожденіи величественной свиты изъ шести членовъ правленія и былъ проведенъ въ ту самую гостиную рококо, въ которой онъ впервые познакомился съ ландграфиней и съ Вандой. Но каково же было его удивленіе, когда онъ нашелъ тамъ Геннегауера со звѣздой на груди!

— Вы здѣсь?—произнесъ онъ, не совсѣмъ пріятно изумленный.

Съ своей стороны и Геннегауеръ не особенно обрадовался при видѣ всѣхъ этихъ фізіономій.

Директоръ банка по прежнему скалилъ зубы, какъ бульдогъ; толстый бакалейный торговецъ колыбался, какъ пуддингъ; спекулянтъ домажи походилъ въ бѣломъ галстухѣ на пастора, и всѣ вообще члены правленія оставались такими же, какъ и были.

— Благодарю Тебя, Боже, что избавилъ меня отъ необходимости каждый день глядѣть на эти морды!—подумалъ Геннегауеръ.

— Какъ вы сюда попали? — почти угрюмо спросилъ Баскецеръ.— Или примирились со здѣшнимъ дворомъ?

— Вы боитесь, что я вытѣсню васъ изъ госпиталя? — насмѣшливо сказалъ Геннегауеръ.— Не бойтесь. Я пріѣхалъ, чтобы

получить полную отставку. Въ тому же ландграфъ прислалъ мнѣ въ Берлигъ звѣзду своего ордена, а я имѣю обыкновеніе благодарить, когда меня дарятъ, какую бы цѣну ни имѣлъ въ моихъ глазахъ подарокъ. Хотя вообще-то я и простой человѣкъ, но свѣтскія приличія мнѣ извѣстны. А вы какъ поживаете? Нравится-ли вамъ ваша новая должность?

— Ахъ!—вздохнулъ Баскецеръ,—я на свиньѣ усакалъ бы отъ нея, если бы могъ,—такъ она мнѣ нравится!

Онъ началъ было объяснять свой пессимистическій взглядъ, но въ эту минуту отворилась боковая дверь и черезъ гостиную торопливо прошла въ аудіенцъ-залу г-жа Бовиста, держа въ рукахъ довольно большой предметъ, обернутый бумагой. При видѣ Баскецера, она кивнула ему головой и какъ-то значительно улыбнулась.

— Она опять при дворѣ?—удивился Геннегауеръ.

— Тсс! тсс!—шепнулъ Баскецеръ, и въ то же мгновеніе обѣ половинки двора распахнулись и въ комнату вошелъ ландграфъ, ведя подъ руку свою жену. Позади ихъ остановились г-жи Бовиста и Мауершнекъ, въ качествѣ пресѣдательницъ женскаго благотворительнаго общества, а въ глубинѣ виднѣлась лысая голова и стереотипная улыбка г. Шранца, члена совѣта общества.

Ландграфъ милостиво обратился къ Геннегауеру, спрашивая, нравится-ли ему въ Берлигѣ. Когда тотъ поблагодарилъ его за отличіе, ландграфъ перешелъ къ Баскецеру, предоставивъ несимпатичнаго ему еврея своей женѣ.

— А я опять взяла госпиталь на свое попеченіе,—не безъ ехидства сказала маленькая принцесса.—Я знаю, что вы не одобряете этого, но чѣмъ же, по вашему, должна заниматься государыня?

— Ваша свѣтлость спрашиваетъ такъ искренно, что я и отвѣчу искренно,—добродушно сказалъ Геннегауеръ.—По моему мнѣнію, дворъ долженъ заботиться о тѣхъ интересахъ, которые онъ въ состояніи понимать. Его сфера—это все то, что относится къ представительству страны. Дворъ приноситъ гораздо болѣе пользы,

оживляя все своимъ блескомъ, поощряя и награждая всякое хорошее стремленіе, чѣмъ выѣшнваясь въ дѣла, стояція въ жизненнаго опыта высокопоставленныхъ лицъ. Прозваніе двора—оказывать радушиное гостепрѣимство, поддерживать щедрою рукою общепользныя предпріятія, поощрять молодые таланты, подавать высшему обществу примѣръ хорошаго вкуса въ высшихъ умственныхъ наслажденіяхъ. Здѣсь была школа изящныхъ искусствъ, которую закрыли потому, что она стоила денегъ; здѣсь читались иногородными учеными научныя лекціи, которыя прекратились шутѣю, что дворъ отсутствовалъ на нихъ, а по примѣру двора охладѣла къ нимъ и публика. Здѣшній оркестръ сталъ только тѣнью того, чѣмъ онъ былъ, и даже театръ начинаетъ приходить въ упадокъ. Художники разъѣхались потому, что произведенія ихъ здѣсь не находятъ себѣ сбыта; профессора принимаютъ приглашенія въ другіе города, такъ какъ здѣсь никто не интересуется наукой. Такимъ образомъ здѣсь гаснетъ одинъ свѣточъ за другимъ, и дворъ кидается въ благотворительность, которая не уменьшаетъ, а увеличиваетъ нищету, и въ заботу о больныхъ, за которую не одинъ больной платится здоровьемъ, а подчасъ и жизнью.

Геннегауеръ говорилъ спокойно, даже мягко и, кончивъ, поднялъ глаза въ ожиданіи отвѣта принцессы. Но она совсѣмъ не слушала его и глядѣла въ сторону Васкецера и другихъ господъ, припоминая милостивую рѣчь, которою она собиралась осчастливить депутацію. Она находила безтактнымъ со стороны еврейскаго врача, что онъ пустился съ нею въ разговоры въ то время, какъ она ожидала отъ него просто почтительнаго одобренія. Она согласилась принять его—и принять въ одинъ часъ съ госпитальною депутаціей—вовсе не для того, чтобы выслушивать отъ него правоченія, а чтобы показать ему, что она проведетъ-таки свою мысль о постройкѣ церкви. Когда онъ кончилъ, она сказала съ короткимъ поклономъ:—Очень рада видѣть васъ,—и перешла къ дѣ-

путации, чтобы произнести рѣчь, которую проренетировала про-себя покуда говорилъ еврей.

— Господа!—начала маленькая женщина, жеманясь и приподнимаясь на цыпочки:—вы доставили истинную отраду моему сердцу, предложивъ мнѣ попочительство надъ вашими почтенными учрежденіемъ послѣ его преобразованія. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ я чувствую потребность доказать мои материнскія заботы объ этомъ учрежденіи. Я взяла на себя обязанность построить церковь при госпиталѣ, такъ какъ изцѣленіе души еще важнѣе изцѣленія тѣла. Я намѣрена возвести Возкій домъ на мои собственные средства и съ этою цѣлью устраиваю базаръ, выручка съ котораго послужитъ основнымъ капиталомъ для этой постройки. Моя любезная фонъ-Маурершекъ и моя вѣрная г-жа фонъ Бовиста изъявили готовность принимать добровольныя пожертвованія на это предпріятіе и взяли на себя трудъ сдѣлать сборъ по домамъ. Я назначаю васъ, мой достойный гофратъ Баскецеръ, предсѣдателемъ, а г. фонъ-Шранца членомъ комитета, и не сомнѣваюсь, что оба вы ревностно поведете дѣло. Чтобы подать добрый примѣръ, я теперь же дѣлаю первое приношеніе для базара.

Она обратилась съ самодовольной улыбкой къ г-жѣ Бовиста, все еще державшей какой-то большой предметъ, обернутый шелковою бумагой, и, взявъ его изъ ея рукъ, торжественно сняла бумагу. Глазѣмъ присутствующихъ предсталъ алебастровая ваза. Принцесса снисходительнымъ жестомъ протянула ее Баскецеру, который покраснѣлъ до ушей, принимая этотъ скромный краеугольный камень будущей церкви. Онъ совсѣмъ епѣшиль отъ такого дешеваго способа выполнять великія обѣщанія. Но вдругъ его озарила одна мысль.

— Это, должно быть, старая вещь,—брякнулъ онъ, желая сказать „антикъ“. Ему вспомнилось, что есть древнія вазы, которыя стоятъ цѣлыхъ состояній.

— Нѣтъ,—возразила принцесса, самодовольно вскинуть свои птичью голову,—я сама выбрала ее вчера въ магазинѣ.

Уши Баскецера изъ красныхъ сдѣлались синими, пока онъ бормоталъ какое-то выраженіе почтительнѣйшей привѣтливости.

Ландграфъ, должно быть, отъ подавленнаго смѣха испустилъ что-то въ родѣ ржанія. Онъ подставилъ локоть своей маленькой супругѣ и, весело поклонившись всѣмъ присутствующимъ, удалился съ нею изъ комнаты. Створчатая дверь затворилась за ними.

Баскецерь проводилъ высокихъ особъ далеко не вѣрноподданническииъ взглядомъ, и гладко причесанные волосы его сами собою оцѣтнѣли, какъ въ бытность его „другомъ народа“.

— Какъ вы находите, цѣнная эта вещь?—спросилъ онъ одного изъ членовъ, который, какъ купецъ, долженъ былъ знать это.

— Заплачена-то она навѣрное талеровъ десять,—отвѣтилъ тотъ;—но если продавать, то едва-ли дадутъ болѣе двухъ.

— Этакъ ваша церковь долго простоятся, любезный коллега,—шутливо замѣтилъ Геннегауръ.

— Собственно мнѣ наплевать,—отвѣтилъ Баскецерь съ напускною безпечностью.—Только чортъ меня возьми, если я еще разъ хоть палецъ о палецъ стукну ради этой глупой исторіи!

Спутники его указали глазами на стоявшихъ у дверей лакеевъ, но вида, что онъ собирается продолжать, поспѣшно ушли.

Гофратъ—народный трибунъ остался стоять передъ Геннегауромъ, держа съ жалкимъ видомъ свою вазу.

— Спасибо хотя за то, что она не заставила насъ сегодня прождать три часа, какъ обыкновенно дѣлается,—сказалъ онъ въ свое утѣшеніе.—Я просто въ отчаяніе прихожу, когда мнѣ приходится простоять здѣсь цѣлыя утра ради какихъ нибудь пустяковъ, когда въ госпиталѣ меня ждутъ больные.

— Подѣломъ вамъ,—смѣясь сказалъ Геннегауръ.—Приключили старому народному вожаку такъ раболѣпствовать передъ этимъ незначительнымъ дворомъ, который и правъ-то никакихъ не имѣетъ

на госпиталь? Прилично-ли вамъ въ особенности, метавшему въ своей газетѣ громы противъ царедворцевъ и проповѣдывавшему сохраненіе человѣческаго достоинства передъ монархами, дѣлаться теперь раболѣпнымъ слугою ландграфскихъ прихотей, да еще такихъ вредныхъ для общества, какъ эта игра дѣлами госпиталя. Вспомните же наконецъ, что вы—республиканецъ.

— Довольно я послужилъ народу!—угрюмо возразилъ Баскецеръ.—Вѣдь народъ-то ничего не сдѣлалъ для меня. Теперь главное—заручиться прочнымъ положеніемъ, чтобы приносить пользу. Вотъ какъ меня выберутъ въ депутаты, да я стану твердою ногой въ палатѣ, тогда и запою по другому.

— Не дробите вашихъ силъ,—предостерегъ Геннегауеръ, выходя вмѣстѣ съ Баскецеромъ изъ дворца.—Если вы обезпечите свою самостоятельность, то, въ качествѣ директора госпиталя, вы будете имѣть передъ собою наилучшее поле дѣятельности. Какую помощь можете оказать вамъ дворъ? Вы сами убѣдились теперь, что эти высокопоставленныя дамы не окажутъ вамъ даже денежной поддержки,—единственной, какую онѣ могли бы оказать. Онѣ будутъ только мѣшать каждой вашей разумной мѣрѣ. Чѣмъ раньше вы порвете отношенія ко двору, тѣмъ полезнѣе для госпиталя.

Они шли вмѣстѣ по знакомымъ улицамъ, въ которыхъ уже зажигали фонари, и Баскецеръ, продолжавшій держать въ рукѣ злополучную урну, старался оправдаться въ глазахъ еврея.

— Прежде чѣмъ разрывать съ дворомъ, я долженъ выждать, чтобы меня утвердили на моемъ мѣстѣ.

Видѣсто отвѣта на эту увертку, Геннегауеръ спросилъ:

— Принадлежитъ г-жа Бовиаста къ вашимъ союзникамъ?

— Нѣтъ, я разорвалъ съ нею послѣ того, какъ она безсердечно отреклась отъ своего ребенка, чтобы спасти, какъ она говоритъ, свою репутацію. А вѣдь дѣвочка-то настоящій ангельчикъ. Воспитательница, къ которой я ее пристроилъ,—бывшая акробатка,—такъ привязалась къ малюткѣ, что выдаетъ ее за

свою дочь. Я обѣихъ взялъ къ себѣ въ домъ. Миссъ Жозефина такъ тронула меня своей добротой, что я сдѣлалъ ее моею дономправительницей. Эта простая женщина взяла къ себѣ сначала нянюшку изъ любви ко мнѣ, — прибавилъ онъ и красныя уны его зардѣлись отъ умиленія, — а теперь ребенка и силой не вырвешь у нея. Насколько она лучше, какъ подумаешь, этой баронессы, безсердечно бросившей родное дитя ради своего добраго имени!

— Пожалуй, миссъ Жозефина скоро сдѣлается г-жей совѣтницей, — смѣясь замѣтилъ Геннегауеръ.

— Все можетъ быть, — отозвался Баскецерь.

— Напередъ поздравляю, а пока желаю вамъ благополучно донести вашу урну до дому, — сказалъ Геннегауеръ, остановившись у квартиры Анжелики и протягивая руку своему спутнику.

Когда еврей вошелъ въ сѣни, дѣти шумно бросились къ нему на встрѣчу и повели его къ матери, которая съ раскраснѣвшимся лицомъ возилась около намогильной.

— Ты опять пришелъ слишкомъ рано, — сказала она, вынужденная его съ счастливой улыбкой. — Для тебя нѣтъ здѣсь пока никакого дѣла. Теперь всего шесть часовъ, а поѣздъ отходитъ въ десять. Пойди пока въ театръ и погляди на великаго Бовлету. Послѣ второго акта приходи за нами. Мы еще успѣемъ закусить на вокзалѣ до отхода поѣзда.

Геннегауеръ повиновался неохотно, хотя опустошенная комната имѣла совсѣмъ непріятный видъ. Онъ отправился въ театръ и занялъ мѣсто въ глубинѣ ложи для пріѣзжихъ. Въ ней сидѣли уже два офицера, которые довольно громко и безцеремонно разговаривали.

— Такъ это она сама заказала овацію? — спросилъ одинъ изъ нихъ, юный пранорщикъ, своего старшаго товарища.

— Она сама, говорю тебѣ, — отвѣтилъ тотъ, поглаживая свою бородку съ насмѣшливой улыбкой. — Вчера она цѣлый вечеръ негнѣшалась надъ своимъ мужемъ, а потомъ сказала мнѣ совершенно

серьезно: „Бовиста все лучше и лучше раздувается тщеславіемъ. Я боюсь, что онъ лопнетъ. Не имѣло бы его хорошенько освистать“. — „Я берусь устроить это“, вызвался я. — „Устройте, пожалуйста, — шепнула она мнѣ. — Мнѣ такъ хочется видѣть, какую мину онъ скорчитъ при такомъ сюрпризѣ“... Тсъ! она идетъ.

Въ одно время съ поднятіемъ занавѣса въ ложу впрорхнула г-жа Бовиста со своею стереотипною улыбкой балетной танцовщицы. Она скользнула мимо Геннегауера, не обративъ на него вниманія, и сѣла впереди офицеровъ, которые принялись что-то нашептывать ей, когда мужъ ея вышелъ на сцену. Бовиста, чтобы блестяще разносторонностью своего таланта, взялся исполнять въ одинъ и тотъ же вечеръ роли маркиза Позы и патера Доминго. „Счастливые дни Аранжуэца миновали“, началъ онъ.

— Возможно-ли начинать таковыя пошлыя токкомъ! — вслухъ преговорилъ старшій изъ офицеровъ. Младшій безцеремонно засмѣялся. Подобныя же замѣчанія раздались и изъ другихъ ложъ, имѣвшая актера и публикѣ. Въ партерѣ зашумели, чтобы возстановить тишину, но съ галлерей послышались новыя насмѣшки. Бовиста спутался, заговорилъ невпопадъ и вызвалъ взрывъ хохота. Онъ все болѣе и болѣе терялъ самоувѣренность, безпрестанно занимался и съ безпомощнымъ видомъ двигался около суфлерской будки. И чѣмъ болѣе онъ терялся, тѣмъ сильнѣе становилась оппозиція. Даже и тѣ, кто не участвовалъ въ заговорѣ, присоединились къ заговорщикамъ, полагая, что Бовиста не выучилъ своей роли и заслуживаетъ наказанія. Находившіеся въ залѣ актеры, вообще ненавидѣвшіе его, и въ особенности тотъ, у котораго онъ отнялъ роль Доминго, усердно содѣйствовали демонстраціи, чтобы усилить его растерянность. Наконецъ опустился занавѣсъ. Друзья великаго артиста, возмущенные очевидной интригой противъ него, стали громко вызывать его и занавѣсъ снова поднялся. Оппозиція коварно притаилась, выжидая, когда Бовиста выйдетъ на авансцену. Онъ вышелъ, красный и растеря-

ный отъ своей неудачи, хотя съ улыбкой благодарности на устахъ. Но едва онъ подошелъ къ рамѣ, какъ зала огласилась свистками, шиканьемъ и ревомъ, какихъ еще не слышали ея стѣны. На авансцену посыпалась гнилыя яблоки, тухлыя яйца, увядшіе цвѣты. Друзья артиста топали и кричали: „Фу!“ — но эти только усиливали шумъ, превратившій придворный театръ въ настоящий звѣринецъ. Занавѣсъ быстро опустился и Бовиста одинъ свачкомъ перебѣжалъ сцену. Жена его номерада со смѣху и весело болтала съ офицерами.

Между тѣмъ бѣдный актеръ прибѣжалъ за кулисы совѣтъ уничтоженный. Такого часа онъ еще не переживалъ никогда въ жизни. И безъ того уже самонадѣянность его сильно опала съ тѣхъ поръ, какъ жена ежедневно критиковала его, а фрейлейнъ Маурершнекъ увѣряла, что одѣвается онъ безъ всякаго вкуса, что дикція его напыщенная, манеры комедіантскія. Не смотря на все это, онъ чувствовалъ въ эту минуту потребность въ чемъ нибудь участіи, въ возможности излить передъ кѣмъ нибудь думу и, читая на лицахъ товарищей одно нескриваемое злорадство, рѣшился пойти въ ложу къ женѣ, чтобы искать у нея утѣшенія. Но подходя къ ложѣ, онъ услышалъ смѣхъ Ванди. Одинъ изъ офицеровъ помогалъ ей надѣвать верхнее платье и она говорила ему:

— Отлично! восхитительно! Замѣтили вы, какую глупую фізіономію онъ скорчилъ?

Бовиста не вѣрилъ ни ушамъ, ни глазамъ своимъ. Онъ глядѣлъ на жену вытаращенными глазами, словно передъ нимъ было привидѣніе. Но нѣтъ, это была Ванда, это говорила его собственная жена. Съ крикомъ отчаянія бросился онъ отъ нея на сцену, провожаемый хохотомъ обоихъ офицеровъ. Глаза Ванды не безъ смущенія встрѣтились въ эту минуту съ глазами Геннегауера, котораго она только теперь узнала. Отвѣчая на этотъ взглядъ, онъ невольно покачалъ головой и, поднявшись съ мѣста, съ отвара-

цениемъ покинулъ ложу. „Эти люди такъ наказываютъ другъ друга, что въ другихъ наказаніяхъ нѣтъ надобности“, — подумалъ онъ.

Повернувъ за уголъ, онъ увидѣлъ факальную процессію. „Что это значитъ?“ — спросилъ онъ обывателя, вышедшаго виѣсть съ нимъ изъ театра; продолженіе спектакля было отиѣнено по случаю внезапной болѣзни Бовисты. Бюргеръ радостно отвѣтилъ:

— Это чествуютъ нашего новаго депутата, гофрата Баскенцера.

— А! значить, у него много сторонниковъ? — замѣтилъ еврей.

— О! Этотъ человекъ навѣрное испровергнетъ министерство, — восторженно сказалъ бюргеръ. — Онъ имъ покажетъ себя! Вѣдь онъ бывалый, знаетъ, гдѣ раки зимуютъ!

— А вы недовольны правительствомъ? — спросилъ еврей.

— Да ужъ довольно оно посидѣло на нашихъ плечахъ: пора его кувырнуть!

Приближаясь къ дому, гдѣ жилъ новый народный трибуна, Геннегауеръ уже издали услышалъ его зычный голосъ. Въ тихомъ ночномъ воздухѣ разносились слова: „Свобода... человѣческое достоинство... неразрывный союзъ... высшія блага народа... довѣріе моихъ согражданъ“... Подойдя еще ближе, еврей слышалъ цѣлую фразу: „Я доказалъ во время беспорядковъ между рабочими, что я сторонникъ благоустроенной свободы, а не анархіи“. Фраза эта, новидимому, особенно импонировала румпенгейнцамъ, отвѣтственнымъ на нее единодушнымъ виватомъ. Геннегауеръ ускорилъ шагъ, спѣша выйти изъ сферы патриотизма и человѣческаго достоинства Баскенцера, и черезъ нѣсколько минутъ вошелъ въ пустую комнату Анжелики, уже отославшей вещи на вокзалъ.

Дѣтей тепло одѣли, и Анжелика, на шекахъ которой снова разцѣлалъ румянецъ счастья, закуталась въ шубу, которую другъ привезъ ей для зимаго путешествія. Она окинула грустнымъ прощальнымъ взглядомъ пустыя комнаты, въ которыхъ прошло столько тревожныхъ лѣтъ ея жизни, и прижалась къ своему вѣрному другу,

въ то время, какъ Вальтеръ и Сигиенда спорили, кому держаться за свободную руку ихъ новаго ~~пана~~ „^{пана}“.

Дорогой Геннегауеръ разсказалъ своей спутницѣ, что ему пришлось поневолѣ присутствовать при факальной шествіи въ честь Васкепера. „Должно быть, и трюмъ-Шнидтъ будетъ выбранъ“, прибавилъ онъ со смѣхомъ.

Но Анжелика съ негодованіемъ сказала: „И такого человѣка, который во всю свою жизнь ничего болѣе не дѣлалъ, какъ, причесавшись въ безопасномъ мѣстѣ, клеветалъ, понесся, сбѣгалъ ссоры, — такого человѣка прославляютъ какъ честнаго политическаго дѣятеля и еще посылаютъ въ палату! Гдѣ же, однако, справедливость!“

— Въ сердцѣ женщины, — отвѣтилъ Геннегауеръ, съ улыбкой заглянувъ въ глубокіе голубые глаза своей подружкѣ. — Популярность, газетные панегирики, полномочія, ордена, титулы, — все это могутъ получать люди, подобныя Васкеперу, но за то они жонятся на аферисткахъ, какъ миссъ Жозефина, или — что еще хуже — на такихъ особахъ, какъ флейлейнъ Вагдъ. Никакія ухищренія рекламы не могутъ открыть имъ доступа въ такое святилище, какъ сердце благородной женщины. Этихъ все уравновѣшивается. Развѣ можетъ какое нибудь земное счастье сравниться со счастьемъ имѣть такую жену, какая будетъ у меня!

Анжелика нѣжно пожала его руку и съ чувствомъ заглянула въ его сіяющее счастьемъ лицо. Они весело дошли до стаяціи. Въ ресторанѣ имъ пришлось пройти мимо стола, за котораго Шнидтъ и Брёлль держали мирную конференцію, скрѣпяи многими кружками пива возстановленіе дружбы, сильно ненамнувшейся между ними во время послѣднихъ безпорядковъ въ городѣ.

— Я уже полагалъ, что вы не придете, — сказалъ Шнидтъ, поглаживая выхоленной рукой свою круглую лисинку. — Вѣдь вамъ нужно писать отчетъ о сегодняшнемъ спектаклѣ.

Юганъ Брёлль самодовольно улыбнулся. „Отчетъ уже навсѣтанъ. Вѣдь у меня есть афишка, а я знаю, кто и какъ у насъ

исполняютъ роли. Бевистъ, конечно дѣлаются оваціи, а неинтереснѣе горячѣе или холоднѣе, — это не составляетъ большой разницы. Ради этого нѣтъ надобности ходить въ театръ, чтобы скучать тамъ. Не странно-ли, однако, что публика такъ полагается на наши театральныя рецензіи, когда, за исключеніемъ полицейскаго служителя и пожарныхъ, мы единственные изъ всѣхъ приходимъ въ театръ не наслаждаться, а исполнять суровый долгъ?

По гладкому лицу Шмидта скользнула загадочная улыбка и онъ съ трудомъ подавилъ на немъ выраженіе злорадства. Вмѣсто того, чтобы предупредить коллегу о событіяхъ, происшедшихъ въ этотъ вечеръ въ театрѣ, онъ подумалъ: „Вотъ-то онъ влонается. Воображаю, какая будетъ потѣха, когда онъ станетъ разбирать акты, которые не исполнялись!“

Въ эту минуту мимо журналистовъ прошелъ Геннегауеръ со своею маленькою семьей, чтобы сѣсть поближе къ двери, мимо которой уже тянулся вечерній поѣздъ. „Станція Руппенгеймъ!“ крикнулъ съ платформы кондукторъ.

— Кто поумнѣе, тотъ пройдетъ мимо, — съ улыбкой сказалъ еврей Анжеликъ, которая укутывала дѣтей. Усѣвшись въ купе, онъ весело посмотрѣлъ черезъ головы дѣтей на некиннутую платформу. За большими, освѣщенными окнами ресторана сидѣли двое редакторовъ. Зала наполнялась возвращающимися участниками факальной процессіи, которые съ закоптѣлыми лицами толпились около буфета. Глядя на эту волнующуюся толпу, Геннегауеръ шутливо сказалъ: „Благословляю васъ, любезные руппенгеймцы! Наслаждайтесь подолбе вашими полезными существованіемъ. Жгите завтра то, чему вы поклонялись сегодня, и наоборотъ. Очень радъ, что вижу васъ въ послѣдній разъ въ такомъ дружномъ настроеніи“. Когда поѣздъ тронулся, еврей съ улыбкой поклонился въ окно Шмидту и Врوليو. Тѣ вскочили съ мѣстъ и отвѣтили почтительнымъ поклономъ.

— Спровಾದили мы его, дружище! — произнесъ Шмидтъ и кукольное лицо его скривилось въ насильственную улыбку.

— Выпьёмъ же за нангъ успѣхъ,—предложилъ Брюль.

— Намъ нужно теперь дѣйствовать дружно,—сказала Шмидтъ искреннимъ тономъ.—Народная партія и рабочій союзъ должны держаться другъ друга.

Маленькій Брюль недоувѣрчиво поглядѣлъ въ хитрые глаза своего собесѣдника и проговорилъ: „Ладно, если вы это серьезно говорите“. Тотъ съ улыбкой протянулъ стаканъ, чтобы чокнуться съ нимъ, послѣ чего Брюль всталъ.

— Мнѣ нужно еще заработать мой ужинъ,—сказалъ онъ.—Я не въ правѣ лечь спать, не написавъ корреспонденціи.

— Какъ и я,—отвѣтилъ Шмидтъ, также вставая.

— Пустая жизнь,—со вздохомъ сказалъ Брюль.—Будь у меня деньги, я опять поступилъ бы въ гимназію, откуда меня выгнали Зауерампферъ. Теперь, безъ этого стараго педагога, вышедшаго въ отставку, мнѣ, можетъ быть, удалось бы кончить курсъ.

— Ну, полно!—возразилъ Шмидтъ,—представителю рунпегейскаго общественнаго мнѣнія не подобаетъ унывать. Ступайте въ свой кабинетъ и строчите храброю передовичку! Провалите когонибудь или чтонибудь, и у васъ опять полегчаетъ на душѣ.

Но маленький Брюль опять вздохнулъ и настроеніе духа его не прояснилось. Вернувшись въ городъ, журналисты крѣпко пожали другъ другу руку и побѣжали каждый къ своему письменному столу для ночного дѣла.

Трепкота-Шмидтъ написалъ въ эту ночь статью не для собственной газеты, а для очень распространеннаго въ Рунпегеймѣ „Меркурія“, и подписалъ ее не своими инициалами. Вотъ что говорилось въ этой статьѣ: „Рунпегеймъ понесъ важную потерю съ отъѣздомъ изъ этого города извѣстнаго ученаго, тайнаго совѣтника Геннегауера. Потерей этой онъ обязанъ преимущественно непозволительнымъ нападамъ ничтожнаго писака, скребущаго перомъ въ „Рунпегейскомъ Указателѣ“, — нападамъ, продолжавшимся нѣсколько мѣсяцевъ подъ радъ и сдѣлавшимъ для зна-

менитаго ученаго пребываніе въ нашемъ вообще такомъ мирномъ городѣ положительно невыносимыиъ. Нельзя не пожалѣть о томъ, что самыя жизненные интересы разцвѣтающаго города могутъ терпѣть вредъ отъ самыхъ пошлыхъ людей, но этому злу врядъ-ли можно пособить при настоящихъ порядкахъ, когда злоупотребленіяиъ печатнымъ словомъ не полагается никакого предѣла“.

Когда Шмидтъ несъ эту быстро набросанную корреспонденцію на почту, Іоганнъ Брюль еще корпѣлъ надъ своею статьею. Она предназначалась для весьма распространеннаго въ Тюрингенѣ „Журнала“ и гласила: „Переселеніе изъ Румпшенгейма въ Берлинъ знаменитаго клинициста Геннегауера оставляетъ въ нашемъ городѣ пробѣлъ, который едва-ли возможно замѣстить. Вина въ этой потерѣ падаетъ главнымъ образомъ на одну изъ здѣшнихъ газетъ, пользующуюся очень незавидною репутаціею, — на газету „Другъ Народа“. Бывшій редакторъ этой газеты нынѣ самъ исправляетъ должность директора госпиталя, редакція же газеты перешла къ тому журналисту, который писалъ эти нападки на знаменитаго ученаго. Manus manum lavat“, — заключилъ Брюль, охотно пользовавшійся своею латынью, и потомъ прибавилъ, многозначительно разставивъ шпацияиъ: „Sapienti sat“.

Б. Ротманнъ.

К о н е ц ъ .

ГРЕЗЫ.

Мнѣ снилось: вечернія звѣзды
Мерцали надъ свѣтлымъ Иорданомъ,
Игриво качался на струйкахъ зеркальныхъ,
Подернутыхъ синимъ туманомъ.

Подернулись синимъ туманомъ
Утесовъ прибрежныхъ ступени
И на воду блѣднымъ, дрожащимъ узоромъ
Ложились ихъ стройныя тѣни.

Ихъ стройныя тѣни ложились
На тихо журчавшія волны.
И были и волны, и звѣзды, и скалы
Чарующей прелести полны...

И видѣлъ я: въ стройныхъ аллеяхъ
Цвѣли золотыя миндали
И бѣлую росынь душистаго цвѣта
Ихъ вѣтви роняли, роняли...

Огни на горахъ зажигались...
Росники блестяли, какъ слезы,

На листьяхъ, на камняхъ... О, сны золотые!
О, милые, дѣтскія грѣзы!...

Проснулся я... Сѣверъ угрюмый
Объялъ меня стужей и мглою;
Свирѣпая вьюга въ степи завывала
И вторила волчьему вою.

И сыпали, сыпали снѣгомъ
Тяжелыя, черныя тучи
На старыя сосны увядшаго лѣса,
Волота, овраги и кручи...

Нигдѣ ни дороги единой,
Ни пристани свѣтлой и мирной;
Ни звука родной, человѣческой рѣчи
Не слышно въ пустынь обширной...

О, ночь, эта ночь безъ просвѣта
Мрачнѣй, безпривѣтнѣй могилы...
И стннуть, и гибнуть подъ стужей и мглою
И чувства, и мысли, и силы...

.
.

Но—полно! Проснулся-ли я?
Не сонъ-ли и это, мучительный сонъ,
Навѣянный тьмой вѣковыхъ испытаній, —
И призраки, дѣти тревогъ и страданій,
Растаютъ, какъ смутный, обманчивый сонъ,
При свѣтъ грядущаго дня?

И будемъ мы, полные жизнью ншей,
Не въ прошломъ родного народа
Искать утѣшенія поздней мечтой...
И будетъ отжившимъ покой,
И будетъ живущимъ и свѣтъ, и свобода...

С. Фругъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦІИ.

V 1.

Когда ближе присматриваешься къ цѣни событій, которую связуется прошлое съ настоящимъ, то, право, выносишь впечатлѣніе, будто предъ тобою идетъ непрерывная игра свѣта и тѣней, то перемежающихся, то борющихся и смѣшивающихся между собою. Вѣчно идетъ состязаніе между либерализмомъ, стремящимся проложить въ жизни свои пути, и мрачнымъ духомъ средневѣкового строя, не желающимъ уступать завоеванныхъ имъ позицій. Съ тоской и замраніемъ сердца глядишь на эту борьбу, не будучи въ состояніи опредѣлить каковъ-то будетъ исходъ ея. Вотъ и теперь намъ предстоитъ прежде всего отмѣтить еще одну побѣду либеральнаго направленія и немаловажное пораженіе антисемитизма. Дѣло идетъ о приговорѣ, произнесенномъ надъ однимъ изъ вожаковъ антисемитизма, редакторомъ пасквильной газетки «Waterland». Побѣда эта вдвойнѣ знаменательна тѣмъ, что вердиктъ вынесенъ составомъ присяжныхъ, въ средѣ которыхъ не было вовсе евреевъ, и что подсудимый приговоренъ къ восьмилѣтнему тюремному заключенію съ лишеніемъ всѣхъ правъ.

Такъ какъ это дѣло еще разъ показало намъ антисемитовъ во всей ихъ неприглядной наготѣ, то не лишнимъ будетъ предложить читателямъ краткій обзоръ всѣхъ обстоятельствъ его.

На общемъ собраніи акціонеровъ австрійскихъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ одинъ изъ присутствующихъ, адвокатъ по профессіи, выступилъ съ прямымъ обвиненіемъ противъ духа антисемитизма, вселившагося съ недавнихъ поръ въ управленіе желѣзныхъ дорогъ и устроившаго тамъ одинъ изъ очаговъ своей агитаціи. Предсѣ-

¹ См. „Восходъ“, кн. XI.

дательствовавшій въ общемъ собраніи фельдцейхмейстеръ баронъ Скудіеръ, не привыкшій вообще держать подъ спудомъ свой либеральный образъ мыслей, воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы выразить свое неудовольствіе по поводу этого печальнаго явленія. Онъ называлъ антисемитизмъ «поворомъ вѣка» и категорично высказался, что, пока его вліяніе еще что нибудь значитъ для правленія, онъ не потерпитъ такихъ постыдныхъ вещей и приложитъ всѣ усилія, чтобы при замѣщеніи должностей было обращено вниманіе исключительно на способности, а не на вѣроисповѣданіе кандидатовъ.

Этого открытаго и неподслащеннаго заявленія барона Скудіера оказалось вполне достаточно, чтобы вывести изъ себя редактора газеты «Vaterland», взвращающаго на себя какъ на патрона-заступника всякаго антисемитизма. Весь находящійся въ его распоряженіи арсеналъ грязи г. редакторъ пустилъ въ ходъ противъ барона. Дошло до того, что не постѣснились бросить въ лицо Скудіеру формальное обвиненіе во взяточничествѣ, а дабы сдѣлать это обвиненіе правдоподобнѣе — пустились въ измышленія разныхъ небывалыхъ инсинуацій. «Vaterland» оповѣстилъ міръ, будто, благодаря всѣмъ известной подкупности барона Скудіера, министръ торговли прервалъ съ нимъ всякія сношенія и нѣсколько разъ отказывалъ ему въ приѣмѣ у себя на дому. Эта пикантная выходка, вѣроятно, на самомъ дѣлѣ произвела бы немалое впечатлѣніе, еслибы министръ торговли не счелъ себя обязаннымъ тотчасъ же обратиться въ тотъ же «Vaterland» съ заявленіемъ, въ которомъ назвалъ это извѣстіе чистѣйшимъ вымысломъ, или, вѣрнѣе — преднамѣренной ложью, которую онъ считаетъ своимъ долгомъ опровергнуть самымъ рѣшительнымъ образомъ. Можно было подумать, что нахлобучка въ родѣ этого министерскаго *dementi* усмирить — таки благороднаго редактора; нетуть-то было: не даромъ вѣдь состоятъ вожакомъ антисемитовъ и имѣешь честь слыть человекомъ испытаннаго нахальства. Не смотря ни на что, нападки и придерки къ барону Скудіеру продолжались своимъ чередомъ до тѣхъ поръ, пока не привели самого храбраго рыцаря безъ стыда и упрека къ естественному паденію. По желанію Скудіера, военный министръ нарядилъ судъ чести изъ нѣсколькихъ генераловъ, которые единогласно признали честь барона незапятнанною. Вслѣдъ затѣмъ, по иниціативѣ прокурора, г. Коллеръ, редакторъ газеты

«Vaterland», предсталъ предъ судомъ присяжныхъ и осужденъ на восьмимѣсячное заключеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ.

Это судебное разбирательство, насколько оно относится къ антисемитизму, можно отмѣтить какъ свѣтлое явленіе послѣдняго времени; однако, близко къ нему примыкаетъ и мрачная, густая тѣнь: антисемиты снова выиграли пять мѣстъ во время недавнихъ выборовъ въ ниже-австрійскій сеймъ. Правда и то, что они и на этотъ разъ прибѣгли къ старымъ своимъ избирательнымъ приемамъ и снова дѣйствовали при помощи цѣлой шайки бунновъ и всяческихъ насилій. При всемъ томъ имъ не довелось бы гордиться побѣдой, еслибъ либеральная партія не относилась халатно къ ходу выборной кампаніи. Она совершила гнусный избирательный маневръ антисемитовъ сложа руки и не сдѣлала ни шага, чтобы помѣшать имъ. Нужно, однако, полагать, что эта побѣда антисемитовъ—своего рода Пиррова побѣда, которая поведетъ къ тому, чтобы дискредитировать вожаковъ въ глазахъ ихъ собственныхъ сторонниковъ. Побѣда эта обнаружила много секретныхъ вещей, которыя покроютъ антисемитизмъ неизгладимымъ стыдомъ и немало поспособствуютъ его паденію. Трудно предположить даже, чтобы послѣ открывшихся нынѣ вещей, нашелся хоть одинъ уважающій себя человекъ, который согласился бы засѣдать и вотировать рядомъ съ антисемитами. Кто такой, напр., по духу г. Шнейдеръ, выскочившій нынѣ изъ избирательной урны,—лучше всего видно изъ сужденія о немъ Саламони, члена одной съ нимъ партіи, недавно опубликовавшаго по этому поводу небольшую брошюрку, въ которой рассказываетъ о такихъ подвигахъ его, что едва-ли мыслимо, чтобы г. Шнейдеръ могъ появиться въ рейхсратѣ.

На первый планъ Саламони выдвигаетъ обвиненіе, что Шнейдеръ никогда не относился серьезно къ дѣлу антисемитизма, а скорѣе имѣлъ въ немъ свой личный интересъ, и не въ идеальномъ смыслѣ слова, а просто въ грубомъ, матеріальномъ его значеніи. Вотъ одинъ изъ наиболѣе интересныхъ рассказовъ. Разъ Шнейдеръ показалъ Саламони картину, представляющую еврея въ ту минуту, когда онъ рѣжетъ христіанскаго младенца. Саламони, хотя и самъ состоитъ на службѣ у антисемитизма, однако, пришелъ въ ужасъ отъ такого кроваваго способа нападенія на евреевъ и тутъ же указалъ Шнейдеру на всю мерзость его намѣренія. А Шнейдеръ и послѣ

того продолжалъ настаивать на «пользѣ» распространенія этой картины въ массѣ и сообщилъ Саламони по секрету, что для него въ данномъ случаѣ главное—сдѣлать гешефтецъ, общающій весьма и весьма солидный барышъ; нужно только отлитографировать эту картину въ количествѣ 50,000 экземпляровъ. Самому Саламони онъ предлагалъ участіе въ прибыляхъ подъ условіемъ, чтобы тотъ поддержалъ его предложеніе. И только потому, что Саламони не далъ себя обольстить этимъ мошенничествомъ, благородное предпріятіе не состоялось. Далѣе, въ означенной брошюрѣ рассказывается, какъ Шнейдеръ въ публичномъ собраніи удостоился получить отъ Фенхагера «безстыжаго олуха», а отъ Шенерера «подлаго плута», и вовсе не подумалъ даже потребовать удовлетворенія отъ этихъ господъ. Затѣмъ г. Шнейдеръ,—читаемъ мы въ той же брошюрѣ,—разъ заказалъ себѣ фальшивую печать избирательнаго комитета, а другой разъ подговаривалъ секретаря Ашенбергера къ ложному показанію предъ судомъ. Отъ всѣхъ этихъ обвиненій г. Шнейдеръ до сихъ поръ еще не очистилъ себя—просто изъ страха, чтобы все это не было подтверждено свидѣтельскими показаніями, какими, въ случаѣ надобности, общается подтверждать все это авторъ брошюры.

И человѣкъ съ такимъ клеймомъ на лбу удостаивается избранія въ народные представители! Избраніе его, впрочемъ, еще спорно, такъ какъ его дорога въ ландтагъ лежитъ чрезъ залу уголовного суда, гдѣ ему еще надо предварительно смыть съ себя всѣ эти обвиненія своего сотоварища.

При всѣхъ своихъ мрачныхъ сторонахъ, послѣдняя побѣда антисемитизма имѣетъ въ себѣ то хорошее, что люди въ родѣ Шнейдера—это часть той силы, «которая желаетъ зла и творить добро». Благодаря своимъ избирательнымъ успѣхамъ, представители антисемитизма явились свѣту во всемъ своемъ безобразіи, и каждый, кто только имѣетъ глаза, чтобы вѣдѣть, заключить по такимъ главарямъ и вожакамъ о всей кликѣ, въ средѣ коей эти люди вѣдь представляютъ изъ себя лучшихъ и отборнѣйшихъ.

Въ порядкѣ избирательной процедуры предстоитъ существенная перемѣна. По свѣдѣніямъ, почерпнутымъ изъ компетентныхъ источниковъ, рейхсратъ расположенъ удовлетворить петицію женщинъ о допущеніи ихъ къ выборамъ. Будетъ-ли это нововведеніе на пользу либеральнаго лагеря, или повлечетъ за со-

бою непріятныя для него послѣдствія, — этого нельзя еще съ достаточною опредѣлительностью предсказать. Мы во всякомъ случаѣ надѣемся, что, въ общемъ, болѣе благородную натуру женщины труднѣе будетъ заразить той болѣзнью вѣка, которую называютъ антисемитизмомъ. По крайней мѣрѣ у насъ предъ глазами нѣсколько весьма утѣшительныхъ примѣровъ. Вотъ, напримеръ, сестра пресловутаго антисемита Шенерера; та каждымъ удобнымъ случаемъ пользовалась, чтобы выказать свою оппозицію направленію брата; не было общественнаго сбора въ пользу бѣдныхъ евреевъ, въ которомъ сестра Шенерера не принимала участія, и подчасъ весьма видными пожертвованіями; мало того: когда этому отъявленнѣйшему антисемиту было доказано, что и его — чисто тевтонская, по его мнѣнію — кровь сильно подмѣшана семитической струйкой, такъ какъ его пра-дѣдъ былъ столбовымъ семитомъ, тогда сестра Шенерера открыто выразилась, что она считаетъ для себя особой честью быть отраслью того стариннаго рода, изъ котораго вышли наиболѣе возвышенные люди всѣхъ вѣковъ и который понинѣ, вопреки гоненіямъ и преслѣдованіямъ, сохранился во всей своей чистотѣ и производитъ изъ среды своей людей, духовными дарованіями своими добивающихся вездѣ признанія.

Еврейская кровь дѣйствительно въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ принято думать, примѣшана къ крови многихъ европейскихъ княжескихъ родовъ. Придворный альманахъ, издаваемый въ Готѣ, заключаетъ немало поучительныхъ въ этомъ отношеніи данныхъ. Принцъ Людвигъ Ваварскій, братъ императрицы австрійской, состоитъ въ мorganатическомъ бракѣ съ еврейкой Генриеттой Мендель, дочерью мюнхенскаго золотыхъ дѣлъ мастера, нынѣ носящей титулъ баронессы Валервее. Единственная дочь принцессы Матильды Бонапартъ вышла замужъ за своего учителя рисованія Штерлинга, сына бѣдныхъ еврейскихъ родителей, получившаго впоследствии званіе и титулъ графа Валевскаго. Принцъ Генрихъ XIV Рейсс-Грейцъ женился на Маріанѣ Мейеръ изъ Берлина, впоследствии ставшей извѣстной подъ именемъ баронессы Эйбенсбергъ. Еще недавно владѣтельный князь Монако женился на Алисѣ Гейне, родственницѣ поэта; другая особа той же фамиліи, Марія Эмденъ Гейне, замужемъ за принцемъ Миталомъ Цито-Филомарино ди Мока д'Аспидо. Князь Радзивиллъ женился въ 1876 году на еврейкѣ по имени Луиза Вланкъ. По-

койный принцъ Полиньякъ былъ супругомъ Жанны Миресъ, а сынъ его Камилъ Полиньякъ состоялъ въ первомъ бракѣ съ Екатериной Лангенбергерь. Князь Эмиль Сейнт-Витгенштейнъ-Сейнъ вступилъ въ 1868 году въ мorganатическій бракъ съ Паулиною Лилленталь, котрой былъ дарованъ титулъ баронессы Клегдорфъ, а сестра ея въ 1867 г. сочеталась бракомъ съ княземъ Лудвигомъ Сейнт-Берлебургъ. Это все свѣдѣнія, извлеченныя изъ первыхъ двухъ отдѣловъ придворнаго альманаха; далѣе, гдѣ идетъ дѣло о низшемъ дворянствѣ, число еврейскихъ именъ еще болѣе увеличивается.

Весьма возможно, что если бы г. Шенереръ имѣлъ предъ глазами эту выписку изъ альманаха, онъ бы не такъ кипятился, когда узналъ, что его предокъ въ третьемъ поколѣннн былъ евреемъ, точно такъ же, какъ мы охотно смотримъ сквозь пальцы на кровное родство съ какимъ нибудь г. Шенереромъ... Слава Богу, у насъ есть цѣлая галлерей великихъ именъ всѣхъ вѣковъ, которые для міра имѣютъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ г. Шенереръ.

Мы желали бы надѣяться, что современный антисемитизмъ не хроническій, а острый недугъ вѣка, противъ котораго наиболѣе дѣйствительными средствами все-таки остаются просвѣщеніе, знаніе и прогрессъ въ наиболѣе идеальномъ смыслѣ этого слова. Стремленія австрійскихъ евреевъ должны бы быть направлены къ тому, чтобы извлечь возможную пользу для индивидуальной и общественной жизни своей изъ всѣхъ благъ конституціонной эры нашей. Къ сожалѣнію, это не всегда хотятъ понимать. Такимъ образомъ, напримѣръ, галиційскія общины еще до сихъ поръ не воспользовались признаннымъ за ними въ 1869 году правомъ на самоуправленіе по собственному статуту безъ всякаго вмѣшательства краевыхъ властей. Ихъ внутреннія учрежденія до сихъ поръ стоятъ подъ сѣнью стараго Іосифова эдикта о терпимости, отъ котораго они и не желаютъ вовсе освободиться. За исключеніемъ двухъ главнѣйшихъ общинъ Галиціи—краковской и львовской, завѣдующихъ своими дѣлами на новыхъ началахъ, всѣ прочія крѣпко держатся еще прежней рутинѣ и пребываютъ рабски вѣрны старинѣ въ то время, какъ давно уже взошло солнце свободы; да и эти двѣ передовыя общины усвоили себѣ одинъ внѣшній лоскъ, а не сущность новаго подрядка вещей, и вовсе не думаютъ о коренномъ преобразованнн своихъ дѣлъ. Додумались-ли

хоть въ одной общинѣ созвать общее собраніе съ цѣлью обсужденія всѣхъ наличныхъ вопросовъ, взаимнаго сближенія и поддержки? Одинъ только разъ попробовали-было духовные представители львовской общины образовать нѣчто въ родѣ сейма, но едва замѣтно стало противное теченіе изъ лагеря ортодоксовъ,—все предпріятіе, отъ котораго можно было ждать столько добра, рухнуло и уже болѣе никогда не возобновлялось. И почему?—Потому, что намъ недостаетъ необходимой серьезности, потому, что наши просвѣтители не имѣютъ никакой программы, потому, наконецъ, что мы, вообще говоря, вовсе и не имѣемъ партіи образованныхъ людей, поелику у насъ любить просвѣщеніе, пока изъ него можно извлекать себѣ пользу. Какъ только кому нибудь грозитъ потерять полномочія, онъ бросаетъ оружіе, прощается съ отвагой и храбростью, и словно волшебствомъ вчерашній просвѣтитель превращается въ отъявленнаго ортодокса. Скрытая пружинка, приводящая въ нашихъ мѣстахъ въ движеніе все безъ исключенія,—это «утилитарность».

Подумать, какъ обстояли у насъ дѣла въ сорокъ восьмомъ году? Какъ разъ обратно. А тогда еще права евреевъ были очень стѣснены и ограничены; кучка просвѣщенныхъ людей насчитывала едва нѣсколько членовъ, но эти члены были бодры духомъ, безкорыстны, воодушевлены благородной идеей творчества и образованія. И чего только не добились эта горсть въ неравной борьбѣ съ колоссальной массой прочаго населенія. То, что создано было ими въ свое время, и понынѣ существуетъ и составляетъ, къ сожалѣнію, весь инвентарь нашихъ благотворительныхъ учреждений. Синагога, больница, сиротскій домъ, богадѣльня—все это вызвали на свѣтъ Божій отдѣльныя личности—всѣ наперечетъ; но эти люди не знали еще огупляющаго слова «утилитарность», подавляющаго всѣ лучшія намѣренія въ самомъ зародышѣ. А что,—спросите,—сдѣлали мужи-просвѣтители нашего поколѣнія? Ничего, ровно ничего. Дали-ли они себѣ трудъ поддержать по крайней мѣрѣ старое?—Къ сожалѣнію, и это не всегда бывало. Куда ни помотришь,—повсюду непокрытая скудость. Развѣ не поворъ, что въ большинствѣ галиційскихъ гимназій нѣтъ еврейскихъ законоучителей? Даже въ Краковѣ—одной изъ наиболѣе развитыхъ общинъ края—нѣтъ ни въ одной изъ двухъ мѣстныхъ гимназій преподавателя іудейскаго закона вѣры, такъ что въ свидѣтель-

ствахъ еврейскихъ воспитанниковъ рубрика «Законъ Божій» остается невыполненной, точно у еврейскихъ учениковъ и религіи-то вовсе никакой нѣтъ. Правда, это обстоятельство само по себѣ представляетъ весьма грустное *свидѣтельство* для мѣстныхъ представителей общины, — свидѣтельство, въ которомъ слѣдуетъ считать невыполненными не только рубрику «религія», но и рубрики «прилежанія», «нравовъ» и «хорошаго поведенія».

Но въ то время какъ мѣстные единовѣрцы наши такъ непростительно грѣшатъ предъ своими дѣтьми, на помощь къ намъ являются наши нѣмецкіе собратья. Я говорю о вѣнской Allianz, выказывающей удивительное рвеніе въ дѣлѣ улучшенія положенія нашихъ внутреннихъ отношеній въ Галиціи. Она основываетъ училище за училищемъ. Въ послѣдніе дни въ городахъ Пршемышлѣ, Ярославѣ, Дорогобужѣ, Тарновѣ и Новозандицѣ возникло семь школъ Allianz'a одновременно, съ обширнымъ профессиональнымъ училищемъ въ Коломеѣ. Заведенія эти вдвойнѣ дороги для насъ. Во первыхъ, — дѣтямъ бѣдныхъ родителей они даютъ возможность уповать на лучшее будущее; во вторыхъ, въ этихъ училищахъ находятъ себѣ дѣло масса еврейскихъ учителей и учительницъ, которымъ, не смотря на всѣ ихъ способности, закрытъ доступъ въ государственныя школы.

Это движеніе въ пользу мѣстныхъ евреевъ съ каждымъ днемъ возбуждаетъ все болѣе недовольство галиційской печати, гдѣ то и дѣло раздаются громкія ругательства по адресу «проклятыхъ нѣмцевъ», вторгшихся узурпаторами въ польскую страну съ намѣреніемъ водрузить въ ней знамя германизма. Ни для кого, впрочемъ, не тайна, что именно скрывается подъ маской этого недовольства. нашихъ журналистовъ не перестаетъ бѣсить, что гиришевскіе милліоны достались въ руки Allianz, — событіе, о которомъ они тѣмъ болѣе жалѣютъ, что полагали одно время, будто милліоны эти уже у нихъ въ карманѣ. Эта досада, являющаяся слѣдствіемъ горькаго разочарованія, сказывается всякаго рода проклятіяхъ. Разуздается, гдѣ въ изливается не на одну только Allianz, но и на всѣхъ евреевъ вообще, и неистовствамъ печати въ этомъ направленіи конца краю не видать. Считать-ли это дѣйствительнымъ дѣйствіемъ означеннаго бѣснованія, — не знаю, но городъ Броды, кажется, уже заплатилъ полякамъ за барона Гирша. Въ тамошней гимназіи недавно ввели одно новшество, возбуждившее все еврейское населеніе. Гимназія въ Бродяхъ имѣетъ до 250 учени-

ковъ-евреевъ на 150 христіанъ; этотъ значительный перевѣсъ еврейскаго элемента былъ причиною того, что въ заведеніи принимали во вниманіе кромѣ христіанскихъ праздничныхъ дней и еврейскіе, въ теченіе которыхъ ученія въ гимназій не было. Но недавно получено было распоряженіе училищнаго совѣта, чтобы, начиная съ текущаго учебнаго года, гимназія закрывалась только по воскресеньямъ и христіанскимъ праздничнымъ днямъ. Это распоряженіе нельзя не считать вообще ретрограднымъ шагомъ и значительнымъ ограниченіемъ тѣхъ правъ, которыми до сихъ поръ пользовались бродскіе евреи.

Въ Румыніи антисемитизмъ проявляется въ совершенно иныхъ формахъ; ужь подлинно, что ни страна, то иной антисемитизмъ. Что, напр., скажутъ читатели, если я сообщу имъ, какъ въ одномъ румынскомъ мѣстечкѣ, «Дорогой» по названію, евреевъ заставили выстроить на ихъ же средства церковь для христіанскаго населенія? «Это невѣроятно!» воскликнуть, навѣрное, читатели. Но когда они узнаютъ всю исторію, имъ придется согласиться, что это возможно. Въ названномъ мѣстечкѣ въ одинъ прекрасный день «отцы народа» приняли рѣшеніе построить новую церковь, а дабы церковь эта была особенно священна и своеобразна, надлежало ее построить на деньги, извлеченныя изъ еврейскихъ кармановъ. Какъ бытъ, однако? Просто принудить евреевъ—это какъ-то не идетъ въ девятнадцатомъ столѣтіи и въ странѣ, основные законы которой признаютъ евреевъ равноправными гражданами. Остановились вотъ на какой хитромудрой комбинаціи: назначили высокую плату за рѣзку птицъ и т. п., и не для однихъ лишь евреевъ—упаси Боже!—напротивъ того: категорично было объявлено, что этому общинному налогу подлежатъ одинаково и христіане и евреи, словомъ—установлено было нѣчто въ родѣ интерконфессиональнаго общиннаго налога. Весьма натурально, что община не можетъ давать льготы такому причудливому желанію евреевъ, каково ѣсть только «шхиту»: за «фантазію» слѣдуетъ платиться. Ну, а буде и христіанину придется въ голову блажь цитаться такими деликатессами, какъ рѣзанная птица—ну, тогда платись и ты, любезный! Естественно, не нашлось въ общинѣ ни одного такого лакомого христіанина, каждый продолжаетъ прибѣгать къ старымъ традиціоннымъ приѣмамъ: гусямъ и курамъ скручивали головы, а телятъ, свиней и т. п. уби-

вали молотомъ, по обыкновенію. Либеральное министерство, понятно, не нашло никакихъ препятствій утвердить постановленіе общиннаго совѣта, какъ не находящееся ни въ какомъ противорѣчій съ гарантированнымъ закономъ равноправіемъ всѣхъ румынскихъ гражданъ. Въ результатъ получилось, что христіане на причитающуюся имъ часть «Общаго интерконфессиональнаго дополнительнаго налога» выстроили церковь, а евреямъ предоставлено или соблюдать свои законы, или сдѣлаться вегетеріанцами.

Съ особеннымъ чувствомъ удовольственія мы рады отмѣтить рядомъ съ вышеописаннымъ инцидентомъ, что и въ этой странѣ либеральнаго покровительства ретроградной юдофобіи нѣтъ недостатка въ евреяхъ, обращающихъ на себя всеобщее вниманіе своей серьезной дѣятельностью на разнообразныхъ поприщахъ науки. Недавно нѣкто Н. Гросманъ, молодой человекъ двадцати двухъ лѣтъ, опубликовалъ на румынскомъ и нѣмецкомъ языкахъ обширную филологическую работу, единогласно признанную въ компетентныхъ кругахъ вкладомъ, составляющимъ эпоху въ румынской литературѣ.

Гросманъ обнаружилъ въ своемъ сочиненіи рядомъ съ обширной эрудиціей и несравненную глубину взглядовъ, и основательное пониманіе духа румынскаго языка. Въ его распоряженіи такой лексиконъ румынскихъ словъ, что онъ приводитъ въ изумленіе записныхъ филологовъ. Онъ различаетъ малѣйшее нерумынское выраженіе въ языкѣ, чѣмъ немало шокируетъ современныхъ франкофильствующихъ писателей своей родины. Онъ приводитъ первоосновы каждого румынскаго корня, пускаясь въ сопоставленія словъ самыхъ разнообразныхъ древнихъ и новыхъ языковъ. Ему знакома каждая особенность народной рѣчи и мысли; онъ знаетъ какъ говорятъ въ городѣ и деревнѣ, на равнинахъ и въ горахъ, какъ выражались въ старину и въ настоящее время. Гросманъ замѣчательно удачно подобранными примѣрами даетъ рѣшительно всѣ мыслимыя прямыя и переносныя значенія каждого словечка. Почти всѣ большія румынскія газеты привѣтствовали трудъ молодого писателя и признали за нимъ значеніе триумфальной колонны въ области отечественной литературы.

Мы можемъ этотъ разъ обратить вниманіе читателей лишь на ограниченное количество новыхъ произведеній въ области литературы; намъ, напротивъ того, предстоитъ сообщить имъ

нѣчто не особенно пріятное по этой части, именно о прекращеніи одного еженедѣльника на древне-еврейскомъ языкѣ, издававшегося цѣлую четверть вѣка въ Бродахъ. Дѣло идетъ о журналѣ «Ibri Onochi», основаннымъ Барухомъ Верберомъ и редактировавшимся впоследствии его сыномъ, на дняхъ скончавшимся. Нельзя, правда, не сознаться, что именно въ редакціонномъ отношеніи, — если судить о вкусѣ редактора по вещамъ, пропущеннымъ имъ въ печать, — отъ названнаго изданія оставалось желать весьма многого; но въ качествѣ журнала, отстаивавшаго прогрессъ и образованіе, «Ibri Onochi» былъ вполне на своемъ мѣстѣ. Тенденція журнала всегда была въ сторону свободнаго и просвѣтительнаго направленія; онъ за все время своего существованія пребывалъ во главѣ борцовъ противъ нападокъ ортодоксовъ и zelотовъ. У него было также и нѣсколько видныхъ сотрудниковъ, въ томъ числѣ и извѣстный г. Шоръ, самъ ранѣе, лѣтъ сорокъ тому назадъ, издававшій еврейскій прогрессистскій органъ «Nacholuz» при участіи знаменитѣйшаго изъ древне-еврейскихъ сатириковъ Исаака Эртера, помѣщавшаго тамъ свои превосходныя произведенія. Перо Шора отличается ѣдкой сатирой и рѣдкимъ остроуміемъ, всегда попадающимъ въ цѣль. Во время раввинскаго собора въ Львовѣ «Ibri Onochi» обратилъ на себя всеобщее вниманіе рядомъ статей Шора, предавшимъ по смѣянію во имя высшихъ принциповъ всѣхъ тогдашнихъ «ревнителей» старины. Много пущенныхъ имъ въ оборотъ выраженій сохранились по сію пору въ качествѣ «крылатыхъ словъ» въ устахъ всего галиційскаго еврейства. Большая часть полемическихъ статей, о которыхъ идетъ рѣчь, написана въ мистически-каббалистическомъ тонѣ и можетъ считаться за наиболѣе удачныя подражанія стилю Зогара. Шору принадлежитъ также цѣлый рядъ ядовитыхъ, злыхъ эпиграммъ, обрушивавшихся въ разные времена на головы разныхъ исчадіи мрака, подобно ударамъ молота. Покойный раввинъ Симонъ Шрейберъ, въ котораго угодило немало острыхъ стрѣлъ Шора, былъ такъ-порядочно израненъ ими и корчился отъ нихъ какъ бѣсноватый. Г. Шоръ, еще и понынѣ отъ времени до времени выпускающій тетради своего «Nacholuz'a», былъ главной литературной опорой журнала «Ibri Onochi», прочіе же сотрудники набирались изъ среды галиційской полуврѣлой молодежи; произведенія ихъ были такъ же зелены и горячи, какъ и сами

авторы. При всемъ томъ, повторяемъ, намъ весьма жаль, что журналъ прекратилъ свое существованіе, такъ какъ все же это былъ единственный древне-еврейскій органъ Галиціи, зачинавшій прогрессивное направленіе въ наиболѣе идеальномъ смыслѣ.

Двѣ недѣли какъ въ Краковѣ появился новый еврейскій журналъ «Ha-Sman» (Время), редактируемый г. Р. Бродесъ. Судя по печатной программѣ этого изданія, оно поставило себѣ цѣлью прежде всего служить органомъ умѣренно-прогрессивной партіи, затѣмъ—критически освѣщать вопросы ритуала, далѣе—стать посредникомъ между старымъ и новымъ, между отцами и дѣтьми, въ наше время совершенно не понимающими болѣе другъ друга, потомъ—вліять на древне-еврейскую литературу при посредствѣ здоровой, реальной критики и наконецъ—предоставить молодымъ, восходящимъ дарованіямъ поприще для испытанія и укрѣпленія силъ.

По двумъ выпущеннымъ номерамъ пока еще трудно, правда, судить о пользѣ и литературныхъ достоинствахъ новаго изданія, но имя редактора, составившаго себѣ почтенную извѣстность своими разсказами на древне-еврейскомъ языкѣ, служить достаточной порукой, что журналъ его сумѣетъ стать на высоту своего положенія. По крайней мѣрѣ уже и теперь напечатанное введеніе къ обширной работѣ «Israel W'hasmanim» обѣщаетъ, кажется, что и сама статья, и по языку и по содержанию, станетъ въ рядъ съ наиболѣе видными работами по той же отрасли. Особенный интересъ судить намъ появившееся уже начало новѣсти, озаглавленной «L'on Plasinj», гдѣ будутъ отмѣчены разныя теченія въ средѣ современнаго еврейства и преслѣдоваться та тенденція, что іудаизму надлежитъ приблизиться снова къ основнымъ задачамъ своимъ, отъ которыхъ онъ удалился въ послѣднія десятилѣтія.

Нѣскольکو мѣсяцевъ тому назадъ вышла въ свѣтъ другая повѣсть того же автора, о которой я уже вскользь упомянулъ въ предпослѣдномъ письмѣ моемъ, обѣщавъ читателямъ еще разъ вернуться къ ней, что я теперь и дѣлаю тѣмъ охотнѣе, что вещь эта взята прямо изъ дѣйствительности и дѣйствующія лица ея являются представителями разныхъ современныхъ направленій. Повѣсть та, какъ вспомнятъ читатели, называется «Hagimon» соответственно эпиграфу, взятому изъ Талмуда: «Раби Менрѣ нашелъ гранатное яблоко, мякоть онъ

съѣлъ, а скорлупу бросилъ». Этотъ эпиграфъ составляетъ, можно сказать, сущность самаго разсказа. Четыре лица особенно выдвигаются на передній планъ дѣйствія. Отецъ, р. Мееръ по имени, стремящійся къ одной только правдѣ, для котораго видимость и внѣшность не имѣютъ ровно никакого значенія; онъ желалъ бы найти для своей дочери мужа, который также какъ и онъ стремился бы къ свѣту и правдѣ. Затѣмъ идетъ жена р. Меера, женщина честолюбивая, которой нуженъ для дочки такой супругъ, въ лучахъ котораго и она могла бы возсіяты. Дочка—суетное созданіе, не думающее ни о правдѣ, ни о честолюбіи, и всецѣло преданное идоламъ моды; эта особа мечтаетъ о суженомъ, который сдѣлалъ бы ее госпожой докторшей. И вотъ случай устраиваетъ такъ, что всѣ три вмѣстѣ обрѣтаютъ въ одномъ лицѣ свой идеаль. Начинаютъ именно сватать дочкѣ—доктора философіи, раввина въ современномъ вкусѣ. Отецъ радъ философу, ужъ навѣрное, судя по его титулу, стремящемуся къ истинѣ; мать счастлива надеждой сдѣлаться тещей самого господина «рабинера», а дочь просто въ восхищеніи что вотъ-вотъ она услышитъ, какъ ее титулуютъ вездѣ «Frau Doctor» такая-то. Чтобы переполнить мѣру благополучія, услужливая судьба устраиваетъ такъ, что случайно въ городкѣ открывается вакансія раввина и, благодаря настояніямъ р. Меера, означенный докторъ философіи уже приглашенъ произнести пробную проповѣдь. Но тутъ для р. Меера наступило разочарованіе. Докторъ философіи оказался весьма галантнымъ господиномъ съ утонченными, льстивыми манерами и не такъ-то убивающимся по истинѣ и справедливости. Разговоры онъ велъ просто подлированные, но за то и безсодержательные же—что твои орѣхи-пустышки: шелуха безъ ядра. Его поступки никогда не бывали слѣдствіями его личныхъ убѣжденій, а, напротивъ того, вѣчно приспособлялись къ мнѣніямъ окружающихъ. Въ одной бесѣдѣ господинъ докторъ даже такъ выразился, что это онъ въ самой бреславской семинаріи отъ самихъ господъ профессоровъ и изучая жотину, что мыслить и дѣлать—двѣ вещи совершенно различныя. Однако, этого дуализма мозговъ и языка бѣдный р. Мееръ никакъ не могъ въ толкъ взять. На этомъ пунктѣ дѣйствіе разсказа достигаетъ полнаго развитія, причемъ авторъ не безъ юмора характеризуетъ то тутъ, то тамъ и другіе свои два типа: маменьку и дочку.

Содержаніе повѣсти, какъ усмотритъ читатель, непосредственно проистекаетъ изъ ключа современной жизни; но изложенію недостаетъ послѣдовательности, а отдѣльные эпизоды не всегда служатъ къ чести хорошаго вкуса автора. Такъ, напр., совершенно не соотвѣтствуетъ гладкимъ манерамъ доктора философіи слѣдующій эпизодъ. Внезапно, посреди оживленнаго спора, упомянутый господинъ словно помѣшанный устремляется вонъ изъ комнаты; за нимъ бѣгутъ присутствующіе — кто съ водой, кто съ лекарствомъ, полагая, что онъ вдругъ почувствовалъ себя дурно; оказывается, однако, что г. докторъ въ разговорѣ наткнулся на подходящее словечко для своей пробной проповѣди, и вотъ, чтобы не забыть его, онъ и ринулся какъ полоумный къ себѣ въ комнату, чтобы записать его для памяти. Это неестественно для такого галантнаго и общительнаго «рабинера» и напрасно авторъ прибѣгнулъ къ такому дешевому эффекту. Еще неестественнѣе, что такой отецъ, какимъ авторъ намъ рисуетъ р. Меера, любитель голый истины и врагъ внѣшнихъ прикрасъ, до того далъ увлечь себя гладкими, примазанными рѣчами жениха, что не только поневолѣ согласился на помолвку его съ дочерью, но даже чувствовалъ себя на верху блаженства. Гдѣ тутъ послѣдовательность?

Или, можетъ быть, авторъ и хотѣлъ намъ показать какъ вообще люди поддаются внѣшности и формѣ? Да, это вѣрно о людяхъ обыкновенныхъ, а не о такомъ р. Меерѣ, какого намъ рисуетъ авторъ, — о человѣкѣ, ищущемъ повсюду однѣхъ лишь сущностей. Отдавая должное талантливому автору, во всѣхъ своихъ произведеніяхъ обнаруживающему недюженную художественность изображенія, нельзя, однако, не признать, что въ разбираемой повѣсти главный типъ ему не удался. Этотъ р. Мееръ не настоящій, не тотъ, къ которому относится эпиграфъ, это — псевдо-раби Меиръ, у котораго «сущность и ядро» только на языкѣ, а въ дѣйствительности онъ и самъ удовлетворяется «пустой шелухой».

Veritas.

Львовъ, 15-го септѣбра.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВѢЧНЫЕ И ЭФЕМЕРНЫЕ ИДЕАЛЫ ЕВРЕЙСТВА.

1) *La Gerbe. Etudes, souvenirs, lettres, pensées, publiés à l'occasion du cinquantenaire du recueil hebdomadaire «Les Archives Israélites».* Paris, 1890. VII+70 pp. in 4° («Снопъ. Этюды, воспоминанія, письма и мысли. Издано по случаю 50-лѣтія еженедѣльнаго журнала «Еврейскій Архивъ», въ Парижѣ»).

Въ началѣ этого года, въ Парижѣ, въ средѣ мѣстной еврейской интеллигенціи происходило скромное литературное торжество. Исполнилось 50 лѣтъ со времени возникновенія перваго литературнаго органа французскихъ евреевъ—нынѣ еженедѣльнаго журнала «Archives Israélites». Основателемъ этого маленькаго, но стойкаго въ своемъ направленіи и плодотворнаго своею дѣятельностью журнала былъ *Самуилъ Кагенъ*, учитель еврейской консисторіальной школы въ Парижѣ и ученый переводчикъ Вибліи. Журналъ сначала выходилъ книжками въ неопредѣленные сроки, затѣмъ сталъ появляться то еженѣсячно, то два раза въ мѣсяцъ, и наконецъ (съ 1879 г.) преобразился въ еженедѣльное изданіе. Нынѣшніи редакторомъ его состоитъ, вотъ уже тридцать лѣтъ, *Исидоръ Кагенъ*, сынъ покойнаго основателя,—человѣкъ съ большими общими и спеціальными знаніями (онъ одно время занималъ кафедрѣ философіи въ «Нормальной Школѣ») и съ опредѣленнымъ религіознымъ и политическимъ міросозерпаніемъ. Полувѣковой юбилей «Архива» подалъ поводъ къ появленію названнаго выше сборника статей, писемъ и замѣтокъ, принадлежащихъ перу нѣкоторыхъ замѣчательнѣйшихъ французскихъ ученыхъ и мыслителей, какъ евреевъ, такъ и христіанъ.

Какъ ни разнообразно содержаніе этого импровизированнаго юбилейнаго сборника, однако, онъ весь, *in toto*, производитъ совершенно цѣльное, опредѣленное и—надобно прибавить—въ высшей степени отрадное впечатлѣніе. Вы видите, какъ люди различныхъ званій и воззрѣній единодушно

сходятся во взглядахъ на одинъ изъ величайшихъ современныхъ вопросовъ, который въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, не достигшихъ высокой цивилизаціи Франціи, все еще раздѣляетъ общество на враждебные лагери. Въмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ коллективномъ трудѣ представителей мыслящаго французскаго еврейства для насъ выясняется какъ то особенно положеніе, которое занимаетъ еврейскій вопросъ во Франціи, такъ и характерное направленіе франко-еврейской литературы. Ибо, строго говоря, во Франціи нѣтъ вопроса о евреяхъ (мертворожденная агитація Дрюионовъ и Моресовъ не въ счетъ), а есть только вопросъ о *еврействѣ* или, еще точнѣе, о *иудаизмѣ*, — вопросъ болѣе духовный, философскій, чѣмъ социальный. Этотъ вопросъ, возникшій вслѣдъ за гражданской эмансипаціей французскихъ евреевъ, занималъ уже полвѣка тому назадъ лучшіе еврейскіе умы, въ родѣ Сальвадора, Мунка, Ад. Франка, и ихъ усиліями перенесенъ былъ на арену общей религіозно-философской литературы, гдѣ онъ и нынѣ занимаетъ почетное мѣсто. Плодотворная дѣятельность гениальнаго Сальвадора въ этомъ направленіи, хорошо извѣстная и оцѣненная на Западѣ, знакома у насъ лишь немногимъ. Этотъ оригинальный мыслитель впервые опредѣлилъ грандіозное мировое назначеніе иудаизма, какъ универсальной «*раимги* будущаго». Другой замѣчательный ученый и мыслитель, Соломонъ Мункъ, писалъ ровно полвѣка тому назадъ (въ первой книгѣ «*Archives Israélites*» за 1840 г.) слѣдующее:

«Великая миссія, которую наша древняя религія должна была исполнить въ исторіи рода человѣческаго, далеко еще не достигла своего послѣдняго предѣла. Провидѣніе, проявляющееся въ исторіи и видное всѣмъ, способнымъ познать Его въ такихъ проявленіяхъ, — это Провидѣніе сильнѣе нашей человѣческой воли, и не отъ насъ зависитъ освободиться отъ той миссіи, которая начинается съ Авраама и кончается Мессіею, т. е. окончательнымъ торжествомъ религіозныхъ и нравственныхъ идей, основанныхъ на чистомъ монотеизмѣ, о которомъ говорили наши боговдохновенные ораторы, именуемые *Невиимъ*. Пока этотъ истинно монотеистическій культъ не сдѣлается знаменемъ народовъ, среди которыхъ мы живемъ, мы будемъ отличать себя, даже поневолѣ, особымъ флагомъ, — что, впрочемъ, вовсе не значитъ, что мы должны сохранять всѣ злоупотребленія, которыми вѣка прака отяготили нашъ культъ, которые суть только дѣло рукъ человѣческихъ и недостойны нашего божественнаго призванія. Наша миссія совершается постоянно силою прогресса религіозныхъ идей, ибо именно наши священныя книги внесли свѣтъ въ темное царство язычества, а потому всѣ религіозныя общества, кото-

ры признають авторитетъ этихъ книгъ, должны дойти въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ до такого момента, когда они откажутся и отъ понятій, отдѣляющихъ ихъ отъ монотенизма іудейскаго»...

Эти вѣщія слова вѣщали въ себѣ цѣлое направление, которое съ 40-хъ годовъ получило преобладаніе въ франко-еврейской литературѣ, гдѣ оно господствуетъ и понынѣ, увлекая нерѣдко даже наиболѣе могучихъ мыслителей-христіанъ, въ родѣ Эрнеста Ренана. Разсматриваемый сборникъ представляетъ собою выраженіе этого именно идеальнаго направленія въ настоящемъ. Въ немъ нѣкоторые изъ крупнѣйшихъ современныхъ писателей резюмируютъ свои взгляды на роль и задачи іудаизма. Не считая специальныхъ, приличныхъ случаю статей, какъ, напр., отчеты о 50-ти-лѣтней дѣятельности «Archives Israélites» Ис. Кагена и г. Прага, или воспоминанія и привѣтственные письма нѣкоторыхъ близкихъ къ редакціи юбилейнаго изданія лицъ, — всѣ прочія выдающіяся статьи въ сборникѣ «La Gerbe» трактуютъ о великихъ вопросахъ, затрагивающихъ самые глубокіе жизненные интересы еврейства. Такова, между прочимъ, замѣчательная статья Э. А. Астриюка (раввина байонскаго и почетнаго верховнаго раввина бельгійскаго) подъ заглавіемъ: «Почему мы остаемся евреями?» (Pourquoi nous restons Juifs?). Эта статья успѣла уже минувшими лѣтми обратить на себя вниманіе юдофобскаго смысла въ «Новомъ Времени», которое по обыкновенію искажило ея содержаніе, и вызвала несообразную замѣтку въ «Недѣльѣ» г. Португалова, который, впрочемъ, признается, что разсматриваемой статьи не читалъ¹. А между тѣмъ взгляды автора статьи, раввина Астриюка, показавшіеся у насъ столь удивительными, вовсе не новы во Франціи, ибо они въ сущности представляютъ собою повтореніе вышеприведенной profession de foi Мунка, возрѣній Сальвадора и цѣлой школы западно-европейскихъ писателей. Остановливаясь на всѣхъ господствующихъ мировыхъ религіяхъ, оцѣнивая ихъ неоспоримыя достоинства и замѣтные недостатки, Астриюкъ приходитъ къ убѣжденію, что еслибъ намъ, т. е. современной мыслящей части еврейства, предстояло теперь выбрать любую вѣру кромя еврейской, то имъ предпочли бы всѣмъ существующимъ практическимъ религіямъ отвлеченную «естественную религію» (деизмъ), догматика которой сводится лишь къ тремъ началамъ: *теореніе, откровеніе, воздаяніе*; но тутъ-то мы замѣчаемъ, что и догматика чистаго іудаизма по су-

¹ См. № 23 „Нед. Хроникъ Восхода“ сего года, въ „Отголоскахъ печати“, и предлаущіе №№.

шеству не заключаетъ въ себѣ ничего, кромѣ этихъ трехъ основныхъ началъ. Стало быть, намъ незачѣмъ мѣнять свою древнюю вѣру, заключающую въ себѣ самое здоровое, вѣчное зерно религіи и совпадающее даже съ философскимъ деизмомъ. Сверхъ того, Астрюкъ видитъ въ еврейскомъ вѣроученіи тѣ великія освободительныя начала, которыя составляютъ залогъ социальнаго счастья народовъ. Всѣ эти соображенія заставляютъ его патетически воскликнуть: «Дѣти Израиля! Возьмитесь опять за нашу традиціонную и лишь временно прерванную миссію. Будучи разсыяны Богомъ по всѣмъ концамъ свѣта, связанные взаимнымъ расположеніемъ и общими интересами съ различными народами, — постарайтесь повести эти народы къ осуществленію возвышенныхъ видѣній нашихъ пророковъ, которые стали и ихъ пророками и которыхъ предвѣщанія остаются еще неисполненными. Непокоробимые мессіанисты, мы должны побуждать ихъ переносить свое смертоносное оружіе въ орудія плодотворнаго труда. Стойкіе апостолы всечеловѣческаго братства, попытайтесь ускорить то блаженное время, когда съ высоты священной горы, сѣдалища высшей справедливости, раздастся властное слово всемірнаго умиротворенія! Въ ожиданіи же этого счастливаго времени, когда, согласно нашихъ мечтамъ, «Иерусалимъ будетъ столь же великъ, какъ вся Палестина, а Палестина — какъ весь земной шаръ», — мы должны оставаться «подъ сѣнью синагоги» и обожать Бога Моисеева, того Іегову, который Самъ Себя называлъ: «*Я есмь Тотъ, который есмь*» (стр. 21).

Этотъ анонеозъ чистаго іудаязма, будящій въ еврейской душѣ самыя благородныя, высокія стремленія, слышится и въ статьѣ знаменитаго *Адольфа Франка*: «Еврей и челоѣчество». Маститый мыслитель и академикъ также убѣжденъ, что, «какъ раса и какъ религіозная группа, Израиль еще не сказалъ своего послѣдняго слова, еще не исполнилъ всей своей задачи», что еврейству «предстоитъ еще играть великую роль въ таинственной и безконечной драмѣ челоѣческаго рода» (стр. 35). Судьба евреевъ тѣсно связана съ судьбою всего челоѣчества. «Самые ужасныя дни для Израиля всегда были и бывають бѣдственными, хотя и въ меньшей степени, и для всѣхъ вообще слабыхъ и униженныхъ, т. е. для большинства христіанскаго общества, для огромнаго числа обитателей всего земнаго шара». Евреи являются жертвами за грѣхи челоѣчества; ихъ благополучіе тѣсно связано съ торжествомъ гуманннхъ идей. Стало быть, духовное усовершенствованіе и идеальная неждучелоѣческая нравствен-

ность должны составлять священнѣйшее стѣдо мыслящаго еврейства. И въ этомъ-то именно заключается еврейская мессіанская идея...

Другой выдающійся публицистъ и политическій дѣятель, *Фернандъ Кремье* (сынъ великаго патриота), въ статьѣ «Клерикализмъ и іуданствъ» доказываетъ, что еврейству совершенно чуждъ клерикальный духъ, ведущій обыкновенно къ «умственному убожеству и къ догматическому рабству», и что еврейское духовенство никогда не пользовалось такою властью, которая давала бы ему возможность совершать разныя злоупотребленія, какими часто пользовало себя католическое духовенство. Авторъ, конечно, упустилъ изъ виду нѣкоторые печальные факты еврейской средневѣковой исторіи, показывающіе, что и раввины не всегда стояли на высотѣ своего положенія; но общій выводъ его вѣроен: клерикализмъ, какъ извѣстное свѣтское *направленіе*, дѣйствительно незнакомъ еврейству. Заключительныя строки статьи г. Кремье гласятъ: «Будучи средни философіи, отличающаяся уваженіемъ и терпимостью къ вѣрованіямъ, коихъ онъ не раздѣляетъ, іуданствъ, давшій міру наиболее чистую нравственность, и понинѣе является одною изъ дѣятельныхъ силъ чловѣческаго духа, однимъ изъ благороднѣйшихъ чаяній чловѣчества» (стр. 81).

Во всѣхъ этихъ обобщеніяхъ и чаяніяхъ, кроивъ ихъ философской основы, есть несомнѣнно много мистическаго, мечтательнаго; но вѣдь безъ нѣкотораго мистическаго элемента не обходится ни одно вѣрованіе, даже самое свѣтлое, очищенное. Во всякомъ случаѣ, это безспорно мистицизмъ здоровый, спасительный, возвышающій духъ и облагораживающій чувства. А «подземъ духа» никогда, можетъ быть, не былъ такъ нуженъ евреямъ, какъ именно теперь, въ переживаемую нами тяжкую годину. Позорная антисемитическая пропаганда коснулася Франціи лишь слегка и немножкомъ; она встрѣтила тамъ единодушный протестъ всѣхъ лучшихъ людей; но она все-таки не могла не вызвать скорбныхъ чувствъ въ сердцахъ ветерановъ еврейскаго прогресса, пережившихъ болѣе свѣтлыя эпохи. Эта скорбь слышится въ нѣкоторыхъ публицистическихъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ «La Gerbe», и въ особенности въ статьѣ «Полвѣна» («Un demi-siècle») *Юзефа Коена*. Вспоминая о началѣ 40-хъ годовъ во Франціи, престарѣлый авторъ восклицаетъ: «Да, мы (евреи) всѣ тогда были охвачены энтузіазмомъ въ виду новыхъ свѣтлыхъ горизонтовъ, открывавшихся для старыхъ изгнанниковъ Сіона среди современнаго общества. Мы были пронизаны безграничною любовью къ нашей пріемной матери, которая смотрѣла на насъ какъ на родныхъ дѣтей. Мы жили въ

атмосферѣ искренняго братства, гдѣ, казалось, исчезли, какъ тучи съ прояснивагося неба, всѣ старинныя предрасудки, которые въ теченіе вѣковъ преслѣдовали и угнетали сыновей Якова. Наше еврейское дѣло стало тогда, для всѣхъ людей чувства и добра, дѣломъ самой цивилизаціи... Мы въ свою очередь отвѣчали на эти сочувственныя къ намъ отношенія горючей преданностью странѣ-освободительницѣ, которой мы удостоились сдѣлаться гражданами»... «Какъ же это случилось, — спрашиваетъ далѣе авторъ, — что среди такого свободолюбиваго и терпимаго общества, гдѣ евреи насчитывали столько искреннихъ друзей, гдѣ они въ правѣ сказать, что вполне оправдали возлагавшіяся на нихъ ожиданія, — какъ же случилось, что въ этой средѣ поднялся вдругъ противъ евреевъ крикъ ненависти, пробудившій всѣ грубыя страсти, всѣ фанатическія поползновенія, которыя, казалось, навѣки поглощены были пропастью прошедшаго?» (стр. 24). Отвѣтъ ясенъ: упадокъ прогрессивныхъ идей, темная умственная и социальная реакція, царящая съ 70-хъ годовъ въ европейскомъ обществѣ, временно поколебали нормальное положеніе вещей, созданное великими принципами 1789 года. Отсюда—выводъ, тождественный съ тѣмъ, который сдѣланъ выше Ад. Франкомъ, а именно: что дѣло евреевъ—дѣло цивилизаціи, и что еврейство, даже въ эпоху господства ретроградныхъ стремленій, должно стоять на-стражѣ освободительныхъ началъ, которыми въ концѣ концовъ не могутъ не восторжествовать...

Такъ-то мыслящая часть французскаго еврейства умѣетъ поддерживать въ себѣ бодрость духа и воодушевлять другихъ великими, вѣчными принципами, даже въ виду печальныхъ явленій настоящаго. Правда, эти печальныя явленія далеко не такъ чувствительны для нашихъ французскихъ единовѣрцевъ, какъ для насъ, ибо мы эти явленія переживаемъ, между тѣмъ какъ они преимущественно ихъ только наблюдаютъ; но вѣдь тѣмъ необходимо, тѣмъ несчастливѣе для насъ, —хоть оно и гораздо труднѣе, тѣмъ для нашихъ болѣе счастливыхъ братьевъ,—стоять на высотѣ упомянутыхъ великихъ принциповъ, питать въ наболѣвшей душѣ свѣтлыя идеалы и вѣру въ будущее... Чѣмъ темнѣе и холоднѣе кругомъ, тѣмъ больше нуждаемся мы во внутреннемъ свѣтѣ, во внутреннемъ огнѣ. Къ несчастію, однако, у насъ ничего нѣтъ достойныхъ духовныхъ факельщиковъ. Есть, правда, и между нами люди, претендующіе на это высокое званіе; но, вѣчего грѣха таить, ихъ факелы горятъ не ярче копѣчной свѣчки. Они, что называется, далеко плаваютъ и никогда не поднимаются на тѣ идеальныя высоты, которыя

такъ нужны намъ среди всеобщаго потопа. Мы видѣли, какъ широко понимаютъ національную идею еврейства наши французскіе единовѣрцы, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей; а вотъ какъ понимаютъ эту же идею наши доморощенные «націоналисты». Открываешь слѣдующую книгу:

2) ПЛЪ: Улей. *Литературный сборникъ. Одесса, 1890 (112 стр. in 8°).*

Это анонимное изданіе принадлежитъ, очевидно, одесскому «палестинскому» кружку. Сборникъ открывается небольшою замѣткой г. *Лиліенблюма*, играющей роль «руководящей статьи», подъ заглавіемъ: «Чего требуетъ національная идея?» Национальная идея, — разсуждаетъ авторъ, — требуетъ, чтобы народъ сохранялъ во всей силѣ и чистотѣ не наружные, а внутренніе признаки національнаго духа, какъ, напримѣръ, особое міросозерцаніе, извѣстныя нравственныя наклонности и житейскія привычки, составляющія духовное наслѣдіе этого народа. Послѣ такого тезиса, можно было бы подумать, что г. Лиліенблюмъ признаетъ цѣнными сокровищами нашего національнаго духа только міросозерцаніе и мораль іудаизма, но отнюдь не весь балластъ обрядностей, большею частью не имѣющихъ ничего общаго ни съ одною изъ основъ еврейской вѣры. Оказывается, однако, не то. Вслѣдъ за вышеприведеннымъ тезисомъ, авторъ бездоказательно заявляетъ, что «всѣ своды нашихъ религіозныхъ законовъ тѣсно связаны у насъ съ національнымъ духомъ», а потому тотъ порываетъ связь съ еврействомъ, кто не соблюдаетъ законовъ о пищѣ, кто нарушаетъ безчисленные и почти невыполнимые субботніе и праздничные законы, и т. д. Такимъ образомъ, іудаизмъ, исповѣдуемый вѣмецкими евреями-реформистами, авторъ объявляетъ «подложнымъ іудаизмомъ». Интересно знать, что сказалъ бы г. Лиліенблюмъ о іудаизмѣ, исповѣдуемомъ такими людьми, какъ Франкъ, Астрикъ, Веаль, и охарактеризованномъ нами выше. Неужели и ихъ возвышенные идеалы, основанные на міросозерцаніи библейскихъ пророковъ, также подложны и не національны? Съ какихъ же это поръ г. Лиліенблюмъ сталъ думать, что критеріемъ истиннаго іудаизма служить не Библия, а лишь «Шуланъ-Орухъ» Іосифа Каро? Помнится, что лѣтъ 15—20 тому назадъ авторъ разбираемой замѣтки съ жаромъ утверждалъ нѣчто прямо противоположное.

Сравнительно больше послѣдовательности и серьезности въ статьѣ, носящей внушительное заглавіе «Анализъ души» и подписанной *Однимъ изъ народа*. Авторъ, очевидно знакомый съ европейскою философіей, стоитъ

всѣѣло на почвѣ отвлеченныхъ началъ. Онъ видитъ въ жизни индивидуума три момента: моментъ жизнерадостнаго сознанія и полной гармоніи между двумя силами души—разумомъ и фантазіей, моментъ преобладанія фантазіи вслѣдствіе жизненныхъ невзгодъ и моментъ пессимизма, логически вырабатываемаго благодаря черезчуръ продолжительнымъ сквернымъ обстоятельствамъ. Такіе же послѣдовательные фазисы авторъ видитъ и въ жизни народовъ, и въ частности—въ исторической жизни еврейскаго народа, гдѣ эти фазисы могутъ быть охарактеризованы тремя словами: древняя Іудея съ ея здоровымъ политическимъ строемъ, средневѣковыя съ ея Талмудомъ и фантастическимъ мессіанствомъ и, наконецъ, наше время съ ея безвѣріемъ и пессимизмомъ. Однако, авторъ признаетъ, что и пессимисты наши (которыхъ онъ очень неясно характеризуетъ), отрицающіе практическій націонализмъ, признаютъ націонализмъ духовный, вѣрять въ какую-то просвѣтительную миссію еврейства. Конецъ статьи очень тѣменъ. Авторъ, повидному, хотѣлъ сопоставить упомянутыхъ духовныхъ націоналистовъ съ практическими, т. е. съ палестинцами, но почему-то осыкъ и кончилъ тѣмъ, что призываетъ «крайнія партіи» къ взаимной терпимости. Вообще статья много проигрываетъ отъ излишняго лаконизма. Не свидѣтельствуетъ-ли ея двусмысленный конецъ, что и самъ авторъ принадлежитъ къ числу сквентиковъ, взвѣрившихся даже въ новѣйшихъ чаяніяхъ «практическихъ» націоналистовъ?

Это предположеніе отчасти подтверждается другою, болѣе обширною статьей того же анонима, помѣщенной въ рассматриваемомъ сборникѣ. Въ этой статьѣ («Старыя бумаги») авторъ не безъ остроумія изображаетъ шатаніе умовъ въ русско-еврействѣ въ послѣднее десятилѣтіе и свои собственные блужданія отъ одного направленія къ другому. Въ статьѣ встрѣчается много прозрачныхъ намековъ на различныя событія, литературныя явленія и «дѣятели» послѣдняго времени. Ко всѣмъ и ко всему авторъ относится иронически; вездѣ онъ видитъ либо глупость, либо зависть. Даже націоналистическое или палестинфильское движеніе его не удовлетворяетъ. Единственный результатъ, къ которому онъ приходитъ,—отрицательный: онъ признаетъ, что лучше всего вовсе не задумываться ни надъ чѣмъ, а дѣйствовать такъ, просто, не мудрствуя, убаюкивая себя вѣрой и надеждою, которыя—основательны онѣ или нѣтъ—все-таки спасаютъ душу, между тѣмъ какъ рефлексія терзаетъ ее... Такъ-то пессимизмъ про-является и среди нашихъ палестинфильцевъ. Не происходитъ-ли это оттого,

что изъ идеалы, за рѣдкими исключеніями, слишкомъ узки, эфемерны и не имѣютъ глубокихъ корней въ исторіи?

Остальные «идейныя» статьи въ сборникѣ, написанныя, повидимому, еще вѣрующими «палестинцами», не представляютъ ничего оригинальнаго, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и не лишены интереса (статья г. *Равницкаго* о пріездахъ древне-еврейской литературной рѣчи, очеркъ г. *Айзенштадта* «Во вратахъ Іерусалима», некрологъ раввина-палестинфила М. Эліашберга).

Лучшею и во всякомъ случаѣ довольно объективною вещью въ сборникѣ является очеркъ «Симъ и Яфетъ въ одномъ вагонѣ», подписанный *Менделемъ Мойхерсфоримомъ* (псевдонимъ г. С. Абрамовича). Г-нъ Абрамовичъ давно уже не писалъ по древне-еврейски, чуть-ли не со времени своихъ «Отцовъ и дѣтей». Его прекрасныя бытовые очерки, столь прославившіе его, написаны на разговорномъ языкѣ той массы, которой жизнь онъ такъ мастерски описываетъ. Можно было думать, что нашъ бытописатель навсегда оставилъ языкъ Библии, признавъ его непригоднымъ для цѣлей современнаго бытописанія. Последний очеркъ г. Абрамовича убѣждаетъ насъ въ противномъ. Талантъ автора превозмогъ всѣ трудности формы—и передъ нами теперь бытовой эпизодъ, одинаково поражающій и вѣрностью изображенія, и оригинальною красотой языка. Аллегорическіе «Симъ» и «Яфетъ» являются въ разсказѣ въ образахъ еврейскаго портного Мойши и бѣднаго поляка съ неудобнопроизносимой фамиліей. Оба героя жили въ восточной Пруссіи, пока не были изгнаны отсюда въ силу извѣстнаго распоряженія о польскихъ выходцахъ. Пока оба жили спокойно, національное различіе нерѣдко прорывалось въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ въ довольно рѣзкой формѣ; но когда ихъ постигло общее горе и они обречены были на бродячую, почти нищенскую жизнь, всякое различіе исчезло и между полякомъ и евреемъ установились истинно-братскія отношенія. Полякъ, бывший ранѣе зачищникомъ національных распрей, смирился духомъ и сталъ покорнымъ «ученикомъ» еврея. Последний обучалъ своего товарища житейской мудрости, воздержности, извѣстнаго рода «ловкости» и искусству выпутываться изъ самыхъ трудныхъ обстоятельствъ. Эту оригинальную парочку авторъ встрѣтилъ въ вагонѣ желѣзной дороги въ самой трагиконической обстановкѣ, мастерски имъ изображенной. Нилучшее мѣсто въ очеркѣ — картина еврейской желѣзнодорожной сutoлки, занимающая первую главу. Весь очеркъ производитъ впечатлѣніе эпизода или отрывка, но впечатлѣніе само по себѣ совершенно цѣльное и сильное. Языкъ напоминаетъ во многомъ превосходный прозаическій стиль г. Гордова по своей живости и игривому тону.

Рядомъ съ очерковъ г. Абрамовича помѣщена критическая статья о жаргонныхъ произведеніяхъ этого писателя подъ заглавіемъ: «Еврейская улица и ея бытописатель». Авторъ статьи г. Эпштейнъ занимается не столько разсказами превозносимаго нивъ беллетриста, сколько анализомъ тѣхъ бытовыхъ и литературныхъ условій, которыя создали современную реальную еврейскую беллетристику. Анализъ этотъ довольно вѣренъ, но скольконибудь детальной оцѣнки дѣятельности г. Абрамовича мы въ статьѣ не находимъ. Виѣсто оцѣнки является апоэозъ. Въ статьѣ очень много энтузіазма и лирическаго паэоса; написана она красивымъ, увлекательнымъ языкомъ. Г. Эпштейнъ совѣтуетъ нашему жаргонному бытописателю «сдѣлать древне-еврейскую рѣчь орудіемъ своего таланта». Мы съ своей стороны думаемъ, что г. Абрамовичу слѣдовало бы воспользоваться этимъ совѣтомъ лишь постольку, поскольку это не будетъ стѣснять его беллетристическое творчество.

Не останавливаясь на прочіихъ мелкихъ статьяхъ въ сборникѣ «Улей», замѣтимъ только, что въ этомъ выпускѣ сборника вообще поражаетъ полное отсутствіе историческихъ и научныхъ статей. Это свидѣтельствуетъ о сильномъ умственномъ оскудѣніи въ извѣстныхъ кругахъ нашего общества, объ узости современной мысли, о неумѣніи или нежеланіи оторваться хоть на время отъ непріятной дѣйствительности и перенестись въ область прошедшаго, гдѣ, въ сущности, заключается вся наша слава, весь родникъ нашего народнаго самосознанія. Печально видѣть, что даже наши «идеалисты» не могутъ освободиться отъ излишняго практицизма, который сильно суживаетъ ихъ міросозерцаніе,—въ чемъ убѣждаетъ насъ сопоставленіе вышеприведенныхъ воззрѣній корифеевъ французскаго еврейства съ неказистыми вождѣльніями нашихъ «націоналистовъ». Очевидно, что среди насъ — die Ideale sind zerronnen...

Критикусь.

БИБЛЮГРАФІЯ.

ВЪ НОВОМЪ ЖАНРѢ.

«*וּתְרַבּ וּתְלֻרָבּ*». *Знакомая картина. Очерки еврейской жизни.*
Соч. Л. Перца. Варшава, 1890.

Передъ нами новыя три новеллы одного изъ болѣе талантливыхъ жаргонныхъ писателей, г. Л. Перца. Читателямъ «Восхода» ния этого автора знакомо по двумъ его новелламъ, напечатаннымъ въ переводѣ нѣкоторое время назадъ въ «Недѣльной Хроникѣ»: «Венера и Суламита» и «Хельскій меланедъ». Среди молодыхъ писателей на жаргонѣ г. Л. Перецъ занимаетъ не достоинству выдающееся мѣсто. Онъ сравнительно недавно выступилъ на литературное поприще, написалъ пока немного, но уже теперь можно принять за ния несомнѣнное дарованіе, — и дарованіе очень симпатичное. Въ русской молодой литературѣ г. Перецъ нияетъ своего двойника въ лицѣ г. Антона Чехова, также отчасти знакомаго нашимъ читателямъ по напечатанному въ одной изъ книжекъ «Восхода» за прошлый годъ разбору нѣсколькихъ произведеній этого автора изъ еврейскаго быта. Крои общности форм, г. Перецъ нияетъ еще то сходство съ г. Чеховицъ, что, какъ у того, такъ и у другого, читателя сразу подкупаютъ теплота, задушевность и искренность, которыми отличаются большинство ихъ произведеній. Форма же, сама по себѣ въ русской литературѣ давно уже не составляющая ничего новаго, въ литературѣ жаргонной, напротивъ, нияетъ еще всю прелесть и обаяніе новизны, составляетъ нѣчто вполнѣ оригинальное и нияетъ съ тѣмъ въ высшей степени симпатичное. Сжатость, краткость и строгая выдержанность произведенія — вотъ отличительная черта г. Перца. Его новеллу любой еврейскій читатель легко закончитъ и безъ труда перескажетъ другому, не только благодаря ея краткости, но и потому еще, что тотъ произведенія именно тотъ, какой болѣе всего подходитъ къ подобнымъ новѣстованиямъ. Г. Перецъ пи-

шесть свои маленькіе рассказы именно такъ, какъ ихъ передавала бы изустно наша «Alt'Babele», сидя въ своемъ старомъ, глубокомъ креслѣ, окруженная внуками и правнуками. Этотъ же тонъ дѣйствуетъ такъ сильно на читателя и въ рассказахъ К. Э. Францова, и въ лучшихъ новеллахъ Захеръ-Мазога.

Недавно одинъ очень претенціозный жаргонный писатель порицалъ автора настоящей замѣтки за сочувственный отзывъ о произведеніяхъ г. Перера, говоря, что у этого новеллиста «только и есть хорошаго что форма, содержанія же нѣтъ никакого». А вѣдь легко сказать — форма: въ жаргонномъ произведеніи форма хороша! Будто это одно не есть уже заслуга? Писать красиво, сжато и выразительно на нарѣчьи, въ которомъ отсутствуютъ всякія синтаксическая дисциплина, гдѣ существуетъ чуть-ли не столько же «наверъ» и «жанровъ», сколько насчитывается «писателей», и гдѣ единственною критической мѣркой для опредѣленія достоинствъ произведенія можетъ служить только его смелость и выразительность, — чего же еще можно требовать отъ писателя, къ тому же писателя молодого, сравнительно недавно только выступившаго на литературное поприще? Но упомянутый жаргонистъ вообще не правъ: въ произведеніяхъ разбрасаннаго автора не только одна форма хороша, но и содержаніе *очесда* бываетъ болѣе или менѣе симпатичное, какъ, напр., въ трехъ новикъ его очеркахъ: «Посмыльнѣ» (פּוֹסְמִיִלְנֵי וְחִי), «Что такое дума?» (זְתִימָה אֵיךְ צִמְחַת דְּמַחַת) и «Юродивнѣ» (יְרוּדִיבֵי וְזִיזִיזִיזִי וְחִ).

Особенно удаченъ очеркъ, въ которомъ описывается 70-ти-лѣтній старикъ-еврей изъ кантонистовъ, зарабатывающій свой нищенскій хлѣбъ въ качествѣ посмыльнаго у иѣстныхъ кунцовъ и погѣмщиковъ. Прочтите этотъ очеркъ. Какая масса истиннаго, глубокаго трагичнаго винета и одиночества на разстояніи какихъ нибудь 16-ти страничекъ малаго формата и крупнаго, разговнистаго набора!

«Онъ идетъ, а вѣтеръ развѣваетъ паша его кафтала и совершенно блѣду бероду.

«Часто хватается онъ рукой за лѣвый бокъ: каждый разъ онъ чувствуетъ какъ его что-то тамъ колбеть, но онъ не хочетъ самому себѣ сознаваться въ этомъ: — нѣтъ, это онъ, видите-ли, накунываетъ только своей боковой карманъ:

— «Не потерять бы мнѣ только, уяска Госноде, контрактъ и деньги», — вотъ о чемъ, дескать, онъ беспокоится.

«Ну, а если и колбеть, такъ тоже не бѣда!»...

Ну, так, уже перевалило за 70, и кафтанъ его довольно обветшалъ, и обувь истрепалась, а на дворѣ морозъ и снѣгъ, и дорога ему предстоитъ не близкая — дѣлать 14 верстъ, но... о чемъ тужить: «Другой въ мои годы,—разсуждаетъ старый Шиарье,—и версты, поди, не пройдетъ нишкомъ, а я, хвала Господу, не нуждаюсь еще въ чужой помощи, самъ зарабатываю себѣ свой хлѣбъ... Слава Богу, нѣтъ и деньги добѣрять. Игивъ я, какъ собственность, то, что нѣтъ добѣрять, я бы, конечно, теперь, въ 70 лѣтъ, не сстоялъ бы на посылающъ; но если такъ угодно Господу Богу, то и это хороше»...

Какъ это просто, естественно и, вѣстѣ съ тѣмъ, сколько сердечной теплоты и трогательной задушевности въ этихъ немногихъ, но мастерски набросанныхъ чертахъ живого, типическаго образа! Биографія героя кратка и очень безотрадна.

Старый Шиарье былъ кантонистомъ. Онъ съ любовью воспоминаетъ рогатого «дядьку», суроваго пастуха этихъ невинныхъ божьихъ овецекъ, согнанныхъ съ равныхъ кондовъ въ одно стадо. Этотъ угрюмый «дядька» представляется старому кантонисту вовсе не въ видѣ кровожаднаго волка, какихъ бывали въ свое время многіе изъ этихъ «дядекъ», а именно въ роли добраго, сердобольнаго пастуха. Служилъ затѣмъ Шиарье ночнымъ «отряжонъ» (сторожемъ) при «воззупницѣ» (акцизѣ) и имѣлъ уже тогда жену и четверыхъ дѣтей. Жена его, Ширинца... ахъ, что за доброе сердце было у этой женщины и что за ужасный языкъ! У нея не было иныхъ словъ, кромѣ ругательства, и какихъ ругательства! Все бывало кричить: «Разводъ! Дай мнѣ разводъ!»

— «Однажды, зимаю,—вспоминаетъ онъ,—возвращаюсь я на рассвѣтѣ домой съ ночного обхода, усталый, озябшій, и стучусь въ дверь.

— «Провались ты сквозь землю! — раздается въ отвѣтъ голосъ моей благоверной.

— «Ого,—думаю,—она сердита еще со вчерашняго. Не могу никакъ вспомнить, что такое было вчера, но *что нибудь*, повидимому, было.

— «Прикуси-ка языкъ и открой,—кричу я.

— «Голову я тебѣ раскрою!

— «Впусти!

— «Проваливай!»...

Дѣлать нечего, онъ ушелъ въ молельню и прикурнулъ за печкой. Къ несчастью, никакъ нестерпиво захотѣлось закрыть трубу, и онъ угорѣлъ. Привнесли его домой полуертваго... Ну, и надо было видѣть, что тогда сдѣлалось

съ Шпринца! Говорятъ ей, что опасности нѣтъ, что это пройдетъ... Куда! Она въ обморокъ падаетъ, утонуться готова, только и вѣнитъ: «Мужъ мой! Мужъ мой! Радость моя!»... «Послѣ,—вспоминаетъ онъ,—придя въ себя, я тихонько поднимаю голову и говорю:

— «Шпринцъ, а хочешь разводъ?»

— «Будь ты прок...»—но она не договариваетъ и заливается слезами.

А дѣти—гдѣ они теперь? Разберемся по бѣлу свѣту, каждый въ поискахъ за кускомъ хлѣба... не пишутъ... да и понятно: сами писать не умѣютъ, а черезъ посторонняго—что ужъ это за письмо будетъ... развѣ чужой можетъ понять?.. Вотъ и Шпринца его успокоилась въ могилѣ, и дѣтей онъ не видалъ уже сколько времени... Увидитъ-ли онъ ихъ когда нибудь?

Когда нибудь... да, онъ ихъ увидѣлъ всѣхъ... Онъ ясно видѣлъ ихъ, говорилъ съ ними, обнималъ, цѣловалъ ихъ—сидя завесенный сѣткою у дороги и засыная вѣчными сномъ въ полуверстѣ отъ того сада, куда онъ носилъ къ помѣщику контракты и деньги...

Остальные два очерка въ общемъ слабѣе перваго, но и въ нихъ сказались довольно ярко дарованіе автора: тѣ же теплая задумчивость и глубокое чувство гуманности сквозятъ въ каждой строкѣ, оставляя въ читателѣ грустное, но хорошее впечатлѣніе. Особенно трогателенъ типъ «батлона», тридцатилѣтняго полууродиваго, полуфилософа, изъ котораго, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ бы выйти далеко недюжинный человекъ, способный и на трудъ, и на глубокое чувство привязанности, даже самопожертвованія. Самый большой изъ трехъ очерковъ, помѣщенный въ книжкѣ, занимаетъ не болѣе 24-хъ страничекъ, и—повторимъ—это одно уже большое достоинство. Мы могли бы назвать десятки жаргонныхъ сочиненій, и вовсе не изъ самыхъ плохихъ, которыя, будучи не развѣрнуты въ десять и двадцать разъ больше этихъ новеллъ, вѣстѣ съ тѣмъ значительно уступаютъ послѣднимъ въ отношеніи содержанія, выдержанности и цѣльности художественнаго рисунка.

Остается сказать пару словъ о самомъ изданіи. Книжечкой «Знакомыя картины» варшавскій издатель г. Я. Дилезонъ начиняетъ періодическій выпускъ «Еврейской дешевой бібліотеки», цѣль которой—вытѣснить окончательно изъ еврейской массы лубочныя изданія разныхъ варшавскихъ, виленскихъ и бердичовскихъ «фирмъ», донныя еще въ большомъ количествѣ распространены нашими старыми книгошопами. Конечно, какъ покойный «Народный Листокъ» въ свое время, такъ и нынѣ здравствующіе ежегодники «Народная бібліотека» и «Домашній другъ» съ своей стороны

содействовали и содействуют этой же задаче; но сравнительно высокая, для массового читателя, стоимость этих изданий («за одну книгу—1 р. 35 к. и 1 р. 50 коп.) дѣлаетъ ихъ малодоступными для простой публики. «Еврейская же дешевая библиотека» уже по одному своему названію имѣетъ давать своимъ читателямъ рядъ книжекъ вполне ей доступныхъ по цѣнѣ а по содержанию своему, если судить по первому рассмотрѣнному нами выпуску, представляющихъ хорошее, здоровое чтеніе, въ которомъ сочетались два лучшихъ элемента литературнаго творчества: пріятное съ полезнымъ.

С. Г.

Populär-wissenschaftliche Vorträge von Dr. M. H. Fridländer, Bezirks-Rabbiner in Pisek, Brünn, 1889. 54 Ss. in 16° (Популярно-научныя статьи д-ра М. Г. Фридлендера, окружнаго раввина въ Пизекѣ).

Г. Фридлендеръ, занимающій мѣсто раввина въ одной изъ общинъ Моравіи, издавна посвящаетъ свои досуги составленію легкихъ очерковъ по еврейской исторіи и литературѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы рецензировали одинъ выпускъ его «Историческихъ картинъ» («Geschichtsbilder»), содержащихъ краткія жизнеописанія еврейскихъ историческихъ дѣятелей среднихъ вѣковъ¹. Въ рассматриваемой теперь книжкѣ исторія переиѣшана съ публицистикой. Авторъ проiakнуть патриотической тенденціей: своими популярно-историческими очерками онъ надѣется одновременно побѣдить и антисемитизмъ, т. е. ненависть къ евреямъ извѣтъ, и равнодушіе къ еврейской религіи и исторіи, заимчивое въ различныхъ слояхъ внутри еврейства (предисловіе).

Первый очеркъ («Die Talmudverfolgungen») повѣствуетъ въ хронологическомъ порядкѣ о преслѣдованіяхъ протавъ Талмуда въ среднихъ вѣкахъ. Авторъ начинается съ публичнаго сожженія Талмуда въ Парижѣ въ 1244 г. и кончаетъ ожесточенной анти-талмудической проповѣдью Эйзенштейнера (въ 1711 г.). Содержаніе очерка представляетъ собою повтореніе общезвѣстныхъ фактовъ, изложеніе—поверхностное съ дидактическимъ оттѣнкомъ. Во второй статейкѣ г. Фридлендеръ разсуждаетъ о необходимости усилить и упорядочить религиозное образованіе современнаго еврейскаго юношества. Третья статья, озаглавленная «*Последній пред-*

¹ См. «Библиографія» въ «Восходѣ» 1887 г., кн. 2.

ставитель испанскихъ поэтовъ XVI в.), заключаетъ въ себѣ краткое описаніе жизни и произведеній палестинскаго поэта Израиля Нагары прославившагося своими прекрасными религиозными пѣснями, напечатанными въ известной книгѣ «Semiroth Israel». Г. Фридендеръ еще лѣтъ тридцать тому назадъ отыскалъ въ архивѣ и обнаружилъ рукопись, составляющую вторую часть этой книги. Это специальное законство съ предметомъ вовсе не сказывается, однако, въ биографическомъ очеркѣ Нагары, написанномъ тѣмъ же г. Фридендеромъ: кромѣ ходячихъ извѣстій и давно извѣстныхъ скудныхъ фактовъ въ немъ ничего нѣтъ. Болѣе оригинальна послѣдняя помѣщенная въ книжкѣ статья подъ заглавіемъ «*Къ исторіи моравскаго ландраввина*», гдѣ разсказывается недавняя исторія объ агитаціи, вызванной пятилѣтнимъ пребываніемъ въ Никольсбургѣ, въ должности моравскаго верховнаго раввина, извѣстнаго Самсона-Рафаеля Гирша, столпа еврейскаго консерватизма (1846—1851 г.). Гиршъ нѣгль въ Моравіи массу и сторонниковъ, и противниковъ; но когда онъ въ 1851 г. покидалъ Моравію, чтобы принять званіе раввина во Франкфуртѣ, синнатинъ большинства были на его сторонѣ. Отъѣздъ Гирша вызвалъ въ общинной жизни моравскихъ евреевъ нѣкоторыя существенныя перемѣны, которыя авторъ обстоятельно описываетъ, но которыя для насъ представляютъ мало интереса.

Книжку г. Фридендера можно назвать только «литературной полезностью». На болѣе почетный титулъ она не имѣетъ права.

русъ языкъ: *Свергнутыя Письма. Десять писемъ объ иудаизмѣ Самсона-Рафаеля Гирша. Переведены на древне-еврейскій языкъ М. С. Арономомъ. Вильна, 1890 (244 стр. in 8°).*

Въ 1836 году въ Германіи появилась замѣчательная книга подъ заглавіемъ «Десять писемъ объ иудействѣ», авторъ которой скрылъ свое имя подъ псевдонимомъ *Бенъ-Узіелъ*. Въ ней неизвѣстный авторъ осмѣлился выступить противъ господствовавшаго тогда стремленія къ реформѣ иудаизма и развить свои особенныя взгляды на религиозную миссію еврейства, — взгляды совершенно консервативныя, хотя и чуждые фанатизма. Книга была написана въ фюртѣ писемъ къ другу, горячо, краснорѣчиво и умно — и сразу обратила на себя вниманіе. Даже вожди реформы, въ родѣ Гейгера и Штерна, должны были отдать справедливость глубокомыслию ея автора. Грець упоминаетъ о ней въ XI томѣ своей «Исторіи» и говорить: «Десять писемъ объ иудействѣ» Бенъ-Узіелъ, одного изъ учениковъ

Вернаяса (1836), были первыми голосомъ энергической реакціи противъ обращенія іудейства въ обыденную религію, которая должна была состоять изъ проповѣди, нѣмецкихъ гимновъ и конфирмаціи, которая, однимъ словомъ, намѣревалась ограничить свою сущность четырьмя стѣнами синагоги» (рус. перев., стр. 419). Впослѣдствіи обнаружилось, что авторъ «Писемъ» былъ франкфуртскій раввинъ *Самсонъ-Рафаель Гиршъ*, сдѣлавшійся вскорѣ (въ 1850-хъ годахъ) вождемъ консервативной партіи въ нѣмецкомъ еврействѣ. Вотъ эту-то книгу перевелъ нынѣ на древне-еврейскій языкъ одинъ изъ поклонниковъ Гирша, нѣкто М. С. Аронсонъ изъ Ковна, усердно рекомендующій ее вниманію русско-еврейской публики.

Рафаель Гиршъ стоитъ всецѣло на почвѣ строгаго раввинизма; но ему не чужды и современные взгляды на роль іудаизма въ исторіи. Эти-то взгляды онъ утилизируетъ для своей консервативной цѣли. Его основное положеніе таково: еврейская религія сама по себѣ проста, возвышенна, способна облагораживать человѣчскій духъ своими чистыми заповѣдями, своей проповѣдью воздержанія и презрѣнія къ физическимъ наслажденіямъ; съ другой стороны, іудаизмъ историческій, со всѣми его наслоеніями, съ Талмудомъ, «Шулханъ-Орухомъ» и безконечной обрядностью, фактически сохранилъ еврейскій народъ въ теченіе двухъ тысячелѣтій; стало быть, онъ, этотъ именно историческій іудаизмъ, намъ нуженъ и какъ религія, и какъ національный цементъ. Гиршъ самъ признаетъ, что многія обрядности отжили свой вѣкъ и даже теперь могутъ казаться смѣшными своей мелочностью; но онъ все-таки признаетъ невозможнымъ упразднить ихъ, ибо видятъ въ нихъ только отдаленныя отрасли великаго ствола іудаизма. Въ своихъ «Письмахъ» онъ, однако, ограничился только доказательствомъ разумности и цѣлесообразности религіи Моисеевой; что же касается средне-вѣкового раввинизма, то Гиршъ обѣщаль доказать его необходимость для евреевъ во второй части своихъ «Писемъ». Къ сожалѣнію, благочестивый раввинъ не исполнилъ своего обѣщанія. Книга его появилась въ 1836 г., а онъ послѣ этого прожилъ цѣлыхъ 53 года (онъ умеръ недавно, въ 1889 г.)—и за все это время онъ не собрался написать свою апологію чистаго раввинизма. Нальзя-ли отсюда заключить, что такая задача оказалась ему не по силамъ? Да и не мудрено. Нетрудно доказать великое значеніе, разумность и возвышенность библейскаго іудаизма; но доказать разумность и возвышенность «Шулханъ-Оруха»—это уже черезчуръ рискованное предпріятіе для серьезно-мыслящихъ людей. А раввинъ Гиршъ, надо отдать ему справедливость, былъ именно серьезно-мыслящимъ чело-

вѣкомъ; только съ серьезнымъ мышленіемъ въ негѣ соединялась и горячая, бессознательная вѣра. Отсюда—его консервативныя наклонности.

Г. Аронсонъ очень тщательно перевелъ «Писма» Гарша на чистый еврейскій языкъ, предпослалъ имъ подробную біографію автора и напечаталъ параллельно съ еврейскимъ переводомъ и нѣмецкій текстъ книги, только еврейскими литерами. Во главѣ книги «красуется» отзывъ маститаго ковенскаго раввина рабби Ицхокъ-Элхонова Спектора, признающаго распространеніе «Писемъ» Гарша среди русскихъ евреевъ дѣломъ весьма полезнымъ. Самъ переводчикъ въ своемъ предисловіи выражаетъ надежду, что книга нѣмецкаго консервативнаго раввина возвратитъ на путь истины многихъ «заблудшихъ». Qui vivit—viget...

С. М.

МАТЕРИАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ.

ЖУРНАЛЪ «ВОСХОДЪ» за 1890 г.

Въ 1890-мъ году экземпляры „Восхода“ распредѣлялись слѣдующимъ образомъ по мѣсту подписки:

I. Въ губерніяхъ:

экз.		экз.		экз.	
1	Херсонская . 296	29	Самарская . . 12	56	Тульская . . 3
2	Екатериносл. 260	30	Лublinская . . 12	57	Вятская . . . 3
3	Кіевская . . 250	31	Терская . . . 12	58	Семирѣченск. 3
4	Таврическая. 170	32	Батумская . . 12	59	Обл. Войска
5	Петербургская 159	33	Воронежская. 12		Донского . . 3
6	Подольская . 150	34	Орловская . . 9	60	Ставропольск. 3
7	Московская . 140	35	Пермская . . . 9	61	Кутанская . . 3
8	Бессарабск. . 100	36	Тамбовская . . 9	62	Владимірск. . 2
9	Волынская . . 100	37	Курская . . . 8	63	Якутская . . . 2
10	Полтавская . 95	38	Петрововская. 8	64	Радомская . . 2
11	Минская . . . 95	39	Саратовская . 8	65	Пензенская . . 2
12	Виленская . . 93	40	Тверская . . . 8	66	Костромская . 2
13	Ковенская . . 80	41	Казанская . . 8	67	Ярославская . 2
14	Гродненская . 80	42	Бакинская . . 8	68	Калужская . . 1
15	Могилевская. 60	43	Ложинская . . 7	69	Сибирская . . 1
16	Харьковская. 55	44	Астраханск. . 7	70	Приморская . 1
17	Витебская . . 55	45	Новгородск. . 7	71	Эриванская . . 1
18	Черниговская. 54	46	Оренбургская. 7	72	Ферганская . . 1
19	Варшавская . 50	47	Нижегородск. 7	73	Акмолинская. . 1
20	Кубанская . . 30	48	Сѣдлецкая . . 5	74	Калишская . . 1
21	Забайкальск. 20	49	Енисейская . . 5	75	Елисаветин . . 1
22	Иркутская . . 20	50	Тобольская . . 4	76	Уральск.Обл. 1
23	Лифляндская. 20	51	Псковская . . 4	77	Семинал.Обл. 1
24	Томская . . . 20	52	Сырѣ - Дарь-	78	Архангельск. 1
25	Сувальская . 15		инская 4		
26	Смоленская . 13	53	Рязанская . . 4		
27	Тифлисская . 13	54	Плоцкая . . . 4		
28	Курляндская. 12	55	Уфимская . . . 3		

2749

II. За границей 37

Всего экз. 2786

С. А. Вейтманъ.

Секретарь редакціи.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

I. ПОДЪ ГНЕТОМЪ ВРЕМЕНИ. Хроника XIII вѣка о лангедокскихъ еретикахъ, извлеченная изъ архивовъ Книжныхъ Червякомъ. (Окончаніе). Н. А. Рубакина	3
II. ИСУСЪ НАВИНЪ. Разсказъ изъ библейской эпохи. Георга Эберса. (Окончаніе). Перев. С. О. Днѣпровскаго.	25
III. ИЗЪ ХРОНИКИ МЪСТЕЧКА ЧЕРАШНИ. (Окончаніе). Б. Фербера.	85
IV. ИСТОРИЯ ХАСИДСКАГО РАСКОЛА. На основаніи первоначальныхъ источниковъ, печатныхъ и рукописныхъ. (Продолженіе). С. М. Дубнова.	125
V. ВЪ ДУХЪ ВРЕМЕНИ. Романъ. (Окончаніе). Б. Ротманна.	146
VI. ГРЕЗЫ. Стихотвореніе. С. Г. Фруга	204

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

VII. ПИСЬМА ИЗЪ ГАЛИЦИИ. Письмо пятое. <i>Veritas</i>	1
VIII. ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ: ВѢЧНЫЕ И ЭФЕМЕРНЫЕ ИДЕАЛЫ ЕВРЕЙСТВА. 1) <i>La Gerbe. Etudes, souvenirs, lettres, pensées, publiés à l'occasion du cinquantiennaire du rescueil hebdomadaire «Les Archives Israélites»</i> . Paris, 1890. VP+70 pp. in 4° («Снопъ». Этюды, воспоминанія, письма и мысли. Издаю по случаю 50-ти-лѣтія еженедѣльнаго журнала «Еврейскій Архивъ», въ Парижѣ»). 2) <i>עליון</i> Улей. <i>Литературный сборникъ</i> . Одесса, 1890 (112 стр. in 8°). Критикуса.	15
IX. БИБЛОГРАФІЯ:	
1) ВЪ НОВОМЪ ЖАНРѢ. «עולם וצורה». <i>Знакомія картины. Очерки еврейской жизни</i> . Соч. Д. Переса. Варшава, 1890. С. Г.	25
2) <i>Populär-wissenschaftliche Vorträge von Dr. M. H. Fridländer, Bezirks-Rabbiner in Pisek. Brünn, 1889. 54 Ss. in 16°</i> (Популярно-научныя статьи д-ра М. Г. Фридлендера, окружного раввина въ Пизекѣ). С. М.	29
3) <i>עליון</i> : <i>Свершныя Письма. Девятнадцать писемъ объ иудаизмѣ Самсона-Рафаеля Гирша</i> . Переведены на древне-еврейскій языкъ М. С. Арономомъ. Вильна, 1890 (244 стр. in 8°). С. М.	30
X. МАТЕРІАЛЫ ЖУРНАЛЬНОЙ СТАТИСТИКИ ЗА 1890 г.	34

15
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75
76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88
89
90
91
92
93
94
95
96
97
98
99
100
101
102
103
104
105
106
107
108
109
110
111
112
113
114
115
116
117
118
119
120
121
122
123
124
125
126
127
128
129
130
131
132
133
134
135
136
137
138
139
140
141
142
143
144
145
146
147
148
149
150
151
152
153
154
155
156
157
158
159
160
161
162
163
164
165
166
167
168
169
170
171
172
173
174
175
176
177
178
179
180
181
182
183
184
185
186
187
188
189
190
191
192
193
194
195
196
197
198
199
200
201
202
203
204
205
206
207
208
209
210
211
212
213
214
215
216
217
218
219
220
221
222
223
224
225
226
227
228
229
230
231
232
233
234
235
236
237
238
239
240
241
242
243
244
245
246
247
248
249
250
251
252
253
254
255
256
257
258
259
260
261
262
263
264
265
266
267
268
269
270
271
272
273
274
275
276
277
278
279
280
281
282
283
284
285
286
287
288
289
290
291
292
293
294
295
296
297
298
299
300
301
302
303
304
305
306
307
308
309
310
311
312
313
314
315
316
317
318
319
320
321
322
323
324
325
326
327
328
329
330
331
332
333
334
335
336
337
338
339
340
341
342
343
344
345
346
347
348
349
350
351
352
353
354
355
356
357
358
359
360
361
362
363
364
365
366
367
368
369
370
371
372
373
374
375
376
377
378
379
380
381
382
383
384
385
386
387
388
389
390
391
392
393
394
395
396
397
398
399
400
401
402
403
404
405
406
407
408
409
410
411
412
413
414
415
416
417
418
419
420
421
422
423
424
425
426
427
428
429
430
431
432
433
434
435
436
437
438
439
440
441
442
443
444
445
446
447
448
449
450
451
452
453
454
455
456
457
458
459
460
461
462
463
464
465
466
467
468
469
470
471
472
473
474
475
476
477
478
479
480
481
482
483
484
485
486
487
488
489
490
491
492
493
494
495
496
497
498
499
500
501
502
503
504
505
506
507
508
509
510
511
512
513
514
515
516
517
518
519
520
521
522
523
524
525
526
527
528
529
530
531
532
533
534
535
536
537
538
539
540
541
542
543
544
545
546
547
548
549
550
551
552
553
554
555
556
557
558
559
560
561
562
563
564
565
566
567
568
569
570
571
572
573
574
575
576
577
578
579
580
581
582
583
584
585
586
587
588
589
590
591
592
593
594
595
596
597
598
599
600
601
602
603
604
605
606
607
608
609
610
611
612
613
614
615
616
617
618
619
620
621
622
623
624
625
626
627
628
629
630
631
632
633
634
635
636
637
638
639
640
641
642
643
644
645
646
647
648
649
650
651
652
653
654
655
656
657
658
659
660
661
662
663
664
665
666
667
668
669
670
671
672
673
674
675
676
677
678
679
680
681
682
683
684
685
686
687
688
689
690
691
692
693
694
695
696
697
698
699
700
701
702
703
704
705
706
707
708
709
710
711
712
713
714
715
716
717
718
719
720
721
722
723
724
725
726
727
728
729
730
731
732
733
734
735
736
737
738
739
740
741
742
743
744
745
746
747
748
749
750
751
752
753
754
755
756
757
758
759
760
761
762
763
764
765
766
767
768
769
770
771
772
773
774
775
776
777
778
779
780
781
782
783
784
785
786
787
788
789
790
791
792
793
794
795
796
797
798
799
800
801
802
803
804
805
806
807
808
809
810
811
812
813
814
815
816
817
818
819
820
821
822
823
824
825
826
827
828
829
830
831
832
833
834
835
836
837
838
839
840
841
842
843
844
845
846
847
848
849
850
851
852
853
854
855
856
857
858
859
860
861
862
863
864
865
866
867
868
869
870
871
872
873
874
875
876
877
878
879
880
881
882
883
884
885
886
887
888
889
890
891
892
893
894
895
896
897
898
899
900
901
902
903
904
905
906
907
908
909
910
911
912
913
914
915
916
917
918
919
920
921
922
923
924
925
926
927
928
929
930
931
932
933
934
935
936
937
938
939
940
941
942
943
944
945
946
947
948
949
950
951
952
953
954
955
956
957
958
959
960
961
962
963
964
965
966
967
968
969
970
971
972
973
974
975
976
977
978
979
980
981
982
983
984
985
986
987
988
989
990
991
992
993
994
995
996
997
998
999
1000

THE BORROWER WILL BE CHARGED
THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION
IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO
THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST
DATE STAMPED BELOW.

CANCELLED
5668056
JUL 27 1984 HI

CANCELLED
NOV 7 1984
6 JUL 8 1984

